АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СБОРНИК МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

XII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1949

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ имени Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СБОРНИК
МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

XII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

Русская понева юго-западных районов РСФСР[1]

Н. П. Гринкова

I. Обзор материала

Русский народный костюм, характеризующийся богатым разнообразием форм и вариантов, в основном представляет два основных типа — северный и южный. В данной работе нас интересует южный тип, одной из характерных особенностей которого является женская поясная одежда „понева". Понева бытовала почти повсеместно в южно-русских районах (области: Тульская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Курская, Воронежская) до сравнительно недавнего времени у представителей старшего поколения.

Понева — исключительно женская одежда, в основе своей представляющая несколько (в разных районах и вариациях 2—3—4—6—8) полотнищ, соединенных между собой, укрепленных у пояса и закрывающих по преимуществу заднюю часть тела. По своему основному характеру эта одежда имеет весьма много аналогий у ряда народов, в частности — у славянских народов; особенно сближается русская понева с украинскими[2] и белорусскими формами, а также с соответствующей одеждой славянских народов Галиции, Карпат[3] и Болгарии.[4]

В данной статье, посвященной анализу этой формы одежды в одном из интереснейших в этнографическом отношении районов, мы не будем останавливаться на генезисе различных типов и вариаций, бытующих в других районах.

В этнографической литературе описание отдельных типов встречаем в ряде работ, посвященных изучению и анализу южно-русского типа костюма. Весь этот литературный материал говорит, с одной стороны,

---

[1] См.: Очерки по истории развития русской одежды. Сов. этнография, 1934, № 1.

[2] D. Zelenin. Russische (ostslavische) Volkskunde. 1927, стр. 207—212.

[3] Ф. К. Волков. Украинский народ в его прошлом и настоящем, т. II, 1916, стр. 572—573.

[4] И. Коевъ. Облѣкло и жилища на старото българско население въ Разградско. Изв. на семинара по славянска филология при унив. Св. Климентъ Охридски, кн. VIII, София, 1942, стр. 70 и сл.; Х. Вакарелски и Д. Ивановъ. Български народни носии сега и в миналото. София, стр. 76 и сл.

об общих характерных признаках, присущих данной форме одежды, а с другой стороны, об огромном количестве разнообразных вариаций.[1]

Среди всех южно-русских районов особый интерес представляет территория Орловской области, где мы видим наличие нескольких разнообразных вариантов в пределах одной области. Здешнюю поневу можно отнести, с одной стороны, к поневе распашной, с другой, — к поневе с прошвой. Но, кроме этих двух основных вариантов, орловская понева знает еще один вариант, не встречающийся в других районах среди русского населения. Речь идет об особой поневе, отличающейся от типичной южно-русской как по покрою и технике тканья, так и по способу ношения. Подобная понева близка по покрою и характеру тканья к украинской плахте и представляет как бы своеобразный вариант последней, резко отличаясь от типичной южно-русской.

Кроме наличия особого своеобразного типа, орловские поневы интересны богатством, необычайной красочностью и своеобразием украшений, в таком многообразии редко где встречающихся в районе распространения этого типа одежды. Украшенные поневы представляют замечательные образцы русского народного искусства, несправедливо забываемые искусствоведами, игнорирующими этот вид русского народного творчества.

Об орловских поневах с указанием на некоторые их варианты имеем сведения в рукописном архиве Географического общества, присланные туда Сполоховым в 1849 г., где в рукописи „Этнографическое описание уездов Трубчевского, Брянского и Карачевского"[2] имеется описание интересующей нас части женского костюма. К работе приложены чертежи и рисунки, характеризующие местную одежду, в частности, изображены женские фигуры в поневах. Особенно интересна для нас фигура 67, на которой изображена женщина в поневе, приближающейся к украинской плахте, и показан способ ее ношения. Однако рукопись говорит обо всех формах поневы очень сжато, не вскрывая того богатства вариаций, которое, повидимому, в 40-х годах XIX века существовало здесь. В частности, вопрос

---

[1] D. Zelenin, указ. соч., Д. К. Зеленин. Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества, вып. I, 1914: IX, Воронежская губ. №№ 4, 19, 21, 27, 33, 52, 55, 63; вып. II: IX, Калужская губ. №№ 30, 31, 41, 46, 47, 51, 54, 60; XIX, Курская губ. № 10; XXVII, Орловская губ. № 18; XXXIII, Рязанская губ. №№ 7, 11, 19, 24; рукописный архив Гос. Географ. общ. по б. Тамбовской губ. и б. Тульской губ; М. Е. Шереметева. Женская одежда в б. Перемышльском уезде Калужской губ. 1929; М. Е. Шереметева. Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины. 1925; Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, ч. I, 1926; Н. И. Лебедева. Материалы по народному костюму Рязанской губ. 1929; Она же. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки; А. Г. Данилин. Крестьянская одежда района „Богословщины". Рязань, 1927; Н. П. Гринкова. Однодворческая одежда в б. Коротоякском уезде Воронежской губ. Изв. Пед. инст. им. Герцена, вып. 1, 1928; Н. П. Гринкова. Женская одежда западной части Калужской губ. Мат. по этнографии, т. III, вып. 1, 1928; Н. П. Гринкова. Женская одежда в бывших однодворческих селах Задонского и Землянского районов Воронежской области. Сов. этнография, 1937, № 1, и др.

[2] Д. К. Зеленин. Описание рукописей Ученого архива Рус. Геогр. общ. вып. II, 1915, стр. 964—966; рукопись в архиве под шифром XXVI, 18.

об орнаментации здешних понев вовсе опущен. Тем не менее это свидетельство, относящееся к середине прошлого столетия, является для нас ценным, так как позволяет говорить о поневе более раннего периода, когда изменение форм старинного народного костюма не подвергалось такому сильному воздействию со стороны городского костюма, как это мы видим в конце XIX, в течение XX столетия, особенно же в советское время.

Кроме Сполохова, орловские поневы описаны Д. О. Святским в 1910 г.,[1] с указанием их типов и некоторыми замечаниями об украшении; однако ни рисунков, ни чертежей к этой работе не приложено. Отсутствие подобного изобразительного материала при детальном описании костюма снижает ценность работы.

Материалы Сполохова и Святского обобщены Д. К. Зелениным,[2] который интерпретирует костюм полесских орловцев, намечает путь его генезиса, но нового материала не сообщает и не дает конкретного воспроизведения как самой поневы, так и ее орнаментации. Позднее некоторые варианты орловских понев были описаны Н. И. Лебедевой,[3] обследовавшей в 1925 и 1926 гг. Брянскую и Калужскую области. В работе Н. И. Лебедевой дано описание костюма северной части б. Орловской губернии, по преимуществу б. Брянского и Трубчевского уездов.

Из приведенных немногочисленных сведений, касающихся интересующих нас материалов, ясно, что детальное описание материалов по поневам б. Орловской губернии представляет интерес.

Нами изучены основные собрания Государственного Музея Этнографии в Ленинграде (ГМЭ) по орловским поневам в количестве 89 экземпляров. Основная часть этого собрания поступила в 1902 и 1903 гг. Материалы, характеризующие народный костюм этих районов РСФСР в более близкое к нам время, не поступали. Поэтому указанные собрания представляют собою единственный наиболее полный источник для характеристики основной части женского народного костюма в южнорусских районах, соприкасающихся с территорией украинской и белорусской. В коллекции представлены поневы из всех уездов б. Орловской губернии, но неравномерно, как это можно видеть из следующих данных:

Болховский у.[4]	2 экз.,
Брянский у.	14 „

---

[1] Крестьянские костюмы в области соприкосновения Орловской, Курской и Черниговской губерний (Севский уезд Орловской губ.). СПб., 1910; оттиск из журнала „Живая Старина“.

[2] Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913, § 67, стр. 168—180.

[3] Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки. Мемуары Этногр. отдела Общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии, вып. 2, 1927, стр. 31—45.

[4] Здесь и в дальнейшем изложении сохраняю географическое деление, имеющееся в научных описях изученных мною коллекций.

Дмитровский у.	13	экз.,
Карачевский у.	2	„
Севский у.	34	„
Трубчевский у.	24	„

По документации Музея, восточные уезды (Мценский, Елецкий, Ливенский, Малоархангельский) в коллекции вовсе не представлены.

Приведенная таблица показывает, что преобладающим является материал по б. Севскому уезду, к которому относится почти половина всего собрания (34 из 89); 55 экземпляров коллекции распределены между остальными пятью уездами, притом далеко неравномерно (ср. хотя бы наличие по 2 экземпляра из б. Болховского и Карачевского уездов).

Рассмотрение географического распространения понев, входящих в состав собрания ГМЭ, показывает, что основная часть собрания характеризует западные районы б. Орловской губернии, а именно: б. уезды Севский и Трубчевский, лежащие на крайнем западе, в районе встречи всех трех народов восточно-славянской группы — русских, украинцев и белоруссов.

Эти данные географического распределения материала делают коллекцию еще более интересной, так как при детальном изучении этого материала в сравнении с украинским и белорусским материалом исследователь может поставить ряд проблем, связанных с этногенезом народов Восточной Европы, с вопросом связи и взаимоотношений русских, украинцев и белоруссов.[1]

Данная коллекция орловских понев является одной из самых богатых и заслуживает детального изучения. В настоящее время подобный материал восстановить почти невозможно. В течение второй половины XIX в. и начала XX в., в период развития капиталистических отношений в деревне, старые формы одежды подвергались изменениям, перестройке в связи с новыми общественными факторами, и старые формы, не поддержанные

---

[1] Для уточнения территориального распределения собранных понев приводим следующую таблицу:

Болховской у. — с. Бельдино (295-33) и с. Парамоново (295-34)

Брянский у. — с. Б. Полпино (337-1, 2, 3, 4), с. Колтово (337-57, 58), с. Пахань (337-61, 62), с. Ивот (1321-53, 54, 55, 56, 57, 58)

Дмитровский у. — с. Столбище (152-26, 27, 28, 29, 30, 31), с. Домаха (152-132), с. Дружно (152-133), с. Горбуново (152-156), д. Вертякина (152-157), с. Лубенск (152-201), с. Фошня (152-214), с. Глоднево (152-265)

Карачевский у. — с. Трыковка (337-128, 129)

Севский у. — с. Хельмечи (337-188, 189), с. Устарь (337-222, 223), с. Невдаль, (337-224, 225), с. Какушкино (337-239, 240, 241, 242, 243, 244, 245), с. Кропотово (153-53, 54, 55, 56, 170), с. Бобрик (153-170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 183), с. Логаревка (153-184, 185, 186), с.ببресток (2012-292, 293, 294, 295), с. Быки (2012-296)

Трубчевский у. — с. Негино (337-215, 216, 218, 219), с. Рябчевск (337-135, 136, 137, 138). с. Гапоново (2012-298), с. Литиж (2012-299, 300, 301), с. Орлия (2012-302, 303, 304, 305), с. Зерново (2012-306), с. Сетное (2012-307, 308, 309, 310, 311), с. Грудское (2012-312), с. Светово (2012-313)

новыми отношениями, более или менее быстро исчезали. В советское время в значительной части районов эти формы одежды сохранялись почти исключительно среди старых женщин, чаще же хранились в сундуках, как реликвии, доставшиеся от прошлого. Нашествие фашистских варваров, спаливших многие тысячи сел и деревень в западных районах РСФСР, уничтожило последние остатки старинной одежды. Эти соображения выдвигают как одну из важных задач систематизированное детальное описание наиболее полных и ценных собраний по истории русской одежды и русского народного искуства.

II. Типы понев

Обратимся к основам классификации, принятой нами при описании данного собрания. Весь материал собрания мы распределим на две основные группы: 1) группу понев, характерных для южно-русских районов, и 2) группу понев, сближающихся с украинской плахтой, хотя и не представляющих с нею полного тождества. Ниже, мы эти две группы для технических удобств условимся именовать: I — южно-русская понева, II — понева-плахта.

Понева и плахта, являясь однородной по своему назначению одеждой, в то же время имеют ряд ярких различий. Выявим основные черты той и другой.

Понева характеризуется следующими признаками:

а) шьется из домашней тонкой шерстяной ткани, в большинстве районов называемой „волосенью“;

б) основная расцветка ткани темносиняя, гораздо реже черная, еще реже красная;

в) ткань не гладкая, а клетчатая; клетки нанесены узкими полосками, составленными из нитей иного цвета, чем основная расцветка ткани (голубые, белые, красные, желтые, зеленые); размер клеток весьма разнообразен на всей территории бытования южно-русского типа костюма; на территории, интересующей нас, известна клетка по преимуществу среднего размера, т. е. 5×7 см; ширина полосок, образующих клетки, около 1 см;

д) прикрепляется при помощи пояса, продетого через специальную запошивку, сделанную в верхнем крае одежды;

е) низ в распашном типе и боковые стороны всегда оторочены тканым цветным поясом, по преимуществу с красной расцветкой в основе;

г) покрой представляет собой в основном три или более полотнища небольшой длины (от пояса до колена или немного ниже); боковые полотнища скреплены с задним.

Плахта, в отличие от поневы, характеризуется следующим:

а) шьется из клетчатой ткани, значительно более плотной, чем южнорусская „волосень“; тканье узорное, с применением нескольких подножек;

б) расцветка полихромная, с преобладанием синего и красного цвета;

г) покрой представляет собой два длинных (1.5 м до 2 м) полотнища, сшитых до половины, а иногда немного более вдоль кромок; другая половина не сшита, образует две свободных полы одежды;

д) прикрепляется с помощью пояса, повязываемого поверх одежды, уложенной на талии; этот пояс никак не скрепляется с одеждой, на которой нет никакого приспособления для вздержки;

е) не имеет по подолу особого пояска, какой наличествует в поневе.

Эти две основных группы в свою очередь неоднородны и распадаются на отдельные типы.

Южно-русская понева представлена в этнографическом материале, характеризующем русское население черноземных районов, тремя типами: 1) распашная понева, 2) понева с прошвой, 3) понева без прошвы, сшитая подобно юбке.

Описываемое нами собрание в своем составе имеет только два первых типа — поневу распашную и поневу с прошвой. Третьего, более позднего типа, мы в данном собрании не имеем, а также не встречали соответствующих указаний и в литературе. Что касается распространения третьего типа, то, насколько об этом можно судить по имеющимся музейным собраниям и существующей литературе, этот тип весьма ограничен территориально, встречаясь по преимуществу на востоке районов распространения южно-русского типа костюма (по преимуществу в Тамбовской и Воронежской областях).

Выявим основные признаки отдельных типов южно-русской поневы.

Первый тип характеризуется следующими признаками: а) понева сшита из трех полотнищ, продольно скрепленных друг с другом различными приемами; б) надевается так, что спереди приходятся расходящиеся полы одежды, оставляя открытой переднюю часть рубахи.

Второй тип характеризуется тем, что, кроме трех основных полотнищ, продольно сшитых, вводится еще четвертое, всегда сделанное из иного материала, чем вся понева, и почти повсеместно называемое „прошвой“; для четвертого полотнища применяется фабричный материал, чаще синяя бумажная материя, тах называемая „китайка“, реже кумач или красный, с цветочными узорами, ситец.

Третий тип характеризуется тем, что имеет в основе не три, а четыре или больше полотнищ, причем среди этих полотнищ нет ни одного из иного материала, как „прошва“ во втором типе, а все полотнища из одинакового материала.

Эти три типа представляют собой в генетическом отношении остатки трех последовательных стадий развития данной формы поясной одежды.

Более ранним является первый тип, представляющий собой скорее род передника,[1] простейшего полотнища, укрепленного у пояса. Второй

[1] Отмечаем, что в ряде исследований подобного рода одежда, хотя и надеваемая сзади или на боках, носит название передника. Ср. например: В. Ф. Миллер. Систематическое описание коллекций Дашковского музея, вып. IV. 1895, стр. 61—62; Max Tilke. Osteuropäische Volkstrachten in Schnitt und Farbe. Berlin, 1925; George Opresku. Peasant art in Roumania. 1929

тип есть дальнейшее развитие первого, когда появляется тенденция дать законченную одежду, со всех сторон охватывающую тело и закрывающую нижнюю одежду. Третий тип — позднейшая ступень, когда понева по сути дела сливается с юбкой, отличаясь от нее только традиционным материалом самой ткани, традиционными украшениями и традиционным способом укрепления одежды на поясе.

Из указанных нами типов поневы в собрании, как отмечено выше, известны лишь первые два типа. Поздний,[1] третий тип не представлен вовсе. Что касается первого и второго типов, то в собрании господствует первый тип — понева распашная. Понева с прошвой представлена незначительным количеством экземпляров. Подобное распределение типов поневы на территории б. Орловской губернии не есть какая-либо случайность, вызванная той или другой тенденцией собирателя. Как музейные, так и литературные данные единодушно говорят о том, что распашная понева имеет почти исключительное распространение на западе южно-русского типа костюма, в то время как понева с прошвой сосредоточена по преимуществу на востоке, где почти совсем неизвестна распашная понева,[2] за исключением нескольких районов Рязанской области.[3]

Первый тип поневы — понева распашная — представляет собой целый ряд вариантов, также говорящих об отражении стадиальных моментов в развитии поясной одежды.

Считая, что понева в своем генезисе могла возникнуть из отдельных простых полотнищ ткани, укреплявшихся у пояса, мы в соответствии с этим и можем установить определенные варианты распашной поневы и шаг за шагом проследить последовательное развитие этой формы одежды, от примитивных ее образцов до более сложных.

В описываемом собрании распашная понева неоднообразна. Анализ ее покроя позволяет нам установить пять вариантов этого типа с несколькими разновидностями. Такого многообразия, в значительной мере дающего последовательные этапы усложнения простейших форм, не приходилось встречать ни в коллекциях, ни в быту ни в одном из районов РСФСР. Это обстоятельство особо повышает ценность данной коллекции по Орловской области.

1 вариант. Понева со вставками на боках в месте соединения боковых полотнищ с задним. Подобная деталь, возможно, говорит о том, что вставки окаймляли три отдельных полотнища, которые затем, в процессе развития данной формы одежды, слились в одно сшитое полотнище, и на месте прежнего их разъединения все-таки осталась узорная

---

[1] Здесь характеристика „поздний“ говорит о стадиальном моменте, а не хронологическом. В рисунках Второва середины XIX в. имеется изображение поневы этого третьего типа, и в то же время в 20-х годах XX в. мы встречали в живом быту поневу первого, более раннего типа.

[2] Кроме ссылки на коллекции ГМЭ, можем отметить по западным районам выше названные работы М. Е. Шереметевой и Н. П. Гринковой по б. Калужской губ.

[3] О распашной рязанской поневе особого типа см. у Куфтина. Указ. соч.

полоса, окаймлявшая их с боков. Наличие узорных вставок в данном варианте подчеркивает разъединение полотнищ, бывшее ранее. Если бы это были украшения, возникшие независимо от развития поневы, то они, по всей вероятности, оказались бы не вшитыми между полотнищами, а, наоборот, нашитыми поверх швов.

Этот вариант имеет две разновидности:

а) вставки идут целиком вдоль швов, соединяющих „полки" (боковые полотнища) с „кульком" — задним полотнищем;[1]

б) вставки („бедро"), расположенные в местах соединения „полок" и „кулька", доверху не дошиты. Эта деталь еще ярче подчеркивает отсутствие тесной связи этих вставок с некогда отдельно существовавшими полотнищами.

2 вариант. Понева без вставок на боках, но со следами этих вставок в виде вышивки.

3 вариант. Понева имеет правый бок, не дошитый до верха полотнища.

4 вариант. Понева имеет одну вставку у правого „ребра" (шва), соединяющего правое боковое полотнище с задним.

Этот четвертый вариант имеет три разновидности:

а) заднее полотнище лежит свободно во всю ширину,

б) заднее полотнище заложено в складку и зашито,

в) заднее полотнище скреплено вверху, но не зашито.

5 вариант. Понева из трех полотнищ, без вставок, ткань имеет особый характер клеток.

Обратимся к детальному рассмотрению указанных пяти вариантов.

Первый вариант распашной поневы как указано выше, представлен двумя разновидностями.

Первая разновидность этого варианта имеет вставку из узорных тканых полос. Полосы обычно шириной около 10 см. Они идут вдоль боковых швов и в верхней части отогнуты на правую сторону на 5—10 см. Концы отогнутых концов окаймлены бахромой, образуемой шерстяными нитями основы, чаще красного или оранжевого цвета. На концах ниток бахромы насажен блестящий рубленный стеклярус. Эти отогнутые и украшенные концы боковых вставок как бы образуют своеобразные украшения, расположенные у пояса (рис. 1).

Самое расположение упомянутых выше узорных тканых полос говорит об особой структуре понев данного типа в прошлом. В настоящем своем виде они представляют обычную распашную поневу, состоящую из трех полотнищ. При ближайшем же рассмотрении четко обнаруживается строение поневы из трех отдельных, когда-то, повидимому, не сшивавшихся лоскутов ткани. Эти отдельные лоскуты имели однородное окаймление с трех сторон, и затем в процессе сшивания их в одно цель-

---

[1] Термины взяты из научных описей коллекций ГМЭ, составленных на основании экспедиционных записей на местах.

ное полотнище, они дали обычную более позднего периода распашную поневу из трех полотнищ (№ 337-4).

Полную аналогию нарисованному нами процессу образования данной поневы можно обнаружить в материалах по мордовской одежде. Так,

Рис. 1. Распашная понева из с. Полпино б. Брянского у. (Из колл. ГМЭ, № 337-4). (Фот. А. А. Гречкина).

в мордовских собраниях прослеживается последовательность развития аналогичной женской поясной одежды, в которой роль указанных полот-

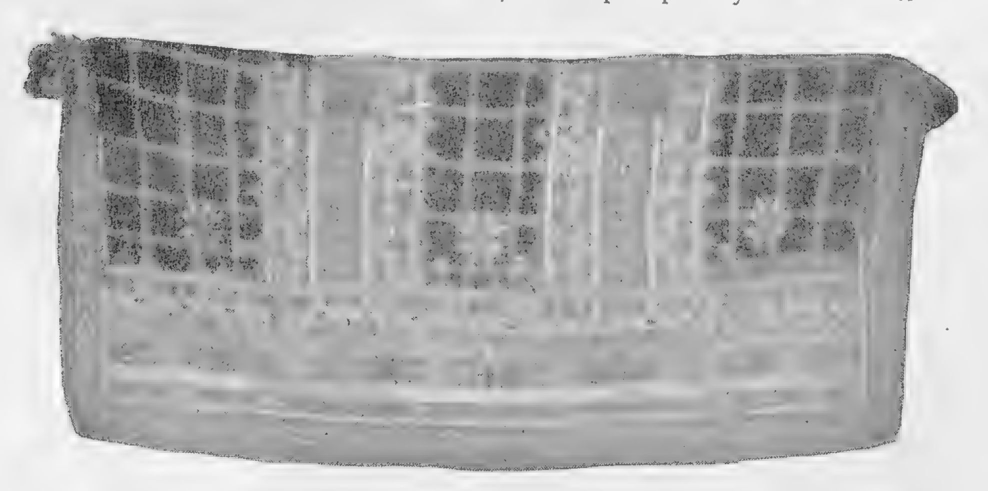

Рис. 2. Распашная понева из с. Ивот б. Брянского у. (Из колл. ГМЭ, № 1321-53). (Фот. А. А. Гречкина)

нищ выполняют полосы белого холста. В коллекциях ГМЭ имеем ряд таких поясных мордовских полотнищ белого холста, которые снабжены специфическими украшениями и носятся только у пояса, затыкаясь за подвязанный тканый пояс. Подобное поясное украшение можно рассматривать как ранний вариант. В коллекциях по мордовской одежде также

видим последующий этап развития этой формы поясной одежды; подвешивают уже не пару полотнищ, а несколько пар, скрепленных друг с другом; в результате получается юбка, как бы сшитая из отдельных узких продольных полос.

В первом описанном варианте из б. Орловской губернии это скрепление дает уже следующий этап — полосы скреплены не в отдельных местах, а сшиты полностью.

Обратимся к описанию понев этого варианта (рис. 2). Понева № 1321-53 сшита из трех полотнищ, между которыми проходит тканая шерстяная полоса. По середине ее идет узор из ромбовидных фигур, вытканных красной шерстью на белом фоне; за этим узором идут полосы зеленого, желтого и черного цвета. В месте скрепления этой полосы и полотнища поневы пришита по наружной стороне узорчатая покупная полоса белого цвета, за ней обметка из разноцветного гаруса (яркосинего, зеленого, розового, красного, желтого цвета); далее узкая узорчатая тесьма оранжевого цвета, полоса узкого позумента с вытканным на нем розеткообразным узором из разноцветной шерсти; далее полоса вышивки в виде ромбов из разноцветной шерсти (красного, белого, зеленого, синего, желтого, розового цвета); далее узкая полоса позумента и, наконец, полоса вышивки крестом, разноцветной шерстью тех же расцветок, в виде выступающих треугольников. Таким образом, все перечисленные украшения представляют собой широкую полосу, расположенную по ту и другую сторону шва. Чередование всех этих разноцветных полос дает в общем необычайно красочную гамму.

В каждом углу, образованном тканой полосой и украшением подола, дано украшение в виде вышитой крестом разноцветной шерстью розетки, на среднем полотнище одна розетка.

Наверху у пояса продольные пояски загнуты и украшены типичной для этого варианта бахромой.

Подол поневы украшен в том же стиле. По самому низу идет такая же тканая узорная полоса; за ней широкая городчатая белая тесьма, далее оранжевая узкая городчатая тесьма, за нею обметка из разноцветной шерсти, далее зеленая узкая городчатая тесьма, широкая полоса серебряного позумента, полоса вышивки крестом разноцветными квадратами, на фоне которых вышиты шерстью крестом розетки другого цвета, далее полоса узорного позумента, окаймленного красной узорчатой тесьмой, на ней обметка в виде квадратов из разноцветной шерсти, украшенная блестками и канителью, далее полоса серебряного узорного позумента, окаймленная городчатой тесьмой; далее полоса вышивки из разноцветной шерсти в виде ромбов, за ней красная городчатая тесьма и полоса золотого позумента; по верхнему краю проходит вышивка, аналогичная вышивке, идущей по краю описанного украшения у продольного пояска.

К данному варианту следует отнести также поневы, зарегистрированные за №№ 1321-56, 337-61, 337-57. Эти поневы имеют указанные выше основные признаки, типичные для данного варианта, отличаясь друг от

друга характером и шириной украшений, расположенных по ту и другую стороны продольной тканой полосы.

По характеру и способу расположения украшений на поневе в данном типе следует выделить поневы № 337-3,-4, имеющие на боковых швах нашивки из кумача, а не из тканой полосы, что, повидимому, следует рассматривать как позднейшую замену старого узорного тканья, — явление, наблюдаемое повсеместно в процессе разрушения старого характера орнаментации в народном костюме (рис. 1).

Кроме указанной детали, в упомянутых поневах есть еще одна своеобразная черта. На этих поневах нашиты на каждом полотнище в углах, образованных кумачным украшением подола и продольной кумачной встав-

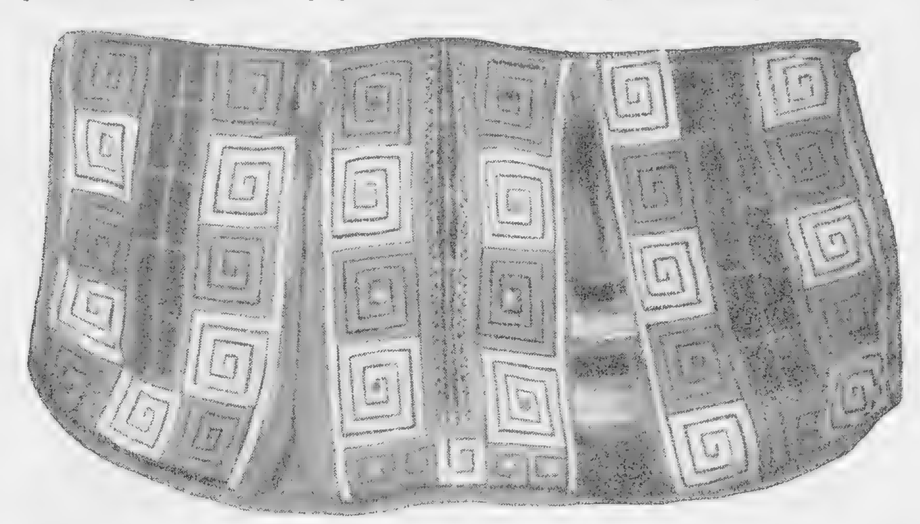

Рис. 3. Распашная понева с „кругами“ из с. Литиж б. Трубчевского у. (Из колл. ГМЭ, № 2012-299).
(Фот. А. А. Гречкина).

кой, еще накладные треугольники из того же кумача. Подобная деталь украшения сближает эти поневы с калужскими поневами.

Вторая разновидность этого варианта весьма близка к описанной разновидности поневы, имеющей на месте тканых полос вшитые полосы кумача; только в поневах данной разновидности вставки более короткие, чем в первой разновидности. Поневы второй разновидности сшиты из трех отдельных полотнищ, соединенных между собою продольными полосами кумача; причем эти полосы наверху не дошиты до краев полотнищ. Полотнища скреплены друг с другом, а верхняя часть кумачной полосы собрана в сборку; таким образом, с каждого бока в месте скрепления полотнищ образуется небольшое отверстие. Этот вариант еще ярче свидетельствует о том, что данная понева есть результат сращения, соединения когда-то отдельно подвешенных к поясу трех кусков ткани (рис. 3).

Примером данного варианта может служит понева № 2012-299; это — понева из с. Литиж Севского уезда, называется по-местному „подгузник“. Состоит, как указано выше, из трех полотнищ клетчатой поневной ткани,

между которыми по бокам вставлены полосы кумача, шириной в 16 см, края и низ поневы обшиты узеньким тканым пояском, шириною в 2 см. Борта поневы, края, примыкающие к полосе кумача, и подол украшены апликацией, представляющей собой чередующиеся красные и белые меандровидные фигуры, по-местному „круги", вырезанные из кумача и белого миткаля, шириной 15 см. В результате подобного расположения украшения незашитой остается сравнительно небольшая полоса собственно поневной ткани — 10 см на каждом из боковых полотнищ, на заднем — 8 см. Заднее полотнище имеет еще дополнительные украшения: по внутреннему краю нашивного вырезного украшения идет полоса металлического кружева; в центре каждой вырезанной фигуры пришит маленький помпон из цветной шерсти (на красной — синий, желтый и белый, на белой — красный и малиновый). Кроме того, на средних фигурах на заднем полотнище нашиты блестки, расходящиеся от помпона лучеобразно в разные стороны, всего 8 рядов.

С правого бока на кумачевой полосе нашиты украшения, расположенные в следующем порядке: внизу яркосинего цвета фабричная бахрома, выше белое машинное кружево, далее кусочек фабричной шерстяной ткани черного цвета, опять белое машинное кружево, полоса черной фабричной бумажной ткани.

В месте скрепления полотнищ, над отверстием, образованным сборками кумачной полосы, пришиты кисти — справа две красных и одна зеленая, слева две красных и одна лиловая; по верхнему собранному краю кумачной полосы нашита фабричная бахрома яркосинего цвета.

К данному варианту следует отнести и поневу № 2012-301 из того же селения, также называемую „подгузник", имеющую те же самые отличительные признаки, но с более простыми украшениями, в частности, нашивные вырезные украшения здесь сведены к узким крючкообразным фигурам, по-местному это украшение называется „крючки".

Второй вариант. Дальнейшим развитием варианта со вставками на боках и украшением в виде бахромы и кистей является вариант понев, в которых три основных полотнища соединены между собой и не имеют в месте скрепления никаких проставок. Здесь уже скрыто когда-то бывшее раздельное существование трех отдельных полотнищ; вся понева представляет собою как бы однотонное полотнище. Намеком на связь данного варианта с описанным выше является наличие вышитой узенькой обметки в месте шва на боках и наличие развитой богатой цветной вышивки на боках на месте кистей и бахромы в разобранных выше вариантах.

Образцом данного варианта может служить понева № 153-54 (рис. 4). Сшита из трех полотнищ; вдоль боковых швов, называемых здесь „ребра", идет обметка разноцветной шерстью (зеленой, красной, синей), чередующимися отрезками в 7 см шириной. Края и подол обшиты узким пояском, шириной в 1.5 см. На среднем полотнище около обметки нашиты украшения, шириной 13 см, длиной 28 см, сделанные из красного кумача и белого миткаля в виде чередующихся прямоугольников, размером 9×12 см; прямоугольники ажурные, внутри их вырезан узор в виде елочки, идущей

по диагонали прямоугольника. С каждого бока расположено по три таких прямоугольника — два красных и один белый; прямоугольники скаймлены узенькой полосой кумача. Подобного рода прямоугольники нашиты и по подолу. На правом и левом полотнищах по два красных и одному белому. На среднем полотнище нашивка расположена с двух сторон: с лицевой в углах по одному белому, с изнанки в углах по одному красному, в середине между ними один красный. Такое своеобразное расположение нашивки на среднем полотнище стоит в связи с особым способом ношения данной поневы, с отгибанием боковых полотнищ, в результате чего поверх рубахи располагается одно заднее полотнище, называемое „кулек".

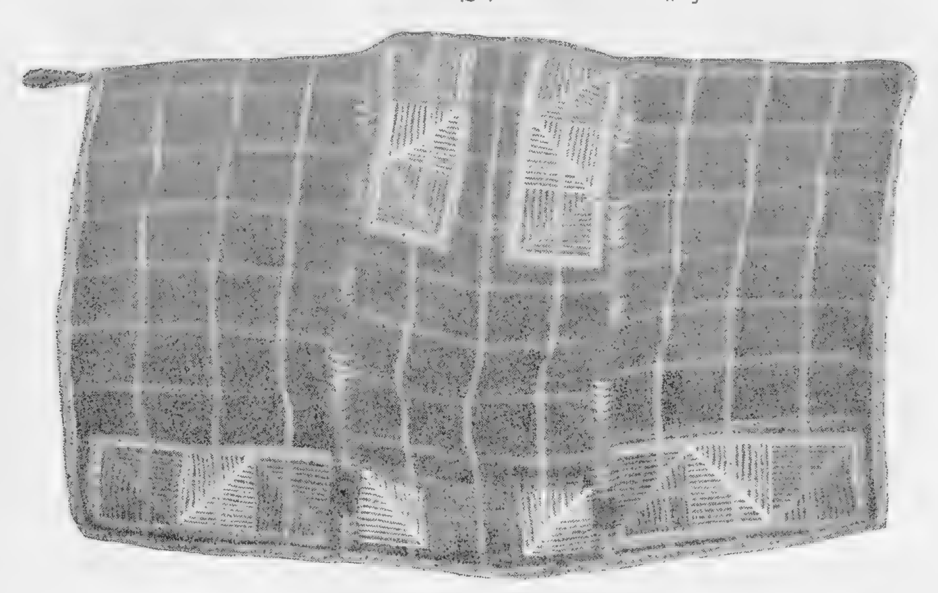

Рис. 4. Распашная понева с „сосенками" из с. Кропотово б. Севского у. (Из колл. ГМЭ, № 153-54).
(Фот. А. А. Гречкина).

Интересной разновидностью данного варианта является понева № 153-56. В основном она сходна с только что описанной. В этой поневе нашивные по бокам прямоугольники дают узор в виде четырехконечных розеток; между прорезами, образующими узор, прошита строчка разноцветной шерстью, в центре розеток пришиты маленькие помпоны с белой пуговкой в середине. Данная понева на среднем полотнище имеет нашивки только на левой стороне. Все эти поневы из с. Кропотова б. Севского уезда.

В поневе № 337-189 (с. Хельмечи б. Севского уезда) вместо вырезных украшений даны украшения, вышитые из разноцветной шерсти. На заднем полотнище вышивка только с левой стороны.

Третий вариант существенно отличается от описанных первых двух. Типичной можно считать поневу № 295-34 из с. Парамонова б. Болховского уезда; носит название „разнополка", „воскресный подносок". Сшита из трех полотнищ. В способе сшивания полотнищ наблюдается любопыт-

ная деталь, а именно — правая пола не дошита доверху на 15 см, в этом месте получается как бы боковая прорешка, около которой на заднем полотнище нашита полоска кумача с украшением из металлического кружева (рис. 5). Левое полотнище дошито доверху, вставки нет никакой. Вдоль левого шва идут два ряда вышивки в виде разноцветных ромбов из шерстяной нитки; между этими двумя рядами вышивки идут полоса позумента и черные шелковые шнурки с нашитыми на них блестками. По обе стороны от вышивки нашиты полосы кумача, на которые нашита зеленая

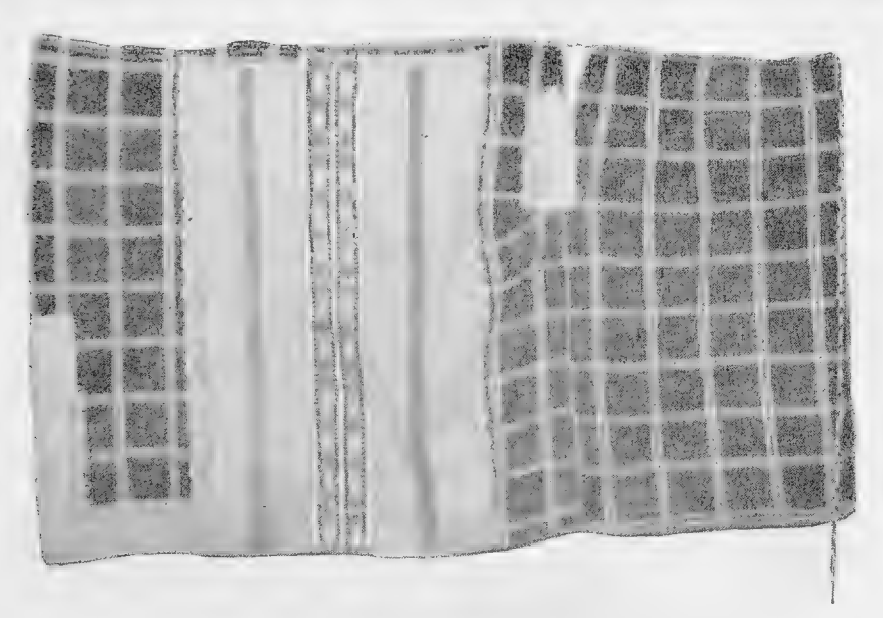

Рис. 5. Распашная понева с верхней прорешкой из с. Парамоново б. Болховского у. (Из колл. ГМЭ, № 295-34).
(Фот. А. А. Гречкина).

шелковая лента, а с краю у кумача пришито металлическое кружево. Подол поневы не имеет никаких поперечно расположенных украшений.

Этот вариант, подобно выше описанным, также указывает на то, что понева в данном районе могла развиться из трех отдельных кусков ткани. Ничем иным нельзя в такой распашной поневе объяснить наличие прорешки у правого полотнища.

Последующим этапом развития только что описанной поневы „разнополки" является понева № 295-33 из с. Бельдино того же уезда.

По всем основным признакам она совпадает с выше описанной „разнополкой", отличаясь от нее только тем, что правое полотнище пришито к заднему наглухо, прорешки не имеется. Полы также разные. Левая имеет вдоль шва украшение в виде полосы вышивки с блестками и полос позумента; по краям от вышивки нашита полоса красного сукна, окаймленная позументом. Правое полотнище имеет аналогичное украшение только с левой стороны, нашитое до $^1/_3$ длины полотнища снизу. Подобная понева носилась с левым отогнутым полотнищем, вследствие чего видной оказывалась левая сторона поневы.

В данной разновидности уже стерты следы более раннего этапа развития поневы, так как вся понева, состоящая из трех полотнищ, представляет собой одно плотно сшитое полотнище.

Четвертый вариант характеризуется наличием вставки с одного бока снизу небольшого куска кумача; эта вставка часто называется „бедро“. Данный вариант представлен в собраниях ГЭМ тремя разновидностями.

Примером может служить понева № 152-156 („добрая“ — праздничная из с. Горбунова Дмитровского уезда). Эта понева сшита из трех полотнищ (рис. 6). Левое полотнище наглухо пришито к заднему, правое же

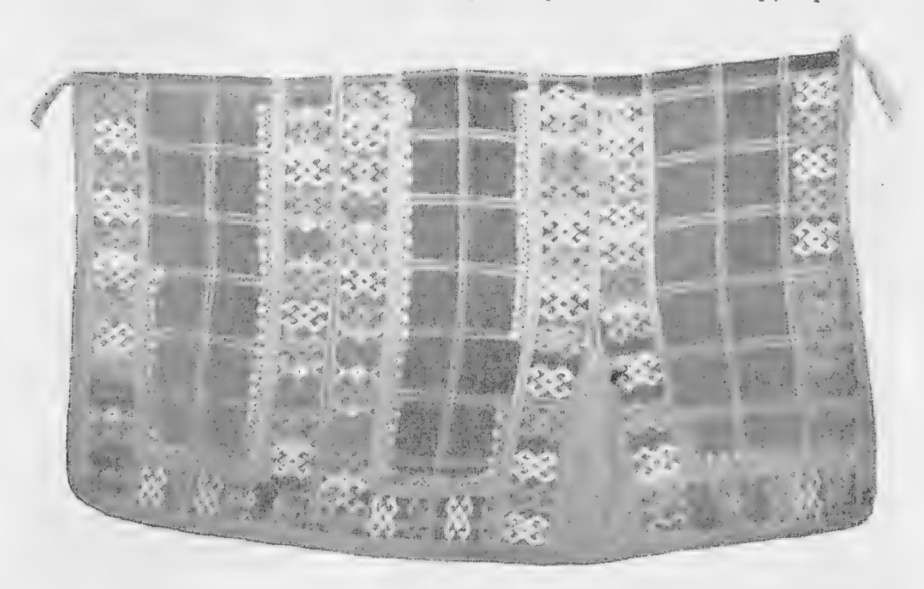

Рис. 6. Распашная понева с нижней прорешкой из с. Горбуново б. Дмитровского у. (Из колл. ГМЭ, № 152-156). (Фот. А. А. Гречкина).

пришито только сверху, нижняя часть, приблизительно на половину полотнища, не сшита. В образовавшуюся прорешку вставлен снизу кусок покупной ткани, в данной поневе — красного ситца с мелким цветочным, черного цвета, узором, в других же поневах этого варианта — исключительно кумач. Эта вставка на „ребре“ из красной покупной ткани вверху, у места сшивания понев не пришита к ним, а собрана в сборку; таким образом получается небольшое треугольное отверстие. По наличию вставного куска иной материи, этот вариант сближается со вторым вариантом, отличаясь от него тем, что там вставки идут с двух сторон, здесь же только у правого шва. Вдоль правого и левого шва идет по две полосы широкой вышивки разноцветной шерстяной нитью (красной, синей, желтой, оранжевой, белой). Орнамент полос — ромбовидные фигуры; общий характер орнаментации геометрический. Края вышитой полосы с внутренней стороны окаймлены золотым кружевом; у левого шва с двух сторон, у правого — одна полоса золотого кружева, расположенная на заднем полотнище. У правого полотнища две паралельные полосы вышивки идут

от верха до конца шва, далее они расходятся по краям поневной ткани, как бы окаймляя вставленную полосу красной фабричной ткани.

По наружным боковым сторонам, по подолу идет один ряд такой же геометрической вышивки разноцветной шерстью с полосой золотого кружева. Все борта поневы окаймлены узким, до 2 см шириной, тканым пояском. На лицевой стороне правого полотнища поневы вышивка расположена несколько своеобразным способом: пять ромбовидных фигур (две красных и три белых) расположены на лицевой стороне ткани, а пять с половиной фигур (три красных, одна малиновая, одна желтая и половина оранжевой) вышиты на изнанке. Такой характер расположения вышивки

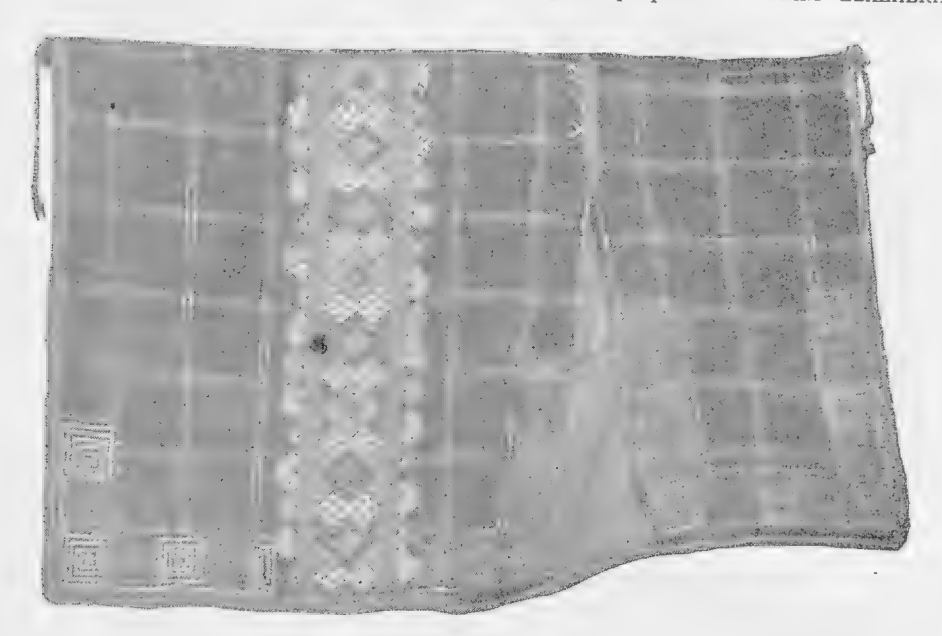

Рис. 7. Распашная понева с загибающимся правым полотнищем из с. Столбище б. Дмитровского у. (Из колл. ГМЭ, № 152-29). (Фот. А. А. Гречкина).

продиктован способом ношения этой поневы с подоткнутой правой полой. В некоторых экземплярах понев имеется для этой цели особое приспособление в виде небольшой подушечки из белого холста для затыкания ее за пояс, для более прочного и устойчивого поддерживания полы в соответствующем положении.

К этому же варианту относятся поневы №№ 152-27, 152-28, 152-29, 152-30, 152-31. В этих поневах варьируется характер орнаментации — вышивка разноцветной шерстяной нитью (как у описанной) в одних, нашивки из ажурной вырезанной красной и белой фабричной ткани в других (например в № 152-30 подобное вырезное украшение, носящее название „лапки") — это „добрые",[1] т. е. праздничные поневы из с. Столбище б. Дмитровского уезда (рис. 7).

[1] Сведения о бытовании нескольких видов понев, в зависимости от их назначения, см. в приведенной выше литературе по южно-русскому женскому костюму.

К данной разновидности теснейшим образом примыкает вторая разновидность четвертого варианта (рис. 8). Это — поневы, в основном сшитые, подобно только описанным, со вставкой куска кумача в ниж-

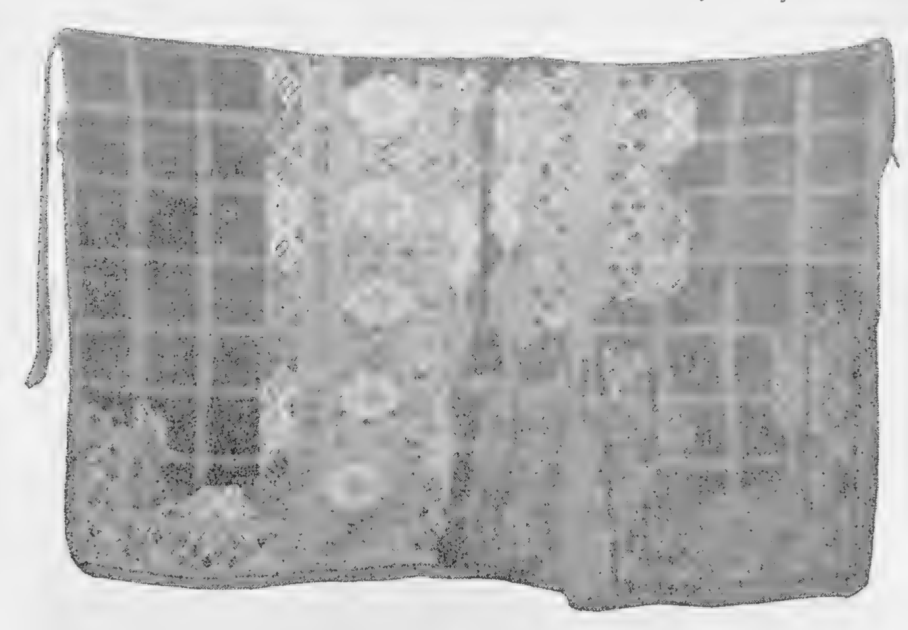

Рис. 8. Распашная понева со складкой на заднем полотнище из с. Глоднево б. Дмитровского у. (Из колл. ГМЭ, № 152-265). (Фот. А. А. Гречкина).

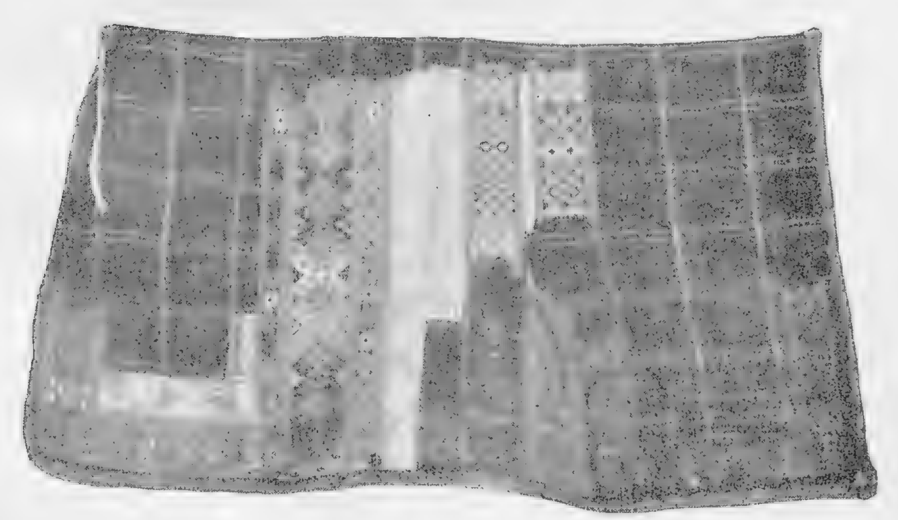

Рис. 9. Распашная понева с зашитым задним полотнищем из с. Лубенск б. Дмитровского у. (Из колл. ГМЭ, № 152-201). (Фот. А. А. Гречкина).

ней части правого шва. Специфическим отличием этой разновидности понев является то, что заднее полотнище у них имеет глубокую внутреннюю складку, и вышивка, расположенная вдоль левого шва, занимает все

пространство заднего полотнища, располагаясь поверх заложенной складки. Эта вышивка доходит до полосы вышивки, расположенной вдоль правого шва, и вместе с ним образует сплошное вышитое пространство назади. Не покрытой вышивкой остается только небольшая часть боковых полотнищ. Вследствие этого общий вид поневы внешне значительно меняется. Носится она также с подоткнутой правой полой, благодаря чему полоса вышивки у правого шва идет не донизу, а приблизительно до половины полотнища, так как нижняя половина правого полотнища при надевании поневы бывает загнута, и видна ее изнанка (№152-265).

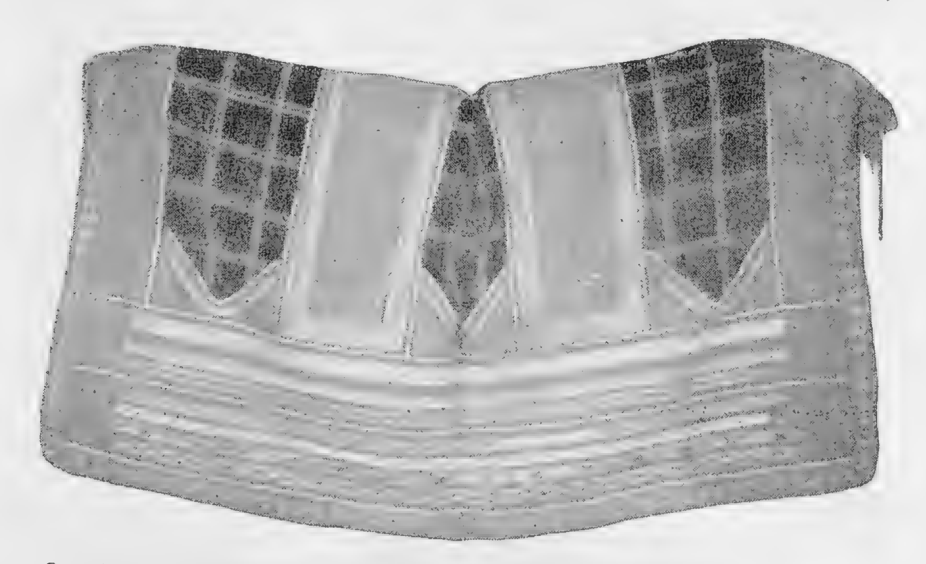

Рис. 10. Распашная понева с кумачными нашивками на продольных швах из с. Пахарь б. Брянского у. (Из колл. ГМЭ, № 1321-55). (Фот. А. А. Гречкина).

К данной разновидности относятся поневы №№ 152-214, 152-265, 152-201 (с. Фошня, Глоднево и Лубенск б. Дмитровского уезда). В последнем экземпляре (рис. 9) на заднем полотнище поверх складки расположена не вышивка, а покупной позумент, закрывающий собою все пространство заложенного в складку заднего полотнища и тесно соприкасающийся с вышивкой, идущей вдоль правого и левого полотнища.

К третьей разновидности понев с зашитым в складку задним полотнищем можно отнести также поневу № 1321-55 — под названием „красная“, т. е. нарядная, праздничная из с. Ивот б. Брянского уезда (рис. 10).

Характерный признак ее составляет скрепление сторон заднего полотнища вверху ниткой, что уменьшает размер поневы у поясной части.

По характеру расположений украшения данная понева сближается с первым, описанным нами, типом, имеющим боковые вставки в виде двух полос между боковыми и задними полотнищами. Отличительной особенностью в характере украшений в данной поневе является нашивка на каждом полотнище по углам треугольных кусков кумача. По характеру

расположения этих треугольников данная понева сближается с калужскими поневами подобного же типа с боковыми проставками между полотнищами.

Пятый вариант имеет существенные отличия (рис. 11). Все описанные поневы распашного типа, имея ряд вариаций, тем не менее сохраняют единый характер и единый стиль в украшениях, в расположении полотнищ, наконец, в расцветке и клетчатом узоре самой ткани, из которой они сшиты. Примером пятого варианта является понева № 337-128 из с. Трыковка б. Карачевского уезда, только одна представляющая в собраниях Музея из данной области пятый вариант. Эта понева прежде

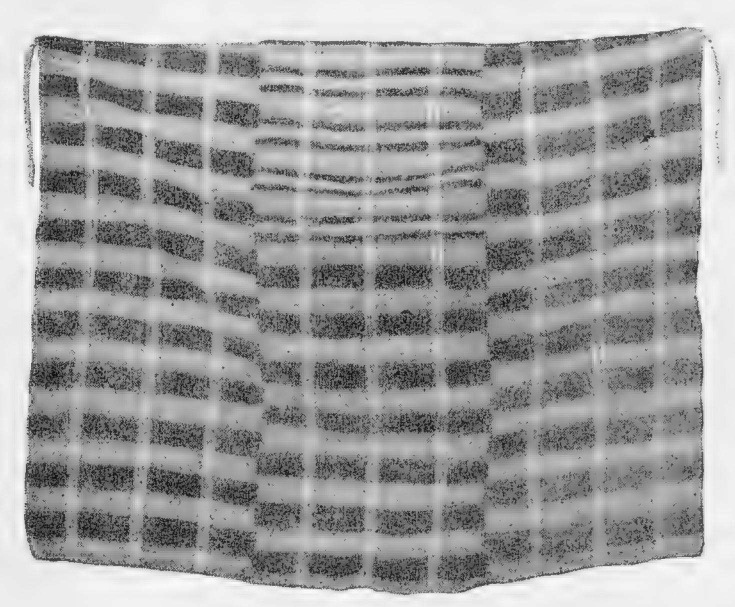

Рис. 11. Понева из ткани со сплющенными клетками из с. Трыковка б. Карачевского у. (Из колл. ГМЭ, № 337-128). (Фот. А. А. Гречкина).

всего выделяется из общей массы характером поневной ткани, из которой она сшита. Ткань — обычная южно-русская поневая „волосень“ темносинего цвета с клетками. Клетки образованы нитями из белой и желтой шерсти, с небольшим окаймлением по 2—3 нитки из белой пряжи. Эта ткань отличается от ткани описанных выше распашных понев тем, что полосы, образующие клетки в данной ткани, различной ширины, в то время, как в типичной южно-русской поневной ткани, поперечные и продольные полосы по ширине своей одинаковы. В данной же ткани продольные полосы узкие, представляющие собой полосу, образованную двумя полосками красного цвета в три нитки, двумя полосками белого цвета в две нитки и одной полоски желтого цвета в три нити; между желтыми и белыми пропущено два ряда по две синих нити. Собственно говоря, эта продольная полоса почти совпадает по ширине и характеру расположения цветных нитей с полосками обычной поневной „волосени“. Что же касается поперечных полос, то они более, чем в два раза шире

продольных и представляют сплошную полосу цветных нитей утка без пропуска между ними синих нитей.

В результате такого расположения поперечных полосок создается впечатление, что клетки ткани не квадратные, как это чаще всего бывает в поневной ткани большинства южно-русских областей, и не удлиненные, как это часто встречается в восточных районах южно-русских областей (ср. восточные районы Воронежской и Тамбовской областей), а имеют ярко выраженную сплюснутую форму, вытянуты в ширину. При этом следует отметить, что такое расположение полос, образующих клетки, имеет место только на боковых полотнищах. Заднее полотнище несколько отличается в этом отношении: в верхней половине заднего полотнища, в промежутках между поперечными широкими полосами дополнительно пропущены еще узкие полосы, по ширине равные продольным. В результате подобного расположения поперечных полос на верхней части заднего полотнища сгущается красно-оранжевая расцветка, и становятся едва заметными узкие синие полоски. На нижней же половине заднего полотнища имеет место ткань, аналогичная боковым полотнищам. Следует отметить, что все эти изменения в характере клеток произведены на одном и том же куске ткани в процессе тканья.

Что касается покроя поневы, то следует сказать, что сшита она из трех полотнищ, причем на швах нет никаких вставок, швы ничем не отмечены — ни украшениями, ни обметками. Нет также нашивных украшений на боковых полотнищах, нет и тканого узорного пояска, идущего вокруг боковых полотнищ и по подолу. Единственным украшением данной поневы следует считать сгущение поперечных полос в верхней части заднего полотнища, полученное в процессе тканья. Но если данная понева не представляет интереса для исследователя характером своих украшений или своим покроем, то она останавливает наше внимание характером своей ткани. Выше мы отмечали, что в южно-русских районах нам не известна поневная ткань со сплющенными, уширенными клетками. В западных районах картина будет иная. Здесь, прежде всего в пределах западных районов бывшей Орловской губернии (б. Севский и Трубчевский уезды), мы видим поневную ткань с аналогичными клетками, где сужение клеток получается от различной ширины продольных и поперечных полос. Подобный характер ткани описан ниже при характеристике поневы-плахты.

Но особенно близка по ткани данная понева к поневам, известным в пределах Смоленской области. Смоленская понева характеризуется почти полным отсутствием нашивных и вышитых украшений, не велика по размерам; ткань, подобно описанной карачевской поневе, имеет сплющенные поперечные клетки. Очевидно, данную карачевскую поневу следует рассматривать, как вариант смоленского типа, получивший распространение на данной территории.[1]

---

[1] Подобные поневы из Смоленской области, слабо представленные в ГМЭ, в большом разнообразии имеются в Смоленском музее. Ср. описание Смоленского Тенишевского музея.

Приведенный материал по одной только Орловской области показывает большое разнообразие покроя и украшения такой простой на первый взгляд одежды, как „понева“.

Второй тип русской поневы представляет понева с прошвой. В коллекциях по Орловской области она представлена весьма бедно, так как в Орловской области, как и во всех остальных западных областях и районах, преобладающей является понева без прошвы, распашная. В отличие от прошвы восточных районов, где прошва в абсолютном большинстве случаев делалась из куска синей ткани, из китайки, без рисунка, поневы Орловской области имеют прошву по преимуществу красного цвета.

Понева № 4844-8 имеет прошву из ситца красного цвета с цветочным узором синего, желтого, зеленого цветов. Эта понева представляет по своему покрою и общему характеру особую группу, резко отличаясь от всех описанных выше понев. Сшита она из трех полотнищ, но швы плотно заделаны, едва заметны, и на них нет никаких нашивок. Наличие прошвы и отсутствие украшений между боковыми полотнищами и передним полотнищем превращают данную поневу как бы в законченную юбку, не сохраняющую никаких намеков на то, что данная понева образовалась из трех отдельных полотнищ, в дальнейшем ходе развития соединенных и образовавших одно целое широкое полотнище.

На поневе № 4844-8 имеется украшение, расположенное только по подолу в виде полосы кумача с нашивками из лент, позумента и городчатой тесьмы. Этими украшениями данная понева сближается скорее с рязанскими, тамбовскими поневами, принадлежащими к восточным типам русской поневы.

Этим мы заканчиваем обзор типичных южно-русских понев в юго-западных районах РСФСР.

Совершенно особую группу понев, как указывалось выше, составляют поневы, по своему покрою и общему характеру более близкие к украинским плахтам, чем к русским поневам выше описанных вариантов.

Прежде всего следует подчеркнуть, что данные поневы сшиты не из трех коротких полотнищ, как все вышеописанные, а из двух длинных. Эти два полотнища сшиты вместе до половины, другая же половина полотнищ не сшита, расходится от шва. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с обычным покроем, типичным для украинской плахты.

Другая сторона, существенно отличающая данную группу понев, это — самая ткань. Выше описанные поневы сшиты из клетчатой редкой темносиней ткани, имеющей довольно крупные клетки. Данная же группа понев также отличается и по ткани от южно-русских; по характеру ткани приближается к украинским, где особые приемы тканья и особый узор составляют отличительные особенности плахт. Общими, характерными для ткани этих понев чертами являются следующие: 1) ткань более плотная, чем южно-русская „волосень“; 2) в самой ткани в процессе тканья образованы узоры, чего никогда не делается на обычной южнорусской поневе; 3) клетки ткани чаще бывают более мелкими, чем в „волосени“. Однако, наряду с этими общими чертами, отличными от

южнорусской поневной ткани, поневная ткань этого типа в отдельных районах имеет свои специфические особенности, к описанию которых вернемся ниже.

Поневы этой группы, известные в б. Орловской губернии, распадаются по характеру своего покроя на два основных типа.

Первый тип составляют поневы, сшитые подобно украинской плахте из двух одинаковых по длине полотнищ, которые дошиты только до половины или немного больше. Длина этих полотнищ до $1-1^1/_2$ м.

Второй тип составляют поневы, у которых два длинных полотнища, сшитых не до конца, имеют разную длину; одно — приблизительно 90 см ($1^1/_4$ арш. по старым записям), другое приблизительно 2 м 31 см ($3^1/_4$ арш. по старым записям).[1]

Первый тип широко представлен в коллекциях ГМЭ и отмечен собирателем этнографического материала в западных районах Орловской области Д. О. Святским, который описывает его как тип, распространенный в юго-западной части Севского уезда[2] и к юго-западу от Севска. Эта понева состоит из двух длинных полотнищ, до середины сшитых. Сшитые полотнища закрывают заднюю часть тела, а два свободных конца заворачиваются наперед и спускаются один на другой. Один из концов заднего сшитого полотнища приподнимается и затыкается на правом боку у поясницы. Таким образом, получается „кулек", известный и у других типов поневы Орловской области (см. ссылки на этот термин выше). В некоторых местах, по указанию Д. О. Святского, этот кулек немного „приглаживается к фигуре, в других же, наоборот, стоит торчком".[3]

Понева не имеет никаких завязок и укрепляется у пояса домотканным или плетеным поясом (рис. 12). По характеру соединения двух сшитых полотнищ поневы данного типа можно разделить в основном на два варианта.

Первый вариант представляют собой поневы, в которых два полотнища соединены без вставки какой-либо ткани между ними, а полотнища соприкасаются непосредственно одно с другим.

Второй вариант представляют поневы, имеющие какую-либо проставку между полотнищами в месте их соединения.

В первом варианте можно отметить две его разновидности — одну разновидность — составляют поневы, у которых на шве нет никаких украшений, вторую — с украшениями на шве. Поневы первой разновидности имеют полотнища, скрепленные конопляной ниткой, без какого-либо украшения. Этот вариант немногочислен, представлен поневами № 337-223 и № 2012—298.

Вторую разновидность (рис. 13, 14, 15) представляют поневы, у которых швы соединены обметкой шерстью; эта полоса обметки в одних поневах шире, в других уже. В большинстве понев полоса обметки одно-

---

[1] Архив Геогр. общ. (рукопись Сполохова по Орловской губернии, № 18, стр. 40).
[2] Д. О. Святский, указ. соч.; отд. оттиск, стр. 3.
[3] Там же, стр. 3 — 4.

цветная: №№ 2012-303, 337-143, 337-244, 2012-302, 2012-206, 2012-209, 337-215, 2012-294, 2012-393). В некоторых же поневах обметка располагается небольшими (5—7 см) участками разного цвета (зеленый, красный, желтый, малиновый), или чередуются каких-либо два цвета (№№ 337-244, 153-183, 337-338, 337-239).

Рис. 12. Способ ношения поневы-плахты из с. Негино б. Трубчевского у. (Из ГМЭ, № 337-215).
(Фот. А. А. Гречкина с манекена ГМЭ).

Особняком стоит понева в № 337-225, где обметка дана не на всем протяжении шва, а участками.

Второй вариант (рис. 16) представлен поневами, имеющими вдоль шва неширокую (5—7 см) полосу кумача (№ 153-171, 153-175). Подобная деталь не отмечена в украинских плахтах. Понева № 153-176 (рис. 17) вместо кумача имеет такую же неширокую полосу узорного тканья (красного и белого цвета).

Рис. 13. Понева-плахта из с. Негино б. Трубчевского у. (Из колл. ГМЭ, № 337-244). (Фот. А. А. Гречкина).

Рис. 14. Понева-плахта с измененным узором в месте сгиба, концы украшены полосами ситца. Из с. Какушкино б. Севского у. (Из колл. ГМЭ, 2012-294). (Фот. А. А. Гречкина).

(Фот. А. А. Гречкина).

Рис. 15. Понева-плахта с измененным узором в месте сгиба, концы украшены бахромой и кистями.
Из с. Бересток б. Севского у. (Из колл. ГМЭ, № 153-171).
(Фот. А. А. Гречкина).

Рис. 16. Понева-плахта с вышивкой на концах и с кумачной проставкой между полотнищами.
Из с. Бобрик б. Севского у. (Из колл. ГМЭ, № 153-176).
(Фот. А. А. Гречкина).

Второй тип этой группы понев в собраниях ГМЭ вовсе отсутствует. Нет упоминаний о нем и в поздних материалах и описаниях, принадлежащих Святскому и Лебедевой. Об этом типе имеются сведения только из рукописи Сполохова от 1849 г., хранящейся в Архиве Гос. Географического общества (шифр XXVII, № 18). Автор рукописи на стр. 40 дает следующее описание этого типа: „Сшивают две полосы шерстяной ткани до 1.5 арш., длина одной полосы $1^1/_4$ арш., другой — $3^1/_4$ арш. Понева не вздергивается сверху на шнурке и укладывается с левого бока под кушак, обтягивает зад, после чего длинный конец ее перегибается внизу и идет к верху правого бока, перепускается через кушак и висит концом напереди через него“. Данное описание автор рукописи подкрепляет рисунком (фиг. 67), изображающим женщину в поневе подобного типа; рисунок дает весьма приблизительное представление о форме и способе ношения данной поневы. Относительно района распространения этой поневы автор рукописи указывает, что ее носили в середине XIX века в некоторых селениях около гор. Трубчевска. Таким образом, данный тип можно назвать трубчевским типом, в отличие от первого, севского типа, имеющего преимущественное распространение в б. Севском уезде.

Однако, имеющиеся в собраниях ГМЭ поневы из б. Трубчевского уезда по своему покрою являются поневами первого типа. Очевидно, здесь следует иметь в виду не только территориальный признак, но и хронологические моменты. На это соображение наталкивает указание Сполохова о том, что праздничная понева этого типа отличается одною чистотою; женщины, носящие подобные поневы, „по праздникам носят более юбки“. Это замечание указывает на тот факт, что уже в середине прошлого столетия понева с неравными полотнищами была не повсеместным явлением и заменялась иными формами одежды. Очевидно, вследствие этого она и не сохранилась до XX столетия, до времени сбора коллекций ГМЭ. Это предположение можно было бы считать твердо доказанным, если бы Сполохов указал в своей рукописи точный перечень селений, в которых носилась эта понева. При проверке новых данных по этим же самым селениям можно было бы установить характер их замены.

Более поздний по времени наблюдатель, Н. И. Лебедева, материалы которой относятся к 1925—1926 гг., также не дает никаких указаний на поневу с полотнищами различной длины. Повидимому, поневы этого типа стали исчезать из широкого употребления еще в середине прошлого столетия, постепенно вышли из употребления и заменились иной одеждой. Этим, очевидно, и объясняется отсутствие их в собраниях, поступивших в начале XX столетия. Здесь приходится только выразить сожаление, что никто из наблюдателей при изучении одежды данного района не остановил своего внимания на этом типе поневы; может быть, не будучи знакомы с рукописью Сполохова, они и не знали о существовании подобного варианта в обследованных ими районах и не пытались его восстановить.

III. Ткань понев

Большой интерес представляет самая ткань, из которой сшиты поневы-плахты. Как указывалось выше, эта ткань существенно отличается от поневной ткани южно-русских понев и приближается к тканям украинской плахты. Однако, ткани данных понев не вполне тождественны с украинскими плахтами, имеют некоторые специфические черты, свойственные им, как переходным образцам между типично южно-русской поневной тканью и тканью плахты. Так, поневы №№ 153-171, 175, 176, 185, 337-225, 2012-298 (б. Севского уезда, сел. Бобрик, Логаревка, Невдаль, Гапоново) сшиты из ткани темносинего цвета, представляющей собой в своей основе ту же самую поневную „волосень", но с некото-

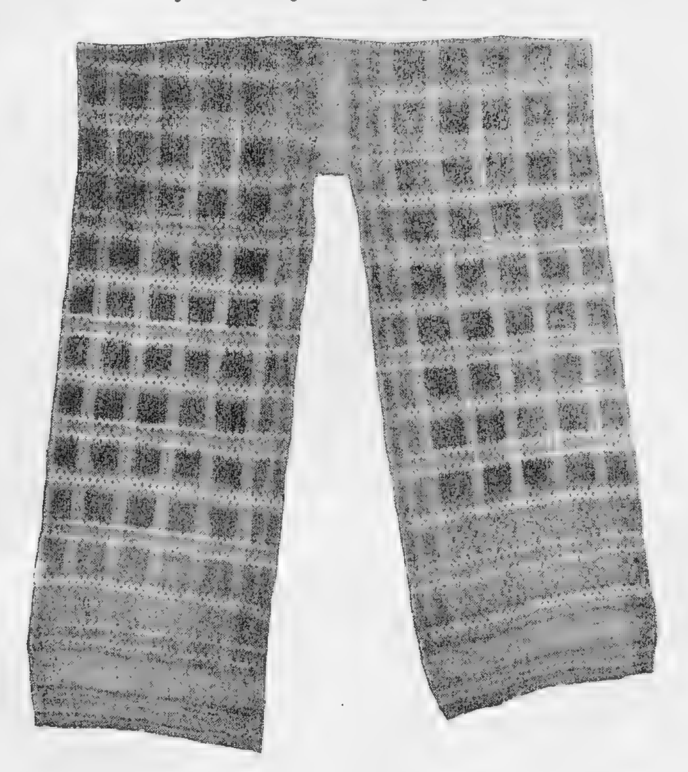

Рис. 17. Понева-плахта с проставкой между полотнищами из узорной тканой полосы. из с. Бобрик б. Севского у., № 153-176.
(Фот. А. А. Гречкина).

рыми отклонениями в расположении и характере пересекающихся линий клеток. Ткань поневы № 153-176 (рис. 16) характеризуется следующими признаками: продольные линии представляют собой типичную комбинацию нитей поневной ткани западных районов, а именно — белые, желтые и коричневато-красные нити; поперечные же полосы подобного типа в этой ткани отсутствуют и замещены полосой совсем иного типа. Поперечные полосы являются уже не простым переплетением нитей, а узорным тканьем, образующим ромбы из настила белой и красной бумажной

нити; эти полосы чередуются таким образом, что у одной середина из красных ромбов, а по краям белые, следующая — обратно — имеет середину из белых ромбов, а края — из красных.

Понева № 153-175 имеет тот же тип ткани с простыми продольными полосами и поперечными полосами, вытканными красной шерстью и белой конопляной нитью, узор образует в промежутке между продольными полосами прямоугольник со сложным геометрическим орнаментом; в одних клетках узор красный, а окаймление белого цвета, в следующем ряду расположение расцветок обратное.

В поневе № 153-171 (рис. 15) подобные же чередующиеся полосы с красным и белым узорным тканьем, но несколько шире, чем в вышеописанной.

Понева № 2012-298 представляет по характеру ткани некоторую разновидность: узор поперечных полос выполнен белой пряжей и желтой шерстью, продольные же полосы такие, как и в выше описанных поневах. Введение желтой расцветки в широкие поперечные полосы сближает по общему тону эту поневу с украинскими плахтами, характеризующимися полихромией.

Понева № 337-225 по своей ткани представляет некоторое отклонение и в узоре продольной полосы. Основа последней та же, что в типичной южно-русской поневе, но в нее дополнительно введено еще украшение в виде перемежающихся стежков из белой пряжи, расположенных по три с каждой стороны основной полосы. Эти несложные дополнительные украшения в значительной степени меняют общий характер поневной ткани и делают ее, по первому взгляду, не так уже сходной с южно-русской поневной тканью, как выше описанные поневы. Что касается поперечных полос, то они, как и в предыдущих поневах, исполнены белой пряжей и красной шерстью в виде геометрических полос узорного тканья; однако в данной поневе каждая полоса имеет наполовину белую и наполовину красную расцветку.

Дальнейшее изменение синей поневной „волосени" представляет ткань, в которой основной синий фон в значительной мере закрыт узорным тканьем; от основного фона остаются лишь небольшие просветы на общем фоне перемежающихся красных и белых узорных полос. К таким образцам можно отнести поневную ткань в №№ 2012-302, 337-215 (рис. 12), 337-239.

Ткань этих понев по общему виду мало похожа на типичную „волосень" поневы, клетки образуются узорными полосами красного и белого цвета, причем и продольные и поперечные полосы одинаковы по расцветке и узору; клетки получаются не квадратные, а несколько вытянутые в длину вследствие различной ширины поперечных и продольных полос. Вариации ткани в указанных трех поневах получаются вследствие различной ширины полос и характера узора.

Дальнейшим отходом от клетчатого расположения полос в ткани, является ткань поневы № 2012-306 (с. Зерново б. Севского уезда), где основу узора составляют уже не перемежающиеся линии той или другой расцветки, а четырехконечные, крестообразные розетки белого и красного цвета, расположенные в шахматном порядке. Фон между розетками синий. Подобный узор по-местному носит название „хрестоватый". В данной

поневной ткани можно считать завершенным отход от клетчатой ткани, и ее приходится рассматривать как узорную ткань.

В особую группу следует выделить поневы №№ 2012-303, 309 (сел. Орлия и Сетное б. Севского уезда), в которых сохранен характер клетчатой ткани, но самые полосы, образующие клетки, в значительной мере уже отошли от простейшего оформления клетки, которые мы видим в обычной южно-русской „волосени".

В поневе № 2012-303 клетки образованы широкими полосами, состоящими из мелких розеток, расположенных по три в ряд. Расцветка та же — белая и красная; пространство между розетками — синего цвета. В поневе № 2012-309 в основном тот же характер расположения узора, но расцветка иная — белая с коричневым.

От всех вышеописанных вариантов узорного тканья понев значительно отличается понева № 337-244 (рис. 13).

Эта понева по характеру узорного тканья, образующего клетки, более близка к украинским тканям, чем к русским. Основу узора в поневе № 337-244 составляет развитая четырехугольная розетка красного и белого цвета. Розетки того и другого цвета чередуются в шахматном порядке. Фон между ними синего цвета. Ткань этой поневы неодинакова с лицевой стороны и с изнанки. С изнанки получается иной характер узора: его основу составляет четырехугольная развитая розетка, находящаяся в центре клетки, образованной продольными и поперечными белыми полосами. Каждая из этих полос образована двумя узкими полосками, состоящими из чередующихся мелких крестообразно расположенных квадратов. Ткань изготовлена в соответствии со способом ношения поневы, а именно — несшитые полотнища имеют описанное выше расположение узоров на лицевой стороне и на изнанке. В самом конце несшитых полотнищ, вблизи от места скрепления их, расположение узора меняется: узор, вытканный на лицевой стороне, перемещается на изнанку, а узор, бывший на изнанке, наоборот, перемещается на лицевую сторону. Этот прием перестройки узора вызван тем, что сшитые полотнища при надевании располагаются наружу как бы изнанкой, так как несшитые полотнища перегибаются и покрывают их сверху. Если не было бы сделано изменения в узоре, то в расходящиеся полы несшитых полотнищ сзади виднелась бы понева как бы сшитая из иной ткани, чем верхние полотнища. Во избежание подобного разнобоя в ткани надетой одежды ткачихи прибегали к подобному остроумному способу тканья в полном соответствии с тем, как будет эта одежда выглядеть во время ее использования при надевании. Аналогичный же прием, хотя и не так ярко выраженный, следует отметить в поневе № 2012-294 (рис. 14), а также № 2012-293, 303 и № 337-244 (рис. 13).

В других выше описанных поневах мы не отмечали подобного приема, так как при тех узорах не было такой потребности, вследствие простоты и несложности самого рисунка.

В то время как описанные нами распашные поневы, без прошвы, весьма богаты украшениями и в виде вышивки и в виде разнообразных

нашивок, поневы, изготовленные из клетчатой ткани с розетками, более бедны украшениями.

Здесь искусство женщин, изготовлявших и носивших эти одежды, сосредоточено на самом производстве ткани, на технике ткачества. В распашных поневах мы видим постоянно одну и ту же ткань, тканую как бы по стандарту, с одной и той же расцветкой как основного фона ткани, так и тех узких полосок, которые образуют в этой ткани клетки. В поневах же типа плахты мы видим иную картину: здесь играют определенную роль и пестрота расцветок нитей в ткани, и узор, образованный нитями. В некоторых, как мы отмечали выше, применен и весьма остроумный способ приспособления узора к тому, чтобы ткань, будучи перегнутой на другую сторону, сохранила тот же самый узор, что и лицевая сторона. В то время, как обычно[1] это достигается применением покроя, сшиванием ткани, здесь ткачихи, виртуозно перестроив на ходу расположение нитей и последовательность их хода, без вмешательства ножниц и иглы достигли того же самого эффекта.

Кроме украшения ткани, получаемого применением узорного тканья, отдельные экземпляры понев этой группы имеют еще дополнительные украшения. Эти украшения располагаются только на несшитых концах, которые при надевании поневы находятся спереди. Эти украшения несколько беднее украшений распашных понев.

Простейший прием украшения концов понев представляют небольшие кисточки из шерсти красного цвета, пришитые по краю поневной ткани, в № 2012-303 только на одном полотнище (ср. также № 2012-294, рис. 14). На поневе № 2012-293 имеются такие же кисточки красного, желтого цвета, и уже несколько усложняется этот прием украшения: по краям несшитых полотнищ пришита узкая полоска плетеного кружева из красной и синей шерсти; это кружево кончается бахромой из петель, сделанных из разноцветной шерсти (красной, синей, желтой, зеленой).

Поневы №№ 153-176 (рис. 16), 153-171 (рис. 15) имеют на концах полоски кумача с бахромой из красной шерсти. Кроме этого украшения, данные поневы имеют также и вышивку. В поневе № 153-171 (рис. 15) вышивка заполняет два нижних ряда темных клеток, где на синем фоне разноцветным некрученым шелком сделана несложная вышивка: в нижнем ряду ромбовидные фигуры, в верхнем элементарный растительный узор в виде разветвляющейся ветки.

В поневе № 153-176 (рис. 16) вышивкой заняты также две нижних полосы темных клеток; вышивка выполнена красной шерстью. В нижнем ряду мелкие квадратики, по-местному „кружочки“, расположенные в шахматном порядке; в верхнем — стилизованное дерево, выполненное контурным швом. Сходна с данной поневой понева № 153-185, в которой нижний ряд синих клеток вышит разноцветной шерстью в виде комбинации треугольников, а верхний заполнен стилизованными елочками, выполненными контурным швом красной и желтой шерстью.

[1] Ф. К. Волков, указ. соч., стр. 517—573.

В отличие от украшения всех предыдущих, понева № 2012-298 имеет на концах несшитых полотнищ тканый узор, выполненный красной пряжей; он занимает три нижних ряда клеток, по узору повторяя тот же самый орнамент, который мы имеем в данной поневе по всему полотнищу в виде чередующихся полос белого и желтого цвета. На концах, благодаря одному цвету и сближению этих полос, получается впечатление специальной вышивки, образующей концовки полотнищ.

Обзором понев, представляющих переход к украинской плахте, мы заканчиваем описание типов понев, имеющихся в собрании ГМЭ из б. Орловской губернии.

В описании покроя орловских понев мы вскрыли, с одной стороны, большую пестроту и многообразие вариантов поневы, с другой стороны сохранение целого ряда последовательных этапов развития от более примитивных форм к более поздним формам.

IV. Украшение понев

Среди южно-русских понев орловские поневы выделяются своеобразием и богатством своих украшений. Следует отметить, что в большинстве южно-русских районов понева украшается, но далеко не везде эти украшения имеют такой ярко выраженный локальный характер и не достигают такой степени искусства.

По ярко выраженному локальному характеру, пожалуй, с орловскими поневами могут соперничать „мещерские" рязанские поневы, имеющие отличительные особенности в характере узорного тканья,[1] да воронежские, особенно конца XVIII — начала XIX столетия, украшенные почти сплошною зашивкой некрученым шелком, позднее (со второй половины XIX в.) — цветным гарусом.[2] Однако, по разнообразию, богатству и изяществу украшений орловские поневы выгодно выделяются среди перечисленных выше понев. В украшениях орловских понев сказалось необычайное искусство женщин комбинировать разнообразные нашивки различных цветов, создавать многокрасочную вышивку на темном фоне ткани. Полихромная вышивка в сочетании с разноцветными нашивками, позументом и блестками, создает яркую, весьма гармонично созданную цветовую гамму. Особенно обращают внимание удивительно тонко подобранные по расцветке чередующиеся отрезки ритмически повторяющихся элементов вышивки. Изготовленная простейшим способом, простая форма одежды, благодаря наличию этих искусно подобранных расцветок, становится необычно нарядной, праздничной, производящей жизнерадостное впечатление.

В украшениях орловских понев, прежде всего, обращает внимание вышивка, которая, как описывалось уже, расположена в местах соединения боковых полотнищ с задним, а в некоторых экземплярах также и по подолу поневы. Вышивка произведена поверх поневной волосени. Характер ее —

[1] Ср.: Б. А. Куфтин, указ. соч.

[2] Н. П. Гринкова. Однодворческая одежда б. Коротоякского уезда Воронежской области. Изв. Пед. инст. им. Герцена, вып. 1, 1928.

сплошное покрытие без оставления фона, образующего как бы контур узора. Вследствие такого покрытия ткани вышивкой, клетчатость ткани не играет никакой роли. Вышивка полихромная, — черта, свойственная южным районам. На всех экземплярах вышивка выполнена шерстью, чаще покупной, реже домашнего изготовления. Несомненно, что в более раннее время, чем период изготовления понев, поступивших в музейные коллекции, шерсть домашнего изготовления в вышивке была заменена шерстью покупной.

Обратимся к рассмотрению вышивки наиболее интересных и типичных экземпляров из нашего собрания. Понева № 152-201 (рис. 9) имеет на заднем полотнище сложную и богатую вышивку. Центральную композицию составляет полоса сплошной зашивки, шириной 10 см. В основе узора „репей", т. е. ромб с тремя отростками на каждой из четырех сторон, — элемент орнаментики, необычайно распространенный почти во всех южно-русских районах. Эти ромбы вышиты яркокрасным гарусом, швом в наметку, крупными стежками, захватывающими три нити ткани; стежки расположены по три в ряд. Таким образом, все заполнение вышивки дано как бы небольшими ячейками по три нитки. Внутри каждого ромба дана иная расцветка, а именно — внутри ромбов вышито по четыре маленьких ромба, расположенных в углах этого ромба и составленных из четырех ячеек по три нитки. В центре такого маленького ромбика пришита блестка. На фоне яркокрасных больших ромбов эти ромбики выделяются своей расцветкой; последовательно сверху вниз они идут в следующем порядке: в первом ромбе — темномалиновые, во втором — желтые, в третьем — зеленые, в четвертом — опять темномалиновые, в пятом — зеленые и т. д. Контур больших ромбов четко выступает благодаря тому, что они как бы вышиты на ином фоне. Фон для них составляют примыкающие справа и слева к каждому ромбу полуромбы иного цвета. Так, у верхнего ромба расположены по сторонам зеленые полуромбы, дальше — темномалиновые, далее — синие, желтые, светлокрасные и т. д. В местах встречи отростков ромбов, по средней линии всего узора вышиты маленькие сплошные ромбы того же цвета, что и соседние полуромбы. Вся эта композиция по краю оторочена узкими полосками кумача и изредка нашитыми на них блестками. Далее, за полосками кумача идут по бокам основной вышивки две узких полосы. Эти полосы вышиты на синем фоне поневной ткани. Вся вышивка несложна по композиции. Она представляет собой чередование разноцветных „репьёв", вышитых шерстью тех же расцветок, которые только что упоминались. В центре „репья" — ромб, образуемый фоном ткани; на каждой стороне ромба по три отростка. В центре ромба нашиты блестки; такие же блестки идут по три в ряд, отделяя один ромб от другого. Отростки ромба обведены узкой нитью серебряной канители. По другую сторону линии ромбов идет такая же полоса кумача, как и перед ромбами.

Понева № 152-265 (рис. 8) имеет не менее интересную вышивку. Приемы шитья те же самые, что и в выше описанной поневе. Композиция украшения такая же. Различие же заключается в характере использования и расположения орнаментальных деталей и своеобразии сочетания отрез-

ков вышивки, выполненной нитями разного цвета с своеобразным сочетанием темного фона. Основу узора составляют сильно вытянутые в ширину „репьи́", имеющие по два отростка на каждой стороне ромба. Эти „репьи́" исполнены яркокрасной шерстью. Все стороны и отростки „репья́" обведены двумя полосами вышивки, исполненной упомянутыми ячейками по три нитки белого цвета, а за этими двумя рядами — один ряд того же яркокрасного цвета. Эти „репьи́" находятся на цветном фоне, выполненном вышивкой той же техники. В основе заполнения фона тот же принцип, что и выше: между основными ромбами расположены справа и слева цветные полуромбы. Пространство между их отростками также заполнено цветной шерстью иного цвета. По краям основной композиции также идут полоски кумача, по две с каждой стороны. Между ними расположена узкая полоса вышивки, опять-таки представляющая чередующиеся „репьи́" с тремя отростками на каждой стороне ромба. Между этими ромбами фон заполнен крупными стежками разноцветной шерстью.

Понева № 152-29 (рис. 7) выполнена той же техникой и в тех же тонах со сплошной зашивкой фона. Орнамент данной вышивки складывается в основном из чередующихся красных ромбов, без отростков; внутри этих ромбов в центре крест-на-крест вышиты четыре маленьких ромбика, составленных четырьмя участками вышивки по три нити; подобные же ромбики идут и вдоль боковых сторон большого ромба — их по три с каждой стороны. Как те, так и другие ромбики иного цвета, чем основной тон большого ромба: например, желтые внутри, синие по краям; малиновые внутри, желтые по краям, зеленые внутри, оранжевые по краям и т. п. Между большими основными ромбами вышито по два ромба белыми нитками, немного меньшего размера; внутри этих белых ромбов расположено крест-на-крест по четыре ромбика, выполненных, как и выше описанные ромбики, в виде четырех участков зашивки по три нитки. Остальное пространство фона по бокам больших ромбов заполнено полуромбами, с каждой стороны по два — красного цвета с ромбиками различного цвета на отдельных участках вышивки. По краям вышивки идут узкие полоски кумача, с наружной стороны около кумача вышиты чередующиеся разнообразной расцветки полурепьи, представляющие собой половину ромба с тремя отростками на каждой из двух сторон; между отростками пространство заполнено рядом вышивки иной расцветки. Такая же расцветка дана и внутри ромба. Примеры расцветки: белые ромбы и отростки, промежутки красные; красные ромбы и отростки, промежутки — синие, и т. п.

Тождественная вышивка наблюдается и на поневе № 152-27. Отличается она только тем, что в центре маленьких ромбиков нашиты блестки. Кроме того, по наружному краю вместо вышивки идет полоса металлического кружева.

Понева № 152-28 имеет аналогичную вышивку. В основе орнамента лежат вытянутые в длину „репьи́", имеющие по пяти отростков на каждой стороне. „Репьи́" зашиты на фоне ромба иного цвета. Внутри „репья́" пространство зашито иным цветом, а в центральной части иным цветом вышиты крест-на-крест расположенные ромбики с блестками в центре.

Пространство между ромбами, в которые как бы вписаны „репьи́“, заполнено сплошной вышивкой опять-таки иного цвета.

Понева № 152-132 имеет вышивку еще более сложную по характеру орнамента. Техника и расцветка те же, что и в выше описанных узорах. В основе орнамента данной поневы лежат крупные „репьи́“, верхний и нижний углы имеют отростки г-образной формы, на боковых углах небольшие прямолинейные отростки. Внутри „репья́“ ромб иного цвета (на красном — белый, на малиновом — оранжевый и т. п). Внутри ромба участок вышивки из трех нитей, опять-таки иного цвета. Контур „репья́“ и контур ромба обведены нитью серебряной канители. По „репью́“ в разных местах нашиты блестки. Благодаря канители и блесткам вышитые полосы, расположенные вдоль швов, приобретают яркий и нарядный вид, под ними вовсе не чувствуется простая клетчатая „волосень“ традиционного характера.

Понева № 152-156 (рис. 6) в отличие от предыдущих имеет вышивку, расположенную не в виде сплошной зашивки, а вышитую на темном фоне поневной ткани; в отдельных местах видны и клетки самой ткани. Техника вышивки та же самая в наметку по три нити, захватывающие три нити утка. Выполнена шерстью синего, красного, малинового, желтого, зеленого и белого цвета. В основе орнамента лежат чередующиеся разноцветные геометрические фигуры в виде небольшого ромба с большими отростками — два у верхнего угла ромба и два у нижнего. Отростки у ромбов г-образного вида. На боковых углах подобных отростков нет. Между чередующимися ромбами в виде фона вышиты ромбы другой расцветки; вдоль смежных сторон ромба вышит ряд стежков той же расцветки. На боковых швах поневы описанная вышивка идет в виде двух одинаковых полос, отделенных одна от другой узенькой полоской кумача. Остальные поневы собрания менее богаты по орнаментации.

Как особенность украшения описываемых понев, следует отметить нашивные украшения из кумача и белого миткаля. Основной мотив этих украшений — розетки и меандрообразные фигуры, скомпанованные в виде квадратов; отсюда и их местное название „круги“. В большинстве понев, находящихся в коллекции музея, эти накладные украшения расположены вдоль боковых швов, а в некоторых — также и по подолу.

Наиболее распространенным узором в этих накладных украшениях являются меандрообразные фигуры, хорошо представленные, например, на поневе № 2012-299 (рис. 3). Понева № 152-29 (рис. 7) имеет аналогичное же украшение, но выполненное не в виде накладного вырезанного прямоугольника, а вышитое крупным крестом; квадраты красного и белого цвета.

В других поневах вместо указанных выше фигур, в основе узора лежит „елочка“, расположенная стержнем по диагонали — например, № 153-54 (рис. 4), № 152-27в.

Понева № 153-56 имеет в основе узора в квадратах вырезанные розетки, в одном квадрате красного, в другом — белого цвета. Внутренние стороны розетки обшиты разноцветной шерстью. В центре розеток пришиты помпоны из разноцветной шерсти с пуговкой молочного цвета.

Следует обратить внимание на то, что большая часть указанных понев носились с отогнутой правой полой, на которой также имеется аналогичная вышивка в сочетании с разнообразными нашивками. В силу этого надетая понева производит впечатление одежды, необычайно расцвеченной, яркой, многокрасочной; темная поневная ткань части левой полы более четко подчеркивает эту нарядность и праздничность одежды, вместе с тем не имеющей крикливости и ненужной пестроты благодаря искусному подбору сочетаний красок. В этих сочетаниях, несомненно, сказались создававшиеся веками приемы подлинно народного большого искусства, над усовершенствованием которого работали многие поколения.

V. Приемы надевания понев

Характер украшений и приемы их расположения на описанных поневах в значительной мере продиктованы своеобразным способом ношения поневы в различных районах.

Рассмотрим основные приемы надевания поневы. Прежде всего следует указать способ, когда распашная понева надевается так, что закрывает бо́льшую часть тела от пояса вниз, спускаясь спереди прямыми боковыми полотнищами и оставляя открытой лишь небольшую часть рубахи спереди. Сюда относится, повидимому, значительная часть понев описанного собрания, именно — поневы, имеющие украшения вдоль боковых швов справа и слева, составляющие 1-й вариант (разновидности „а“ и „б“), 2-й и 5-й варианты. Эти поневы по способу их надевания приближаются к юбке и являются наиболее распространенными на южнорусской территории.

Второй способ ношения понев характеризуется тем, что одна из полок (боковых полотнищ), чаще правая, затыкается нижним углом у пояса, и соответственно этому данная сторона рубахи становится более открытой. Подобный способ надевания несколько отдаляет по внешнему впечатлению общий облик данного костюма от костюма с юбкой. Такой способ ношения отразился и на приемах расположения украшения на поневах. Сюда следует отнести поневы 3-го варианта, 4-го варианта (разновидность „а“, „б“, „в“). Особенно ярко сказалась связь способа ношения и покроя поневы в 4-м варианте, где мы имеем между задним и боковым полотнищем одну вставку („бедро“), в то время как у другого шва эта вставка отсутствует. Вследствие этого ширина поневы при надевании выглядит несколько меньшей, чем в предыдущих вариантах. Разновидности же „б“ и „в“ дают еще более узкую поневу вследствие того, что заднее полотнище заложено („в“) и даже закреплено („б“) в складку. Одно из полотнищ, чаще правое, загибается и затыкается за пояс. Таким образом, размер поневы, закрывающей рубаху, еще более уменьшается.

Такая понева чаще всего называется поневой с „кульком“, так как при затыкании правой полы основной частью одежды является заднее полотнище, „кулек“ по-местному названию.

Вследствие этого приема, украшения поневы сосредоточены на заднем и на левом полотнищах; на правой поле́ они заполняют только ту часть,

которая загнута. Выше при описании понев 4-го варианта указывалось на то, что в них чаще сплошная зашивка разноцветным гарусом и различные нашивные украшения расположены главным образом на заднем полотнище.

Третий способ ношения распашной поневы — это затыкание правого и левого полотнища. При таком способе ношения рубаха еще более открыта; закрытой остается по преимуществу задняя часть тела; недаром в некоторых районах понева называется „подгузник“.

Обзор приемов надевания распашной поневы лишний раз подчеркивает архаичность этой части одежды. К этому замечанию следует прибавить еще указание на то, что в восточных районах распространения южно-русской поневы мы не знаем приемов затыкания поневы. Этот прием — специфика западных районов, где нередко встречаем также затыкание спереди в праздничной поневе переднего полотнища — прошвы даже в поневе типа с прошвой. В этих случаях специальные украшения располагаются нарочно спереди на подоле поневы с изнанки.[1] Несомненно, что прием затыкания поневы стоит в теснейшей связи с широким распространением в западных районах распашной поневы. Все эти детали подчеркивают особую архаичность данных форм одежды в западных районах, местах соприкосновения русского, белорусского и украинского народов.

Весьма своебразным является способ ношения поневы из двух полотнищ, сшитой по типу украинской плахты. Украинская плахта носится следующим образом. Свободные концы, чаще называемые „криси“, „колишки“, перегибаются, а сшитая часть, чаще называемая „стан“ или „станок“, обвертывается вокруг тела. Причем шов, соединяющий полотнища, приходится как раз сзади. Свободные концы располагаются поверх „стана“. Передняя часть тела остается немного открытой, подобно тому, как это мы имеем при распашной поневе. В соответствии со способом ношения украинской плахты изготовляется и самая ткань, из которой она делается. При перегибании свободных полотнищ назад и при расположении их поверх „стана“ ткань должна лечь так, что свободные концы будут подвернуты наружу изнанкой ткани, в то время как „стан“ будет надет наружу лицевой стороной ткани. При расхождении несшитых свободных концов будет видна ткань иного рисунка, так как в узорном тканье, которое представляет собой ткань плахты, узоры на правой и левой сторонах являются зеркальными по своему расположению.

Во избежание этого при тканье самого материала для плахты учитывается это обстоятельство, и с одним узором ткут только часть каждого полотнища, а вторую его половину ткут с обратным расположением узора и его расцветки. Выше мы отмечали это обстоятельство при описании ткани севских понев.

[1] Ср. хотя бы материалы ГМЭ по Тульской области; изображение женщины в подобной поневе из б. Новосильского уезда Тульской губернии имеется в „Материалах по этнографии“, т. I, стр. 10, рис. 19.

Подобный технический прием, повидимому, возможен при довольно простом характере орнамента орловских понев-плахт.

В украинской плахте, имеющей значительно более сложный узор и более сложную технику тканья, подобный прием едва ли оправдал бы себя. Поэтому во многих районах встречается прием иного порядка. Именно, ту часть ткани, которая предназначается для свободных концов плахты, отрезают и пришивают так, что при сгибании ткань приходится наружу своей правой стороной.[1]

Описанный способ ношения плахтообразной поневы, повидимому, следует предполагать наверное там, где в севских поневах учтен характер ношения и в соответствии с ним выткана самая ткань (см. описание поневы № 337-244 и др.).

Но, кроме этого, сходного с украинским, способа ношения подобной поневы, мы имеем в б. Севском уезде весьма своеобразный прием ношения. В этих районах свободные концы не перегибаются, как указывалось выше, а от задних сшитых полотнищ идут вдоль пояса вперед, где концы их перекрещиваются, образуя весьма неуклюжее нагромождение довольно толстой ткани спереди. Подобный способ ношения поневы-плахты в других местах нигде не отмечен и представляет собой весьма своеобразный прием. В различных селениях б. Севского уезда детали расположения свободных концов варьируются — в одних эти концы только перекрещиваются и более или менее свободно спускаются спереди вниз, в других — перекрещиваются и завязываются узлом, образуя выступы у пояса и, с точки зрения городского восприятия, имеют довольно неизящный вид.

Д. О. Святский указывает еще на одну деталь: в некоторых селениях один из концов задней сшитой части поневы приподнимается и затыкается одним концом на правом боку у поясницы, в результате чего получается „кулек“[2] (см. этот термин и у распашных понев); этот „кулек“ иногда приглаживается, а в некоторых селениях, наоборот, стоит торчком. Этот прием вовсе неизвестен в украинской плахте и стоит в непосредственной связи со способами ношения южно-русской распашной поневы. На этот прием затыкания правого заднего полотнища указывает и Н. И. Лебедева.[3]

Рядом с этим приемом, говоря о способе ношения поневы, следует вспомнить прием, о котором пишет Сполохов в своей рукописи. Выше мы указывали, что понева этого типа, имеющая полотнища разной длины, в настоящее время не отмечена собирателями.

В этой поневе длинное полотнище, направляясь от заднего, перегибается спереди в виде длинной петли, висящей спереди, поверх рубахи.

---

[1] Ф. К. Волков, указ. соч., стр. 572.

[2] Д. О. Святский, указ. соч., стр. 3 (отд. отт.).

[3] Н. И. Лебедева. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки, стр. 44 (рис. 33 и 34).

Описанный своеобразный способ ношения севской поневы-плахты представляет интерес еще в том отношении, что он проливает свет и на характер ношения южно-русской поневы распашного типа, которая во многих селениях, как мы видели выше, носится с загнутыми углами оставляя открытой бо́льшую часть рубахи. Этот прием ношения поневы из трех полотнищ несомненно стоит в связи с загибанием наверх свободных концов поневы-плахты. А все это, вместе взятое, объясняет преобладание в западных районах южно-русской территории поневы распашного типа.

Таким образом, мы видим в западных и юго-западных районах южно-русской территории наличие поясной одежды, весьма своеобразного характера, значительно отличающейся от аналогичной и генетически тесно связанной с ней одежды, бытующей в средних и восточных районах южно-русской территории (Тульская, Рязанская, Тамбовская, Курская, Воронежская области). Данный тип поневы западных районов, — как по покрою, так и по способу ношения, следует считать более архаическим, чем поневы средних и восточных районов.

Все это заставляет обратить на эти формы одежды особое внимание исследователя, изучающего генезис русской одежды.

Наличие сходных форм одежды у трех народов восточно-славянской группы — русских, украинцев и белоруссов — подчеркивает лишний раз давнюю историческую связь этих народов, тесно соприкасавшихся на своих исторических путях друг с другом и выработавших близкие формы быта и материальной культуры.

Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни

Л. П. Потапов

В Музее Антропологии и Этнографии, как и в Государственном Музее Этнографии, в Ленинграде хранится значительная коллекция предметов, характеризующая кочевой быт казахов. Коллекция представляет большую научную ценность, как источник для изучения истории народной культуры казахов, кочевой быт среди которых исчез только после Октябрьской революции. До этого времени народная культура казахов отличалась весьма своеобразными чертами и сохраняла древние элементы и традиции, порожденные кочевым образом жизни. Изучение этой еще недавно бытовавшей народной культуры казахов имеет большое и разностороннее значение. Известно, что современная, социалистическая по содержанию и национальная по форме культура казахского народа в течение трех десятилетий своего развития в условиях советского государственного строя, достигла поразительных результатов. За этот короткий срок она прошла гигантский путь от самых отсталых патриархально-феодальных форм быта до самых передовых социалистических, достигнув уровня культуры наиболее передовых народов СССР и опередив, в этом отношении, многие западноевропейские буржуазные государства. Понять и осмыслить этот грандиозный процесс можно только при сравнительном историческом изучении казахской народной культуры как современной, так и дореволюционной.

Изучение дореволюционной народной культуры казахов представляет научный интерес и для уяснения общего облика и деталей оригинальной культуры ранних кочевников Южной Сибири и Казахстана, сложившейся в I тысячелетии до н. э., дошедшей до нас преимущественно в археологических памятниках. Оно поможет установить пути и формы развития культуры ранних кочевников и выявить ее особенности, вызванные кочевым образом жизни. Это изучение позволит также показать то многое ценное и полезное, что создал казахский трудовой народ в течение своей многовековой истории, в результате опыта многих поколений, что может

быть сохранено и развито и теперь. Вот почему мы решили опубликовать данный очерк, построенный в значительной мере на изучении этнографических памятников казахской народной (а не байско-султанской) культуры, хранящихся в наших музеях.[1]

Основным занятием казахов являлось до революции кочевое и полукочевое скотоводство.

Кочевое скотоводство было распространено к югу от 49-й параллели и основывалось на пастбищном выпасе скота в течение круглого года. Такая своеобразная система пастбищного хозяйства сложилась и могла существовать в условиях многоземелья, в условиях наличия громадных и редко населенных пространств, пригодных для разведения скота и могущих доставлять последнему корм. Содержа свои стада на подножном корме, казахи были принуждены менять пастбища по мере того, как они выбивались и истощались, и, таким образом, двигаться с места на место в течение всего года. Такой способ содержания скота был известен в восточной части центральной Азии с глубокой древности. Так, например, ранние китайские летописные известия, относящиеся к первому тысячелетию до н. э., приписывают его гуннам, а более поздние жужанам (начало V в. н. э.), тюркам тугю (VI в.) и уйгурам (IX в.). По этому поводу в упомянутых источниках о скотоводах обычно говорится: „Переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде".[2] Это постоянное кочевание со стадами с целью обеспечения скота кормом нельзя представлять себе как беспорядочное случайное отыскивание пригодных летних или зимних пастбищ. Напротив, все, кто занимался наблюдением за перекочевкой казахов, единодушно пишут об особых правилах перекочевок, выработанных многовековым опытом. Эти правила построены на учете травяного покрова в том или ином районе в соответствии с сезонами года, на знании качества, питательности травяного корма в отношении того или иного вида скота.[3] Следовательно, нужно подчеркнуть, что у казахов выработалась правильная система кочевания, учитывающая климатические условия каждого данного года или сезона, предусматривающая специальные разведки в отношении состояния травы и наличия воды. Уже ранней весной, как только появлялись и зеленели прогалинки на высоких местах, казахи снимались со всем своим скарбом и жилищами с места последней зимней стоянки и перегоняли скот на первые зеленые лужайки. В дальнейшем переходы, обычно с юга на север, совершались не только в зависимости от того, оставался или был выбит корм, но и в соответствии с тем, в какое время и где удобнее было перейти встречающиеся

[1] Номера коллекций Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР всюду оговорены специально под шифром МАЭ, коллекций Государственного Музея этнографии — ГМЭ.

[2] Иакинф. История о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I. СПб., 1851 (см., например, стр. 2, 251, 268).

[3] См., например: Мейер. Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства. 1863; Н. Зеланд. Киргизы. Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. геогр. общ., кн. VII, Омск; А. И. Добромыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895; Вост. обозр., № 40 за 1885 г., и др.

реки или преодолеть песчаные пространства, до того пока еще на них не выгорела растительность и т. д. Определенные группы казахов, объединенные административным, экономическим или каким-либо другим признаком, шли обычно определенными путями, обходя и стараясь не выбивать корм, например, на местах, удобных для зимних пастбищ, либо принадлежащих другим кочевым группам, либо захваченных в наследственное частное пользование султанами, баями. По мере наступления осени казахи приближались к местам зимних пастбищ, наилучшими из которых считались луговые и камышевые местности, особенно защищенные от ветров или с малоснежным покровом. Чтобы сохранить зимой весь скот, казахи в местах глубокоснежных или в случае затвердения снежного покрова пускали осваивать пастбище сначала лошадей, которые легче разрывают и разбивают глубокий и твердый снег, поедая при этом верхушки травы, а затем пускали следом крупный рогатый скот, если таковой имелся, как неспособный к разгребанию снега копытами, поедавший середину стеблей, и последним пускали мелкий скот, овец и коз, которые, как и лошади, разбивают снег копытами. Последнему и доставалась нижняя часть травы, оставленной лошадьми и крупным рогатым скотом. Вообще же лошадей пасли зимой там, где пастбища в летнее время не были выбиты, где меньше снега и где он обычно бывает мягким, не покрываясь ледяной коркой. Состоятельные и богатые казахи отправляли табуны лошадей зимой в поисках корма с пастухами за десятки и сотни километров от своих зимних стоянок.[1] Для мелкого скота старались выбирать прогалинки, с которых в зимнее время снег выдувается ветром, обнажая траву. В тех случаях, когда баранов было не очень много, а снег был настолько глубок, что бараны не могли добраться до травы, в снегу рыли рвы, куда и помещали баранов на подножий корм.[2] В горах зимой баранов пасли в низких солончаковых местах, либо в местах, где росла маленькая курчавая полынь (мык джусан).[3] Наиболее подходящими зимними пастбищами для крупного рогатого скота считались луговые и камышевые места. Для верблюдов же выбирали места, где произрастали „чий караган, кияк, кокпек и разные солонцевые травы“.[4] Не будучи в состоянии при существовавшем тогда уровне развития хозяйства воздействовать на природу научными, агротехническими приемами, казахи, стремясь обеспечить урожай травы на пастбищах, применяли с этой целью некоторые примитивные меры. Осенью они, например, пускали палы „уртень“ по сухой траве, выжигая значительные пространства, полагая, что весной на этих местах трава появится раньше, чем в других.[5]

---

[1] М. Чорманов. Заметки о киргизах Павлодарского уезда. Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. геогр. общ., XXXII, 1906, стр. 4; П. И. Рычков. Топография Оренбургской губ. 1762 г., Оренбург, 1877, стр. 208; В. Герн. Из записной книжки, стр. 22.

[2] М. Леваневский. Очерки киргизских степей (Эмбенского уезда). Землеведение, 1894, кн. IV, стр. 124.

[3] М. Чорманов, там же.

[4] Там же, стр. 2, 4.

[5] Вл. Герн. Из записной книжки. Памятная книжка Семипалатинской обл., 1899, стр. 64, 67, 68.

Заготовка корма у кочевников-казахов производилась в крайне незначительных размерах и не имела решающего значения для скотоводческого хозяйства. Значение такой заготовки ограничивалось лишь подкормкой скота в отдельных случаях. Например, заготовленный простым вырыванием камыш или накошенная трава шли на подкормку наиболее слабых животных в конце зимы, именно тех, которые были не в состоянии самостоятельно добывать из-под снега подножный корм. Далее, как и кочевники первых веков нашей эры,[1] казахи особенно заботились о тучности своих лошадей. С этой целью они подкармливали их корнями вырванной степной осоки „кияк“, предварительно изрубив последние в мелкие куски. Лошади быстро поправлялись и даже жирели от подкормки.[2] Отсутствие сколь-либо серьезных запасов корма на зимнее время делало скотоводство казахов целиком зависимым от природных условий. И когда последние оказывались неблагоприятными, казахское кочевое скотоводство несло огромный урон. Затянувшаяся или глубокоснежная зима, гололедица и т. п. явления приводили к массовому падежу скота, пасущегося на подножном корму. Если в уже упоминавшихся китайских хрониках можно встретить указания относительно таких стихийных бедствий у кочевников в общей форме, вроде: „выпали глубокие снега, от чего много пало овец и лошадей“,[3] то в отношении казахов имеются довольно точные данные, позволяющие судить о размерах подобных хозяйственных потрясений кочевников. Так, например, в одной только б. Тургайской области в неблагоприятную зиму 1879/80 г. пало 1 528 679 голов скота, что составляет 42% от количества всего скота, имевшегося в области, а потери скотоводства казахов этой области за суровую зиму 1891/92 г. составили 1 198 451 голову скота. При этом нужно иметь в виду, что тяжесть этих потерь у казахов нес мелкий скотовод, так как богачи помимо того, что они частично запасали корм, были в состоянии покупать его и таким образом сохранять свои стада. Для мелких скотоводов такое бедствие означало полное разорение, голод и ставило их в экономическую зависимость от богачей. Богачи сохраняли значительную часть своих стад, преимущественно лошадей, еще потому, что, имея всегда большое количество зависимых от них бедняков-пастухов, они разбивали свои стада на отдельные табуны, которые паслись под надзором пастухов в самых различных районах, удаленных друг от друга на сотни километров. Вот почему стихийные природные явления местного характера, например исключительно глубокий снег, влекли за собой ущерб только для некоторой части стада богача-казаха.

Кочевой способ ведения скотоводческого хозяйства у казахов весьма влиял на видовой состав стада. Первостепенное значение здесь, как

[1] См., например, речь китайского министра в начале IX в. по поводу угрозы Китаю со стороны уйгуров (Д. Позднеев. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899, стр. 91).
[2] М. Леваневский, указ. соч., кн. II—III, стр. 96.
[3] Иакинф, указ. соч., I, стр. 41; Ср. про гуннов: „Зимой в земле хуннов выпал глубокий снег; почему от стужи и голода много скота пало“ (Иакинф, I, стр. 47; см. также стр. 55, 63, 65).

и у древних кочевников, имела лошадь, как наиболее подвижная из всех видов скота. Количеством лошадей исчислялось и измерялось богатство и знатность казаха-кочевника подобно тому, как у древних тюрков-кочевников владение лошадьми составляло экономическую основу власти: „Мало-помалу очень разбогател лошадьми: почему объявил себя ханом“,— повествует китайская летопись о тюркском кагане Гудулу, объединившем кочевников-тюрков.[1]

Роль лошади у кочевников определялась ее огромным хозяйственным значением. Прежде всего лошадь является наиболее выносливым и приспособленным животным для пастбищного способа кормления в течение круглого года. Разведение лошадей делало хозяйство чрезвычайно подвижным. В несколько часов кочевое селение могло переменить свое местопребывание, было ли то вызвано угрозой нападения врага, отправлением ли в поход или грабительским набегом, стихийным ли бедствием и т. д. Лошадь являлась не только транспортным средством, позволяющим вести кочевой образ жизни, или орудием охоты при облавах на зверей; она доставляла кочевнику вкусное питательное мясо, хорошо поддающееся консервации в летнее время, молоко, из которого изготовлялся любимый с древнейших времен до наших дней напиток — кумыс, волос для изготовления столь необходимых кочевнику прочных арканов-веревок, кожу для обуви, сухожилия для прочных ниток и т. п. Вот почему конь у казахов, как и вообще у кочевников, занимает такое важное место и в эпосе, где он выступает как друг и верный помощник богатыря, героя и часто как спаситель. Конь наделен человеческими свойствами: способностью мыслить, разговаривать, советовать и т. д. Вот почему конь играет значительную роль также и в песенном творчестве казахов. Отражением исключительного значения коня в жизни кочевника-казаха нужно объяснить и то обстоятельство, что казах-кочевник вместо слов „справа“ и „слева“ иногда говорил: „Сторона, с которой садятся на лошадь“, и „сторона, на которой держат нагайку“.[2] Язык казахов содержит обилие слов для обозначения мастей лошадей и их тончайших оттенков. Наиболее парадным блюдом для угощения гостей, особенно гостей почетных, у казахов считалось конское мясо. Конь являлся у казахов и мерилом ценности: он обязательно входил в уплату калыма за невесту, составлял ценный приз при скачках, шел в уплату штрафа.

Богатство кочевника исчислялось прямо пропорционально количеству лошадей, которых он имел.

Исключительно важное хозяйственное значение у кочевых казахов имела также овца, оцененная кочевниками еще в глубокой древности. Она разводилась с целью наиболее быстрого получения запаса мяса и жира, шерсти и шкур и даже помета, служившего топливом в безлесной степи. Овцы доставляли казахам, как и кочевникам южной Сибири и Казах-

[1] Иакинф, I, стр. 322. Именуемый в китайских хрониках Гудулу выступает в турецких рунических надписях под именем Ильтерес-кагана.

[2] А. И. Добромыслов, указ. соч., стр. 76.

стана во II и I тысячелетиях до н. э., столь важный в быту кочевника материал, каким являются войлок и овчины. Изделия из войлока (покрытие жилища, постели, потники под седла, мешки и т. д.) и овчины, из которых изготовлялась теплая одежда, играли главенствующую роль и вместе с другими изделиями из шерсти и кожи определяли в основном домашний материальный быт кочевников-казахов.

Существенное значение для кочевников-казахов, кочевавших южнее 51—50-й параллели, имело разведение верблюдов, так как севернее указанной широты верблюды не выносили зимних условий.[1] Разведение верблюдов позволяло кочевникам-казахам освоить обширные песчаные места, почти бесплодные. Исключительная выносливость верблюда в качестве вьючного животного, неприхотливость в пище, в соединении с продуктивностью его в смысле доставления шерсти, молока и мяса, делали разведение верблюдов для кочевников-казахов весьма существенной отраслью скотоводческого хозяйства. У нас нет точных указаний о том, когда именно возникло разведение верблюдов в южной Сибири и Казахстане. О древности его можно судить только по некоторым косвенным данным. Среди нескольких изображений по р. Енисею, относящихся к периоду ранних кочевников, имеется изображение верблюда.[2] Среди отдельных находок бронзовой культуры в Минусинском крае имеется рельефная бронзовая бляшка, изображающая всадника верхом на верблюде.[3] Видимо, верблюдоводство относится к периоду ранних кочевников.

Менее существенной отраслью скотоводства у казахов являлось разведение крупного рогатого скота. Кости быка и коровы встречаются на территории Казахстана в погребениях Андроновского культурного этапа (период бронзы), задолго предшествовавшего периоду сложения кочевничества. Однако скотоводство того времени существовало в условиях оседлой жизни, благоприятствовавшей разведению крупного рогатого скота. С переходом же древних обитателей Казахстана к кочевому скотоводству разведение крупного рогатого скота было вскоре же оттеснено на задний план, а в степях, вероятно, было вытеснено окончательно разведением лошадей и мелкого рогатого скота. О сравнительно недавнем разведении крупного рогатого скота говорят и данные, полученные рядом исследователей. Мейер сообщает, что казахи раньше не разводили крупного рогатого скота, и приводит указание о заимствовании его от кара-калпаков (на Сыр-дарье). Причину такого отношения к крупному рогатому скоту указывает Добромыслов, ссылаясь на воинственный и подвижной образ жизни казахов, при котором набеги с целью угона скота, перекочевки на большие пространства были обычным явлением. При таких

[1] По старому административному делению (конец XIX в.) верблюдов разводили преимущественно в южной и средней части „Степного края", по берегам оз. Балхаш и в долине р. Чу (Вл. Герн, указ. соч., стр. 32).

[2] Appelgren-Kivalo. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, S. 4, Abb. 73, 74, 84, 83.

[3] С. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Мат. по этнографии, т. IV, вып. 2, стр. 49, 53.

обстоятельствах разведение крупного рогатого скота, как малоподвижного, менее выносливого, не могущего тебеневать, становилось помехой кочевому образу жизни в тех условиях, ибо рогатый скот часто погибал или доставался врагу.[1] Тот же Добромыслов приводит данные, из которых следует, что, например, киргизы Тургайской области (территория которой соответствовала величине территории Кавказа и Закавказья, взятым вместе) еще в половине XIX в. разводили крупный рогатый скот в очень небольшом количестве и называли его: „кара мал“, „сасык мал“, „жаман мал“, „пшук мал“, что значит дурной, вонючий, плохой, курносый скот.[2] Разведение крупного рогатого скота при кочевом скотоводстве затруднено тем, что последний плохо переносит пребывание на зимних пастбищах, не в состоянии совершать частые перекочевки, требующиеся особенно зимой, когда корм быстро выбивается численно превосходящими животными (лошадьми и овцами). Изложенное разъясняет тот перевес лошади над коровой в средней и южной части Киргизской степи, о котором писали некоторые исследователи еще в конце XIX в.[3] Однако с переходом казахов на полукочевой образ жизни с постоянными зимовками, с сокращением размеров кочевания и развитием оседлости появилась возможность разведения крупного рогатого скота, которое приняло в северных районах Казахстана крупные размеры уже в конце XIX в. Здесь в качестве вьючного и упряжного транспортного животного выдвинулся бык. Кроме того, здесь откармливали быков на продажу. Разница между кочевым и полукочевым казахом в составе стада в том и состояла, что у первого крупный рогатый скот вовсе отсутствовал или содержался в крайне незначительном количестве, а у последнего крупный рогатый скот являлся преобладающим видом скота.

Кочевым характером скотоводства объясняется отсутствие у кочевников-казахов закрытых или открытых помещений, пригонов для скота, чтобы избежать гибели молодняка. Казахи-кочевники регулировали случку различных пород скота с таким расчетом, чтобы молодняк появлялся весной с наступлением тепла и свежего подножного корма. Поэтому, например, самцам баранам и козлам, наклонности к случке у которых проявляются в июле, августе и сентябре, подвязывали к половым органам войлочный предохранитель „kyjok“, подвешиваемый на плетеной веревке, который механически препятствовал половому акту.[4] Предохранитель снимали в конце октября или начале ноября. В противном случае ягнение приходилось бы на зимние месяцы, что при таком способе хозяйства, который описан выше, привело бы к массовой гибели ягнят. Верблюдов, утробный период которых длится 12 месяцев, случали в марте, апреле

---

[1] А. И. Добромыслов, указ. соч., стр. 170; П. И. Рычков пишет о том, что коровы „в степях тебенить не могут, для того киргизы мало их и содержат, и у самого богатого более двадцати не бывает“ (указ. соч., стр. 208).

[2] Ср.: Сборн. „Казахи“, I, Изд. Акад. Наук, 1927, стр. 71.

[3] Вл. Герн, указ. соч., стр. 19.

[4] В коллекциях Гос. Музея этнографии в Ленинграде (ГМЭ) такой предохранитель зарегистрирован под № 3378-22. См. также колл. МАЭ, № 1287-46.

Кочевым способом ведения скотоводческого хозяйства у казахов, при котором скот пасся стадами в открытой степи, была вызвана необходимость метить или таврить его особым тавром — тамгой. Метки делали на ушах жеребят, ягнят, верблюжат.[1] Кроме того, на бедро лошади ставили выжиганием на шерсти знак владельца — тамгу, который раньше был родовым.[2]

Основным орудием труда кочевого скотоводства у казахов являлись седло, аркан и „суйюл" — длинный деревянный шест, с привязанной большой петлей (из волосяной веревки) для поимки лошадей.[3]

Не имея понятия о настоящей медицинской помощи больному скоту, кочевые казахи все же применяли некоторые приемы лечения, выработанные опытным путем народной медициной. При этом интересно, что большая часть этих приемов относилась к лечению лошади, что должно быть признано характерным для кочевников. Опухоли у лошади лечили прикладыванием к разрезу на опухоли зерен и корня какого-то растения.[4] От болезни живота поили порошком из сушеной шкурки змеи, растворенным в воде.[5] При ранении спины лошади надевали на шею особый снаряд — „мойнагаш", мешающий ей расчесывать рану.[6] Для удаления червей, заводящихся у овец в ранах под хвостом, употреблялась заостренная палочка.[7]

Кочевой образ жизни казахов вызвал у них существование ряда подсобных занятий, приспособленных к обслуживанию кочевого хозяйства и быта. Если постоянное передвижение по степным и горным просторам сталкивало казахов с представителями животного и пернатого мира этих областей и вызвало к жизни охоту на них ради мяса, шкуры, меха, то приемы этой охоты получили особый характер, связанный с кочевым скотоводческим хозяйством. Здесь получила преобладающее развитие верховая охота, преследование зверей на лошади с нагайкой в руке, с копьем, луком или ружьем, с укрюком — длинной гибкой палкой с петлей из волосяного аркана на тонком конце, с ловчими птицами: беркутом и различными ястребами, с гончими собаками.[8] Этот вид верховой

---

[1] Метки на ушах лошадей известны у кочевников Алтая уже в I тысячелетии до н. э. (М. П. Грязнов. Пазарыкский курган. М.—Л., 1937, стр. 23).

[2] О тамгах см.: Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о родовых тамгах и т. д. Живая старина, 1894, III—IV.

[3] Колл. ГМЭ, № 3378-8, сујул, длиною 3 м.

[4] Колл. ГМЭ, № 3378-46 — зерна растения для лечения опухоли лошади 3378-42, 43 — кусочки какого-то горного растения для лечения опухоли у лошади.

[5] Колл. № 3378-45 — джилан тересе — шкурка змеи для лечения лошади.

[6] Колл. 3378-15 — „мойнагаш" представляет два сбитых деревянных креста, связанных волосяной веревкой; у одного креста привязана веревка для скрепления обоих при надевании снаряда. См. также колл. МАЭ, № 1287.

[7] Колл. 4532-5, длина 24 см.

[8] М. Леваневский. Очерки киргизских степей. Земледелие, 1894, кн. IV.; Назаров. Фил. Записки о некоторых народах и землях Средней Азии. СПб., 1821; М. Чорманов, указ. соч.; П. И. Рычков, указ. соч.

охоты, известный нам по некоторым археологическим памятникам танского времени (618—907 гг.), принадлежащим кочевникам южной Сибири (могильник Кудурге на Алтае), доставлял казахам мясо для питания, шкуры для одежды. Так, например, охота на диких лошадей „куланов" (Asinus hemionus Pall.) подкарауливанием у водопоя или весной с укрюками, верхом на скакунах давала высоко ценимое по вкусу мясо, кроме того кожу, необходимую в хозяйстве кочевника хотя бы для изготовления посуды.[1] Известны случаи поимки куланов с целью одомашнения их.[2] На уток и гусей охотились почти исключительно с ловчими птицами, при помощи последних (беркутов) ловили и лисиц, корсаков (Vulpes corsac. L.), зайцев и даже волков и диких коз.

Земледелие у кочевников отсутствовало. Оно играло подсобную роль для полукочевых казахов-скотоводов, имевших постоянные зимовки, вокруг которых сосредоточивались посевы, и затем у богачей, где оно имело фуражное значение, так как последние, особенно в северных районах Казахстана, отходили от чисто пастбищного способа кормления скота.

В числе занятий кочевых казахов существенное место занимали различные промышленные занятия, имевшие домашний характер и игравшие большую роль при кочевом образе жизни. Среди них нужно указать прежде всего на изготовление войлока, получившего в повседневной жизни кочевника-казаха огромное значение. Войлоком казах-кочевник покрывал свое жилище, войлок служил ему постелью, войлочные ковры украшали внутренность юрты. Войлок был необходим при заседлывании лошади, ибо он смягчал давление седла, предохранял спину лошади от стирания, впитывал пот при быстрой езде. Из войлока шили мешки, футляры для посуды, необходимые при перевозке ее вьюком и т. д. Производство войлока было развито уже в I тысячелетии до н. э. у ранних кочевников южной Сибири и дошло до нас в виде сохранившихся, например, в некоторых курганах Алтая отдельных изделий из различного по качеству войлока, порой окрашенного. У казахов войлок делали преимущественно из овечьей шерсти. Овец стригли два раза в год — весной и осенью. Шерсть, получавшаяся от весенней стрижки, называлась „джабага" (от 1 до 2 кг с овцы). Под этим же названием были известны овечья и верблюжья шерсть, которая хлопьями отделяется весной сама. Качество этой шерсти считалось невысоким, и из нее, предварительно сваляв, делали армяки, мешки, попоны для

---

[1] М. Леваневский, указ. соч., стр. 122; П. И. Рычков, указ. соч., стр. 206; М. Чорманов, указ. соч., стр. 12.

[2] М. Леваневский, там же.

[3] Об охоте с ловчими птицами: беркутом, различными ястребами и соколами, о приемах воспитания, обучения этих птиц, об их породах в связи с различными охотничьими качествами см. у М. Чорманова, М. Леваневского, П. И. Рычкова, Назарова в цитированных выше работах. В колл. ГМЭ имеется „томага" — кожаный головной колпачок для беркута, украшенный сердцевидными серебряными пластинками. Размер колпачка 10 × 9 см. Колл. № 1471-40 и № 1471-41 — выкройка колпачка „томага" из бумаги. Акмолинская обл., Петропавловский у.

лошадей, а бедняки шили шубы, покрывая их армяком из бараньей шерсти.[1] Шерсть осенней стрижки считалась лучшей по качеству и шла на изготовление войлоков, особенно наиболее ценимых белых войлоков. Для того чтобы получить войлок в 2.5 м длины и около 2 м ширины, требовался настриг в среднем от 25 овец. Шерсть весенних ягнят стригли впервые месяца через 4 после рождения, обычно в июле, и из нее выделывали узорчатый войлок. Верблюжью шерсть стригли один раз в год и различали два основных ее сорта: „джабага", свалявшаяся в войлок на теле, и „чуда" или „шуда" — длинная шерсть головы, шеи, колен. Из джабага делали шубы и одеяла, из чуда получали прочные нитки для шитья войлочных и кожаных изделий.

Как и древние кочевники южной Сибири, казахи красили шерсть в различные цвета, применяя для этого растительные красители. В коллекциях Гос. Музея этнографии находятся следующие растения, употреблявшиеся казахами в качестве красителей шерсти: *Anabasis aphyla*, *Statical Gmelini*, *Peganum harmala*.[2] В этнографической литературе еще упоминается корень растения „тумар буяу", которым казахи также окрашивали шерсть.[3]

Сам процесс изготовления войлока был довольно прост и составлял женскую работу. Овечью шерсть, иногда мытую после стрижки, а иногда и не мытую, клали на конскую или бычью сухую кожу (тулак) и разбивали ее тонкими прутьями. Когда шерсть делалась пушистой, ее накладывали ровным слоем на циновку нужного размера, поливали горячей водой и закатывали в трубку вместе с циновкой. Затем разворачивали циновку, снова смачивали шерсть горячей водой и опять закатывали в трубку, но уже без циновки, и снова катали по земле, делая это несколько раз, пока не получали войлок желательной толщины и плотности. Таким образом, орудиями труда при изготовлении войлока являлись деревянные прутья (сабау), циновка из камыша и женские руки. Такая техника, не требующая ни сложных приспособлений, ни громоздких орудий труда, вполне соответствовала кочевому образу жизни. При такой технике сделать войлок можно было везде и всюду, в любое время, для этого нужно было только нагреть воду.

Такой же простотой и первобытностью отличалась и выделка кожи. Выделывали кожу преимущественно кислым подсоленным молоком „айраном". Конская кожа кисла в айране около месяца, затем ее очищали ножом, высушивали и мяли. Овчины и кожу жеребят смачивали айраном в течение недели по 3—4 раза в день, затем сушили, чистили от остатков жира, от приставших кусочков айрана зубчатой палкой (ирен) и затем мяли. Кожа верблюда и быка выделывалась по способу конской. Мяли кожу либо при помощи специального снаряда „талкы", либо

[1] В колл. ГМЭ под № 1471-35 имеется образец „джабага" — зимней стрижки, длина 225, ширина 54 см. В колл. МАЭ джабага под № 1287-54 овечья и под № 410-17— верблюжья.

[2] Колл. ГМЭ, № 4532-41, 42, 43.

[3] М. Леваневский, указ. соч., Землеведение, 1894, кн. III, стр. 47.

овчину клали под дверь юрты на неделю, чтобы каждый входящий наступал на нее, и таким образом кожа разминалась. Талкы состоял из высокой деревянной рогатки с зазубринами и длинного деревянного шеста также с зазубринами в нижней части и небольшой рогатиной в верхней.[1] Казахи-кочевники умели окрашивать выделанную кожу при помощи различных красок. Имеется указание, что краску под названием „кыбыгу" разжевывали во рту и оплевывали ею кожу, которая окрашивалась в темномалиновый цвет.[2]

Подобно древним кочевникам южной Сибири, казахи широко использовали волос, преимущественно конский, для плетения веревок и арканов, столь необходимых при кочевой жизни. Они делали арканы для привязывания и поимки из табунов лошадей, длиною свыше 20 м,[3] различные веревки для завязывания вьюков, для привязывания скота[4] и т. д.

Кочевники-казахи сами изготовляли и деревянные изделия, необходимые в скотоводческом хозяйстве. Это были: деревянные части кочевого жилища, основы седел, подставки для кумыса, ящики-сундуки, посуда (чашки, корытца, ложки, черпаки) и т. п. Орудиями для выделки деревянных предметов были маленький топорик — тесло, нож, сверло, толстая палка „тесь", с прорезью в верхнем конце, для сгибания палок, составляющих остов крыши юрты.[5]

Обзор домашней промышленности кочевников-казахов можно закончить указанием на ткацкое и кузнечное дело. Ткачество у кочевых казахов было в зачаточном состоянии. У них не было ткацкого станка в полном смысле этого слова, но имелась основа, берда, ниченки и челнок для утка, державшиеся на основе-треноге, а основа натягивалась параллельно земле между двумя колышками, вбитыми в землю.[6] Такой станок в силу его легкости, портативности вполне соответствовал особенностям кочевой жизни казахов. Казахи ткали широкие ленты для обвязывания жилища[7] и выделывали из верблюжьих ниток узкое грубое сукно для верхней одежды.[8] Слабое развитие ткачества у кочевых казахов компенсировалось изготовлением одежды из кожи, овчин и, особенно, путем обмена продукции скотоводческого хозяйства на готовые ткани, завозимые кочевникам с глубокой древности торговцами из Средней Азии, Китая и России.

---

[1] Колл. ГМЭ, № 3378-84 а, б.; колл. МАЭ, № 1287-60 — инструмент для выделки кожи.

[2] М. Чорманов, указ. соч., стр. 21—22.

[3] Колл. ГМЭ, № 3378-7; 5525-43; 3378-2, 3, 4.

[4] Колл. МАЭ, № 1710-8; 1287-43.

[5] Колл. ГМЭ, № 3378-80. Бурго-сверло, состоящее из двух колышков, вбиваемых в землю, сверху связанных веревкой, и вставленного между ними валика с зарубками по поверхности и вбитыми железными остриями на концах; употребляется для сверления прутьев стен юрты. Колл. МАЭ, № 410-36 — топорик.

[6] Колл. МАЭ — веретена № 3188-6,7; 410-22, 23, 128; 413-12; ткацкие станки № 689-1; 1287-16, 17, 18; 410-6, 8 — для тканья овечьей и верблюжьей армячины.

[7] Колл. ГМЭ, № 5525-23, 24, 25, 26, 27, 29, 32; 4532-21; колл. МАЭ, № 1752-2, 3; 1287-51, 52; 439-5; 689-5.

[8] Колл. МАЭ, № 410-2, 3 — армячина верблюжья; 410-4 — армячина из верблюжьей и овечьей шерсти; 410-5 — армячина из овечьей шерсти.

Кузнечное дело у кочевых казахов также носило скромные размеры и было подчинено потребностям кочевой жизни.

При посредстве самых незатейливых и немногочисленных инструментов, легко умещающихся в небольшой кожаной сумке, перекинутой через седло, казахи-кузнецы умели делать из железа ружья, сабли, копья, топоры, тесла, ножи, таганы, ножницы, удила, стремена, пряжки для подпруг и т. д.[1]

Вместе с этим казах-кузнец являлся и серебреником, удивительно чисто и искусно выделывавшим серебряные бляхи для уздечек или поясов, серебряные стремена, седла и вообще всю конскую сбрую, головные уборы для невест (саукеле). Как видно из сделанного перечня, почти весь ассортимент изделий кузнеца-серебреника был приспособлен к удовлетворению потребностей кочевого хозяйства и быта казаха.

Чтобы закончить рассмотрение технической базы скотоводов-кочевников, необходимо еще остановиться на вооружении и средствах передвижения.

Кочевой, воинственный образ жизни, постоянные набеги в целях овладения скотом и т. д. вызывали у казаха необходимость быть постоянно вооруженным. Так оно и было еще в недавнее время. Еще в половине прошлого столетия, например, у зауральских казахов вооружение было обычным и состояло из топоров на длинной рукоятке — чеканов (айбалта), пики (найза), шашек (клыч), кремневых ружей, луков и стрел. Казахи прекрасно владели оружием, они украшали им кибитку.[2]

Из приведенного перечня оружия видно, что значительная часть его была приспособлена для верхового вооружения. Лук был сложным, стрелы с железными наконечниками, с оперением на хвосте. Колчан имел деревянный остов, был оклеен кожей, украшенной с лицевой стороны тисненным растительным орнаментом.[3]

К вооружению кочевника-казаха необходимо отнести толстую плеть „камчы", назначение которой не ограничивалось тем, чтобы погонять коня. Плетью били лисиц на охоте, плетью били врагов и т. д.[4]

В качестве старинного оружия для защиты стад от воров-барантачей и от волков у пастухов висела на левой руке „союл" или „соил" — палка с утолщением из корня на одном конце и петлей из ремешков для прикрепления к седлу, длиною свыше 2 м на другом.[5] При грабежах этой палкой убивали людей. Союл одновременно служила и укрюком, т. е. приспособлением для ловли лошадей из табуна.[6] В качестве оборони-

[1] Колл. МАЭ, № 410-93 — мехи кузнечные, длина 116 см, ширина 47 см.

[2] Мейер, указ. соч., 1865, стр. 73, колл. МАЭ, № 410-39 — пики; 3313-112, 116, 117, 119 — боевой топорик; 410-38 — то же.

[3] См. колл. ГМЭ, № 5280-1 — колчан со стрелами. Длина колчана по переднему ребру 60 см, по заднему 47 см. Максимальная ширина внизу 14.5 см, длина ствола 71 см, оперения 16.5 см. Размер железного наконечника 3.5 × 1.4 см; № 5280-2 — налучник из толстой кожи орнаментированной.

[4] См. колл. ГМЭ, № 1471-36, 37; 4532-1; колл. МАЭ, № 1749-4, 5; 313-115.

[5] Колл. ГМЭ, № 1062-107.

[6] Снаряд для ловли лошадей в виде жерди, около 5 м длиной, с арканом, привязанным петлею на конце, известен под названием „каррок" (колл. ГМЭ, № 1062-108).

тельного оружия от барантачей казахи еще употребляли аса и чохпар.[1] Аса представлял собой длинный деревянный шест, один конец которого заканчивался железным наконечником и длинным острием, а другой конец его был обхвачен железной обоймой и заканчивался шарообразным деревянным расширением. Чохпар весьма близко походила на союл и представляла собою длинную деревянную палку, с одного конца незначительно суживающуюся, а с противоположного — расширенную.

Зависимость материальной культуры от кочевого образа жизни особенно ярко проявилась у казахов в отношении средств передвижения, которыми у них являлись разводимые домашние животные. Среди последних главное значение должно быть признано за лошадью. Освоение лошади в качестве основного и главного вида транспорта было связано у кочевников с рядом крупных изобретений, к которым нужно отнести прежде всего изобретение удил, затем седла и стремени. Эти изобретения были усовершенствованы, а частью и открыты в период ранних кочевников. Удила окончательно покорили лошадь. Значение седла в жизни кочевника трудно переоценить. Седло со стременем позволяло кочевнику-казаху легко совершать длительные и быстрые переезды, облегчало возможность верховой охоты, предохраняло спину лошади от повреждений и т. д. Вот описание казахских седел: „Древнее киргизское седло массивное, тяжелое, с вертикально стоящей, широкой, полукруглой передней лукой и высокой и также широкой, незначительно назад наклоненной, задней спинкой; передняя и задняя стороны седла, как и луки, покрыты посеребрённым железом, разукрашенным разнообразными вызолоченными или посеребрёнными бляшками; сидение обито кожей... Новое киргизское седло, довольно легкое, имеет рогообразную переднюю луку, согнутую своим широким концом вперед; задняя спинка низкая, с значительной наклонностью назад; сиденье расширяется к заду; верхняя часть седла обита кожей“.[2] Казахское верховое седло имело нагрудник и подхвостник, широкую и прочную подпругу из ремня, застегивающуюся на пряжку с язычком. Это делало его весьма устойчивым на спине лошади даже в условиях горной местности. Под седло клался войлочной потник, верхняя сторона которого обычно покрывалась кожей. Стремена прикреплялись к седлу ремнями с пряжками для регулирования их длины.[3] Стремена были преимущественно железные, хотя встречались и деревянные.[4] Подушка седла делалась из войлока, обтягивалась кожей и пристегивалась к деревянной основе седла специальным ремнем, а иногда и подпругой. Узда плелась из тонких ремешков и имела железные удила, из двух звеньев, четырехгранной формы. При вьючении лошади делались два вьюка, примерно равного объема и веса,

---

[1] Колл. ГМЭ, № 3378-81 и 82.

[2] А. И. Добромыслов, указ. соч., стр. 114, 115.

[3] Колл. МАЭ, № 2451-1 — седло; 2451-2, 3 — подхвостник; 1459-9, 10 — тебеньки; 1287-53 — подпруга; 2451-4 — пояс ременный с медными бляшками для привязывания подушки седла; 5235 — нагрудный ремень от седла.

[4] Колл. ГМЭ, № 1062-109; колл. МАЭ, № 410-40.

перебрасывались через седло, на бока лошади, и привязывались еще специальными арканами, чтобы во время движения лошади они были неподвижными. Большое значение, как вьючное животное, имел верблюд. Для вьючения одногорбого верблюда употреблялось специальное седло „ашамай", снабженное подхвостником и нагрудником, предохранявшее горб от трения грузом. Двугорбые верблюды вьючились без седла, но им клали на спину для защиты от трения войлочную подушку, набитую камышом и имеющую отверстие для надевания на горбы. Верблюжий вьюк состоял из пары продольных вьюков, перекинутых через спину и лежащих на боках. Предельная длина этих вьюков была такой, что она не мешала свободному движению шеи верблюда. Колесный транспорт в виде арбы и употребление в качестве транспортного животного быка не имели сколь-либо существенного значения у кочевых казахов и должны быть отнесены к особенностями культуры полукочевых казахов.

При характеристике особенностей материальной культуры в области домашнего быта казахов-кочевников необходимо подчеркнуть, что и здесь кочевой образ жизни наложил свой своеобразный отпечаток. Прежде всего это сказалось на жилище, его форме, материале, конструкции, внутреннем убранстве и т. п. Необходимость часто менять местожительство в связи с постоянным кочеванием заставила кочевников-казахов постепенно выработать особый переносный тип жилища, являющийся одним из наиболее ярких признаков кочевого быта. У казахов это была легкая и довольно прочная юрта, которую можно быстро разобрать, навьючить на нескольких верблюдов или лошадей и быстро, в один час, установить по приезде на новое место. Она состояла из деревянного остова (кереге), в виде нескольких звеньев складной деревянной решетки (из гнутых палок, скрепленных ремешками), поставленных по окружности и связанных между собой. Остов крыши делался из длинных гнутых палок (ук), привязанных к кереге загнутыми концами, а прямыми вставленных в отверстия деревянного круга (чангарак), служившего дымоходом и источником естественного освещения юрты. Решетка и уки, составляющие крышу, делались из тальника, как дерева наиболее легкого, а дымовой круг, к которому предъявлялись требования особой прочности, — из березы. Двери юрты состояли из деревянной рамы, вставленной между концами решеток, замыкавших круг, и из одной или двух створок самих дверей. К деревянным частям казахской юрты нужно еще отнести березовую палку, „бокан" (в больших юртах их было несколько), подпирающую дымовой круг с целью сделать юрту более устойчивой при сильном ветре. При постановке юрты с наружной стороны ее еще обставляли кругом циновкой, плетеной из высокой степной травы, называемой по-казахски „чий". Покрывалась юрта кошмами-войлоками, выкроенными определенным образом. Войлочное покрытие юрты состояло из следующих частей: а) „туурлык" из 4 квадратных широких кусков, покрывавших решетку-кереге и гнутую часть палок „ук"; б) „узюк" из 2 частей, каждая в виде трапеции, покрывала крышу, спускаясь на туурлык и вверху доходила до дымового отверстия; в) „тюндюк" — четырех-

угольная кошма, набрасывалась на дымовой круг, передвижкой ее регулировалось дневное освещение в юрте.[1] Дверь покрывалась с наружной стороны куском белой кошмы „есык“, обычно орнаментированной. Кроме того, в качестве материала для юрты нужно назвать шерстяную тесьму для связывания между собой стенных решеток, иногда орнаментированную геометрическим узором,[2] и различные шерстяные шнуры, плетенные из цветной шерсти, с введением в них для прочности белого и черного конского волоса, украшенные иногда кистями с бахромой.[3] Особо следует отметить шерстяную тесьму, широкую, нередко прекрасно орнаментированную геометрическим узором[4] или изображением верблюдов и лошадей, которой обвязывают войлочное покрытие юрты снаружи.[5]

Таким образом, доброкачественное кочевое жилище казахов, в котором они жили в течение круглого года, было не только портативным, легким, но и защищающим от дождя, ветра, стужи и жары и, следовательно, в значительной мере соответствовало условиям кочевой жизни. Ставилось и разбиралось такое жилище быстро и всегда в определенном порядке. Изготовление большинства необходимых частей этого жилища было доступно рядовому среднему хозяйству в пределах его собственных сил. В качестве топлива в безлесных местностях употребляли овечий помет „кий“, ценившийся у казахов вследствие этого довольно высоко.

Еще более легким и портативным было жилище пастуха „кош“ или по другому произношению „кос“. Оно состояло из 3 небольших решеток, поставленных в круг; жерди—ук, образующие остов крыши, не вставлялись в круг — „чангарак“, а укреплялись сверху в простой крестовине; поэтому крыша „коша“ была конусообразной. Кош покрывался кошмой. С этим легким жилищем пастухи следовали за стадами зимой и летом, согреваясь у костра, разводившегося посредине.

Кочевое поселение у казахов иногда сохраняло старинную особенность в расстановке жилищ по кругу, хорошо известную нам для монголов XI—XII вв.[6] Внутрь круга или полукруга, образованного поставлеными жилищами, загоняли на ночь домаший мелкий скот и верблюдов.[7]

Обычно юрта казаха-кочевника служила ему не только жилым, но и хозяйственным помещением и в случае нужды, например ранней холодной весной, помещением для ягнят, жеребят, телят, верблюжат. Так как размеры обычной кибитки не были велики (20—30 кв. м),

[1] Подробное описание казахской юрты неоднократно приводилось в научной литературе. См. например: Маковецкий. Юрта. Летнее жилище киргиз. Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. геогр. общ., 1893, XV, вып. 3; колл. МАЭ, № 439-1 — кереге; 439-12 — уки; 493-13 — „бокан“ для поддержки дымового круга, резной, старинный; 439-4 — дымовой круг — чангарак; 439-6, 7 — кошемные покрышки юрты; 439-3 — косяки дверей.

[2] Колл. ГМЭ, № 5525-23, 24, 25.

[3] Колл. ГМЭ, № 5525-29.

[4] Колл. ГМЭ, № 5525-26, 27, 32.

[5] Колл. ГМЭ, № 4532-21.

[6] Владимирцев. Общественный строй монголов, стр. 37.

[7] Казахи, т. I, стр. 16, 71.

то размещение в ней различной утвари и инвентаря, размещение самих обитателей было возможным только в силу того, что юрта делилась на определенные части, закрепленные обычаем, где каждый обитатель обоего пола точно знал свое место в юрте, где для каждой вещи также было строго определено свое место. Разумеется, это достигалось, как это будет показано дальше, и экономией в смысле размера, объема и количества вещей, составляющих обстановку кочевого жилища. Юрта казахов-кочевников делилась в основном на две половины: на правую от входа — женскую и на левую — мужскую. Видимо, такое деление является отражением принадлежности в древности жилища женщине. При матрилокальном браке мужчина переселялся в род жены и жил в ее жилище. Свежим пережитком этого явления нужно признать обычай кочевников-уйгуров, у которых молодожены, по сообщению китайской летописи Суйской династии (589—618), после свадьбы отправлялись жить в дом родителей жены до появления у них и вскормления грудью первого ребенка, после чего жили в своем доме.[1] У казахов пережитки этого сохранялись в обычае давать в приданое дочери кочевое свадебное жилище „отау", в котором молодые жили некоторое время после свадьбы, после чего уже переходили в менее нарядную, но более просторную юрту мужа.[2] Таким образом, у казахов холостой юноша жил до женитьбы в юрте отца, а при женитьбе переселялся на некоторое время в юрту жены, которую она привозила в качестве приданого, и затем обзаводился собственной юртой и выделялся из хозяйства отца. Стало быть, жилище при матрилокальном браке у казахов принадлежало женщине, с утверждением же патрилокального брака женщине принадлежало уже только свадебное жилище. Некоторым намеком на это можно считать и то обстоятельство, что супружеская постель в юрте качевника-казаха до последнего времени находилась на женской половине.

На этой же половине, сразу же у входа, обычно за перегородкой из чия, помещалась кухня и кладовая. Здесь стояла различная посуда и хозяйственная утварь, особенно связанная с молочным хозяйством, хранилось мясо подвешенным к кереге, кумыс и кислое молоко в специальной посуде и т. д. На левой, мужской стороне, сразу же у входа лежали седла, верховая сбруя. На этой же стороне висело охотничье оружие, жили ловчие птицы, и ночевали борзые собаки. У дверей же ютился в холодную погоду молодой, только что родившийся скот. Прямо против входа находилось почетное место „тёр", или передний угол. В нем у стены юрты стояли деревянные сундуки в кошемных чехлах, поставленные один на другой, или же кожаные и кошемные сумки с одеждой, украшениями и прочим наиболее ценным домашним скарбом кочевника. В переднем углу принимали почетных гостей. Часто женщины сидели в переднем углу в стороне, примыкающей к женской половине. По середине юрты находился очаг,

[1] Д. Позднеев. Исторический очерк об уйгурах. СПб., 1899, стр. 41.
[2] Ф. [А.] Фиельструп. Свадебные жилища турецких народностей. Мат. по этнографии, т. III, вып. 1, Л., 1926.

где стоял трехногий таган. Таково было в общих чертах внутреннее деление жилища кочевых казахов. Скромные размеры жилища, необходимость постоянных передвижений со всем скарбом оказали влияние на количество, размеры и материал вещей домашнего обихода. Посуда и утварь делались из небьющегося материала: кожи, дерева, войлока, продолговатой формы, небольшого размера, пригодных для перевозки вьюком. Преобладание кожаной посуды разъясняется из условий скотоводческого хозяйства, приспособленного к условиям безлесной местности, к условиям степей. В изделиях из кожи у казахов сказалось умение кочевника использовать полностью все, что дает скот, включительно до желудка, кишек и брюшины. Из посуды нужно отметить прежде всего мешки-сосуды из цельной, очищенной от волос и продымленой кожи лошади (саба), барана (торсук) и других домашних животных, для хранения кумыса, кислого молока и т. п. жидкостей.[1] У богачей сосуды „саба“ для кумыса иногда были огромных размеров, емкостью до 100 ведер (из 10 лошадиных шкур). Предназначались они для хранения кумыса при большом стечении гостей.[2] Из невыделанной кожи шили также ведра для зачерпывания воды из колодца, подойники для доения кобылиц, цилиндрической формы с длинным носиком у верхнего края (также из кожи) в форме трубки, загнутой книзу, с веревкой из конского волоса вместо дужки.[3] Кожа с головы лошади снималась чулком, челка и уши оставались на дне, веки зашивались, края отверстия, обрезанные выше рта лошади, выворачивались наружу, и сквозь них пропускалась ременная петля, позволяющая раскрывать и сжимать отверстие сумки.[4] В такой сумке хранили разную мелочь. Снимание шкуры чулком было одним из распространенных способов изготовления кожаной посуды в виде мешков-сосудов, сумок (мехом внутрь) для хранения чайной посуды.[5] В овечьих сушеных желудках хранили масло, из брюшины делали ведерки для хранения сметаны, кишки также употреблялись для хранения молочных продуктов.[6] Типичной кочевнической посудой нужно признать кожаные бутылки с узким горлом, предназначенные для хранения различных напитков во время верховой езды, прикрепляемые к седлу.[7] В большом употреблении у кочевых казахов была и деревянная посуда, удобная для перевозки. Из нее нужно отметить долбленые ведерки с вставным дном

---

[1] Колл. ГМЭ, № 1062-80 — турсук для кумыса, высота 46 см; 1062-78 — саба, размеры 46 × 56 см (нижняя часть широкая, четырехугольной формы), высота 77 см, емкость около 5 ведер, горло сосуда узкое, завязывается шерстяным шнурком; колл. МАЭ, № 410-25 — саба; 411-10, 17, 28 — турсуки.

[2] М. Леваневский, указ. соч., стр. 91.

[3] Колл. ГМЭ, № 1062-83 — „ковга“ — ведерко из невыделанной кожи; 1062-81 — водойник для доения кобылиц, высота 28 см, диаметр 25 см; колл. МАЭ, № 1710 — ведерко кожаное.

[4] Колл. ГМЭ, № 4532-26; высота сумки 35 см, ширина по краю 29 см.

[5] Колл. ГМЭ, 1062-84, размеры 24 × 18; № 4532-30, 31, высота 70 см; 3378-27, 33, 34, 35; № 5550-15, 16.

[6] Колл. ГМЭ, № 3378-29, 30, 26, 31, 32.

[7] Колл. МАЭ, № 2342-17; 439-11, 781-2 — все сосуды орнаментированы тиснением.

цилиндрической формы для воды и для молока.[1] Затем различные чашки для питья кумыса и кислого молока, ковши и черпаки для кумыса, иногда орнаментированные блюда и корытца для мяса и жира.[2] Значительное место среди деревянной утвари занимали разные деревянные подставки под саба с кумысом, под ящики с одеждой, предохранявшие сосуды и ящики от сырости земляного пола юрты.[3] Иногда из дерева делали и ящики для хранения платья и небольшие шкапчики для посуды, размеры которых ни в одном из измерений не превышали 1 м и, следовательно, были достаточно удобны для вьюка.[4] Приведенный перечень деревянной утвари можно дополнить указанием на сосуды для сбивания масла, деревянные ступки, палки для взбалтывания кумыса.[5] Наконец, необходимо указать еще на утварь, изготовленную из войлока, материала также удобного и доступного для кочевника-скотовода. Она представляла собой чехлы, надеваемые на деревянные сундуки при перекочевке, охватывающие дно, бока и крышку, предохраняющие сундук от сильных ударов во вьюке. Чехлы эти обычно были орнаментированы в виде цветной апликации из ткани.[6]

Среди чехлов были специальные для надевания на концы навьюченной решетки жилища (кереге), чтобы они не били бока навьюченного животного. Такие чехлы украшались иногда цветной бахромой.[7] Из войлока шились сумки—„кап"—для перевозки деревянных чашек.[8] Деревянная посуда, ввиду сложности ее изготовления, особенно чашек, ценилась, и поэтому казахи при перевозке укладывали ее в кошемные чехлы, чтобы предохранить от поломки.[9] Футляры эти также украшались нашитыми резными кусочками цветной материи. Однако наиболее важное место

---

[1] Колл. ГМЭ, № 1062-97, — ведро, высота 38 см, диаметр 24 см; 5550-20, 22, 11 — ведерки, диаметр 12 — 13 см, диаметр 20—26 см.

[2] Колл. ГМЭ, № 1062-89, 90, 91, 92 — чашки деревянные для питья кумыса, диаметр от 5 до 18 см, глубина 5—6 см; 1062-85, 86 — чашки деревянные для кумыса, орнаментированные бороздками, диаметр от 31—58 см, глубина 13—20 см; 1471-44 — ковш для кумыса с плоским дном, глубина 5.5 см, диаметр 12 см; 1062-93 — то же, глубина 4 см, ширина 17 см, длина ручки 44 см; 1471-45 — ложка старинная для кумыса; 1062-87, 98 — блюда для кумыса и для кислого молока, общий диаметр 31—50 см; 1062-95, 96 — корытца для мяса и для кислого молока, длина 74 см и 103 см, ширина 30 и 32 см, глубина 14—17 см.

[3] Колл. ГМЭ, № 4532-25 — подставка под саба, наибольший диаметр 94 см, высота 47 см; 1062-133-134 — подставка под ящики, длина 68 и 80 см, ширина 40 и 20 см.

[4] Колл. ГМЭ, № 1062-130, 131, 132 — „кебеже" — ящики деревянные на низких ножках, старинные для хранения платья, наибольшая длина 99 см, наибольшая ширина 49 см, наибольшая высота 49 см; 1062-60 — шкапик разборный для посуды, высота 87.5 см, ширина 75 см, глубина 18 см; 1062-135 — то же, размеры: высота 66, длина 51 см.

[5] Колл. ГМЭ, № 1062 — майчелек — для сбивания масла, высота 91 см; 4532-38 — деревянная ступка, высота 14 см, диаметр 20 см.

[6] Колл. ГМЭ, № 1062-75, 76 и колл. ГМЭ, № 4232-24; колл. МАЭ, № 1287-2, 3; 410-20; 1753-5.

[7] Колл. ГМЭ, № 5432 — кереге-кап — кошемный чехол, надевающийся на концы сложенного кереге при перевозке, длина 72, ширина 32 см.

[8] Колл. ГМЭ, № 5525-38, 39, 36; 1062-77; 4532-23.

[9] Футляры для деревянных чашек: колл. № 3378-37; 5525-35, 37.

среди кошемных изделий в жилище занимали постельные кошмы и различные коврики для постилания на пол или для развешивания на стены юрты.[1] Эти ковры особенно богато орнаментировались техникой цветной апликации.[2]

Остается еще сказать, что постоянное пребывание кочевника-казаха в степи научило последнего использовать разновидность степного ковыля *Lasiogrostis splendens*, по-казахски „чий", высота коего достигает почти 2 м.[3] Из стеблей чия казахи плели циновки, часто переплетая стебли цветной шерстью таким образом, что на циновке получался цветной узор.[4] Циновки шли на обертывание деревянной решетки юрты, служили в качестве ширмы, отделяющей в юрте кухню, были необходимы при катании войлока, на таких же циновках сушили сыр.

После краткого обзора утвари и посуды у кочевников-казахов нужно отметить, что утварь эта, особенно посуда, была весьма немногочисленна, что вызывалось кочевым образом жизни, и поэтому часто одна и та же посуда в целях экономии, служила для разных целей (например блюда для мяса употреблялись и для кислого молока). В этом отношении большое значение имело и то обстоятельство, что у казахов-кочевников семья ела не одновременно, а по очереди, по старшинству, благодаря чему семья вполне обходилась и тем небольшим количеством посуды, которое было так характерно для кочевников.

Переходя к характеристике особенностей пищи казахов, обусловленных кочевым образом жизни, необходимо подчеркнуть, что основой питания у них являлись мясо и различные молочные продукты. Формула китайских хроник относительно кочевников конца I в. до н. э. и первых веков н. э.: „Питаются мясом, пьют кумыс" или „питаются мясом скота, пьют его молоко"[5] — полностью применима и к казахам-кочевникам. Это вполне естественно, так как основной отраслью производства при кочевом образе жизни было скотоводство при полном отсутствии земледелия. Отсюда также становится понятным и то обстоятельство, что хлебная, мучная пища у рядовых скотоводов занимала в питании ничтожную долю, и продукты для нее приобретались путем обмена или покупки. Зато мясная и, особенно, молочная пища отличалась большим разнообразием, свидетельствующим о ее древности и повседневности.

Краткое рассмотрение этих видов пищи удобнее начать с молочных продуктов. Молочные продукты употреблялись казахами в жидком (различные напитки) и твердом (сыры) виде. Исключительная простота и быстрота приготовления жидкой молочной пищи как нельзя более

---

[1] Колл. ГМЭ, № 4532-22, 23, 29; 5525-28, 30, 31, 33; 1037-5; 1062-71, 72, 73, 74.

[2] См. Казахский народный орнамент. Изд. „Искусство", М., 1939.

[3] Стебли чия: колл. ГМЭ, № 1037-1, 2, 3, длина 175 см.

[4] Колл. ГМЭ, № 1037-4 — „циновки из чия с цветным узором. Узор — полоски, шеврон, лесенка, в середине шестиугольника лесенки ступенчатый крестик, в середине часть ступенчатого шестиугольника".

[5] Иакинф, I, стр. 2, 251, 268 и др.

соответствовали кочевому быту казахов. При частых и длительных передвижениях, связанных с необходимостью большую часть времени дня находиться в седле, жидкая молочная пища в теплое время года была весьма удобна для наездника. Она висела тут же рядом, в кожаной посуде, привязанной к седлу, и чтобы утолить голод или жажду не нужно было даже слезать с седла. Значение этой пищи особенно возрастало в летнее время, когда казахи кочевали в безлесных местах под палящими лучами солнца. Из молочных напитков у кочевников-казахов первостепенное значение имел кумыс, приготовленный из кобыльего молока. Это весьма древний напиток, известный нам по сообщению Геродота (V в. до н. э.), по упомянутым выше китайским хроникам, позднее, в средние века (XIII в.) по описанию путешественников Плано-Карпини, Рубрука и др.

„Кумыс общеизвестный, высоко диэтический продукт питания, заключает в себе в хорошо усвояемой форме все необходимые для питания человека составные части: белки, углеводы, жиры и минеральные соли“.[1] Его изготовляли путем заквашивания свежего кобыльего молока. Кочевники заквашивали его каждую весну либо специально сохраненным в замороженном виде кумысом либо сухим в виде творожистых крупинок, оставшихся на стенках кожаных сосудов, где хранился кумыс, собранных и высушенных, либо копчиковой костью лошади. Во всех случаях закваски происходит молочно-кислое и спиртовое брожение кобыльего молока, в результате чего и получается этот прекрасный напиток, популярный и в современном медицинском мире. Изобретение кумыса несомненно принадлежит кочевникам, зарождение настоящего кочевания у которых было связано с разведением лошадей, как более выносливых и подвижных животных. Натолкнуться на это изобретение было довольно легко именно при кочевом образе жизни. Подоенное кобылье молоко, слитое в кожаный сосуд-мешок (из сыромятной кожи), подвергшееся взбалтыванию при езде в жаркий летний день, дало кумыс само собой. Стоило затем однажды утолить жажду этим напитком, легким, бодрящим, даже слегка пьянящим, как качества его были открыты и постепенно усовершенствованы приемами изготовления. Впрочем, в приемах изготовления кумыса у казахов до последних дней сохранялись все основные элементы, которые в древности, будучи соединены случайно или сознательно, дали первый кумыс. Кумыс казахи делали в кожаной посуде и лучшим считали тот, который долго и равномерно болтался в кожаном мешке во время длительного пути. Приготовляя кумыс на летних длительных стоянках, его постепенно взбалтывали в кожаной посуде при помощи специальной деревянной болталки-мутовки („пскек“). Так, вероятно, был открыт кумыс — любимый напиток кочевников, в том числе и современных казахов, непременный участник всех торжеств и особенно свадебных в качестве первого угощения. Кумыс воспет у них в песнях, вошел в пословицы, поверья,

---

[1] Н. А. Трофимук. Санитарный очерк обследования водоснабжения, питания, жилища и одежды жителей Казахстана. Казахи, III, стр. 177, 180.

поговорки. Качество хозяйки дома оценивали по умению приготовить кумыс. Выплеснуть из чашки недопитый кумыс считалось грехом. Приготовление и употребление кумыса породили изготовление специальной посуды, часто любовно украшенной. Напиток, типа кумыса, казахи приготовляли из верблюжьего молока под названием „шубат". Из других напитков у казахов нужно назвать „катык" из коровьего или овечьего молока, которое сначала кипятили, заквашивали в теплом виде, ставили в теплое место и перед употреблением размешивали; затем „айран" — густое кислое молоко, но жиже катыка. Айран делали так же, как и катык, только в молоко перед кипячением добавляли одну треть воды, затем уже заквашивали. Кроме перечисленных напитков, из кислого молока делали „ыркыт". Для этого катык или айран хранили до 15 дней, ежедневно добавляя в него свежего или кипяченого молока. Отметим еще один напиток, приготовлявшийся только пастухами овец. Взяв с собой чашку кумыса, обычно в высушенный бараний желудок, пастух добавлял в нее потом несколько чашек овечьего кипяченого молока и получал напиток, называвшийся „койуртпак". Кипячение овечьего молока производили весьма древним способом, в кожаной или деревянной чашке, посредством опускания в него раскаленных камней.[1]

Из сделанного краткого обзора молочных напитков у казахов видно, что все они представляли собой напитки из кислого молока. Последнее обстоятельство необходимо подчеркнуть, как нужно подчеркнуть и то, что кочевники-казахи, как и вообще азиатские кочевники, не пили сырого молока. Возможно, что кочевники привыкли к этому благодаря тому, что молоко у них хранилось в кожаной посуде и в летнее время быстро скисало. Кроме того, они могли подметить и более легкую усвояемость организмом кислого молока, большую утоляемость жажды. Во всяком случае употребление кислого молока в кочевых условиях жизни являлось наиболее целесообразным, здоровым, полезным, если иметь в виду различные желудочно-кишечные заболевания, сопутствующие употреблению летом сырого молока, особенно в условиях, исключающих основные требования санитарии и гигиены.

В связи с особенностью кочевого образа жизни находилось и консервирование молочных продуктов у казахов с целью запаса, заготовки их на зимнее время, когда скот перестает доиться. Это достигалось путем переработки молока в масло и сыры. Изготовление масла у казахов производилось сбиванием вручную мутовкой — „пскек" подогретого айрана или ыркыта. Этот способ переработки и консервирования молока, вероятно, весьма древний. Легко допустить, что уже ранние кочевники могли натолкнуться на идею приготовления масла сбиванием, получив неоднократно масло естественным путем, при длительной перевозке того же айрана или ыркыта в хорошо закрытой посуде. Сбитое масло казахи хранили смешанным с солью в бараньем желудке, туго завязывая его

---

[1] Подробно об изготовлении различной молочной пищи у казахов см.: Ф. А. Фиельструп. Молочные продукты турков-кочевников. Казахи, III, 1930.

отверстие. Наиболее удобным для хранения, в смысле срока, являлся кислый сыр различных сортов, среди которых первое место занимал „курт“. Приготовлялся он из айрана или ыркыта после сбивания масла из них путем выпаривания в котле, пока жидкость не сгущалась. Затем эту густую жидкость отжимали в руках, делали из нее колобочки или лепешечки и сушили их на солнце. В таком виде курт запасался на зиму.[1] Пресный сыр „эремшик“ делали из нагретого свежего овечьего или коровьего молока, заквашенного кислым молоком, кипятя его до пожелтения или покраснения. Полученный таким образом творог, сушили в юрте или на солнце в мешке, иногда предварительно отжимали творог в мешке под прессом.[2] Заготовленный сыр являлся основным видом зимней пищи кочевников наряду с мясом. Сыр „ырымшак“ толкли в мелкий порошок, обливали маслом и полученную массу хранили в овечьем желудке. Этот продукт назывался „джент“.[3]

Не ставя себе задачей исчерпать все разнообразие видов сыров у казахов, мы перейдем теперь к обзору мясной пищи. Последняя занимала в питании казахов исключительно важное место в течение круглого года и особенно зимой, когда молочных продуктов было мало. Как правило, мясо употреблялось в вареном, но не жареном виде. Это обстоятельство находится, нам кажется, в теснейшей связи с особенностью утвари кочевников, в которой отсутствует глиняная и железная посуда, необходимая для жарения мяса, в то время как варить мясо можно было в деревянной и кожаной посуде, опуская в воду раскаленные камни. Наиболее любимым мясом считали мясо лошади и барана. Кости последнего встречены как в древних могилах Казахстана, периода бронзы, относящихся к II тысячелетию до н. э., так и в более поздних впускных погребениях.[4] Мясо барана входило в число снаряжения покойника в загробный мир и полагалось с ним, видимо, в качестве наиболее употребительной пищи. О древности питания бараньим мясом у казахов говорит сложный и древний обычай распределения мяса при угощении.[5] Почетными блюдами считались 6 пар симметрично расположенных костей: 1) тазовые кости, 2) коленные кости, 3) вышеколенные кости, 4) лопатки, 5) надлоктевые кости, 6) локтевые кости. Ребра шли в прибавку к указанным почетным блюдам. Десять задних ребер раскладывали на первые четыре блюда: к тазовым костям прибавляли по три ребра, к коленным костям по два ребра, на остальные четыре пары блюд — длинные ребра, по два на каждое блюдо в отдельности. Хвостовые кости отдавали

---

[1] Колл. ГМЭ, № 1062-120 — образцы „курта“; колл. МАЭ, № 1753-7; 1749-20; 411-15.

[2] Колл. ГМЭ, № 1062-122 — образец „эремшика“ из коровьего молока; колл. МАЭ. № 1749-19; 1753-9; 411-16; этот сыр называли еще „ырымшак“.

[3] О нем см.: М. Чорманов, указ. соч., стр. 17.

[4] М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в западном Казахстане. Сборн. „Казахи“, II, 1927.

[5] Ильминский. Древний обычай распределения мяса, сохранившийся у киргизов. Изв. Археол. общ., т. II, вып. III. Ср. у монголов: Галсан, Гомбоев. Прим. на письмо Н. И. Ильминского к П. С. Савельеву (Изв. Археол. общ., т. II, вып. III, 1861).

дочерям, грудину молодому зятю, за отсутствием такового дочери или жене, шея отдавалась пастуху, оконечности ног и почки ребятишкам, подкладывавшим под котел кизяки, а кишки женщинам, очищавшим внутренности и варившим мясо. При усыновлении чужого ребенка обязательно сзывались почетные старики, кололи барана, и усыновлявший давал в руки усыновленного коленную кость, без этого усыновление не считалось законным. Порядок распределения почетных блюд по степени почетности гостей соблюдался настолько строго, что если почетному гостю подавали блюдо низшее по рангу, то он считал себя глубоко оскорбленным и устраивал скандал.

Кочевники-казахи заготовляли мясо лошадей и баранов впрок путем копчения, соления и замораживания в зимнее время. Для заготовки впрок предпочиталось мясо зажиревших яловых кобылиц и как лакомое кушание — мясо жеребят. Предназначенное к заготовке солением и копчением мясо резали на куски. Таким же образом приготовляли к солению или копчению и мясо барана и сайги (Antilope saiga). Излюбленным способом при копчении мяса лошади являлось приготовление копченой колбасы, называемой „казы“ или „чужук“. Заготовка копченого мяса происходила обычно поздней осенью, когда приходилось жечь больше топлива. Для приготовления колбасы брали неполные ребра жирных лошадей, разделяли их по одному, с принадлежавшей к каждому частью брюшного жира, и, посолив, вкладывали в вымытые кишки, которые крепко завязывали с обоих концов. Приготовленная таким способом колбаса называлась „чужук“.[1] Колбасы или просто куски мяса привешивали в жилых юртах к дымовому деревянному кругу „чангараку“, где оно быстро прокапчивалось и в таком виде могло сохраняться до будущей осени. Открытие консервирующих свойств дыма для мяса, вероятно, было сделано кочевниками и также опытным путем. Долгая сохранность мяса, подвешенного внутри кочевого жилища, всегда наполненного дымом с наступлением холодов, могла быть легко подмечена. В летнее время кочевые казахи предпочитали держать мясо в живом виде. При убое животного его быстро съедали. Возможно, что трудностью продолжительного сохранения свежего мяса летом в жару объясняется столь долгое сохранение обычая взаимного наделения мясом заколотого животного ближайших соседей, возникшего в глубокой древности под влиянием первобытно-общинного строя. Первоочередный убой животных для питания летом, хорошо известный у кочевников, в позднее время имел смысл именно в том, что таким путем обеспечивалась возможность довольно регулярного потребления свежего мяса в жару.

Среди богатых кочевников-казахов и среди полуоседлых, производящих посев на зимних стоянках, в питание казахов вошло употребление проса, из которого делали различные похлебки и муку. Из последней делали тесто и обжаривали его в виде мелких кусочков в бараньем жиру; это популярное блюдо называлось „баурсак“.

---

[1] Вл. Герн, указ. соч., стр. 30. Памятная книжка Семипалатинской обл. за 1899 г.

Переходя к рассмотрению особенностей одежды казахов, вызванных кочевым образом жизни, отметим прежде всего широкое употребление в качестве материала для одежды и обуви шкур, шерсти и кожи разводимых кочевниками домашних животных. Из шкур овец, выделанных домашним способом, казахи шили шубы, тулупы, полушубки. Для шитья шуб употребляли обычно зимние шкуры, как наиболее теплые и прочные. Для детских шуб употребляли мерлушки, шкурки с выкидышей ягнят 3—4 месяцев. Овечью шерсть подстегивали ровным слоем при шитье верхней женской одежды, безрукавной и с рукавами, при шитье теплых мужских штанов из покупной фабричной ткани.[1] Из выделанной козлиной кожи шили штаны и куртки.[2] Из войлока делали шапки и теплые чулки.[3] Из шерсти верблюда выделывали грубое сукно, из которого шили просторную плечевую одежду, на верблюжьей подкладке — „шекпен".[4] В некоторых местах у казахов-кочевников сохранялось изготовление весьма древнего типа одежды под названием „купы". Оно описано в этнографической литературе следующим образом: „При стрижке верблюда слой шерсти снимается с плотно слежавшимся и перепутавшимся, как войлок, подшерстком. Таким слоем шерсти без дальнейшей его обработки подбивается купы. Для того чтобы шерсть держалась, она простегивается продольными полосами на расстоянии, примерно, десяти сантиметров одна от другой. Таким путем получается очень теплая одежда. Купы, на основании палеоэтнологических данных, следует рассматривать как очень древний тип одеяний турков, и можно с уверенностью сказать, что это примитивное одеяние является культурным достоянием казахов и их предков в течение по меньшей мере двух тысячелетий".[5]

Кочевой образ жизни казахов повлиял на покрой одежды. Отметим некоторые характерные особенности в этом отношении. Необходимость частого и длительного пребывания в седле заставила казахов-кочевников шить одежду длиннополой, широкой, запахивающейся пола на полу, подпоясываемой кушаком или поясом.[6] Эти особенности одежды способствовали свободе движения кочевника во время верховой езды и помогали ему в холодное время года сохранять тепло. Рукава верхней теплой одежды шились длинными, широкими в плечах и узкими к концу. При таких рукавах руки не мерзли, так как руки всегда можно было поджать внутрь рукава, одновременно зажав пальцами отверстие рукава.[7] Желание сохранить большую свободу движения кочевнику породило и мужскую и женскую взрослую и детскую безрукавную одежду,[8] ибо надевание

---

[1] Колл. ГМЭ, № 1062-38, 40, 27, 28, 10.
[2] Колл. ГМЭ, № 1471-39; колл. МАЭ, № 439-13.
[3] Колл. ГМЭ, № 1062-5а, б.
[4] Колл. ГМЭ, № 1062-13; 1471-4, 5.
[5] С. Руденко. Очерк быта казахов бассейна рр. Уила и Сагыза. Казахи, I, Л., 1927, стр. 18.
[6] См. колл. ГМЭ, № 1062-13.
[7] Колл. ГМЭ, № 1062-12, 13, 24, 40, 45, 48.
[8] Колл. ГМЭ, № 1062-11, 38, 27, 46, 23.

в холодное время несколько верхних одежд с рукавами весьма стесняет свободу движения, столь необходимую для подвижного образа жизни кочевника. Мужские и женские штаны шились сходными по покрою, непременно широкими, на вздержке,[1] удобными при посадке на седло или при слезании с него, и были весьма сходны с подобной одеждой ранних кочевников Монголии, образцы которой дошли до нас как в натуральном виде в погребальных памятниках, так и в виде изображений. Сходство мужского и женского костюма у казахов уже отмечалось в литературе.[2] Оно несомненно обусловливалось необходимостью для обоих полов кочевников значительную часть времени пребывать верхом. В отношении обуви это сказалось, например, в широком покрое голенища, удобном при ношении толстого войлочного чулка.[3]

При описанном широком и свободном покрое верхней одежды кочевников-казахов большое значение имел кушак или пояс. Значение пояса в одежде кочевых казахов обоего пола сказалось, между прочим, в стремлении украсить эту принадлежность одежды. Особенно красиво орнаментировали вышивкой пояс девушек.[4] Мужские пояса были обычно ременными и украшались металлическими бляшками,[5] чаще всего серебряными, роднящими их с весьма сходными поясными украшениями поздних кочевников Алтая, известным нам по археологическим находкам. Большое сходство с соответствующими предметами из древних погребений кочевников южной Сибири и Казахстана имеют также казахские женские украшения: золотые, серебряные и медные браслеты и серьги.[6]

Кочевой образ жизни наложил отпечаток и на искусство казахов. Не ставя задачи дать общий обзор и анализ этого искусства, мы отметим лишь те стороны и особенности его, которые выросли на почве кочевого образа жизни.[7] Искусство казахов было приспособлено к обслуживанию кочевого быта. Оно выражалось в стремлении украсить различные, наиболее важные предметы кочевого быта и в первую очередь кочевое жилище, его обстановку, затем одежду, верховую сбрую и т. п. Вот почему особенное развитие у казахов-кочевников получила орнаментация различных войлочных изделий: ковриков на пол, на стену, чехлов, сумок, дверной кошмы и т. д., шерстяных изделий, например,

[1] См. колл. ГМЭ, № 1062-2; 1471-18 и 20.

[2] Х. Кустанаев. Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов. Ташкент, 1894, стр. 12.

[3] Колл. ГМЭ, № 1062-6.

[4] Колл. ГМЭ, № 1062-39; колл. МАЭ, № 1287-19 — пояс с серебряными бляшками; 403-9 и 11 — то же; 439-15 — пояс с позолоченными бляшками и с вставками из сердолика.

[5] Колл. ГМЭ, № 1062-14; 1037-8.

[6] Колл. ГМЭ, № 838-5, 13; 1062-54, 55 и др.; 1062-50, 51, 52.

[7] Об искусстве казахов см. например: Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб.; С. М. Дудин. Ковровые изделия Средней Азии. Сборн. МАЭ, VII; его же. Киргизский орнамент. Журн. „Восток“, № 5, 1925; Е. Р. Шнейдер Казахская орнаментика. Сборн. „Казахи“, II, Л., 1927; В. Чепелев. Об искусстве казахского народа. Журн. „Искусство“, 1937, № 4; Казахский народный орнамент. М., 1939; Б. А. Куфтин. Киргиз-казаки. Этнол. очерки, № 2, М., 1926.

широкой тесьмы, обтягивающей жилище снаружи и внутри, кожаных изделий, деревянных предметов — подставок для кумыса или ящиков, чашек, металлических и костяных украшений. Первобытное разделение труда между полами, характерное для кочевников, отразилось и на орнаментальном искусстве казахов. Орнаментация войлочных и шерстяных предметов, как и само изготовление их, являлась делом женщины. Напротив, орнаментация деревянных, металлических и костяных предметов, как и само изготовление их, была делом мужчины. Особенности техники производства у кочевых казахов, описанные выше, отразились и на технике орнаментации соответствующих предметов. Нанесение орнамента у казахов для войлочных изделий производилось путем накатывания узора из цветной шерсти на войлок, путем апликации, инкрустации из кусочков цветного войлока. На кожаных изделиях узор производили тиснением. Деревянные, металлические и костяные предметы орнаментировались путем резьбы. Все эти способы орнаментации были известны уже в период ранних кочевников. Наиболее примитивным и, вероятно, древним способом получения узора на войлоке было наложение на почти готовый войлок того или иного узора из цветной крашеной шерсти. После этого весь войлок смачивали горячей водой и докатывали до конца.[1] Крашеный войлок известен по археологическим находкам, относящимся к ранним кочевникам Алтая (VII в. до н. э., I в. н. э.). Также древним нужно признать и весьма распространенный у казахов способ орнаментации войлока техникой апликации, известной и ранним кочевникам Алтая. При этом узор вырезался на куске различной формы (квадрат, полоса, треугольник) цветной материи (кумач, далимба, цветное сукно) и накладывался на войлок. Накладывался и оставшийся при вырезании узора фоновый рисунок, и чередование, или другая композиция их составляли орнамент. У ранних кочевников Алтая при орнаментации войлока апликацией применялись кожа и войлок.

По краю накладываемого цветного узора прокладывали двойной шнурок из крученых ниток, который прикреплялся вместе с материей к войлоку редкими стежками, перпендикулярными к направлению контура.[2] При нанесении орнамента способом инкрустации узор образовывался от сшивания отдельных кусков войлока различного цвета.[3] К этому необходимо добавить, что казахи, как и ранние кочевники Алтая, украшали некоторые войлочные изделия и ковры еще и бахромой из окрашенного конского волоса.[4] Кочевой образ жизни казахов отразился на художественных изделиях из войлока и в смысле ограничения их размера. Здесь не было таких больших настенных ковров или ковров для постилания на пол, какие выделывают, например, полуоседлые и перешедшие на оседлость туркмены.

[1] Колл. ГМЭ, № 1062-74; 4632-22.
[2] Колл. ГМЭ, № 5525-33; см.: Е. Р. Шнейдер, указ. соч., стр. 137.
[3] Колл. ГМЭ, № 1062-72, 71; 1037-5.
[4] Колл. ГМЭ, № 1062-71.

Техникой узорного тканья изготовляли широкие полосы для стягивания решетки юрты и обвязки кошемного покрытия. Ткали эти, нередко орнаментированные, полосы на маленьком примитивном ткацком станке, легком и удобном для перевозки, установка которого, как и снятие, могло производиться моментально.

Деревянные и костяные предметы украшали орнаментом при помощи резьбы. Особенно широко была распространена резьба по дереву, выполнявшаяся при помощи четырех технических приемов: контурной резьбы, трехгранно-выемчатой, барельефной и выдалбливания фона узора, прорисованного по наложенному трафарету.[1] Резьба по кости сводилась к вырезыванию отдельных пластинок различной формы, иногда ажурных, накрепляемых на украшаемые предметы.[2] Орнаментация кости производилась прорезыванием контурных углублений линий, кружков, точек.[3] Последнее обстоятельство также роднит сохранившееся до наших дней искусство казахов-кочевников с аналогичным искусством кочевников Алтая VII в.

Следует отметить у кочевников-казахов довольно развитую и богатую по орнаментации резьбу по камню на надгробных памятниках. Узор предварительно прорисовывался на камне по трафарету.[4] Искусство обработки камня было знакомо и кочевым тюркам Алтая I тысячелетия н. э., оставившим нам образцы его в виде высеченных каменных человеческих изваяний.

Изготовление металлических украшений узды и вообще верховой сбруи, а также поясных наборов и орнаментация их были еще недавно весьма развиты у кочевых казахов подобно тому, как оно было развито и у кочевников Алтая еще в VI—X вв. Оно имеет прямую связь с кочевым образом жизни, ибо стремление украсить сбрую у кочевников вытекало из того огромного практического значения, которое она имела для повседневной жизни кочевника.

Если обратимся к орнаментальным сюжетам казахов, то и здесь найдем ряд мотивов, явившихся отражением значения в кочевой жизни казахов тех или иных предметов, животных, птиц и т. д. Голова лошади, рога барана, баран, лошадь, след и горб верблюда, беркут или его лапа, дерево, лист, кожемялка — вот перечень сюжетов, которые, преимущественно в стилизованном виде, составляли основное содержание казахского орнамента.[5] С. Дудин приводит сообщение кочевников о том, что среди растительного орнамента у них часто попадаются листья и цветы растений, любимых скотом, а также и лекарственных трав.[6]

Закончив обзор особенностей материальной культуры казахов, обусловленных кочевым образом жизни, необходимо указать, что особенности

---

[1] Е. Р. Шнейдер, указ. соч., стр. 144.

[2] Там же, стр. 144.

[3] С. Дудин. Киргизский орнамент, стр. 170.

[4] Колл. ГМЭ, № 4532-40; 3378-61, 62.

[5] Казахский народный орнамент, стр. 4; Е. Р. Шнейдер, указ. соч., стр. 147.

[6] С. Дудин, указ. соч., стр. 172.

эти не ограничиваются только материальной культурой. Кочевой образ жизни скотоводов, возникший на определенной и довольно ранней ступени развития производительных сил в определенной географической среде, наложил известный отпечаток и на социальную и духовную жизнь кочевников-скотоводов. Общественно-экономические отношения, фольклор и религиозные воззрения кочевников также в той или иной степени испытали влияние этого своеобразного способа жизни, но описание и анализ этих вопросов не входит в задачу нашей работы. [1]

---

[1] Некоторые особенности общественных отношений у кочевников освещены в нашей работе „Ранние формы феодальных отношений у кочевников" (Зап. Хакасск. научно-иссл. инст. языка, лит. и истории, вып. 1, Абакан, 1943).

О терминах родства в грузинском языке

Л. Б. Панек

Изучение терминов родства вызывает у этнографов и лингвистов понятный интерес, так как термины эти относятся к архаическому слою языка и отражают в известной степени социальные отношения минувших стадий развития общества.

В области кавказоведения мы имеем несколько работ по этому вопросу. Помимо разбросанных в многочисленных трудах анализов отдельных терминов, Н. Я. Марр посвятил несколько статей специально терминам родства абхазов,[1] грузинскому термину „bıďa" — дядя по отцу[2] и готскому термину „ǧuma" — „муж".[3] Разбор северо-кавказских терминов дал Н. Ф. Яковлев в статье „Термины «мать» — «отец», «сестра» — «брат», «дочь» — «сын» в северо-кавказских яфетических и других языках".[4] К. Д. Дондуа коснулся некоторых вопросов, связанных с сванскими терминами родства[5] и Р. Харадзе посвятила две статьи вопросам системы родства у хевсур и дидойцев.[6]

В статье „Способы обозначения пола в языках мира"[7] затронул вопрос о яфетических терминах родства проф. М. Я. Немировский. К сожалению, все же по вопросу изучения терминологии родства яфетических языков пока сделано слишком мало по сравнению с тем, что следовало бы сделать в этой области, принимая во внимание некоторые особенности этих языков, дающие возможность добраться до большей глубины их слоев.

---

1 Н. Я. Марр. Яфетическое происхождение абхазских терминов родства. ИАН, 1912.

2 Н. Я. Марр. Абхазское происхождение грузинского термина родства bıďa — „дядя". ИАН, 1914, стр. 143—146.

3 Н. Я. Марр. Готское слово „ǧuma" — „муж". ИАН, 1930, стр. 462.

4 Н. Ф. Яковлев. Термины „мать", „отец"... и пр. Уч. зап. Инст. этн. и нац. культуры нар. Востока, 1930, т. I.

5 К. Д. Дондуа. Материалы по истории Грузии и Кавказа, в. VII, 1937.

6 Р. Л. Харадзе. К вопросу системы родства у хевсур. Изв. ИЯИМК, т. V—VI, 1940 и ее же „Коллатеральное родство у дидойцев". Сообщ. Ак. Н. Груз. ССР, т. VII, № 8, Тбл., 1946.

7 М. Я. Немировский. Способы обозначения пола в языках мира. (Сб. „Памяти Н. Я. Марра", 1938, стр. 196).

Мною сделана попытка рассмотреть термины картской подгруппы картвельских языков. По мнению Н. Я. Марра, языки чанский, мегрельский и сванский отличаются большею „истертостью“ корней, в то время как картская подгруппа сохранила более архаичные формы, что для нашей цели является преимуществом.

Прежде чем перейти к разбору этой терминологии, необходимо отметить две особенности, характерные для более древних терминов родства: явление редупликации и изменчивость семантики отдельных терминов.

Редупликация является одной из архаических форм словообразования и распространена в терминах родства самых разнообразных языков.

Изменчивость семантики того или другого термина родства у различных, иногда и совсем близких, народов — также очень распространенное явление: один и тот же термин у одних народов означает „отец“, у других — „мать“, у одних „дед“, у других „бабка“.

Этому явлению изменения семантики кавказоведы-лингвисты давали различные объяснения. Н. Я. Марр объяснял наименование отца, мужчины у грузин термином „mama“ тем, что „с наступлением патриархального строя название матери было перенесено на отца“.[1] Другие объясняли это первоначальной „асексуальностью“ терминов. Так, М. Я. Немировский пишет, что „первоначально названия живых существ создавались без учета различия полов, как это можно заключить из целого ряда таких названий, как термины родства, как названия различных животных, обозначающие безразлично особи того или иного пола“.[2]

Н. Ф. Яковлев также считает, что в северо-кавказских языках термины „отец“ и „мать“, хотя на первый взгляд имеют различные основы, все же каждый из них не имел „половой спецификации“.[3] Исследователей обычно сбивали факты, когда наименование „деда“ и „бабки“ совсем или почти не имеет отличия и когда для потомков имеется общий термин без обозначения их по полу.

Рассмотрение этих терминов покажет нам, что „отец“ и „мать“ („мужчина“ и „женщина“) изначально имели особые наименования, а „потомки“ и „деды“ обычно имели термины без различия пола.

Подобно тому как это имеет место в других языках, так и в грузинском термины для обозначения отца, матери, потомков, деда и бабушки являются первичными. Все остальные термины родства построены из этих первичных элементов. Этими первичными терминами в грузинском языке являются „deda“ (мать), „mama“ (отец), „ďe“ (потомок), „babua“ и „bebai“

---

[1] Н. Я. Марр Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык. Избр. раб., т. V, стр. 512.

[2] М. Я. Немировский. Способы обозначения пола в языках мира. Сб. „Памяти Н. Я. Марра“, 1938, стр. 220.

[3] Н. Ф. Яковлев, указ. соч., стр. 61.

(„дед“, „бабушка“).[1] Из первых трех элементов или их корней и сложены все основные термины родства.

Термин „deda“ (в диалектах „dada“, „dede“) означает „мать“, иногда „женщина“. Сейчас для обозначения женщины обычно употребляют термин „deda-kaϑı“, т. е. „женщина (мать)-человек“ и производные от него. Для обозначения самки служит термин „dedalı“. Очевидно, в термине „deda“ мы имели когда-то совпадение двух значений — матери в классификационном смысле этого слова и женщины. Во всех производных терминах родства этот термин „deda“ или его корень выражают понятия „мать“ или „женщина“.

Термин „mama“ означает „отец“ опять-таки первоначально в классификационном смысле этого слова, иногда он употребляется в значении „мужчина“, но обычным для обозначения „мужчины“ является более поздний составной термин „mama kaϑı“ „отец-мужчина“ и „человек“. Здесь же следует привести термин „mamalı“ — самец, в котором „mama“ опять-таки представлено, как мужское начало. В дальнейших образованиях терминов родства элементы „mama“, „ma“ или „m“ всюду будут встречаться в значении „мужчины“ или „отца“.

Термины „ďe“, шvılı“, „ṫulı“, „asulı“ относились, повидимому, ко всем потомкам младшего поколения мужского и женского пола и вошли составными элементами в позднéе образовавшиеся термины.

Позднее „ďe“, „шvılı“, а иногда и „ṫulı“ осмысляются уже в значении сына, но часто „ṫulı“, оставаясь в сложных словах термином, обозначающим потомков, в отдельном употреблении приобретает значение маленького ребенка мужского пола.

В дальнейших производных словах корень ď часто связан с терминами, в которых должна быть подчеркнута половая возмужалость (sďalı || rďali“ — „невеста“, „невестка“, „sıďe“ — зять, жених и др.). Корень этот находится в несомненной связи с мегр. „ďır“: „samoďıro“, „moďıre“ „мужчина“, продолжатель рода и груз. „ďala“, „ďalı“, сила, множество.

Другая возрастная группа — группа стариков — получила свое отражение в языке в терминах общего корня — „babua“ — дед[2] и „bebıa“ — бабушка. Грузинские слова „beber“ — старик и „bert“ — бесполый, несомненно связаны с этим термином родства.

Изучая термины родства северо-кавказских языков, Н. Ф. Яковлев приходит к выводу, что более ранняя дородовая эпоха нуждалась в трех основных терминах принадлежности к коллективу: „дети орды“, „половозрелые сородичи“ и „старики орды“.[3] Материал грузинского языка может, как нам кажется, подтвердить это положение.

---

[1] Термин „papa“ — „дед“ считается заимствованным с греческого. Интересно, что у грузинского лексикографа С. Орбелиани (XVII в.) различаются дед по отцу „papa“ от деда по матери „papı“. У него же „bebıa“ означает мать матери. В более поздних словарях этих уточнений нет.

[2] В значении „дед“ этот же термин встречается в мегр. „babu“ и в сванск. „baba“ В сванск. имеем еще „buba“ дядя (брат отца).

[3] Н. Ф. Яковлев, указ. соч., стр. 169.

В дальнейшем термины, относящиеся к старшему и младшему поколениям, т. е. „deda“, „mama“ и „ďe“, явились элементами для образования других терминов родства. Так, термин ďe, в котором нет обозначения по полу, путем прибавления к нему элемента „ma“ (мужчина), т. е. ď + ma, стал обозначать первоначально потомка — мужчину и в то же время мог получить значение ровесника, собрата. Этот термин в значении ровесника, собрата мог легко перейти в употребление всех трех возрастных групп. В дальнейшем процессе развития общественных отношений его значение суживается и вместо ровесника он уже означает „брат“. Термин „ďe“ (т. е. лицо младшего поколения без обозначения по полу) в сочетании с термином da (женщина) мог бы дать аналогичную форму ď + da, но потому ли, что грузинскому языку несвойственно сочетание звуков ď и d или по какой-либо иной причине, но мы имеем вместо ďda только „da“ — в первоначальном значении — лицо младшего поколения, ровесница (в смысле принадлежности к одному поколению) и, наконец, в суженном несколько значении „сестра“, сначала в классификаторском смысле, а позднее в смысле индивидуальной степени родства.

Из сочетания терминов „da“ — „сестра“ и „deda“ — „мать“ получается термин „dedı (s) da“ || deıda“ — „тетка“, буквально, сестра матери, в котором окончание родительного падежа „s“ исчезает. Соответственно этому образован и термин „mamı(s)da“, т. е. тетка с отцовской стороны, буквально сестра отца. Дядя по отцу обозначается термином „biďa“, происшедшим из сочетания двух частей: „bı“, трактуемой Н. Я. Марром как измененной „ma“, т. е. отец, и „ď(m)a“ — брат. В посвященной специально этому термину статье Н. Я. Марр указывает, что затруднение в анализе этого термина заключается в его архаичности и односогласности, т. е. истертости корня, появление же вместо „m“ „b“ является для картского языка совершенно закономерным и диалектически встречается и сейчас.[1] Противоречит этому выводу приводимый в словаре С. Орбелиани термин „bıďıa“ — „брат матери“, если не предположить его вторичного образования, когда уже было утрачено первоначальное осмысление термина „bıďa“ Существующий в грузинском языке термин „ďia“ — „дядя“ без уточнения с какой стороны дядя, возможно является редуцированной формой от „bıďıa“.

Племянник и племянница со стороны сестры называется „dıstulı“, т. е. буквально „дитя сестры“, и племянник,-ца со стороны брата называется „ďmıstulı“, буквально „дитя брата“.[2] Термин „distulı“ употребляется часто и в более широком смысле. Все родственники и родственницы женщины, выданной из их рода, называют так детей этой женщины, хотя в нашем смысле эти дети не всегда приходятся им племянниками[3]. Совершенно аналогичное явление отметил и Н. Ф. Яковлев у ингушей: „это родовая

---

[1] Н. Я. Марр. Абхазское происхождение грузинского термина родства bıďa — „дядя“. ИАН, 1914, стр. 145.

[2] Ср. русское братучадо — племянник, братучада — племянница. Даль. Толковый словарь русского языка.

[3] Л. Б. Панек. Следы родового строя у мтиулов. Сов. Этн., № 2, 1939, стр. 85.

система родства, — пишет он, — имеет существенные отличия от семейных в том отношении, что лица, являющиеся детьми представительницы данного рода, выданной замуж в чужую семью, считаются обычно племянниками и племянницами всего рода их матери".[1]

Двоюродные братья по матери называются „dedɪsdmɪstulɪ", буквально „дитя брата матери" и „dedɪsdɪstulɪ" — „дитя сестры матери". Двоюродные братья по отцу „mamɪdɪstulɪ", буквально „дитя сестры отца", и „bɪdašvɪlɪ", буквально „дитя брата отца". Эта последняя категория родства „bidašvɪlɪ" является наиболее близкой из всех кузенов.

Для обозначения внука существуют два термина — один описательный — „švɪlɪs švɪlɪ", т. е. „потомок потомка", позднее „сын сына" и другой — „badɪšɪ". Этимология второго термина пока не ясна. Для внука и внучки нет отдельных наименований по половому признаку. Правнук и правнучка также не имеют особого термина.

Интересно отметить, что в составных терминах на первом месте всегда стоит термин женский: так, например, „ded — mama" — „родители", буквально „мать — отец", „deda — ṫulɪ" — „семейство", буквально „мать — потомство", „ϑolšvɪlɪ" — семейство (жена и дети); „ϑolqmarɪ — „супруги", буквально „жена — муж", отсюда „ϑolqmroba" — „супружество". На это явление обратил внимание в свое время И. А. Джавахишвили в своей „Истории грузинского народа" (на груз. яз.).

Термины собственности, как и следовало ожидать, образованы почти исключительно от термина отец, и в двух-трех случаях играет роль наименование матери. „Mamulɪ", „mama — papulɪ" — родовое имение, „mamaulɪ", „mamɪseulɪ" — наследство, имение отца, вотчина; в другом слове „mamal — dedulɪ", обозначающем родовую землю, участвуют оба термина родства, но отцовский термин стоит на первом месте, что не имело места в терминах родства. Движимое имущество, доставшееся от матери, называется „dedaulɪ",[2] а приданое — „dedɪlɪ".

Подводя итог этому предварительному рассмотрению грузинских терминов родства, мы должны обратить особое внимание на следующие моменты.

1) Древнейший слой терминологии родства свидетельствует о возрастной структуре общества, состоявшего из поколения стариков, старшего поколения родителей и младшего поколения потомков.

Это положение находится в полном согласии с исследованиями Моргана, который, анализируя наиболее древнюю малайскую систему родства, делает вывод о первоначальном делении общества на группы по поколениям.[3]

---

[1] Н. Ф. Яковлев, указ. соч., стр. 156.

[2] Ср. русское „батьковщина" — отцовское имущество, для отличия от материзны (южн.). Даль. Толковый словарь русского языка.

[3] Л. Морган. Древнее общество, стр. 226. В этом плане особенно интересны также работа М. М. Гухман „Доиндоевропейские термины родства в германских языках" (Сб. „Памяти Н. Я. Марра", 1938) и статья Р. Бартона „Предварительный анализ древнейшего слоя терминов родства у племени ифугао" (Сов. этнография, вып. III, 1940).

2) Указанные нами термины переводятся условно как дед, бабка, отец, мать, брат, сестра и пр. Содержание этих первичных терминов было некогда совершенно иное; они употреблялись в классификационном смысле для обозначения категорий родственников, а не индивидуального родства.

Н. Я. Марр неоднократно обращал внимание на изменение семантики родственных терминов. Разбирая термин „брат", Н. Я. Марр пишет: „яфетидологи грешили, пока оставались на значении «брат» в смысле кровного родства позднейшей стадии". Сопоставляя термин „qmarı" — „супруг", „муж" с „megobarı" — „приятель", тот же автор подчеркивает более древнее классификационное значение термина „qmarı".[1]

Имея в виду дородовую стадию общества с кровнородственной семьей, Н. Я. Марр говорит: „подготовленного этнологической школой языковеда не поразит нисколько, что в яфетических языках скрывается общность одного и того же термина для каждого самца, будет ли он муж или брат".[2]

Лингвистический анализ в сочетании с данными этнографии по истории ранней стадии человеческого общества развертывает перед нами поразительно интересную картину последовательного превращения трех-пяти первичных терминов, которые путем изменения огласовки, путем дополнения суффиксами или префиксами, путем соединения их в составные термины, почти не добавляя никаких новых элементов, или изменения осмысления этих терминов, послужили элементами для создания терминов родства последующих систем. В одни и те же термины в разные эпохи развития семьи вкладывались последовательно разные значения, старый термин сохраняется и в новом осмыслении переходит в следующую систему родства. Так, первоначально мы могли иметь „ma" в значении мужчины, потом этот термин постепенно путем выше указанных изменений и дополнений приобретает новые уточнения и означает то „отца" в классификационном смысле, то „брата" и т. п.

С отмиранием классификационной системы термины сохраняются, но уже не в классификационном смысле, а в смысле индивидуального родства. Это уже „отец" „брат", „тесть" и пр. в нашем понимании этих терминов. Таков длинный путь этих немногих трех-четырех основных терминов, и такова их удивительная роль и способность — столь немногими средствами выражать различные этапы развития общественных отношений.

Если бы мы попытались изобразить современную грузинскую терминологию родства в красках, то нам достаточно было бы для этой цели 3—4 цвета.

Основная цель нашей краткой статьи обратить внимание исследователей на эти первичные термины родства, свидетельствующие о поло-

---

[1] Н. Я. Марр. Новый поворот в работе яфетической теории, стр. 329.
[2] Н. Я. Марр. Яфетиды, стр. 116.

возрастном (возрастном в смысле по поколениям) делении общества в прошлом и проследить роль этих первичных терминов в современной грузинской терминологии родства. С точки зрения истории развития человеческого общества, затронутый вопрос кажется нам заслуживающим внимания и достойным кропотливого исследования специалистов — лингвистов.

Рождение и детство киргизского ребенка

(Из обычаев и обрядов тяньшаньских киргизов)

С. М. Абрамзон

Работая в сентябре 1946 г. в этнографической экспедиции Киргизского филиала Академии Наук СССР и Института этнографии той же Академии в Акталинском районе Тяньшаньской области Киргизской ССР, мы встретили пользовавшуюся в прошлом популярностью знахарку, лечившую детей („эмчи"), являвшуюся одновременно и повивальной бабкой — Батыйну Чолпонбаеву. С ее слов удалось сделать записи, относящиеся к периоду беременности, родам и отдельным обрядам, связанным с ними, а также к лечению некоторых детских болезней.[1]

Уже после того, как были обработаны эти записи, а также использованы и другие сведения и источники, нам удалось разыскать в архиве Института этнографии АН СССР оставшуюся неопубликованной черновую рукопись покойной сотрудницы института, талантливого исследователя, одного из крупных советских туркологов Надежды Петровны Дыренковой под названием „Обычаи кыргызов, связанные с рождением и воспитанием ребенка". В основу этой рукописи были положены материалы, собранные Н. П. Дыренковой во время ее поездки в Нарынский район Киргизской автономной области (ныне Тяньшаньская область Киргизской ССР) летом 1926 г. Ею были посещены киргизы племени Черик, проживающие в бассейне р. Арпы (по р. Курган-таш), и племени Моҥолдор, населяющие бассейн р. Аксая (по р. Чоҥ-кӧгарт).

При сличении собранных нами материалов с рукописью Н. П. Дыренковой выяснилось, что оба этих источника взаимно дополняют друг друга и в целом дают довольно полную картину обрядов и обычаев, которыми сопровождалось рождение и детство киргизского ребенка. Это обстоятельство побудило меня обратиться к дирекции Института этнографии с предложением опубликовать материалы, содержащиеся в рукописи Н. П. Дыренковой, в подготовленной нами статье, тем более, что и эти материалы

[1] Запись под наблюдением автора настоящей статьи производил сотрудник экспедиции А. Умурзаков. Перевод текста записей сделан при участии студента К. Курманова.

и наши полевые записи относятся к киргизам, населяющим центральный Тянь-шань. Дирекция Института любезно согласилась с моим предложением. Использование, редактирование и включение новых материалов в нашу работу потребовало затраты значительного дополнительного труда. Однако интересы создания полноценной работы на тему, почти не освещенную в этнографической литературе о киргизах, а в равной мере и желание почтить память товарища по работе, безвременно погибшей на своем посту во время блокады Ленинграда Н. П. Дыренковой, — вполне оправдывали предпринятые нами усилия.

Таким образом, основными источниками для данной работы послужили записи, сделанные во время возглавлявшейся нами экспедиции в Акталинском районе Тяньшаньской области Киргизской ССР среди киргизов племени Саяк, и рукописные материалы Н. П. Дыренковой, собранные в пределах современного Атбашинского района той же области, среди киргизов племен Черик и Моҥолдор. Во всех важнейших случаях, и в особенности там, где наблюдались те или иные локальные различия в описании отдельных обрядов и обычаев, мы особо оговариваем район, где производились записи, указывая: Атбаш. р. или Актал. р. В отдельных же местах работы, где полученные данные полностью совпадали, такая оговорка может отсутствовать, и, следовательно, их следует рассматривать в качестве характерных для киргизов всего центрального Тянь-шаня.

* * *

Описываемые в настоящей статье обычаи и обряды сохранялись в недавнем прошлом в большинстве районов современной Тяньшаньской области Киргизской ССР. Их сохранение было обусловлено отсталостью экономики и низким культурным уровнем киргизского населения при господстве колониально-капиталистического режима.

За годы существования советской власти неизмеримо выросла сеть медицинских учреждений, оказывающих помощь населению и в том числе роженицам. Достаточно сказать, что число больничных коек в Киргизской ССР за 30 лет увеличилось в 56 раз. В каждом районном центре, не исключая самых отдаленных, оборудована больница, в которой обычно имеется родильное отделение. В городах и селениях республики насчитываются сотни родильных коек. Десятки консультаций, сотни яслей, детских площадок и других учреждений обслуживают и детей и матерей.

Большого развития достигло народное просвещение, причем аильная школа является, наряду с разнообразными культурно-просветительными учреждениями, немаловажным фактором того повсеместного роста культурного уровня населения, который характерен для последних десятилетий.

Все это вместе взятое способствовало отмиранию многих вредных обрядов и обычаев, которыми было окружено как появление на свет, так

и детство киргизского ребенка. Если некоторые обычаи и продолжают еще бытовать до сегодняшнего дня (распространена пока колыбель описанного типа, мальчиков подвергают обрезанию, встречаются единичные случаи „покупки“ детей и т. п.), то это можно объяснить силой привычек и традиций; значение их в большинстве случаев уже забыто. Например, лишь в отдельных семьях, в особенности в тех, где имеются старухи, можно наблюдать такие обычаи, как употребление детских амулетов, причем уже далеко не каждая женщина в состоянии объяснить их назначение.

Проводимая среди населения Киргизии воспитательная работа приведет, несомненно, к полному исчезновению и тех немногих обычаев, связанных с ребенком, которые иногда встречаются в киргизской семье, напоминая о тяжелом и, к счастью, безвозвратно ушедшем прошлом.

„Эмчи“ Батыйна

Личность нашей рассказчицы представляет некоторый интерес. Это пожилая, неграмотная женщина (ей около 60 лет), очень бодрая, живая и общительная. Она непрочь пошутить и посмеяться, часто улыбается и по своему внешнему облику ничем не отличается от окружающих женщин. Только глаза у нее горят каким-то внутренним огнем и выдают в ней человека с повышенной нервной реакцией. Ее взгляд бывает иногда каким-то тяжелым, напряженным и пристальным.

Рис. 1. Знахарка и повитуха („эмчи“) Батыйна Чолпонбаева. Акталинский район Тяньшаньской области Киргизской ССР. (Фот. С. М. Абрамзона).

Батыйну мы встретили в колхозе „Жаӊы-талап“ Жаӊы-талапского сельсовета Акталинского района. Происходит она из подразделения Жаманкул рода Жоош. Отец ее — Аалыкан. По материнской линии и в собственной семье Батыйны много борцов, силачей („балбан“), участников различных состязаний. Сама мать Батыйны, Алымкан, была борцом. Старший брат рассказчицы Мамбет Аалыканов (прозвище „Саркер“) является известным в округе борцом, участником многих состязаний в пешей борьбе („кӳрӧш“) и в борьбе на конях („эӊиш“). Младшие братья — Кудайберген и Ыманаалы (прозвище „Ильбирс“) также были борцами. Муж Батыйны — Кӧбӧй

Чолпонбаев — из подразделения Аркул рода Ӱркӱнчӱ. Он был (сейчас Батыйна — вдова) известным по всей Киргизии борцом. Эту же семейную традицию унаследовали сын Батыйны Кулжыгач (участник Великой Отечественной войны) и дочь Анийпа. Последней сейчас 23 года, она неоднократно выступала в состязаниях по борьбе пешей и конной.

По словам Батыйны, ее мать и мать ее мужа занимались знахарским лечением детей („эмчилик“).[1]

Батыйна не раз видела, как они лечат, но специально у них не обучалась и не перенимала их приемов лечения, основанных на различных поверьях и приметах („ырым-жырым“). Знахарству и, в особенности, приемам родовспоможения, научилась сама, на собственном опыте. „У меня, — рассказывает Батыйна, — есть способность «саяпкерлик» (буквально — способность к выбору и тренировке скаковых лошадей; в данном случае следует понимать как умение определять пол плода у беременных женщин) и способность отгонять злых духов от рожениц („куучулук“).

Культ „Умай-эне“

На вопрос о том, покровительствовал ли ей кто-нибудь во время знахарской практики и что ей известно об „Умай-эне“ — женском божестве, охраняющем новорожденных и детей вообще, Батыйна ответила: „Кто такая была Умай-эне — не знаю. В старину считалась нашим пиром („биздин бирибиз“).[2] Когда мы лечим („эмдейбиз“), то произносим следующие слова:

Менин колум эмес,	Не моя рука,
Умай эненин колу,	А рука матери Умай,
Батма-Зууранын колу.	Рука Фатимы-Зухры.[3]

Прибегаем к защите (помощи) Умай-эне, читая молитву („куран окуп“).

---

[1] Имеющиеся факты говорят о том, что профессия „эмчи“, передававшаяся часто по наследству, в то же время была тесно связана, опять-таки в порядке семейных традиций, с кругом лиц, в той или иной мере причастных к шаманской и знахарской практике. Так, мать Абдуллы М. из колхоза „Кош-булак“, Тогуз-Тороуского района Тянь-шаньской области, являвшегося раньше шаманом („бакшы“), была известна как „эмчи“. Она совершала разнообразные обряды, охраняющие новорожденного от всяких бед и несчастий. Сестра матери Арыка Арзыматова (колхоз „Арал“, того же района), знахаря — „дарыкер“ (его отец также был знахарем), была повивальной бабкой и „эмчи“, к ее помощи постоянно прибегали при трудных родах.

[2] „бир“ < „пир“ (перс.) — духовный наставник, патрон, покровитель (К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1940, стр. 88).

[3] Ср.: К. К. Юдахин, указ. соч., стр. 540. Заклинание, произносившееся киргизской знахаркой, почти дословно совпадает с соответствующей частью заклинания, которое произносила узбекская повитуха „доя“ в день отпадения пуповины у ребенка:

. . . . . . манын̡ кӧлым емæс	. . . . . . не моя рука,
бiбi пæтiмæ, бiбi зуһра кӧлы,	рука биби Фатимы, биби Зухры,
умай-ана, камбар-ана кӧлы . . .	рука матери Умай, матери Камбар . . .

(А. Л. Троицкая. Первые сорок дней ребенка (чилля) среди оседлого населения Ташкентского и Чимкентского уездов. Сборн. „В. В. Бартольду“, Ташкент, 1927, стр. 354).

В заклинаниях и молитвах, произносившихся таджикской повитухой в б. Матчинской волости (Таджикская ССР), также упоминаются Биби Фатима и Биби Зухра. Как поясняет А. Л. Троицкая,[1] у таджикских знахарок-повитух имелись свои пиры (духовные наставники): Биби Фатима, Биби Зухра, Биби Хадича и др. Из слов нашей осведомительницы следует, что Умай считалась таким же патроном — покровителем киргизских повитух, как и Батма (Фатима) и Зуура (Зухра). Отметим, что у таджиков других районов и, в частности, Самарканда такими патронессами бабок-повитух, а также покровительницами рожениц и новорожденных считались мифические существа „momoho". О том, что таджикские „momoho" вполне адэкватны киргизской (id. узбекской, телеутской, шорской и т. д.) патронессе Умай, свидетельствуют слова, произносимые повитухой во время родов в Самарканде:

dasti mau ne,	это не моя рука,
dasti momohoyi miros	а рука унаследованных (мною) momoho.[2]

В материалах, относящихся к Атбашинскому району, мы находим целый ряд дополнительных подробностей, характерузующих культ „Умай-эне".

Представление об „Умай-эне", как о женском божестве, покровительнице детей,[3] — некогда бесспорно очень развитое и распространенное, — к настоящему времени сильно стушевалось и сохранилось лишь в виде переживания и смутного отголоска. „Мы точно слышали о ней, т. е. об Умай-эне, — говорят старухи, — а где находится, какую помощь дает, — не знаем".

В одной только легенде о пещере в горах Чар, около гор. Нарына, рассказывается, что в этой пещере появляется „Умай-эне". Простой человек не может войти в эту пещеру. Он слышит в ней голос и гудение.

По рассказам, на некоторых скалах, на камнях сохранялись следы „Умай-эне", оставленные ею при посещении земли. Эти следы называют „Умай энеңдин тагы" („пятна Умай-эне"). Образ „Умай-эне", и даже имя ее, киргизы-мусульмане соединяли с образом и именем почитаемой мусульманами женщины „Батма-сура" (Фатимы, дочери Мохаммеда, жены Алия).

Ребенка, имеющего на теле родимые пятна, киргизы считали счастливым. Про таких детей говорили: „Умай-эне уруп кетиптир" („мать Умай ударила"). Матери, умывая детей по утрам, часто приговаривали: „мурунку убактагы жаш бала түндӧ жатканда Умай-энеси бетин жууп койчу эле" („в прежнее время маленьким детям, когда они ночью спали, Умай-эне лицо умывала"). Этим старались подчеркнуть нежную заботу божества о детях. К „Умай-эне" обращались при рождении ребенка, прося ее сохранить дитя во все случаи его жизни. Ее же призывали при его болезни.

---

[1] Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана. Сов. этнография, № 6, 1935, стр. 111, 113.

[2] О. А. Сухарева. Мать и ребенок у таджиков. Иран, т. III, 1929, стр. 122, 129.

[3] См. по этому поводу специальную работу Н. П. Дыренковой „Умай в культе турецких племен" (Культура и письменность Востока, кн. III, 1928, стр. 134—139).

Отправляя куда-нибудь детей, даже взрослых, старухи говорили, прощаясь с ними: „Умай-энеге тапшырдым“ („поручаю матери Умай“). Наконец, об „Умай-эне“ вспоминали в особенно счастливые и урожайные годы; при хорошем урожае и умножении скота говорили: „Умай-эненин эмчегинен сўт агат“ („из груди матери Умай молоко течет“).

Аналогичное киргизскому представление отмечено было еще В. В. Радловым у шорцев, которые называют именем „умаі“ доброго духа, хранителя младенцев, духа, который берет душу умерших;[1] у телеутов маі-äнäсі или маі äнäзі — дух-хранитель детей.[2] Добрый дух, одно из высших существ у тех же телеутов, а также у тубаларов и лебединцев, носит имя „пајана“.[3] В том же значении, как мы видели, Умай упоминалась в заклинании у узбеков в с. Карамурт б. Чимкентского уезда, приведенном А. Л. Троицкой.

В качестве божества Умай упоминается наряду с другими божествами в древне-тюркских рунических текстах VI—VIII вв. (в частности, в тексте Тоньюкука): божеством неба — täŋri и божеством земли-воды — järsub. Анализируя эти тексты, А. Н. Бернштам,[4] ссылаясь на замечания по этому поводу В. В. Бартольда и П. М. Мелиоранского, приходит к тому выводу, что Умай, как женское божество, считающееся покровительницей домашнего очага, хранительницей потомства, является бесспорным переживанием женского материнского культа, связанного с матриархатом. Необходимо подчеркнуть, что имя Умай упоминается в тех из древнетюркских текстов, которые рассматриваются, после анализа В. В. Радлова, как собственно кыргызские. Так, в надписи „Алтун-Коль“ содержится титул кыргызского родоначальника „Умай-бег“.[5]

На древность этого представления у киргизов указывает существование у них орнаментального мотива под названием „Умай“ (отмечено художником М. В. Рындиным в его статье „Киргизский узор“).[6]

В словаре Брокельмана[7] к слову „umaj“ дано значение „Nachgeburt“, т. е. рождение после смерти отца, а также (медиц.) — послед. Таким образом, и у тюрков раннего средневековья понятие „umaі“ тесно связано с рождением ребенка. В монгольском языке „umaі“ выступает в значении „утроба“.[8] У казанских татар „ума“ также в значении „брюшина“.[9]

---

[1] Опыт словаря тюркских наречий, т. I, стр. 1738; обычно, указывает В. В. Радлов, говорят умаі äнäзі, умаі іџäsі.

[2] Там же, т. III, стр. 1986.

[3] Там же, т. IV, стр. 1139.

[4] А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. М.—Л., 1946, стр. 99, 105, 163.

[5] Там же, стр. 163.

[6] Тр. Кирг. Филиала АН СССР, т. I, вып. 1, Фрунзе, 1943, стр. 115.

[7] C. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz. Leipzig, 1928.

[8] А. В. Бурдуков. Русско-монгольский словарь разговорного языка. Л., 1935, стр. 301; см. также в его Монгольско-русском словаре: „эмэ“ в значении „матка“, „самка“, „женский“ (М., 1940, стр. 261).

[9] В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I, стр. 1788.

В работе И. А. Кастанье „Из области киргизских верований“[1] мы встретили указание на существование распространенного на мусульманском Востоке магического заклинания „Умм-ес-Сибиян“. Это заклинание направлено против зловредного существа женского пола (носит имя „Умм-ес-Сибиян“), которому приписываются разного рода недобрые деяния, главным образом против детей. Как указывает Кастанье, это имя, якобы, означает: „мать, приносящая вред детям, или просто детская болезнь“, а в некоторых книгах мусульманской медицины под именем „Умм-ес-Сибиян“ подразумевается детская болезнь и зловредный дух.

В приводимом переводе заклинания воспроизводятся слова Умм-ес-Сибиян: „. . . Я связываю матку у женщин, я убиваю детей . . . Я подхожу к беременной женщине, дую на нее, и с нею бывают преждевременные роды“.

Несомненно, с этим образом связаны турецко-османские „умца“ (اومجه), „умма“ (اوما), „умацы“ (اوماجى), приводимые В. В. Радловым в его „Опыте словаря тюркских наречий“ (т. I, стр. 1791, 1797, 1798) в значении: мифическое существо (слово), которым пугают детей.

По словам Е. М. Пещеревой, среди оседлого населения Средней Азии также встречалось представление об „Умм-ес-Сибиян“, но оно носит на себе печать книжного происхождения. В лице „Умм-ес-Сибиян“ в странах мусульманского Востока выступает сильно трансформировавшийся образ, несущий на себе общие (стадиально) черты с божеством Умай тюркских народов Алтая и киргизов Тянь-шаня. Нет ничего удивительного в том, что в мусульманской среде это древнее женское божество могло быть наделено совершенно противоположными свойствами.

Представление о божестве „Умай“, как мы видим, является киргизским верованием, пережившим тысячелетие, осколком одного из древнейших женских культов, родиной которого является центральная Азия, а пределами отмеченного (пока) современного распространения Алтай, Тянь-шань и ближайший к его западным отрогам уголок среднеазиатского оседлого мира.

Заметим, что многие признаки и прежде всего только частично приведенные данные лексики ряда языков дают основание видеть в образе Умай и связанной с ним генетически якутской Аисыт[2] одну из „Великих матерей“ — матриархальную Иштарь на центральноазиатской почве.

Следует еще указать, что „умай“ в киргизском языке выступает также в значении сказочной птицы, которая гнездится в воздухе;[3] повидимому, представление о божестве Умай было некогда связано с древним общечеловеческим мифологическим мотивом птицы (в особенности орла) — солнечного божества, творца всего живого, символизирующей плодовитость, плодородие. У якутов лебедь-кликун считается воплощением богини пло-

---

[1] Вест. Оренбургск. учебн. округа, 1912, № 3, стр. 210.

[2] Андрей Попов. Материалы по шаманству. Культ богини Аисыт у якутов. Культура и письменность Востока, кн. III, 1928, стр. 125—133.

[3] К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, стр. 540.

дородия, покровительницы якутов — Аисыт.[1] В связи с этим обращает на себя внимание наличие в южном — катангском — диалекте эвенкийского языка слова „ŭmi", означающего „филин, маленькая сова".[2]

Позволим себе на основании изложенных фактов сделать попытку объяснить загадочное клятвенное выражение, отмеченное для киргизов еще Ч. Ч. Валихановым, а затем Н. И. Гродековым. Ч. Ч. Валиханов[3] пишет: „У дикокаменных киргизов есть странная клятва: «майнекен-булаин». Надо полагать, что Майнеке — имя собственное какого-нибудь человека, особенно прославившегося своими дурными качествами, или какая-нибудь унизительная профессия. Клятва эта общеупотребительна". У Н. И. Гродекова[4] мы читаем: „У каракиргизов при клятвенных уверениях (каргыч) предлагают лизнуть нож и сказать: пусть ударит меня бог, хлеб или книга (коран), или же сказать: пусть я буду майнеке. Последнее выражение, значение которого неизвестно сообщителю, бию Данияру, употребляется только женщинами и детьми".

Как могло возникнуть это выражение: „майнеке болоюн"?[5] Нам представляется, что слово „майнеке" отнюдь не собственное имя человека, а название божества „Умай-эне" (в его усеченной форме „май", какую мы видим у телеутов),[6] причем „эне" (в его разновидности „энеке" — матушка) выступает также с утратой первого гласного, и вместо „Умай-энеке" мы находим 'май'+'неке'. Возможно, что в слове „энеке" следует видеть остаток представлений о духах — женских предках „эмегендер", основной функцией которых являлась охрана рожениц и способствование благополучному исходу родов. Эти представления существовали у алтайских тюрков (телеутов, шорцев, кумандинцев), причем, по воззрениям телеутских женщин, у эмегендер'ов есть матери, еще более старые, чем они, — это духи энекелер'ы (буквально — матушки). Подробно этот своеобразный культ освещен в работе Н. П. Дыренковой „Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков".[7] Вероятность существования у киргизов в прошлом такого же культа не вызывает сомнений. Вполне естественной поэтому явилась бы контаминация слов — понятий '(У) май' и '(э) неке (лер)', исходящая из общности функций этих духов. Именно потому, что обе эти категории духов тесно связаны с породившим их материнским (вероятнее даже — с дородовым) строем общества, на более поздней стадии, с переходом к отцовскому роду и утверждением мужского начала, отношение к ним должно было измениться, и в сохранившемся клятвенном выражении уже наличествует момент враждебности. Однако не случайным кажется отмеченное Гродековым обстоятельство,

---

[1] Серошевский. Якуты. СПб., 1896, стр. 129.

[2] Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. Л., 1934, стр. 215.

[3] Ч. Ч. Валиханов. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области. I. Юридический быт. Ташкент, 1889, стр. 224.

[4] Н. И. Гродеков. Сочинения. Зап. Русск. геогр. общ. по отдел. этнографии, т. XXIX, СПб., 1904, стр. 24.

[5] Ср.: К. К. Юдахин, указ. соч., стр. 292.

[6] Форму „Май-эне" мы зафиксировали в 1917 г. среди южных киргизов.

[7] Сборн. „Памяти В. Г. Богораза", М.—Л., 1937, стр. 123—145.

что это выражение употребляется только женщинами и детьми, ибо для них-то представление об „Умай" и „энекелер" и имело когда-то жизненно важное значение.

Любопытно, что в узбекском языке сохранился отголосок этих же представлений в слове „опалар", которое в „Узбекско-русском словаре" (Ташкент, 1941, стр. 318), поясняется как „мифологические злые или добрые духи (женское начало)". Узбекское „опа" („апа") — старшая сестра— в других тюркских языках (в том числе в киргизском) употребляется также в значении „мать".

Бесплодие и меры борьбы с ним

Наличие или отсутствие детей определяло в прошлом отношение к киргизской женщине со стороны окружающих. Последнее обстоятельство хорошо подмечено в работе Н. Х. Калемина о социальных отношениях у тяньшаньских киргизов, хранящейся в ЦК КП(б) Киргизии. Приведем эти наблюдения автора.

Почетное звание „байбиче" (старшей, первой жены, хозяйки) получала женщина, родившая не менее трех здравствующих детей, особенно мальчиков (если они уже выросли и женаты). Женщину, родившую менее трех детей, или вообще рожавшую, называли „катын". Наконец, молодуха, совсем не имевшая детей, была известна среди окружающих под названием „келин". По этому поводу имеется киргизская пословица:[1] „бээ туумайынча байтал аты калбайт, катын туумайынча келин аты калбайт" („пока кобыла не ожеребится, ее не перестанут называть байтал,[2] пока женщина не родит, ее не перестанут называть келин")

„Плодовитость или бесплодность женщины, — пишет Н. Калемин, — определяет... ее положение не только в отношении мужа, но и в общине". Помимо звания „келин" женщина бесплодная или родившая детей, впоследствии умерших, получала еще презрительное прозвище „куу баш" (буквально „высохший череп").

Бесплодие женщины считалось большим несчастьем не только для нее самой, но и для всей ее семьи, в особенности для мужа. Сочувствие мужу бездетной женщины хорошо выражено в пословице: „Куу баш болчу жигитке туубас катын жолугат" („парню, которому суждено быть бездетным, бесплодная жена попадается").[3] Бездетные женщины обращались за помощью к знахарям и шаманам („бакшы"), однако одним из наиболее распространенных способов лечения от бесплодия среди киргизских женщин было посещение разного рода местностей, считавшихся священными („мазар") и якобы обладающими исцеляющими свойствами.

Большое значение, придававшееся мазарам как могущественному средству избавления от бесплодия, подчеркивается словами Жакып Кана (отца Манаса) в записанной В. В. Радловым[4] версии киргизского эпоса „Манас":

---

[1] К. К. Юдахин, указ. соч., стр. 251.

[2] „Байтал" — кобылица, еще не жеребившаяся.

[3] К. К. Юдахин, указ. соч., стр. 405.

[4] Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V, 1885, стр. 1, 2.

Ошу Чийрычыны алганы,	С тех пор как взял эту Чийрычы (в жены),
мен жыттап бала öппöдӱм,	Я не нюхал, не целовал ребенка,
бу Чийрычы жайган чачын тарабайт;	Эта Чийрычы распущенные волосы не причесывает,
кудайга тообэ деп типти мени карабайт,	Кудаю покаяние приносил, на меня не обращает внимания,
белин бекем буубады,	Поясницу крепко не перевязала,
бу Чийрычы эркек бала туубады.	Эта Чийрычы мальчика не родила.
Бу Чийрычыны алганы,	С тех пор как взял эту Чийрычы (в жены),
жайы кышы он тöрт жыл.	Лето и зима (уже) 14 лет (сменялись).
Бу мазардуу жерге сыдырбайт,	Она на священное место не отправляется,
бу алмалуу жерге оонабайт,	Она на месте, где растет яблоня, не валяется,[1]
бу арашандуу жерге тӱнöбöйт.	На месте, где есть целебный источник, не ночует.

Среди объектов поклонения бесплодных женщин мы находим горы, деревья, источники, камни и т. п.

В северо-западной части Тогуз-Тороуского района Тяньшаньской области находится почитаемая гора, называемая „Жылаңач бугу“ („Голый олень“). Среди населения района распространены легенды, согласно которым возле вершины этой горы погребен прах Манаса. Как нам рассказывал Турусбек Ормошев, там имеется кладбище, на котором насчитывается около 40 могил. В старину туда отправлялись бесплодные женщины; они проводили там ночь, зажигая самодельные свечи („шам“). Еще до сих пор, сообщил нам рассказчик, жива женщина по имени Тоту (в колхозе „Комсомол“), которая, якобы, после посещения этого места („мазар жер“) родила сына. Ей сейчас около 50 лет, сыну 21 год.

На северном склоне той же горы, в местности Карман-тюз, имеется мазар „Кöк-таш“ („Синий камень“). По рассказам, там стоит камень, на котором видна старинная надпись на арабском алфавите. Камень — синевато-серого цвета, плоский и продолговатый, стоит перпендикулярно к земле. Вокруг камня растет тальник (эта местность покрыта лесом), рядом источник. Несмотря на то, что место, где расположен мазар, является труднодоступным, туда часто отправлялись стремившиеся вылечиться от бесплодия женщины из той части Тогуз-Тороуского района, где ныне расположен колхоз им. Кирова.

В местности „Беш кöл“ („Пять озер“), расположенной в хребте Ак-Шыйрак-тоо по среднему течению р. Нарына, имеется мазар. Почитаемым являлось одно из озер, называемое „Мазар-кöл“. На маленьком островке посреди озера растет, якобы, одинокая арча, возле нее имеется чья-то могила. Вокруг озера также растет арча, и имеется еще одна могила. К этому озеру ездили для излечения бесплодные женщины.

---

[1] Возможно, что это выражение является отголоском тех воззрений, согласно которым герои алтайского, например, эпоса, повалявшись на земле, изменяли свой облик, достигали превращения, приобретали новые силы и т. д.

По рассказу Дюйшенкула Абулгазиева, в Чолпонском районе Тянь-шаньской области, выше перевала Кыз-арт имеется гора Баба-ата. На вершине этой горы расположен мазар. Там растет одинокая арча, на которую навешано много кусочков ваты, тряпочек, кусочков шелка. Возле сложено много черепов и костей диких и домашних животных, в частности — черепов хороших скакунов („кӳлӳк ат башы"). Там же стоит колыбель („бешик") из мягкого красного камня (размером с обыкновенную), огромный камень в форме котла (5—6 м в диаметре), очень большой каменный таган („тулга"), величиной со среднюю комнату камень с высеченными на нем крупными узорами, называемый „шырдак". В детстве рассказчик болел (почти не мог разговаривать); когда ему было около 8 лет, родители отправились с ним к этому мазару. Там ему на голову надели белую тюбитейку („топу") и белую чалму („селде"). Затем его заставили три раза поднять и опустить каменную колыбель (взявшись за перекладину). После этого он, якобы, сразу стал хорошо говорить. Там, на мазаре, читали молитву, резали овцу. Этот мазар часто посещали бесплодные женщины.

Широкой известностью пользовался также мазар „Кочкор-ата", находящийся в нескольких километрах от центра этого района — селения Чолпон, среди каменистого сая. Мазар представляет собой холм, высотой в 70—80 м, с пологими скатами. На его вершине также будто бы стоит каменная колыбель, каменный котел и камень, имеющий форму бараньей шкуры.

В этом же районе, в ущелье Тугель-сай, недалеко от одноименного колхоза имеется круглая ровная площадка. Вокруг нее расположено 20—30 очень высоких тополей. Один из них совсем без ветвей, а на его вершине повешен череп коня-скакуна. На этот мазар приезжали бесплодные женщины, туда же пригоняли больной скот. Там ночевали и уезжали. На мазаре строго запрещалось оправляться, трогать деревья. Рассказывают, что один молодой человек, не имевший нагайки, отломил от дерева веточку и с тех пор, будто бы, сделался бесноватым („жинди").

Возле известного мазара — мавзолея „Азирет Аюп", расположенного поблизости от гор. Джалал-абада, тоже имеется каменная колыбель. Женщины, желавшие излечиться от бесплодия, обнимали колыбель сначала одной рукой, потом другой.

Рядом с селением Кара-су (в Ошской области) находится мазар — мавзолей „Жунус Пайгамбар", посещавшийся бесплодными женщинами. Пришедшая туда женщина подходила к источнику и опускала в него руку. Если ей удавалось вытащить какую-нибудь бусину, — у нее должна была родиться дочь; если она вытаскивала бабку, — у нее должен был родиться сын; если женщина вытаскивала кусок шерсти, — это считалось предзнаменованием того, что она будет богатой (скотной); если ей ничего не удавалось вытащить, — считалось, что у нее не будет ни детей, ни скота.[1]

---

[1] То же самое происходило возле могилы святого „Мурад-Бахш" близ сел. Заркент

Наконец, упомянем о пользовавшемся широкой популярностью среди населения южной Киргизии (как киргизского, так и узбекского) мазаре, расположенном на Сулеймановой горе („Тахти-Сулейман“) в центре гор. Оша. Среди других религиозных аксессуаров, обладающих, якобы, исцеляющими свойствами, имеется камень, исцеляющий от бесплодия („бешик-ӓнӓ“). Камень этот имеет блестящую, словно отполированную поверхность. Приходившие на мазар бесплодные женщины прикладывались к камню животом.

Наши сведения, собранные за время работы Тяньшаньской экспедиции в Акталинском и Тогуз-Тороуском районах, могут быть дополнены данными, относящимися к Атбашинскому району. Местами паломничества бездетных женщин в этом районе являлись развалины старинной крепости „Кошой-Коргон“ на горе Чечтюбе около сел. Атбаши; древний разрушенный буддийский монастырь „Таш-рабат“ в 68 км от сел. Атбаши; могилы людей, которые были убиты („шейит“); наконец, теплые источники; их огораживали камнями, складывали на эти камни рога, головы животных и приносили там личные и общественные жертвоприношения (к ним относится, например, целебный ключ Арашан в долине Ак-сай). Обычно женщины отправлялись вечером с кем-нибудь к такому мазару. Раньше богатые киргизки отправлялись туда в сопровождении многих лиц, взяв с собой овец и телят. Возле мазара резали животных, варили и съедали. Более бедные женщины оставляли на мазаре в виде жертвы лишь кусочки ваты, разноцветные тряпочки, конский волос. Пришедшая на мазар женщина должна была коснуться камней его и непременно переночевать там. Ложась там, она говорила:

Кудай жалгай гӧр,	бог благослови,
тообо кылдым,	я покаялась,
кудай жалга,	бог покровительствуй,
мал бер,	скот дай,
баш бер,	голову (ребенка) дай,
кечир кудай,	прости бог,
жакшы кыл,	хорошо делай,
кудай бала бер.	бог, ребенка дай.

Перечисленные примеры обращения киргизских бесплодных женщин к покровительству и помощи различных святынь не являются исключением из распространенного в прошлом среди народов Средней Азии культа мазаров. В этом культе в своеобразной форме переплелось поклонение гробницам канонизированных исламом личностей или местам, каким-либо образом с ними связанным, с остатками домусульманских представлений магическо-анимистического характера.

(в 80 верстах от Ташкента), где каждый из паломников, желая узнать свое счастье, погружал руку в источник и, смотря по тому, какой предмет ему попадался в руку, мог узнать — родится ли у него сын или дочь. См.: Н. Худояр-хан. Некоторые обычаи и суеверия у сартов, связанные с рождением ребенка. Этнографическое обозрение, № 1, 1909, стр. 36.

Киргизская женщина, обнимавшая каменную колыбель на мазаре „Азирет Аюп“ и прикладывавшаяся животом к камню на мазаре „Тахти-Сулейман“, руководствовалась по существу теми же идеями, что и таджичка или узбечка, протягивавшая руку в отверстие в стене мазара „Ходжа Абди Дарун“ в Самарканде, испрашивая у „святого“ дарования ей ребенка, либо желая иметь ребенка, делавшая „богоугодное“ дело в самаркандской мечети „Хазрати-Хидир“, выметавшая мечеть новым веником, который она там же оставляла.[1]

Бесплодные женщины, желавшие иметь детей, обращались также к грамотным людям („молдо“), которые читали соответствующие молитвы.

Женщина, у которой не рождались мальчики, в старину сажала себе во время обряда обрезания („сүннөт“) на колени мальчика, сына удачливого, преуспевающего во всем человека. Женщина брала отрезанный во время этого обряда кусочек крайней плоти ребенка и, прибавив к чему-нибудь, проглатывала.

Применялись и иные способы вызвать рождение мальчика. „Мать моего мужа, Шербек, подряд родила пять девочек и ни одного мальчика. В местности Жонбулак (в сторону гор) жена одного родственника („абысын“) родила мальчика. Тогда Шербек от этой местности (из Ак-талаа) до Жонбулака пробежала бегом. Она интересовалась тем, какая бывает женщина, которая рождает мальчика. После этого родила подряд четырех мальчиков: Байтилеша, Байбитеша, Кöбöя (мой муж) и Шыгая“ (из рассказа Батыйны).

У киргизов и поныне существуют особые печальные песни, которые поют некоторые женщины, не имеющие детей. Например:

Кундакка бала бөлөбөй,	В одеяло (в колыбель) ребенка не завязывая (не заворачивая),
кууратан жаным төрөбөй,	измученная (засохшая) душа моя не родя (не родила),
бешикке бала бөлөбөй,	в колыбель ребенка не кладя (не укладывая),
бейпайлу жаным төрөбөй;	беспокойная душа моя не родя;
ак шумкар элем үүрүм жок.	я была белый сокол без своей стаи,
ажал жетип күн бүтсө,	если кончится день (жизнь), смерть придя (придет),
алып калар айлам жок,	чтобы удержать (жизнь) способа у меня нет,
жээ артымда калар бала жок;	также нет сзади меня остающегося ребенка;
көк шумкар болуп балам жок,	будучи сизым соколом, ребенка у меня нет,
ажал жетип күн бүтсө,	смерть придя (придет), если кончится день (жизнь),
алып калар айлам жок;	удержать способа у меня нет;
жээ артымда калар бала жок;	также нет за мной остающегося ребенка;
көк жолуктун торумун	синего платка я сетка,

[1] Относящиеся к Самарканду факты описаны по фотографиям, хранящимся в коллекциях отдела Передней и Средней Азии МАЭ под №№ 4527-179 и 4527-173.

кӧтжагымда балам жок,
мен жалпы журтун корумун;
ак жоолуктун торумун,
артымда балам жок,
ага туугандын корумун.
Бештен ӧргӧн чачым бар,

беш адамдык жаным бар;
башынан кудай кемиткен,
баласыз ӧткӧн жаным бар;
ондон ӧргӧн чачым бар,

он адамдык жаным бар;
башынан алдам кемиткен,
мен баланын зарынан
санаалуу болду кӧӊүлүм.

сзади меня ребенка у меня нет,
я презренная из всего народа;
белого платка я сетка,
сзади меня ребенка нет,
из всех родственников я презренная.
В пять (кос) заплетенные волосы у меня есть,

на пять человек душа у меня есть;
изначально бог унизил (меня),
бездетной прошла душа моя;
в десять (кос) заплетенные волосы у меня есть,

на десять человек душа моя есть;
изначально аллах обездолил меня,
от горького плача о ребенке
сердце моё стало озабоченным.[1]

Беременность

Уже с периодом беременности, как это видно из последующего сообщения Батыйны, у киргизской женщины был связан ряд представлений, в которых отражался и страх перед подстерегавшими ее опасностями, и наивные попытки предотвратить эти опасности при помощи эмпирических приемов воздействия на недостаточно понятные физиологические явления, а также некоторых магических средств.

По истечении трех месяцев беременности у женщины наступает период вкусовых капризов — „талгак" (у таджичек этот период носит название „sar-toriki" — „затемнение головы")[2], особое расположение к некоторым видам пищи — „кош кӧӊүл". У нее появляется сильное желание поесть ту или иную пищу, в большинстве случаев какое-либо мясо. В этом желании ей нельзя отказывать, ей следует дать возможность 2—3 раза поесть желаемую пищу. Если желание беременной женщины не будет удовлетворено, то она будет болеть и истощаться.

В виде примера Б. Чолпонбаева привела себя. Она рассказала: „Когда я была беременна своим первенцем (Кулжыгач), у меня появилось сильное желание поесть мяса воробья („тараанчы"). Брат моего мужа, Молдо Муса достал воробья и принес мне. Я его сварила, посолив, скушала и получила полное удовлетворение. Когда я была беременна вторым сыном — Маат-казы, у меня возникло особое расположение к заячьему мясу. Лишь только выпал снег, мой муж („байыбыз") отправился, нашел зайца и принес; домашним он сказал, скупясь: «вы никто не ешьте» и приказал сварить; покушав, я получила удовлетворение".

В киргизском эпосе „Манас" мы находим строки, рассказывающие о появившихся у Чыйырды, жены Жакыпа, будущей матери Манаса, вкусовых капризах:

---

[1] Песня записана Н. П. Дыренковой от женщины Турсун-бӱбӱ, 30 лет, в Атбаши.
[2] О. А. Сухарева. Мать и ребенок у таджиков. Иран, III, Л., 1929, стр. 121.

Эр Манас бойго бӳткӧнӳ,

Тамам ӳч ай ӧтӳптӳр,
Байбиченин кӧӊӳлӳ
Башкага оон кетиптир.
Ӧз тамагы эсте жок,
Же кӧрӳнӳӳчӳ кӧзгӧ жок.
Бал, шекерге карабайт
Башка тамак жарабайт.
Жесем деп жолборс жӳрӧгӳн
Мындан башка санабайт
Жетпейт жолборс жӳрӧгӳ
Жинди болуп байбиче,
Жеригинен жӳдӧдӳ".[1]

„(После того как) богатырь Манас был зачат.
Целых три месяца миновали,
Желание байбиче[2]
На другое направилось.
Своей пищи не вспоминает,
А (другая) оказывается отсутствующей.
На мед, на сахар не смотрит.
Всякая иная пища (ей) не нравится.
Хотела бы съесть, говорит, сердце тигра
Ни о чем другом не помышляет.
Недостижимо (для нее) сердце тигра,
Взбесилась байбиче,
От сильного желания похудела".

После того как Чыйырды доставляют сердце убитого охотником тигра, она сварила его в медном котле и съела, запив двумя чашками бульона.

„Байбиченин талгагы
Магдырап канып калганы.
Байбиче жыйды эми эсин"...[3]

„(Свои) капризы байбиче,
Насладившись, удовлетворила.
Байбиче теперь пришла в себя...".

Насколько важным считается удовлетворить каприз беременной женщины, показывает пример, приводимый И. С. Колбасенко в отношении казахов. Когда одна забеременевшая женщина захотела поесть свинины, то, несмотря на религиозный запрет и отвращение казахов к свиному мясу, прихоть ее была удовлетворена.[4]

Первые пять месяцев беременности ребенок бывает неодушевленным („жансыз"). До тех пор, пока душа („жан") еще не вошла в ребенка, женщина бывает спокойна, спит крепко. „Айс"[5] не появляется. На пятом месяце в ребенка входит душа. Тогда появляются первые признаки движения ребенка, он начинает толкать ножками („тебе баштайт"). С этого времени он считается с душой, живой („жандуу").

Стремясь заранее узнать, какого пола будет ребенок, киргизские женщины и обращались раньше с этой целью к знахаркам. Наша осведомительница рассказала по этому поводу следующее: „...в то время, когда я поглаживаю живот, я могу узнать — родится мальчик или девочка. Мальчик бывает наощупь приятный, мягкий, а девочка — упругая".

В начале, в середине или в конце десятого месяца женщина должна усаживаться (рожать). Признаками приближения родового акта являются

[1] Manastьn balalьq caqь („Детство Манаса"). Manas serijalarь. Frunze, 1940, стр. 11, 12.

[2] „Байбиче" — старшая жена. Имеется в виду Чыйырды.

[3] Там же, стр. 15.

[4] И. С. Колбасенко. Некоторые киргизские обычаи и поверья, имеющие акушерское значение. Прот. Киевск. акуш.-гинекол. общ., 1889, вып. V, стр. 45.

[5] По мнению К. К. Юдахина „айс" — диалектная форма слова арабского происхождения, бытующего чаще как „кайз" в значении: месячные очищения, регулы (К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, стр. 352). Пользуюсь случаем для того, чтобы выразить глубокую благодарность проф. К. К. Юдахину за сделанные им при просмотре работы в рукописи указания и уточнения.

боли в пояснице и в мочевом пузыре. Женщина начинает испытывать мучения. „С наступлением у женщины родовых схваток, — рассказывает Батыйна, — приходят ко мне, я отправляюсь и показываю свои способности повитухи“.

Беременная женщина всегда остерегалась жары, холода, испуга, темноты и собак. Больше всего ей угрожали злые духи. Для предохранения от них беременная женщина прибегала к разным амулетам. Она обязательно привешивала к своей одежде амулет („тумар“) с зашитым в него изречением из корана, написанным одним из грамотных религиозных людей („молдо“).

Как беременные женщины, так и роженицы носили амулет из когтей медведя („аюу тырмагы“), охраняющий от „кара“ и „албарсты“. Беременная жена кузнеца Капара Алдеева, у которой к верхней одежде („кемсел“) был пришит „тумар“ и когти медведя, начала носить амулет с наступлением весны, т. е. задолго до родов. Несмотря на все наши просьбы, она не согласилась продать амулет для Музея, явно опасаясь остаться беззащитной перед лицом опасных вредоносных сил. Она сказала, что он необходим ей „чтобы была благодать“ („касиеттүү болуш үчүн“).

У другой женщины, Шарапат Соронбаевой, нам удалось приобрести для Музея амулет такого же типа — „бой тумар“. Он состоит из нескольких частей: а) серебряной пластинки с двумя подвешенными к ней монетами, б) прямоугольной формы кожаного футляра с зашитой в нем молитвой, в) бархатного трехугольного футляра с зашитой в нем молитвой, г) пары когтей беркута и д) пары когтей медведя с прикрепленным кусочком медвежьей кожи с шерстью. Все названные предметы подвешены последовательно один под другим. Амулет носили по левую сторону груди, возле плеча. Женским амулетом являлась также лапа филина („үкүнүн тырмагы“).

Когда до родов оставалось 1—2 месяца, беременная женщина начинала особенно беречься и избегать тяжелой работы. Это потому, что „может оказаться испорченной“. Опасаясь того, что ее кто-нибудь может сглазить, беременная женщина пряла на веретене толстую шерстяную нитку из двух ниток разного цвета: черной и белой; отмеряла нитку, чтобы ее длина была равна расстоянию от пальцев ног до макушки (была равна ее росту) и заставляла старуху-знахарку („эмчи кемпир“) или человека с хорошими мыслями перерезать нитку. Отрезанную нитку клала в огонь и предавала сожжению.

Бывают случаи когда женщина, считающая себя беременной, обнаруживает, что ребенок не движется, не растет, живот у нее холодеет и уменьшается. Это объясняют тем, что „кость (по смыслу — зародыш) остается и оказывается утонувшей“ („сөөк калып чөгүп кеткенде“). Причиной этого явления может явиться жар или холод. Если „кость“ потонула от жара („ысыктан“), то ничем помочь нельзя; если же от холода („сууктан“), то поступали так: зарезав овцу, вынимали из нее желудок („карын“); взяв семь черных камешков, размером с палец, и накалив их на огне, клали их в овечий желудок, еще не остывший и не очищенный

от содержимого; клали туда же одну пригоршню охладившейся овечьей крови. Положив желудок женщине на живот и заставив ее обхватить желудок, оставляли на некоторое время в таком положении, чтобы она разогрелась.

„Одну мою девочку, — рассказывает Батыйна, — я вынашивала три раза. Перед нею у меня было четверо детей. Звали ее Мӧӧркан. Она умерла в 7-летнем возрасте. Это было от холода. Я делала попытку разогреваться, обхватывала овечий желудок — не помогло. Отец дал мне кусочек опия („апийим“) величиной с палец, я растолкла немного и выпила. Разгорячив себе нутро, легла и получила наслаждение. После этого три раза в день съедала по кусочку опия величиной с овечий помет. Меня перестало тошнить, я почувствовала облегчение. О своем воровстве (я пила опий тайком от мужа) я рассказала мужу, потому что опий у меня кончился. Муж нашел мне еще, и до выхода на летние пастбища я употребляла опий. Однако ребенок все же перестал расти. Затем, на летних пастбищах, угощаясь на „шерне“ (коллективное поочередное угощение), взяла купорос („кӧпӧрӧс“) и, растерев его на камне, развела в воде. Думая, „что-то будет“, никому не давая знать, выпила. Еще раз после этого пила купорос и осенью эту девочку родила“.

Роды

Родовой акт являлся кульминационным пунктом обрядности, сопровождавшей семейную жизнь киргизской женщины. В этот момент решался вопрос, мучивший женщину на протяжении долгого времени. От исхода родов зависело очень многое в семейном благополучии. Неудивительно, что разного рода суеверия и знахарские приемы, в том числе и очень вредные для здоровья женщины, удерживались особенно стойко именно в обычаях, связанных с родами.

Поэтому материал, собранный в Атбашинском районе в период, предшествовавший коллективизации, как и записи от профессиональной повитухи, характеризующие прежде всего старый уклад, содержат в себе столь много архаического и иррационального.

В Атбашинском районе киргизская женщина рождает в юрте своего мужа. Если же она живет в юрте своего свекра, то уходит родить в чужую юрту, или же для нее ставят новую; иногда сам свекор уходит из юрты на время родов. Женщина, у которой дети не выживали, родит не в своей юрте, а в юрте кого-либо из своих соседей.

Во время родов все домашние уходят из юрты. Остаются лишь замужние женщины. Ни девушки, ни мужчины не присутствуют. Но если женщина родит легко, в юрту разрешается входить мужчинам, за исключением тех, которых она, по существующему обычаю, должна избегать (например свекор, старшая родня мужа). Девушки же и тогда в юрту не входят. В юрту также не впускают женщин, про которых известно, что их при родах мучает „албарсты“ (злой дух, преследующий рожениц; о нем см. ниже), из боязни, чтобы они не передали роженице злого духа.

Если же рождающую женщину мучает „албарсты“, то не впускают беременных женщин, чтобы злой дух не перешел на них.

В Акталинском районе во время родов могут присутствовать только те женщины, которые хорошо расположены к роженице, питают к ней симпатию („кӧӊӳлӳ сӳйгӧн“). Это делают потому, что женщины бывают разные: поганые („арам“), „испорченные“ („бӳзук“) или такие, у которых однажды глаза стали мутными, серыми („кӧз бозоруп“) в результате нападения на них злого духа — „кара“ („кара баскан“), или недоброжелательные женщины. Присутствие таких женщин считается нежелательным, так как оно способствует нападению злого духа („кара басуу“).

Во время родов (Атбаш. р.) женщина сидит на коленях на полу, направо от очага, повернувшись лицом к огню и держась обеими руками за „бакан“ (шест, которым обычно приподнимают войлочные покровы и верхнюю часть остова юрты во время ее установки).[1] В настоящее

---

[1] В своей работе „Об обычаях и обрядах при родах инородческих женщин в Сибири и Средней Азии“ (Живая старина, вып. III—IV, 1890, стр. 384) доктор А. К. Белиловский делает ссылку на одно место в киргизском эпосе „Манас“, где описываются роды Каныкей, жены Манаса.

Вот эти строки:

„Кӳндӧрдӧн кӳнӳ ӧттӳ дейт,	Дни проходили за днями,
кан баласы Каныкей	У ханской дочери Каныкей
он айлары буткӧндӧ,	десять месяцев (беременности) когда закончились,
алтындан ача жес бакан	Медный шест с золотой развилиной
Каныкей салып толготту“.	Каныкей, водрузивши, (начала рожать) в родовых схватках.

(В. В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V, СПб., 1885, стр. 285).

В немецком переводе эпоса „Манас“ (на который ссылается А. К. Белиловский) на стр. 100 имеется примечание В. В. Радлова, что по обычаю киргизов женщины рожают, стоя на коленях и держась поднятыми руками за поперечную жердь. До последнего времени в киргизском быту встречались такие шесты с небольшой развилиной наверху, с металлическими крючками или с сучками, служившие в качестве вешалок. Их называли „ала бакан“, так как они считались чистыми (ала < адал — ар. чистый, разрешенный религиозным законом), ибо предназначались для чистых, в духовном смысле, вещей. В связи с этим обращает на себя внимание одно место в молитве телеутов, обращенной к покровительнице детей Май-ӓнӓ:

Кӳн солоӊы тартынып тӳшкӓн,	Спустившаяся по радуге, подобной солнцу,
Ак-баканга сӧӧнiп тӳшкӓн,	Спустившаяся, опираясь на жертвенную развилину,
Алтын кастак тудуп тӳшкӓн.	Спустившаяся, держа золотой лук.

(Л. Э. Каруновская. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком. Сборн. МАЭ, т. VI, 1927, стр. 28. Ср.: А. Ефимова. Телеутская свадьба. Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926, стр. 230). Упоминаемая здесь „ак-бакан“ — жертвенная развилина, по которой спускается Май-ӓнӓ, находит себе аналогию в киргизском „ала-бакан“. Мы можем заключить, что киргизский „ала-бакан“ генетически восходит к культовому предмету, употреблявшемуся во время жертвоприношений, и что киргизские женщины не случайно держались руками во время родов именно за этот шест с развилиной, тем более, что, опираясь на этот шест, к роженице могла спуститься покровительница детей, представление о которой сохранилось не только у телеутов, но и у киргизов.

время (описание относится к 1926 г.) под нее подстилают старую и рваную кошму, которую потом закапывают в яму вне юрты; на кошму кладут также и родившегося ребенка, объясняя это тем, что на холодной земле ребенок может простудиться. По словам старух, раньше никогда не подстилали кошму, женщина рожала на земле — отчего она становилась плодовитой, ей легко было рожать, а ребенок был особенно крепок.

Для охранения рожающей женщины от злых духов во время родов, днем и ночью, горит огонь. Около очага кладут нож острием к двери. На решетчатый остов юрты („кереге") над головой женщины вешают заряженное ружье. Вешают или подстилают шкуру волка (в Актал. р. ею накрывают роженицу) или медведя; приносят беркута или сову. Зовут кузнеца, который принимается ковать в юрте, или приносят раскаленное железо, и кто-либо из присутствующих кует его.

В соседних юртах запрещается смеяться и шутить; если в аиле будут смеяться и развлекаться, может войти „албарсты".

Вот как описывает роды и применяемые во время них способы родовспоможения „эмчи" Батыйна:

„Я глажу и щупаю живот роженицы и смотрю: если головы ребенка нет у выходного отверстия,[1] возле паховых костей („чап сööктö"), то она находится или возле почек или возле сердца. Если голова ребенка окажется возле почек, то, поглаживая живот снаружи, я поворачиваю голову, направляя ее к выходу и помогая ей проходить. В том же случае, если голова окажется возле сердца, ребенок выпадает из чрева матери в таком же положении, то есть вперед ногами. При этом, когда ребенок выйдет с пяток до колен и ляжек, затем до поясницы, надо приподнять женщину под ягодицы и держать ее в таком положении, ибо если этого не сделать, ребенок может зацепиться шеей („мойнуна илинип") и тогда останется калекой.

„В тот момент, когда родовые схватки достигают предела, и ребенок начинает двигаться по направлению вниз, когда верхняя часть живота и место, где находится конец сердца („ичтин жогору жагы, жӱрӧктӱн башы"), опадают, и в то же время ребенок не выходит, тогда начинают его вытаскивать. При этом употребляют следующий прием: мужчина или женщина садится сзади роженицы и придвигает колени вплотную к ее спине, выше того места, где находится ребенок; обхватив ее обеими руками вокруг талии и соединив пальцы рук, начинает потихоньку, держа направление вниз, сдавливать живот; чем дальше, тем больше опуская руки вниз, выдавливает ребенка. Ни в коем случае нельзя вытаскивать ребенка, засовывая руки внутрь.

„Родовые схватки и роды бывают и тяжелые и легкие, но это не зависит от того, рождается ли первый ребенок или женщина до этого уже имела детей. Тяжелые родовые схватки, продолжающиеся иногда до 5—10 дней, могут происходить только по двум причинам: или ребенок становится поперек, или происходят преждевременные роды.

---

[1] Рассказчица употребила эвфемизм: „кептеште" (в горной ложбине).

„В тех случаях, когда срок нормальных родов еще не наступил, а у женщины начинаются родовые схватки, не применяют никаких насильственных мер, женщину не принуждают, не мучают. Лечат при помощи знахарских приемов („эмдейт").

В таких случаях говорят: „козголду" (шевельнулся, пошевелился, двинулся).

„Шевеление" („козголуу") бывает или от холода („суугунан") или от испуга („чочугандан") во сне, а также наяву. Тогда у женщины могут появиться менструации — „айс" („айсын кӧрӱп калат экен"). При появлении „айс" красной шелковой ниткой прошивают кругом подол платья женщины. Если шевеление бывает от холода, то стараются женщину согреть („ысыктатат").

„Испугавшуюся женщину лечат следующим образом: кладут на лошадь седло, повернутое в обратную сторону, три раза женщину сажают на лошадь и три раза ссаживают".

Далее знахарка рассказала случай, когда она принимала двойню „В нашем колхозе жена Мусаалы родила близнецов — двух мальчиков. Перед родами она, испугавшись, говорила: «Копошатся (во мне), их много, и что-то другое (не дети)». Я успокаивала. Поддерживая за ноги, потом под ягодицы, я приподнимала роженицу. Сначала выпал один ребенок, тогда женщина испуганно сказала: «Еще что-то есть». Я успокоила, сказав, что это так называемый „тон" (плацента). Это я сделала для того, чтобы она не съеживалась и не пугалась. Благодаря всемогуществу кудая оба выпали прямо ногами вперед (ребенок после зарождения в утробе матери растет головой вниз)".

Как сообщали в 1926 г. в Атбашинском районе, при трудных родах входить в юрту никому не разрешается. Около роженицы остаются одна или две старухи и иногда грамотный мужчина („молдо") .Роженица приподнимается на ноги, держась за „бакан", а присутствующие женщины, стоя сзади, обхватывают ее обеими руками за живот и тянут к земле. Прежде мучающуюся роженицу несколько женщин поднимали за ноги и качали. Иногда качали, подняв на кошме. Присутствующая при родах знахарка („бӱбӱ") в таких случаях жмет и давит ей живот. „Молдо" в этих случаях читает коран (в Актал. р. дают „молдо" сделать раствор, например из размятого сыра, и женщина выпивает его). Считают, что роженицу мучает злой дух „албарсты" или „марту". „Албарсты" иначе называют „кара басуу". Если женщине во время рождения ею первого ребенка явилась „албарсты", то она будет мучить ее всегда при родах Самих „албарсты" никто из простых смертных не может видеть. Об их присутствии узнают по тому, что у роженицы становятся очень большими зрачки, и сама она желтеет и лежит без сознания. В таких случаях зовут к роженице „куучу" — человека, обладающего способностью изгонять „албарсты". Сделаться „куучу" может человек, которому однажды удалось увидеть „албарсты". Она показывается ему в виде желтой собаки или другого животного, непременно желтого цвета, например барана, козла, или в образе ребенка с рыже-желтыми волосами, чаще

в виде девочки. Часто „албарсты“ называются также „сары кӳчӳк“ („желтый щенок“). Когда человеку удается увидеть подобное существо, он мысленно сразу же решает: „я видел албарсты“. Но никому долгое время об этом не говорит. Через один-два дня он приходит на то место, где он увидел „албарсты“. Ее уже больше не видит. Но он должен громко назвать ее по имени и вслух громко сказать: „я видел албарсты“. После этого „албарсты“ будут его бояться, никогда к нему не подойдут и станут разбегаться в его присутствии. Через некоторое время он приходит к какому-нибудь старику и говорит: „мен баланча жерден бир жандар кӧрдӳм“ или „бала кӧрдӳм“ („Я в таком-то месте одно животное видел“ или „ребенка видел“). Этот старик будет уже знать, что пришедший к нему человек стал „куучу“. В случае трудных родов он призовет его к женщине, чтобы тот отогнал „албарсты“.

Выше указывалось, что „эмчи“ Батыйна обладает также способностью „куучу“. Вот что она рассказала о том, как она увидела и как она отгоняет „албарсты“.

„Однажды, когда я развешивала в доме чулки и стельки, возле огня мне встретилось что-то волосатое. Поймать я не смогла. Это существо было поменьше кошки; скрестив на груди руки, оно скачет подобно человеку. Встретилось мне только после того, как я вышла замуж. Оно то покажется, то исчезает. Как-то раз я уже легла спать, оно показалось возле огня и исчезло. У него бывает лохматый вид, оно бледное („куба“). После этих случаев я больше ничего подобного не видела. Это была «албарсты».

„Есть другая «албарсты», ее называют «сасык албарсты» („вонючая албарсты“). Она нападает во время сна.

„У женщины, которую душит «албарсты», глаза становятся серыми, мутными. Когда «албарсты» только приближается, чтобы напасть, я уже чувствую и говорю: «дай мне тесак! Негодной лицо исполосую!» («Келе шапты! Бетбактын бетин тилейин!»). Как только скажу эти слова, мои руки сразу сводит судорогой, и они опускаются. Тогда роженица („тӧрӧгӧн аял“) приходит в себя, открывает глаза („кӧзӳ ачылып“).

„Когда ребенок уже родился, а послед еще не вышел, тогда «давящая» („басканы“) может причинить вред. После того как послед вышел, «давящая» не опасна.

„Охраняя роженицу, становлюсь, взяв в руки нож, связав правую косу узлом, взявшись за волосы на макушке. Имеются «давящие», быстро приводящие женщину в беспамятство и делающие это не сразу. Бывает, что причиняют вред и по-иному. Я присутствовала при таком случае. У роженицы младенец еще не вышел, повеяло прохладой, начало душить женщину. Сама („албарсты“) бывает прилипчивая. Если женщина с помутневшими глазами войдет или подглядит, то «албарсты» появляется. Таких женщин во время родов не впускают. «Албарсты» бывает там, где не соблюдают чистоты. Если «албарсты» упорно стоит, не уходит, то женщину уносят в другой дом, ребенка тоже берут отдельно и уносят. Кроме женщины и «куучу», никто в доме не остается“.

В обоих обследованных районах „куучу“ нельзя называть по имени в присутствии „албарсты“, иначе он потеряет силу изгонять их. Обычно его называют „баатыр“ („богатырь“). Старик, которому он открылся, говорит: „баатырды чакыр“ („зови богатыря“). Лишь только „куучу“ приходит, произносят: „баатыр келди“ („богатырь пришел“). „Куучу“ вбегает в юрту, брызгает на роженицу холодной водой, бьет ее плеткой и кричит: „кет“ („уходи“) и „чык“ („выходи“). Он будто бы видит в этот момент, как „албарсты“ несет в зубах легкое, вырванное ею у женщины. Когда „куучу“ видит „албарсты“ в юрте, он кричит: „ташта“ („брось“). Удобнее и легче всего гнать „албарсты“ по реке или арыку, тогда она уходит скорее; „куучу“ заставляет „албарсты“ бросить легкое в арык или в реку.

Если „куучу“ сам не может прийти к больной, достаточно внести в юрту его халат, платок или плеть. „Албарсты“, увидя присланную от „куучу“ вещь, убегает, и больная выздоравливает. Присутствующие в это время в юрте возможно громко кричат: „баатыр, баатыр“, и устраивают шум. Одна из присутствующих женщин берет деревянную ступу („соку“) и, обходя снаружи вокруг юрты, стучит пестом („соку баласы“) и спрашивает: „тӱштӱбӱ?“ („упал ли?“). Женщины в юрте отвечают: „тӱштӱ“ („упал“).

Когда женщина долго не может разрешиться от бремени (Атбаш. р.), то кто-нибудь из мужчин вбегает в юрту и кричит: „эл кӧчӱп жатат, бат тӧрӧ“ („народ откочевывает, скорее рождай“). В юрте открывают все сундуки и ящики, развязывают все мешки и приоткрывают дымоходное отверстие („тюндюк“). У роженицы расплетают косы, развязывают завязки, с нее снимают одежду и отдают тому из нуждающихся, кто только захочет ее взять. На улице иногда стреляют и производят шум.[1] Наконец, устраивают так называемое „садага“ (искупительная жертва, выкуп). Режут овцу или козу, отрезают животному голову, сразу же вынимают его легкие и бьют ими роженицу, а затем бросают их собаке. Шкуру закидывают на юрту, и она лежит там один день. Животное режут на улице, а мясо варят в чужой юрте. Кровь и кости бросают собакам. Шкуру такого животного не продают.

---

[1] Нам не приходилось слышать о приглашении во время трудных родов к киргизской женщине шаманов („бакшы“), хотя в жизни такие случаи, вероятно, были. А. Чоробаев рассказывал нам, что в Тогуз-Тороуском районе живет женщина-шаманка („бӱбӱ“), которая шаманила раньше с помощью варгана („темир-комуз“) и плетки („камчы“) с подвешенными к ней бусами („мончок“). Эта женщина являлась одновременно и гадальщицей на камешках („тӧлгӧчӱ“) и на зеркале („кӱзгӱчӱ“). Она предсказала жене А. Чоробаева, что та забеременеет и родит сына. Не исключено, что таких шаманок привлекали к изгнанию злых духов из тела рожениц, как это практиковалось у казахов. У них шаман („баксы“) изгонял злого духа при помощи смычкового инструмента („кобыз“), который, вероятно, заменил когда-то существовавший шаманский бубен. Между прочим, в коллекциях МАЭ (5235-12) имеется любопытный образец ударного инструмента из б. Атбасарского уезда Акмолинской области, представляющий собой железную сковородку с подвешенными на кожаных ремешках 11 серебряными монетами времен Екатерины II и Елизаветы. На одной из монет хорошо видна дата „1750 г.“. Этот своеобразный инструмент, как указывается в описи,

Если трудные роды происходят в семье, где дети умирали, то режут ножом кошму у юрты или покрышку для дымоходного отверстия („тюндюк жабуу“) и с горы бросают большой камень.

В том случае, когда родовые схватки бывают особенно трудными, разводят в воде грязь с воротника мужа роженицы и дают ей пить эту воду (Актал. р.).

Во время выпадения ребенка из чрева матери, его не позволяют принять, взять в руки любой женщине; принимает только та, которую пожелает мать: хорошая, чистоплотная женщина, умеющая хорошо воспитывать детей.

Пока ребенок еще не поднят с земли, ему перерезают пуповину („киндигин кесет“). Пуповину дают перерезать хорошей женщине, имеющей живых детей, плодовитой, благовоспитанной (Актал. р.) или одной из молодых женщин (Атбаш. р.). Если роженица разрешилась первым ребенком, дают перерезать пуповину мужчине из другого (многолюдного) рода („башка уруктан“), плодовитому, благовоспитанному, расположенному к данной семье (Актал. р.). Точно также, если в семье дети не выживают, пуповину ребенку перерезает мужчина или девушка (Атбаш. р.).

Операция перерезания пуповины происходит следующим образом: на расстоянии ширины пальца („бир эли“) от живота ребенка перевязывают пуповину толстой ниткой из верблюжьей шерсти („шоона“) и, немного отступя от места перевязки, перерезают ее (Актал. р.). Перерезают бритвой или ножом, намазав перед этим руку маслом; после операции перевязывают ранку белой тряпкой (Атбаш. р.).

Когда перерезают пуповину, говорят: „менин колум эмес, Умай-эне, Батма-Суранын колу“. („Не моя рука, матери Умай, Фатимы-Зухры рука“) (Атбаш. р.).

Женщину, которая перерезает пуповину, называют „киндик эне“ („пуповина-мать“). Ей дарят, что могут. При устройстве семейных торжеств ее приглашают и угощают, во всяком случае стараются поддерживать с нею хорошие отношения. Если взаимно уважают и ценят друг друга, то родители ребенка могут дать „киндик-эне“ что-либо из приданого („сеп“) или калыма („калың“). Впоследствии ребенок должен уважать ее, как свою мать.

После того как пуповина перерезана, ребенка поднимают с земли и заворачивают в хорошую чистую тряпку (Актал. р.). У киргизов Атбашинского района родившегося ребенка заворачивают в старые штаны или рубаху, взятые у старика или старухи, чтобы ребенок был долговечен.

Пока не выйдет послед, женщина не смеет дотронуться до очага. После же выхода последа она мажет руки маслом или салом и, подходя к очагу, бросает сало в огонь, говоря:

„баламды аман кой, кудай жакшылык кӧрсӧтсүн!“	„Оставь моему ребенку жизнь, Бог да проявит благо!“

употреблялся казахами при лечении рожениц. Несомненно, что шум, который можно было производить этим инструментом, служил той же цели изгнания из роженицы злого духа. Этот экспонат, как нам кажется, есть прямой потомок шаманского бубна у казахов.

Послед ребенка и пуповину заворачивают в кошму и зарывают в землю на дворе, безразлично где. Иногда завязывают в тряпку и, положив в эту тряпку кость барана и зерна пшеницы, все вместе зарывают в землю. У киргизов племени Саяк (Актал. р.) в процедуре, связанной с выходом последа, имеются некоторые отклонения. Послед („тон“) выходит у женщины обычно после того, как ребенку перерезали пуповину и завернули его. Иногда еще до выхода последа, а также в тех случаях, когда выход последа задерживается, совершают некоторые действия и обряды, имеющие целью ускорить выход последа.

Их, по крайней мере, три.

1. Берут веревку от войлочной покрышки для тюндюка („тюндюк жабуунун боосу“) или какую-либо другую бечевку и кладут ее конец в рот роженице; этим вызывают у нее рвоту.

2. Кладут роженице в правую ладонь груз от веретена („ийик баш“) и заставляют ее дуть через имеющееся в нем отверстие, а затем вдыхать в себя через него воздух; тем самым понуждают женщину напрягаться.

3. Сильно стучат три раза в металлическое ведро („чака“), в деревянное ведро („челек“) и в ступу („соку“); поворачивая роженицу, спрашивают три раза: „тӱштӱбӱ?“ („выпал ли“?), и кладут ее ничком на землю.

После выхода последа его берут и откладывают в сторону. Для роженицы стелят мягкую постель и покрывают ее сверху чем-нибудь плохим; укладывают на нее роженицу и тепло укутывают ее. Одновременно дают роженице тампон (из тряпок и ваты), который она прикладывает к влагалищу. Послед заворачивают в кусок чистого войлока или в тряпку и заставляют опрятных и доброжелательных женщин закопать его. Так поступают по следующей причине: если среди женщин окажется одна с дурными намерениями, то она может положить в „тон“ камень и зарыть его в таком виде; от этого может случится, что роженица больше не будет иметь детей.

Первый раз ребенка моют, прибавляя в воду соль, чтобы он стал крепче. Воду при мытье выплевывают на ребенка изо рта. После мытья воду выливают где попало за юртой (Атбаш. р.). Ребенка купают в теплой воде и затем заворачивают его во что-либо чистое (Актал. р.). Вымытому ребенку дают в рот масло, а затем уже мать дает ему грудь (Атбаш. р.). Первой пищей ребенка является топленое коровье масло („сары май“), которое ему дают сосать (Актал. р.). Вслед за этим на новорожденного надевают первую рубашку, носящую название „собачьей рубашки“ („ит кӧйнӧк“). Ее шьют из тряпки, взятой у старого человека или у женщины, у которой счастливо растут дети (Атбаш. р.), либо из старой (но целой, не порванной) одежды, по возможности белого цвета (Актал. р.).

В хранящейся в МАЭ, в отделе Передней и Средней Азии (приобретена в 1926 г. Н. П. Дыренковой), коллекции (3359-12) она сшита из белого в черную полоску ситца; рукава не вшивные. Ворот стоячий. Завязывается у ворота тоненьким шнурочком. Длина 33 см, ширина 31 см (рис. 2).

Эту рубашку иногда сначала надевают на собаку (отсюда ее название), а затем уже на ребенка, для того, чтобы он остался жив.

По словам знахарки Батыйны, черный кал младенца в первый же день, не позволяя собаке обнюхать его, вместе с тряпочкой, которой очищали ребенку зад и подкладывали под него („жалайак“), закапывают в отдаленном, чистом месте, там, где никто не топчет землю. Если этого не сделать, то ребенок будет болезненным.

Роженицу очень тепло укутывают и ухаживают за нею; если у нее родился первенец, то в этот же день или на следующее утро ее купают в теплой воде. В дальнейшем она должна время от времени опять купаться в теплой воде и стараться быть в тепле. Невыполнение этих гигиенических требований может привести к тому, что женщина будет болезненной, может оказаться испорченной. Соблюдение теплового режима, чистоты и опрятности предписывается женщине в особенности в течение первых сорока дней после родов.

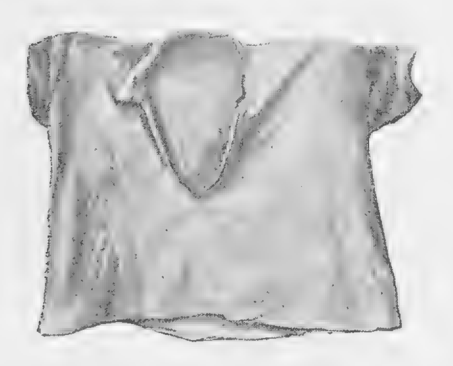

Рис. 2. Рубашка, надеваемая на ребенка после рождения („ит кӧйнӧк“). (Из колл. МАЭ, № 3359-12).

В киргизском героическом эпосе „Манас“ красочно описывается рождение Манаса.[1]

После того как исполнилось девять месяцев и девять дней беременности Чыйырды (матери Манаса), у нее начались родовые схватки. Ее муж Жакып дал обет, что в случае благополучного исхода родов, если сын родится здоровым, он раздаст несчетное количество скота. Затем он зарезал (принес в жертву) светлосерую кобылу и поставил золотой шест („бакан“), за который должна была держаться роженица во время родов. Во дворец, где происходили роды, собрались женщины — соседки.

Роды были трудными, Чыйырды кричала, потела. Женщины, помогая, сдавливали ей живот, чтобы ребенок скорее вышел.

„Бала туйлап кеткенде, Байбиче кӧзӳ сӳзӳлдӳ, Белдемчинин жакасы Беш жеринен ӳзӳлдӳ“.[2]	„Когда ребенок взбрыкнул, Глаза байбиче мертвенно побледнели, Края «белдемчи» [3] В пяти местах порвались“.

Жакып принес в жертву белую овцу с желтой головой, кобылу, корову и двугорбого верблюда. Уже восемь дней продолжались родовые схватки, а Чыйырды еще не разрешилась. Наконец 12 женщин начали стягивать ее поясницу.

[1] Manastьn balalьq caqь („Детство Манаса“). Frunze, 1940, стр. 15 сл.

[2] Там же, стр. 16.

[3] “Белдемчи“ — женская юбка с разрезом спереди или широкий пояс, надеваемый на поясницу.

„Он эки катын бек тартты,
Оңдой кӧр, кудай, деп, тартты.
Каканак суусу шар этти,
Балынын ӱнӱ барк этти.
Карынды катуу сӱзгӧнӱ,
Эки колун толтура,
Кан чеңгелдеп тӱшкӧнӱ.[1]

„12 женщин крепко (живот) стянули,
Направляй, бог, говоря, стянули.
Вода детской плевы забурлила,
Голос ребенка раздался.
В живот крепко боднул,
Две руки (кровью) наполнив,
Кровь схватив пятерней, (ребенок) выпал".

Вслед за этим Чыйырды потеряла сознание и упала. Женщины, испугавшись, говорили:

„Байбичеге нетти, деп,
Мартуу басып кетти, деп..."

„Что-то сделалось с байбиче.
Мартуу[2] напала..."

Одна из присутствующих женщин перерезала пуповину, а затем Чыйырды завернула ребенка в платок. Жена Куртки, Канышбек, дала ему грудь.

Первые дни жизни ребенка

Первые дни существования младенца были наполнены в семье, с одной стороны необычайной радостью, с другой — непрерывными заботами о сохранении жизни новорожденного.

О рождении ребенка одна из родственниц оповещала по юртам с целью получить подарок за сообщение радостной вести („сӱйӱнчӱ"). Все люди с добрыми мыслями давали этот подарок. Каждый давал, сообразуясь со своими возможностями. За сообщение вести о рождении мальчика давали подарок обязательно, и большой, за весть о девочке (ее называли „кырк жылкы" — „сорок лошадей") — не всегда, и меньший подарок.

„Когда я была беременна своим первенцем, — рассказывает Батыйна, — моего мужа не было дома, он находился на большой тризне („чоң ашта жӱргӧн"). В это время у меня родился сын (Кулжыгач). Получив эту радостную весть, муж раздавал деньги. Известный манап Байзак сказал: „дай, сын мой, кожаную рубашку («тери кӧйнӧк»), и заставил мужа ее снять и отдать в качестве подарка за радостную весть".

В юрту, где родился ребенок, собирались женщины. Входя в юрту, каждая давала матери или бабушке ребенка серебряные монеты, кольца, лепешки и сладости. Эти подарки и угощение называются „кӧрӱмдӱк" (за право посмотреть новорожденного в первый раз). Женщины подходили к ребенку, смотрели на него, дотрагивались руками до его носа и полового органа (если новорожденный мальчик) и, поднося свою руку к губам, причмокивали. Это рассматривалось как ласка. Женщин угощали кумысом и кусочками теста, сваренными в кипящем сале — „боорсок" (Атбаш. р.).

По случаю рождения ребенка родители устраивали угощение, называемое „жентек". Резали овцу, вспарывали „карын" (сосуд из желудка коровы или овцы, в котором сохраняется впрок масло), угощали собравшихся

[1] Manastьn balalьq caoъ, стр. 21.

[2] „Мартуу" — злой дух, нападающий на рожениц, аналогичен „албарсты" и „кара" („кара басуу").

односельчан маслом (или толокном с маслом) и раздавали им хорошие вещи из нажитого имущества (Актал. р.).

В тех случаях, когда в семье дети не выживали, совершали целый ряд магических действий, преследующих цель сохранить жизнь ребенка. В Акталинском районе, например, нам назвали следующие.

1. Нужно завернуть в послед („баланын тону“) одну иголку и одно шило и закопать его на том месте, где женщина родила.

2. После того как ребенка после выпадения из чрева матери подняли с земли и завернули в пеленку, одна из пожилых женщин выносит его на улицу. Отец ребенка вешает себе на шею пустую переметную суму („куржун“) и убегает в направлении течения воды. В это время женщина, держащая ребенка, кричит ему: „токтоду эле, токтоду“ („остановился, остановился“). Отец возвращается обратно.

3. Пришивают к правому плечу на одежду ребенка сделанную из материи маленькую переметную суму („куржун“). Взяв ребенка на руки, мать обходит с ним, попрошайничая, семь домов; в этих домах заставляют ребенка „кусать“ ушки семи котлов и лизать сажу, в переметную суму накладывают золы.

„У моего отца, — рассказала Батыйна, — пять-шесть человек детей не выжили. Самый старший из выживших — мой старший брат Мамбет („Саркер“). В то время, когда моя мать должна была его родить, она убежала к одному удачливому человеку рода Кулжыгач; она родила там, и после того как у нее вышел послед, прибежала обратно домой, оставив ребенка у упомянутого человека. Это потому, что у нее род другой (мы из рода Жоош, а Кулжыгач, Ыман, Чоро — близкие родственники, из них четыре рода получилось).

„Через 7 дней после этого тот человек, у которого мать оставила ребенка, сказал: „возьмите и пусть ребенок сосет грудь („эмчек эмсин алгыла“). На это мой отец ответил (имея в виду человека, у которого находился ребенок): „вкушающий грудь пусть не съест, глотающий грудь пусть не проглотит“ („жемейилдин эмчеги жеп койбосун, жутмайылдын эмчеги жутуп койбосун“). Тем не менее отец по обряду „купил“ сына: дал за него шило и иголку; зарезав скот, зарезав овцу, устроил пир; собрав подаренный ему родственниками по случаю устройства пира скот, „купил“ сына[1] за „девятку“.

---

[1] Обычай „покупать“ ребенка в тех случаях, когда дети не выживают, можно иллюстрировать одним чрезвычайно любопытным примером. В колхозе „Арал“ Тогуз-Тороуского района мы познакомились с финансовым агентом райфинотдела Сатыбалды Ӧмүрбековым. Как-то во время беседы мы поинтересовались: не знает ли наш собеседник причины, послужившей основанием для наречения его именем Сатыбалды (от „сатып ал“ — купить). Оказалось, что наш знакомый весьма подробно знает все обстоятельства наречения своего имени. Он охотно рассказал нам свою историю.

Сатыбалды Ӧмүрбеков родился в 1920 г., происходит из племени Саяк (род Чоро, подразделение Тайляк-уулу).

До рождения Сатыбалды его мать Салмакан Дуулатова, дочь Тюлькубая (из рода Тынымсеит), имела девятерых детей, из которых ни один не остался в живых. Затем рождается Сатыбалды. После рождения его моментально, не показывая матери, увез

Аналогичные магические приемы сохранения жизни ребенку отмечены и в Атбашинском районе. Там в семьях, где не выживают дети, родившегося ребенка пропускают через штаны старухи, имеющей много детей. Или же отец ребенка берет седло и собирает свои вещи и, делая вид, что убегает, объявляет, что бежит в Мекку. Кто-нибудь догоняет его и говорит: „балаң токтойт, качпа" („ребенок твой остается, не беги"). Отец возвращается. Новорожденного отдают чужому человеку на воспитание на целый год. В продолжение этого времени родители не ходят к ребенку и не видят его.

Через год мать идет покупать своего ребенка. Она несет с собой девять предметов: шило, мешок, нож, бритву, плохой сапог, плохую шапку, войлочные рукавицы (при помощи которых снимают котел) и щенка. Все вещи должны быть старые (рваные и ломаные). Приходя к женщине, воспитывающей ее ребенка, мать говорит: „балаңы сатасыңбы? мен балаңды сатып алайин деп келдим" („продаешь ли твоего ребенка? Я пришла твоего ребенка купить"). Женщина отвечает: „сатып алсаң, балама тогус бер! тогусду берсең, баламды сатамын" („если покупаешь, за моего ребенка девятку дай! если даешь девятку, ребенка моего продаю").

к себе Кӧчӧрбай (из рода Ӧйдӧчекти). Он сейчас живет в с. Казарман, в колхозе „Кызыл-чарба". В то время родные Сатыбалды жили в этой местности, где сейчас колхоз „Арал". Матери показали ребенка только через пять дней. До одного года он живет в чужом доме, ему не дают материнской груди, кормят молоком. В то время, когда Сатыбалды родился, его отец был в Нарыне председателем сельсовета. Оттуда он вернулся только через год после рождения сына. Когда узнали о том, что отец возвращается домой, его вышли встречать, и у подножия перевала Ак-кыя ему сообщили радостную весть о рождении сына. За эту радостную весть он дал одного жеребенка („тай"). Только после приезда отца ребенка возвращают домой. Однако, не повидав сына, забрав седло со всеми принадлежностями („ээр токум"), уздечку с подхвостником, Ӧмӱрбек выскочил из дома и, не оглядываясь, убежал; пробежав полтора-два километра, достиг долины Кара-колот. За ним бросились вдогонку, крича „токто эле, токто", („постой, постой"). Наконец, поймав, его привели домой. Тогда отец, дав девять предметов, купил ребенка. В число этих 9 предметов входили: войлочные державки, надеваемые на руки при снимании с очага котла („туткуч"), мешалка, употребляемая для помешивания жарящегося в котле зерна („куургуч"), обоюдоострый плохой нож („кыңарак"), шило („шибеге"), кусок старой рваной кошмы („курумшу"), бечевка („жип"), толокно („талкан"), шелуха от зерна („кебек") и что-либо из подобных этим плохих вещей.

Только после того, как Ӧмӱрбек „купил" ребенка, он впервые увидел его. За то, что он посмотрел ребенка, он, кажется, дал в подарок („кӧрумдӱк") овцу.

После возвращения из Нарына отец прожил дома один год и затем уехал обратно в Нарын, снова став председателем сельсовета. Тогда мальчика берет себе на воспитание родственник Таабалды Батырканов, являющийся двоюродным братом отца Ӧмӱрбека Дуулата (считается дедом Сатыбалды по отцу — „чоң атасы").

Отец Сатыбалды, Ӧмӱрбек, прожил в Нарыне еще три года, увезя туда с собой и жену.

Таабалды и его жена Турду воспитывали Сатыбалды и ухаживали за ним, кормили его не материнским, а коровьим и козьим молоком. Спустя три года родители Сатыбалды вернулись и взяли на себя заботы о воспитании сына. Таким образом, только с 5-летнего возраста Сатыбалды окончательно переходит к родителям.

Сатыбалды — участник Великой Отечественной войны, вернулся домой в декабре 1945 г.

Мать отдает вещи и берет своего ребенка. Женщине, воспитывавшей ребенка, она дарит новую рубашку или халат. Этого ребенка называют „качкын“ („беглец“). Иногда обходятся без притворного бегства отца в Мекку, а просто ребенка сразу же после рождения передают другой женщине, и на 4-й день мать „покупает“ ребенка за девять предметов. В этом случае мальчику дают имя Асранкул, т. е. воспитанный раб, или Сатынды — проданный.

Наречение имени („ат койуу“)

По поводу наречения имени в Акталинском районе мы получили очень краткие сведения. Имя давал или человек, провозглашающий азан („азан чакырган киши“)[1] или родители ребенка, которые в этом случае резали овцу, созывали людей и угощали их; имя давали по собственному выбору.

Более подробно рассказали об обряде наречения имени киргизы Атбашинского района.

Строго установленного времени для наречения имени ребенку у киргизов нет. Рассказывают, что раньше, спустя месяц, иногда даже три месяца после рождения, приглашали самого глубокого старика, подносили ему „боорсок“, тазовую и альчиковую кости барана и халат, и просили дать ребенку имя. Старик называл имя по своему усмотрению. В настоящее же время (1926 г.) имя дается сразу после рождения ребенка, обычно отцом, или муллой, или „асанчы“. Имеет право дать имя ребенку и тот человек, который первый войдет в юрту, где родился ребенок. Не принято, чтобы женщина давала имя ребенку. Когда родится ребенок, ждут, когда „асанчы“ прокричит асан, и тогда нарекают имя; причем иногда просят „асанчы“ прокричать асан раньше установленного времени. Иногда же дают имя в тот день, когда впервые кладут ребенка в колыбель. Вообще стараются, чтобы дал имя тот человек, который считается счастливым („бакыттуу“ или „талайлуу“), или красноречивый человек („чечен киши“), или тот человек, у которого много детей.

Среди киргизских имен встречается много арабских, как например: Кыдыр, Мамбет, Абдулла, Абдраҳман, Алыбай и др., но большинство имен старые киргизские.

Выбор имени зависит от многих случайных обстоятельств. Дают имена по отличительным признакам родившегося ребенка, например, Кызыл-баш („красная голова“), Кара-баш („черная голова“), Чоӊ-баш („большая голова“), Тоголок — „круглый“ (толстый ребенок) и др. Называют ребенка также именем предмета, который первый попадается на глаза отцу, например, Балта-бай („топор“), Кӧнӧк-бай („ведро“), Камчы-бай („плеть“) и др., или по имени человека, который первый войдет в юрту, где родился ребенок, или повстречается отцу новорожденного, например Орус-бай (встретил русского), Конок-бай (приехал гость), Сарыбагыш-бек (приехал киргиз из племени Сарыбагыш) и т. д., или же по названию той местности,

---

[1] „Азандагы ат“ — первое, первоначально данное имя (наречение имени было приурочено ко времени провозглашения азана) (К. К. Юдахин, указ. соч., стр. 59).

где родится ребенок, например, Саяк-кул (родился на летовке племени Саяк), Кӱнӧс-бай (название местности), Шааркан (родился в городе). Ребенок может также носить имя в зависимости от времени своего появления на свет и обстоятельств, сопровождавших его рождение, например, Жума-кадыр (родился в пятницу), Ноорус-бай (в новый год), Курман-бай (в праздник Курман, т. е. Курбан-байрам), Бороон-бай (во время бурана). Имена ребенка стараются связать с добрыми пожеланиями, например, Булбул-сайрайт — „соловей поет" (женское имя), Миң-бай — „тысячу богатый," Кой-багар — „будет пасти овец", Куттуу-бай — „счастливый", Батыркан — „царь-богатырь", Майлуу-бай — „богатый маслом". Особенно ласковые и красивые имена даются первенцам, или долгожданным детям, например, Кудай-берген — „бог дал" (ср. русское Богдан), Кӱмӱш-ай — „серебрянный месяц" (ж. им.), Кӱл-бӱбӱ — „цветок" (ж.им.), Сагын-бек — „ребенок, о котором долго скучали", т. е. ждали, Сӱйӱм-кан — „любимая" (ж. им.), Ак-тамак — „белая шея" (ж. им.), Кара-чач — „черные волосы" (ж. им.), Аим-кан — „госпожа-хан" (ж. им.). Часто дети носят имена живстных и птиц, как например, Тӱлкӱ — „лисица", Бӧрӱ — „волк", Чӧндӧлӧй — „детеныш сурка", Кочкор — „баран", Кийик-бай — „дикая коза", Бугу-бай — „олень" (самец), Теке-бай — „козел", и в частности — имена собак: Кӱчӱк — „щенок", Бай-дӧбӧт — „пёс", Бай-кӱчӱк, Мойнок — „собака с белой шерстью на шее", Карала — „пестрая" (кара-ала), Бай-кашка — „собака с пятном" („кашка" — „пятно на лбу"), Ак-кӱчӱк — „белый щенок".

Последняя категория имен, равно как имена, оканчивающиеся на кул (раб), как например, Солто-кул, Сары-кул, Кара-кул, Бек-кул, даются чаще всего в семьях, где умирают дети. Обычно стараются дать ребенку, родившемуся в такой несчастной семье, такое имя, которое способствовало бы его долговечности; таковы имена: Турду-бек- — „остался", Турсун — „пусть живет", Жаша-бай — „живи". Наконец, чтобы отвратить влияние дурного глаза и внимание злых духов и завистников, иногда выбираются скверные имена, как например, Курумшу — „старая кошма", Ит-аяк — „чашка для собаки", Бок — „помет" (имя одного из героев эпоса, Бокмурун — „сопляк"), Думана — „нищий" (из „дивана"), Куйручук — „маленький хвост"; Ит-жебес — „собака не ест". С последним именем связано притворное бросание ребенка собаке, в доказательство того, что ребенок настолько плох, что его не трогает даже собака. Если ребенка подносили к собаке и заставляли сосать ее грудь, то после этого его называли Ит-эмер, т. е. „сосал собаку". Имена Таштанды или Салбар — „брошенный", давались тому ребенку, которого родители якобы оставляли при перекочевках на прежнем месте, а потом находили, или же его приносили соседи. Такого ребенка называли еще и Табылды, т. е. „найденный", или Кыдыргыч — „скиталец".

В том случае, если в семье умирают мальчики или родятся одни только девочки, девочкам стараются дать такие имена, которые должны приостановить рождение девочек и вызвать рождение мальчиков, как например, Бурулча — от слова „бурул" — „повернись", Токто-бӱбӱ —

„довольно"; иногда в таких случаях девочке дают мужское имя. Наоборот, долгожданному мальчику дают имя девочки и даже одевают как девочку, чтобы этим обеспечить ему долговечность.

Надо сказать, что киргиз предпочтительно желал иметь сына, а не дочь. Но и рождение девочки не доставляло уж особенно больших огорчений — ведь впоследствии семья получала за нее довольно большой калым. Поэтому когда рождалась девочка, обыкновенно говорили: „кырк жылкы табылды" („сорок лошадей нашли"). Особенно огорчало родителей, когда первенцем была девочка. В таких случаях отец в разговоре или совсем умалчивал о своем ребенке или же иногда просто скрывал правду, говоря что у него растет сын, а не дочь.

Рождение детей-близнецов („эгиз") считается счастьем как для матери, так и для самих детей. Полагают, что один из них должен быть особенно счастливым. Но особой обрядностью ни рождение их, ни воспитание не обставлены. Таким детям дают обычно сходные по созвучию имена, как например Апал и Опол, Асан и Ӱсӧн и др.

Разумеется, все только что приведенные сведения о наречении имени, сообщенные собирателю в Атбашинском районе более 20 лет тому назад, относятся главным образом к прошлому, хотя в пережиточной форме отдельные явления старого быта продолжают кое-где сохраняться и сейчас.

Наряду с сохранением многих имен указанного выше типа, за последние 10—20 лет наблюдается процесс внедрения в киргизский быт новых имен. Самое их возникновение в большинстве случаев связано с установлением в Киргизии советской власти, с появлением новых взглядов, распространением современной советской идеологии. Следует прежде всего отметить, что среди новых имен, особенно у девочек, мы встречаем русские имена — факт многозначительный, говорящий о глубочайшем уважении к русскому народу. Таковы: Тамара, Мария, Татьяна, Катерина, Роза, Зоя, Тарас, и др. Особую группу представляют имена, возникшие под влиянием образов великих вождей советского народа и основоположников марксизма-ленинизма: Стал, Мелис, Марлен, Эмил (по заглавным буквам фамилий Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина). Знакомство с историей революционного движения вызвало к жизни такие имена, как Феликс, Марат.

Большинство новых имен обязано своим происхождением нашей советской действительности. Среди них: Ӧктӧбӱр, Ӧзгӧрӱш (прежде это слово употреблялось в значении: революция), Советбек, Советкан (ж. им.), Кеңеш (Совет), Кеңеш-бек, Шайлоо-бек (от „шайлоо" — выборы; было дано мальчику, родившемуся 11 декабря 1937 г., накануне первых выборов в Верховный Совет СССР); Каттоо-бек („каттоо" — перепись; было дано мальчику, родившемуся во время переписи скота, проводившейся в январе 1941 г.); Эркин (свободный), Азат (свободный), и др. Знаменательно, что в последние годы в обиход начинают входить имена популярных героев народного эпоса: Манас, Алмамбет, Бакай, Кошой, Курманбек.

События Великой Отечественной войны уже находят отзвук в новых именах. Отмечены такие имена, как Фронт-бек, Жеӊиш (Победа), Жеӊишбек.

Большинство новых имен появилось в городах, среди киргизской интеллигенции, в городах же их можно встретить чаще, но они уже проникли и в аилы, и начинают получать там все большее распространение.

Пир по случаю укладывания ребенка в колыбель („бешик-той“)

В течение нескольких дней после рождения ребенок лежал завернутый в тряпки, взятые у старых людей. Его укладывали на так называемый „хундак“ — на ложе из овечьей или верблюжьей шерсти или на скрученное жгутом теплое одеяло. В это время отец или мастер изготовлял для ребенка колыбель. Иногда брали старую колыбель у тех, у кого было много детей, и все они выжили. На пятый или на шестой день, а если имелась готовая старая колыбель, то на второй, или третий, ребенка клали в колыбель. В этот день устраивалось особое угощение, собирались гости, резали овцу, приготовляли „боорсок“. Этот день называют „бешик-той“ или „жентек“. Некоторые дополнительные детали к этим сведениям, касающимся атбашинских киргизов, содержатся в сообщениях нашей осведомительницы — Батыйны.

Подготовка к этому событию начиналась еще до родов; продолжалась она и в первые дни после рождения ребенка, когда приготовляли колыбель и принадлежности к ней. Могли устраивать „бешик-той“ и после того как ребенка фактически положат в колыбель. В таких случаях пир устраивали спустя 2—3 дня или неделю после положения в колыбель.

Батыйна Чолпонбаева рассказала, что после того как ее первенца Кулжыгача положили в колыбель, муж вернулся с состязания в борьбе на конях („эӊиш“) и привез с собой одну кобылу, одного бычка и одну овцу. Зарезав кобылу, устроили „бешик-той“.

Праздник, в зависимости от достатка, был или скромным или носил торжественный характер. Более состоятельные люди устраивали большой пир, сопровождавшийся иногда конскими состязаниями, скачками с козлом („улак“) и другими развлечениями. Не имевшие возможности для устройства большого угощения, ограничивались тем, что пекли хлеб, готовили пищу и раздавали ее соседям, после чего клали ребенка в колыбель. Близкие родственники оказывали помощь родителям ребенка в устройстве пира (её называют „кошумча“). Принося тот или иной подарок, соответственно своей щедрости, они говорили — это наш „жентек“.

Если кладут в колыбель девочку, то пир устраивается только по желанию отца. В этом случае, когда девочка, по имевшему место обычаю, была сговорена еще до рождения, родители мальчика („бел куда“) привозили какой они могли, подарок новорожденной, говоря — это наш „жентек“.[1]

[1] Когда девочку кладут в колыбель, родня ее жениха привозит ей „кара“, т. е. часть калыма, состоящую из крупного рогатого скота (Н. П. Дыренкова. Брак, термины родства и психические запреты у кыргызов. Сборн. этногр. материалов, № 2, 1928, стр. 14).

На этот праздник обязательно приглашают и угощают женщину, перерезавшую пуповину („киндик эне").

В материалах, собранных Н. П. Дыренковой, содержится описание обряда, сопровождающего укладывание ребенка в колыбель, который ей удалось наблюдать дважды: в оседлом киргизском поселке — в сел. Атбаши и на летнем кочевье в долине р. Арпы, среди киргизов племен Черик.

„В Атбаши одна из старух повела нас в дом, где истек шестой день после рождения ребенка и назначено было перенесение его в колыбель. По дороге старуха купила две лепешки („токоч") и сушеные абрикосы („ӧрӱк"). На «бешик-той» принято приносить съедобные вещи, преимущественно сладости. В правой от входа половине зимнего киргизского дома, на разостланных кошмах сидело много киргизских женщин, одни в праздничных халатах („чапан") и головных уборах („элечек"), а другие в простых платках. Тут же толпились дети разного возраста. Мужчин и девушек не было.

„Колыбель была уже приготовлена и стояла посредине комнаты (описание устройства колыбели см. ниже). Одна из родственниц матери вынесла из другой комнаты ребенка, завернутого в старую белую рубаху, взятую у старухи-соседки, и дала на руки старухе, которая помогала матери при родах. На ребенке была одета маленькая «собачья» рубашка из пестрой красной материи („ит-кӧйнӧк"). Пуповина ребенка была перевязана белой тряпкой. Одна из женщин вымыла над тазом руки, выполоскала рот и стала мыть ребенка розовым мылом, выплевывая на него воду изо рта. У ребенка отпала пуповина, и ее вместе с водой вынесли на улицу.

„Принесли топор, плоский камень, лопату, ветку можжевельника и четыре коленных косточки („чӱкӧ") барана и все это положили на кошму около колыбели. Колыбель поставили головой на юго-запад по направлению к Мекке. Поправили в колыбели кошму, положили простыню и лоскуток от рубашки старика. Женщина свернула белую тряпку и положила в отверстие, имеющееся в колыбели для стока мочи (трубчатой кости — „жилик" — еще не успели приготовить). Мать бросила серебряное кольцо, его положили в колыбель под подушку. Ребенок все время лежал на коленях у старухи на подостланной старой рубахе. Взяв ребенка на руки, старуха сказала: «бисмилла» (во имя Аллаха), и, дотронувшись до его носа, поднесла руку к своему рту, а затем сказала: «ата энеңдин жӧрӧлгӧсӱ» („отца-матери твоей обычаи"). Другие женщины в это время положили в колыбель топор, камень и, наклонив колыбель в сторону ног, пропускали топор и камень в дугу, соединяющую задние ножки колыбели. Они делали так три раза и каждый раз бросали сверху в колыбель на положенный топор косточки („чӱкӧ"), которые также скатывались после наклона в отверстие дуги колыбели. Женщина, которая наклоняла колыбель, и вслед за ней все остальные громко повторяли: «оң» („правильно"). Одна из женщин зажгла можжевельник и окурила колыбель. Обводя три раза кругом нее зажженным можжевельником и всовывая его под верхнюю перекладину люльки, говорила: «Алас-алас,

ар баладан калас» („алас-алас, освобождение от всякого несчастья“). Горящую ветку унесли и бросили в очаг.

„Затем внесли на подносе различные сладости: кусочки сахара, „ӧрӱк“, „боорсок“, ягоды джиды („жийде“), финики и все это бросили сверху в колыбель. Из колыбели сладости посыпались на кошму. Дети и взрослые кинулись поднимать, хватали из колыбели, поднимали с кошмы и тут же ели. Затем колыбель несколько раз поднимали, и женщина, поднимающая ее, спрашивала присутствующих: «жеӊил, жеӊилби?» („легкая ли?“). Присутствующие отвечали: «жеӊил, жеӊил» („легкая“). Женщина, державшая ребенка, надела на него рубашку и шапку. Кладя ребенка в колыбель, она говорила: «менин колум эмес, Умай-эне, Батма Сураның колу» („не моя рука, а рука матери Умай, Фатимы-Зухры“), и, обращаясь к огню: «жаны бекем болсун» („пусть душа [жизнь] его будет крепкой“), «ӧмӱрӱ усак болсун» („пусть жизнь его длинной будет“), «боосу бекем болсун» („пусть завязки крепкими будут“), «ырыс кешик болсун» („пусть счастье, удача будет“). Далее несколько раз повторила «тообо, тообо» („каюсь, каюсь“).

„Ребенка запеленали в старую рубаху, под голову положили вату, завязали повязки для рук и ног, сверху накинули на колыбель одеяло, и сразу же на одеяло стали набрасывать различные тряпки, мешки, халаты, одеяла и поверх всего положили плетку. Всего должно быть девять вещей („тогус“), причем все присутствующие считали громко каждую вещь, а затем кричали: «тогус, тогус». Затем с колыбели сняли все положенные на нее вещи, оставив лишь одеяло, и поставили на обычное место. Рядом положили плеть. Маленькая девочка начала качать колыбель, а присутствующие женщины принялись за угощение. Лучшим угощением на «бешик-той» является топленое масло — «сары-май». Богатые киргизы устраивали большое угощение. Съезжалось много народа. Резали не только овец, но и кобыл. Мужчины не присутствуют при обряде укладывания ребенка в колыбель, а только угощаются“.

У кочевых киргизов в обряде укладывания ребенка в колыбель более ярко сохранялось почитание „Умай-эне“ и очага. Старая женщина, чаще всего бабка по отцу, обходит очаг юрты три раза, справа налево, держа колыбель с ребенком. Кланяется очагу, кладет в него сало и говорит: „бай бол“ („богатый будь“), „астында бала бассын“ („впереди у него пусть будет наполнено детьми“), „артында мал бассын“ („сзади у него пусть будет наполнено скотом“), „кудай тилегиӊди берсин“ („бог по просьбе твоей пусть даст“), „кӧп-жаша“ („много [долго] живи“). И затем, обращаясь к „Умай-эне“, говорит: „Умай-энеси уктат“ („мать Умай, и усыпляй“), „бешик энеси бек карма“ („колыбели мать, крепко держи!“), или „Умай-эне Батма-Сура баламды сакта“ („мать Умай, Фатима-Зухра, моего ребенка храните!“), и, взяв ребенка на руки, говорит: „менин колум эмес“ („не моя рука“), „Умай-эненин колу“ („рука матери Умай“), „менин жолум эмес“ („не мой путь“), „Умай эненин жолу“ („путь матери Умай“).

Положив в колыбель топор и камень и опрокидывая ее, старуха говорит: „оӊбу, оӊбу?“ („правильно ли?“), остальные отвечают: „кудай оӊосо,

оң" („если исправит бог, то правильно"). И дальше: „байгамбар саабадан калган" („от пророка и асхабов оставшийся"), „Батма энебисден калган" („от матери нашей Фатымы оставшийся"), „ата энеңден калган жёрёлгё" („от отца-матери твоей оставшийся обычай").

Если в этом доме дети не выживают, то перед укладыванием ребенка в колыбель приходит старуха, протаскивает ребенка через свои штаны и заворачивает в них ребенка. Иногда старуха или старик дают только свои рубахи или штаны для того, чтобы завернуть в них ребенка,

Рис. 3. Общий вид колыбели („бешик"). (Из колл. МАЭ, № 3359-1, *а—з*).

Киргизская колыбель („бешик", „кундак")[1] (рис. 3) по своему устройству почти не отличается от того типа колыбелей, который распространен от Монголии до Аравийского полуострова.[2] Она состоит из деревянного остова и принадлежностей для постели, отвода и стока выделений.[3]

Остов колыбели (3359-1,*а*) составляют две дугообразно изогнутых палки, концы которых служат ножками („бешиктин аягы"); эти дуги образуют переднюю, находящуюся в изголовье, спинку колыбели („бешиктин башы") и заднюю ее спинку („бешиктин буту"). Дуги соединены между собою четырьмя продольными, обструганными рейками („бешиктин жан жыгачы"), идущими горизонтально, попарно по обе стороны колыбели (длина 71 см). Весь остов колыбели скреплен без железных гвоздей; заостренные концы реек вставлены в сквозные гнезда в ножках дуг и затем закреплены небольшими деревянными шипами. К верхней части дуг, посредине, привязана на ремешках круглая, гладко выструганная палка („туура жыгач" или „алкак"),[4] длиной 79 см. Она проходит вдоль колыбели и служит

---

[1] Ср. узбекск. „кўндок" — пеленки, османск. „кундак" — колыбель, „кундак бэзи" — пеленки. Когда слово „бешик" является запретным для какой-либо женщины, она употребляет в таких случаях термин „бöлööч", от глагола „бöлö" — пеленать, класть спеленутого в колыбель (К. К. Юдахин, указ. соч., стр. 98).

[2] Р. С. Гершенович. О бытовой гигиене узбекского грудного ребенка. Тр. Ср.-аз. Гос. унив., серия XII-в, Этнография, вып. 1, Ташкент, 1928, стр. 9 сл.

[3] Даем описание колыбели по образцу, хранящемуся в Музее антропологии и этнографии (коллекция № 3359), приобретенному покойной Н. П. Дыренковой в 1926 г. в посещенном ею Атбашинском районе (долины рек Арпы и Аксая) Киргизской ССР, с дополнениями по ее рукописи и материалам, собранным автором статьи в 1946 г. в Акталинском районе.

[4] „Алкак" — дуги с двух сторон детской колыбели (К. К. Юдахин, указ. соч., стр. 33. Ср. калмыцк. „ölгä" — колыбель, пеленка.

для раскачивания ее, а также в качестве подпорки при покрывания ее одеялом. Ремешки, при помощи которых палка свободно подвешена к дугам колыбели, называются „бешиктин кайыш боосу", или просто — „бешиктин боосу". Длина остова колыбели 76 см, ширина 26 см, высота 46 см.

Между боковыми продольными рейками натянуты веревки (1, *б*) из белой шерсти („кергич жип"). Они переплетены таким образом, что образуют подобие сетки, на которую укладываются постельные принадлежности.

Поверх этой сетки кладется плетеная из чия цыновка („бешиктин чий") или шкура козленка, а чаще кусок войлока („бешиктин кийиз"). Войлок (1, *г*), как обычно, натянут на дугу „бешиктин башы", чтобы не дуло в голову ребенку. В противоположном конце войлока (его длина 87 см., ширина 30 см), на расстоянии 15—20 см от задней спинки колыбели, сделано отверстие для стока выделений, в которое вставляется мочеотводная трубка (см. ниже). Под ноги ребенку кладется особый кусок войлока или верблюжья шерсть.

На войлок настилается матрасик (1, *е*), чехол которого шьют из ткани домашнего производства (длина 78 см, ширина 33 см). Матрасик („олпок") набивают верблюжьей или овечьей шерстью. В нем также, соответственно, имеется отверстие для указанной выше цели. Поверх матрасика кладется простынка („чарчы оро" или, реже, „шейшеп") из бумажной ткани, в большинстве случаев — кустарного производства (в коллекции отсутствует). По словам Б. Чолпонбаевой ее делают двойной. Вокруг имеющегося и в простынке отверстия, с 4 сторон накладывают четыре полоски („кыпчылдык" или „кыпчык") из бумажной ткани — фабричного или кустарного производства. Их делают обычно двойными или кладут в сложенном вдвое виде. Они имеют (1, *ж*) в длину 22 см, в ширину 4 см. Назначение этих полосок, подкладываемых под заднюю часть ребенка, — предохранить его от сырости.

Подушечка — „жастык" (1, *з*) имеет квадратную форму (32 × 32 см). Наволочка сшита из ситца, набита перьями горной индейки („улар").

После того как ребенок уложен в колыбель, его руки и ноги прижаты к телу, и он завернут в простынку, его привязывают к колыбели особого рода повязками („боортко").[1] Их две: одна для привязывания рук („кол боортко"), другая для привязывания ног („аяк боортко").[2] Длина каждой повязки (1, *в*) 44 см, ширина 7.5 см. Они сделаны из войлока и обшиты с обеих сторон бумажной материей. В других случаях их делают из хорошего материала, сшивая в три слоя, и украшают вышивкой. В Музее национальной культуры (гор. Фрунзе) мы видели „саймалуу боортко" из войлока, обшитого с лицевой стороны красным сукном, украшенным вышивкой цветными бумажными нитками. Одним концом повязки прикрепляются к нижней рейке с одной стороны колыбели при помощи петли из шерстяной ткани (длина 18 см, ширина 3.5 см), попе-

[1] Ср. османск. „баҔырдак" — свивальник, калмыцк. „боодгъа" — повязка, перевязка.
[2] Ср. тадж. „даст-банд" и „пои-банд".

речной палочки (длина 8.5 см) и двух тесемок из материи (или при помощи пришитых к ним тонких волосяных бичевок). К другому, свободному, несколько суженному концу каждой повязки пришита тесемка из материи (длина 126 см).

Рис. 4. Ребенок в колыбели. (Фот. из колл. МАЭ, № 3661-47).

Повязки перекидываются через лежащего в колыбели ребенка и завязываются (тесемками) за боковые рейки остова колыбели, находящиеся с другой стороны (рис. 4). Иногда тесемки (или бечевки) бывают настолько длинны, что их хватает, чтобы перекинуть еще раз через ребенка. Эти повязки служат для удерживания ребенка во время раскачивания колыбели и препятствуют выпадению его из колыбели.

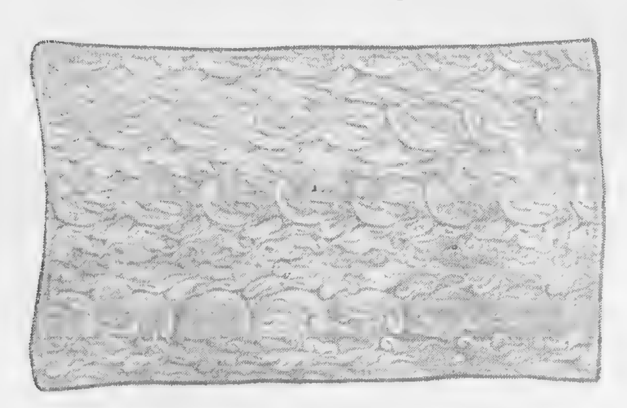

Рис. 5. Одеяло („тӧшӧк") для покрывания колыбели. (Из колл. МАЭ, № 3359-1, *и*).

Поверх перекладины („туура жыгач") колыбель накрывается ватным одеялом („тӧшӧк").[1] Это одеяло (1, *и*) набито верблюжьей шерстью и простегано. Верх сделан из пестрого ситца, низ — из ткани кустарного производства. Оно закрывает всю колыбель, остаются видными лишь ее ножки.

[1] „Тӧшӧк" — собственно постель (К. К. Юдахин, указ. соч., стр. 515).

По словам Б. Чолпонбаевой, одеяло (она его называла „бешик жабуу“ — покрывало для колыбели), по возможности, украшают („кооздоп жасайт“).

Рис. 6. Женщина кормит ребенка грудью, не вынимая его из колыбели. (Фот. из колл. МАЭ, № 3661-20).

В некоторых случаях его делают из двух полович, застегивающихся поперек колыбели на пуговицы, в других — оно изготовляется сплошным,

Рис. 7. Колыбель с ребенком. Рядом — его мать. (Фот. из колл. МАЭ, № 3661-19).

но в нем делается закрывающийся прорез для груди („жапма тешик“), что дает матери возможность кормить ребенка, не откидывая всего

одеяла. Как правило, киргизская женщина кормит ребенка, не вынимая его из колыбели, (рис. 6), но некоторые женщины, для кого это по силам, приготовляют специальное одеяльце („жабуу-тӧшӧк“), в которое заворачивают ребенка при кормлении („эмизгенде“), вынув его из колыбели.

Когда ребенка держат на руках, вместо клеенки употребляется пеленка под названием „жалаяк“.[1]

Рис. 8. Мочеотводная трубка из бараньей кости („шимек“). То же, деревянная. Банка служащая для стока выделений. (Из колл. МАЭ, № 3359-1, *к*, *л*, *м*).

Как указывалось выше, в постельных принадлежностях колыбели имеется отверстие для стока экскрементов и мочи. Под отверстием, внизу колыбели, подкладывается кусок войлока („кӱлтӱк“), который часто вынимается, моется и сушится. В коллекциях Государственного Музея этнографии (Ленинград) имеется войлочный приемник для нечистот (коллекция 4203-86), сшитый в виде конуса. Иногда вместо куска войлока подставляется жестяная банка или маленькое жестяное ведерко (также называется „кӱлтӱк“). В коллекции МАЭ (3359-1 *м*) — это четырехугольная покупная банка из оцинкованного железа (длина 9.5 см, ширина 7.5 см, высота 12 см), с загнутыми краями. Через указанное отверстие в постели вставляется мочеотводная трубка („шимек“), изготовляемая из кости, а иногда из дерева. Трубка (1, *л*) из бараньей трубчатой кости („чӱкӧлӱӱ жилик“ или „жото жилик“), полая внутри, возле одного конца (глухого) имеет боковое отверстие. Длина ее 14 см. Такая трубка употребляется для девочек. Деревянная трубка (1, *к*) имеет возле одного конца сбоку выступ, напоминающий по форме головку курительной трубки. В выступе имеется отверстие, ведущее к полой части трубки. Это — трубка для мальчиков. Трубку вставляют между ног ребенка (рис. 8).

В большинстве случаев колыбель делает отец ребенка; если он не умеет, то делает посторонний. Колыбель переходит от одного ребенка к другому. Когда вырастает последний ребенок, колыбель оставляют лежать где-либо в зимнем помещении. Часто ее отдают той из женщин, у которой дети не выживают. Если у такой женщины родится ребенок, она идет с угощением к той женщине, у которой было много детей — и все выросли, и просит колыбель. Иногда женщины, не имеющие детей, выпрашивают такую колыбель и держат ее дома в надежде иметь ребенка (Атбаш. р.).

Если в семье дети не выживают, колыбель выпрашивают (когда она свободна) у успевающего в жизни человека („ӧнӱп-ӧскӧн кишинин“) из

[1] К. К. Юдахин, указ. соч., стр. 152.

другого рода. В большинстве случаев, когда предыдущий ребенок умер, используют все же оставшуюся от него колыбель и кладут туда новорожденного, считая что „все от кудая“ (Актал. р.).

Если обращаются с просьбой сделать колыбель к постороннему человеку, то стараются, чтобы это был человек, у которого много детей — и все они благополучно выросли. За изготовление колыбели ему ничего не платят, только угощают (Атбаш. р.).

Принадлежности для колыбели („бешиктин жабдыктары“): пеленки, матрасик и т. п., родители ребенка приготовляют сами. Простынки в большинстве случаев поручают приготовить женщине, перерезавшей пуповину („киндик эне“). Бывают случаи, когда хорошо относящиеся к данной семье люди, приготовив что-либо из принадлежностей для колыбели, приносят и дарят (Актал. р.). Принадлежности для колыбели шьет сама мать, реже дарит бабка по матери (Атбаш. р.).

Рис. 9. Женщина, везущая своего ребенка в колыбели. (Фот. из колл. МАЭ, № 3661-13).

С колыбелью необходимо обращаться бережно. Ее нельзя содержать грязной, потому что в нечистоте поселяются „албарсты“. Часто колыбель просушивают днем на солнце, но нельзя ее оставлять на дворе до вечера, потому что ее могут, во-первых, увидеть звезды, а во-вторых, шайтан, пользуясь темнотой, уляжется в нее и будет мучить ребенка, отчего ребенок будет неспокойно спать, плакать и может заболеть.

Пустую колыбель не качают (обычно ребенка качают в колыбели до 1—1.5 лет). После умершего ребенка колыбель редко сохраняют: чаще ее или сжигают или, предварительно сломав, кладут на могиле ребенка (иногда вешают на шесте возле могилы) (Атбаш. р.).

В обычное время колыбель с ребенком стоит на земле и помещается на правой от входа (женской) половине юрты. Иногда же колыбель мальчика ставят на противоположной, мужской половине. Еще не так давно, во время перекочевок женщина перевозила колыбель вместе с лежащим в ней ребенком, закрыв ее одеялом, сидя верхом на лошади и держа колыбель впереди себя (рис. 9).

Приводим несколько колыбельных песен („бешик-ыр“), записанных Н. П. Дыренковой от старухи Мөңгүн-ай из племени Моңолдор на р. Чоң-көгарт и от женщины Ойшы из племени Черик на р. Курганташ.

Алдей, алдей, ак бала,
ак бешикке жат бала,
кунан койду сой бала,
куйругуна той бала.

Аай, аай, аай бала, аай бала,
анжийандын бос талада
эл ылдыйга түшелек,
арпа будай бышелек,
астыңа токум салайын,
үстүңө чапан жабайын
Алматы кеткен атанды,
кайдан истеп табайын,
аай, жаным, ыйлаба.

Алдей, алдей, ак бөбөк,
ак бешикке жат бөбөк,
ыйлаба, балам, ыйлаба,
ата энеңди кыйнаба;
алдей, алдей, аппагым,
башымдагы калпагым,
эл сүйбөсө сүйбөсүн,
өсүм сүйгөм аппагым;
ыйлаба, балам, ыйлаба,
карга баласын аппагым,
дейт.
Ыйлаба, балам, ыйлаба,
жилик чагып берейин,
жилигинин майына буламык
кылып берейин;
өбөй, өбөй, баламай,
айылдуу эл кой сойсо,
ашыкту жилик колуңда;
королуу айыл кой сойсо,

колколуу жүрөк колуңда,
сал, сал, сал белек, балам,
сары майга сал белек.

Алдей, алдей, ыйлаба, балам,
ата энеңди кыйнаба,
эл жайлоодон түшелек,
арпа будай бышелек,
сал, сал, сал белек,
сары майга сал белек;
эне атаңды кыйнаба,
буламыгын бышелек;
өрүк бекен бешиги?
өбөт бекен акеси?
жийде бекен бешиги?
жигит бекен акеси?

Баю бай, белый ребенок,
в белую колыбель ложись, ребенок,
двухлетнего барана режь, ребенок,
курдюком барана насыться, ребенок.

Баю бай, ребенок, бай,
в Андижанской серой степи
народ вниз еще не спустился,
ячмень, пшеница еще не созрели,
под тебя положу седло,
на тебя надену халат
в Алмату уехавшего твоего отца,
откуда ища найду,
душа моя, не плачь.

Баю, баю, белый ребенок (малыш),
в белую колыбель ложись, ребенок,
не плачь, мое дитя, не плачь,
отца, мать твою не мучай;
баю, бай, мой беленький,
на моей голове моя шапка,
народ, если не любит, пусть не любит,
я сама люблю тебя, мой беленький;
не плачь, мое дитя, не плачь,
грач своего ребенка „мой беленький“ называет.
Не плачь, мое дитя, не плачь,
(мозговую) кость раздробив да дам-ка я,
на костном мозге кашу
да сделаю я;
не плачь, не плачь, дитя мое,
в аиле, если народ зарежет барана,
кость в твоей руке;
имеющий отару овец аил, если зарежет барана,
с аортой сердце в твоей руке,
всунь, всунь руку, ребенок,
в желтое масло засунь руку.

Баю, баю, не плачь, дитя мое,
не мучай отца и мать твою,
народ с летних кочевок еще не спустился,
ячмень, пшеница еще не созрели,
всунь, всунь руку,
в желтое масло сунь руку;
мать, отца твоего не мучай,
каша твоя еще не поспела;
из абрикосового дерева ли колыбель?
поцелует ли твой отец?
из джиды ли (сделана) колыбель?
молодец ли твой отец?

алма бекен бешиги?	из яблони ли колыбель?
алат бекен акеси?	возьмет ли тебя твой отец?
кара сууда кемеси,	в черной воде его корабль,
кагылып кетсин энеси.	пусть пожертвует собою его мать.
Жапкан токоч ортосу	Середина лепешки,
журӧгӱӊдӱн толтосу,	от сердца его край,
каканагын карк этип,	пленка (около ребенка) пусть хрустит,
алтын башыӊ жарк этип;	золотая голова твоя (пусть) блестит;
кагылайын, сенден кантип	да паду (да пожертвую собою),
чыктын менден,	как это ты (такой хорошенький) вышел (родился) от меня,
айналайын, айналайын[1],	да покружусь я, да покружусь,
кагылайын, кагылайын,	да паду я, да паду (искупительной жертвой),
ӧлӧй, ӧлӧй.	умру я, умру.

Первые сорок дней жизни ребенка („кырк кӱн“)

Сорокадневный период после рождения ребенка называется „кырк“ или „кырк кӱн“. Раньше считали, что в эти дни ребенок особенно нуждается в охранении от злых духов. Три дня, а иногда до самого „бешик-той“, в юрте днем и ночью горел огонь. Около колыбели клали большой нож. К колыбели ребенка привязывали всевозможные амулеты (см. ниже).

В Акталинском районе в этот период заготовляют всякую одежду для ребенка. Когда наступает сороковой день (к этому предварительно готовятся), режут по мере возможности что-нибудь из скота; другие устраивают угощение по своим силам, в крайнем случае напекут целый котел лепешек. Собрав односельчан и раздав им лепешки с маслом, устраивают стрижку волос новорожденного („кыркын“). Стригут так называемые „утробные волосы“ („карын чач“) на голове ребенка. Стрижет ножницами или мужчина, или женщина — безразлично, но позволяют это делать только хорошему человеку. Иногда мать ребенка сама снимает ему волосы.

У киргизов Атбашинского района к сороковому дню, называемому „кыркы“, также шили для ребенка новую одежду: „чапан“, „топу“ (тюбитейку), „кӧйнӧк“ (рубашку). В этот день съезжались гости, и устраивалось угощение — резали овцу, делали „боорсок“. „Собачью рубашку“, надетую на ребенка после рождения, в этот день (у всех тяньшанских киргизов) с ребенка снимали. Ее отдавали кому-нибудь из нуждающихся, иногда предварительно насыпав в нее муки или толокна.

На ребенка надевали другую рубашку — „кырк кӧйнӧк“. Обычно такая рубашка должна быть сшита из сорока лоскутков различной материи, которые мать ребенка выпрашивала, обходя все соседние юрты. Предпочитали брать лоскутки у преуспевающих, старых людей. В последнее время, ввиду того, что в аиле очень часто не насчитывалось

---

[1] В значении магического кружения, принесения себя в жертву.

сорока юрт, рубашку делали из меньшего количества кусков, 10—15, а иногда и того меньше (3—5). Шила рубашку сама мать.

В коллекции МАЭ такая рубашка (3359-13) сшита из четырех различных сортов материи: перед рубашки из розового ситца, рукава из пестрой, бока из оранжевой ткани кустарного производства; спинка из двух кусков: верхняя часть из розового ситца, нижняя — из кустарной

Рис. 10. Рубашка, надеваемая на ребенка на 40-й день после рождения („кырк кöйнöк"). (Из колл. МАЭ, № 3359-13).

бязи. Рубашка без ворота, разрез идет от одного плеча к другому; завязывается при помощи тоненьких веревочек на плечах. Длина 31 см, ширина 26 см. (рис. 10). Эту рубашку ребенок носил, пока она не приходила в ветхость.

В своей юрте мать или женщина, перерезавшая пуповину, наливала сорок ложек воды в казан, подогревала ее и мыла в ней в этот день ребенка. В юрту собирались дети из окрестных аилов. Здесь в этот день пекли сорок лепешек на масле („май-токоч") или маленькие блины в сале („кырк челпек") и раздавали их сорока детям.

На ребенка надевали сшитую для него новую одежду. Такого покроя одежду мальчик носил до обрезания, а девочка — до обряда заплетания кос. Часто дядя по матери приносил ребенку в день укладывания его в колыбель („бешик-той") или в сороковой день всю одежду и дарил еще яка („топос") или жеребца. Присутствующие делали ребенку подарки, состоявшие из платков, колец и т. д.

Через месяц, а иногда через год после рождения ребенка, женщина едет с ним к своей матери; там ребенку дарят платок, рубашку, а матери делают всю новую одежду.

Детские амулеты

Новорожденного старались всеми силами охранять от злых духов. Этой цели служили, в частности, многочисленные амулеты. Некоторые из них привешивали к колыбели ребенка, другие пришивали к одежде

ребенка: на спину, к плечу, к воротнику халатика, на шапочку и т. д. Подавляющая часть амулетов представляет собой различные части животных и птиц. В упомянутой выше коллекции МАЭ № 3359 представлен ряд таких амулетов (перед каждым предметом стоит порядковый номер по коллекционной описи):

№ 2 — „тумар“ (рис. 11) — полосатая тряпочка в форме треугольника с вложенным внутрь изречением из корана (ширина 4.5 см, высота 3 см). К нему прикреплены перья филина (длина 13 см). Амулет пришит к войлоку в изголовье колыбели. По словам Б. Чолпонбаевой, такой амулет изготовлялся либо по желанию родителей, без прямого повода, либо если ребенок часто и много плакал. За получением вшиваемого в амулет изречения из корана обращались к грамотному человеку — „молдо“);

Рис. 11. Амулет („тумар“). (Из колл. МАЭ, № 3359-2).

Рис. 12. Кусок шкуры с перьями утки—атайки („аңыр“). (Из колл. МАЭ, № 3359-4).

Рис. 13. Лапы беркута. (Из колл. МАЭ, № 3359-5).

Рис. 14. Коготь медведя. (Из колл. МАЭ, № 3359-7).

№ 3 — „тумар“ такого же типа, но сшит из черной материи;

№ 4 — кусок шкуры с перьями утки атайки („аңыр“) (рис. 12), рыжего цвета, на черной нитке (длина 17 см, ширина 10.5 см);

№ 5-*а*, *б* — две лапы орла („бӱркӱт“) с когтями (длина 15 см)[1] (рис. 13);

№ 6 — лапа филина („ӱкӱ“) (длина 15 см);[2]

№ 7 — коготь медведя („аюу“) (длина 8 см) (рис. 14);

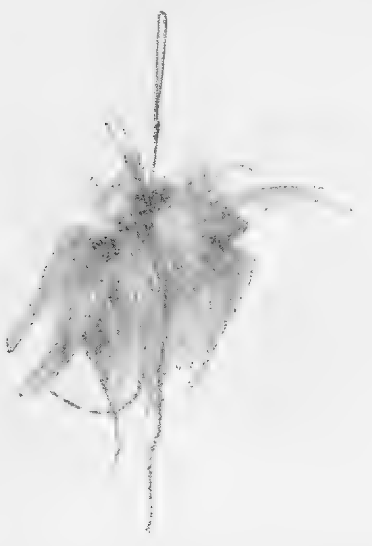

Рис. 15. Кусок медвежьей шерсти. (Из колл. МАЭ, № 3359-8).

Рис. 16. Волосы яка („топоз“). (Из колл. МАЭ, № 3359-9).

№ 8 — кусочек медвежьей шкуры с шерстью[3] (рис. 15);

№ 9 — волосы яка („топос“), свернутые в виде кисточки и обмотанные лиловыми, красными и зелеными нитками (длина 8.5 см) (рис. 16);

№ 10 — коленная косточка („чӱкӧ“) волка („бӧрӱ“) (рис. 17); сквозь нее продета белая веревочка.

Кроме того, в качестве амулетов в Атбашинском и других районах Тянь-шаня служили: кусочки шкуры волка, морда выдры („кундус“) или нос лисицы,[4] когти барса („илбирс“), клюв совы, филина, беркута, а также перья этих птиц, голубой бисер („мончок“), раковины ужовки-каури (Cypraea moneta), называемые „жыландын башы“ („голова змеи“), шерсть яка („топос“), заплетаемая обычно в одну или несколько косичек,

[1] Об обычае памирских киргизов нашивать детям когти орла в предотвращение влияния дурного глаза сообщает Вуд (И. П. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-дарьи. СПб., 1879, стр. 200).

[2] В коллекциях МАЭ (1287-30) хранится голова филина („укунын басы“), привязываемая к колыбели в предупреждение от нечистого духа, приобретенная в б. Петропавловском уезде, в Средней орде (казахи).

[3] По воззрениям киргизов, шкура медведя считается сильно действующим целебным средством. „У кого заболит поясница, — пишет Ф. Поярков, — спина или появится ломота в руках, ногах или в пояснице, того сажают на медвежью шкуру или же больные места натирают ею“ (Кара-киргизские легенды, сказки и верования. Памятная книжка Семиреченской области на 1900 г. Верный, 1900, стр. 5,6).

[4] Ф. Поярков сообщает, что у киргизов „хвост лисицы привешивают в первые 6 недель к люльке новорожденного, исходя из того поверья, что дьявол боится лисицы, почему не подойдет к люльке и не причинит вреда новорожденному“ (указ. соч., стр. 5, 6).

камешки или фигурки в виде сердца, сделанные из свинца или можжевельника („жӱрӧк таш") и др.

В Акталинском районе был приобретен для Музея национальной культуры Киргизского филиала АН СССР амулет („тумар"), сшитый из красной ткани, внутри которого были зашиты волосы „святого" Эшенбаба, привезенные из Мекки Нурматом, отцом мальчика Нияза, на шее у которого висел этот амулет.

Мы склонны рассматривать некоторые мотивы киргизского орнамента в качестве изображений, которым в прошлом приписывались те же свойства и функции оберегов, которыми, якобы, обладали вышеназванные предметы.

Таким оберегом был, по всей вероятности, узор, изображающий „Умай" — покровительницу рожениц и детей. О существовании такого узора пишет М. В. Рындин в статье „Киргизский узор" (Тр. Киргизск. филиала АН СССР, т. I, вып. 1, Фрунзе, 1943, стр. 145).

Рис. 17. Коленная косточка („чӱкӧ") волка. (Из колл. МАЭ, № 3359-10).

К этому же типу орнаментальных мотивов мы относим: вышивку на попоне, покрывающей лошадь невесты, изображающую когти рыси („сӱлӧӧсӱн тырмагы");[1] узоры „вороний коготь" („карга тырмак"), встречающиеся на вышивках и по краям войлочных ковров; „тигровый коготь" („жолборс тырмагы") — на вышивках, войлочных коврах, реже — на тканье; „полет кобчика" („жагалмай"), изображенный на ручке деревянной мешалки для кумыса („бишкек") и др.

В той семье, в которой не выживали мальчики, родившемуся мальчику надевали на ногу браслет, продевали в ухо одну серьгу, заплетали косу, и до обрезания одевали его, как девочку. Не так давно мальчикам вообще заплетали две или одну косу около ушей, называемую „саамай". Сейчас же этот обычай остался лишь в тех семьях, где не выживают мальчики, или где имеется только единственный сын в семье, или же когда мальчик рождается у пожилого человека.

Если в доме был маленький ребенок, то не разрешалось ночью и вечером приоткрывать кошму над дымоходным отверстием в юрте. Говорили так: если ребенка увидят звезды, то у него заболят глаза.

Лечение болезней младенческого возраста

В младенческом возрасте ребенок подвержен частым заболеваниям. Их лечение и являлось основной функцией знахарок („эмчи"). Способы лечения некоторых детских болезней, ныне в своем огромном большинстве уже не применяемые, описываются нами по сведениям, полученным от „эмчи" Батыйны Чолпонбаевой.

---

[1] М. С. Андреев. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-дарьи и киргизов Памира. Ташкент, 1928, стр. 38.

[2] М. Ф. Гаврилов. Орнамент киргиз Сусамыра. Ташкент, 1929, стр. 8, 9, 14.

В тех случаях, когда ребенок все время плачет, не полнеет, спадает в теле, считают, что большею частью это происходит от заболевания „куу далы“ (буквально — парализованная лопатка). В одном месте лопатки ребенка, якобы, появляется тогда углубление, похожее на сделанную пальцем вмятину; гребень лопатки (обычно слегка выступающий наружу) прилипает к телу и становится незаметным. Врачи этой болезни не знают. Лечение этой болезни заключается в следующем: наложив концы пальцев на лопатку и оттянув ее в одну сторону, приподнимают ее; если это болезнь „куу далы“, то она становится заметной через 2—3 дня после рождения ребенка. Лопатку также натирают два-три дня медвежьим салом или керосином, а если не помогает — продолжают натирать и дальше.

В нёбе также может образоваться ямочка. В этом случае разводят в теплой воде волчью желчь („бӧрӱнӱн ӧтӱ“) и помазав этим раствором нёбо, заставляют ребенка 3—4 раза лизнуть лекарство.

В течение одного-двух дней дают ребенку лизать лекарство, чтобы оно достигло больного места.

Кроме болезни „куу-далы“ в младенческом возрасте дети часто болеют еще рахитом („итий“). Когда ребенок заболевает рахитом, берут высохший череп („куу баш“) какого-либо животного (лошади, собаки, овцы и др.) и рисуют на нем красной и синей краской изображение человека (рисуют, смотря в это время на ребенка). В это изображение переселяют болезнь ребенка („ооруну кӧчӱрӱп“); после этого относят череп подальше и зарывают в землю.

Заболевший рахитом ребенок спадает в теле (худеет) и становится похожим на ребенка, страдающего болезнью „куу далы“: в нёбе у него образуется впадина („таңдайы чуңкурайып калат“). Ему также дают лизать желчь волка и лисицы. Эта болезнь относится к разряду „холодных“. Ребенка смазывают жиром и разогревают.

Пока у ребенка не прорезались зубы, у него могут заболеть язык и десны. Эту болезнь называют „оозул“. Ребенок плачет, у него изо рта текут слюни, во рту гноеточит. „Оозул“ бывает от „жара“ и от „холода“. В первом случае ребенок становится очень желтым, во втором — белым. При заболевании от „жара“ берут медный купорос („кӧк таш“) и обжигают его на горящих углях; он становится очень белым; если его растереть — он получает вид золы; затем берут понемногу порошка на указательный палец и натирают ребенку больные места.

Полезным считается употребление рогов самца косули — „куран“ (Capreolus pygargus), поросших пушком. Рог растирают на камне и трут порошком больные места. Это же лекарство употребляется при задержании мочи („туттукканга“): растертый рог разводят в воде и заставляют пить.

Ребенка, заболевшего болезнью „оозул“ от „холода“, лечат так: мажут теплым жиром, дают горячительную пищу (жирное мясо и т. п.). Как только ребенку станет горячо, произносят заклинания („дарымдайт“) и обрызгивают его водой (или плюют на него), однако и в этом случае полезно употреблять „кӧк таш“.

При лечении этой болезни совершают также следующий обряд: отрезают конец гашника („ычкырынын учунан") у близкого родственника матери ребенка (младшего или старшего — безразлично), сжигают его на огне и золу кладут ребенку в рот.

Опухоль („сакоо") лечат путем натирания медвежьим жиром или водой с растворенным в ней опием.

Если у ребенка из носа идет кровь и не останавливается, то заставляют его нюхать жженую кровь.

Широко распространенной детской болезнью является болезнь живота („ичи ооруса"). Пупок у ребенка становится твердым, он не может разговаривать, потягиваясь плачет. Заболевание вызывается большею частью „холодом". В этом случае ребенок желтеет и на вид становится высохшим. На пупок кладут кольцо и, поворачивая его то вправо, то влево, выправляют пупок; затем указательным пальцем массируют его. Кладут на пупок кусочек медного купороса (не обожженный на огне) и, произнося заклинание, поворачивают. В общем же нужно разогревание.

Если ребенок заболел от „жара", он тоже становится желтым. Ему дают пить воду и кормят нейтральной пищей („мўнӧз"). Бывает болезнь и без определенной причины — в этом случае дают ртуть („сымап"). Когда у ребенка появляется жар и тело краснеет, считают, что он заболел корью — „кызамык" („кызамык чыкса"). Нужно утеплять его. Никакого лекарства не применяют, дают только разогретую пищу. Но совершают следующий обряд: когда приходит добросердечный человек, наливают в чашку воды, в нее кладут взятую из очага щепотку золы, выносят чашку из дома и разбрызгивают воду по направлению текущей воды.

При заболевании оспой („чечек"), как и при „кызамык", тело становится горячим, выступает красная сыпь. Знающие дают побольше согретой и горячей пищи. Берут три кусочка ваты и сплющивают их, затем сказав три раза: „На путь загона, на дорогу своего отца, возвращайся" („короосун жолуна, атанын жолдугуна кайт"), всовывают эти кусочки ваты в трех местах за чиевую цыновку в юрте, в те впадины, которые образуются в месте соединения верхних и нижних покровов юрты („жабык"), или в какое-либо подобное этому место, закрыв их белыми тряпочками. После этого сжигают вату на какой-либо деревянной поверхности и, прикоснувшись золой ко лбу ребенка, бросают ее в огонь. Эта процедура повторяется три раза в день в течение трех дней. Особенно мучает болезнь один раз — на седьмой день, а на десятый день краснота сходит. Сходить начинает от лба. Образуется черноватая корка.

Тогда устраивают жертвоприношение за больного („тўлӧӧ"). Если этого не сделать, краснота перестанет сходить. С этого времени и до тех пор, пока вся краснота не сойдет, красного (крови) не выпускают (животное не режут).

С того момента, как краснота начинает сходить, она в течение двух дней доходит до губ, на третий день приходит на поясницу и на четвертый день — на колени.

Ребенка содержат в чистоте, чистота соблюдается и в доме, на золу не льют воды и соблюдают другие предосторожности. Если болезнь бывает в острой форме, ребенка не показывают; стараются, чтобы не пахнуло ветром, посторонним запрещают посещать дом. Ухаживают за больным не меньше месяца.

В Акталинском районе применялось еще одно средство магического характера, для лечения ран у детей: женщины приносили обломок кирпича от старинного мавзолея, в котором похоронены популярные вожди племени Саяк первой четверти XIX в. — Тайляк и Атантай (расположен на правом берегу р. Нарына, недалеко от впадения в него р. Куртки); обломок растирали в порошок, который затем растворяли в воде. Этой водой смазывали раны.

Когда ребенка сглазят („кӧз тийгенде"), считают, что это произошло оттого, что на него посмотрел кто-то завистливый. В таких случаях вешают ребенку бусину с „глазком" („кӧз мончок"), затем берут пеструю шерстяную нитку („ала шоона"), отмерив от макушки до пальцев ног, — отрезают и отрезанный кусок сжигают на огне.

Младенцев остерегались показывать посторонним людям из опасения, что их могут сглазить.

„Пятым по счету ребенком, — рассказывает Батыйна, — я родила девочку по имени Сонунбюбю. Девочка была очень красивая, с большими блестящими глазами, стыдящимися человеческого взора. Своему мужу я, бывало, говорила: «Чоӊ киши, лицо девочки не открывай». На третьем месяце она умерла".

Среди киргизов издавна большой популярностью пользовались целебные минеральные источники, расположенные в различных пунктах Киргизии. К ним довольно часто прибегали женщины, не только жаждущие возможности избавиться от бесплодия, но и имеющие больных детей. Среди таких источников в северной Киргизии следует отметить так называемые Иссыгатинские источники (Арасан), находящиеся в 49 км от гор. Фрунзе, в одном из ущелий Кыргызнын Ала-тоо (ныне бальнеотерапевтический курорт Арасан).

По описанию, относящемуся к последней четверти XIX в., на Иссыгатинские источники собирались большею частью киргизки-матери с прокаженными (?) детьми. Предварительно они собирались гурьбой с детьми к священному камню и, обставив его с лицевой стороны массою свечей, сделанных из чия и обмотанных ветошью, зажигали их. Пока эти свечи горели, женщины, стоя на коленях, шопотом произносили молитвы.[1]

Некоторые сведения о магических способах лечения детских болезней собраны Н. П. Дыренковой в Атбашинском районе. Привожу их.

Когда ребенок заболеет, мать, кланяясь очагу, кладет в огонь масло или сало. Держа ребенка на руках, она обходит три раза очаг и говорит: „Умай-эне батма-сура баламды колдо" („Мать Умай, Фатима-Зухра,

---

[1] А. Андреевский. Иссыгатинские минеральные источники. Туркест. ведомости, 1882, № 22.

моего ребенка держи"). Если ребенок неспокоен и часто плачет, то мать смешивает толокно („талкан") с молоком или сметаной, скатывает это, как тесто, и этими кусками ударяет ребенка по голове, по ногам, животу и бросает собаке, говоря:

сук, сук, сук,	сук, сук, сук,
санасы жаманга,	к плохо мыслящему,
кӧӊӱлӱ жаманга,	плохо желающему,
неети жаманга.	к тому, у кого плохие намерения, т. е. к злонамеренному (пусть перейдет).

Ребенку нельзя сидеть на пороге, иначе он заболеет особой болезнью „жӱрок-тӱшӧт" („сердце падает"). При этой болезни нужно ребенка перевернуть вверх ногами и качать, касаясь головой порога („жер босого"). После этого делают из свинца, можжевельника или таволги („табылгы") амулет в виде сердца („жӱрӧк-таш")[1] и привешивают к колыбели ребенка или к халатику („чапану").

Рис. 18. Фигурки из тряпочек, намотанных на стебли чия, употребляемые во время знахарского лечения („кӧчӧт"). Узелки с продуктами, даваемые этим фигуркам „на дорогу". (Из колл. МАЭ, № 3359-17).

Когда ребенок простудится, отрезают кусок старой кошмы, величиной с платок. В кошму заворачивают пшеницу, ячмень, крупу, сало козла, соль и муку, и ударяют по плечу, животу и ногам ребенка, затем мать плюет на этот сверток и бросает куда-нибудь подальше за юрту. Когда ударяет, говорит:

тӱндӧ дӱбӱрӧгӧнгӧ бар,	ночью к топчущему иди,
кӱндӱс кӱбӱрӧгӧнгӧ бар,	днем к шепчущему иди,
ӧгӱсдӧй ӧкӱргӧнгӧ бар,	к ревущему, как вол, иди,
букадай мӧӧрӧгӧнгӧ бар.	к мычащему, как бык, иди.

В некоторых случаях, когда болеет ребенок, его лечат при помощи заклинаний и магического обряда „переселения болезни", носящего название „кӧчӧт". Старуха, усевшись в юрте около больного ребенка, делает из старых тряпок (белых и черных) и из стеблей степного растения чия две фигурки — одну женскую, другую мужскую (коллекция МАЭ № 3359-17 *а*, *б*). Завязывает в узелки на концах белой тряпки

[1] В других районах Тянь-шаня такой амулет, изготовляемый в форме сердца из свинца, называют „жӱрӧк мончок". Он служит для предохранения ребенка от испуга. Часто надевают его ребенку на шею, просверлив в нем шилом отверстие и продев через него нитку.

талкан, крупу, соль, сало и семена какого-нибудь растения — этот сверток называется „азык тӱлӱк“, т. е. продукты, продовольствие (3359-17 *г*); обе фигурки старуха усаживает на две палочки из чия (3359-17 *в*). Палочки эти изображают лошадей; через эти палочки она перебрасывает узелки с продуктами, и все это вместе она заворачивает в общую тряпку. Обводя этим свертком три раза кругом всего туловища ребенка, старуха приговаривает:

эртеңки учук кечке жетпе,	утренний отрезок нитки, до вечера не доходи,
кечки учук эртеңке жетпе,	вечерняя нитка, до утра не доходи,
агыны катуу сууга бар,	к быстро текущей реке иди,
ашуусу катуу тоого бар,	на гору с трудным перевалом иди,
ичи жаманга бар,	к злоумышляющему иди,
туура келди душманга бар,	к встречному врагу иди,
мен дӓ кайтым,	и я возвратился,
сен да кайт.	и ты возвратись.

Затем эти фигурки выбрасывают куда-нибудь подальше от юрты, иногда зарывают в ямку. Полагают, что с ними вместе уйдет и болезнь. Когда бросают их, говорят:

сен жолоочу болсоң,	если ты есть путник,
жол менен кет,	дорогой уходи,
жоргуулчу болсоң,	если ты есть грабитель,
жол менен кет.	дорогой уходи.

Затем вокруг больного обводят чашкой с водой, говоря: „айланайын кудай суу менен кетир“ („да покружусь я, кудай, с водой уведи“). Эту воду дают пить ребенку и затем выливают ее за юрту. Одежду больного ребенка отдавали нищему или сироте. Это пожертвование или милостыня называется „кудайы“ или „садага“.

В записях Н. П. Дыренковой, как мы видим, нет прямых указаний на какую-либо связь этих кукол-изображений с изображениями женских духов-предков — эмегендер'ов (ӧрекеннер'ов) у телеутов, шорцев и кумандинцев. Однако отдельные указания, содержащиеся в другой работе Н. П. Дыренковой,[1] заставляют высказать предположение о наличии такой связи.

Так, в отношении шорцев сообщается: „Когда в семье после прихода невестки (она не привозила с собой ӧрекеннеров. — *С. А.*) начинались какие-либо несчастья, не жили дети, падал скот и т. д., решали, что духи все равно, хотя и нежелаемые, все же пришли, «пригнались за девкой», и волей неволей надо сделать их изображение, кормить и чтить... У большинства кумандинцев qurtyjaq (изображения женских духов-предков. — *С. А.*) изготовлялись также в тех случаях, когда заболевала вышедшая замуж женщина или ее дети“ (стр. 142).

---

[1] Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков, Сборн. „Памяти В. Г. Богораза“, М. — Л., 1937.

При сокращении количества эмегендер'ов у телеутов, „когда их скапливалось очень много или когда они приходили в ветхость, то всех их заменяли одной или тремя новыми... Все остальные emegender помещались на маленький плотик, который пускают вниз по течению реки. Иногда же этих emegender просто относили подальше от дома и бросали. Так же поступали и кумандинцы и шорцы“ (стр. 133).

Изготовление описанных выше фигурок у киргизов во время болезни ребенка, снабжение их „на дорогу“ „запасом пищи“ и „лошадью“ и выбрасывание их далеко за аил, как и общее название для изображений женских духов-предков у шорцев (qurtujaq) и у кумандинцев (qurtyjaq) и для детских кукол у киргизов (куурчак), указывают, как нам кажется, на то, что при магическом лечении у киргизов описанные фигурки являются изображениями материнских духов-предков, которых, дав им „болезнь“ ребенка (или „переселив“ в них эту „болезнь“), отправляют в путь, как отправляют в путь лишних или пришедших в ветхость эмегендеров телеуты, сажая их на плотик, пускаемый по течению реки.

Когда ребенок умирал, его хоронили, как можно скорее. Колыбель, как уже указывалось, чаще всего или сжигали в юрте на очаге на второй день после похорон или ломали и клали на могиле. Такую колыбель никто не тронет с могилы, даже не решится пошевелить ее. В тех редких случаях, когда колыбель оставляли дома, ее окуривали дымом зажженного можжевельника. Вещи ребенка чаще всего отдавали нуждающимся односельчанам или также сжигали.

Детские годы киргизского ребенка

Киргизские женщины кормят своих детей грудью до 2—3 лет, иногда дают грудь и детям старше этих лет.[1] Обычно же киргизка кормит ребенка до следующей беременности.[2] Однако уже в период кормления грудью ребенка начинают прикармливать самой разнообразной пищей. В конце первого года прикармливают уже молоком с бараньим салом (Вышпольский). Чаще всего приготовляют для детей кашу. Как указывает И. С. Колбасенко,[3] поджаренную пшеницу или просо толкут и перемалывают на ручных мельницах в мелкий порошок, который затем с молоком и салом варят до густоты жидкой каши; кашицу эту называют „талкан“.

В Акталинском районе эту кашу, называемую „буламык“, варят из муки, которую предварительно поджаривают в топленом масле („сарымай“) или в бараньем сале. Специально детской пищей является „айрандын каймагы“ — сливки, снимаемые с заквашенного и смешанного с водой

[1] Ср.: Н. Зеланд. Киргизы. Этнологический очерк. Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. географ. общ., 1885, VII, стр. 27.

[2] В. Вышпольский. Медико-топографические очерки Иссык-кульского уезда Семиреченской области. Военно-медиц. журн., 1895, X, стр. 156.

[3] Некоторые киргизские обычаи и поверья, имеющие акушерское значение. Прот. Киевск. акуш.-гинекол. общ., 1889, вып. V, стр. 34.

молока („айран"). Снимаются сливки на утро следующего дня после того, как это молоко было поставлено.

По словам И. С. Колбасенко (указ. соч., стр. 35, 36) киргизы лечили желудочные болезни у детей следующим образом.

Больным поносом детям давали внутрь металлическую ртуть („ак сымап") в очень небольших, но точно определенных количествах в течение трех дней по одному разу в день. При запорах у грудных детей кормилицу заставляли есть мясо и бульон („сорпо"), запрещая кумыс, кислое молоко („айран"), суп с разведенным в нем сыром („кӧжӧ"), т. е. при мясной диэте запрещали кислые напитки и блюда. По замечанию автора, „киргизы научились эмпирически влиять на состав молока путем изменения пищевого режима кормилицы".

В другой своей работе И. С. Колбасенко[1] сообщает, что после смерти или при тяжелой болезни матери ребенка вскармливают искусственно при помощи соски („упчу"), сделанной из полувысушенной кишки животного или из мацерированной бараньей или иной кожи. Соску надевают на более тонкую часть выделанного коровьего рога. Через такой рожок дают ребенку сосать предварительно прокипяченное молоко. Самую соску меняют очень часто, избегая загрязнения и порчи.

Первые шаги, которые делает ребенок, доставляют его родителям большую радость. В некоторых случаях, чтобы скорее научить ребенка ходить, употребляют специальные деревянные „ходульки" (см. рис. 19), тип которых заимствован у оседлого населения Средней Азии. Это отразилось и на названиях детского станка (их приводила Б. Чолпонбаева): „чыгырык" (простейший ручной станок для очистки хлопка от семян) и „калтек" (с персидск.: палка, дубинка). Ребенок, взявшись руками за верхнюю перекладину, толкает станок и идет за ним следом. Когда ребенок начинал ходить, совершался обряд „разрезания пут" („тушоо кырктыруу"). Как нам говорили в Акталинском районе, он сводился к следующему: устраивали угощение, для чего резали скот или приготовляли другую пищу, затем собирали ребят и, назначив призы, организовывали бег взапуски („жарыш"), после чего делили призы между ними. Другие стороны этого обряда, уже, повидимому, в значительной мере утраченные у киргизов, могут быть восстановлены по описаниям, относящимся к казахам. Так, в Семипалатинской области, когда ребенок начинал ходить, устраивали праздник, во время которого ребенку связывали ноги шерстяной веревочкой, ставили к его ногам чашечку с какой-

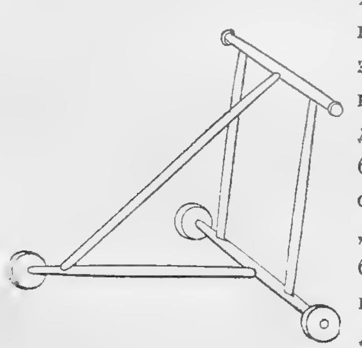

Рис. 19. Деревянные „ходульки" для обучения детей ходьбе.

[1] Киргизская колыбель. Несколько слов об уходе за детьми у киргизов. Прот. заседаний Акуш.-гинекол. общ. в Киеве, вып. VI, 1890, стр. 34.

нибудь пищей; одна из почетных женщин аула разрезала ножом эти путы и выбрасывали их из юрты. За это ей давали подарок „актык“ — лоскуток какой-нибудь материи. После угощения произносили пожелания ребенку счастья, здоровья, богатства, долголетия.[1]

Аналогичное указание имеется в отношении казахов б. Перовского и Казалинского уездов. Для того чтобы скорее научить ребенка ходить, привязывали к правой его ноге пеструю нитку („ала-бау“) и, протянув ее во всю длину, перерезали ножом. Этот обряд называют „тусау кесӱ“ („резать путы“).[2]

Перед нами, таким образом, отчетливо выраженный магический обряд, имевший целью стимулировать способность ребенка к хождению. Такое же значение имел и другой обычай, связанный уже с речью ребенка. Когда ребенок уже начал ходить, но еще не научился говорить, ему давали съесть остатки пищи („кешик“), которой угощали почетного гостя. У казахов с той же целью — научить ребенка скорее говорить — кормили его остатками еды красноречивого человека, считая, что вместе с пищей к ребенку перейдет и красноречие.[3]

Рис. 20. Костюм и прическа девочки (справа — в праздничной, слева — в домашней одежде). (Фот. из колл. МАЭ, № 3661-46).

Детские годы ребенка-девочки, по рассказам атбашинских киргизов, продолжаются до обряда заплетания кос, который совершается на 9—10-м году. В этот день в семье устраивается угощение. Девочка, захватив с собою мясо и сласти, отправляется с каким-либо подарком к старухе-родственнице. Та расплетает ей две косы, которые она до сих пор носила, около ушей или сзади, мочит волосы водой и заплетает до 20 маленьких косичек, причем завязывает каждую ниткой. Во время заплетания говорит: „рысту кешиктӱ болсун“ („пусть будет счастливой“). Иногда девочку отправляют к женщине, которая отличается какими-либо хорошими качествами, как, например, хорошая швея, хорошая хозяйка и т. д., чтобы девочка переняла ее добрые качества. С момента заплетания кос

---

[1] Обычаи киргизов Семипалатинской области. Русск. Вестн., 1878, № 9—10, стр. 59.

[2] Х. Кустанаев. Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов. Ташкент, 1894, стр. 38.

[3] Х. Кустанаев, указ. соч, стр. 38.

девочка становится взрослой. Она меняет одежду ребенка[1] — „чапан“ (халатик), „койнӧк“ (платье) и „топу“ (тюбитейку) — на одежду взрослой девушки, непременной принадлежностью которой является шапочка, с тульей из яркого бархата, отороченная мехом выдры („кундуз“), и штаны, наде-

Рис. 21. Детская верхняя одежда („чапан“). (Из колл. МАЭ, № 3359-14).

Рис. 22. То же. Вид сзади.

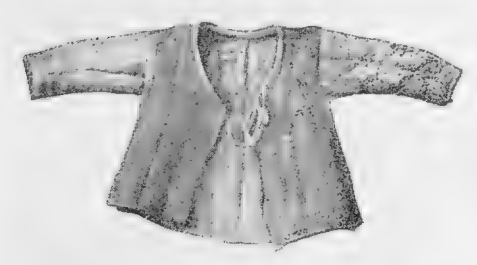

Рис. 23. Детская верхняя одежда („чапан“). (Из колл. МАЭ, № 3359-15).

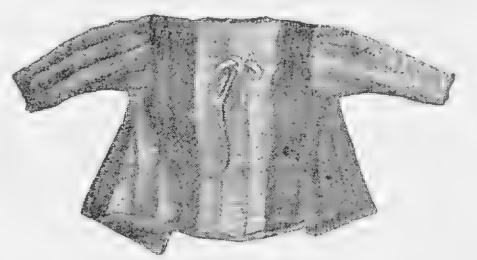

Рис. 24. То же. Вид сзади.

ваемые под платье. Девочка надевает также всевозможные украшения, старается держаться скромно, избегая играть и бегать с детьми.

---

[1] Приводим описание нескольких образцов детской одежды, хранящихся в коллекциях МАЭ: 3359-14 — „чапан“ — детская верхняя одежда (длина 32 см, ширина в подоле 94 см) (рис. 21). Сшита из покупного ситца (красного с белыми крапинками) на подкладке из пестрой домотканной материи, белой кисеи и красного в белую полоску ситца. Подкладка простегана с положенным внутри слоем тонкого войлока. Завязывается у горла; вместо ворота — обшивка из светлосерого бархата. К спинке одежды пришит амулет, состоящий из трех косичек (двух белых и одной черной), сплетенных из волос яка („топос“). Косички (длина 22 см) прикреплены к одежде кусочком бархата; 3359—15— „чапан“ — детская верхняя одежда (длина 37 см, ширина в подоле 88 см) (рис. 23). Сшита из четырех сортов материи: спинка из розового ситца, рукава и бока из черного в белую полоску и с белым узором ситца. Подкладка из пестрой (синей с белыми полосками) ткани кустарного производства. Внутри проложен войлок. На спинке чапана прикреплены амулеты: клыки барса („илбирс“), косица из шерсти яка (черного цвета), „тумар“ с пришитым к нему куском шерсти медведя и голубой бусиной. Одежда застегивается при помощи тесемок на груди. Вместо ворота — узенькая обшивка из ситца; 3359-16 — шапочка из китайской полосатой ткани, с подкладкой из пестрой и красной ткани кустарного производства, проложена внутри шерстью (высота 11 см, окр. 42 см) (рис. 25). На макушке шапочки прикреплены подвески из мелкого черного бисера с двумя круглыми голубой и белой бусинами.

В том случае, если и мальчику заплетали косы, то на 3—4-м году его жизни, иногда позднее, совершали обряд обрезания кос, называемый „чач алдыруу". Краткое описание этого обряда опубликовано Н. П. Дыренковой: „На седьмом — восьмом году мальчик, который обычно носит одну-две косы, берет с собой чапан и вареную баранину и отправляется к дяде по матери. Тот режет ему косы и делает какой-нибудь подарок. Обычно дядя застригает ухо у жеребенка и дарит его племяннику, чтобы тот мог ездить на этой лошади, когда вырастет. В настоящее время в некоторых местах ребенок идет в этом случае не обязательно к дяде, а к какому-нибудь старику из своего рода".[1] Автор здесь же отмечает совершенно аналогичный обычай, существующий у алтайцев и в свое время зафиксированный Г. Н. Потаниным в его „Очерках Северо-западной Монголии" (т. IV, стр. 38).

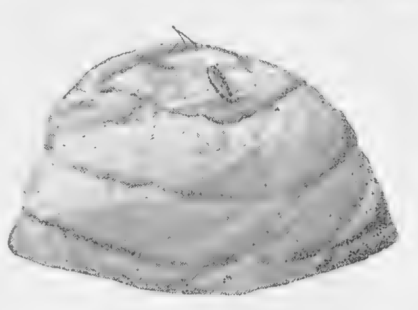

Рис. 25. Детская шапочка. (Из колл. МАЭ, № 3359-16).

Последним обрядом, которым заканчиваются детские годы киргизского мальчика, является обрезание.

Рис. 26. Костюм девочки. (Фот. из колл. МАЭ, № 3661-26).

Обрезанию — „кол адалдатуу" („чочок кестирӱӱ", „сӱннӧт") подвергают мальчика в возрасте от 3 до 7 лет, чаще после того, как ему исполнится 5 лет. Имеющие возможность устраивают большой пир („той"), сопровождаемый борьбой силачей („балбан кӱрӧштӱрӱп"), состязанием в борьбе на конях и другими увеселениями. В других случаях ограничиваются тем, что режут какую-либо скотину. Приглашают близких родных („илик-жилик"), друзей („тамыр", „дос"), сватов („куда"). (рис. 29). Считающиеся наиболее близкими родственники оказывают родителям ребенка помощь в устройстве угощения: режут овцу или приносят что-либо другое, что они имеют возможность и желание дать.

Сначала устраивается соответствующее угощение, а потом уже при-

[1] Брак, термины родства и психические запреты у кыргызов. Сборн. этнограф. материалов, № 2, Л., 1928, стр. 11.

ступают к обрезанию. Обрезает обычно человек, который умеет искусно это делать — „устат“ (с персидск. — учитель, наставник). Его называют также „чебер“.

Перед обрезанием[1] этому человеку повязывают руки платком („жоолук“), чтобы операция прошла благополучно, чтобы была легкая рука („колу жеңил“), чтобы быстрее зажила рана. Принято производящему операцию тут же сделать посильный подарок за труд. При этом говорят „руки связаны“ („кол байлады“). Стараясь удовлетворить его, ему дают рубашку („көйнөк“), деньги, опоясывают его платком и т. д. Мальчику надевают на голову красный платок и белую чалму („селде“). Глаза завязывают

Рис. 27. Одежда маленьких мальчиков. (Фот. из колл. МАЭ, № 3661-44).

белым платочком. Знающий свое дело „устат“ дает ребенку в правую руку берцовую кость („жото жилик“) из приготовленного для его угощения блюда с мясом; в левую руку ребенку дают специально испеченную лепешку, носящую название „көөкөр“. Тесто, из которой испечена эта лепешка, приготовляется так же, как для „боорсок“ (кусочки теста, испеченные в чистом жире). Когда оно раскатано, из него вырезается кусок, имеющий форму кожаного сосуда для кумыса — „көөкөр“,[2] и кладется

[1] Помимо Б. Чолпонбаевой мы пользовались обстоятельной информацией об этом обряде Нуралы Тугелева, известного лекаря („табып“), сохранявшего свою популярность до последнего времени. Он проживает в том же селении „Жаңы-талап“ Акталинского района.

[2] Этот сосуд напоминает по форме якорь. Его сшивают из двух кусков верблюжьей кожи. В верхней части его тела два конца загибаются в виде рогов. Часто сосуд бывает украшен тисненным орнаментом. Изготовление лепешки в форме этого сосуда связано, повидимому, с тем, что такие сосуды уменьшенных размеров делали для детей (экземпляр детского „көөкөр“ имеется в Музее национальной культуры в гор. Фрунзе). В записанных В. В. Радловым текстах упоминается ведерце с погремушками

Рис. 28. Одежда мальчиков и девочек. Наукатский район Ошской области Киргизской ССР. (Фот. С. М. Абрамзона).

Рис. 29. Группа гостей, собравшихся на праздник („той“), устроенный по поводу обрезания семилетнего мальчика. (Фот. из колл. МАЭ, № 3661-31).

в котел, где кипит масло или сало. Эту лепешку мальчик ест в момент обрезания.[1]

Обрезание производится следующим образом; кончик крайней плоти зажимают сырым стеблем чия, согнутым пополам; другим стеблем чия, обмотанным ватой, придавливают кожицу к одной стороне развилины, и затем обрезают.

По рассказу С. Табышалиева, в Чуйской долине обрезание производят несколько иначе: в крайнюю плоть вводится небольшая тонкая палочка и сбоку, по направлению к себе, вдоль этой палочки, делается надрез. Такой способ обрезания называют „дунган кесиш".

Рис. 30. Мальчик и девочка, обучающиеся верховой езде (девочка — справа — в специальном детском седле). (Фот. из колл. МАЭ, № 3661-18).

Для обрезания употребляется обыкновенного типа бритва („устара"). Рану присыпают золой от сожженной синей тряпки („кӧк чӱпӱрӧк").

Пока ребенок сам не поднимется, за ним хорошо ухаживают. Пищу дают смешанную. Считают, что от „холода" на penis'е у ребенка может образоваться опухоль, и он станет белым. Тогда мажут жиром. „От „жара" penis может покраснеть. В этом случае ничего не предпринимают, считают, что само заживет.

„чандырмалуу кӧӧкӧр" (К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, стр. 120) — вероятно, также детская посуда. Киргизский „кӧӧкӧр" совершенно аналогичен алтайскому сосуду из кожи „тажуур" (ср. киргизск. „тажоор" — кожаный турсук для хранения водки; В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. III, стр. 945); прежде алтайцы делали ребенку специальный маленький „тажуур", в котором он, когда ему исполнялось 2—3 года, подносил водку своему дяде по матери — таю (Н. П. Дыренкова. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков. Сов. Этнография, 1937, № 4, стр. 25).

Все сказанное заставляет предполагать, что киргизскому детскому „кӧӧкӧр'у" придавалось в прошлом определенное обрядовое значение.

[1] Устраивающий очередное угощение в компании, где угощаются в складчину („шерне"), дает организатору игр и забав — „эрке бала" такую же лепешку.

В книге П. И. Кушнера (Кнышева) „Горная Киргизия" (социологическая разведка), опубликованной в Москве в 1929 г., довольно подробно описан праздник, устроенный летом 1925 г. крупным киргизским манапом Керимбаем в долине р. Сусамыр по случаю обрезания двух своих сыновей. Подготовка к этому празднику шла в течение целого года. На торжество были приглашены все желающие. Съехалось много людей, прежде всего близкие родственники: братья, сестры, старшие сыновья и др.

На третий день гостей собралось больше двух тысяч человек. Среди развлечений на празднике были узбекские канатоходцы и театр „Петрушки", бега, скачки с козлом („кöк-бöру"), состязания певцов, джигитовка, борьба силачей на конях, поединок двух всадников на копьях и т. д.

„На другой день после тоя, — пишет П. И. Кушнер, — младший мальчик (3-х лет) был посажен впервые отцом на коня.[1] Объехав всех близких родственников, мальчик получил в подарок жеребят, телят, верблюжат, барашков — целое хозяйство" (стр. 119).

Этот обычай в точности совпадает с описанным у семипалатинских казахов, также совершаемым, когда ребенку минет три года. Здесь женщины выносят ребенка из юрты, а отец и мать передают его почтенному старику, который и сажает ребенка джигиту на седло. Джигит возит ребенка по аулу, и все делают подарки ребенку.[2]

* * *

Материал настоящей работы может быть подытожен в нескольких основных положениях.

Обычаи и обряды, которыми сопровождались рождение и детство киргизского ребенка, в наиболее сгущенном виде отражают комплекс реликтовых явлений, восходящих к древнейшим стадиям развития мировоззрения. Среди других воззрений, в том числе и пришедших вместе с исламом, особенно отчетливо прослеживаются магическо-анимистические представления и основанная на них „практика", ведущая, как правило, к вредным и губительным последствиям. Вместе с тем заслуживают быть отмеченными попытки применения некоторых положительных способов лечения, основанных на эмпирическом познании человеческого организма и имеющих целью сохранение жизни и здоровья женщины и ребенка.

---

[1] Среди киргизов Тянь-шаня распространено сходное по типу с казахским „арчак" детское седло („айырмач") (рис. 30). Ленчик этого седла имеет две высоких луки, состоящие каждая из двух скрепленных накрест планок, пришитых к горизонтальной части ленчика ремнями. Вверху планки закруглены. К задней луке с двух сторон прикреплены две палочки с ремнями, которыми они пристегиваются к передней луке. Эти палочки с обеих сторон седла служат своего рода поручнями для предохранения ребенка от выпадения из седла. Вместо стремян к ленчику привешены мешки — пазухи из войлока („салаяк" или „тепкич"), в которые опускают ноги ребенка. Кроме того, его еще обкладывают подушками. Таким образом, ребенок максимально предохранен от опасности упасть с лошади и может ездить совершенно самостоятельно. Иногда луки-крестовины украшаются резьбой.

[2] Обычаи киргизов Семипалатинской области. Русск. Вестн., 1878, № 9—10, стр. 59, 60.

Рассмотренные выше обычаи и обряды, освещая в целом важную сторону старого бытового уклада, дают представление об огромной культурной отсталости в прошлом кочевого киргизского населения и, особенно, женщин. Эта отсталость была неизбежным спутником патриархально-феодального гнета, сохранявшегося и поддерживавшегося царизмом в Киргизии.

Сопоставление описанных многочисленных фактов, характеризующих консервативность и отсталость дореволюционного быта и прежнюю духовную приниженность киргизской женщины, с фактами расцвета киргизской национальной культуры в условиях победы социализма, свидетельствует о невиданных возможностях, открываемых советским государственным и общественным строем для революционного преобразования наиболее отсталых социально-экономических укладов и ликвидации связанных с ними „патриархальщины, полудикости и самой настоящей дикости“ (Ленин).[1]

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 338.

Коллекция П. С. Палласа по народам Поволжья

Т. А. Крюкова

Среди собраний Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР совершенно исключительный интерес для исследователя представляет коллекция вещевых памятников по этнографии Поволжья, собранная академиком Палласом во время его шестилетней экспедиции по России.

Последнему было поручено: „Во время своей при Академии Наук службы стараться ревностно исправлять касающиеся до его профессии должности, изобретать нечто новое в своей науке, подавая со временем сочинения для академических комментарий, и обучать своей науке определенных к нему учеников и студентов верно; сверх того быть при академическом натуральном кабинете и стараться умножать оной достойными вещами".

Экспедиция Петра Симона Палласа по России с исследовательскими и собирательскими целями была осуществлена им в период с 1768 по 1774 гг.

За эти годы он посетил Поволжье, Урал, Сибирь; два раза предпринял далекое путешествие в Кяхту. При обследовании и Поволжья и Сибири Паллас проявил исследовательскую инициативу, изучая при этом не только природу и ее объекты, как было ему положено инструкцией, но и этнографию народов, населявших посещенные им местности.

Количество собранного во время экспедиции материала потребовало на его обработку около 20 лет. Результатом экспедиции явилось написанное Палласом на немецком языке трехтомное сочинение в четырех книгах, переведенное на русский язык, под названием „Путешествие по разным провинциям земли русской". Этнографические сведения, включенные в этом издании в общую массу естественно-исторического материала, представляют значительную ценность, ибо относятся к числу ранних этнографических описаний по отдельным народам России и в то же время являются непосредственным свидетельством собирателя-очевидца.

Едва ли не бо́льшую ценность представляет собой вещевой этнографический материал, собранный Палласом во время экспедиции. Коллекции эти были переданы им в Петровскую кунсткамеру, а в дальнейшем перешли, вместе с материалом кунсткамеры, в состав коллекций Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР (МАЭ). Упомянутая выше коллекция этнографических предметов по народам Поволжья находится ныне в собраниях отдела Европы МАЭ. Коллекция эта содержит в своем составе предметы одежды и украшений. Они представляют собой наиболее ранние из дошедших до нас вещевых этнографических памятников по народам Поволжья, если не считать археологического материала этого района. Этнографические собрания музеев, включая сюда и материал б. Румянцевского музея, где имеются отдельные, весьма архаические экземпляры одежды, относятся в основном к XIX в., тогда как предметы из коллекции Палласа бытовали не позднее конца XVIII в., т. е. момента их приобретения. Таким образом, являясь неким промежуточным звеном между археологическим и более поздним этнографическим материалом XIX в., коллекция Палласа должна дать ценный материал для осмысления ряда вопросов в области изучения одежды. Материал этот значительно дополняет литературные источники. В самом деле, этнографические сведения, которые мы находим в сочинении Палласа, являются достаточно обобщенными. Описания одежды волжских народов, например, будучи относительно краткими, не дают ясного представления о подлинных вещах. Что же касается иллюстративного материала автора (равно как и иллюстраций к этнографическому сочинению его современника — Георги), то он также представляет собой лишь вольное воспроизведение подлинников художником, некую стилизацию, игнорирующую зачастую отдельные ценные детали, в целях разрешения общей композиции рисунка. Зарисовки, сделанные художником, нередко искажают оригинал и привносят в него нечто новое, в нем не содержащееся. Поэтому для анализа материала этих двух источников изучения одежды XVIII в. (иллюстраций и письменных свидетельств) особый интерес приобретает вещевой конкретный материал этого периода.

Надо сказать при этом, что привлечение к исследованию вещевого этнографического материала (в частности, одежды), относящегося к тому или иному народу и сохранившего в себе архаичные черты, является плодотворным не только для исследователя данного народа, но оно важно и в общем плане, для решения общих вопросов в области изучения одежды и отдельных ее форм. В ряде случаев оно помогает нам осветить сложный вопрос генезиса того или иного явления, выявить его стадиальные признаки.

Таким образом, коллекция Палласа имеет особую ценность, ценность комплекса подлинных вещевых памятников, бытовавших к тому же в период времени, мало освещенный в литературе.

Между тем, коллекция эта оставалась до сих пор не опубликованной. Исследователями Поволжья упоминаются лишь отдельные экземпляры этой коллекции. Так, в работах по этнографии мордвы зарубежных

ученых Хейкеля[1] и Маннинена[2] мы находим ссылки на некоторые предметы мордовской одежды из коллекции Палласа. Но общей характеристики этой коллекции до сего времени в этнографической литературе не было.

Поэтому в настоящем очерке мы ставим перед собой задачу восполнить этот пробел, обнародовать материал коллекции целиком и тем самым сделать ее доступной для широкого использования. Не претендуя на всестороннюю, углубленную проработку материала коллекции, мы все же попытаемся в рамках настоящего исследования, наряду с описанием коллекции, осмыслить и объяснить некоторые моменты, с ней связанные, и одновременно наметить пути дальнейшего их анализа.

В собраниях МАЭ коллекция Палласа числится за № 766. По количеству входящих в нее предметов она невелика (всего 10 вещей). Однако материал ее весьма разнороден. Здесь мы находим плечевую одежду (рубахи), головные уборы и украшения, принадлежащие при этом разным народам Поволжья. Принимая во внимание эту разнородность, мы дадим не только общую характеристику отдельных комплексов одежды, но и попредметное ее описание.

Ввиду того, что материал коллекции в регистрационной описи музея не классифицирован, при рассмотрении отдельных предметов мы не будем придерживаться их нумерации.

В качестве источников нашего очерка следует назвать: 1) вещевые памятники с привлечением аналогий из других музеев, 2) документацию коллекции, 3) литературу.

При характеристике материала необходимо одновременное привлечение этих основных источников, так как, не будучи одинаково полноценными, они взаимно дополняют друг друга.

В частности, следует признать неудовлетворительной музейную документацию. Коллекционная опись содержит в себе весьма краткие, обобщенные и даже не всегда точные формальные данные об отдельных предметах Назначение вещи и принадлежность ее тому или другому народу нередко не соответствуют действительности, а в отдельных случаях и вовсе не указаны. Данные о месте бытования и приобретения предметов также отсутствуют. Причиной этого является отчасти то, что регистрация вещей была сделана значительно позже времени поступления коллекции в музей, — повидимому, в конце XIX или даже начале XX столетия. Собирательского списка, весьма важного для работы над вещами, при данной регистрационной описи не имеется. Лишь в конце описи приложено несколько старых кунсткамерных этикеток с соответствующей нумерацией и указанием фамилии собирателя.

Для полноценного описания требуется, таким образом, всестороннее использование имеющихся в нашем распоряжении материалов, что и было нами по возможности соблюдено.

---

[1] A. O. Heikel. Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingfors, 1899.
[2] Manninen. Die Finnisch-Ugrischen Völker. Leipzig, 1932.

На основании изучения источников мы определили принадлежность вещей отдельным народам Поволжья. Количественно они распределяются следующим образом: предметов, принадлежащих: мордве — 4, чувашам — 3, башкирам — 2 и марийцам — 1.

Мордовская одежда

Комплекс предметов мордовской одежды содержит в себе две женских рубахи и два женских головных убора. Этнографические данные о мордовской одежде, приводимые Палласом, а также сопоставление вещей с экспонатами музеев, позволяют определить их принадлежность мордве эрзе и установить место их бытования. Это — село Пилокшево б. Нижегородской губернии, расположенное на правом берегу речки Пианы, которое было посещено Палласом в августе 1768 г. Подтверждение этому находим и в литературе.[1]

Мордовские рубахи в коллекции Палласа относятся к числу наиболее архаичных образцов женской плечевой одежды народов Поволжья, дошедших до нас, а потому на них следует остановиться несколько подробнее. С этой целью ниже, в ходе попредметного описания коллекции, мы коснемся специфики формы, покроя и способа орнаментации отдельных предметов; сейчас же, считаем уместным сказать несколько слов о самом материале одежды, поскольку последний является характерным для Поволжья вообще. Рубахи мордвы сшиты из конопляного холста домашнего тканья. Согласно археологическим данным, „Конопля в Мордовии, повидимому, одно из древнейших культурных растений, и прочно вошла в быт мордвы. Грубые ткани вырабатывались из посконного волокна конопли, тщательно обработанные и хорошо отбеленные, позволяют ткать чрезвычайно тонкие холсты, мало уступающие по своему качеству льняным“.[2] Впоследствии в обиход вошел лен, из льняных холстов стали шить нарядную одежду. Употребление в качестве материала для праздничного костюма (каковым является плечевая одежда из коллекции Палласа) домотканины из конопли позволяет с очевидностью говорить о распространении в XVIII в. в повсеместном обиходе именно посконного, конопляного холста.

Наряду с применением холста для изготовления одежды, данные археологии указывают на одновременное с ним существование еще в ранних мордовских памятниках образцов из шерстяной домотканины.

Подтвердить это можно и на примере коллекции Палласа. Здесь мы встречаем как полосы тонкой шерстяной домотканины (синего и темно-кирпичного цвета), так и куски грубой шерстяной ткани с портяной основой, типа домашнего сукна с начесом. Образец примитивного плетения ручным способом представляет собой тесьма, нашитая в качестве украшения в местах скрепления ткани на рубахах. Тесьма эта производилась, повидимому, путем простого переплетения руками нитей пряденой

---

[1] A. O. Heikel, ук. соч.

[2] Е. И. Горюнова. К истории ткачества у мордвы. Зап. МАИИ, т. 3, Саранск, 1941, стр. 421.

шерсти, без всяких технических приспособлений. Внимательное рассмотрение материала для изготовления одежды со стороны расцветки приводит нас к убеждению, что окрашивание шерстяной пряжи для тесьмы, тканей и вышивки производилось домашним способом при использовании растительных красителей. Это находит подтверждение и в литературе.

У Георги, современника Палласа, читаем: „Женщины вышивают холстинное одеяние шерстью собственного своего крашения“.[1] Об употреблении растительных красителей имеются также многочисленные свидетельства в сочинении самого Палласа. Он дает весьма подробное описание средств и способов окрашивания, применявшихся для получения традиционных цветов мордовской вышивки, а именно: красного и синего как основных, желтого и зеленого как дополнительных.

Для окрашивания пряжи в красный цвет, по свидетельству Палласа, имеющему подтверждение и у Рычкова,[2] употребляли цветы растения „душицы“, (*Origanum*), корни марены (*Rubia tenctirum*) и „подмаренника“ (*Dallium Mollugo* L.), причем более насыщенный оттенок давала марена. Желтый цвет пряжа приобретала от применения следующих растительных красителей: „черноды“ (*Bidens tripartitus* L.) или чертополоха разнолистного (*Corduus hetanophyllus*). Кроме того, по свидетельству Палласа, для крашения в желтый цвет употреблялись „цветы травы пупавки (*Asthemis tenctoria*), также дрок (*Genifta tenctoria*) и серпуха (*Seppatula*), которые травы растут сами собой во всех местах России“.[3]

Относительно окрашивания в синий цвет мы находим известия у того же Палласа: „поныне еще не имеют никакой домашней краски... но впрочем люди покупают у купцов брусковую краску и крутик или синий сандал и оными красят обыкновенным способом“.

Наконец зеленый цвет получался в результате окрашивания синей пряжи в наваре „чертополоха разнолистного“. Мордва времен Палласа знала также различные способы и средства для закрепления красок от полиняния и выгорания. Основное средство для этого, упоминаемое у Палласа, „есть — изобильно растущий во всех болотных и глинистых лесах России мох, который под именем зеленицы (*Licopodium complanatum*) везде известен и употребителен“.

Предметы из коллекции Палласа содержат в себе все четыре традиционные цвета, характерные для мордовской вышивки, и, таким образом, позволяют предположить употребление при изготовлении пряжи всех описанных выше растительных красителей. Прекрасно сохранившиеся краски, не утратившие за многие годы яркости и колорита, говорят также и об очевидном применении для прочности вышеуказанного закрепителя.

---

[1] Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. I, 1799.

[2] Рычков. Дневные записки капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. СПб., 1770, стр. 57.

[3] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I. СПб., 1773, стр. 93.

В отношении покроя, как было сказано выше, мордовская плечевая одежда XVIII в. представляет собой значительный интерес.

О рубахе, числящейся за № 766-2, в регистрационной описи музея мы читаем: „Рубаха холщевая с богатыми вышивками, отличающаяся... большим разрезом у ворота и наличностью его в передней части подола". К описи приложена кунсткамерная этикетка „№ 6. Рубашка мордовская".

Этот экземпляр рубахи (рис. 1) представляет собой типичный образец туникообразного покроя, который отнесен Куфтиным к „подтипу а", где полотнища холста перекидываются через оба плеча, а швы проходят один сзади на спине, один спереди на груди и два с боку. Рукава пришиваются к краю стана.[1] Указанная рубаха при этом простейший тип туникообразного покроя, без позднейших технических усложнений.

Стан ее, сшитый из двух полотнищ конопляного холста, имеет форму узкого длинного (длина 124 см) прямоугольного мешка без боковых клиньев. Вырез для головы клинообразный, в виде треугольника основанием кверху. Края выреза загнуты и запошиты тем же материалом. Рукав сшит из поперечной полосы холста таким образом, что слегка сужен к запястью и не имеет ни клиньев, ни ластовицы у основания. Спереди на подоле имеется разрез (15 см). Рубаха богато орнаментирована. Вышивка наплечий представляет собой большие по размеру и сложные по композиции розетки с ромбовидным центром и восьмиконечными звездами вокруг. Примыкающая к ней нагрудная вышивка является такой же розеткой, но усеченной (до половины). Нарукавная вышивка идет широкой поперечной полосой вокруг рукава у запястья; в узоре — комбинация из восьмиконечной звезды и отдельных ее элементов. Узкие полоски вышивки окаймляют подол и вырез для шеи. По срединному шву, спереди рубахи нашита домотканная темнокрасная тесьма ручного плетения, а несколько ниже идет широкая полоса вышивки, составленная из чередующихся косых крестов и восьмиугольных розеток малого размера. Богато окаймлен вышивкой (по обеим сторонам) разрез на подоле; вверху вышивка эта заканчивается острым углом, а внизу двумя крупными квадратами.

Орнамент вышивки, как отчасти видно из описания, является геометрическим, составленным из комбинации геометрических фигур и ломаных линий. Сам узор представляет собой в основном ряд повторяющихся элементов, некое ритмическое чередование мотивов. Однако в вышивке, окаймляющей разрез на подоле, нами обнаружены также и элементы стилизованного животного орнамента, что является достаточно редким для орнаментики мордовской одежды. Это — мотив так называемых „предстоящих у древа", представляющий собой повторяющиеся и расположенные по обеим сторонам дерева фигуры каких-то стилизованных животных или птиц.

По своему характеру вышивка является плотной, выпуклой: контуры узора в большинстве случаев резко очерчены, и внутренняя часть их

[1] Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, 1926, стр. 22.

целиком заполнена; у некоторых вышивок оставлены, однако, только контуры очертания узора без заполнения (вышивка по вороту и на подоле). Швы, которыми выполнен рисунок, разнообразны и являются характерными для народов Поволжья вообще и для мордовской вышивки, в частности. Это — контурный шов, косая и прямая гладь, набор. По расцветке вышивка рубахи является также типичной для мордвы. Основные тона — кирпичный

Рис. 1. Мордовская рубаха из колл. Палласа. (Из колл. МАЭ, № 766-2).

и темносиний. Синим выполнены контуры узора, желтый и зеленый цвета включены в узор небольшими пятнами.

Описываемая рубаха из коллекции Палласа, представляя собой весьма архаичный тип, имеет, однако, довольно близкие аналогии в составе коллекций Государственного Музея этнографии (ГМЭ). Подобные экземпляры имеются в коллекции № 1065, собранной для музея В. П. Шнейдер в Городищенском уезде б. Нижегородской губернии. Это — мордовские рубахи, числящиеся под №№ 1065-86, 1065-88 и 1065-121 и стоящие особняком среди других экспонатов этой коллекции. Несомненно рубаха из коллекции Палласа является более архаичной по покрою, все же при сравнительном анализе материала можно найти ряд общих черт. В частности, весьма сближающим является характер орнамента. Так, на одежде, хранящейся в ГМЭ, мы обнаружили те же элементы животного орнамента, мотив „предстоящих у древа“, причем локализация этого мотива на рубахе сохраняется та же. Общие черты в характере орнамента упомянутых

экспонатов обнаруживаются также в отсутствии резко выраженных особенностей, характеризующих обычно одежду мордвы эрзи. Специфических отличий орнамента различных локальных групп (эрзи и мокши), четко прослеживаемых на материалах одежды мордвы, здесь не имеется.

Основываясь на этом, можно высказать предположение, что в ранних памятниках такого резкого разграничения не было. Некоторые из специфических черт орнамента, квалифицируемых обычно как локальные или даже племенные отличия в одежде, не являлись, повидимому, в далеком прошлом исключительно принадлежностью той или иной группы. Центр тяжести, возможно, лежит здесь в степени большей или меньшей сохранности некоторых архаических черт с одной стороны, а с другой, — в изменениях, обусловленных новыми стадиальными факторами и культурными воздействиями.

Подтверждение этому мы находим и в марийской орнаментике, где некоторые особенности типового порядка могут считаться „локальными" лишь условно. Во всяком случае вопрос этот является весьма интересным и требует особой постановки.

Наблюдаемые нами черты общности позволяют сделать и хронологическое сближение. Несмотря на то, что по времени сбора коллекция № 1065 ГМЭ является достаточно поздней (1906 г.), сближение это все же возможно; больше того, после сопоставления мы считаем необходимым внести соответствующие коррективы в датировку коллекции. Хронологическими рамками бытования вещей этой коллекции (№ 1065 ГМЭ) следует считать, если не конец XVIII в., то первую половину XIX в. во всяком случае. Допустить эту коррективу позволяет и оговорка собирателя в регистрации, что указанные экспонаты ко времени сбора коллекции окончательно вышли из употребления и сохранились в качестве мешков для хранения одежды (с зашитым воротом и рукавами). Архаичный термин „покай", употребляемый в регистрации вместо обычного названия „панар" (рубаха), подтверждает наше предположение. Интересно то, что в статье Минх [1] этот термин применяется для обозначения особой праздничной одежды типа шушпана, бытовавшей у саратовской мордвы и вышедшей из употребления к середине XIX в.

Не менее интересным для исследователя является и второй образец мордовской плечевой одежды XVIII в. (рис. 2), зарегистрированный за № 766-8.

В регистрационной описи музея значится: „Верхнее платье мордовское в виде длинной холщевой рубахи с широким вырезом на груди и прорезом в нижней части переда, с широкими рукавами. На нем богатая разноцветная вышивка гладью". Кунсткамерная этикетка, приложенная к описи, гласит: „№ 15. Верхнее платье мордовское". Относительно этой же рубахи в сочинении Палласа читаем: „к совершенному их убранству принадлежит: широкое холщевое верхнее одеяние с короткими, но

[1] Минх. Описание села Оркино Саратовской губернии. Мордовск. этногр. сборн., изд. Шахматовым, СПб., 1910, стр. 701.

в поларшина широкими рукавами, которое по большей части бывает желтое".[1]

Таким образом, плечевая одежда эта является верхней рубахой (надеваемой обычно поверх нательной), сшитой из грубой конопляной домотканины. Желтоватый цвет ее, упоминаемый и у Палласа, является, очевидно, характерным оттенком неотбеленного холста, а не результатом подкраски. По типовым признакам это опять-таки образец „подтипа а" (по классификации Куфтина) туникообразного покроя, но имеющий все же свою

Рис. 2. Мордовская рубаха из колл. Палласа. (Из колл. МАЭ, № 766-8).

специфику. Стан рубахи также сшит из двух полотнищ холста с продольными швами на спине и груди.

Весьма интересными и характерными для этого экземпляра рубахи являются рукава. Каждый из них сшит из цельного полотнища холста своеобразным способом. Полоса холста (длина 171 см, ширина 35 см) как бы обвертывается вокруг руки, а затем спускается вниз, во всю длину рубахи, причем с одной стороны его делается срез в виде острого клина. Полотнища рукава сшиваются в нескольких местах со средними полотнищами рубахи, образуя род боковых сторон или клиньев стана. Рукав, таким образом, является достаточно широким и коротким, длина его равна ширине полотнища (35 см). Покрой этой одежды приближается как бы к драпировке тела в куски ткани. Это подчеркивается и ее раз-

[1] П. С. Паллас, указ. соч., стр. 83.

мерами. Если ширина нательной рубахи равна ширине четырех точей холста, то ширина описываемой в настоящий момент верхней одежды соответствует шести точам. Благодаря своей ширине верхняя одежда свободно ложится складками и создает впечатление весьма короткой, хотя фактическая длина ее 118 см. Ворот рубахи сделан достаточно примитивным способом, в виде прямоугольного выреза (размер 12 и 45 см), края которого запошиты. Орнаментация рубахи богата. Локализация вышивки соответствует таковой на рубахе № 766-2, что указывает, повидимому, на известную закономерность и устойчивость традиции. Рубаха имеет богато расшитые наплечья и грудь. Вышивка украшает также края рукавов, подол и перед рубахи. Богато расшит с обеих сторон разрез на подоле. Серединный шов спереди закрыт нашитой на него тесьмой домашнего плетения. Орнамент вышивки, представляя собой комбинации ломаных линий, является геометрическим.

По своим техническим приемам вышивка соответствует таковой на рубахе № 766-2. Здесь применяются те же характерные для Поволжья швы. Однако преобладание „контурного“ шва и „набора“ способствует тому, что общий характер вышивки является более легким, ажурным. Расцветка вышивки колеблется в пределах традиционной четырехцветности гаммы красок мордовской одежды с преобладанием синего и темно-красного цветов.

Представляя собой, повидимому, вполне законченный тип верхней женской одежды (насколько можно судить по литературным источникам), описываемая рубаха (№ 766-8) не имеет, однако, аналогии в вещевых собраниях этнографических музеев и на данный момент может считаться уникальной. Это в значительной степени увеличивает ее научную ценность.

Подводя итог описанию мордовской плечевой одежды XVIII в. (на материале немногих, но интересных образцов палласовской коллекции), мы позволим себе повторить то вышесказанное нами предположение, что рассмотренные экземпляры этой одежды являются наиболее архаичными из дошедших до нас вещевых этнографических памятников. В этом убеждает нас сопоставление с другим материалом одежды Поволжья. Весьма доказательными являются отдельные, даже мелкие, детали — примитивность общего покроя (мешком), тип рукава, отсутствие каких бы то ни было вставок, клиньев и т. д. и т. д. Этот тип одежды относится, по всей вероятности, к одному из ранних этапов в развитии одежды. Туникообразный покрой здесь приближается технически в значительной степени к своему прототипу (т. е. к драпировке тела в куски ткани) при минимальном применении соединительных швов и вставок. Архаичности покроя соответствует и характер орнаментации.

Не менее интересными для этнографа являются образцы старинных мордовских головных уборов из коллекции Палласа.

Характеризуя женский головной убор села Пилокшева б. Нижегородской губернии, Паллас пишет: „Одеяние мордвинских жен состоит в высокой набитой и пестро вышитой шапке, у которой назади привешены

малые цепочки, небольшая лопасть и болоболочки".[1] Один из таких головных уборов, привезенный Палласом, в собраниях МАЭ числится за № 766-3. В регистрационной описи по поводу его значится: „Мордовская кичка. Остов из бересты. Покров из сукна и холста с обшивкой из бляшек и монет". По кунсткамерной этикетке головной убор обозначен: „№ 1. Кичка мордовская". Упомянутая „кичка" представляет

Рис. 3. Мордовский головной убор. (Из колл. МАЭ, № 766-3).

собой тип высокого женского головного убора на твердой основе. Общая высота 30 см (рис. 3). Основа составлена из нескольких кусков бересты, сшитых между собой лыком; в середину остова вставлен толстый деревянный прут, согнутый полукругом. Низ берестяной основы (в передней лицевой части головного убора) обшит полосами шерстяной и холщевой домотканины, наложенными последовательно одна на другую, и скрепленными сзади зуровой нитью. В первую очередь идет лоскут толстого белого холста узорного тканья; поверх него натянуты полосы сначала синей, а затем красной шерстяной домотканины. На красную верхнюю ткань нашиты рядами (в 7 рядов) резаные серебрянные

[1] П. С. Паллас, там же.

монетки — новгородки, жестяные жетоны и штампованные бляшки. Верхняя часть головного убора покрыта куском более грубой шерстяной ткани типа домашнего сукна кирпичного цвета на портяной основе так, что она плотно облегает лицевую часть убора, а загнутыми углами спускается по бокам его. Поверх всего этого сооружения накинуты последовательно одно на другое два полотенца — одно белое холщевое вышитое (размером 40×74 см), а другое — из окрашенного в красный цвет холста. Каждое из них прикреплено одним концом к верху головного убора и спускается вниз в виде задней его лопасти. Орнамент вышивки белого полотенца геометрический. Вышивка расположена в виде узкой полоски по краю и квадратных розеток по углам. Выполнена она красным, синим, зеленым, желтым шелком и коричневой шерстью. Шов — настил (прямая счетная гладь) и контурный. Характер и тона расцветки (как тканей, так и вышивки) позволяют предполагать применение растительных красителей и способов домашнего окрашивания. Шерсть выпрядена тонко и скручена. Для вышивки полотенца употреблен, повидимому, так называемый „шелк-сырец", который и в XVIII и XIX вв. был в большом ходу в Поволжье и покупался у бродячих торговцев, чаще всего у татар.

При внимательном рассмотрении внутренней части головного убора можно обнаружить здесь ряд мелких, но весьма ценных деталей, представляющих значительный интерес для исследования. Мы имеем в виду как бы случайные, но имеющие несомненно свой определенный смысл „подвески" к внутреннему остову головного убора. К числу таковых следует отнести пучок суровых ниток, кусочки сыромятного ремня и обрывки шкурки какого-то мелкого животного, прикрепленные к распорке, а также полоски бересты, пришитые к остову в височной его части. Явлением того же порядка следует считать, очевидно, и обнаруженную нами в налобной части крепко пришитую к бересте (между красной и синей тканью) орнаментированную металлическую пластинку с выпуклым штампованным узором.

Локализация их во внутренней части, т. е. там, где их не видно, а также очевидная их бесполезность в плане общей структуры головного убора позволяют предположить их религиозно-магичекое значение.

Положение это подтверждается и фактическим этнографическим материалом. Коснемся отдельных деталей. Пучок суровых ниток, завязанный узлом и прикрепленный к остову убора во внутренней его части, несомненно, явление не случайное. Фактический материал подкрепляет эту уверенность, позволяя утверждать о значении его как оберега. В самом деле, в этнографической литературе по Поволжью мы имеем ряд свидетельств, говорящих о той роли, какую играют пряжа, нитки (и именно пучок их) в жертвенном и похоронном обряде, при этом им зачастую прямо приписываются магические свойства. Интересен также обычай, сохранившийся у восточных и некрещеных марийцев привязывать пучок суровых ниток на березку, которую ставят на могилу умершей девушки или женщины (см. № 4835-33 из коллекций ГМЭ), о чем мы считаем уместным здесь упомянуть.

Еще больший интерес вызывает факт наличия внутри головного убора обрывков шкурки животного. Аналогию этому мы имеем в коллекциях ГМЭ. К свадебному головному убору „Юр най“, бытовавшему у коми-зырян Уральской области (№ 5097-1 в коллекциях ГМЭ), привязана сверху шкурка крестоватика (летнего песца). Собиратель в регистрации фиксирует значение, которое придавалось этой шкурке населением: „Средство для того, чтобы закрыть от чужих и злых взоров девичью красу“. Магическое свойство шкуры, кожи животного, подтверждается и другими этнографическими материалами. В частности, у ряда волжских народов высушенная шкурка животного нередко является предохранительным средством от порчи вообще и применяется при врачевании и колдовстве. Интересен также и достоин упоминания обычай (имевший место у марийцев) вшивания кусочков кожи жертвенного животного в различные части одежды. Это делалось для того, чтобы носителю одежды во всем сопутствовала удача. Полоски бересты, пришитые к височной части головного убора, также имеют весьма интересные и убедительные аналогии в вещевых собраниях ГМЭ. Так, в коллекциях Русского отдела, привезенных из южных районов России (Рязанской, Орловской губерний), имеются женские головные уборы („сороки“), на внутренний остов которых (кичку) пришиты пучки из полосок бересты. Декоративных целей последние явно не могут преследовать, так как закрываются сверху верхней вышитой частью головного убора. Факты эти интересны во всяком случае и требуют специальной постановки вопроса об их анализе.

Наличие в налобной части головного убора орнаментированной металлической пластинки также интересно с точки зрения ее локализации. В головных уборах Поволжья, представляющих нередко сложный комплекс надевающихся отдельно частей, следует отметить существование особой части, закрывающей лоб — „начельника“ или „налобника“. Иногда он надевается выше, на темя и становится „натемником“. Конкретно это — „йыр кертет“ — у удмуртов, „масмак“ — у чуваш, „нашмак“ — у марийцев“, „хараус“ — у башкир и т. п. В мордовских головных уборах начельник отсутствует. Однако наличие орнаментированной пластинки в налобной части рассматриваемого нами головного убора позволяет предположительно провести параллель между ней и начельником. То, что мы имеем здесь дело с подчеркиванием, неким выделением налобной части, — вполне очевидно. Со стороны своей формы головной убор из коллекции Палласа также является интересным, дополняющим наши сведения о мордовской одежде.

Значительное по количеству и разнообразию собрание мордовских головных уборов в ГМЭ, равно как и вещевые коллекции других музеев, аналогичных (по форме и по типу) экземпляров в своем составе не содержат. Повидимому, наш экземпляр представляет собой головной убор весьма архаичного типа, исчезнувшего к концу XIX в. из мордовского быта. Однако следует признать все же, что в прошлом он являлся типичным и имел распространение у мордвы. Это подтверждается и фактом существования подобных по форме головных уборов у сопредельных мордве

народов. Прежде всего следует отнести к их числу старинный убор „шурка“, бытовавший среди некрещеных марийцев, о котором упоминается еще у Олеария, и экземпляр которого имеется в коллекциях ГМЭ (№ 1069-400). К концу XIX в. он вышел уже из употребления у марийцев и сохранялся лишь как ритуальный убор во время жертвенных обрядов. К этому же типу головных уборов относится не бытующий уже давно удмуртский головной убор „айшон“ — высокий, конусообразный с накинутым поверх него покрывалом „сюлык“.

Можно найти также черты общности между рассматриваемым мордовским убором и свадебным головным убором коми, который носит название „головдеч“ (№ 5775-12 из коллекций ГМЭ). Указанные головные уборы, повидимому, следует считать стадиально близкими к головному убору из коллекции Палласа. В качестве интересной детали считаем необходимым отметить, что во всех случаях в качестве основного материала для изготовления выступает береста. Возвращаясь к описываемому нами головному убору из коллекции Палласа, суммируя все о нем сказанное, необходимо отметить, что он (в отношении формы деталей, материала для изготовления и орнаментации) представляет большой интерес для исследования.

Второй мордовский головной убор, привезенный Палласом, зарегистрирован под № 766-5. В регистрационной описи о нем записано: „кичка мордовская вышитая, украшенная бисером и монетами“. К описи приложена кунсткамерная этикетка: „№ 5. Кичка мордовская“ с позднейшей припиской карандашом: „Паллас“. Указанный головной убор (рис. 4) сделан из грубого конопляного холста и богато орнаментирован. По форме он трапециевидный, с позатыльнем в виде прямоугольной полосы (15 × 22 см), спускающейся на спину. Высота головного убора 15 см. Лицевая часть его покрыта плотной, сплошной вышивкой коврового типа, исполненной красной, синей, зеленой и желтой шерстью. Орнамент вышивки геометрический; элементами его являются ромбы, восьмиконечные звезды и кресты. В позатыльне вышивка локализована по краям, но от времени сильно пострадала. В верхней своей части, по краю головной убор украшен пронизками граненой и круглой формы из прозрачного цветного стекла, медными цепочками, штампованными бляшками и металлическими круглыми пуговицами. Края позатыльня обшиты галуном; к нижнему концу его пришиты снизки из стеклянных бус, шелковых кисточек и раковин каури. Кроме того, следует отметить парные снизки (из бус, пуговиц, медных цепочек и металлических блях), локализованные в височной части головного убора и около ушей.

Описанный головной убор по форме является характерным для мордвы эрзи. В собраниях ГМЭ уборы трапециевидной формы зарегистрированы для ряда районов, как специальные старушечьи (под названием „бабань панга“). Весьма возможно, что к концу XIX в. они выходили уже из употребления и сохранились лишь у более пожилой части населения мордовской деревни.

Наличие большого количества всевозможного рода подвесок является также типичным для женского головного убора мордвы в самые различные хронологические периоды.

У Палласа, как было указанно выше, мы читаем: „...к шапке... привешены мелкие цепочки, небольшая лопасть и болоболочки".[1]

Георги при описании мордовского головного убора пишет, что женщины прячут волосы „под высокую набитую крепкую, вышитую и как корольками, так и фарфоровыми раковинками распещренную шапку".[2] Эти обе характеристики украшений головного убора относятся к XVIII в.

Рис. 4. Мордовский головной убор из колл. Палласа. (Из колл. МАЭ, № 766-5).

В более поздний период в качестве материала для подвесок мы встречаемся в большом количестве и с иным дешевым покупным материалом (стеклярус, стеклянные и металлические пуговицы, бубенчики и даже елочные бусы), проникавшим в деревню с развитием капиталистических отношений.

В заключение следует отметить упомянутую выше при описании локализацию особого рода подвесок в височной части убора и по бокам его (около ушей). Это соответствует, повидимому, устойчиво сохра-

---

[1] П. С. Паллас, там же.

[2] Георги, указ. соч., стр. 44.

нявшейся традиции, которая была уже отмечена выше и которая восходит к ранним археологическим памятникам (IV—VI вв.).

Чувашская одежда

Рубаха холщевая, зарегистрированная под № 766-1 и отнесенная регистратором ошибочно к числу предметов мордовской одежды, принадлежит чувашам.

Судить об этом и утверждать это с достаточной уверенностью можно на основании тщательного анализа формальных данных упомянутого экспоната с привлечением соответствующего сравнительного материала. Эта рубаха (рис. 5) с двумя другими предметами одежды составляют отдельные части чувашского национального костюма того времени. Они, повидимому, вывезены Палассом из местности, расположенной по течению реки Черемшана (недалеко от б. Симбирска, ныне Ульяновска), о которой он пишет в своем сочинении, как о районе, заселенном чувашами.

Описывая костюм чуваш, Паллас находит сходство в их плечевой одежде с таковой у мордвы: „Одеяние у них, так же как у мордвинок, из толстого холста; вышито пестрою, наипаче синею, красною и черною шерстью, и сделано малым чем отменно“.[1] Но несомненно, что черты, отличающие их, весьма значительны, и чувашская одежда этого района имеет свою специфику. Покрой описываемой рубахи следует отнести к „подтипу 6“ по классификации Куфтина, где „полотнища располагаются так: в одном прорезается отверстие для головы, и полотнище проходит по средине спины и груди; к этому полотнищу сбоку пришивают два других, перегнутых вдвое, так что верхний край не доходит до перегиба через плечи средней точи на ширину рукавов, которые пришиваются основанием не к боковым полотнищам стана, а к среднему“.[2]

У рубахи из коллекции Палласа, представляющей типичный образец туникообразного покроя, стан сшит из 3 полотнищ — одного среднего и двух боковых. Однако нагрудная часть рубахи отрезная, вставленная как бы в срединное переднее полотнище (размер нагрудника 34 × 42 см). В боковые полотнища вставлены клинья. Вырез для шеи круглый, разрез на груди прямой (длина 26 см). Вся верхняя часть рубахи положена на грубую холщевую подоплеку. Рукава длинные (55 см), слегка суживающиеся к запястью. На каждом из рукавов у основания имеются две вставки — четырехугольная ластовка и клин спереди. Швы сделаны ручным способом суровой нитью. Общая длина рубахи 111 см. Орнаментация в виде вышивки локализована на груди (по разрезу), спине, рукавах и по подолу.

Вышивка исполнена синей, красной и желтой шерстью, окрашенной домашним способом. Орнамент в основном геометрический, но с элементами животного и растительного (стилизация). Нагрудная вышивка

---

[1] П. С. Паллас, указ. соч., стр. 136.

[2] Б. А. Куфтин, указ. соч.. ч. 1, 1926, стр. 22.

сочетается с нашивками шерстяной красного цвета тесьмы ручного плетения, составляющими как бы отдельные орнаментальные фигурки. Широкая тесьма нашита также на соединительные швы стана, на рукава и подол. Подобное сочетание нашивок тесьмы с вышивкой нередко встречается в образцах чувашской одежды.

В обрядовой одежде начала XIX в. из коллекции ГМЭ (следует назвать свадебную рубаху невесты № 94-16, кафтан дружки № 279-228) подобным приемом сочетания вышивки и тесьмы выполнен весьма сложный орнаментальный узор. По всей вероятности, подобный тип орнаментации является характерным для ранних образцов чувашской одежды.

Экспонаты № 766-10 и 766-6 из коллекции Палласа представляют собой также части чувашского национального костюма XVIII в. Оба они

Рис. 5. Чувашская рубаха из коллекции Палласа. (Из колл. МАЭ, № 766-1).

собственно должны рассматриваться вместе, ибо составляют один женский головной убор. Это отмечено и в регистрационной описи, по которой значится: „Головной убор с вырезом на макушке и глухим подбородником. Основа его — плетенка нитяная с кожаной подшивкой. Сверху обшит бисером и бляшками. Чувашский, повидимому. К нему принадлежит подвеска (позатылень) № 766-6. Подвеска к головному убору в виде тканой толстой полосы холста, выкрашенной в красный цвет и обшитой бисером, раковинами и монетами, с двумя кистями". Этикетка кунсткамерная „№ 16. Головной убор низаной".

Несомненно, что это тип женского головного убора с открытым верхом, который в словаре Золотницкого числится под названием „хошпу". Паллас в своем труде по поводу „хошпу" пишет: „Чувашская женская кичка (хошпу), без которой они и дома никогда не кажутся, —

так, как у татарок, — часто унизана старинными серебрянными копейками или оловянными блесками и бисером в несколько рядов, и подвязывается широким ремнем под подбородком, а назади пришита к ней длинная лопасть, или затыльник (ама) с унизанным мелкими монетами, или блестками, ремнем, который надет на пояс, и на конце обычно бывает вышит разноцветною шерстью с бахромою и с долгими снурками, так что нарочито тяжелый головной убор их висит до подколенок".[1]

Это описание дает довольно точное представление об описываемом нами головном уборе. Последний представляет собой круглую шапочку с открытым верхом (диаметр отверстия 12 см), сшитую из шерстяной домотканины, положенной сверху на кусок сыромятной кожи. Шапочка украшена металлическими штампованными бляшками и снизками из металлических пронизок и разноцветного бисера.

Орнамент шитья бисером геометрический (ромбы). К шапочке с боков пришиты полосы сыромятной кожи, концы которых сведены так, что получается глухой „подбородник", украшенный снизками бисера. Позатылень, который носит название „ама", представляет собой широкую полосу шерстяной ткани (плохой сохранности), украшенную бисером, штампованными бляшками и подвесками из раковин каури и бисера.

Описываемый тип „хошпу" представляет собой, вероятно, старую форму этого головного убора. Более поздние его образцы в коллекциях ГМЭ имеют форму шлема, заканчивающегося наверху усеченным конусом. По материалу для изготовления в разных районах они различны. В Симбирской губернии, например, они сплошь зашиты монетами, с слабым применением бисера. Позатылень „ама" в поздних образцах соединен с головным убором.

Башкирская одежда

Принадлежность предметов одежды, зарегистрированных в коллекциях за №№ 556-7 и 766-11, тому или иному народу Поволжья не указана. На основании анализа вещевого материала и литературных источников они отнесены нами к башкирской одежде. Вещи эти, повидимому, были привезены Палласом из Исетской провинции (б. Уфимская губернии). Одежду башкир этого района он описывает во II томе своего труда; там же им дана иллюстрация, воспроизводящая башкирскую женщину в национальном костюме.

Женский головной убор (№ 766-7) в регистрационной описи музея характеризуется следующим образом: „Женская шапка холщевая с красной полосой на затылке и спереди с наушниками..., обшитыми узорными бляшками и треугольным вырезом, спускающимся на спину". К описи приложена кунсткамерная этикетка: „№ 14. Шапка женская".

Паллас в своем сочинении называет этот головной убор „чамбау", характеризуя как „мелкими серебрянными монетами усаженную шапку".[2]

[1] П. С. Паллас, там же, стр. 136.

[2] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, т. II, стр. 38.

Рис. 6. Чувашский головной убор из колл. Палласа. (Из колл. МАЭ, № 766—10).

У ряда других исследователей, в частности, в монографии по башкирам С. И. Руденко,[1] он носит название „кашмау", аналогичное с чувашским „хошпу". По своей форме „кашмау" из коллекции Палласа представляет собой шапку наподобие шлема, плотно облегающего голову, — с треугольным выступом на лбу. Сзади он застегивается на железные крючки и петли. Под подбородком проходит туго стягивающийся ремешок. Основу шапки составляет красная холщевая ткань, сплошь зашитая всевозможного рода украшениями. Передняя часть плотно унизана мелкими кораллами и бисером, по краю нашит ряд достаточно крупного жемчуга. Тыльная часть убора зашита мелкими резанными монетками новгородками (чешуйчатая зашивка). В качестве украшений нашиты также по всему полю русские крупные елизаветинские гривенники, прусские, польские и турецкие монеты, а также бляшки (металлические и перламутровые) и медные пронизки.

О распространении этого головного убора у башкир в XVIII в. имеются свидетельства старых авторов — Палласа, Лепехина, Георги, с соответствующими описаниями. Образцы этого убора в более поздний период имеются в коллекциях б. Румянцевского музея и в собраниях отдела Поволжья ГМЭ. По свидетельству С. И. Руденко, „кашмау" в начале XIX в. носился повсеместно в районах, заселенных башкирами, и только к началу XX в. стал выходить из употребления, оставшись в качестве „локальной" особенности южной половины башкирского края.

Экспонат, зарегистрированный в коллекции под № 766-11, по описи квалифицируется как „Пояс с 6 подвесками и сумочкой. Обшит монетами и ценными камнями". В действительности, вне всякого сомнения, он является плечевым украшением, перевязью, надеваемой через правое плечо под левую руку. Этот тип украшения характерен для ряда народов Поволжья, в основном — тюркской группы. Это: „хасита" — у башкир, „теветь" — у чуваш, „хаситэ", „девет" — у татар и т. п. Паллас в своем труде посвящает ему несколько строк: „широкое и спереди через плечо, как будто орден, висящее украшение отчасти из мелких денег, а отчасти из корольков состоящее и разными бездельными мелочами увешанное..."[2]

В таблице ко II тому, где Палласом дана иллюстрация, воспроизводящая башкирку в полном национальном костюме Исетской провинции, описываемое украшение представлено весьма ясно. Во внутренней части этого украшения нами был обнаружен небольшой листок бумаги с надписью чернилами: „Butimar". Предположительно (судя по качеству бумаги и стилю надписи) можно определить, что эта этикетка ранняя, принадлежит, очевидно, собирателю и означает название экспоната, переданное латинской транскрипцией. В самом деле, Г. Н. Потанин при описании данного плечевого украшения удмуртов приводит его название: „бутьмар". Близко к этому термину по звучанию стоит термин „муйтемар", означающий перевязь у крещенных татар Машадышского уезда.

---

[1] С. И. Руденко. Башкиры, т. II. 1926, стр. 152.

[2] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи. 1799, т. II, кн. 1, стр. 99.

Таким образом, название „Butimar“ отнюдь не противоречит нашему определению, а, наоборот, подтверждает его. „Бутимар“ представляет собой узкую, составленную из нескольких лоскутков полосу холста на шелковой подкладке, украшенную нашитыми на нее кусочками галуна и мелкими серебрянными монетами. К одному краю ее пришиты подвески различной формы (в виде ромба, квадрата, трапеции и т. п.). Подвески эти, количеством 6, имеют твердую основу; на лицевую сторону их нашиты, в качестве украшения, резанные серебрянные монеты „новгородки“ („чешуйчатая нашивка“), металлические бляшки. Кроме подвесок, к краю перевязи пришит мешочек из шелка малинового цвета на набойчатой подкладке. Лицевая часть мешочка украшена вышивкой золотого шитья. Орнамент вышивки растительный.

По словам самого Палласа, перевязь составляла в XVIII в. необходимую часть костюма замужней женщины и носилась ею не только в праздники, но и повседневно.

Марийская одежда

Марийская одежда представлена в коллекции одним предметом одежды, зарегистрированным под № 766-9.

Это — рубаха из отбеленного холста, богато орнаментированная на груди, рукавах и по подолу. Тщательное рассмотрение во всех ее деталях (со стороны покроя, орнаментации и т. п.) с привлечением сравнительных данных по марийской одежде привело нас к убеждению, что она должна быть датирована более поздним временем, чем XVIII в.

Местом ее бытования следует считать центральную часть Марийской республики (б. Царевококшайский уезд). Одновременно с этим мы выдвигаем предположение, что рубаха эта была включена в число экспонатов коллекции Палласа ошибочно, — что является, повидимому, виной регистратора, тем более, что кунсткамерной этикетки к описи не приложено. Подтверждением этому может служить и то, что центральные места обитания марийцев в маршрут путешествия Палласа не входили.

В заключение считаем нужным отметить, что целью нашего очерка является подробное описание коллекции Палласа и привлечение внимания специалистов по изучению одежды к этому ценному собранию, представляющему собой значительный этнографический интерес.

Обращая, по ходу изложения, внимание на отдельные детали одежды, мы попытались показать пути для дальнейшего их анализа, в свете сопоставлений предметов в коллекции с родственным этнографическим материалом.

Углубленный анализ материала в целях раскрытия семантики и выявления определенных закономерностей отдельных явлений — дело будущего. Это должно быть предметом специального исследования и в задачу настоящей работы не входило.

Представления эвенков о *шинкэн'ах* и проблема происхождения первобытной религии

А. Ф. Анисимов

Среди многочисленных групп эвенкийской народности, расселенной чрезвычайно разбросанно на огромных пространствах тайги, лесотундры и тундр Советского Севера, от р. Оби до Тихого океана, эвенки реки Подкаменной Тунгуски в этнографическом отношении представляются наиболее интересными.

В 1929 г. автор в качестве учителя организованной им первой эвенкийской школы поселился в самом центре обитания эвенков реки Подкаменной Тунгуски (Байкитский и Чунский районы Эвенкийского национального округа) и прожил там безвыездно до конца 1931 г., занимаясь комплексным изучением эвенкийской культуры. В 1937 г. автор вторично посетил этот район с той же целью и проработал в нем в течение всего лета. Собранные им путем непосредственного наблюдения этнографические, лингвистические и экономические материалы представили возможность вплотную подойти к вопросу генезиса основных проблем эвенкийской этнографии и тем, быть может, пролить известный свет на некоторые общие вопросы первобытного общества, если не решением, то хотя бы правильной постановкой этих проблем. Первым опытом исследований этого плана явилась монография „Родовое общество эвенков (тунгусов)", опубликованная в „Трудах Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера" в 1936 г. В последующие годы автор был занят изучением вопросов религии эвенков, стараясь проследить исторический путь развития их верований и норм мировоззрения. Данная статья представляет собой одну из глав подготовленной им к печати монографии „Вопросы генезиса религии эвенков", которая является как бы логическим продолжением его первого труда („Родовое общество эвенков") в соседней с ним области духовной культуры.

В эвенкийском языке слово *шинкэн* ~ *синкэн* ~ *хинкэн*[1], судя по материалам наших предшественников в области изучения языка и этнографии эвенков, а также и нашим личным наблюдениям, имеет

[1] В разных диалектах и говорах это слово звучит по-разному: там, где *ш*|*с*, оно звучит, как *синкэн*; там, где *с*|*х*, данное слово произносится, как *хинкэн*.

следующий ряд значений: 1 — дух-хозяин животных и места охоты; 2 — охотничья удача, счастье, 3 — предмет, приносящий промысловую удачу (части тела животных и прочие употребляемые как охотничьи фетиши). В зависимости от конкретной действенной ситуации данное слово может иметь то одно, то другое из этих значений.

Широта семантических границ этого слова и столь своеобразное сплетение его значений в одном семантическом пучке естественно не могут не обратить на себя внимание читателя, вызывая ряд совершенно законных вопросов. Прежде всего хочется знать, одновременны или разновременны эти значения в отношении своего происхождения? Если данные значения разновременны, то которое из этих значений первичное и которое вторичное? И далее, как следует представлять трансформацию этих значений в исторической перспективе? Желая избегнуть поспешных обобщений, мы считаем необходимым обратить внимание читателя непосредственно на самый материал и ознакомить прежде всего с тем комплексом норм мировоззрения и обрядов культа, которые связаны с данными значениями слова *шингкэн*.

В этнографической литературе, посвященной эвенкам, имеется целый ряд упоминаний о духе-хозяине места охоты и промысловых животных. Г. М. Василевич в свое время писала, что эвенки всякую удачу считают посланием духов, а на охоте — посланием духа-хозяина животных *эхэкон'а*, или *хингкэн'а*.[2]

По словам указанной исследовательницы, представления эвенков о духе-хозяине животных *хингкэн* довольно расплывчаты: одни полагают, что этот дух живет около ствола кустарника на земле, другие полагают обитающим его на небе (на третьей туче верхней земли). У якутских эвенков, согласно показаниям Р. Маака, этот дух носит якутское название *баянай* и также почитается хозяином животных и места охоты.[3]

Относительно тутурских эвенков Качугского района Е. Титов сообщает, что они называют духа-хозяина места охоты словом *яку*, а хозяина всей тайги — *оджэн*. Им приносят охотники жертвы перед промыслом и на местах охотничьих остановок.[4] Киренские эвенки, по словам В. Сичогира, духа-хозяина тайги и животных называют *уротко*. В их представлении этот дух живет в хребтах, богатых зверем, и занимается, подобно эвенкам, охотничьим промыслом.[5]

---

[1] Г. М. Василевич. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов. Этнография, М. — Л. 1930, № 3, стр. 57—58; Ее же. Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) диалектологический словарь. Л., 1934, стр. 178; Ее же. Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) словарь. М., 1940, стр. 114, 158.

[2] Г. М. Василевич. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов, стр. 57.

[3] Р. Маак. Вилюйский округ Якутской области, СПб., 1887, III, стр. 108.

[4] Е. И. Титов. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926, стр. 5, 112.

[5] В. Сичогир. Эвенки. Тайга и тундра. Изд. Инст. народов Севера, Л., 1928, стр. 46.

Отсутствие четких представлений об образе этого духа равно как и то обстоятельство, что этот дух не имеет у эвенков единого, общего для всех диалектов, названия, уже сигнализируют о том, что в комплексе представлений, связанных с семантическим рядом слова *шингкэн*, такие значения, как „дух-хозяин животных и места охоты", едва ли первичны.

Что касается эвенков р. Подкаменной Тунгуски, то у них эти представления о духе-хозяине животных и места охоты еще более расплывчаты и стерты: они почти целиком покрываются представлениями о верховном божестве *экшэри* (ср. *экшэни* — „благополучие"), посылающего, по мнению эвенков, людям благополучие в жизни (удачу на промысле, приплод в стаде, успехи в разных других хозяйственных делах). Это расщепление представлений на духа лесного, с одной стороны, и верховное божество — с другой, намечается и по материалам других авторов: дух-хозяин животных и места охоты *шингкэн*, по мнению одних эвенков, помещается на небе и является хозяином всей тайги,[1] по мнению других, этот дух является скорее локальным и обитает около корней кустарника;[2] одни его представляют антропоморфно и наделяют атрибутами верховного владетеля;[3] вторые о нем говорят, не отделяя его от явлений местной природы, например, когда произносят заклинания перед промыслом и просят, чтобы горы, реки, хребты, гольцы и солнцепек угощение прислали, гнали навстречу охотнику и в расставленные им ловушки таких-то и таких-то зверей.[4]

Колеблющийся и неустойчивый в своей иерархии фантастический мир духов-владетелей и божеств свидетельствует наглядно, что этот процесс в данном случае еще не закончился, и образы эти не приняли еще достаточно отчетливой формы и не утеряли еще следов их былой нерасчлененности. Однако, если мы в состоянии фиксировать на материале этот процесс как окончательно не завершившийся и ощущать недалеко лежащие от поверхности времени его исторические истоки, мы не можем, тем самым, не признать, что первое из значений семантического ряда слова *шингкэн* (т. е. значение — „дух-хозяин животных и места охоты") по времени является последним, т. е. позднейшего происхождения.

Для установления социально-исторических истоков этих образов божеств и духов-хозяев существенно важно иметь в виду, с одной стороны, тот подчеркнутый общий патриархальный колорит, в котором изображаются эти духи и божества, с другой — несомненные следы их былой нерасчлененности от самих явлений природы. В представлении эвенков дух-хозяин животных рисуется главой и владетелем всех зверей и тайги. Для него тайга то же самое, что чум для эвенка. Он в ней полный и неограниченный хозяин. Все живущее по горам и лесам чтит его как старшего и главу

---

[1] Г. М. Василевич, указ. соч., стр. 58.
[2] Там же, стр. 57.
[3] Там же, стр. 58, 61.
[4] Д. Ниргунеев. Религиозные представления эвенков. Тайга и тундра, № 1. 1928, стр. 44. Г. М. Василевич, указ. соч., стр. 63.

этого чума, преклоняется перед ним и беспрекословно выполняет все, что ни прикажет дух — их владетель: звери идут под выстрел охотника и подставляют ему убойное место („Разве без этого можно убить зверя", — рассуждают старики-эвенки), попадают к нему в раставленные по тайге хитроумные ловушки, становятся его добычей.

Для духа-хозяина все, что обитает из промыслового зверя в тайге, — это такая же собственность, как олени для самого эвенка.

При всем своем колоссальном богатстве этот дух, по мнению эвенков, предельно скуп: дает из своих запасов людям крайне неохотно, не иначе, как в обмен на какую-нибудь жертву, да и то после долгих просьб. Этим, собственно говоря, и объясняли они себе тот факт, что им так трудно было в прошлом добывать от природы средства к своему существованию. Теми же, в основном, чертами характеризуется образ этого духа и в описании других исследователей.[1]

Для выяснения того, как и в силу каких причин возникли эти своеобразные представления о мифических деятелях окружающей природы и первопричинах ее явлений, существенно важен прежде всего тот общий патриархальный колорит, в котором рисуются образы этих духов, их отношение к людям и природе. В рассказах об этих духах, существующих в разнообразных и многочисленных вариантах, прежде всего подчеркивается, что это мужские духи. Во-вторых, что они — владыки и главы, неограниченные хозяева соответствующих стихий и сил природы, зверей, рыб и птиц. В-третьих, что окружающая человека природа — тайга, лес, горы, реки, звери, птицы, рыбы — для этих духов является не более как их хозяйством, вследствие чего они и именуются то владетелями, то хозяевами и даже домохозяевами (ср. чукотское *аун-ралын*, буквально — домохозяин), подразумевая под „хозяйством" и „домом" соответствующие разделы природы. В-четвертых, существенно в этих представлениях то, что разделы природы, образно отождествленные с понятием „хозяйство" и „дом" духа, трактуются при этом, как собственность этого духа, скопленные им богатства, сокровища, которыми он может распоряжаться по своему собственному усмотрению. В-пятых, звериные стада, табуны птиц и косяки рыб, являясь личной собственностью духа, составляют не только его богатство, но также основу могущества его как владетеля и источник власти духа-хозяина над людьми. В-шестых, не менее существенно, что власть этого духа над зверями и пр. признается неограниченной и притом в той, крайне характерной, форме, как она трактуется у представителей палеоазиатских народностей: дух может променять, продать и даже проиграть подвластных ему зверей. Наконец, седьмая, не менее характерная черта социальной природы этих духов — их отношения к людям, понимаемые как отношения обмена: люди дают духам жертвы, духи выделяют

---

[1] Г. М. Василевич, указ. соч., стр. 61; Е. И. Титов, указ. соч., стр. 5, 112; А. Н. Липский. Элементы религиозно-психологических представлений гольдов. Изв. Гос. Инст. нар. образов. в гор. Чите, I. Чита, 1923, стр. 37 и сл.

из своих стад (хозяйства, домашних сокровищ) соответственный этому пай; если люди не приносят жертв или приносят их недостаточно, а также нарушают „установленные" духами обычаи, последние наказывают людей — лишают охотников добычи, обрекают людей на голодную смерть.

Совершенно очевидно, что представления, превратно отражающие общественный строй и характер общественных отношений людей патриархально-родового общества, не могли, разумеется, возникнуть ранее самого патриархального (отцовского) рода. Следовательно, они характерны лишь для этой позднейшей стадии родового строя. А так как отцовский род — категория, исторически преходящая, имеет свой конец и начало, в качестве которого (начала) ему предшествует материнский род, то тем самым следует предположить, что этим, специфически превратным, формам представлений людей патриархально-родового общества должны были предшествовать какие-то иные формы представлений.

Другая, не менее характерная черта представлений об этих духах — их связь с явлениями природы, указывающая на то, что эти духи первоначально почитались в неразрывной связи со всем олицетворением сил природы. Желая получить от духа-хозяина животных соответствующий „пай" в предстоящем промысле, эвенки, по свидетельству Д. Ниргунеева, обращаются к тайге и просят горы послать „угощение", т. е. добычу. Перед тем, как итти на промысел, охотник в длинной тираде, обращенной к тайге, просит горы, хребты, гольцы и солнцепеки гнать ему навстречу под выстрел желаемых промысловых зверей.[1] Г. М. Василевич указывает что эвенк-охотник со словами „пошли зверя" обращается и к скале, и к огню, и к реке, и к дереву, и к амулету.[2] Нанай-охотники, — узнаем мы из полевых записей Л. Я. Штернберга, — всякий раз, когда отправлялись на промысел, устраивали в тайге подле охотничьего шалаша особое моление духу-хозяину тайги. Это моление состояло из двух частей: магического обряда, имитировавшего добычу зверя, и особой тирады, с которой обращались к тайге, говоря: „Большой отец, большая мать, горы, речки, узнайте, услышьте, пожалейте, дверь откройте, чтобы души соболей вышли".[3] Эта слитность в представлениях духа с явлением природы и природы с духом наиболее ярко представлена у гиляков: „Словом *паль* он обозначает гору и бога — хозяина горы, словом *толь* — море и бога моря".[4] В этой связи следует вновь обратиться к комплексу представлений эвенков о *шингкэн*'ах и рассмотреть более подробно следующую из сторон этих представлений.

---

[1] Д. Ниргунеев, указ. соч., стр. 44.

[2] Г. М. Василевич, указ. соч., стр. 66.

[3] Л. Я. Штернберг. Отдельные материалы по этнографии гольдов. Сборн. „Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны". Статьи и материалы. Хабаровск, Дальгиз, 1933, стр. 496.

[4] Л. Я. Штернберг. Религия гиляков. Сборн. „Первобытная религия в свете этнографии", Л. 1936, стр. 31.

По мнению эвенков, у духа-хозяина промысловых животных и места охоты — *шингкэн* есть особый материальный помощник — идол *бэлэй*, как его называют енисейские эвенки, а витимо-олеклинские — *бараляк*.[1] Существенно в этом идоле прежде всего то, что он не имеет устойчивой формы: в одних случаях его изображают антропоморфно (в виде маленького человечка без рук), в других — зооморфно (чаще всего — в форме лося). Но даже в том случае, когда этот идол антропоморфен, он не в состоянии уйти от своей исходной зооморфной формы: ему делают платье из уха медведя, а на голову надевают шапку из наружной оболочки сердца лося или дикого оленя.[2]

Этот помощник духа-хозяина места охоты и промысловых животных окружен соответствующим культом. Его кормят перед началом промысла, бросая маленькие кусочки жира в огонь. Затем его развлекают: ставят на меховой коврик, играют и „танцуют" с ним, словно с охотником. Под конец принимаются гадать; подбрасывают идола кверху и определяют, каков будет промысел: упадет лицом вверх — промысел будет удачен, книзу — плохой. Хранится идол в особой сумке вместе с охотничьими фетишами и перевозится на особом олене, который считается его ездовым оленем и ни на какие другие потребности не используется.[3]

Однако в этом культе есть и нечто такое, что невольно заставляет задуматься о том, исконны ли здесь представления о духе? Не кроется ли за антропоморфной формой, одетой в части тела животного и тем уподобленного ему, образ реального зверя? И, наконец, всегда ли этот образ зверя был связан с духом? То, что антропоморфному идолу в прошлом предшествовал зооморфный, подтверждается не только тем, что антропоморфный идол одевается в части тела животного, уподобляясь тем самым образу реального зверя, но и тем, что наряду с антропоморфной формой бытуют и зооморфные (лось, медведь, иногда — рыба). С другой стороны, не может не привлекать нашего внимания и сам характер культа этого идола. Совершая „кормление" идола перед промыслом (окуривая его дымом горящего жира), охотник ставит ему условие: пошлешь зверя — одену тебе новую шапку, не будешь помогать в промысле — не одену. И всякий раз, когда охотнику удается добыть крупного зверя (дикого оленя, лося), он снимает с сердца убитого животного наружную оболочку, окуривает ее и надевает на голову идолу — помощнику охотничьего промысла. Зато когда нет удачи в промысле, охотник считает возможным не только лишить идола этой „шапки", но даже наказать (побить, высечь).[4] Подобный характер отношений между охотником и его охотничьим идолом, свидетельствующий о полном отсутствии в этом культе каких-либо черт преклонения, столь характерных для божеств и в целом для развитых форм анимистических верований, имеет место не у одних только эвенков. Д. К. Зеленин, обследовавший на сибирском материале

[1] См. об этом также: Г. М. Василевич, указ. соч., стр. 58.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 58—59.
[4] Там же, стр. 59, 60.

так называемый культ онгонов (охотничьих и прочих духов), нашел это явление в религиях всех сибирских народностей; более того, приводимый им из литературы многочисленный материал указывает, что эта черта, столь характерная для культа *бэллэй, баралях*, является специфической чертой ранних форм анимистических верований, к которым она перешла от предшествовавших им иных форм верований и культа.[1]

В этом отношении существенно важен тот, в высшей степени примечательный факт, что этот идол почитается в неразрывной связи с образом реального зверя, как бы уподобляясь ему. Наиболее ясно это проявляется в следующем обряде чествования этого идола. Добыв крупного зверя (лося, дикого оленя), охотник вскрывает ему грудь и горло, отделяет от шеи голову и несет ее вместе с горлом и легкими к себе в чум. В чу́ме голова кладется на коврик, и под нее подкладывается охотничий идол — *бэллэй, баралях*. После того, как голове убитого зверя оказаны соответствующие знаки внимания и перед ней произнесены все словесные обращения (просьбы об удаче и счастье на промысле, об обильной и сытой жизни и пр.; обещания так же ласково принимать, угощать и развлекать в чу́ме будущую добычу), после этого принимаются с головы снимать шкуру, разрубать ее по раз навсегда установленному порядку и варить, а с сердца убитого зверя снимают наружную оболочку и надевают ее на идола *бэллэй, баралях* вместо старой „шапки“.[2]

Совершенно очевидно, что чествуется и почитается в данном случае не только и не столько идол *бэллэй, баралях*, сколько сам зверь: в центре обряда все время фигурирует голова убитого зверя, и обряд, собственно говоря, обращен не к идолу, а к реальному зверю, к частям его тела, в частности — к голове, как наиболее близкой образу реального зверя. Идол *бэллэй, баралях* в этом обряде, по существу, лишний, ненужный, и не случайно его охотники устраняют из непосредственного обрядового действия, подпихивая (пряча) под голову зверя.

В этой связи для нас особенно интересными становятся те материальные предметы, в окружении которых выступает *бэллэй, баралях*, как, помощник охотника в промысле. Оказывается, для того чтобы *бэллэй, баралях* мог исполнить свою роль помощника в промысле и обеспечить добычу охотнику, на него перед промыслом надевают особую связку охотничьих фетишей, называемых на языке эвенков *шингкэн ~ сингкэн ~ хингкэн*. Значит, сила и успех действий этого волшебного помощника в охоте, идола *бэллэй, баралях*, зависят всецело от этой связки охотничьих фетишей. Что же собою представляют эти *шингкэн ~ сингкэн ~ хингкэн*? Как правило, — части тела животных. „До начала промысла, — пишет Г. М. Василевич, — на спину или на пояс бэллэя привешивают

---

[1] Д. К. Зеленин. Культ онгонов в Сибири. Изд. АН СССР, М. — Л., 1936.

[2] Об аналогичном обряде, совершаемом охотниками эвенками над убитым лосем или диким оленем, имеется указание Э. К. Пекарского и В. П. Цветкова (Очерки быта приаянских тунгусов. Сб. Музея антропол. и этногр., СПб. 1913, III, стр. 113), об обряде надевания „шапки“ *бэллэю* — сообщение Г. М. Василевич. (Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям тунгусов, стр. 59).

нижнюю челюсть лося, срезанные носы лисиц, соболей. Количество челюстей во время охоты увеличивается, и часто длина связки бывает в несколько раз больше самого *бэллэя*".[1] В таком виде его и возят во время промысла с одного места кочевки на другое, положив в особую сумку, куда складываются и все остальные охотничьи фетиши.[2] В этом случае его роль, как идола, вместилища духа, совершенно снимается. „Собственно *бэллэй* или *бараляк*, — свидетельствует на своем материале Г. М. Василевич, — изображает охотничий амулет".[3]

Имея в виду столь большую роль, которую играют в этом комплексе представлений о *шингкэн ~ сингкэн ~ хингкэн* данные материальные предметы, мы считаем необходимым остановиться на этом вопросе более подробно.

Звериные шкурки и части шкуры большого зверя, звериные мордочки, зубы, челюсти и прочие части тела животных; шерсть и лишайники, напоминающие по окраске шерсть животного, сучки и камни, имеющие то или иное сходство с частями тела животных или найденые при каких-нибудь исключительных обстоятельствах, связанных с промыслом зверя, все эти предметы, известные в литературе под названиями: амулетов, талисманов, магических предметов, фетишей, у эвенков носят название *шингкэн ~ сингкэн ~ хингкэн* и составляют основной объект их охотничьей магии. В представлениях эвенков и в обрядах они выступают как заместители реальных животных. Совершая обряд магического зазывания зверя, охотник обращается к ним, как представителям соответствующих зверей, их заместителям. С этой точки зрения, совершить над ними соответствующий магический обряд, по его мнению, равносильно — зазвать реальных зверей под выстрел охотника и в расставленные им по тайге всевозможные ловушки. Для этого охотник достает из священной сумки связку подобных фетишей и, обращаясь к ним, просит их не скрывать от него своего следа, не убегать в тайгу, а итти прямо на охотника и подставлять под его выстрел наиболее „убойное место", чтобы бил охотник зверя без промаха, без подранков и тем избавлял бы зверей от лишней боли и не отпугивал их от своего чума, где зверей ждут, как желанных гостей, и т. д. и т. п. Под конец он ловко подхватывает рукою свои *шингкэн*'ы (будто добычу поймал) и прячет их вместе с идолом *бэллэй, бараляк* в особую священную сумку — заветную сумку охотничьего счастья, которую возит особый священный олень. С этой точки зрения удача на промысле зависит оттого, насколько влиятельным среди зверей *шингкэн*'ом владеет охотник. Про особо удачливых охотников (знаменитых соболятников, мастеров промысла копытного зверя и пр.) эвенки нередко говорят, что они имеют удачу на охоте потому, что являются счастливыми обладателями необычайно заботливых к охотнику и влиятельных среди зверей *шингкэн*'ов; одни, оказывается, имеют в числе охотничьих фетишей коленную чашку лося,

[1] Г. М. Василевич, указ. соч., стр. 58.
[2] Там же, стр. 59.
[3] Там же, стр. 58.

вторые — челюсти или зубы, клок шерсти или целую паховину; у одних в этой роли фигурирует целая шкура особо приметного соболя, необычайно большого или на редкость мохнатого, у других — с какой-нибудь редкой приметной крапинкой на спине, на груди и т. п.

Так как счастье охотничье было изменчиво, а неудачи на промысле слишком болезненно отзывались на малоустойчивом в экономическом отношении кочевом охотничье-промысловом хозяйстве, обрекая на тяжелые лишения людей, *шингкэн*'ы, наделенные воображением человека вышеупомянутыми сверхъестественными свойствами, становились перед охотником в положение ответчиков за эти неудачи. Чувство бессилия в борьбе с природой толкало в этом случае мысль охотника в сторону от его производственной практики, в область иррационального. Подгоняемое чувством отчаяния, мышление охотника теряло под собой практическую ориентацию и обращалось к *шингкэн*'ам: в неудаче на промысле виноватым становился *шингкэн*. Его в этом случае или наказывали или заменяли новым. Если раньше *шингкэн* был очень хорош, т. е. промышлявшему с его „помощью" охотнику всегда сопутствовала удача, с таким *шингкэн*'ом расставались не сразу. Его стыдили за неудачи, уговаривали не лениться и гнать лучше зверя на выстрел охотника. Если это не „действовало" на *шингкэн*'а, и охотнику попрежнему не было удачи на промысле, *шингкэн*'а переставали „кормить", лишали украшений (бус и цветных лоскутков), наконец, секли. Если и это не „действовало", и охотника попрежнему продолжали преследовать неудачи, то он оставлял заленившийся или потерявший расположение к охотнику *шингкэн* и заменял его новым. В этом случае эвенкийские охотники во многом были подобны тем неграм, которые говорили Басману: „Мы делаем и уничтожаем наших богов ежедневно".[1]

В этнографической литературе, посвященной эвенкам, об этих верованиях упоминалось неоднократно.

Г. М. Василевич сообщала, что у эвенков к *шингкэн*'ам относятся соболиные носы, нанизанные на жильную нитку; высушенное сердце лося или дикого оленя; челюсти соболей, нанизанные на нитку; свалявшийся подшерсток „*муеллэ*" из подборной шерсти дикого оленя, лося.[2] Описывая культ лесного демона *эхэкэн, хингкэн*, Г. М. Василевич указывает, что у эвенков нижняя челюсть лося и срезанные звериные носы (соболей, лисиц и т. п.) вешались на идол *бэллэй, бараляк* вместе с челюстями и срезанными носами от всей добычи. По ее словам, *бэллэй, бараляк* в этой связке охотничьих амулетов, которая бывает в несколько раз больше самого идола, является тем же охотничьим амулетом. И далее, что сверхъестественная сила и качества этого идола и связанного с ним лесного демона находятся в прямой зависимости от этих материальных предметов — частей тела животных, вследствие чего их и вешают всей

[1] Д. Леббок. Начало цивилизации, 1896, стр. 227.

[2] Г. М. Василевич. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов, стр. 60.

связкой на идола перед началом промысла.[1] К. М. Рычков в числе охотничьих амулетов эвенков упоминает звериные шкурки, головы птиц, когти и зубы животных.[2] У аянских эвенков для этого употреблялись зубы животных и срезанные звериные мордочки.[3]

К этому следует добавить, что эвенки в данном случае — не исключение, а описанный нами выше тип верований не может считаться специфически эвенкийским явлением. Наоборот, судя по этнографической литературе и многочисленным источникам, аналогичные и близкие по значению верования были свойственны очень широкому кругу народов и должны, следовательно, трактоваться как определенный этап в развитии первобытной религии. Об ительменах XVIII в. источники сообщают, что они имели обыкновение отрезать от каждого убитого морского зверя по небольшой частице. Разрезав эту частицу пополам, охотники одну из половин бросали в море, „чтобы оно более таковых (т. е. зверей — *А. А.*) производило“, а вторую клали на камни и берег, где были расположены лежбища и где были убиты звери „для того, чтобы более выходили“ из моря туда лахтаки и прочие морские звери и становились добычей охотников.[4] Шкурки хорька, колонка, зайца, горностная, куницы, соболя, белок и других зверей были отмечены в качестве охотничьих фетишей у алтайцев,[5] кизильцев,[6] шорцев,[7] тувинцев,[8] якутов,[9] качинцев,[10] бурят[11] и др. Р. Маак сообщает, что он встретил в юртах якутов множество заячьих черепов.[12] Манси (вогулы), по свидетельству Н. Л. Гандатти, уходя на промысел зверя, брали с собой мордочки лисиц и прочих зверей,[13] Д. А. Клеменц отметил

[1] Там же, стр. 58.

[2] К. М. Рычков. Енисейские тунгусы. Журн. „Землеведение“, 1922, кн. I — II, стр. 81.

[3] Э. К. Пекарский и В. П. Цветкова, ук. соч.

[4] Западный берег Камчатки по записям Ушакова и Елистратова. Зап. Гидрогр. департ. морск. министерства, СПб., 1852, X.

[5] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии. СПб., 1881 — 1883, IV, стр. 97; А. П. Потапов. Охотничьи поверия и обряды у алтайских турок. Сб. „Культура и письменность Востока“, Баку, 1929, V, стр. 139, 141.

[6] Г. Н. Потанин, там же.

[7] А. П. Потапов, там же.

[8] Г. Н. Потанин, там же, II, стр. 95.

[9] В. Л. Серошевский. Как и во что веруют якуты. Этнографический набросок. Сибирск. сборн., прил. к „Восточному обозрению“, Иркутск, 1891, вып. II, стр. 184.

[10] Е. К. Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея „Описание Минусинского музея“, Минусинск. 1900, IV, стр. 51; В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, IX. СПб., 1907. Тексты, собранные и обработанные Н. Ф. Катановым. Перевод, стр. 493, 506; Петр-Симон Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. II, п. 2, СПб., 1788, стр. 466.

[11] И. Н. Агапитов и М. Н. Хангалов. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии. „Изв. Вост.-Сибирск. отд. Русск. геогр. общ., XIV. Иркутск, 1883, стр. 31; Г. Н. Потанин. Очерки..., IV. стр. 96, 1100, 17.

[12] Р. Маак., указ. соч., стр. 109.

[13] Н. Л. Гондатти. Следы языческих верований у манзов, „Изв. Общ. любит. естествен. антропол. и этногр., Тр. Этногр. отд.“, М., 1883, 3, стр. 71.

у кизильцев в качестве охотничьих фетишей куски лисьей и медвежьей шкуры, шкурки белок и колонков, беличьи хвосты, птичьи перья, шерсть и кости животных.[1] Носы и прилегающие к носу части шкуры животных (соболя, лисицы, горностая, медведя, песца, волка, белки и др.) фигурировали в качестве источников удачи, фетишей, у всех народностей Севера Сибири.[2] В сообщении Юрия Лисянского о населении Кадьяка в данном случае существенна следующая деталь: с наступлением весны, — рассказывает упомянутый автор, — охотники уходят в горы и бродят там в поисках различных охотничьих амулетов — клочков шерсти животных, птичьих черепов, перьев, камней и сучков.[3]

Подобных или близких к ним по значению фактов в этнографической литературе зафиксировано так много, что одно перечисление и чисто формальное изложение их могли бы составить объемистый труд, далеко выходящий по своему размеру за рамки настоящей статьи. К тому же многое из этого материала достаточно хорошо известно читателю из общих и более специальных этнографических работ, и, стало быть, нет необходимости повторять в данном случае то, что достаточно хорошо известно. Для нас важно было лишь только одно: показать, что данная форма верований не составляет специфически эвенкийского или шире — сибирского явления, а свойственна очень широкому кругу племен и народов и должна трактоваться, следовательно, не как частный случай, а как определенный этап, ступень или стадия в развитии первобытной религии.

Отсутствует в отношении к этим фетишам и то чувство беспрекословного подчинения, которое обычно по отношению к духам. Подобно эвенкам, ненцы требуют от фетишей исполнения их желаний, прибегая для этого то к ласке, то к наказанию. Перед тем как окружить фетиш должным почетом они испытывали его — подвязывали к ловушке или сети и, в зависимости от результата, оказывали ему почет или выбрасывали как негодный.[4] Енисейские остяки (кеты), по словам одного исследователя, создавали себе фетишей „чуть ли не затем, чтобы, в случае неуспеха в чем-либо, высечь их, бросить в огонь".[5]

Возвращаясь после этого вновь к эвенкийским *шингкэн*'ам, читатель, естественно, может спросить: если эти предметы — различные части тела животного, „представляющие" тех животных, которым они принадлежат, являются в этом комплексе представлений (1 — дух-хозяин животных и места охоты; 2 — счастье, охотничья удача; 3 — приносящий промысловую удачу предмет) первичными, исходными и с духами, анимизмом непосредственно не связаны и из него не выводимы, то как, спрашивается, в этом

[1] Д. А. Клеменц. Заметки о тюсах. Изв. Вост.-Сибирск. отд. Русск. геогр. общ., Иркутск, 1892, № 5—6, стр. 23—35.

[2] Д. К. Зеленин. Культ онгонов в Сибири, стр. 91; Его же. Табу слов у народов Восточной Европы и северной Азии, I. Сборн. Музея антропол. этногр., Л., 1929—1930, VIII, стр. 56.

[3] Юрий Лисянский. Кругосветное путешествие, II. СПб., 1812, стр. 93.

[4] В. Иславин. Самоеды в их домашнем и общественном быту. СПб., 1847, стр. 116; Ф. Белявский. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833, стр. 150.

[5] М. Ф. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь. т. II. СПб., 1865, стр. 127.

случае представляется стадиальная датировка возникновения данного типа верований? В этом случае следует указать на тот в высшей степени важный факт, что выводы, вытекающие из эвенкийского этнографического материала, перекликаются довольно ясно с археологическим материалом, корреспондирующим эвенкийскому материалу. Мы имеем в виду прежде всего данные археологии по древнейшей истории Прибайкалья.

Анализируя последовательно один за другим неолитические памятники Прибайкалья, А. П. Окладников, обобщая данные археологических раскопок, произведенных преимущественно им самим, следующим образом изображает жизнь древнейшего населения прибайкальской тайги.

„Люди исаковского времени, — пишет А. П. Окладников о древнейших (исаковских) памятниках прибайкальского неолита, —... были охотниками по преимуществу. Они сопровождали мертвых в „дальний путь“ прежде всего охотничьим вооружением. В их могилах найдены прекрасные по техническому совершенству и исключительные по размерам костяные наконечники копий длиною до 50 см со вставленными в специальные пазы острыми ножевидными пластинами из кремня. Это было страшное оружие, ничем не уступавшее обычным каменным наконечникам копий. О наличии примитивного лука свидетельствуют характерные каменные наконечники стрел с асимметрично вогнутой базой (в виде хвоста ласточки). Охотнику требовались и однолезвийные костяные кинжалы и ножи со вкладными лезвиями, кремневые ножи, сходные по форме с наконечниками копий, для свежевания зверя. Обилие шлифованных асимметричных, в профиле тесловидных, иногда с желобчатым лезвием, орудий из кремневого сланца может быть связано с потребностью в устройстве мелких ловушек, охотничьих изгородей и ловчих ям для крупного зверя. Домашнюю работу обслуживали полулунные ножи из сланца (для раскройки шкур, обработки дерева), скребки, иглы и шилья, игольники (футляры для игл) в виде гладких трубочек“.[1]

В итоговой характеристике исаковской стадии прибайкальского неолита А. П. Окладников отмечает: „Все исаковские находки производят впечатление глубокой архаичности и крепкой связи с еще более древнейшим охотничьим бытом. Костяные наконечники копий, например, близко напоминают такие же вещи из верхнего палеолита Сибири, скребки так же совершенно сходны с палеолитическими“.[2] И тут же А. П. Окладников указывает, что древние охотники (судя по материалам погребений) „украшали себя целыми клыками кабана“, и „грушевидными бусами из атрофированных клыков оленя“.[3] Мы склонны видеть в них охотничьи фетиши и сравнивать их с эвенкийскими *шингкэн*'ами.

Следующая — серовская — стадия представлена инвентарем, сильно усложнившимся по составу, гораздо более развитым по форме и специализиро-

---

[1] А. П. Окладников. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. Вестн. древн. истории, 1938, № 1 (2), стр. 246.

[2] А. П. Окладников, указ. соч., стр. 247—248.

[3] Там же, стр. 247.

ванным по функциям. „Резкий прогрессивный сдвиг в технике, — по мнению А. П. Окладникова, — отражен особо отчетливо появлением особого типа лука (16 экземпляров). Лук состоял из дерева, но был снабжен двумя длинными (около 65 см каждая) костяными пластинками — обкладками и был равен в длину человеческому росту“.[1]

„В серовском комплексе погребений и одновременных им поселений, — по мнению А. П. Окладникова, — отражается предельно развитая культура таежных охотников неолитического времени, достигших высокого мастерства в своем основном производстве и в течение тысячелетий максимально приспособившихся к своеобразным естественным условиям тайги“ „Серовская культура принадлежала людям материнского рода в эпоху его расцвета... Следы коллективных жилищ матриархально-родовых групп тайги имеются в виде больших постоянных очагов из камня и кое-где малоизученных еще остатков прочных домов — землянок“.[2]

Женские захоронения, обильные разнообразными вещами, в числе которых обнаружены также луки и стрелы, свидетельствуют о почетном положении женщины и о ее активном участии во всех отраслях жизни материнского рода.[3]

„Культовые действия и религиозные представления, — пишет далее А. П. Окладников, — обусловили естественное преобладание звериных сюжетов в искусстве, амулеты и украшения из зубов зверей, ими объясняется наличие целых костяков соболя и челюстей бобра в могилах“.[4] О том же свидетельствуют и находки медвежьих черепов и оленьих лопаток на Илимских стонках,[5] служившие также, видимо, охотничьими фетишами, подобно эвенкийским *шингкэн'ам*.

Не останавливаясь на характеристике последующих двух стадий — китойской и глазковской, относящихся к периоду становления отцовского рода, отметим, что, по исследованиям А. П. Окладникова, „анализ этнографических и антропологических вспомогательных данных дает основание ставить в связь эту древнюю культуру с определенными реликтами современных обитателей тайги (религия, одежда, рыболовство и охота, украшения и т. д.)“[6] — эвенками. Автор указывает, что „антропологические исследования подтверждают подобные сближения искусства, быта, материальной культуры и, по мнению антропологов, свидетельствуют не только об упомянутой генетической преемственности всей культуры, но и о прямом антропологическом кровном родстве с древним неолитическим ее населением современных коренных насельников тайги, в первую очередь пока эвенков, предания и легенды которых раскрывают в основном ту же картину их прошлого, что и вещественные памятники“.[7]

[1] А. П. Окладников, там же, стр. 248.
[2] Там же, стр. 250.
[3] Там же, 251.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 259.
[7] Там же.

Раскопки В. Н. Чернецова на полуострове Ямал показали, что подобные части животных являлись для первобытного охотника объектом его колдовских охотничьих обрядов. Обнаруженные им при входе в землянки кости животных „лежали правильными кучками и, повидимому, бережно сохранялись".[1] В. Н. Чернецов совершенно прав, полагая, что объяснения этому обычаю следует искать в магических обрядах, широко известных по работам С. Крашенинникова[2] и В. Г. Богораза-Тана.[3] Тот же смысл, повидимому, должны были иметь и эвенкийские „лабазы с костями убитых и съеденых животных", известные по работе М. Н. Губельмана.[4] „Что подобные обычаи, — пишет П. П. Ефименко, — существовали уже в эпоху Гагаринского палеолитического поселка, можно видеть по характеру остатков животного, игравшего значительную роль в жизни обитателей этой стоянки — песца. Нужно заметить, однако, что и мамонт представлен в обстановке гагаринского жилища такими находками, которые как будто не оставляют сомнения в особом месте, занимаемом этим зверем в религиозных воззрениях палеолитического человека. Не говоря уже о находках многочисленных изображений мамонта в поселениях верхнего палеолита, начиная с ориньяко-солютрейского времени, в самом Гагарине имеются некоторые указания в том же направлении в виде находок нескольких (четырех) хвостов мамонта, которые, по мнению С. Н. Замятнина, должны были служить атрибутом охотничье-магических танцев".[5]

Понять суть этих древнейших представлений как религиозного явления помогает указание К. Маркса о фетишизме.

„Распаленная вожделением фантазия, — говорит Маркс, — возбуждает у фетишиста ложное представление, будто „бесчувственная вещь" может изменить свои естественные свойства с тем, чтобы удовлетворить его прихоть".[6]

Читатель при этом естественно может спросить: как же могли сложиться эти, столь своеобразные представления? Какие причины могли привести к их возникновению? В этом случае нам необходимо будет прежде всего выяснить, что же, собственно говоря, следует подразумевать под религией вообще и первобытной, в частности? В чем следует видеть ее суть и как ее понимать?

Эта проблема, от правильного понимания которой зависит успех любого исследования в этой области, уже решена и не может составлять предмет нашего исследования. К. Маркс в своем произведении „Капи-

[1] В. Н. Чернецов. Древняя приморская культура на полуострове Ямал. Сов. этнография, 1935, № 4—5, стр. 119.

[2] С. Крашенинников. Описание земли Камчатки, т. II, ч. III. СПб., 1786, стр. 84 и др.

[3] В. Г. Богораз-Тан. Миф об умирающем и воскресающем звере. Сборн. „Художественный фольклор", 1926, № 1, стр. 67—76.

[4] М. Н. Губельман. О тунгусах Олекминского округа. Изв. Русск. геогр. общ., т. VII, вып. 2, 1925, стр. 43—45.

[5] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Соцэкгиз, М.—Л., 1938, стр. 463.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 194.

тал“ дал изумительное по своей глубине решение этой проблемы, говоря „Религиозный мир есть только рефлекс реального мира“.[1] Ф. Энгельс, развивая далее это определение, устанавливает, что религия есть отражение бессилия человека перед природой и общественными силами. „Каждая религия, — говорит Ф. Энгельс, — является ни чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, отражением, в котором земные силы принимают форму сверхъестественных. В начале истории этому отражению подвергаются прежде всего силы природы; в ходе развития у различных народов появляются самые разнообразные и пестрые их олицетворения... Но скоро наряду с силами природы выступают также и общественные силы — силы, которые противостоят человеку и господствуют над ним, оставаясь для него такими же непонятными, чуждыми и обладающими видимой естественной необходимостью, как и силы природы. Фантастические образы, в которых сначала отражались только таинственные силы природы, теперь приобретают общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил.“[2] В работах В. И. Ленина дан ответ также и на то, как и в силу каких причин могло возникнуть это превратное миропонимание. Раскрывая социально-экономические корни религии, В. И. Ленин подчеркивает: „Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами также неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.“.[3] Ибо эта борьба, в которой человек своим трудом не только выделял себя из природы, но завоевывал господство над ней, сопровождалась не только успехами, но и поражениями. В. И. Ленин по этому поводу говорил: „Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой“.[4]

В этнографической литературе имеется не мало страниц, рисующих конкретные формы проявления этого бессилия первобытного человека перед природой. „С одинаковой заботливостью, — говорит Л. Я. Штернберг, — первобытный охотник изо дня в день ставит свой гениальный самострел на зверя. И вот сегодня один за другим хитрые звери приходят на его стрелу и становятся его верной добычей, но могут проходить дни и недели, когда не только ни один зверь не приблизится к его ловушке, но когда он, даже многократно пробегая мимо самого его орудия, как бы смеясь, уходит неуловимым и невидимым“.[5] В другом месте Л. Я. Штернберг следующим образом разъясняет эту мысль: „Охотник по профессии, он весь свой ум, всю свою изобретательность, весь гений челове-

---

[1] К. Маркс. Капитал. Соцэкгиз, 1931, стр. 37.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 322.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 419.
[4] В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 182.
[5] Л. Я. Штернберг, Сборн. „Первобытная религия в свете этнографии“ стр. 3—4.

ческий вкладывает в это искусство. Смотрите, как гениальны его ловушки и западни... И тем не менее, как часто и зло смеется этот ничтожный зверек, лисица, соболь, над всеми его каверзами. Они разгадали его хитрость и ушли".[1]

„Трудно себе представить, — читаем мы в описании путешествия Ф. Врангеля, — до какой степени достигает голод среди здешних народов, существование которых зависит единственно от случая. Часто с половины лета люди питаются уже древесною корою и шкурами, до того служившими им постелями и одеждою. Случайно пойманый или добытый олень делится поровну между членами целого рода и съедается, в полном смысле слова, с костями и шкурою. Все, даже внутренности и толченые рога и кости употребляются в пищу, потому что надобно чем-нибудь наполнить терзаемый голодом желудок. В продолжение нашего здесь пребывания приход оленей был единственным предметом всех разговоров.[2]

Наконец, 12-го сентября, на правом берегу реки, напротив Лабазного, показалась отрада и спасение туземцев — бесчисленный табун оленей покрыл все прибрежные возвышенности. Ветвистые рога их колыхались, как будто огромные полосы кустарника. Со всех сторон устремились якуты, чуванцы, ламуты и тунгусы, пешком и в лодках, в надежде счастливою охотою положить предел своим бедствиям. Радостное ожидание оживило все лица, и все предсказывало обильный промысел. Но, к ужасу всех, внезапно раздалось горестное, роковое известие: „*Олень пошатнулся*!" (курсив Ф. Врангеля. — *А. А.*). Действительно мы увидели, что весь табун, вероятно устрашенный множеством охотников, отошел от берега и скрылся в горах. Отчаяние заступило место радостных надежд. Сердце разрывалось при виде народа, внезапно лишенного всех средств поддерживать свое бедственное существование. Ужасна была картина всеобщего уныния и отчаяния. Женщины и дети стонали громко, ломая руки, другие бросались на землю и с воплями взрывали снег и землю, как будто приготовляли себе могилу. Старшины и отцы семейства стояли молча, устремив безжизненные взоры на те возвышения, за которыми исчезла их надежда".[3]

А сколько раз случалось так, что пущенная стрела не попадала в цель, преследуемое стадо животных уходило, минуя засаду. Целыми днями выслеживали охотники табуны, скажем, тех же диких оленей. С выдержкой и хитростью припавшего к земле хищника приближались они к стаду. Перед их глазами чувственным вожделением, как возможная добыча, ходили, поедая ягель: „живая пища", „одежда", „теплое жилище".

[1] Там же, стр. 23.

[2] Ф. Врангель имеет в виду сезонные миграции дикого северного оленя. Олени два раза в году переправляются через реки, весною и осенью, становясь при этом добычей охотников. В мае бесчисленные табуны диких оленей оставляют леса и направляются в тундру; в августе и сентябре олени возвращаются обратно. В прошлом все существование ряда народностей Севера зависело целиком от охоты на диких оленей при их сезонных переправах через сибирские реки.

[3] Ф. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, ч. II. СПб., 1841, стр. 105—106.

Но вот, когда оставалось совсем немного до расстояния полета стрелы, ветер менял направление, и чуткие к запаху человека животные исчезали. А вместе с ними исчезало все, ради чего охотники так терпеливо, напрягая все свои силы и тонкую наблюдательность, выслеживали быстроногое стадо: исчезали мясо, вкусный костный мозг, сочные оленьи губы, солоноватые сальные почки, горьковато-пряная печень, теплые прочные шкуры. Все это исчезало, вместе с убежавшим от охотников табуном. У охотников оставалось лишь страстное желание обладания добычей, бессильное желание обладания, распаленное чувственным вожделением, страх и неуверенность за завтрашний день, ужас голода и голодной смерти, толкавшие мышление охотника, ориентированное на практику, в сторону иррационального.

Рассмотренные нами выше представления эвенков о *шингкэн*'ах убедительно показывают, что эти первичные представления о сверхъестественном возникали в грубо-натуральной предметной форме — частей тела животных, которые для охотника в наиболее сильной степени „представляли" тех животных, которым они принадлежали, а мышлением, терявшим под влиянием чувства бессилия материалистическую ориентацию, наделялись особыми сверхъестественными свойствами — способностью удовлетворять желания охотника, обеспечивать добычу.

Рассмотренные нами выше представления о *шингкэн'ах* вводят нас в область таких верований, где сверхъестественными свойствами наделяются сами вещи. За ними не стоит еще отвлеченное представление о духе, как о некоем личном существе этих вещей. В тех случаях, где эта связь имеет место, она оказывается, как мы видели это выше, вторичной, а сам дух принимает характер лишь более обобщенного представления о *шингкэн*'ах, вплетенного в общую канву анимистических представлений. Достаточно вспомнить то, что было сказано нами выше по поводу идола *бэллэй, бараляк*, чтобы убедиться в этом. Совершенно ясно, что центром обрядов, совершаемых над этим идолом, являются в данном случае *шингкэн*'ы, поэтому их и вешают связкой на идола. Сила и влияние *бэллэй, бараляк* среди зверей, по мнению охотников, всецело зависит от этих *шингкэн*'ов, почему и вешают их на него перед началом промысла и совершения упомянутых обрядов. Если исключить из обряда *шингкэн*'ы культ *бэллэй, бараляк*, теряет всякий смысл, и самый обряд становится непонятным. То же самое мы увидим ниже и на примере другого духа — *дуннэ мушун* — духа старухи — хозяйки земли. У нее, по представлениям эвенков, хранятся *шингкэн*'ы всей тайги: в маленькой меховой сумке, спрятанной за пазуху, старуха земли держит шерстинки всевозможных зверей. Чтобы появились звери на промысле, охотники посылают к духу земли шамана, и тот выпрашивает или крадет у старухи часть этих шерстинок, приносит в тайгу, и шерстинки превращаются в настоящих зверей. Таким образом, и здесь дух выступает как обладатель *шингкэн*'ов, а заветная сумочка, что прячет и бережет дух, центральный момент всего колдовского обряда и ничем, по существу, не отличается от связки обычных *шингкэн*'ов.

Мы целиком согласны с мнением Ю. П. Францева, что „следует совершенно отказаться от «попытки» преанимистов увидеть в явлениях «мана», «оренда», в «единой колдовской силе» древнейшую «аффективную категорию сверхъестественного», так как представления о единой силе, роднящей самые различные конкретные вещи, — результат позднейшего обобщения древних верований. Не единая сила стоит в начале представлений о сверхъестественном, а отдельные, конкретные вещи, из чувственных превращаемые в чувственно-сверхчувственные воображением дикаря".[1]

К тому, что нами было сказано о *шингкэн ~ сингкэн ~ хингкэн* выше, необходимо добавить весьма интересные выводы, которые следуют из лингвистического анализа этого слова. В одном из диалектов эвенкийского языка бытует слово *хинг-ми* в значении „обдирать, снять шкуру".[2] Это дает нам основание трактовать слово *шингкэн ~ сингкэн ~ хингкэн* как *хинг + кэн* дословно — „подражать сниманию шкуры" (*кэн* — суфф., обозначающий при глагольной основе подражание действию: *эви* — „играть", *эвикэн* — „подражать игре").

С этой точки зрения особенно примечательным для нас является эвенкийский охотничий магический обряд *шингкэлавун ~ сингкэлавун ~ хингкэлавун*, который Г. М. Василевич характеризует как один из крупнейших обрядов енисейских эвенков.[3] Уже само название этого обряда не может не вызвать к себе живейшего нашего интереса, если иметь в виду все то, что нами было сказано по поводу эвенкийских *шингкэн*'ов выше. Интересующее нас название обряда *шингкэлавун ~ сингкэлавун ~ хингкэлавун* образовано от *шингкэ(н) ~ сингкэ(н) ~ хингкэ(н)* с помощью суффиксов *ла* и *вун*, из которых первый является суффиксом, образующим название действия со значением „пойти за чем либо", а второй — суффиксом процесса действия или орудия действия. Следовательно, *шингкэлазун ~ сингкэлавун ~ хингкэлавун* дословно означает — „подражать сниманию шкуры с целью обеспечения добычи на промысле", „пойти, за шкурой — добычей," „поиски добычи".

В том виде, в каком был зафиксирован этот образ в этнографическом поле, он мало чем отличается от шаманского камланья: обряд совершает шаман, и древние магические церемонии очень часто подменяются шаманским обрядом очищения охотников с помощью духов — помощников шамана. В таком виде (т. е. в форме шаманского действия) зафиксировала этот обряд у эвенков Г. М. Василевич, первой отметившая факт его существования, и в том же виде наблюдал неоднократно его автор этих строк у эвенков р. Подкаменной Тунгуски.

Относительно енисейских эвенков Г. М. Василевич указывает, что у них этот обряд совершается перед началом промысла. Судя по ее мате-

[1] Ю. П. Францев. Фетишизм и проблема происхождения религии. М., 1940, стр. 118.

[2] Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) словарь. 1940, стр. 114.

[3] Г. М. Василевич. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов, стр. 60.

риалам, обряд состоит из двух частей. Первая часть посвящена походу шамана к духу — хозяину тайги *хингкэн*'у; вторая — очищению охотников. Под удары бубна и пение шаман начинает свой путь к *хэнгкэн*'у (~ *сингкэн*'у ~ *шингкэн*'у). Придя к духу — хозяину тайги, шаман уговаривает его дать людям для промысла зверей. Под конец шаман падает, изображая, что в него вошел дух-хозяин тайги и зверей. Шамана, олицетворяющего собою этого духа, подхватывают и сажают на коврик. Затем его окуривают дымом горящего жира, упрашивают дать зверя, угощают жертвенной кровью, словом поступают так же, как и с *бэллэй*, *бараляк*, идолом лесного духа, о котором мы подробно говорили выше. По окончании первой части шаманства, что осмысляется как возвращение шамана от духа, шаман рассказывает присутствующим о своем путешествии к духу и о всем виденном на пути. Во второй части камланья шаман совершает очищение охотников. По указанию шамана делают антропоморфный идол *хичупкан* и пролезают один за другим между его ног, очищая себя и оружие с помощью этого шаманского духа.[1]

Существование этого обряда в форме шаманского камланья объясняется, видимо, тем, что шаманство, как позднейшая по времени форма культа, впитало в себя этот древний обряд, модернизировав его на свой, специфически шаманский лад. О том, что шаманство и шаманские духи в этом обряде — явление вторичное, убедительнее всего свидетельствует следующая деталь: у Витимо-Олекминских эвенков в роли *хичупкан* фигурирует дух *салгат*, *халгат* (искаженное русское „солдат“).[2]

Вместе с тем, в этом шаманском камланье есть и нечто такое, что непосредственно из шаманства и его духов не выводимо. Сюда относится прежде всего обряд добывания шаманом зверей, уводящий нас к таким формам верований, как только что разобранные нами представления эвенков о *шингкэн*'ах. Шаман, — сообщает Г. М. Василевич, — не доходя до духа-хозяина тайги *хингкэн*'а, принимается покачивать бубном, изображая, что он ловит зверей. Материальным выражением удачи шамана, пойманой им добычи, является шерсть различных зверей, обнаруживаемая в бубне шамана.[3] С другой стороны, не менее любопытно и то, что совершая обряд очищения охотников, шаман велит натянуть на идола *хичупкан* шкуру убитого оленя, отчего сам обряд очищения приобретает характер приобщения охотников к зверю, уподобления ему.[4]

Г. М. Василевич в своем кратком упоминании об этом шаманском камланье, к сожалению, ничего не сообщает о материально-предметной стороне этого обряда. Между тем, эта часть особенно важна, в частности, для понимания тех, отмеченных выше, черт этого обряда, которые непосредственно с шаманством не связаны и из него не выводимы. В тех случаях, которые удалось непосредственно наблюдать мне у эвенков р. Подкаменной Тунгуски за время 1929—1931 гг., эта материальная часть обряда была

---

[1] Г. М. Василевич. Некоторые данные, стр. 60.
[2] Г. М. Василевич, там же.
[3] Там же, стр. 61.
[4] Там же, стр. 60.

во многом примечательной. Представляя собой обычный шаманский чум, с обычными для шаманского камланья изображениями шаманских духов, она имела одну, крайне интересную деталь: в стороне от шаманского чума был построен небольшой шалаш из зеленых молодых лиственниц, а в нем — вырезанные из дерева и бересты фигурки зверей и птиц. Шалаш при этом истолковывался как мир (*буга*), а расположенные в нем фигурки зверей и птиц — как будущая добыча и приплод в стаде, а то и другое вместе взятое, судя по ходу шаманского камланья, было центром всего обряда.

Следует заметить, что мои наблюдения в данном случае — не единичное свидетельство. Судя по сообщению Г. М. Василевич, нечто близкое этому имело место и у сымских эвенков. Там этот обряд совершался весной и трактовался как обряд оживления природы и обеспечения удачи на промысле. В центре обряда фигурировали, с одной стороны, изображения животных (фигурки деревянных оленей), с другой — мир (*буга*) и пантомимы магической охоты.

В 1937 г., во время вторичной экспедиции в бассейн р. Подкаменной Тунгуски, я вновь попытался вернуться к этому вопросу и выяснить возможно подробней интересовавшие меня вышеозначенные детали этого обряда. Наблюдать в это время было уже нечего, так как шаманы не камлали. Пришлось ориентироваться в основном на устный опрос. Зато беседы теперь стали значительно содержательнее: старики, которые ранее скупо комментировали мои наблюдения на шаманских камланьях, теперь охотно рассказывали самые сокровенные тайны культа. В числе таких информаторов, согласившихся разъяснить смысл этого обряда (равно как и других, не менее интересных обрядов), были старики — эвенки Василий Шаремикталь и Павел Кувачонок (Калтакан), проживавшие в Байкитском районе Эвенкийского национального округа Красноярского края.

По словам указанных стариков-эвенков, обряд *шингкэлавун* в давние времена справляли эвенки всем родом сообща подле своих родовых святынь — священных скал *бугады*.[1] Первые дни этой общеродовой магической церемонии, судя по рассказам упомянутых информаторов, совершались шаманом рода. Последний „ходил" под родовой священный камень и разыскивал там родовое божество — духа-хозяйки земли, *дуннэ мушун*. Шаман просил старуху земли помочь сородичам в промысле. Та его посылала к родовому божеству *бугады мушун* — хозяйке мира, вселенной (*бугады мушун* может быть переведено и как дух — хозяйка горы и как дух — хозяйка мира//вселенной). *Бугады* шаман находил подле стад зверей. Она представлялась ему в виде огромных размеров лосихи или самки дикого оленя. Мои информаторы, указанные старики-эвенки, ее называли *энинтэ* (от *энин* — „мать", *энин-тэ* дословно — „назвать, считать матерью"). С разрешения этого божества шаман брал ременный аркан, которым ему служил шаманский бубен, и начинал ловить зверей

[1] *Буга* на языке эвенков означает: 1) окружающая природа, место, страна, родина, природа, земля; 2) небесный свод, небо, вселенная, верхняя земля, бог; 3) нижний мир, хозяин нижнего мира, чорт. *Бугады* дословно означает: „относящийся к буга", „священный".

для промысла.[1] Пойманных таким образом зверей шаман „отводил" на родовые охотничьи угодья и возвращался к сородичам, т. е. в шаманский чум. Слушая речитативом повествуемый рассказ шамана, охотники решали, что зверя недостаточно, и принимались просить его сходить еще раз. Тут, по словам шамана, наступал для него наиболее трудный и сложный акт шаманства — похищение у духа-хозяйки земли нужного шаману количества шерстинок. Шаман приходил к старухе земли и предлагал услугу — поискать в ее ровдужной рубахе вшей. Старуха соглашалась. Снимая рубашку — обнажала под мышкой заветную кожаную сумочку, где хранила шерстинки всех зверей тайги, и шаман незаметно крал оттуда нужное ему количество зверей для промысла сородичей. Возвращаясь в тайгу, шаман вытряхивал принесенные им от духа-хозяйки земли шерстинки, и они тотчас превращались в настоящих зверей. На следующий день охотники уходили в тайгу в поисках *шингкэн*'ов — приносящих промысловую удачу предметов, известных нам из предыдущего.

Вторая часть родовой церемонии, судя по рассказам помянутых информаторов, начиналась охотничьим танцем призывания (зазывания) зверей и заканчивалась обрядом магического убиения их. Сородичи надевали особые охотничьи костюмы, существенной частью которых была шапка, сшитая из шкур, снятых с головы убитого зверя.[2]

Охотники в таких шапках становились в круг и принимались танцовать особый охотничий танец *шингкэлэ*, дословно — „итти за охотничьей удачей". Танец этот, судя по рассказам указанных выше стариков эвенков, представлял собою красочную пантомиму, изображавшую характерные повадки зверей. Танец сопровождали песни-импровизации, обращенные к зверям. Старики и наиболее опытные охотники были запевалами и руководителями танца. Центральной фигурой обряда был лучший из танцоров, актер охотник. Он представлял вожака звериного стада и своим увлекательным исполнением пантомимы должен был увлечь вслед за пляшущим табуном звероподобных охотников всех прочих зверей тайги на родовые охотничьи угодья.

По окончании танца охотники уходили в тайгу и возвращались оттуда нагруженные тальником и молодыми лиственницами. Из тальника сооружали нечто вроде заросли, имитируя тайгу и свежие, покрытые кустарни-

---

[1] Шаман Пеле, по словам старика Василия Шаремикталь, поступал иначе: вначале брал зверей для промысла у *дуннэ мушун*, а потом шел просить зверя для промысла у *бугады*.

[2] И. Идес писал в свое время, что тунгусы на охоте „вместо шляпы на голову оленьи кожи с рогами надевают... дабы оной зверь таким видом, будто он того же роду, обманывают... и дабы тайным образом ко оным приближаться, и по оным так близко стреляют, то редко не убивают" (Древняя Российская вивлиофика., II, ч. 8, М., 1737, стр. 407).

Забайкальские эвенки еще в XIX в. пользовались на промысле зверя подобными шапками (Сибирск. вестн., XX. СПб., 1822, стр. 265). У И. Г. Георги охотник-эвенк изображен в аналогичной охотничьей шапке (И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. III. СПб., 1799). В 1910 г. Л. Я. Штернберг охотничий культовой костюм встретил на р. Амуре у гольдов (Л. Я. Штернберг. Сб. „Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны", 1933, стр. 460

Рис. 1

1 — стойбище рода Куркагир; члены рода пришли к родовому *бугады* — священному камню (скале) для совершения родового магического обряда *шинкэлавун*; *2* — сородичи готовятся к обряду; *3* — построили для шамана „шаманский чум“; *4* — родовой шаман *шинкэлэттэн* (дословно: „отправился за удачей || добычей для охотников“, т. е. приступил к совершению обряда); *5* — шаманский помощник; *6* — молодая лиственница, из таких лиственниц вокруг шаманского чума делали „тайгу“ в которой сооружали гнезда из мха и прутьев; *7* — беличье гнездо; *8* — охотник, по указанию стариков, делает деревянные изображения зверей; *9* — деревянное изображение белки; *10* — изображение из дерева тетеры; *11* — деревянные изображения самок лося; *12* — деревянная фигура самца лося; *13* — деревянное изображение молодого быка лося; *14* — теленка лося; *15* — самок и самца дикого оленя; *16* — теленка дикого оленя; *17* — лисицы; *18* — соболя *19* — колонка; *20* — росомахи; *21* — деревянные изображения выдр — *дюкун*, помогавших куркагирам в промысле (род *Куркагир* раньше носил название *Дюкугир* — „род выдры“, „принадлежащих к роду выдр“); *22* — охотники стреляют из луков в деревянные изображения зверей, разыгрывая пантомиму коллективной охоты; *23* — идол шаманского духа, с помощью которого шаман совершает обряд „очищения“ охотников; *24* — беличьи шкурки — жертва шаманскому духу *25* — жертвенные олени; *26* — жертва верховным божествам.

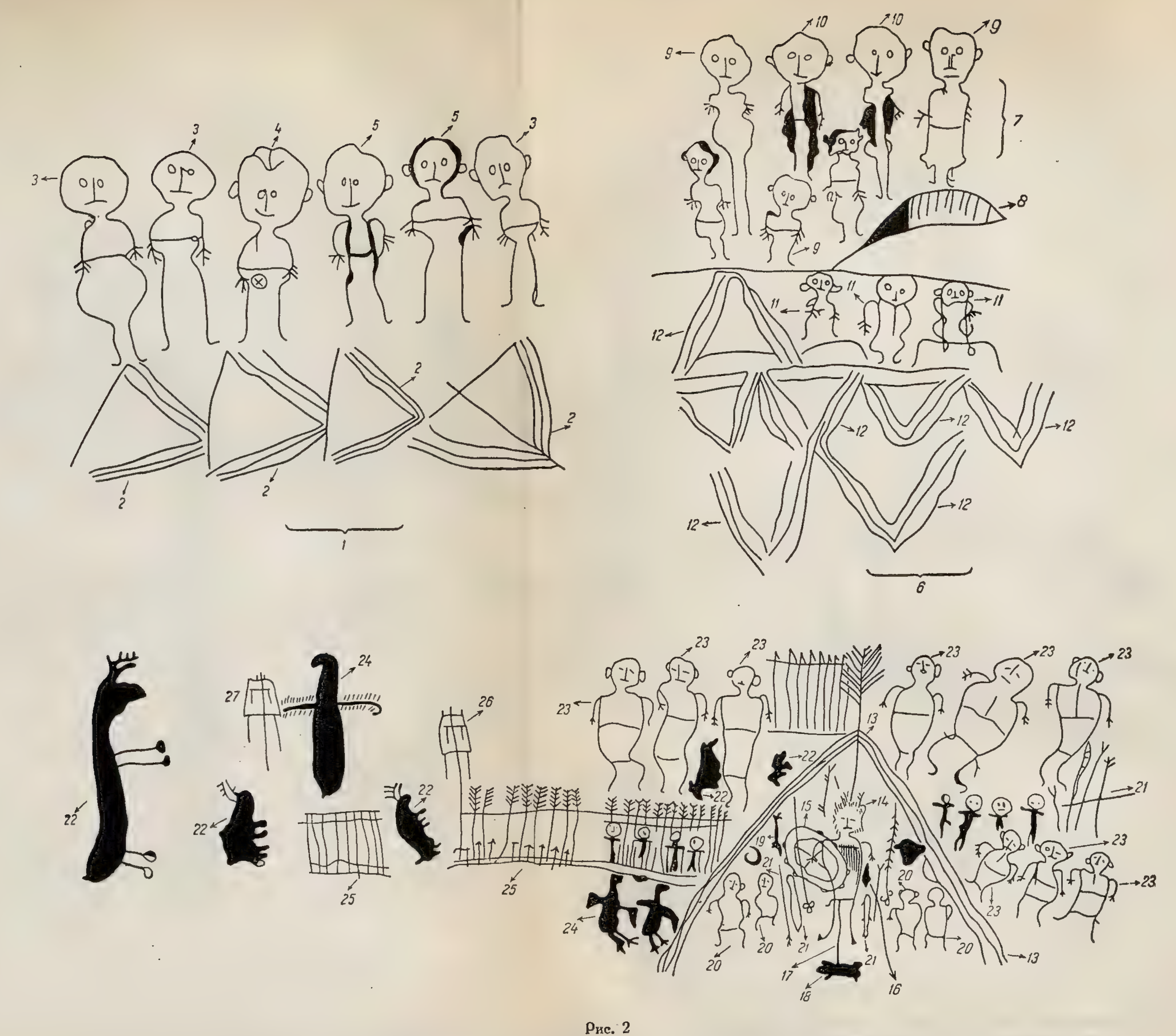

Рис. 2

1 — члены рода *Кордуяль;* *2* — их стойбище; *3* — сородичи собирались, чтобы совершить обряд *гиркумки;* *4* — родовой шаман; *5* — помощник шамана; *6* — род пришел к материальной святыне родового культа — скале *бугады;* *7* — сородичи приносят жертву священному родовому камню *бугады;* *8* — родовое *бугады* — место совершения родовых религиозных обрядов; *9* — сородичи старики совершают жертвоприношение; *10* — шаман рода и его помощник руководят жертвоприношением; *11* — в стороне от родовой святыни сородичи ставят свои чумы; *12* — стойбище рода; *13* — построенный для шамана большой чум; *14* — совершение родовым шаманом магического танца — пантомимы; *15* — шаманский бубен; *16* — шаманская колотушка; *17* — между ног шамана деревянная палка; *18* — деревянная фигура самки лося; *19* — дух — помощник шамана; *20* — сородичи, помогающие шаману исполнять магический танец; *21* — шаманские духи; *22* — деревянные фигуры копытных зверей; *23* — магический танец поисков быками коров, исполняемый охотниками рода; *24* — деревянные изображения птиц — духов помощников шамана; *25* — шаманская изгородь из духов; *26* — жертва шаманским духам; *27* — жертва верховным божествам.

ком, гари, излюбленные места обитания лосей и диких оленей; молодые лиственницы, раставленные в определенном порядке, изображали тайгу. Затем изготовляли из дерева и бересты фигурки зверей и птиц. Фигурки эти расставлялись соответственно образу жизни изображаемых животных: среди тальниковых прутьев возникали целые стада „лосей" и „диких оленей", в лиственничной тайге — прочие звери и птицы. Старики рассказывали при этом без устали сказки, подобно тому, как это делают охотники-эвенки при совершении магических обрядов с *шингкэн*'ами, сообщали различные родовые предания. Потом начинались вновь пантомимы-танцы. Тем временем подле лосиных коров появлялись фигурки телят, у прочих зверей также появлялся обильный „приплод". Наконец, наступала последняя часть колдовского обряда — пантомима коллективной охоты и убиения „зверей". Охотники уходили в тайгу и принимались старательно разыскивать следы „зверей". Вскоре руководитель группы подавал знак, что следы найдены, другие „находили" свежую поедь, места жировки зверей, показывали знаками, что видят стадо, и с величайшей осторожностью подкрадывались к нему. Подойдя на расстояние выстрела, открывали по деревянным фигурам стрельбу из лука. В заключение убивали несколько жертвенных оленей, вывешивали их шкуры на длинных шестах в жертву верховному божеству — хозяину всей тайги *Окшори*. Мясо поедалось участниками обряда.

Остальная часть церемонии совершалась шаманом. По его указанию вырубали молодую лиственницу. Верхнюю часть ее стесывали, придавая слабое сходство с человеческим лицом, нижнюю расщепляли наподобие ног; поперек делалась небольшая палка, изображавшая руки. Охотники в полном вооружении проползали через расщеп этого духа шамана, „очищая" себя и оружие от злых духов. Когда в расщеп пролезал последний из охотников рода, расколотый нижний конец идола тотчас сжимали и стягивали для прочности мягким корнем. Теперь, по словам шамана, охотникам не страшны каверзы злых духов. Духи эти, гоняясь по следу охотника, подбегут к изображению шаманского духа, но натолкнутся на стиснутые плотно ноги идола, не смогут пролезть через них и вынуждены будут бросить преследование. А чтобы идол не вздумал раздвинуть ноги и пропустить зловредных духов, ему вешают на поперечную палку (руки) обильную жертву — шкурки пушных зверей (обычно белок). На этом церемония заканчивалась, и члены рода расходились по своим стойбищам.

Мои информаторы, сообщившие мне эти сведения о древнем охотничьем обряде *шингкэлавун*, старики-эвенки Василий Шаремикталь и Павел Кувачонок (Калтакан), попытались сообщаемое изобразить на бумаге графически. Прилагаемый здесь их рисунок (рис. 1) изображает, как род *Куркагир* совершал раньше обряд *шингкэлавун*.

По материалам Г. М. Василевич, близкие по значению обряды имели место у большинства эвенкийских родов. К западу от Енисея они совершаются на весеннем празднике „оживления природы", к востоку от него — большею частью осенью, перед началом осеннего промысла. Нужно

подчеркнуть, что во всех случаях центральным моментом обрядов являются танцы, имитирующие погоню за зверем и магическое его убиение. Так, у сымских эвенков в первый день обряда охотники имитируют погоню за зверем, на второй — изображают в танце, что они нашли зверя и нагоняют его, на третий — что они бегут за ним, преодолевая препятствия, на четвертый — бегут по гари, на пятый и шестой — гонятся за зверем по хорошим березнякам, на седьмой — разыгрывается пантомима ранения зверя; а на восьмой, заключительный, день стреляют из лука в деревянные фигурки оленей, имитируя в танце сцену добычи зверя. После этого фигурки оленей разрубаются и делятся по числу участников обряда как источник промысловой удачи охотников. Последняя по времени экспедиция Г. М. Василевич к восточным эвенкам зафиксировала близкий по значению комплекс представлений и обрядов также и у восточных эвенков. Существенными моментами этих обрядов, совершаемых у них с целью получения удачи на промысле и увеличения стад, являются: а) уход шамана в верхний мир; б) возвращение его оттуда в образе оленя; в) сцена ловли оленя || шамана арканом; г) стряхивание шаманом с себя (подобно оленю) шерстинок, которые должны превратиться в реальных зверей.

У долган, по сообщению А. А. Попова, шаман с той же целью идет к божеству *айы*, которое представляется долганами в виде большого оленя. Божество дает шаману клубок шерсти — источник охотничьей удачи, счастья и благополучия. Если шаман просит благополучия у духа воды — присутствующие на шаманстве сородичи расставляют около чума котлы, наполненные рыбой. Дух „бросает“ шаману в руки рыбью чешую, чем и обеспечивает удачу рыбаков на промысле рыбы. Фигурирует в обрядах долган также и магическое убиение: делают деревянное изображение оленя, и в него стреляет охотник, желая обеспечить удачу на промысле. Охотничьи пантомимы, близкие по своему значению вышеописанным эвенкийским, нашли широкое отражение в долганском шаманстве, в частности — в обряде получения бубна. Здесь перед нами проходят те же, что и в *шингкэлавун* представления и обряды, трасформированные в специфические формы шаманского культа: а) изображение зверя; б) пантомима охоты, разыгрываемая в лицах (один из участников обряда бежит с изображением оленя, подражая реальному зверю, двое становятся на четвереньки, изображая преследующих оленя собак); в) магическое убиение зверя (в изображение животного стреляют из лука); г) выполняемые при этом массовые пляски осмысляются как огораживание зверя, чтобы он не убежал и тем не лишил удачи участников обряда; д) травяное изображение оленя, в которое стреляют из лука, раздается по травинке всем участникам обряда как источник охотничьей удачи.

Ниже мы увидим, что представления и обряды, аналогичные или близкие эвенкийским *шингкэн*, *шингкэлавун*, были свойственны очень широкому кругу народов, и отнюдь не являются специфически эвенкийскими. Достаточно вспомнить близкие по значению обряды ительменов,

всем хорошо известные по описаниям С. П. Крашенинникова и В. Г. Стеллера; эскимосские, чукотские и коряцкие обряды, описанные В. Г. Богоразом-Таном и т. д., чтобы в этом вполне убедиться.

Помимо *шингкэлавуна*, согласно рассказам указанных выше стариков-эвенков, в том же цикле магических охотничьих обрядов был еще один — *гиркумки*. Название этого обряда — *гиркумки* образовано от слова *гирку* (дословно — поиски быком самки в период спаривания) и суффикса *ки*, образующего при глагольной основе в имени название животного по действию, например: *дянта* — „ходить по одной тропе", *дянтаки* — „росомаха" (ходящая по одной тропе).

По словам указанных информаторов, обряд *гиркумки* устраивался для того, чтобы больше был приплод зверей, большими были табуны, обильней была добыча охотников в промысле зверя. Обряд совершался так. Сородичи собирались к своему родовому *бугады* — священному камню на Кумандинских хребтах и после принесения благодарственных жертв родовому духу приступали к обряду. Для шамана строили чум. По его указаниям делали из дерева изображения шаманских духов и расставляли в соответственном порядке вокруг чума. Шаман прежде всего рассылал своих духов обежать и облететь всю тайгу и узнать, где нынче водится зверь. Обо всем, что видели в тайге, духи шамана сообщали шаману. Диалоги духов с шаманом продолжались долго, из них узнавали эвенки, что делается в знакомых местах кочевок и промысла. Наконец, шаманские духи начинали находить один за другим табуны копытных. Наступал самый важный, по мнению шамана, момент: нужно было заманить зверя в родовые охотничьи угодья и сделать так, чтобы стало еще больше зверей — увеличить приплод. Для этого шаман принимал облик самки копытного зверя и уводил за собой быков на территорию рода. За ним приходили остальные звери.

После этого эвенки принимались по указанию шамана делать из сырой лиственницы и бересты изображения лосей и диких оленей. Фигуры зверей расставлялись в определенном порядке подле шаманского чума в позах, характерных для спаривания зверей. Вблизи них, шаман и сородичи совершали магический танец *гирку*, носивший (особенно у шамана) ярко выраженный эротический характер. Судя по всему, это была пантомима, имитировавшая призывание важенками самцов и прочие, характерные моменты из жизни стада.

На прилагаемом здесь втором эвенкийском рисунке (рис. 2) указанные выше старики-информаторы рассказали в форме пиктографического письма, как род *Кордуяль* совершал обряд *гиркумки*.

Обряды, аналогичные *гиркумки* зарегистрированы Г. М. Василевич под именем *соконипка* также у сымских эвенков. О них упоминает К. М. Рычков, характеризуя их как „любострастные пляски" и др. Словом, обычаи эти — широко распространенное явление, а не случайный эпизод из эвенкийской этнографии.

К этому следует добавить, что многое из того, что нам известно об этих обрядах по этнографическим материалам, находит свое отраже-

ние в очень древних памятниках археологии. С этой точки зрения для нас существенно важны прежде всего неолитические памятники р. Лены и так называемые ленские писаницы, в частности.

А. П. Окладников, много лет изучавший наскальные изображения среднего и верхнего течения р. Лены, пришел к выводу, что изображения пары лосей на Шишкинской скале являются после палеолитического изображения лошади наиболее древними.[1] Точно так же в качестве образца наиболее древних изображений в районе между Витимом и Иркутском он приводит изображения пары сохатых, которые здесь, как и во всех остальных ленских писаницах, занимают самое лучшее, центральное место.

Аналогичные по своим специфическим признакам изображения встречаются также и в других местах: на скале Суруктах-Хая по Мархе (притоку Лены) и выше Покровского.

Сравнительное изучение этого мотива писаниц по другим наскальным изображениям Сибири и Севера приводит А. П. Окладникова к выводу, что в наскальных изображениях Верхней и Средней Лены, так же как и в близких к ним изображениях лосей из других районов Сибири, следует видеть не реалистические изображения обычных лосей, а священных, типа описанных нами выше по эвенкийскому материалу *буга энинтэ*, божественных матерей вселенной, фигурировавших как один из центральных моментов в родовом магическом обряде *шингкэлавун*. И что примечательнее всего, эти скалы с изображениями священных животных, так же как и эвенкийские родовые святыни — скалы *бугады*, были объектом поклонения и центром культа древнейшего населения р. Лены, жившего в эпоху среднего местного неолита.[2] В этом случае совпадения с эвенкийским культом *бугады* совершенно поразительны. В том и другом случае скалы — объект поклонения. Это поклонение и в том и в другом случае связано с образом божественного зверя — лося. И там и здесь эти скалы — центр первобытного культа: в памятниках ленского неолита об этом убедительнее всего свидетельствуют материальные остатки первобытного культа, с древнейших времен связанного с этими писанными скалами; в религии эвенков — пережитки его в обряде *шингкэлавун*'е и в комплексе представлений о *бугады*. Особенный интерес в этом случае представляют для нас остатки древних жертвоприношений, обнаруженные А. П. Окладниковым в расщелине скалы Суруктах-Хай'а.

„Сравнивая, — говорит А. П. Окладников, — неолитические находки с жертвенными приношениями нашего времени, лежащими на выступе скалы, не трудно увидеть, что состав даров в своей основе не изменился на протяжении тысячелетий и остался сейчас таким же, каким был и в

---

[1] А. П. Окладников. О возникновении письменности в Якутии, и А. П. Окладников и И. И. Барашков. Древняя письменность якутов. Якутск, 1942; Его же. Исторический путь народов Якутии, Якутск, 1943.

[2] А. П. Окладников. О возникновении письменности в Якутии, стр. 7.

каменном веке. Древние охотники приносили сюда в дар свои стрелы и копья с каменными наконечниками, современные же несли заменяющие их теперь по функциям боеприпасы — порох, дробь, свинцовые пули и патроны".[1] Широкое распространение подобных жертвоприношений священным горам и скалам, ровно как и поклонение эвенков древним писанисам, достаточно хорошо известно и по литературе.

Сопоставление ленских писаниц с культом родовых священных скал *бугады* у эвенков становится особенно интересным и убедительным, если иметь в виду некоторые характерные черты композиций писаниц. Парный характер изображений лосей, не просто одинаковых фигур, а самки и самца, с подчеркнутыми характерными позами периода спаривания, позволяет напомнить в параллель к ним описанный нами выше эвенкийский обряд *иркумки*, совершавшийся в прошлом эвенками перед их материальными родовыми святынями — скалами *бугады*. Особенно широко в ленских писаницах представлен мотив магической охоты, корреспондирующий функционально известному нам из предыдущего изложения эвенкийскому охотничьему обряду *шингкэлавун*, как он раскрывается по эвенкийским рисункам и рассказам стариков-эвенков. Композиция в устье р. Синей и подобные ей, — по свидетельству А. П. Окладникова, — изображают сцену охоты вооруженного луком человека. Аналогичный по стилю рисунок на Каменных островах по Ангаре изображает могучего таежного зверя, в которого направил свою стрелу охотник. Изображение на скале по левому берегу р. Лены рисует животное, осыпанное как бы грудой стрел. На изображении вблизи дер. Токин-Айны одна из трех фигур лосей пересечена вертикальной линией, означающей копье или стрелу, которой поражено животное.[2]

Изучение памятников древних поселений р. Лены, создавших ленские писаницы, приводит А. П. Окладникова к выводу о близости их прибайкальскому неолиту. „Развитие это, — говорит А. П. Окладников, — шло в основном так же, как в остальном Прибайкалье. Население Верхней Лены, по всем признакам, было родственно жителям Ангарского края и остальных районов, прилегающих к Байкалу. Его прямыми потомками являются, очевидно, эвенки, сохранившие в своем физическом облике, одежде и материальной культуре много общих черт с населением Прибайкалья в конце неолита".[3]

Возвращаясь вновь к эвенкийским обрядам *шингкэлавун* и *иркумки*, отметим, что в том и другом из указанных обрядов мы имеем дело по существу с различными элементами, образующими как бы отдельные напластования. Один из этих пластов — шаманский. Он настолько отчетливо выделяется из древнейших магических церемоний, что весь обряд как бы расслаивается на два пласта — шаманский, связанный с духами,

---

[1] А. П. Окладников. Исторический путь народов Якутии, стр. 35.

[2] А. П. Окладников. О возникновении письменности у якутов, стр. 8 и др.; Его же. Исторический путь народов Якутии, стр. 39 и др.

[3] А. П. Окладников. Исторический путь народов Якутии, стр. 27.

и дошаманский, имеющий в центре фетишистские представления и соответствующие им обряды охотничьей магии с танцами — пантомимами и магическим убиением зверя. Вспомним обряд *шингкэлавун*. Шаман фигурирует здесь лишь в начале обряда, совершая походы к духу-хозяйке земли *дуннэ мушун*'у и родовому *бугады*. В конце церемонии он появляется вновь, исполняя процедуру очищения охотников с помощью идола — расщепа *хичупкан*. И первый, и второй моменты с участием шамана являются в обряде позднейшей надстройкой, особенно заключительная часть, не имеющая прямой связи с основным содержанием магической церемонии. Центральные части обряда — магические пантомимы зазывания и убиения зверей — совершаются даже без участия шамана и его духов.[1] Позднейшей должна считаться и та часть обряда, где фигурируют духи. В тех случаях, где эти духи связаны непосредственно с обрядами, они выступают как обладатели колдовских охотничьих *шингкэн*'ов. Вспомним образ духа-хозяйки земли, хранящей под мышкой заветную сумочку счастья и удачи охотников, а в ней шерстинки животных, известные нам *шингкэн*'ы. Образ духа выступает как обобщенный образ этих представлений. Наличие его в обряде обусловлено тем, что этот дух — обладательница всех таежных *шингкэн*'ов. Если дух выступает как владетельница ключей от охотничьей удачи, то шаман — как добытчик этой удачи — *шингкэн*'ов. Это состоит в том, что он умеет в одном случае выпросить у родового *бугады* промыслового зверя, в другом — ловко похитить у духа-хозяйки земли шерстинки — *шингкэн*'ы. Что касается основной части родовой церемонии — магических обрядов привлечения зверей под удар и их добычи, то она, как это видно, ни с шаманом, ни с духами непосредственно не связана.

Однако, если с духами непосредственно эти магические церемонии не связаны и их невозможно вывести из анимизма, то как, спрашивается, мы должны объяснить их происхождение. Нам думается, что генезис их лежит в фетишистских представлениях, известных нам из предыдущего по анализу эвенкийских *шингкэн*'ов. Вспомним, в чем состоит суть представлений эвенков о *шингкэн*'ах: перед охотником *шингкэн*' — клок шерсти животного, шкура, лапа, зубы, челюсть или иная какая часть его тела; лишайник, похожий на шерсть, деревяшка или камень с чертами зверя, а в сознании — образ реального зверя. Распаленная чувственным вожделением фантазия первобытного человека их как бы сдваивает: предмет выступает заместителем настоящего зверя. Бессилие в борьбе с природой и вытекающие из него бессильные желания, отчаяние и страх голодной смерти как бы сплавляют эти сдвоенные образы в один чувственно-сверх-

---

[1] О том же сигнализируют и материалы этнографии нанай (гольдов). „Во всех обрядах, — пишет А. М. Золотарев, — связанных с культом неба, тайги и воды, шаманы не принимают никакого участия. Более того, на медвежьем празднике всякие шаманские акты просто запрещаются. Это позволяет утверждать, что культ неба — воды — тайги относится к дошаманскому слою представлений“ (А. М. Золотарев. Родовой строй и религия ульчей. Дальгиз, Хабаровск, 1939, стр. 85—36).

чувственный предмет. Образ зверя, возникающий в сознании по ассоциации с той или иной зооморфной вещью, превращается во вторую, сверхчувственную, природу вещи — в том смысле, что фантазия человека приписывает ей способность изменять свои естественные свойства — удовлетворять желание охотника. Отсюда — один шаг до колдовского обряда. В самом деле, если шерстинка может изменять свои естественные свойства — превращаться в настоящего зверя, чтобы стать добычей охотника на промысле, то, естественно, обладание этим предметом равносильно в его представлении обладанию самим оригиналом. Ведь, *шингкэн* в этом смысле заместитель самого зверя. Совершить над *шингкэн*'ом колдовской обряд привлечения зверя — значит заманить в ловушки и самострелы настоящих зверей, так же как магическое убиение зверя должно представляться равносильным реальному обладанию им. Так из первичных форм представлений о сверхъестественном должен был возникнуть первый религиозный обряд — охотничья магия.

В связи с тем, что оба указанных обряда (*шингкэлавун* и *гиркумки*) сильно модернизированы шаманством и внешне выступают в форме особых разделов шаманских камланий, возможен вопрос: не являются ли деревянные фигуры животных, к которым обращен колдовской обряд, лишь искусственными изображениями — вместилищами соответственных духов — зверей? В таком случае основой обряда пришлось бы считать анимизм. Нам думается, что после наших объяснений, касающихся *шингкэн*'ов и обрядов, связанных с ними, на этот вопрос ответ возможен только отрицательный. Конечно, и *шингкэлавун*, и *гиркумки*, перейдя в шаманскую обрядность, не дают полной картины некогда грандиозных в своем исполнении родовых магических охотничьих мистерий. Но и в этом виде они вполне сохранили свою древнейшую основу. И не в виде какихнибудь мелких „родимых пятен", а в качестве центральных моментов. Вспомним описанные пантомимы магического привлечения зверя, выслеживания, окружения и добычи; вспомним известные в этнографической литературе охотничьи пляски мандан и других народов; вспомним, что ряд исследователей видит истоки таких охотничьих колдовских обрядов уже в палеолите (пещера Тюк д'Одбур, пещера Ментеспан). То же значение, полагаем мы, имеют и пантомимы магического обряда эвенков. Объяснить их представлениями о духах немыслимо хотя бы по одному тому, что эти магические обряды с духами непосредственно не связаны. Там же, где встречаются духи (образ старухи-хозяйки земли), они выступают как некий обобщенный образ фетишистских представлений. Что касается шаманской обрядности этих родовых церемоний, то, даже при беглом взгляде на *шингкэлавун*, ясно, что обрядность эта выступает отчетливо, как поздняя пристройка к старому колдовскому обряду. Наконец, если у эвенков этот первичный магический обряд обращен к деревянным искусственным фигурам зверей, как заместителям реальных животных, то в другом случае у народов, где этот обряд сохранил более архаические черты и менее модернизирован шаманством, мы находим его обращенным непосредственно к зверю, его телу. Примеры этого — эскимосский, чукотский, коряцкий

и отчасти камчадальский варианты подобных и близких по значению обрядов.

Магические обряды у этих народов, во-первых, относятся ко всем зверям, убитым в течение данного сезона; во-вторых, они совершаются непосредственно над телом животных или частями его. „Головы или черепа, — писал В. Г. Богораз-Тан, — тщательно собираются. При кочевках их возят с собой в особых мешках. От пушных зверей большею частью берут обрывок меха, ухо, кончик хвоста, кончик носа или уса; от дикого оленя череп с рогами; от тюленя обрезок ласта; от кита мелкие части внутренних органов, обрезок сердца или печени, глазное яблоко. Зимою к этому присоединяются мороженные туши зверей, убитых напоследок. Даже от рыб и от птиц берут несколько косточек и перьев. Все это так называемые «части» праздника. Их располагают на шкурах или на травяных циновках перед самым огнем. Киту подкладывают «жену» — небольшую фигурку, вылепленную из сала или мятой травы; самцу дикого оленя убивают в жены молодую домашнюю самку. Черепа и туши украшают длинными пучками мягкой травы, меховыми кисточками, разноцветными полосками кожи. Женщины навешивают на них собственные ожерелья. «Гостям» подносят разного рода угощения, мясо и рыбу, даже сахар, табак и водку, разумеется, в микроскопических дозах“.[1]

Эвенкские *шингкэн*'ы и обряды, связанные с ними, служат убедительным свидетельством тому, что первоначально в магическом обряде чествуются и почитаются все промысловые звери и нет подчеркивания того или иного тотемного зверя — предка. Здесь почитанию подвергаются все звери всех пород; сверхъестественными свойствами наделяются любое животное и части его тела. О том же свидетельствуют и массовые магические охотничьи обряды палеоазиатов. Очевидная генетическая связь этих обрядов с памятниками палеолита дает основание считать эти представления и обряды, связанные с ними, за начальную форму.

„Во всяком случае, — говорит П. П. Ефименко, — можно считать установленным, что почитание животных в палеолитическое время носило несколько иной характер, чем культ тотема современных отсталых народностей земного шара. Оно должно было иметь более производственный и менее мистический, суеверный характер, будучи, вероятно, в этом смысле близким к представлениям полярных охотников — юкагиров, алеутов, ительменов (камчадалов) и т. д. — и ставя себе определенную цель — удачу охоты и устранение опасностей, связанных с поимкой крупного зверя“.[2] „При всех условиях, — продолжает указанный автор, — очевидно, нельзя не считаться с тем фактом, что изображения животных, встречающиеся на местах верхнепалеолитических поселений, как и наскальные изображения подобного характера, особенно в более позднее время верхнего палеолита, достаточно разнообразны, не обнаруживая, в качестве объекта воспроиз-

---

[1] В. Г. Богораз-Тан, Миф об умирающем и воскресающем звере, стр. 73.
[2] П. П. Ефрименко. Первобытное общество, стр. 427.

ведения, стремления к выбору лишь какого-либо одного вида из окружающего человека мира животных".[1]

В. Г. Богораз-Тан полагал, что в этих рисунках палеолитического человека мы должны видеть колдовской обряд привлечения зверей под удар охотников.[2] К тому же выводу пришел и крупнейший знаток палеолита — П. П. Ефименко. По его мнению, мы вправе видеть в скальных рисунках и художественно выполненных изображениях животных и людей, сохранившихся среди других остатков во многих становищах верхнего палеолита следы магического колдовского обряда палеолитических охотников.[3] „Уже в это раннее время человека особенно интересует мир животных, за счет которых было возможно его существование. К числу таких изображений, кроме тех, которые были найдены в пещерах Ферраси и Бланшар, относятся группы наиболее древних рисунков в пещерах Комбарелль, Фон-де-Гом, Пиндаль и многие другие, относительно очень раннего возраста которых и прежде не возникало сомнения".[4] За этими изображениями, по мнению П. П. Ефименко, должен был стоять магический обряд, направленный на то, что составляло основу благополучия первобытной общины — на обеспечение удачи в охоте.[5] „В них нельзя не видеть вещей, имевших отношение прежде всего к производственной магии, поскольку, естественно, внимание первобытного охотника в наибольшей степени должно было сосредоточиваться на ближайших объектах охоты, являвшихся источниками его существования (мамонтах, бизонах, оленях и т. д.). Нельзя сомневаться, что именно такой смысл должны были иметь изображения животных, исполненные резьбой и росписью на плитах известняка в жилище солютрейского времени в Фурно-дю-Дьябль, описанные Пейрони, перед которыми ее обитатели, очевидно, совершали свои обряды, как это делали австралийцы перед изображением кенгуру или охотничьи народности северной Азии, которые выполняли сложный обрядовый культ перед шкурой медведя".[6]

В этой связи вспомним еще раз о чукотско-эскимосских магических досках, которые В. Г. Богораз-Тан сравнивал с интересующими нас рисунками палеолита. Эти доски, как известно, употреблялись чукчами и эскимосами в их магических обрядах, имевших целью обеспечение добычи. Для этого участники обряда рисовали на досках разных зверей — наземных и морских (оленей, песцов, моржей, китов). Их изображали во множестве плывущими к берегу, прямо в расставленные сети, или попадающими на суше под стрелу из натянутого лука. В таком виде доски выставлялись наружу для того, чтобы привлечь зверей под удар охотников, в расставленные самострелы и прочие ловушки.[7] В том и другом случае за изображе-

---

[1] П. П. Ефименко, там же, стр. 428.

[2] В. Г. Богораз-Тан. Миф об умирающем и воскресающем звере, стр. 74.

[3] П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 341—342

[4] П. П. Ефименко, там же, стр. 416.

[5] Там же, стр. 342.

[6] Там же, стр. 427.

[7] В. Г. Богораз-Тан. Миф об умирающем и воскресающем звере, стр. 74—76; Его же. Чукчи, II. Религия, 1939, стр. 91—93.

ниями кроются представления, хорошо известные нам по *шингкэн*'ам эвенков.

Магические действия, колдовской обряд возникают, как выражение этих ложных представлений о чувственно-сверхчувственных вещах, вокруг которых группируются различные колдовские обряды первобытного человека. При этом форма магических действий уже заранее предопределена характером этих представлений, составляющих суть обряда. Если бесчувственная вещь, скажем, часть тела животного (шкура, зубы, череп и пр.), рисунок или пластическое изображение животного, как его заместители, могут изменять свои естественные свойства, чтобы удовлетворять желания охотника, то действия, вытекающие из этих представлений — колдовской обряд, естественно, должны носить форму драматического изображения желаемого как совершившегося. Отсюда особая роль танца-пантомимы в магическом обряде как средства привлечения зверя и обеспечения добычи. В эвенкийском обряде *шингкэлавун* эти танцы представляли пантомиму, изображающую дичь и способы ее добычи. Тот же смысл имели чукотский, корякский, эскимосский и камчадальский варианты обрядов.

Камчадалы для того, „чтобы им прямых китов и волков промышлять“, делали из травы и юколы изображение кита и водружали его на спину женщине. Та с китом на спине ползала вокруг очага, а за нею следовали два камчадала с тюленьими кишками. На них нападали дети и разрывали на части травяного кита. Женщину, пытавшуюся убежать из юрты, ловили и с криками, выражавшими охотничью удачу, спускали вниз головой через дымовое отверстие, служившее одновременно входом в жилище. В представлении участников обряда женщина с травяным китом изображала кита, следовавшие за ней камчадалы — ворон, а дети, разрывавшие травяного кита, — охотников, завладевших добычей.[1]

При изучении магических обрядов нельзя не заметить одной, общей для всех их и крайне любопытной черты — стремления участников обряда внешне уподобиться зверям. Эвенки с этой целью, как указывалось, надевали особые культовые охотничьи костюмы с шапками, напоминающими головы зверей, коряки на празднике волка надевали на себя волчью шкуру; у чукчей — хозяин шатра в таких же обрядах пользовался свежей шкурой бурого медведя или волка, так что голова его покрыта была шкурой с головы зверя, а остальная шкура свешивалась за спиной. Когда тушу убитого зверя вносили в шатер, хозяин начинал магический танец, воем подражая голосу зверя.[2] Возможно, те же или близкие по значению представления нужно видеть в особенности женской леспюгской статуэтки, имеющей „нечто вроде хвоста, спускающегося в виде вертикально зачерченного треугольника от области ягодиц и до пят“,[3] также в известной костенковской статуэтке из мергеля, „имеющей такой же

[1] С. Крашенинников. Описание земли Камчатки, т. II, ч. 3, СПб., 1786, стр. 91 и др.

[2] В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, II, Религия, стр. 81.

[3] П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 410.

атрибут в виде ряда продольных нарезок",[1] и, наконец, в одной из мальтийских женских статуэток, где изображение хвоста видно наиболее отчетливо, а „покрывающий ее с головы до ног узор из поперечных линий позволяет думать, что она должна была передавать женщину, облеченную целиком в шкуру пещерного льва".[2]

Возможно, те же истоки колдовского обряда мы должны видеть и в находке 28 лошадиных хвостов в палеолитическом пещерном поселении Шалэ. Дюпан допускал предположение, что хвосты сохранялись для обеспечения удачи в охоте.

Столь же характерна для этих обрядов и другая примечательная черта — в обряде изображаются не только привлечение зверей под удар охотников и самая их добыча, но и поедание чествуемых человеком зверей. У камчадалов, как мы видели, участники церемонии разрывали на части и съедали травяного кита и волка для того, чтобы им „прямых китов и волков промышлять и есть, как с травяными поступали" [3]; у сымских эвенков имитация поедания магически убитых животных состояла в том, что изображения их разбивались на равные части по количеству участников обряда и раздавались им на руки в качестве *шингкэн* — источника удачи в будущем промысле; чукчи на празднике охоты отрезали у чествуемого быка диких оленей подгривок и тоже делили его на маленькие пучки для участников обряда.[4]

Таким образом, в этих древних магических обрядах привлечения зверей под удар уже дана как бы основа будущих тотемических церемоний типа интичиумы. Магические пантомимы, изображавшие зверей, имели целью обеспечить удачу в промысле. В этих обрядах люди рядились в шкуры зверей, а самый обряд изображал дичь и способы ее добычи. Поэтому в центре магического обряда стояли зверь, части его тела (черепа и пр.) которые фантазия дикаря наделяла особыми сверхъестественными свойствами — способностью удовлетворять желания человека. Наконец, в этих магических обрядах мы находим не только магическую пантомиму привлечения зверей, не только магическое перевоплощение в зверя путем надевания его шкуры и пр., но и магическое поедание его тела, что в тотемических верованиях будет фигурировать как основное средство общения с тотемом (известные по тотемическим обрядам церемонии вкушения тела тотема). Но тут нет главного для тотемизма — представления о том, что зверь является родоначальником данной социальной группы, а каждый из ее членов — кровным родственником, сородичем этого зверя. Эти представления, являющиеся превратным отражением родовых связей в сознании людей, могли возникнуть лишь с развитием родовой организации.

По мнению П. П. Ефименко, процесс становления родовой организации относится к ориньякской эпохе. „У нас имеются все основания думать,—

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] С. Крашенинников, там же, стр. 95.

[4] В. Г. Богораз-Тан. Миф об умирающем..., стр. 73; Его же. Чукчи, II. Религия, стр. 80.

пишет автор, — что история верхнепалеолитического общества является не чем иным, как историей возникновения и развития того, что следует за первобытной кровнородственной семьей, — родового или родо-племенного общественного строя, характеризующегося экзогамией и матриархальной организацией родовых групп"[1]. С этой точки зрения особо примечателен факт появления в ориньяко-солютрейскую эпоху изображений женщин. Выразительный и своеобразно художественный образ женщины, типичный для верхнепалеолитических стоянок территории Северной Евразии от Пириней до Байкала включительно, не мог возникнуть случайно. Причины его появления должны лежать в условиях общественного бытия ориньяко-солютрейского времени. „Из сопоставления всех этих изображений, — пишет П. П. Ефименко, — естественно сделать вывод, что они действительно имеют не бытовое, обиходное, но какое-то определенное общественное значение и должны были, по представлению человека этого времени, воплощать в себя круг идей, связанных с особым положением женщин в эпоху верхнего палеолита. Во всех известных нам случаях появление подобных изображений объясняется тем положением, которое начинает занимать женщина на определенной ступени развития первобытного общества"[2].

С этой точки зрения особого внимания заслуживает обстановка, в которой найдены женские статуэтки. Во-первых, они всюду в остатках древних поселений встречаются группами. Во-вторых, в Костенках I они обнаружены в особых помещениях, устроенных подле очагов, что, конечно, отражает особое положение женщин, а именно: существовавшую взаимную связь в представлениях между господствующим положением женщины, с одной стороны, и материальной основой этого господства — общинным домохозяйством, находившимся в руках женщин, — с другой. В-третьих, женский образ в верхнепалеолитических изображениях сочетается с изображением животных, которые были основными в промысле и являлись, таким образом, главным условием существования человека. Женщины составляли основное ядро матрилинейной родовой группы, сосредоточивали в своих руках все, что касалось общинного домохозяйства, очага. Этой особой ролью женщин в домохозяйстве и объясняется, повидимому, присутствие их в магическом обряде. Вот почему, думается нам, основными фигурами магических изображений были, с одной стороны, звери, как источники средств существования человека, с другой, — женщины, игравшие главенствующую роль в домохозяйстве родовых общин.

По свидетельству В. Г. Богораз-Тана, — у приморских чукоч, „Женщины считаются более искусными в заклинаниях, чем мужчины. Сидя дома и произнося заговоры около очага, они привлекают зверей к берегу"[3]. Чукчи при этом убеждены, что результат их морского промысла зависит не столько от ловкости и умения охотников, сколько от силы колдовских чар их жен-

---

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 344.
[2] П. П. Ефименко, указ. соч., стр. 420.
[3] В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, II, Религия, стр. 146 (Разрядка наша. — *А. А.*).

щин. Если те хорошо, не ленясь и искусно, привлекали зверей под удар — промысел удачен, и наоборот — плохой результат промысла объясняется слабостью колдовских чар женщин их стойбища[1]. „Уже не раз высказывалось (Лемози, С. Н. Замятнин и др.) довольно правдоподобное соображение, — говорит П. П. Ефименко, — что интересующие нас изображения воспроизводят активных участниц тех магических действий, которые должны были предшествовать, например, массовой облавной охоте и имели целью обеспечивать ее удачу... Так именно А. Лемози склонен объяснять фигуры трех обнаженных женщин в пещере Пеш-Мерль (comm. de Cabrerets, Lot), как совершающих обрядовый танец, подготовляющий удачу охоты на изображаемых тут же мамонтов. По этому же пути в объяснении рельефов Лосселя идет и С. Н. Замятнин, видя в них воспроизведение сцены охоты“[2].

Причины столь широкого распространения в стоянках ориньяко-солютрейской эпохи изображений женщин, равно как и самый смысл и значение указанных женских изображений, исчерпывающе объясняются указанием Ф. Энгельса об основной, характерной особенности материнского родового строя: „Коммунистическое домашнее хозяйство, в котором все женщины или большинство их принадлежат к одному и тому же роду, тогда как мужчины принадлежат к различным родам, служит реальной основой того повсеместно распространенного в первобытную эпоху господства женщины, открытие которого составляет третью заслугу Бахофена“[3].

Род стал основой дальнейшей первобытной истории человечества. По сравнению с первобытным стадом это был поистине огромный скачок в развитии материальных производительных сил, общественного бытия и общественного сознания человека. Вместе с тем, родовой строй „предполагал крайне неразвитое производство, следовательно, крайне редкое население на обширном пространстве, следовательно, почти полное подчинение человека чуждой, противостоящей ему, непонятной внешней природе, что и находит свое отражение в детски-наивных религиозных представлениях“[4]. Говоря о кооперации труда у охотничьих народов, К. Маркс подчеркивал, что они покоятся не только на общем владении условиями производства, но и на неразвитости отдельного индивида, который через пуповину кровно-родственных связей спаян с племенем или общиной „столь же тесно, как отдельная пчела с пчелиным ульем“[5]. „Условия их существования, — говорит К. Маркс о родовых общинах, — низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная связанность отношений людей в рамках процесса, созидающего их материальную жизнь, а вместе с тем связанность всех их отношений друг к другу и к природе. Эта реальная связанность отражается идеально

---

[1] В. Г. Богораз-Тан, там же.

[2] П. П. Ефименко, указ. соч. стр. 424.

[3] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. ОГИЗ, Госполитиздат, 1947, стр. 57—58.

[4] Ф. Энгельс, там же, стр. 111.

[5] К. Маркс, Капитал, т. I. Соцэкгиз, 1931, стр. 251.

в древних естественных и народных религиях"[1]. В условиях ранне-родового общества эта „связанность отношений людей в рамках процесса, созидающего их материальную жизнь, а вместе с тем связанность всех их отношений друг к другу и к природе", по мнению Энгельса, выражалась в том, что „отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках"[2] роду. Поэтому и фантастическое отражение этой реальной связанности людей в их естественных (первобытных) религиях, о которых говорит Маркс, также должно было носить форму превратных представлений об их кровнородственной связи, иначе говоря, тотемических представлений, являвшихся адэкватным отражением родовой структуры.

Переход от древнего магического обряда привлечения зверей и обеспечения добычи, с его магическими пантомимами, уподоблением людей зверям, магическим убиением и поеданием зверя, переход от этого обряда к тотемическим церемониям типа *интичиумы*, думается нам, есть результат осмысления древнего магического обряда с позиции родового мышления. Это находит свое выражение в том, что за зверем — центральной фигурой магического обряда — встает отныне образ мифического первопредка смешанной полузвериной-получеловеческой природы, встает образ мифического предка как субъекта, действительного действующего лица этого обряда. Однако в сознании первобытного человека это не проявлялось в виде отдельных и совершенно разных по восприятию представлений. Наоборот, судя по искусству мадлэна и многочисленными этнографическим материалам, первобытный человек на самом деле объединял и поклонение зверю и образ мифического первопредка одним общим представлением „тотем". Так, за древним магическим обрядом возникал мифический мир образов, столь характерных для древнего материнского рода — мир мифических первопредков двойной природы: полулюдей-полузверей.

---

[1] К. Маркс, там же, стр. 37.

[2] Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 111 (Разрядка наша — *А. А*).

Сидячие человеческие фигурки в скульптуре алеутов

С. В. Иванов

Среди художественных произведений народов Севера, заслуженной известностью пользуются многочисленные изделия из кости, принадлежащие эскимосам и алеутам. Однако изучение художественной культуры этих народов развивалось неравномерно. В наиболее благоприятном положении оказались эскимосы, искусству которых посвящена значительная литература.

Что касается алеутов, давно уже подвергшихся влиянию европейской культуры, то их художественные произведения изучены значительно слабее. В настоящее время алеуты, как известно, почти полностью утратили свое богатое и исключительно интересное изобразительное искусство, во многом близкое эскимосскому. С образцами старого искусства этого народа можно теперь знакомиться только по музейным материалам и по публикациям археологических памятников, найденных на Алеутских о-вах.

Русские путешественники и исследователи, внесшие значительный вклад в дело изучения Алеутских о-вов, собрали в свое время весьма ценные этнографические коллекции по алеутам, хранящиеся ныне в музеях Москвы и Ленинграда[1]. Среди этих коллекций имеются и предметы искусства алеутов, датируемые концом XVIII и первой половиной XIX столетий.

Особый интерес представляют костяные и отчасти деревянные статуэтки, изображающие людей, сидящих на корточках. Их дошло до нас всего несколько экземпляров, являющихся уникальными. В коллекциях музеев СССР мне известно шесть таких статуэток. Пять из них представляют собой самостоятельные произведения круглой скульптуры, шестая — прикреплена к охотничьему головному убору.

Первая статуэтка значится алеутской (рис. 1, *a—b*; Музей Народов СССР, инв. № IV-493, собрание Н. П. Румянцева[2]). Вторая (рис. 2, *a—b*; тот же музей, инв. № IV-496) тоже алеутская. Третья (рис. 3;

[1] Музей Народов СССР в Москве, Музей антропологии и этнографии Академии Наук СССР (МАЭ) и Государственный Этнографический музей в Ленинграде.

[2] Сильно уменьшенный снимок с нее помещен на стр. 165 юбилейного издания „Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве. Исторический очерк". М., 1913.

МАЭ, № 699-1), полученная из северо-западной Америки, зарегистрирована была в 1903 г., но время поступления ее в Музей, а также собиратель и местность, откуда она происходит, в описи не указаны. О четвертой статуэтке (рис. 4; МАЭ, № 536-2) известно, что она доставлена с о. Кадьяк.[1] О пятой статуэтке (рис. 5; Музей Народов СССР, инв. № 4-495) указаний не имеется. Шестая статуэтка (рис. 6; МАЭ, № 2868-23), прикрепленная к верхушке головного убора, алеутская. Таким образом, из перечисленных статуэток алеутскими являются три, эскимосскими или алеутскими — одна и неизвестной принадлежности — две. Однако при сравнении последних с другими видно, что они относятся к той же серии, следовательно, сделаны были или алеутами или теми же эскимосами о. Кадьяк, т. е. конягами (Kaniagmut).

Рис. 1. Статуэтка из кости. Высота 7.5 см.
(Музей Народов СССР, Москва. Инв. № IV-193 Алеуты).

Все шесть статуэток, из которых четыре публикуются впервые, представляют собой значительный интерес как с этнографической, так и с художественной точек зрения. Художественные достоинства этой скульптуры бесспорны. Перед нами всего несколько образцов ее, но они так ярки и самобытны, что по праву должны занять место рядом с лучшими скульптурными произведениями эскимосов.

Перехожу к описанию статуэток.

Статуэтка, представленная на рис. 1, вырезана из хорошо отполированной кости и имеет в высоту 7.5 см. Голова ее несколько велика, но остальные части тела по своим пропорциям более или менее правильны. Руки согнуты в локтях и опираются на колени. Обращает на себя внимание прекрасная моделировка ног, особенно икр. Резчик хорошо передал ступни, линию таза и бедер и легкую кривизну берцовых костей. Пальцы на ногах не обозначены. Очень характерно лицо: рот открыт

[1] G. Hatt. Arktiska skinddragter i Eurasien og Amerika. Kobenhavn, 1914 (на стр. 136 приведен карандашный рисунок с этой статуэтки).

и имеет форму восьмерки, ноздри широко расставлены; глаза отмечены небольшими углублениями, брови — неглубокой врезной линией. Волосы не показаны. Через носовую перегородку продета нитка цветного бисера. Такие же нитки с нанизанными на них бусами и бисером, продетые в отверстия ушей, свисают на плечи, по четыре с каждой стороны. Трактовка фигуры реалистическая.

Рис. 2. Статуэтка из кости. Высота 12 см.
(Музей Народов СССР, Москва. Инв. № IV-496. Алеуты).

Вторая статуэтка также вырезана из куска кости (рис. 2). Высота ее 12 см. Пропорции близки к предыдущей. Туловище до самой шеи зашито в кожу, под которой чувствуются формы тела: невысокая грудь и слегка выступающие колени. Спина прямая, рук нет. Лицо отделено от остальной части головы неглубокой врезной бороздкой, в которую вставлен туго стянутый шнурок с веерообразно вплетенными в него человеческими волосами[1]. Лоб слегка выступает над глазами. В носовое отверстие

[1] Сходная с этой деревянная статуэтка, но с необработанным туловищем, имеется в коллекциях МАЭ (№ 2933-4). Согласно старинной этикетке, она происходит с Аляски, от западных эскимосов. На ней имеется волосяной убор, прикрепленный к голове таким же точно способом, как и у описываемой фигурки. Трактовка лица и украшения у обоих изображений одинаковы. Через носовую перегородку пропущена кожаная нитка (бисер утрачен), в нижней губе проколото три отверстия, вокруг ушей — по пяти отверстий. Анализ волос ее, произведенный антропологом Института этнографии Академии

продета нитка бисера, часть которого утрачена. Такая же нитка пропущена через отверстие в нижней губе и имеет на нижнем конце по четыре бисеренки. В отверстиях ушной раковины сохранились остатки сивучьих усов. Согласно музейной описи, эта фигурка представляет собой „изображение шамана“. Это утверждение основано, повидимому, на том, что волосы на голове ее торчат кверху, как бы заменяя собой специальный головной убор. Но это, очевидно, позднейшее толкование, так как у фигурки, кроме несколько необычного расположения волос, нет никаких других признаков, которые указывали бы на шамана. Кроме того, фигурка представляет собой не мужчину, а женщину, что видно по формам ее тела.

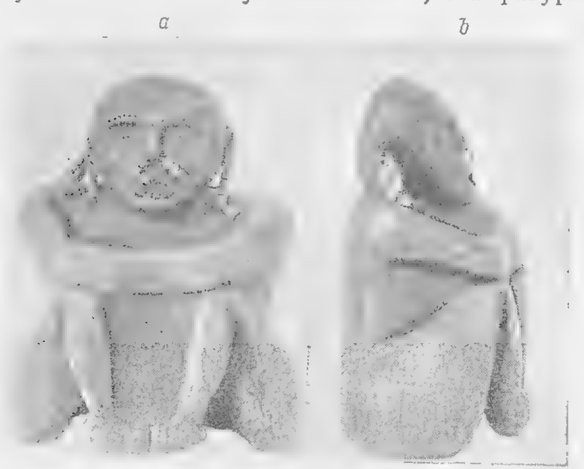

Рис. 3. Статуэтка из кости. Высота 9.5 см. (Музей антропологии и этнографии Академии Наук СССР, Ленинград. № 699-1. Северо-западная Америка).

Третья статуэтка (рис. 3), вырезанная из отполированного моржового клыка, имеет в высоту 9.5 см. По типу она примыкает к первой, но менее тщательно обработана. Руки сложены вместе и покоятся на коленях. Кисти рук не отмечены. В отличие от первой она имеет широкие плечи и широкий таз. Ступням ног придано неестественное положение — они соединены носками и помещены в одной горизонтальной плоскости[1]. В целом пропорции тела переданы довольно удачно. Глаза отмечены короткими врезными линиями, брови — углубленными точками. Рот, имеющий овальную форму, открыт. На нижней губе имеются три нарезки, соответствующие отверстиям на других статуэтках. В отверстие, проделанное в носовой перегородке, продета нитка белого и синего бисера. Такие же нитки, по четыре с каждой стороны, привязаны к ушным раковинам. Поза, расположение рук и признаки стиля служат достаточным основанием для отнесения этой статуэтки к кругу алеутско-конягской скульптуры. Она сходна с первой фигуркой (рис. 1) и в то же время близка к конягской статуэтке, опубликованной Ю. Лисянским[2].

Четвертая статуэтка, изображающая женщину, вырезана из дерева и имеет в высоту 15.5 см (рис. 4). Она вывезена с о. Кадьяк

Наук СССР В. В. Гинзбургом в мае 1947 г., показал, что они также принадлежали человеку.

[1] Точно такой же поворот ступней мы видим у статуэтки племени Чимшиан (M. Bartels. Die Medicin der Naturvölker. Leipzig, 1893, Fig. 98). Она представляет собой амулет шамана.

[2] Ю. Лисянский. Собрание карт и рисунков, принадлежащих к путешествию флота капитана Ю. Лисянского. СПб., 1812; рис. 14, фиг. II/V.

Ю. Лисянским между 1803 и 1806 гг. и, по всей вероятности, принадлежала конягам, но могла быть и алеутской. По трактовке лица она близка к второй статуэтке (алеутской), с которой ее сближает и отсутствие рук[1]. Установить окончательно, кто мог изготовить эту статуэтку, трудно, так как изобразительное искусство конягов о. Кадьяк и восточных алеутов носило черты сходства. Сходной была и культура этих народов. Еще Головин отметил, что язык алеутов и конягов совершенно различный, но образ жизни, нравы и обычаи их почти одинаковы, так что все сказанное об эскимосах о. Кадьяк может быть применимо к алеутам Уналашки и о. Атхи[2]. Статуэтка отличается более или менее правильными пропорциями тела и мягкой моделировкой. Круглая форма головы, хорошо очерченные надбровные дуги и нос, полуоткрытый рот придают лицу выразительность и почти портретные черты. В некотором несоответствии с трактовкой лица находятся уши, вырезанные в виде овалов.

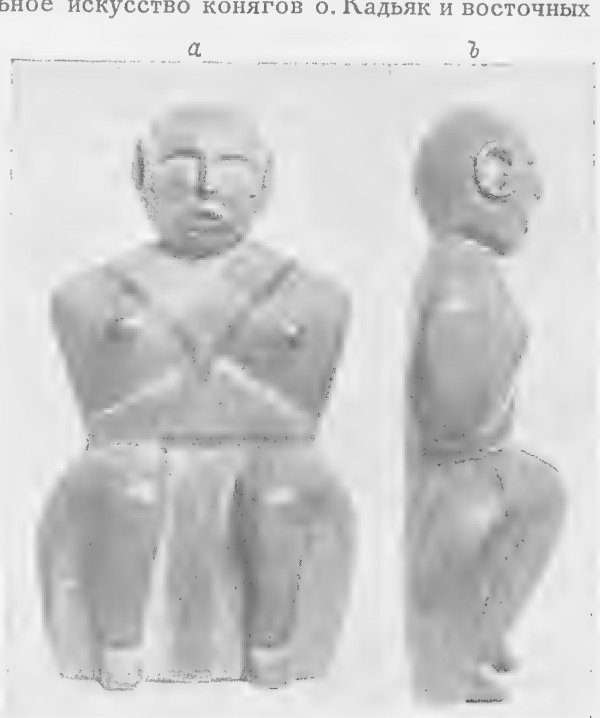

Рис. 4. Статуэтка из дерева. Высота 15.5 см (Музей антропологии и этнографии Академии Наук. СССР, Ленинград. № 536-2. Остров Кадьяк).

Вокруг каждой ушной раковины сделано по восемь сквозных проколов для подвесков, но последние отсутствуют (повидимому, утрачены). Такие же проколы, числом три, сделаны в нижней губе. В носовой перегородке имеется отверстие. Грудь отделена от живота двумя наклонными прямыми линиями. Ступни выдаются вперед, но пальцы на ногах не отмечены. Особенность описываемой статуэтки составляет частичная ее раскраска черной с металлическим блеском краской, в состав которой входит графит. Этой краской окрашена задняя часть головы и средняя часть спины, в виде суживающегося книзу клина, доходящего до пояса. Раскраска передает спадающие на спину волосы. Спереди, на груди, проведены две сходящиеся под углом линии, начинающиеся

[1] В эскимосской скульптуре, особенно среди „кукол", вырезанных из кости или дерева, довольно часто можно встретить человеческие изображения, лишенные рук. Индейские резчики обычно избегают этого упрощения.

[2] Головин. Обзор русских колоний в Северной Америке. Морск. сборн., 1862, № 1, стр. 38.

у плеч, означающие, как думает Хатт[1], шнурок для амулета. Тою же краской окрашены соски у грудей. Следы черной краски видны также на месте талии и вокруг каждой ноги, повыше ступни. Ею же в виде вытянутого треугольника отмечен знак пола. Хатт видит в этом треугольнике часть женского пояса.[2] Полоски на ногах означают, повидимому, ножные браслеты, которые носили алеутские женщины. Об этих браслетах имеются упоминания в литературе. Браслеты делались из связок разноцветных камней, косточек, янтаря, а позднее из стекляруса, и, как указывает Лангсдорф, помещались над щиколоткой.[3] Серебристая черная краска применялась алеутами довольно часто. Ею окрашивали

Рис. 5. Статуэтка из кости. Высота 4.5 см. (Музей Народов СССР, Москва. Инв. № IV-495).

церемониальные головные уборы, а в XVIII столетии и лица.[4] Она же употреблялась для раскраски лица эскимосами Нортонского зал., но только во время религиозных празднеств. По словам Загоскина, графит высоко ценился эскимосами за его металлический блеск.[5]

Пятая, женская, статуэтка (рис. 5) отличается небольшими размерами: высота ее 4.5 см. Вырезана она из кости и по типу примыкает к предыдущей. Это дает нам основание считать ее происходящей или с о. Кадьяк или с ближайшей к нему территории, занятой алеутами. Отсутствие рук, сходная трактовка плеч и груди, также линия пояса говорят сами за себя. Глаза отмечены точками, рот и брови — тонкими линиями. Груди плоские и отвисшие, половые органы резко подчеркнуты. Ноги не обработаны. Форма головы, несколько суживающейся к макушке, сближает эту фигурку с первой, второй и третьей статуэтками.

---

[1] G. Hatt, указ. соч., стр. 137.

[2] Там же, стр. 137.

[3] Langsdorff. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt. Frankfurt am Main, 1812. Band II, стр. 37; И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840, ч. II, стр. 112.

[4] В МАЭ имеется несколько экземпляров головных уборов этого типа. См. также: Л. Берг. Открытие Камчатки и Камчатская экспедиция Беринга. Л., 1924, стр. 143.

[5] Загоскин. Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная в 1842—1844 гг., ч. II, стр. 63.

Еще более мелкие сидячие человеческие фигурки из кости прикреплялись с помощью сухожильных ниток к деревянным охотничьим головным уборам алеутов.[1] Они характерны для шапок с усеченной верхушкой, похожих на козырек, и помещаются обычно спереди, у верхнего края шапки[2]. На одном очень старом и долго бывшем в употреблении головном уборе этого типа из коллекций МАЭ (№ 2868-23) имеется фигурка, представленная на рис. 6. Высота ее всего 3.5 см. Правая нога отломана. Туловище укорочено, шея непропорционально вытянута, но

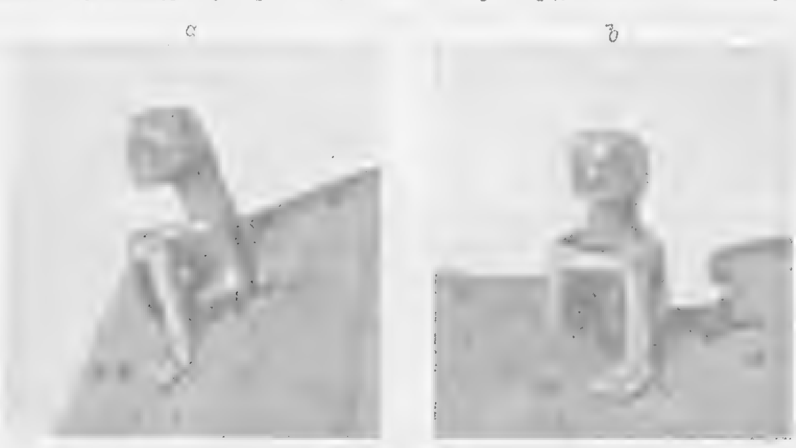

Рис. 6. Статуэтка из кости. Высота 3.5 см. (Музей антропологии и этнографии Академии Наук СССР, Ленинград. № 2868-23).

голова хорошо посажена и отличается реалистическими чертами. Особенно удачно вырезана линия профиля. Руки сложены на коленях и сделаны схематично. Несколькими врезными линиями отмечены пальцы на руках. Ноги согнуты в коленях и соединены с плечами.[3]

Из всех описанных изображений явные признаки пола имеются только у трех статуэток — второй, четвертой и пятой. Все они представляют

[1] Иногда такие фигурки вырезывались из мягкого белого камня (повидимому, мыльного). См. например: А. Соколов. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашева в 1764—1769 гг. Зап. гидрогр. департ. морск. министерства, 1852, ч. X, СПб., 1852, стр. 99. Среди музейных экспонатов головные уборы с каменными фигурками мне не встретились.

[2] См., например, изображение такой шапки со статуэткой наверху в „Voyage de Cook "(Paris, Cartes, p. 48). Шапка принадлежала алеутам о. Уналашки.

[3] В МАЭ хранится еще несколько алеутских деревянных головных уборов с усеченной верхушкой (коллекция № 4103), но они позднего происхождения и, повидимому, никогда не были в употреблении. Поступили они в музей в 1930 г. из Морского музея без сопроводительных документов. Не исключена возможность, что эти головные уборы были изготовлены алеутами для продажи европейцам. На шляпах, на тех же местах прикреплены небольшие человеческие фигурки, вырезанные из кости, но характер их иной. Они изображают мужчин в охотничьих головных уборах открытого типа. Охотники сидят в более свободной позе, одни — приложив руку к козырьку и как бы всматриваясь вдаль, другие—вытянув руку вперед и указывая на что-то пальцем. Их сидячая поза еще не вполне отошла от старого канона, но по содержанию это искусство уже другое: оно носит ярко выраженный повествовательный характер.

собой женщин. Пол шестой статуэтки определить невозможно. Что касается первой и третьей статуэток, то они по своим этнографическим признакам должны быть отнесены к женским изображениям. Надетые на них носовые и ушные украшения, в точности воспроизводят женские украшения, описанные многими путешественниками и исследователями, посетившими алеутов и конягов во второй половине XVIII и в начале XIX столетия.

В этот период, помимо татуировки и раскраски тела красками, алеуты и эскимосы украшали себя различными вставками, привесками и серьгами. Способы украшений не оставались неизменными, так же как и материал, из которого делались украшения. В связи с проникновением на Аляску и Алеутские о-ва русской культуры, а также под влиянием христианизации, указанные национальные украшения постепенно исчезали или видоизменялись. Что касается самого материала, то до занятия Алеутских о-вов русскими он приобретался алеутами для своих женщин с большим трудом, главным образом на Аляске, путем обмена или прямого грабежа. В 70-х годах XVIII столетия алеуты еще выменивали стрелы и одежду из кишек на янтарь, но чаще добывали его войною.[1] На эту погоню за крашениями указывает и Вениаминов. Он сообщает, что нередко алеутские храбрецы с опасностью для жизни предпринимали путь в дальние края, с целью раздобыть те или иные украшения для своих возлюбленных.[2] До появления русских алеуты использовали кости, камни, усы морского льва, перья, деревянные палочки, а также траву или корни растений. К более драгоценным материалам относились кораллы, янтарь и особый род раковин — сукли (Dentalium). Новым материалом, в значительной степени вытеснившим старые, был цветной бисер, который туземцы получали от русских. Его мы видим и на некоторых наших статуэтках, что позволяет датировать их второй половиной XVIII или началом XIX столетия.

Остановимся подробнее на типах украшений.

О прободении носовой перегородки алеутами имеются сведения у большинства старых авторов. В образовавшееся отверстие алеуты (как мужчины, так и женщины) вставляли косточки,[3] палочки из сланца,[4] деревянные палочки,[5] корни растений, траву[6] или различные подвески — род серег (по-алеутски „суклюг“, „суклюк“)[7] из раковин, кораллов,

---

[1] А. Соколов, указ. соч., стр. 99—100.

[2] И. Вениаминов, указ. соч., стр. 112 — 113.

[3] Описание Алеутских о-вов, относящееся к 1764 г. и опубликованное в извлечениях в статье Л. Берг „Из истории открытия Алеутских островов“, журн. „Землеведение“, 1924, вып. I—II, стр. 128; G. W. Steller. Reise von Kamtschatka nach Amerika mit dem Commandeur-Capitän Bering. St.-Petersburg, 1793, стр. 64—65, 74; Путешествие флота капитана Сарычева, ч. II, СПб., 1802, стр. 17; Собрания сочинений, выбранных из месяцесловов. Изд. Акад. Наук, ч. V, СПб., 1790, стр. 306.

[4] Steller, указ. соч., стр. 74.

[5] Langsdorff, указ. соч., II, стр. 37.

[6] А. Соколов, указ. соч., стр. 99—100.

[7] И. Вениаминов, указ. соч., стр. 112 и 239—240.

янтаря и бисера.[1] Подвески, как видно из источников, составляли характерную особенность женских украшений, что подтверждают и рисунки, которые мы находим у Кука и Сарычева[2]. Отмечая существование института травестизма у населения о. Кадьяк, Сарычев пишет: „... один... мужчина одет был в женское платье, лицо у него вышито (татуировано.— *С. И.*), а в носу повешены серьги из бисера..." Оказалось, что этот человек „заступает место жены у одного молодого островитянина и исправляет все работы, приличные женскому полу"[3]. Что касается мужчин, то они чаще всего носили палочку, воткнутую в носовой хрящ.[4] О том же различии свидетельствует и палеоантропологический материал. У мумифицированной головы алеутской женщины, труп которой найден был в 1928 г., в одном из погребений на небольшом островке, расположенном около Уналашки, через носовую перегородку протянута была сухожильная нитка с шестью бусами, из которых четыре оказались янтарными.[5]

Все эти данные позволяют видеть в первой и третьей статуэтках, украшенных носовыми подвесками, изображения женщин.

Украшения нижней губы (по-алеутски „качи́ших"[6] или „качитак"[7]) полностью сохранились только у второй статуэтки. Поскольку они носились представителями обоих полов, мы на них останавливаться не будем. Заметим только, что для женщин и в этом случае характерны были подвески, а не вставки.

Наиболее важным доказательством принадлежности наших статуэток к числу женских являются ушные украшения. Согласно сведениям старых авторов, алеуты — как мужчины, так и женщины — носили серьги, продетые в отверстия ушной мочки (по-алеутски „ту́тах„ или „ни́тока́к", на языке конягов — „кхли́ток"[8]). О мужчинах упоминается, что они надевали такие серьги во время увеселений.[9] О каких-либо других способах украшения ушей мужчинами сведений в литературе мы не находим. У женщин большинство авторов XVIII — XIX столетий отмечает другой

---

[1] Сарычев, указ. соч., стр. 16—17; А. Соколов, указ. соч.. стр. 99—100; А. Соколов, Северная экспедиция 1733—1743 гг. Зап. Гидрогр. департ. Морск. министерства за 1851 г., т. IX, стр. 404. Полное описание ученых путешествий по России, т. II, СПб., 1819, стр. 282; Ю. Лисянский. Путешествие вокруг света, т. II. СПб., 1812, стр. 75.

[2] Эти рисунки вновь произведены у А. Hrdeička. The Aleutian and Commander Islands and Their Inhabitants. Philadelphia, 1945, стр. 489, Fig. 212.

[3] Путешествие флота капитана Сарычева, ч. II, СПб., 1802, стр. 33.

[4] Сарычев, указ. соч., ч. II (рис. к стр. 38).

[5] E. Weyer. An aleutian Burial. Anthropological Papers of the Americ. Mus. of Nat. History, vol. XXXI, Part III, New-York, 1929, стр. 234; там же приложена фотография с этой головы (Fig. 6).

[6] Вениаминов, указ соч., ч. II, стр. 112.

[7] Ю. Лисянский, Путешествие, ч. II, стр. 183.

[8] И. Вениаминов. Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка. Словарь. СПб., 1846, стр. 60; Ю. Лисянский, указ. соч., ч. II., стр. 172, 197; Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов, ч. V, 1790, стр. 306.

[9] А. Соколов. Экспедиция к Алеутским островам · · ·, стр. 99—100; И. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. III, СПб., 1799, стр. 98.

способ украшения ушей, обращавший на себя их внимание. Он состоял в том, что вокруг ушной раковины прокалывали ряд отверстий, в которые затем вставляли пучки перьев, стеклярус, бисер и т. п. предметы (рис. 7.). Вариант этого способа заключался в том, что в отверстия пропускали нитки из сухожилий с нанизанными на них бусами или бисером. Бисер обычно был белого или голубого цвета,[1] т. е. тех же оттенков, какие он имеет на наших статуэтках. Иохельсон пишет, что некоторые алеутские женщины вставляли в проколы ушной раковины усы морского льва.[2] Их видим мы и у одной из описанных статуэток (второй). Таким же способом прокалывали ушную раковину женщины о. Кадьяк. В отверстия ушей они вставляли бисер кораллы, янтарь или кусочки раковин[3].

Рис. 7. Алеутская женщина. Остров Уналашка. ([Сарычев] Путешествие флота капитана Сарычева, т. II, СПб., 1802, стр. 18).

Анализ украшений в целом приводит нас, таким образом, к выводу, что по крайней мере пять из наших статуэток изображают собою женщин. Основываясь на характере их украшений, можно высказать также предположение о возрасте лиц, представленных фигурками. По данным середины XVIII столетия, отверстия в губах, носу и ушах алеуты прокалывали еще в детстве,[4] но нигде не упоминается о том, что девочки украшали

---

[1] Сарычев. Путешествие..., ч. II, стр. 17; Полное описание ученых путешествий по России, т. II, 1819, стр. 282.

[2] В. Иохельсон. Образцы материалов по алеутской живой старине. Живая Старина, 1915, вып. I—II, прим. 2, стр. 298.

[3] Полное описание ученых путешествий по России, т. II, СПб., 1819, стр. 301.

[4] Л. Берг. Открытие Камчатки..., стр. 140—141. — О конягах Лисянский сообщает, что у новорожденных при первом омовении прокалывают хрящ в носу и несколько отверстий под нижнею губою (указ. соч., ч. II, стр. 81).

ушную раковину бисерными подвесками. Там, где речь идет о подобных украшениях, они всегда относятся к взрослым женщинам. Вообще, как можно заключить на основании отрывочных и крайне неполных данных, особое значение украшения лица приобретали в период наступления половой зрелости. В одной алеутской сказке, записанной Иохельсоном, рассказывается о девушке, которую собираются вести к ее будущему мужу — ворону, следующее: „... они двое вымыли девушку, в одно ухо вставили ей десять сивучьих усов в другое ухо вставили ей десять сивучьих усов и одели ее".[1]

Из приведенного примера видно, что надевание специальных ушных украшений женщинами приурочено было к моменту вступления в брак.

Прокалывание ряда отверстий вокруг ушной раковины и вдевание в них разнообразных украшений было характерно и для большинства индейских племен Северной Америки.[2] У семинолов, например, прокалывание ушей у взрослого человека сопровождалось рядом религиозных церемоний и дорого обходилось родителям девушки, обязанным платить за эту операцию подарками.[3] Ушные украшения были здесь признаком богатства, почета и указывали на честь, оказанную родными их обладателю.[4]

У алеутов женские украшения также были ценностью, так как состояли из дорого стоящих материалов, отсутствовавших на островах. Эти материалы, как уже указано было выше, добывали молодые люди, отличавшиеся особой храбростью. Организация дальних путешествий и одаривание женщин дорогими подарками объясняются тем, что положение женщины в алеутском обществе было относительно независимым. Замужняя женщина могла, например, вступать в интимные отношения с несколькими мужчинами по своему выбору.[5] При таком положении, не всякий мужчина мог рассчитывать на взаимность. С другой стороны, естественно, что лица, не достигшие зрелости, были лишены дорогих украшений. Не только раковины сукли, представлявшие собою меновую ценность и служившие денежной единицей во всей Северной Америке и на Алеутских островах,[6] но и простой бисер считались большой драгоценностью.[7] Столь же ценным украшением были усы морского льва, вставлявшиеся женщинам в проколы ушей. Нужно было убить по крайней мере

---

[1] В. Иохельсон, указ. соч., там же.

[2] „Handbook of American Indians", part I, Wachington, 1912. стр. 17.

[3] Там же, стр. 16—17.

[4] Там же, стр. 16—17.

[5] См. газету „Владивосток" за 1894 г., № 2, стр. 6 („О населении Командорских островов").

[6] Стоимость пары этих раковинок на о. Кадьяк равнялась еще в начале XIX столетия стоимости беличьей одежды (парки). Iv. (Petroff). Report on the population, industries and resources of Alaska. Thenth Census of the U. S. (1880), vol. VIII, Washington, 1884, стр. 138).

[7] У индейцев, например, бусы употребляются как деньги вместо прежних раковин

пять морских львов, чтобы обеспечить одной женщине украшения, скромным числом по десять штук в каждом ухе.[1]

Принимая во внимание все эти факты, следует видеть в наших костяных и деревянных фигурках, украшенных бисерными подвесками, изображения взрослых, зрелых женщин.

С сравнительной точки зрения большой интерес приобретает своеобразная поза статуэток. В скульптуре эскимосов, за исключением племен, населяющих юго-западную часть Аляски, поза человека, присевшего на корточки, встречается относительно редко,[2] так же как и в искусстве палеоазиатов крайнего северо-востока Азии. В то же время она составляет одну из характерных особенностей искусства индейцев северо-западного побережья Северной Америки — тлинкитов, квакиутль, хайда и других (рис. 8).[3] Это дает нам право сближать алеутско-конягскую скульптуру с индейской. Черты сходства с индейским искусством обнаруживает также замечательное по тонкости плетение алеутов и богатая полихромная роспись на их охотничьих головных уборах.

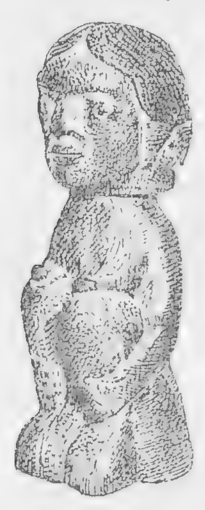

Рис. 8. Детская деревянная игрушка. Высота 18 см. Индейцы нутка. Северо-западная Америка (L. Adam. Nordwestamerikanische Indianerkunst. Berlin, Orbis pictus, Band 17, Abb. 30).

Смешанный характер алеутского искусства объясняется, повидимому, не только близостью Алеутских островов к территории, занимаемой северо-западными индейцами и эскимосами, но и унаследованием алеутами форм искусства от более древних насельников острова.

Характер искусства доалеутского населения пока еще недостаточно ясен. Можно лишь предполагать, что в нем сохранялись как древнеиндейские, так и позднеиндейские элементы, появившиеся под влиянием культуры индейских племен северо-западного побережья Северной Америки. Эти элементы могли проникать к доалеутскому населению через посредство ближайших соседей — юго-западных эскимосов, искусство которых носит некоторые черты и особенности художественной культуры упомянутых индейцев, (например сложные и антропоморфные церемониальные маски с полихромной расцветкой, круглые плетеные

---

[1] Лангсдорф пишет, что алеуты очень дорожат этими усами, так как они принадлежат к числу трофеев хорошего охотника. Каждый морской лев имеет всего четыре длинных уса (Bemerkungen..., II, стр. 37).

[2] См., например, изображение подобной костяной фигурки, принадлежащей эскимосам р. Кускоквим, у A. Woldt. Kapitain Jacobsen's Reise an der Nordwestküste Amerikas 1881—1888. Leipzig, 1884, стр. 351.

[3] Эту позу индейские резчики часто придают своим тотемным животным. Хорошо известные резные тотемные столбы индейцев состоят нередко из целой серии подобных фигур.

из древесных корней и пестро раскрашенные головные уборы, любовь к перьевым украшениям, раковинам и т. п.).

Таким образом, искусство собственно алеутов формировалось, как можно предполагать, на основе уже сложившейся культуры смешанного типа, в состав которой входили как индоидные, так и эскимоидные элементы.

В самом индейском искусстве поза человека, сидящего на корточках, имеет свои глубокие традиции. Об этом свидетельствует богатый и разнообразный археологический материал не только Северной, но и Южной Америки. Замечательные по своей выразительности каменные фигуры, найденные в долине и дельте р. Фрезер, близ о. Ванкувер,[1] глиняные сосуды из Новой Мексики в виде сидящих на корточках человеческих фигур, со сложенными на груди руками,[2] множество каменных изваяний из Мексики (рис. 9) и Перу[3], антропоморфные погребальные урны и многие другие памятники говорят о широком распространении этого типа скульптуры еще в доколумбийский период.

Рис. 9. Статуэтка из камня. Высота 33 см. Мексика. Ацтеки. (A. Basler et E. Brumer. L'art précolombien. Paris, 1928).

Такое же обилие фигур, изображающих человека, сидящего на корточках, мы находим в скульптуре Полинезии (на о. Пасхи, Маркизских о-вах, Гервеевых о-вах, в Новой Зеландии), Меланезии (на Соломоновых о-вах, островах Адмиралтейства, в Новой Гвинее) и Индонезии (на Целебесе, Борнео, Суматре, Филиппинских о-вах). В океанийском и индонезийском искусстве сидячие фигуры чаще всего являются изображениями предков. Нередко наличие подобных фигур совпадает с обычаем погребения покойников в скорченном состоянии [Филиппины, о. Яп (Микронезия), Перу, Мексика и т. д.]. Некоторые исследователи склоны видеть в сидячих человеческих фигурах подражание скорченным телам покойников. По их мнению, параллельность этих явлений бросается в глаза.[4]

---

[1] См.: H. I. Smith. Archaeology of the Gulf of Georgia and Puget Sound. Memoirs of the Americ. Mus. of Nat. History, vol. IV, 1907, Fig. 183, 185, 197.

[2] G. H. Pepper. Human effigy vases from Chaco Cañon, New Mexico. Boas anniversary volum. Anthropological Papers, New-Iork, 1906, Pl. XXIX.

[3] J. C. Tello. Andean civilization; some problems of peruvian archaeology. Proceedings of the Thenty-third Internation. Congress of Americanists, September, 1928, New-Iork, 1930, Fig. 15—16.

[4] E. Vatter. Religiöse Plastik der Naturvölker. Frankfurt am Main, 1926, стр. 57, 60, 143.

Возвращаясь к алеутско-эскимосской скульптуре, мы видим, что она входит в обширный круг памятников тихоокеанского искусства. Сидячие фигурки алеутов и юго-западных эскимосов замыкают собою этот круг с севера, перекидывая мост на азиатский материк.[1]

Связана ли поза наших статуэток с обычаем погребения в скорченном состоянии? Известно, что алеуты, коняги и многие индейцы Северной Америки любили сидеть в такой позе и в домашней обстановке. Иохельсон сообщает, что алеуты, особенно женщины, даже теперь, при наличии стульев, предпочитают сидеть на корточках, охватив руками колени.[2]

В том же сидячем положении алеуты хоронили умерших, пригибая им ноги к туловищу так плотно, что колени касались подбородка.[3]

Во время археологических раскопок, которые производили на Алеутских о-вах Долл, В. Иохельсон, а в последнее время А. Хрдличка, найдено было много мужских и женских мумифицированных трупов, погребенных в скорченном положении.[4] Такая форма погребения отмечена Л. Загоскиным и у юго-западных эскимосов.[5] Таким образом, у алеутов и конягов мы также находим, если не полное (поскольку у них существовали и другие типы изображений), то по крайней мере частичное соответствие между типом скульптуры и типом погребения. Параллельность этих двух явлений едва ли является случайной. Если она закономерна, то можем ли мы, основываясь только на ней, рассматривать наши статуэтки как изображения предков? Нет ли каких-либо других данных, которые могли бы ответить на этот вопрос? Помочь в решении его могли бы местные названия статуэток, но, к сожалению, в музейных описях они отсутствуют, и, очевидно, в свое время записаны не были. В литературе прямых указаний по этому вопросу также не имеется. В словаре Вениаминова есть слово „сигимкук", которым алеуты обозначали статую или идола,[6] но трудно сказать, что кроется за этим понятием. Оно слишком широко и в силу этого не раскрывает нам более узкого значения изображений. Если даже оно и применялось по отношению к интересующим нас статуэткам, то все же остается неясным, были ли они изображениями предков. Иохельсон записал у алеутов слово „kadga'dax". Так называли они все вообще виды амулетов, сделанные из кости, камня и дерева.[7] Этот термин,

---

[1] Некоторые аналогии им мы находим в зооморфной скульптуре народов Амура.

[2] W. Jochelson. Archaeological Investigations in the Aleutian Islands. Carnegi Institution of Washington. Publication № 367, Washington, 1925, стр. 43.

[3] Langsdorff, указ. соч., II, стр. 43.

[4] W. H. Dall. On the remains of later pre-historic Man. Smithsonian Contributions to Knowledge, Washington, 1878, Pl. 5, 9; W. Joshelson, указ. соч., Pl. 11; A. Hrdlička указ. соч., Fig 118, 169.

[5] Л. Загоскин, указ. соч., ч. II, стр. 39.

[6] И. Вениаминов. Опыт грамматики. Словарь, стр. 52.

[7] W. Iochelson. The Yukaghir and yukaghirized Tungus. Leiden — New-Iork, 1926, гл. X; Он же. Archaeological Investigation..., стр 130.

имеющий более определенное содержание, приложим, может быть, и к нашим фигуркам. Это тем более вероятно, что Иохельсон называет „амулетами“ человеческие изображения, найденные на о. Умнак.[1] Так же названа и первая статуэтка (рис. 1) при ее издании Румянцевским музеем в 1913 г. Во всяком случае, у нас нет никаких оснований отрицать за статуэтками значение амулетов даже в том случае, если они были изображениями умерших.

Некоторые старые авторы не склонны были придавать скульптурным изображениям человека, сделанным из кости, какое бы то ни было религиозное значение. Так, Лангсдорф, указывая, что многие алеуты занимаются вырезыванием из моржового клыка различных фигур людей (а также животных), подчеркивает, что они, хотя и считались прежде предметами религиозного значения, однако, в действительности таковыми не являются.[2]

Но чем же в таком случае они были? Может быть, статуэтки вырезывались взрослыми из чисто художественных побуждений? Но тогда чем объяснить их строго канонизированную позу и присутствие на некоторых из них человеческих волос? Одно очень краткое замечание Лисянского указывает, как нам кажется, то направление, по которому следует итти дальше. На таблице его атласа (фиг. 14, рис. II — 2-V) изображена небольшая костяная фигурка с о. Кадьяк, детали которой — поза, положение рук и ног, носовые и ушные украшения, открытый восьмеркообразный рот,[3] наконец, стиль, — совершенно одинаковы с нашей первой статуэткой. Об этой фигурке говорится, что она употреблялась в качестве „куклы“, „для забавы“.[4] Подобного рода статуэтки находились, следовательно, в распоряжении детей. Это указание имеет для нас важное значение. Костяные и деревянные „куклы“ известны различным группам эскимосов.

Среди „кукол“ эскимосов Берингова пролива часто встречаются женские изображения с подчеркнутыми признаками пола.[5] Сопоставляя ряд данных о „куклах“, мы видим, что они не были только игрушками. Некоторые авторы отмечают, что у восточно-гренландских эскимосов куклы часто назывались именами умерших, души которых хотели почтить или удержать при себе передачей им имени покойного.[6] По форме эти

---

[1] W. Iochelson. Archaeological Investigation..., стр. 95.

[2] Langsdorff ук. соч., II, стр. 41.

[3] Трактовка рта в виде восьмерки встречается и на старых памятниках алеутско-эскимосского искусства. Во время раскопок в Port Möller (Аляска) — на границе расселения алеутов и эскимосов — найдены были костяные маски с таким же точно ртом (Ed. Moffat Weger. Archaeological material from the village site at hot Springs, port Möller, Alaska. Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, vol. XXXI, Park IV, New-Iork, 1930, Fig. 13)

[4] Ю. Лисянский. Собрание карт и рисунков..., Атлас.

[5] E. W. Nelson. The Eskimo about Bering Strait. Washington, 1900, Pl. XCIII, Fig. 1.

[6] W. Thalbitzar. The Ammassalik Eskimo, I, 1914, стр. 649.

куклы похожи на амулеты, которые носят гренландские эскимосы на теле привязанными к ремню.[1] Среди эскимосов был праздник, на котором маленькие фигурки или куклы, вырезанные из кости, употреблялись в качестве изображений умерших, перед этими фигурками приготовлялась и разделялась присутствующими эскимосами пища, в воспоминание о том времени, когда изображаемые „куклами" лица были живыми.[2]

Все это говорит о том, что если не все, то по крайней мере некоторые куклы рассматривались, как временное местопребывание для „душ" умерших родственников. Этим вполне объясняется и прикрепление к фигурам человеческих волос. В своей статье „О значении двух уникальных женских статуэток американских эскимосов"[3] я привел ряд доказательств о существовании глубокой связи между женскими статуэтками и представлениями о душах умерших. Внутри головы каждой статуэтки, в специально выдолбленном канале, плотно закрытом деревянной пробкой, хранилась прядь человеческих волос, срезанных, как можно предполагать, с головы той умершей женщины, которую изображала собою статуэтка. В той же статье приведены факты, из которых следует, что волосы, срезанные с умершего, считались вместилищем его души, которая, согласно религиозным представлениям эскимосов, равно как и многих других народов Америки и Азии, должна была возродиться в новорожденном ребенке.[4] Но наделение изображения волосами умершего — это лишь одно из средств

[1] Там же, стр. 646.

[2] Handbook of American Indians, I, стр.395.

[3] Сборник МАЭ, том XI, Ленинград, 1949.

[4] Большой интерес представляют собой религиозные идеи, связанные с волосами живых людей. Азиатские эскимосы, например, уезжая из дома на длительный срок, вырывали у себя из головы несколько волос и привязывали их к одежде ребенка, в уверенности, что эти волосы будут заменять ему уехавшего, и ребенок не будет скучать. Сведения об азиатских эскимосах сообщены мне И. Вобловым, получившим их в свою очередь от эскимоса Ачиргина. Эскимос Ктугье, бывший студент Института народов Севера, подтверждая этот факт, разъяснил мне, что, срезая волосы, эскимосы тем самым как бы оставляли часть своей души при ребенке (записано в 1940 г.). О нанаях (гольдах) Л. Я. Штернберг сообщает следующее: „...когда ребенок заболевает или даже вообще в детском возрасте, когда опасность заболевания особенно сильна, ему остригают волосы и отдают их шаману на хранение; и тогда ребенок уже в безопасности, потому что дух болезни скорее всего мог бы проникнуть через волосы (Л. Я. Штернберг. Первобытная религия. Л., 1936, стр. 299). Здесь мы, повидимому, имеем позднейшее осмысление нанаями обычая срезания волос. Первоначально смысл этого акта несомненно заключался в охране ребенка от злых духов путем перевода его души, заключенной в волосах, в более безопасное место.

У сахалинских гиляков женщинам и мужчинам запрещалось стричь волосы; гиляки верили, что лицо, остригшее волосы, тотчас же лишится всей своей силы. Сведения сообщены А. Рыжковым в 1939 году. Что у гиляков с волосами было связано представление о душе, видно из того, что к дощечке, которая ставилась в могильном домике, на месте сожжения покойника, прикреплялась частица черепа умершего с остатками его волос (см.: Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, ч. II, СПб., 1899 г. стр. 137). Эта дощечка была изображением покойного.

переселения „души" в „куклу" и удержания ее в ней. Тот же результат, по мнению эскимосов, достигался и другим путем, например передачей „кукле" имени покойного. Таким образом, девочке — будущей матери — на длительный срок передавалась тем или другим способом „душа" умершего родственника, якобы ожидавшая возрожденяя.

Игра с „куклой", постоянный уход за ней как бы „закрепляли" душу за девочкой. Когда выросшая обладательница „куклы" выходила замуж и готовилась стать матерью, она думала, что в будущего ребенка должна была перейти „душа", жившая до этого в „кукле". В этом, как нам кажется, и заключалось главное значение как эскимосских, так и алеутских кукол, служивших, якобы, временным местопребыванием для душ умерших. Идеи, связанные с „куклами", восходят, повидимому, к глубокой древности и неотделимы от анимистических представлений. При таком понимании роли „кукол" легко объяснить, почему женщины дорожили ими и носили на себе до замужества. Понятным становится и нежелание эскимосских девушек отдавать кому-либо такую „куклу [1]". Если девушка отдала бы свою „куклу" другому лицу, то вместе с ней „перешла" бы к нему и заключенная в „кукле" „душа", что, в соответствии с представлениями эскимосов и алеутов, должно было привести впоследствии к бесплодию.

Таким образом, привязанность к „кукле" не была простой привычкой к знакомой и любимой игрушке. У взрослых она продиктована была сознанием необходимости поддержания рода и обеспечения потомства.

Наше толкование отнюдь не исключает того, что все подобного рода „куклы" могли иметь значение охранителей. Если встать на точку зрения анимиста, то „душа" умершего, заключенная в „кукле", должна была столь же ревностно „заботиться" о сохранности ребенка или девушки, как сам ребенок заботится о „кукле". В этом была обоюдная заинтересованность: сохранение „куклы" обеспечивало девочке в будущем плодовитость, в то время как забота о здоровье и безопасности ее самой давала возможность „душе" ее родственника своевременно возродиться для новой жизни на земле.

Относительно миниатюрных сидячих фигурок, прикреплявшихся к деревянным охотничьим головным уборам, известно, что они „оберегали" охотника от злых духов.[2] Были ли они изображениями умерших или олицетворяли собою каких-либо других духов-покровителей, — остается неизвестным.

Рассмотрев относящийся к нашей теме материал, мы приходим к выводу, что сидячие статуэтки алеутов (и конягов) не были „идолами", так как с подобными предметами дети не играли. Они не были и изображениями отдаленных предков, поскольку, по представлениям эскимосов, душа

[1] Amerika's Nordwestküste. Neue Folge, Berlin, 1884, Taf. V-16.

[2] Российского купца Григория Шелехова первое странствование с 1783 по 1787 г., I. СПб., 1793, стр. 171; Л. Берг. Открытие Камчатки и Камчатская экспедиция Беринга. Пгр., 1924, стр. 151 (по Вакселю).

умершего возрождалась обычно в его ближайших потомках — внуках, племянниках и т. д. Не являлись они и амулетами в общепринятом смысле этого слова, так как заключали в себе „душу“ человека. Принимая во внимание религиозные представления, связанные с идеей возрождения души, следует видеть в наших статуэтках временные вместилища для „души“, передававшиеся детям (девочкам) в качестве своего рода „кукол“, для игры и ухода за ними. Отношение к такой „кукле“ было двойственным, поскольку заключенная в ней „душа“ считалась одновременно и душой умершего родственника и душой будущего ребенка.

Рисунки Н. Н. Миклухо-Маклая

Н. А. Бутинов

Н. Н. Миклухо-Маклай в своей полевой работе очень часто вынужден был прибегать к помощи рисования, как к более легкому, а иногда и единственному способу передачи виденного. Так, например, о татуировке туземцев он писал, что она „положительно не выходит на фотографии, так что для передачи ее остается утомительный и менее точный, но единственный способ — рисование“.[1] По поводу папуасских телумов он писал: „Даже беглый набросок может дать лучшее о них представление, чем подробное описание“.[2] В этом, несомненно, он был прав. Однако этим значение его рисунков еще не исчерпывается. Его рисунки, помимо точности и наглядности, каких не может дать самое подробное описание, приобретают сейчас и другое значение: в них можно найти зафиксированными те явления культуры, которые в настоящее время уже исчезли или исчезают. Рисунки Н. Н. Миклухо-Маклая представляют собой для целого ряда культурных явлений ценнейший и единственный этнографический источник.

Н. Н. Миклухо-Маклай намеревался свои рисунки „опубликовать в своем иллюстрированном сочинении о береге Маклая“,[3] но это иллюстрированное сочинение, как известно, не появилось: смерть помешала Миклухо-Маклаю выполнить свое намерение.

Только при советской власти, в 1923 г. вышел первый том его „Путешествий“ (изд. „Новая Москва“). В 1940 и 1941 гг. вышли первый и второй томы его „Путешествий“ (изд. Академии Наук). В этих изданиях были воспроизведены некоторые из рисунков Миклухо-Маклая. Однако многие из его рисунков до сих пор еще не увидели света.

Цель настоящей статьи — дать читателю представление о тех рисунках Н. Н. Миклухо-Маклая, которые хранятся в Музее антропологии и этно-

---

[1] Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия, т. I, 1940, стр. 341.
[2] Н. Н. Миклухо-Маклай, там же, стр. 248.
[3] Н. Н. Миклухо-Маклай, там же, стр. 248.

графии Академии Наук СССР (МАЭ), при этом не лишним будет указать, что мы подходим к этим рисункам не с художественной (эта их сторона еще ждет своего исследователя), а с чисто научной точки зрения.

В МАЭ хранятся 47 рисунков Миклухо-Маклая, из них 31 рисунок опубликован. Мы проводим ниже список опубликованных рисунков с указанием их размеров,[1] а также года и страницы последнего издания, в котором они опубликованы:

1. Хижина Н. Н. Миклухо-Маклая в Гарагаси; 32 × 24 см; 1940, стр. 24.
2. Дерево с прибитой к нему мемориальной доской в память пребывания Н. Н. Миклухо-Маклая в Гарагаси; 30.5 × 13.5 см; 1940, стр. 160.
3. Хижина Н. Н. Миклухо-Маклая в Айве; 14 × 19 см; 1940, стр. 303.
4. Дом Н. Н. Миклухо-Маклая на о. Мангарева; 21.5 × 28 см; 1941, стр. 149.
5. Буамрамра и таль на берегу Маклая; 66.5 × 101 см; 1940, стр. 228.
6. Хижина в бухте Кало, на южном берегу Новой Гвинеи; 68.5 × 101 см; 1940, стр. 347.
7. Урумбай, малайское судно, на котором Миклухо-Маклай прибыл на берег Папуа-Ковиай; 17.5 × 22 см; 1940, стр. 284.
8. Папуасская пирога; деталь платформы, якорь, весло; 60.5 × 101 см; 1940, стр. 97
9. Ванг, парусная пирога с о. Били-Били; 23 × 13 см; 1923, стр. 217 (копия этого рисунка, сделанная Миклухо-Маклаем, также хранится в МАЭ; размер 56 × 39 см).
10. Ванг, парусная пирога с о. Били-Били; 68 × 101 см; 1940, стр. 90.
11. Ванг, парусные пироги с о. Били-Били; 68.5 × 101 см; 1940, стр. 186.
12. Дягусли, житель деревни Теньгум-Мана; 22.5 × 13.5 см; 1940, стр. 110.
13. Марамай, житель о. Били-Били; 22.5 × 13.5 см; 1940, стр. 146.
14. Боге, житель деревни Энглам-Мана; 18.5 × 13 см; 1940, стр. 131.
15. Наму, житель деревни Марагум-Мана; 16.5 × 13.5 см; 1940, стр. 165.
16. Туземец с берега Маклая с характерными украшениями на нем; 24 × 16.5 см; 1940, стр. 228.
17. Радъя о. Айдума; 16.5 × 15 см; 1940, стр. 304.
18. Туземец с о-вов Адмиралтейства; 23.5 × 15 см; 1941, стр. 14.

19.–22. Узоры орнамента у папуасов берега Маклая; 64 × 44.5 см; 1940, стр. 259—262.

23. Узоры татуировки у папуасов южного берега Новой Гвинеи; 64 × 44.5 см; 1940, стр. 341.
24. Узоры татуировки. Архипелаг Луизиады; 64 × 44.5 см; 1940, стр. 339.
25. Участник обрядовой пляски в полном наряде; 54 × 180 см; 1940, стр. 168.
26. „Ай“, замаскированный участник обрядов инициации; 28 × 13 см; 1940, стр. 254 (копия этого рисунка, исполненная Миклухо-Маклаем, также хранится в МАЭ; размер 90 × 180 см).
27. Невеста из дер. Бонгу в свадебном наряде; 72 × 180 см; 1940, стр. 174.
28. Способ погребения детей на берегу Маклая; 72 × 72 см; 1940, стр. 240.
29. Гамбор, папуасское погребение на берегу Маклая; 17.5 × 19 см; 1940, стр. 124 (копия этого рисунка, исполненная Миклухо-Маклаем, также хранится в МАЭ; размер 101 × 68.5 см).
30. Гробница туземца под барлой в его хижине (берег Маклая); 68.5 × 101 см; 1940, стр. 239).
31. Лассо, оран-утан; 24 × 34.5 см.; 1941, стр. 197 (голова туземца дана на рисунке в фас и профиль; опубликован только профиль).

[1] При публикации рисунков размеры их не были указаны.

Из остальных 16 рисунков, хранящихся в МАЭ и до сих пор не опубликованных, мы публикуем здесь 13[1].

Табл. I, рис. 1

Два дома на мысу Бугарлом (Новая Гвинея, зал. Астролябии). Здесь Миклухо-Маклай жил в период своего второго пребывания на берегу Маклая, с 4 июля 1876 г. до 10 ноября 1877 г.

„Осмотрев местность около Горенду, а затем около Бонгу,[2] — пишет Миклухо-Маклай в дневнике за 27 июня 1876 г., — я остановился на мыске у самой деревни Бонгу, и на другой же день туземцы, под руководством моих слуг и плотника со шхуны, стали расчищать место для моего дома и широкую дорогу от «улеу» (песчаный берег) к площадке, выбранной мною. На этот раз небольшой деревянный дом в разобранном виде был привезен мною из Сингапура, но сваи, на которых он должен был стоять, весь остов его и крыша были сделаны уже здесь, на месте. К сожалению, желание не задержать слишком долго шхуну и вместе с тем воспользоваться услугами плотника принудило меня не обращать достаточно внимания на качество дерева, почему оно очень скоро пришло в негодность, главным образом от белых муравьев, больших врагов деревянных построек в тропических странах... На шестой день дом мой был готов. В постройке его, кроме меня, принимало участие двое европейцев, двое из моих слуг, несколько десятков папуасов, переносивших срубленные стволы и крывших крышу, а также несколько десятков женщин, очень усердно расчищавших мелкий кустарник вокруг дома. Вследствие того, что сваи, на которых стоял дом, были около 2 м вышины, я обратил нижний этаж в большую кладовую, в которую были перенесены мои вещи... При помощи своих трех слуг, из которых один был малаец, а двое микронезийцы, туземцы островов Палау, и нескольких жителей Бонгу, я скоро привел свою усадьбу в надлежащий вид и устроился довольно комфортабельно".[3]

В октябре того же года Миклухо-Маклай пишет: „Благодаря моему теперешнему положению, гораздо более удобному, чем в Гарагаси,[4] я могу заниматься сравнительно анатомическими работами... Вокруг моей хижины я посадил 22 кокосовых пальмы, которые все принялись".[5]

---

[1] Не публикуются три рисунка: 1 Деревянная чаша („табир"). 2 Разрез хижины 3 Пай в Короре (общественная хижина на о-вах Пелау).

[2] Горенду, Бонгу — названия туземных деревень.

[3] Миклухо-Маклай. там же, т. I, стр. 163.

[4] Гарагаси — мыс на западном берегу бухты. Здесь Миклухо-Маклай жил в период с 15 сентября 1871 г. по 22 декабря 1872 г. Место это оказалось очень нездоровым. Миклухо-Маклай во время своего пребывания здесь был подвержен частым приступам лихорадки. Кроме того, слуги его (швед Ульсон и полинезиец Бой) постоянно болели. Вместо научных занятий ему приходилось самому готовить пищу и ухаживать за больными.

[5] Миклухо-Маклай, там же, т. I, стр. 167.

В июне 1877 г. Миклухо-Маклай приступил к постройке второго дома. В дневнике за август 1877 г. Миклухо-Маклай пишет: „Новый дом, начатый еще в июне, был окончен в первых числах августа. Размерами он совершенно походит на тот, в котором я живу. Думаю, что, вероятно, я и не буду нуждаться в нем, если только ожидаемая мною шхуна придет ранее конца года; если же нет, то мне придется переселиться в него, потому что крыша моего настоящего дома навряд ли выдержит более 18 месяцев: некоторые столбы и балки сильно изъедены белыми муравьями, так что я ежедневно опасаюсь, как бы они не забрались и в ящики с книгами или с бельем. Углядеть за ними очень трудно, так как белые муравьи устраивают крытые ходы от одного предмета к другому, как, напр., от ящика к ящику. Осматривать же ящики каждый день — такая возня, что, действительно, в этом случае игра не стоит свеч. В моем новом доме все столбы и балки сделаны из такого леса, который белые муравьи не трогают. Одно из них было темного цвета, другое — очень белое и твердое, носит здесь название «энглам». Построенная хижина отличалась большой прочностью“[1].

В письме к кн. Мещерскому от 3 июля 1877 г. Миклухо-Маклай пишет: „Пишу Вам из нового моего дома, который приблизительно кончил сегодня и сегодня же перебрался в него. Не стоит писать о трудностях и неприятностях, которых было не мало,[2] даже самых неприятных; замечу только, что я очень утомлен и надеюсь отдохнуть здесь“.[3]

В Петербурге в 1882 г. Миклухо-Маклай на заседании Русского Географического общества говорил: „Само собой разумеется, что я обставил свое пребывание на Новой Гвинее совершенно иным образом, чем в 1871 г. Вместо хижины, которая была не более 7 кв. футов, я привез с собою из Сингапура удобный дом и поставил его в другом месте берега, чем в 1871 г. На этот раз моя резиденция находилась в полумиле от порта Константина, на мыске, называемом туземцами Богарлом (или Бугарлом)... Во второе пребывание на Новой Гвинее, вследствие более удобной обстановки, я гораздо менее подвергался приступам лихорадки“.[4]

Доктор Р. Кох, имея в виду побережье зал. Астролябии, писал: „Вряд ли имеется другая подобная область в тропиках, столь опасная в отношении малярии“.[5] Однако из слов Миклухо-Маклая можно сделать вывод, что в этой области не все места одинаковы. В частности, мыс Бугарлом сильно отличается в климатическом отношении от мыса Гарагаси.

18 марта 1883 г. Миклухо-Маклай в третий раз посетил берег Маклая: „Я направился к тому месту, где в 1876—1877 гг. стоял мой дом. Придя туда, я почти не узнал местности. Под большими деревьями, которые некогда окружали мой дом, рос теперь всюду большой кустарник; только

---

[1] Миклухо-Маклай, там же, т. I, стр. 196—197.

[2] Подчеркнуто Миклухо-Маклаем.

[3] Подлинник письма хранится в Архиве Академии Наук СССР.

[4] Миклухо-Маклай, там же, т. II, стр. 234—235.

[5] Dtsch Medizin Wochenschrift, 1900, № 7, стр. 283.

местами, изредка, проглядывали между зеленью посаженные мною кокосовые пальмы, бананы и множество *Carica papaya*... Вместо широких дорожек, содержавшихся всегда в большой чистоте, около моей хижины оказалось теперь две-три тропинки, по которым можно было пробраться

Рис. 1. Мыс Бугарлом (берег Маклая).

только с трудом. Я пошел прямо туда, где прежде стояли оба дома. Между кустами я нашел полдюжины еще стоявших свай. И это было все".[1]

Рисунок выполнен карандашом. Размер рисунка 27.5×35 см; передний план рисунка заполняет зал. Астролябии. На среднем плане — два дома, в которых жил Н. Н. Миклухо-Маклай. Справа старый дом, с русским

[1] Миклухо-Маклай, там же, т. I, стр. 200.

флагом, укрепленным на крыше; слева — новый дом. В левом углу рисунка изображена небольшая низкая хижина, в которой помещались его слуги и кухня. Дома и хижина окружены лесом и кустарником. На заднем плане — горы Финистер.

Рис. 2. Микронезийская девочка Мира.

Табл. I, рис. 2

Микронезийская девочка Мира была привезена Миклухо-Маклаем на мыс Бугарлом (Новая Гвинея) с о. Бабельтуап (архипелаг Пелау). В письме к сестре от 20 декабря 1878 г. Миклухо-Маклай писал: „Довольно схожий портрет был сделан мною минут в 35 или 40. Размеры глаз замечательно больших, носа замечательно плоского, губ замечательно толстых были отложены на бумаге с помощью циркуля. Подробности о Мире узнаешь со временем из моих дневников.

Когда я отправил ее обратно на место родины, в Малепуок, на остров Бабельтуап, ее дяде, другу моему Томолю Раклаю, ей было приблизительно 14 или $13^1/_2$ лет. Она была у меня от апреля 1876 по апрель 1878 года в Бугарломе и Айру и была часто очень полезна“.[1]

Рисунок исполнен карандашом. Размер рисунка 22.5×14.5 см.

Табл. I, рис. 3

Туземец с о-вов Леунева (Lord Hove Group) с „асангою“ в носовых крыльях.

Рисунок сделан в июле 1879 г., во время путешествия Миклухо-Маклая по о-вам Меланезии на шхуне „Сэди Ф. Келлер“. „Шкипер, — пишет Миклухо-Маклай, — направился к группе Леунева (о-ва Онтонг-Ява или Лорда Гау). Не дойдя, однако же, до этих островов шхуна бросила якорь в лагуне рифа Канделярии (или Ронкадор), где мы застряли почти на целый месяц“.[2] Вероятно, в эти дни шхуну посещали туземцы близлежащих островов, в том числе и о-вов Леунева.

[1] Копия письма хранится в Архиве Академии Наук СССР.

[2] Миклухо-Маклай, там же, т. II, стр. 98.

Термин „асанга“ на о-вах Трук и Мортлок (Микронезия) означает украшение, изготовленное из раковин.[1] Рисунок Миклухо-Маклая свидетельствует о том, что это украшение было занесено также вместе с термином, его обозначающим, и на о-ва Онтонг-Ява.

Рисунок выполнен тушью. Размер рисунка 21×14 см.

Табл. I, рис. 4 — „Барла“ (берег Маклая)

„Почти у каждой хижины, — пишет Миклухо-Маклай, — посетителю бросается в глаза стоящий на четырех ножках помост вроде стола или высокой скамьи. Такие помосты, называемые *барла*[2], имеют 1—1.5 м вышины; они встречаются во всех селеньях как на побережье, так и в горах. Это место отдыха и трапезы мужчин. Когда обед готов, на барлу ставят деревянные блюда, хозяин и гости садятся[3] на нее и могут обедать, не подвергаясь назойливому приставанию многочисленных свиней и собак, кишащих в деревнях. Поев и убрав посуду, папуасы растягиваются на барле, которая теперь играет уже роль дивана или кровати. Барлой пользуются только мужчины: женщины сидят на корточках на земле“.[4]

Рис. 3. Туземец с о-вов Леунева.

Ночь мужчины также проводят на барлах, положив под голову либо большие бамбуки вместо подушки,[5] либо, если не желают помять свою пышную прическу, головные скамейки. Под барлами разводят небольшой костер, „что, при отсутствии одежды, защищает их отчасти от холодного ночного воздуха. Тепло проникает вместе с дымом сквозь щели бамбукового помоста и согревает, даже припекает одну половину тела, тогда как другая половина мерзнет. Ночью им приходится неоднократно вставать, чтобы посмотреть, горит ли огонь“.[6]

---

[1] O. Finsch. Südseearbeiten, 1914, стр. 64.

[2] Подчеркнуто Миклухо-Маклаем.

[3] На барле туземцы сидят на корточках (Миклухо-Маклай. Путешествия, т. I, стр. 56).

[4] Миклухо-Маклай. Путешествия, т. I, стр. 229.

[5] Миклухо-Маклай, там же, стр. 52.

[6] Миклухо-Маклай там же, стр. 230.

Барлы бывают не только около хижин, но и внутри их (одна или несколько, в зависимости от размеров хижины).

Рисунок исполнен красками. Размер рисунка 49×58 см.

Табл. I, рис. 5 — „Парусные пиро́ги“ (о-ва Адмиралтейства)

Рисунок сделан Миклухо-Маклаем, вероятно, 22 августа 1879 г. со шхуны „Сэди Ф. Келлер“, когда она стояла между о-вами Андра и Понам (по Миклухо-Маклаю, Бонем или Понем). В этот день путе-

Рис. 4. Барла (берег Маклая).

шественник записал в дневнике: „С самого рассвета торг с туземцами на шхуне начался. Когда часам к 6 я вышел на палубу, то увидел кучи трепанга разного рода, а также груды жемчужных раковин, которые туземцы в это утро уже успели собрать на рифах. Была низкая вода, и рифы чернели на далеком расстоянии в море; на них копошились женщины и дети, собирая всякую всячину: трепанг и жемчужные раковины для продажи, разных моллюсков и маленьких рыбок для собственного стола. Мужчины в пирогах переезжали от рифа к шхуне, сдавая свой груз и получая взамен «самель» (обру́чное железо); некоторые, более ленивые туземцы или такие, за которых работали их жены или сыновья, выехали в пиро́гах, наполненных разными вещами, предлагая их купить.

На пиро́гах этих можно было видеть разного рода копья, большие «пуенкай» (деревянные блюда), сети для ловли рыб, глиняные горшки, так называемые «кун» (непромокаемые корзины), разного рода украшения, носимые туземцами, и т. д.“.[1]

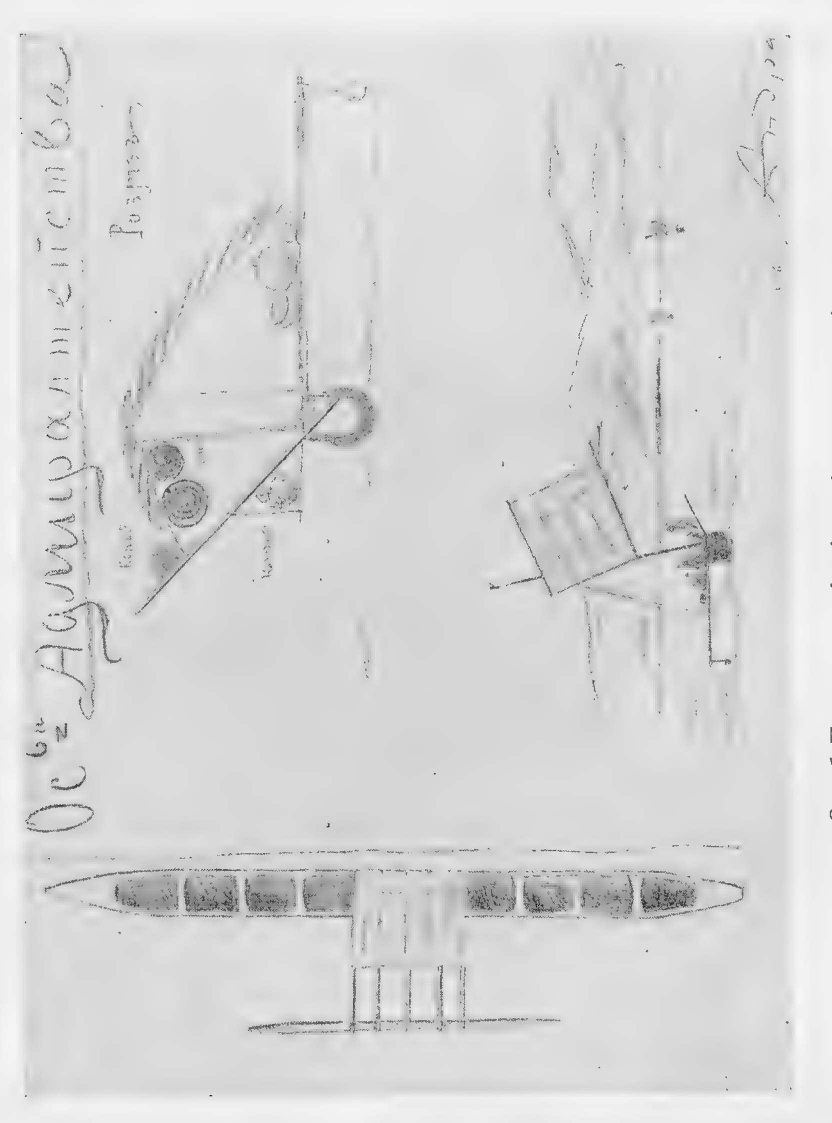

Рис. 5 Парусные пиро́ги (о-ва Адмиралтейства).

Лодки на о-вах Адмиралтейства выделываются на главном острове и отсюда расходятся по всей группе островов. Имеется два типа лодок: 1) лодка-однодеревка, 2) лодка, корма и нос которой сделаны из отдельных кусков дерева.

Лодки и первого и второго типа имеют балансир.[2]

---

[1] Миклухо-Маклай, там же, т. II, стр. 43.

[2] На главном острове для передвижений по рекам употребляется еще один тип лодок: простая однодеревка без балансира; передвигаются на ней при помощи шеста;

Лодки первого типа уже во времена Маклая выходили из употребления. Неверман в начале XX в. видел такие лодки, и то очень редко, лишь около о. Понам (о. Понам лежит несколько восточнее о. Андра).[1] Рисунок Миклухо-Маклая, на котором изображена лодка-однодеревка с балансиром, имеет, таким образом, большую научную ценность.

Рисунок исполнен черным и цветными (синим и желтым) карандашами. Надписи сделаны красным, размеры пироги указаны черным карандашом. Размер рисунка 68.5×101 см; слева дан вид пироги сверху, без мачты и хижины, установленной на платформе. Внизу — вид спереди, с установленной мачтой и четырехугольным (характерным для Меланезии) парусом. На заднем плане — рифы, „чернеющие на далеком расстоянии в море", и неясные очертания главного острова. В правом верхнем углу рисунка дан разрез пироги. Линия разреза проходит через середину платформы и установленной на ней небольшой хижины. На крыше указаны груды копий. Под крышей — деревянные блюда, глиняные горшки.[2] Схематически намечен способ крепления балок платформы к балансиру.[3]

В пироге такого типа умещается обычно от 10 до 15 человек.[4]

Табл. I, рис. 6 — „Татуировка в Меланезии"

Миклухо-Маклай во время путешествия по о-вам Меланезии обращал большое внимание на татуировку туземцев.[5] В его дневнике мы находим немало записей о способе татуировки и характере ее узоров.[6] При чтении этих записей необходимо иметь в виду, что под термином „татуировка" Миклухо-Маклай понимал не только собственно татуировку (от таитянского „татто" — накалывание), но и скарификацию (нанесение на тело шрамов, рубцов и т. д.). Путешественник отдавал себе полный отчет в научной ценности своих рисунков. „Татуировка, — пишет он, — представляет значительный интерес для этнолога: во-первых, потому, что известные орнаменты переходят как бы по наследству, от одного поколения к другому, и характерны для известной местности; при переселении туземцы вместе с языком и физическими признаками переносят также и татуировку в место своего нового жительства, почему на орнаменты татуировки и всю операцию, сопряженную с нею, путешественник должен

в море на ней не выходят. На подобных, но меньших размеров, лодках плавают дети, у берегов главного острова.

[1] H. Nevermann. Die Admiralitätsinseln. 1934, стр. 282.

[2] «На крыше помещения, построенного на платформе пироги, хранятся копья, мачта, канат и т. п. Внутри сидят туземцы, когда они не гребут, а также находится их пища, продукты обмена, одежда и т. д.» (H. N. Moseley. Inhabitants of the Admiralty Islands. Journ. of the Anthropol. Inst., т. VI, 1877, стр. 390).

[3] См. детально о способе крепления балок платформы к балансиру: H. Nevermann, указ. соч., стр. 286; рис. 181.

[4] Миклухо-Маклай, там же, стр. 58; Franz Birgham. Die Admiralitätsinseln und ihre Bewohner, Globus, т. 31, 1877, стр. 202; H. N. Moseley, указ. соч., стр. 404—405.

[5] Миклухо-Маклай, там же, т. II стр. 104.

[6] Миклухо-Маклай, там же, т. II, стр. 11, 17, 19—20, 46 (о-ва Адмиралтейства) стр. 84 (о-ва Гермит или Агомес) и др.

обращать полное свое внимание; во вторых, именно против татуировки миссионеры ведут ожесточенную войну, и по мере распространения христианства обычай этот постепенно исчезает и с ним вместе важный этнологический материал".[1]

Часть рисунков, сделанных во время остановок шхуны у различных островов Меланезии, Миклухо-Маклай соединил затем в один рисунок. К сожалению, не все из них сопровождались указанием местности. Рисунок в левом нижнем углу (квадрат, пересеченный двумя диагоналями)

Рис. 6. Татуировка в Меланезии.

относится к о-вам Гермит или Агомес. Рисунок справа от него (изображение рыбы) — к о-вам Леунева (Онтонг-Ява). Рисунок „пане", расположенный примерно в центре (повидимому, изображающий какое-то морское животное), — к о. Вануалава (Новые Гебриды). Наконец, рисунок „аау", расположенный ниже (второй справа) — к о-вам Луб (о-ва Гермит). Остальные рисунки не имеют географической датировки. Рисунок, расположенный в верхнем правом углу, сопровождается надписью: „на плече". Рисунок исполнен черным и синим карандашом. Размер рисунка 64×44.5 см.

Табл. I, рис. 7 — „Мандюри" (оним после муна)

Миклухо-Маклай не раз был свидетелем празднеств, известных на берегу Маклая под названьями „ай" и „мун". „Меня так заинтересовали эти празднества, — говорил он позднее, — что однажды я почти не спал три дня и две ночи, чтобы присутствовать на одном из них в качестве зрителя".[2] Вероятно, тогда и сделал Маклай зарисовку „мандюри".

Термин „мандюри" означает особое растение или его листья, исполняющие какую-либо магическую функцию. Листья этого растения исполь-

[1] Миклухо-Маклай. Там же, том I, стр. 340—341.
[2] Там же, т. I, стр. 256.

зуются папуасами также в качестве украшения. Само растение называется „дьир“,[1] но когда оно применяется как магическое средство, тогда, повидимому, оно называется „мандюри“. Если (что на берегу Маклая бывает очень редко) на деревянное блюдо наносится растительный орнамент, то это блюдо называется „табир мандьер“.[2]

Рис. 7. „Мандюри“ (берег Маклая).

На рисунке изображен лист этого растения, примененный в качестве оберега (оним) после одного из празднеств (мун). Рисунок исполнен черной тушью и цветными карандашами.

Размер рисунка 68.5×101 см.[3]

Табл. I, рис. 8 — „Помали“

Обычай „помали“ (известный также под названием „пали“, „пади“ и т. д.) распространен среди племен, населяющих острова Малайского архипелага. Миклухо-Маклай трижды упоминает о „помали“. В одном случае он говорит о „помали“ на о. Тимор и на Молуккских о-вах, ссылаясь при этом на книгу Уэллеса „Малайский архипелаг“.[4] Уэллес пишет: „Несколько пальмовых листьев, выставленные с внешней стороны сада и служащие знаком «помали», служат полным и верным средством против „воров“.[5] В двух других случаях Миклухо-Маклай говорит о „помали“

---

[1] A. Hanke. Grammatik und Vocabularium der Bongu-Sprache. 1909, стр. 147.

[2] Semayer. Beschreibender Catalog der Ethnograph. Sammlung Ludwig Biro's aus Deutsch Neu-Guinea, 1901 стр. 90.

[3] О применении листьев или веток в качестве оберега см.: Миклухо-Маклай. Путешествия, т. I, стр. 240.

[4] Миклухо-Маклай, там же, т. I, стр. 265; т. II. стр. 125,

[5] А. Р. Уэллес. Малайский архипелаг. 1872, стр. 210.

на берегу Папуа-Ковиай (западный берег Новой Гвинеи). Термин „помали“ на берегу Папуа-Ковиай является, несомненно, заимствованием. Сравнивая диалекты о. Церам и о. Айдумы, Миклухо-Маклай нашел, как он пишет, „много слов общих“.[1] В этом нет ничего удивительного. „Берег Ковиай,—пишет Миклухо-Маклай, — хотя и реже, чем берега Онин и Нотан, посещается ежегодно макассарскими и серамскими прау, которые приходят сюда с одним муссоном, остаются здесь несколько месяцев в ожидании туземных продуктов и уходят с другим муссоном. Торговцы и экипаж этих судов представляют большое разнообразие народностей и рас: тут есть и бугисы, и макассарцы, и серамцы и люди с о. Хальмахеры, с о. Бутона и др.“.[2]

Рис. 8. „Помали“.

У туземцев южного берега Новой Гвинеи мы не находим термина „помали“, равно как и у туземцев внутренних районов острова. Мы находим у них другие термины, папуасские, например „бодибо“ и „гараби“ у мекео,[3] хотя обычай, обозначаемый ими, посуществу является тем же „помали“.

Мы находим у Миклухо-Маклая беглое упоминание о том, что сходный с „помали“ обычай имеется и на берегу Маклая. Собравшись 4 марта 1872 г на о. Били-Били, Миклухо-Маклай запер обе двери своей хижины „при помощи палок, гвоздей и веревок“, а также укрепил перед каждой из них пальмовую ветвь, т. е. запер их, — как он пишет, — „совершенно à la papoua, т. е. так, как делают туземцы“.[4]

На рисунке изображены предметы, служащие знаком „помали“ на берегу Папуа-Ковиай. Рисунок исполнен черной тушью и цветными карандашами.

Размер рисунка 34.5×68 см.

Табл. I, рис. 9 — „Гамбор“ (берег Маклая)

„Когда человек умирает, — пишет Миклухо-Маклай, — его тело приводят в сидячее положение; потом труп оплетают листьями кокосовой

[1] Миклухо-Маклай, там же, т. I, стр. 304.
[2] Миклухо-Маклай, там же, т. I, стр. 286
[3] См.: C. G. Seligman. The Melanesians of British New Guinea, 1910, стр. 138; R. W. Williamson. Some Unrecorded Customs of the Mekeo People. Journ. of the Anthropol. Inst., т. 43, 1913, стр. 270—271.
[4] Миклухо-Маклай, там же, т. I, стр. 94.

пальмы в виде корзины, около которой жена покойного должна поддерживать огонь в течение двух или трех недель, пока труп совершенно не разложится и не высохнет. Случаи зарывания (немедленного — *Н. Б.*)

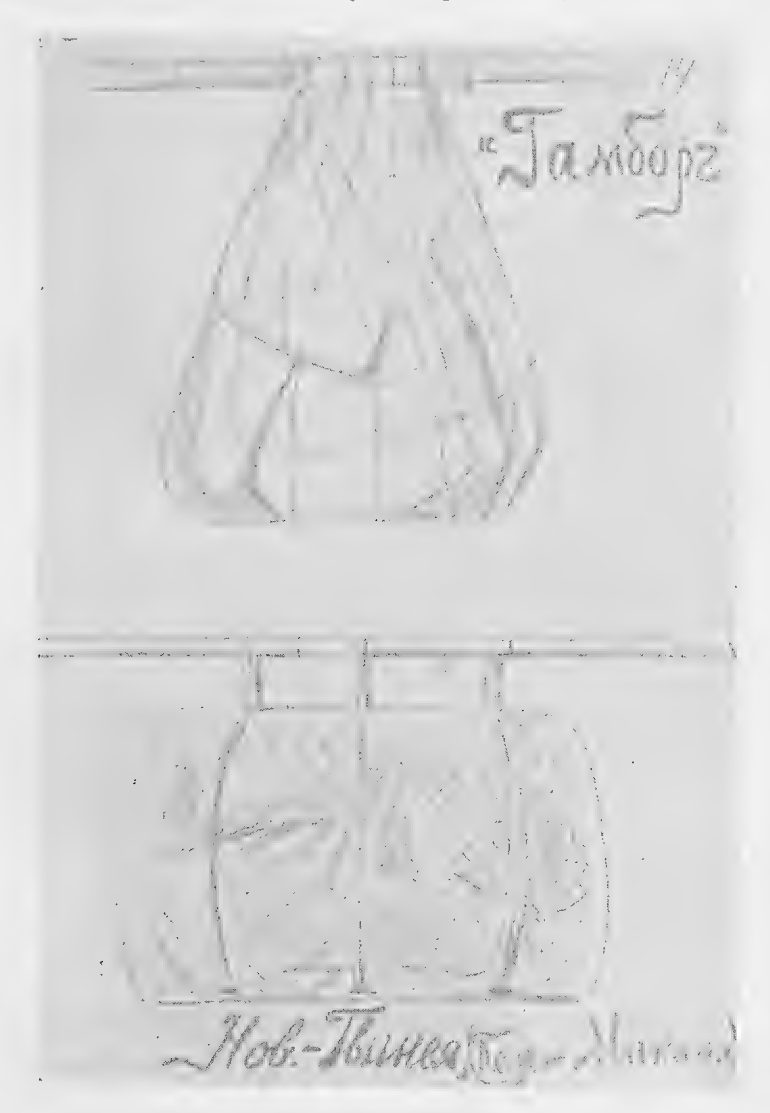

Рис. 9. „Гамбор“ (берег Маклая).

трупов крайне редки и происходят только тогда, когда какой-нибудь старик переживает всех своих жен и детей, так что некому поддерживать огонь. Это и случилось с моим знакомым Маде-Боро, гробница которого под барлой (нары) перед его опустевшей и запертой хижиной представлена на одном из моих рисунков.[1]

[1] См.: Миклухо-Маклай, там же, т. I, стр. 239; рис. 15.

Трупы умерших детей подвешивают в небольших корзинах под крышей хижин“.[1]

Миклухо-Маклай подробно описывает процесс изготовления „гамбора“ (корзины) и помещения в нее тела умершего. „Ближайшие друзья покойного приносят... несколько цыновок и широкие влагалища листьев саговой пальмы и кладут их на середине открытой площадки. Затем они выносят из хижины умершего, связанного ротангом, в положении человека, сидящего на корточках, с упертым в колени подбородком и с руками, обхватывающими ноги... Труп завертывается в принесенные цыновки и очень искусно и крепко увязывается ротангом и лианами, так что получается хорошо упакованный сверток. Привязав тюк с покойником к крепкой палке, его относят обратно в хижину, палку прикрепляют под крышей хижины... После этого хижину оставляют.

„Несколько дней спустя, когда труп уже сильно разложился, его погребают в самой хижине, что, однако, не мешает родственникам жить в ней. Приблизительно через год выкапывают череп, отделяя его от остального скелета. Сохраняют, однако, не череп, а только нижнюю челюсть; ближайший родственник умершего нередко носит ее при себе в гуне[2] или в виде браслета“.[3]

На рисунке изображены два различных вида „гамбора“ (корзины) Рисунок исполнен черным и цветными карандашами. Размер рисунка. 101×68.5 см.

Рис. 10. Телум „Лелия“ (берег Маклая).

Табл. I, рис. 10 — Телум „Лелия“ с островка Били-Били на берегу Маклая и рис. 11 — Бонгу, 27 января 1877 г.

„Почти в каждой деревне, — пишет Миклухо-Маклай, — я видел такие телумы, внимательно их осматривал, узнал их названия и зарисовал не менее 20 штук.[4] Большинство телумов имеет свои собственные имена. Они представляют собой изображения умерших и играют видную роль

[1] Миклухо-Маклай, там же, т. I стр. 236. Рисунок, изображающий способ погребения детей (там же, стр. 240).

[2] Гун — небольшая сумка, сплетенная из растительных волокон, которую мужчины носят подмышкой, на перевязи через левое плечо.

[3] Миклухо-Маклай, там же, т. I. стр. 239—240. Браслет из человеческой челюсти, см. там же, табл. XVIII, рис. 276—277. Относительно процесса изготовления „Гамбора“ и помещения в него тела умершего см. там же, стр. 124—125, стр. 181 и 194.

[4] Миклухо-Маклай, там же, т. I, стр. 248.

в жизни папуасов. Большое количество деревянных и глиняных телумов Миклухо-Маклай привез с собой.[1]

В дневнике за 4 марта 1872 г. Миклухо-Маклай пишет: „Раздав мужчинам табак, а женщинам тряпки и бусы, я пожелал посмотреть на их

Рис. 11. Телум из дер. Бонгу (берег Маклая).

телумы. Меня повели к одной хижине, но в ней было так темно, что пришлось уговорить туземцев вынести телум из хижины. Это был первый телум, изображавший женскую фигуру. Нарисовав его, я направился

[1] Привезенные Миклухо-Маклаем телумы хранятся в МАЭ. Все они опубликованы: см. Миклухо-Маклай. Путешествия, т. I, табл. X—XI.

в довольно обширную буамраму, стоявшую по середине деревни. Четыре угловых столба были вырезаны в виде телумов. Срисовав и их в мой альбом, я обошел всю деревню".[1]

На рисунке изображен деревянный телум с о. Били-Били, изображающий женскую фигуру и носящий имя „Лелия". Рисунок исполнен черной краской. Размер рисунка 72.5×102 см.[2]

Рис. 12. „Тамбуна", помещение для хранения черепов (Соломоновы острова).

На рис. 11 изображен телум из дер. Бонгу. В правом нижнем углу рисунка помечено: „Бонгу, 27 янв. 1877 г." Рисунок исполнен карандашом. Размер рисунка 15×23.5 см.

Табл. I, рис. 12 — „Тамбуна", Соломоновы о-ва

В 1879 г. Миклухо-Маклай посетил Соломоновы о-ва. „Мы попали, — пишет он в дневнике, — на небольшую группу, означенную на картах

[1] Миклухо-Маклай, там же, т. I, стр. 94.

[2] В данном случае мы имеем копию, сделанную Миклухо-Маклаем. Рисунок, исполненный им на месте, был, несомненно, меньших размеров.

именем о-вов Симбо, или Эдистон, в группе Соломоновых По случаю починки снастей мы пробыли здесь дней двадцать, т. е. до 27 декабря. Разумеется, все это время я жил на берегу и остался весьма доволен моим пребыванием там, хотя дождливая погода была причиной довольно сильных пароксизмов лихорадки".[1]

С пребыванием Миклухо-Маклая на Соломоновых о-вах связаны два его рисунка: „Тамбуна" и „Тамате-Тамбуна".

Рис. 13. „Тамате-Тамбуна" (Соломоновы острова).

Название рисунка „Тамбуна" можно перевести, если считать этот термин общемеланезийским, как „помещение для хранения черепов".[2] Рисунок исполнен карандашом. Размер рисунка 68.5×101 см.

Примерно через год после смерти человека родственники его идут к его могиле, раскапывают ее, отделяют череп от остальных костей, счищают с него оставшиеся части мяса, кладут череп в кор-

[1] Миклухо-Маклай. Путешествия, т. II, стр. 100.

[2] На Н. Померании „табуна" означает помещение для хранения (Enthalter). Там же „тумтубан" означает „череп". См.: P. G. Peekel. Grammatik der Neu-Mecklenburgischen Sprache. Archiv für das Studium deutscher Koloniasprachen.

зину и несут к себе в хижину. Здесь череп хранится около месяца, а затем переносится в специальное помещение для хранения черепов. Около этого помещения имеются камни, на которых жарят приносимых в жертву животных (чаще всего свиней). Иногда помещение для хранения черепов окружается резными деревянными фигурами, изображающими тех, чьи черепа хранятся внутри.[1] На рисунке Миклухо-Маклая представлен один из типов таких помещений для черепов.

Табл. I, рис. 13 — „Тамате-Тамбуна" Соломоновы о-ва

Термин „Тамате", несомненно, связан с общемеланезийским словом „мате" — умирать, мертвый. На языке о. Мота (Бэнксовы о-ва) термин „тамате" означает „мертвый человек", „дух".[2]

Рисунок Миклухо-Маклая „Тамате-Тамбуна" интересен тем, что свидетельствует о тесной связи между черепом умершего и деревянной резной фигурой, изображающей умершего. На северном берегу Новой Гвинеи (от бухты Гельвинк до бухты Гумбольдта) эта связь выражена наиболее ясно: там деревянная резная фигура („корвар") изготовляется с очень большой четырехугольной головой, в которой и содержится череп умершего. „Телумы", о которых мы выше уже писали, не имеют такой ясной связи с черепом. Но мы знаем, что на берегу Маклая череп примерно через год выкапывается из земли и хранится, и связь „телума" с черепом также, вероятно, имеется.[3]

Рисунок исполнен карандашом. Размер рисунка 68.5×101 см.

Рисунки Миклухо-Маклая, как это видно из всего выше изложенного, имеют большое научное значение. Нам остается только пожелать, чтобы все они были полностью опубликованы.[4]

---

[1] См.: Oceania, т. VI, 1936, стр. 272; табл. II, рис. 13, а также табл. III, рис. А.

[2] R. H. Codrington. The Melanesian Languages, стр. 82.

[3] См.; Миклухо-Маклай, указ. соч., т. I, стр. 214. Этот вопрос нуждается в особом исследовании.

[4] Большое количество рисунков Миклухо-Маклая хранится в архиве Географического общества.

Статуэтки воинов из Туюк-Мазара

Л. Н. Гумилев

В Музее Этнографии Академии Наук СССР хранятся три статуэтки, значащиеся под № 1903, 1, 2, 3 и изображающие воинов. Из них две конные и одна пешая. Аналогичные фигуры и другие предметы того же происхождения хранятся в Государственном Эрмитаже, куда они были переданы из Музея Этнографии в 1932 г. Статуэтки являются частью коллекции турфанских вещей, купленных у кладоискателей на средства экспедиции С. Ф. Ольденбурга консулом Н. Н. Кротковым.[1] Место находки — Туюк-Мазар. Общее количество вещей этой коллекции 353. Коллекция состоит из „терракотовых фигур и обломков деревянных и металлических предметов“.[2] В настоящее время большая часть ее хранится в Эрмитаже, но даже та часть коллекции, которая оказалась мне доступной, дала возможность высказать ряд соображений по истории Центральной Азии. Надо надеяться, что дальнейшее опубликование этой коллекции принесет еще более плодотворные результаты.[3]

ОПИСАНИЕ СТАТУЭТОК

Воины

Статуэтки воинов, конные и пешие, сделаны из лёссовой глины и раскрашены. У одного из всадников (МАЭ) отсутствуют обе руки, у второго одна рука сломана, другая лежит на шее коня и, повидимому, держит поводья. Всадники Эрмитажа той же сохранности. Пехотинец из коллекции МАЭ сохранился лучше эрмитажных и положен в основу описания. Размеры всадников МАЭ (оба одной величины): общая высота 35 см; высота чолки коня 24 см; высота крупа коня 19 см; высота сидя-

---

[1] Отчет Академии Наук за 1911 год, стр. 108.

[2] Там же, стр. 119.

[3] Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность моим учителям Н. В. Кюнеру и М. И. Артамонову за их советы и руководство и сотруднику Эрмитажа Н. В. Дьяконовой, ознакомившей меня с той частью коллекции, которая хранится в Эрмитаже.

щего всадника от носка до головы включительно 24 см; ширина плеч всадника 6 см; ширина крупа коня 8 см; высота пехотинца 27 см; ширина его плеч 0.5 см; высота до плеча 20.5 см.[1] Пехотинцы и всадники одеты одинаково, причем одежда, приспособленная для конной езды, указывает на то, что пехотинец является сошедшим с коня всадником, а не особым родом войск.

Боевая одежда не имеет различия, что дает основание толковать ее как униформу. Она состоит из головного убора и панцыря.

Головной убор напоминает современный казахский малахай. Это островерхая шапка, сзади ниспадающая на плечи и спину. Малахай покрыт металлическими пластинками, как показывает расцветка, — сочетание желтого, белого и синего цветов, создающее впечатление металлического набора (железо и медь). Малахай снабжен коричнево-красной оторочкой (мех).

Рис. 1. Пеший воин из Туюк-Мазара. Фас.

Рис. 2. Пеший воин из Туюк-Мазара. Профиль.

Воины одеты в халат с высоким, доходящим до подбородка воротником. Цвет халата в пяти случаях светлозеленый, в одном — белый и в двух — охряно-красный. Повидимому, халат был личной одеждой, а не частью униформы. Халат доходит до половины голени и застегивается на правую сторону, так что левая пола оказывается сверху (см. ниже). Поверх халата надет панцырь из металлических пластин, отороченный коричнево-красной каймой. Панцырь доходит до колен, подпоясан узким поясом, рукава короткие, выше локтей. Надевался он, очевидно, через голову. Этот панцырь сходен с сарматским катафрактом[2] и характерен для тяжелой конницы. Аналогичные

[2] Удивляет непропорциональность: спина лошади на уровне плеча человека. Либо лошади огромны, либо люди карлики. Та же пропорция повторена в наскальных изображениях Сулека (Верхний Енисей). См.: Aspelin. Types des peuples de l'ancienne Asie Central. Helsingfors, 1911, стр. 11.

[1] См. Tacitus, Historia, 1.79.

панцыри применялись до недавнего времени в Тибете, причем пластины связывались между собой ремешками[1], но надо полагать, что в более раннее время этот тип вооружения имел широкое распространение, пока не был вытеснен кольчужной рубашкой, как более совершенной, легкой и прочной.[2]

Рис. 3. Воин из Туюк-Мазара.

На ногах шаровары, желтые с черными пятнами (вероятно, барсовая шкура), доходят до щиколотки и вправлены в сапоги. Сапоги черные, мягкие, вероятно, войлочные (так как они не облегают ногу, а имеют свою форму, как валенки), походят на те, которые до нашего времени носят в Тибете и Восточном Туркестане, что показывает принадлежность к восточно-азиатской культуре.

Оружие сохранилось только у пешего воина. Это длинная, легкая пика (камышина), годная для кавалерийского боя.

Несмотря на близость этой одежды к тибетской, мы наблюдаем существенное различие: отсутствует напуск около пояса, характерный для Тибета и не применяющийся центральноазиатскими кочевниками.

Лошади

Лошади сделаны внимательно и носят на себе ряд видовых черт, позволяющих уточнить их породу. Они крупны, с широким крупом, тонконогие, короткошеие, с тяжелой головой. Грива, расчесанная и подстриженная, подчеркивает тщательный уход.

Эти лошади не имеют ничего общего с монгольскими, но весьма похожи на изображения Саманидской эпохи; в особенности на статуэтку из Хо-Нани.[3] Масть их различна: одна гнедая, другая игреняя, третья

---

[1] См. описание коллекции Музея ИЭ: Вооружение тибетского воина.

[2] См.: Aspelin, указ. соч., стр. 13 (опубликовано наскальное изображение).

[3] Laufer, B. Chinese clay figures, p. I. Chicago. 1914, стр. 313—314, Pl. LXVII; A. Stein. Innermost Asia, Pl. XCV, фиг. 5.

серая в яблоках, четвертая светлоголубая. Если три первые реалистичны, то голубой цвет имеет, как я полагаю, символическое значение, которое я постараюсь истолковать ниже, в другой связи.

Особое внимание обращает конская сбруя. Широкое седло, без подушки и с низкой передней лукой лежит на двух черных потниках,

Рис. 4. Всадник из Туюк-Мазара.

причем нижний снабжен белой каймой. Седло светложелтое, вероятно, деревянное, снабжено круглыми стременами, подхвостником, нагрудником и пятью тороками; в отличие от современных седел, от нагрудника идет дополнительная шлея, через спину лошади, впереди седла. Вероятно, назначение ее — облегчить спуск при горной езде, к которой приспособлено седло. Сбруя украшена белыми круглыми бляхами, может быть, серебряными, и сердцевидными оранжевыми или бурыми кистями, висящими на нагруднике, подхвостнике и узде.

Лошади не взнузданы, что указывает на их хорошую выучку; грива подстрижена. Все это создает впечатление хорошо натренированного и под-

готовленного кавалерийского коня, которого любят и на которого надеются в трудные минуты.

Всадники сидят в седле, свесившись на бок (казачья посадка); что обличает людей, проводящих в седле большую часть жизни. Стремена, в отличие от современной езды кочевников, опущены низко. Отсутствие аналогий заставляет предполагать, что посадка продиктована практическими соображениями: высоко подтянутые стремена удобны для стрельбы из лука и закидывания аркана, так как всадник, держась коленями, не зависит от тряски, тогда как при длинном стремени всадник, держась на шенкелях, приобретает устойчивость, необходимую для рубки и колки длинной пикой (ср. казачью езду).

Необычно большое количество тороков заставляет предполагать, что для наших всадников длинные переходы и добыча были явлением предусмотренным, т. е. это было не гарнизонное, а полевое войско.

В заключение необходимо остановиться на физическом типе. Лица воинов отображают не индивидуальные, а типологические черты. У них выражены брахицефалия и plica mongolica, брови приподняты, глаза раскосые, прямой и низкий нос. Скулы не очень широки, но выпуклы, лица широкие. Редкие усы, висящие вниз или подкрученные, и скудная растительность на подбородке дополняют характеристику. На одной статуэтке показаны волосы, зачесанные назад. Это, несомненно, монголоидный тип народности не монгольской, но близко стоящей к монголам.

Другие фигуры

Кроме воинов, в коллекции имеются статуэтки и бюсты мирных людей, причем они не менее интересны для исследования. Три из них изображают, по нашему мнению, турфанцев — представителей местного населения. Они того же размера, в той же позе, что пешие воины. Одеты в светлозеленые халаты, подпоясанные узким черным поясом, и в мягкие сапоги. Голова немного нагнута, и руки сложены на груди, как у пеших воинов, но на этом сходство оканчивается.

Физический тип одного из них не имеет в себе ни одной монголоидной черты: густые брови, подчеркнуто большие глаза, борода не только на подбородке, но и на скулах, густые усы, тонкий высокий нос, маленький рот с полными красными губами — все обличает иной, хорошо нам известный антропологический тип, ныне обитающий в Туркестане как западном, так и восточном. Другая статуэтка в светлозеленом халате имеет больше монголоидных черт, но не столь много, как воины. Третья в темносинем халате, относится к среднему типу. Очевидно, гражданское население Турфана было этнически смешанным.

Замысел художника — подчеркнуть антропологические черты — совершенно несомненен.

Вторым существенным отличием гражданского населения от воинов является прическа: волосы зачесаны назад и заложены на темя пышным воланом. Это сооружение прикрыто черным колпачком с круглым верхом,

со складками и завязками. Точно такую же прическу имеет китаец, бюст которого входит в нашу коллекцию. Бюст этот сделан из той же лёссовой глины и посажен на деревянную подставку. Здесь расовые черты подчеркнуты как нельзя более: узкие глаза, plica mongolica, широкие, редкие брови, короткий плоский нос и сильная скуластость. Однако, в отличие от прочих статуэток, этому лицу приданы индивидуальные черты — морщины на лбу, у углов губ и глаз. Это лицо пожилого, некрасивого, но умного и живого человека.

Вторая головка, в основном совпадая с первой, имеет индивидуальные отличия: глаза сужены, морщины углублены, выражение более меланхолично. Очевидно, китайские лица были художнику ближе и понятнее, и потому он невольно придавал им выражение, тогда как иноземцы сделаны шаблонно, на одно лицо.

Перехожу к рассмотрению трех фрагментов женских фигур. Бюст китаянки окрашен не матовой, а глянцевитой краской. Это — китайская красавица, „Бут чини“ персидских сказок, с широким лицом, чуть раскосыми глазами и румянцем во всю щеку. На прическе, подобной мужской, укреплен гребень, или шапочка имеет вид гребня, от затылка справа вверх налево к темени. На черном колпачке золотые украшения. На лбу красный знак 〈ᶦᶦ/Г〉 (татуировка).

Второй бюст существенных отличий не имеет.

Третий фрагмент женской фигурки совершенно иной. Сохранилась верхняя часть статуэтки, до пояса. Грудь плоская, лицо длинное и широкое, похожее больше на современные казахские и узбекские, чем на китайские. Головной убор представляет колпак, вершина которого лежит надо лбом, а задняя часть спадает иа спину. На висках отвороты. Колпак синего, а отвороты красного цвета. Я полагаю, что отличия в типе и головном уборе дают основание отнести это изображение женщины не к китайскому, а к кочевому миру.

Сравнивая наши статуэтки, мы видим, что художник подчеркнул психофизические черты, придав воинам общее выражение решительной жестокости, турфанскому крестьянину — тупой покорности, китайцу — хитрости и ума, а китайская красавица оказалась утонченной орхидеей из гаремной оранжереи. Эти наблюдения помогут нам также при интерпретации памятника, поэтому я и уделяю им внимание.

В заключение нужно сказать, что эти статуэтки ни в коем случае нельзя считать предметами, рассчитанными на эстетическое воздействие на зрителя. Делались они, видимо, трафаретно и довольно небрежно, что видно из того, что при раскраске панцырей синяя краска, сливаясь с желтой, дала грязно-зеленые пятна.

МЕСТО НАХОДКИ СТАТУЭТОК

Название места, откуда они получены, также привлекло мое внимание. Мазар — общеизвестное название могилы, погребения. Этимология слова Туjук — 1) запертый, огражденный, 2) целый, полный, 3) запруда, закрытое

место[1] — не дает путей для решения вопроса. Но в географической литературе по Турфану мне удалось найти описание этого места: Туюк — ущелье, по которому протекает небольшая чистая речка. Небольшой оазис с садами и виноградниками. По обеим сторонам ущелья, на расстоянии мили от его начала, расположено большое количество храмов и склепов, сильно пострадавших от кладоискателей. Могилы эти были издавна местом паломничества.[2] Туюк-Мазар — самое крупное погребальное сооружение среди развалин западной части горловины ущелья. Центральная часть его состоит из камеры и двух рядов сводчатых комнат по бокам. Комнаты эти примыкают к скале, в которой вырезаны кладовки.[3] Это — несомненные склепы, и отсюда вытекает назначение наших статуэток. Мы знаем, что по древнему китайскому погребальному обряду в могилы знатных людей вкладывались изображения рабов, стражи, наложниц, домашних животных, макеты пищи и т. п. Эти изображения (ныне делаемые из бумаги) заменили первоначальные кровавые жертвы людей и животных. И тут мы имеем дело с обычным китайским погребением или погребением по китайскому образцу. То, что наши статýэтки действительно оттуда, подтверждается совершенно аналогичной статуэткой Стейна, к сожалению, так же как и наши, купленной у кладоискателей.[4] Очевидно, это интереснейшее погребение было совершенно разграблено и уничтожено.

Однако я не отказываюсь от надежды интерпретировать и датировать памятник. Это можно сделать двумя путями: 1) привлекая материал по истории Центральной Азии и Китая и 2) исследуя литературу по древностям Турфана в поисках аналогичных погребений. Оба пути приводят нас к цели, но первый путь исследования дает нам при достаточном истолковании памятника лишь примерную датировку, которую второй уточняет, подтверждает и дополняет. История и археология вместе дают полноценные выводы.

КОГО ИЗОБРАЖАЮТ СТАТУЭТКИ

В логике равно допустимыми считаются два типа доказательства: 1) прямое и 2) косвенное, от противного. Мы ничего не знаем об оригиналах наших статуэток, поэтому прямое доказательство здесь не применимо. Об истории Центральной Азии мы имеем некоторые сведения и, идя от нее, можем косвенным путем добраться до интересующего нас результата.

Начнем с отрицательных суждений.

Наличие стремян показывает, что нижней пограничной датой является VI в., так как раньше металлические стремена известны не были.

---

[1] Опыт словаря тюркских наречий В. В. Радлова. т. II, СПб., 1911, стр. 1436—1437.

[2] A. Stein. Innermost Asia, vol. II, p. 614. Подробнее см.: Klementz. Expedition nach Turfan, стр. 35 и сл.

[3] A. Stein, указ. соч., стр. 615; см. также: Grünwedel. Kultstäten, S. 317.

[4] A. Stein, указ. соч., стр. 619; описание на стр. 632.

Следовательно, наши воины не гунны, не усуни и не юечжи. Мало данных считать их жуань-жуанями. Равным образом: облик монгольского воина нам хорошо известен (см.: Ars Asiatica, 1, стр. 38).[1] Посадка, одежда, порода лошади настолько отличны от наших всадников, что мы без труда можем принять XII в. за верхнюю пограничную дату и, исходя из этого, заключаем: они могут быть либо китайцы, либо тибетцы, либо уйгуры, либо тюрки.

Но они не китайцы, так как носят левую полу наверху (левополые — кочевники, в частности, тюрки; см. Иакинф, Собр. свед. I, II, стр. 26). Тип лица также не китайский, не монгольский и не тибетский, смягченность монгольских черт свойственна „западно-сибирской расе“ (по Ярхо), т. е. тюркам.

Они не тибетцы, так как отсутствует характерный тибетский напуск одежды у пояса.

Они не могут быть согдийцами, персами или арабами, так как монголоидность, подчеркнутая мастером очевидно, не случайна. Не случайна и восточно-азиатская обувь.

Они не местное население Турфанского оазиса, так как:

а) посадка обличает кочевников, а не севших на коней земледельцев;

б) одежда предназначена для конного строя, ибо она длинная и широкая, равно длинная и тонкая пика негодна для борющегося с конницей пехотинца;

с) Турфан никогда не был агрессивным государством, предпринимавшим далекие завоевательные походы, а большое количество тороков (пять) заставляет думать именно о длинных походах, связанных с добычей.

Итак, остаются только кочевники.

В этот период в Турфане господствовали тюрки и уйгуры. Чтобы выбрать между ними, мы должны сделать еще несколько замечаний:

а) униформа показывает, что это регулярное войско;

б) длинные стремена, удобные для рукопашного боя, свидетельствуют, что это тяжелая кавалерия;

в) отсутствие удил показывает, что не только люди, но и кони прошли специальную выучку;

г) обилие украшений говорит о состоятельности владельцев.

Эти воины — горцы, что показывает форма седла и сбруи (нагрудники, подхвостники и дополнительная шлея). Следовательно, это была регулярная тяжелая конница, укомплектованная горцами. Такими не могли быть степняки-уйгуры, о коих мы читаем: „В сражениях не строятся в ряды; отделившейся головой (головным отрядом) производят натиск. Вдруг выступают, вдруг отступают, постоянно сражаться не могут“.[2]

Не менее показателен разговор между тибетским полководцем Шан-Шацзяном и китайским послом Ли Юань-Дином, происходивший в 20-х годах IX в: „Уйгурия, — сказал Шан-Шацзян, — в сущности небольшое государство. Некогда я вел с ней войну и уже подходил

[1] Cavalier mongol rentrant de la chasse, par Tchao Mong-fou (XIII—XIV siècles).

[2] Иакинф. Собр. св. I, II, стр 249.

к ее столице, когда неожиданная смерть государя потребовала моего возвращения на родину. В военном отношении эта держава не может считаться нашим соперником. Чем же объяснить то уважение, которое питает к ней императорское правительство?"

„Мы уважаем это государство за то, — отвечал китайский посол, — что оно свято блюдет договоры и не покушается на чужие земли".[1]

И в самом деле, вольнолюбивые уйгуры, отчаянно отстаивавшие свою самостоятельность от жуань-жуаней и тюрок, оказались неспособными создать хоть сколько-нибудь прочное государство, а раз нет государства, то не может быть и регулярной армии.

Все вышесказанное убеждает нас, что оригиналы наших статуэток уйгурами не были.

Мы полагаем, что они были тюрками, и в данном случае мы имеем возможность применить прямое доказательство. Первым доводом, говорящим в пользу этого предположения, является голубой цвет одной из лошадей, необъяснимый с позиций реалистического искусства, но вполне понятный, как символический. Голубой цвет был национальным и любимым цветом тюрок, и в орхонских надписях даже ко всему народу тюрок применяется эпитет „кок" — голубой.[2] Дальнейшая аргументация потребует привлечения материала из политической истории тюрок.

История тюрок начинается с 430-х годов VI в., когда в Китае впервые появилось посольство этого народа. Что-то заставило китайское правительство отнестись со вниманием к небольшому племени, затерянному в горах Алтая и подчиненному жуань-жуаньскому кагану. И действительно, история улыбнулась тюркам. В 546 г. Тумын покоряет уйгуров, действуя как вассал жуань-жуаньского кагана Анахуаня. Вслед за этим он поднимает восстание и наголову разбивает жуань-жуаней в 552 г. Анахуань кончает самоубийством, а остатки его орды, бежавшие в Китай, истреблены там в 556 г. В том же году удачным набегом разорено королевство Тогон, а к 560 г. покорены кидани и киргизы. Тюркские владения доходят до Желтого моря на востоке и Верхнего Енисея на западе. На юге, действуя в союзе с персами, тюрки сокрушают державу эфталитов в 563—567 гг. и доходят до Аму-дарьи, а в 576 г. мы находим их осаждающими Боспор. Двумя набегами они принуждают империю Ци к уплате тяжелой и унизительной дани. В 582 г. Шэту-Шаболо хан мог мобилизовать 400 000 стрелков.[3]. За какие-то 30 лет (одно поколение) небольшое алтайское племя стало гегемоном Азии. В дальнейшем Суйская династия, располагая средствами объединенного Китая и первоклассным лазутчиком в лице Чжан-Сун Шена, пользуясь распрями в среде тюрок и союзом с восставшими против тюрок племенами, не только не смогла подчинить тюркский каганат, но сама пала под ударами основателей

[1] См.: Иакинф. История Тибета и Хухунора, ч. I, стр. 221—222. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, 1926, т. II, стр. 347

[2] Труды Орхонской экспедиции, СПб., 1897, т. VI, стр. 17.

[3] St. Julien. Documents sur les Tou-kious. Journ. Asiatique, 6 série, III, стр. 362, 1864.

династии Тан: Ли-Юаня и Ли-Шимина, опиравшихся на союз с тюрками, в 618 г.

Что могло привести к таким успехам или, вернее, откуда взялись у тюрок силы для таких завоеваний? Это одна из загадок средневековой истории Центральной Азии. Не менее загадочен и другой факт: в 630 г. Восточно-Тюркская держава пала. Это тем более странно, что война 620—626 гг. была выиграна тюрками; дальше идут почти непрерывные успехи не Китая, а Танского правительства. В 641 г. разгромлено племя Се-Янто, сильнейшее из уйгурских племен. В 640 г. покорен Гаочан, а в 648 г. взята Куча. В результате войны 653—657 гг. Западно-Тюркская держава покоряется Танскому правительству и вплоть до 70-х годов VII в. Китай является гегемоном Азии. Вдруг его сила куда-то исчезает, и тибетцы, тюрки, уйгуры и арабы лишают Танское правительство всякого влияния к северу от Великой Стены за целое столетие до того, как внутренние неурядицы повлекли разложение и крушение династии Тан.

Это — третья загадка, и, мне кажется, что разобраться во всех этих загадках частично могут помочь наши всадники.

Возвращаясь к вопросу о принадлежности оригиналов наших статуэток, я укажу, что только одно войско в VI—VIII вв. соответствовало всем, отмеченным нами, положительным признакам, т. е. было тюркским по происхождению, горным, восточно-азиатским по культуре, регулярным и совершавшим далекие походы.

Это — „фули" — „волки" китайских источников, непобедимая гвардия тюркских ханов. На вооружении их состояли: „роговые луки со свистящими стрелами, латы, копья, сабли и палаши. Знамена с золотой волчьей головой".

Термин „Латы" — cuirasse (Жюльен) возбуждает сомнения, но китайское слово 甲 „цзя" означает вообще панцырь, а не только латы, причем в Цы-Юань (т. II, стр. 58) указывается, что в это понятие входят различные роды панцырного вооружения; характерно, что в этом описании упомянут панцырь, тогда как в описании уйгурского вооружения панцырь отсутствует.[1] Из этого следует, что тюркское войско отличалось от прочих кочевых не только наличием организованного ядра, но и техническим нововведением — тяжелой панцырной кавалерией. Чтобы разобраться в этом явлении, мы должны обратиться к тюркской доистории, т. е. к V в. В 439 г. один из пограничных кочевых князей Ашина бежал к жуань-жуаням и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал для них железо.[2] С добыванием железа связаны и легенды о происхождении тюрок.[3] Железо в Центральную Азию до этого времени ввозилось из Китая и, может быть, Ирана и поэтому не имело широкого распространения. Китайский хронист не случайно подчеркнул металлургические способности тюрок. На наших статуэтках мы также наблюдаем метал-

[1] См. Иакинф, Собр. свед., I-II, стр. 251.
[2] См. Иакинф, указ. соч., стр. 258.
[3] Там же.

лический набор, в котором железо играет главную роль. Теперь становится понятно, какую грозную силу представляло технически оснащенное ядро тюркских войск. Сотни тысяч стрелков из лука не могли сделать того, что сделали несколько тысяч панцырных копьеносцев. Конечно, ни держава жуань-жуаней, представлявшая собой просто разросшуюся разбойничью банду, ни разрозненные и технически отсталые орды огоров, тюргешей, киргизов, киданей, ни миролюбивые китайские крестьяне, руководимые конфуцианскими философами,[1] ни разложившиеся поздне-сасанидские войска не могли равняться с этой грозной, упорядоченной и рвавшейся к добыче армией. Это объясняет многое. Как только Ли-Шимин Тай-Цзун, будучи сам инородцем, сумел привлечь на свою сторону хотя бы часть этих солдат и противопоставить их другой части, преимущество перестало действовать, и Восточно-тюркская держава пала (630 г.).

Насколько важно было для Тай-Цзуна удержать в своих рядах тюрок, видно из его политики по отношению к остаткам орды и кагану Ашине Сымо, которому, случайно раненному стрелой на охоте, сам император стал отсасывать кровь. Пока Танское правительство располагало тюркскими контингентами, оно побеждало повсюду, но как только недальновидная политика преемников Тай-Цзуна вызвала в 681 г. всеобщее восстание тюрок, то Танское правительство не нашло сил ни для подавления восстания, ни для продолжения агрессивной политики, ни для защиты собственных границ от возрастающего могущества тибетцев. Конечно, предприятие Кутлуга и Тон'Юкука было обречено на гибель. За полтораста лет ситуация успела измениться. Появились арабы, активизировались тибетцы, сложился союз киданьских племен, и заклятые враги тюрок — уйгуры имели достаточно железного оружия, чтобы охранять свою независимость. Удивительно другое: что тюрки сумели продержаться 60 лет, прежде чем были разбиты и физически истреблены теми племенами, для которых они в продолжение двухсот лет были источником страха, оскорблений и обид. В огненных строках орхонских надписей отражена безнадежная, последняя борьба тюрок против всех, а об их страшном конце мы читаем в сухом изложении Тан-Шу. Тюркская орда жила и погибла, как волк, голову которого она несла на своих знаменах, не давая и не прося пощады.[2]

---

[1] См. В. Алексеев. Древние китайцы на страже своих границ. Изв. Акад. Наук СССР, отдел. литер. и языка, т. IV, вып. 5, 1945.

[2] Эта мысль находит себе подтверждение в китайских текстах, которые Н. В. Кюнер перевел и любезно предоставил мне. В сочетании с описанием небоеспособности китайской армии в уже приведенной статье В. М. Алексеева, они иллюстрируют Ганскую политику и использование как инородческих войск, так и целых племен в борьбе с ведущими кочевыми народами Центральной Азии. Поэтому я считаю полезным опубликование их.

„Вначале се-янтоский Чженьчжу Бицзулу Кехань отправил посланника просить брачного союза. Тайцзун согласился выдать за него принцессу, потребовав от кагана приготовить церемонию личной встречи (невесты) и лично отправиться в Линь-Чжоу участвовать в церемониальных собраниях. Сеянто раньше не имели складов и

Решив вопрос об этнической принадлежности наших статуэток, мы должны уточнить его как в смысле датировки, так и в смысле назначения и роли оригиналов и самих статуэток в условиях Турфана. В этом нам поможет его история в периоды Гаочанский и Китайский.

Турфанский оазис издавна был одним из крупнейших культурных центров восточного Туркестана. Китайцы вели из-за него ожесточенную войну с гуннами и, одержав победу, основали там военную колонию Гаочан-лей.[1] В период смуты, после падения дома Хань, Китай потерял восточный Туркестан, но большое количество китайцев осело на благодатных почвах Турфана. Полной самостоятельностью Гаочан не пользовался, последовательно подчиняясь жуань-жуаням, гаогюйцам, и, наконец, в 590 г. был завоеван тюрками. Однако это завоевание не означало прекращения местной династии. Тюрки лишь заставили гаочанцев принять в знак покорности тюркские обычаи и одежду.[2] Все это время в Гаочане

хранилищ и средств для перемещения запасов. Кроме того, проезжая по 10 000 ли, переходя пески и камни без воды и травы, и бараны и лошади во множестве гибли. Таким образом, пропустили срок (свадьбы). В конце концов сеянто представили уменьшенное число лошадей и баранов. После этого, при отправлении обратно их посланника, некоторые из сановников говорили: „Когда согласились дать в жены принцессу, границы Сеянто получили спокойствие. Приняв предложенные брачные подарки, мы не можем нарушить доверие иноземцев. Следует быстро покончить". Тай-цзун сказал: „Вы, судари, знаете древнее и не знаете нынешнего. В древности при Ханьской династии Хунну были сильны, а Китай слаб. Поэтому, щедро украшая брачную пару, мы отдавали царевну в жены шаньюю. Ныне Китай силен, и северные варвары слабы. Китайских солдат тысяча может разбить несколько десятков тысяч их. Сеянто поэтому покорствуют, бьют челом на наши гневные действия. Не смеют высокоумничать и пренебрегать, вследствие того, что недавно поставили правителя и разные племена, смешанно живущие, не подчиняются его управлению. Непрестанно опираясь на великое государство (Китай), они заставляют покориться эти народы (войска). У тех Тунло, Пугу и прочих 10 племен — у каждого войска несколько десятков тысяч. Если они не смеют выступить, то потому, что боятся Китая, смотря, что сеянто поддерживается нами. Если теперь женить его на царевне, то зять великого государства увеличит и возвысит свое достоинство, крепко привяжет своих единомышленников. Разные семьи и племена еще более почтут его и покорятся ему. Люди варвары разве знают благодеяние и справедливость. Совершенно неожиданно прикажут войскам двинуться на юг (против Китая)... Ныне, если не дать за него (кагана) царевну, это сделает его жизнь очень ограниченной. Все семьи и племена сразу узнают, что мы покинули его. То, что они поспешат напасть на него (на кагана), будет непременно". Вэньсянь-Тункао Дуан-линя, т. XVI, цз. 344, стр. 15-б. Другой текст из Вэньсянь-Тункао, т. XVI, цз. 344, стр. 17-а — 17-б, говорит об использовании в Китае воинов-инородцев: „Ань-Лушань, восстав, захватил их (Тунло) войско и употребил их на службу под названием Илохе, что значит по-китайски: молодцы — отборные, крепкие люди в свите воеводы". Первый текст дает нам представление о подготовке одной из наиболее кровавых в истории Азии расправ. Подробности трагической гибели народа сеянто, вместе с этой эфемерной державой, достаточно освещены в европейской и русской литературе. Для нашего изложения имеет огромное значение замечание Тай-цзуна о сравнительной силе кочевых и Танских войск. Объяснение этого мы находим во втором тексте, где подчеркнуты высокие боевые качества наемных войск.

[1] См.: Иакинф, Собр. свед., III, стр. 149 и ниже.

[2] См. Иакинф, там же.

боролись китаефильская и сепаратистская партии, причем последняя опиралась на кочевников. К концу VI в. значение Гаочана выросло настолько, что его владетель Бо-я, был сыном дочери тюркского хана, т. е. был родственником знатнейшей азиатской династии. Бо-я, пользуясь ослаблением тюрок при ничтожном Цимин-хане, ориентировался на Китай, сам ездил в 609 г. к Ян-ди и получил от него в жены княжну из императорского дома. В 612 г. Бо-я произвел реформу, настолько важную для нас, что я полностью привожу текст его постановления: „Мы, до сего времени обитая в пустынных пределах, распускали волосы и носили левую полу наверху. Ныне дом Суй единодержавствует и вселенная соединена в одно царство. Я уже принял обычаи просвещенного народа. Подданным моим также надлежит расплести косы и уничтожить левую полу“.[1]

Этот указ показывает, что турфанцы носили косы, что подтверждается прямыми указаниями источников, использованных Иакинфом[2] и Аурелем Стейном,[3] китайцы же складывали волосы на макушке,[4] а тюрки волосы распускали.[5] Сам Во-я, повидимому, следовал моде своих сюзеренов-тюрок. Интерес этого указа для нас в том, что турфанцы в нашей коллекции изображены с китайской прической и левой полой наверху. Это было бы непонятно, если бы у того же Иакинфа мы не прочли, что, несмотря на указ, одежда изменена не была.[6] Очевидно, дело ограничилось прической. Этот факт дает нам твердую нижнюю дату наших статуэток. Сочетания китайской прически и варварской одежды в Турфане до 612 г. быть не могло, тем более для местного или смешанного населения. Но, принимая эту дату за несомненную, я считаю возможным дать вероятное уточнение и потому продолжаю следить за ходом истории Турфана. При Вын-Тхае — преемнике и сыне Бо-я — сторонники низвергнутой династии Суй обосновались в Гаочане. Это, а также проект Тай-цзуна изменить караванный путь в обход Гаочана и отложение в пользу Китая княжества Иву (Хами) заставили Гаочан переориентироваться на западных тюрок и втянуться в войну с Китаем. Она кончилась трагически. Несмотря на поддержку западных тюрок, Гаочан был взят и обращен в округ Си-Чжеу, просуществовавший до 782 или даже 789 г.,[7] когда весь восточный Туркестан был занят уйгурами. 789 год можно считать аподиктической верхней датой, так как с этого времени там развиваются иные культуры: несторианское христианство, манихейство, тибетский буддизм и т. п. Для китайской культуры, а следовательно, и погребений китайского типа места не остается. Но, присмотревшись внимательнее, мы можем еще сузить период, в который

---

1 Там же, стр. 157.
2 Там же, стр. 209.
3 Aurel Stein, указ. соч., vol. II, p. 579.
4 Иакинф. История Тибета и Хухунера, I, стр. 232.
5 Иакинф, Собр. свед., I—II, стр. 267.
6 См.: Иакинф, Собр. свед., III, стр. 157.
7 См.: A. Stein, указ. соч., стр. 580—581.

были сделаны и похоронены наши статуэтки. Мы знаем, что китайцы клали в могилы фигуры рабов, слуг, наложниц и т. п. Но почему было нужно класть господ? Тюрки же до 640 г. были господами в Турфане. Вместе с тем, фигуры воинов стоят в чрезвычайно почтительных позах, склонив головы, точь в точь как местные жители — несомненные слуги. Это гораздо более соответствует ситуации после 640 г., когда китайцы были в самом деле господами, а тюрки слугами.

Второе соображение заключается в том, что волчья голова, национальный мотив тюрок, отсутствует, а это опять-таки соответствует положению, что эти тюрки изображают вспомогательный контингент танской армии, а не ханских гвардейцев. На этих основаниях я считаю 640 год вероятной нижней датой. Вероятной верхней датой я считал бы 681 год, когда все тюрки были охвачены удачно развивавшимся восстанием Кутлуг-хана. Тогда, по словам орхонской надписи: «Тюркский народ стал врагом китайскому хану, говоря: „Зачем нам отдавать ему душу и силу?“». Вряд ли после 681 г. у Танской империи могли сохраниться тюркские вспомогательные войска, за исключением западных тюрок, которые сохраняли верность Китаю до самой Таласской битвы 751 г., — вероятная верхняя дата для западных тюрок. Однако, учитывая, что западные и восточные тюрки были носителями одной культурной традиции и одного физического типа, мы не можем решить вопрос о том, кем были наши воины, без привлечения иного материала, а именно — аналогичных находок, которые могут дать нам возможность проблематического уточнения. Таким материалом послужит для нас отчет Стейна о раскопках кладбища в дер. Астана.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

1. Астана

Аурель Стейн, описывая Турфанские древности, сообщает, что развалины, называемые Идыкут-Шари, включают в себя: кладбище около Кара-Кучи, кладбище в дер. Астана, склепы Туюка и разрушенные храмы Сангин-Агиз, Чикан-Куль, Базеклик и Муртук.[1] Древнее кладбище Астаны расположено к северу от канала, несущего воды реки Кара-Кол к полям и садам жителей Астаны. Подробное описание кладбища и раскопок Стейна я опускаю.[2] Для нас представляет интерес лишь то, что в погребениях Астаны Стейн обнаружил статуэтки, точно такие же, как в Туюк-Мазаре. Они находятся в могилах китайского типа, мало, или вовсе не потревоженных. Богатый соответствующий инвентарь содержит: шелковые одежды с набивными рисунками, деревянные тележки, деревянные фигуры мужчин с подвижными руками, глиняные изображения животных и чудовищ — охранителей могилы, — макеты пищи и т. п.[3]

---

[1] A. Stein, указ. соч., стр. 588.
[2] См.: A Stein, указ. соч., гл. XIX.
[3] См. там же, стр. 650 и ниже.

На основании сходства музыкального инструмента на стенной росписи с имеющимися в коллекции императрицы Кокен, пьедесталов, подставок и, наконец, одежды и причесок Стейн датирует погребение ранним Танским временем.[1] В одной из могил обнаружены монеты Танского времени (Ast. iii, 2).[2] В этом же погребении в восточной нише были найдены лежащими две фигурки оседланных лошадей и верблюда (Табл. XCV, XCVIII). Высота лошадей 2 фута. Тип лошади сходен с танскими скульптурами.[3] Маленькие красивые головы напоминают Бадахшанскую породу, высоко ценимую по обе стороны Памира. В этой же могиле найдены такие же лошади, но не так хорошо выполненные. Очень хорошо изображены седла и потники, орнамент которых напоминает вышивки, до сих пор существующие в Туркестане. Сложные рисунки цветов на седле (Табл. XCV) близки к рисункам цветов, встречаемых как декоративные мотивы в обрамлении некоторых картин на шелке и стенной живописи Цян-фо-дуна.[4]

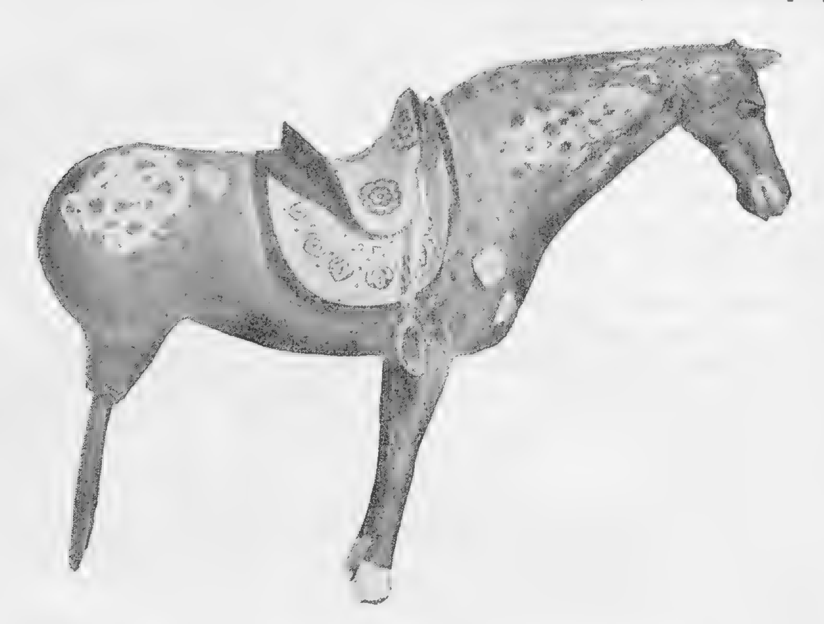

Рис. 5. Лошадь из Астаны. (Раскопки Стейна).

В противоположной нише лежит в беспорядке много глиняных фигурок всадников (XCIX). Сбруя: узкие, остролукие седла, с потниками из барсовых шкур, с белыми бляхами, с тороками, свешивающимися позади седел, как мы видим в скульптуре и живописи Танского времени. Попоны с широкими кистями сходны с попонами на сасанидских рельефах. Все всадники — мужчины одеты в пластинчатые панцыри, с остроконечными пластинчатыми шлемами. Лица монголоидны. Кроме них, обнаружена фигурка женщины верхом, с китайской прической (Табл. XCIX) и фигуры

[1] Там же, стр. 657.
[2] Там же, стр. 652—653.
[3] См. Berthold Laufer, указ. соч., стр. LXVII и др.
[4] A. Stein, указ. соч., стр. 652—653.

пехотинцев (Табл. CII). Это все свита в загробной жизни. Там же фигуры чудовищ, хранителей могилы (Табл. XCVI), макеты пищи и зерна и, самое главное, два обрывка бумаги с китайскими надписями.[1]

Из цитированного описания мы видим, что фигуры воинов Туюка и Астаны идентичны, поэтому датировки Астанского погребения позволяют

Рис. 6. Воин из Астаны. (Раскопки Стейна).

нам проверить наши соображения относительно погребения в Туюк-Мазаре. Колебания возможны лишь в годах, максимум двух-трех десятилетиях, что для нас не имеет значения. Астанское погребение удалось датировать с полной несомненностью благодаря тому, что в VII—VIII вв.

---

[1] A. Stein, указ. соч., стр. 652—653. Описания Стейна, безукоризненные с внешней стороны, не отмечают деталей, отличающих этих воинов от китайцев. См. указанное сочинение и наше описание. Стейн прав, считая этих воинов представителями войск Танского правительства, но неточен, так как они были не китайцами, а тюрками; это обстоятельство им не указано и не уяснено (см. рис. 6). Ср.: Berthold Laufer. Фигуры китайских воинов Танской эпохи; см. указ. соч., XXI, XXXII, XI, VII, VIII, IX, X. Все фигуры в латах (рис. 7).

старые бумаги, так же как и в наше время, шли на обертку, упаковку, прокладку и т. п. Для Астанских погребений также употреблялась исписанная бумага, которую Аурель Стейн старательно собрал, а Масперо перевел и датировал. Из восьми кусков пять датируются 705 годом, а остальные — 690, 693 и 709 годами. На основании этого Аурель Стейн датирует погребение первой четвертью VIII в., что совпадает с данными живописи.[1] Содержание текстов разнообразно: имеются тексты Дао, частное письмо, счет на зерно, официальные правила о содержании лошадей и других животных для почтовой службы при администрации округа Си-Чжеу. Есть части двух регистров с точными данными о применении транспорта в шестом месяце десятого года K'ai-yüan = 772 г. с точным описанием каждого животного: возраст, пол, особые приметы, состояние до и после работы, список лиц, коим животные поручены, и т. д. Тут же сноска к абзацу об отставке губернатора Ань-Си генерала Тан-Цзя-Хуя, упоминаемого в Танских анналах,[2] и т. п.

Рис. 7. Китайское вооружение эпохи Тан. (Публикация Лауфера).

Кроме бумаг, Стейн обнаружил несколько текстов на кирпичах, в могилах и около них. Они датируются годами: 652, 667, 689, 689,[3] и, наконец, интересный некролог Хиа, вдовы некоего Фан-юн-луна, имевшего чин гвардии генерала при Гаочанском правительстве. Она была дочерью Гаочанского чунлана. Умерла в 667 г.[4]

Итак, сравнительный археологический материал подтвердил датировки предложенные нами, на основании исторической необходимости (аподиктические) и вероятности (ассерторические). Собственно нового мы получили немного; пожалуй только то, что фигурки воинов Астаны изображают западных, а не восточных тюрок, а фигурки Туюк-Мазара могут относиться как к тем, так и к другим.

---

[1] A. Stein, указ. соч., стр. 657.

[2] См.: Chavannes. Documents sur les Tou-kieu Occidentaux. Тр. Орхонск. Эксп., т. VI, стр. 284, прим. 2, СПб., 1903.

[3] A. Stein, указ. соч., стр. 653.

[4] A. Stein, указ. соч., стр. 659.

Важно другое. Ход мысли привел нас к результатам, подтвердившимся вновь обнаруженными фактами, но сами эти факты оказались обнаруженными лишь потому, что ход мысли заставил начать их поиски.

Значение этой работы я вижу не только в датировке и интерпретации памятника, а и в способе, которым это было достигнуто.

2. Верхне-енисейские наскальные изображения

Я считаю излишним продолжать дальше анализ в плане отыскания как новых сближений нашего памятника с предметами Танского Китая, так и новых различий с сасанидским Ираном и Согдом. Для этих обеих культур Турфан был окраиной, глухой провинцией, и обе они гораздо

Рис. 8. Тюркский всадник на охоте. Наскальное изображение из Сулека. (Публикация Аспелина).

лучше представлены в собственных пределах. К тому же смысл памятника нам уже достаточно ясен. Теперь мы можем, опираясь на него, истолковать доселе темные памятники евразийской культуры, для которой Турфан был окном в цивилизованный мир. Наличие аналогий в среде евразийских народов окончательно удостоверило бы нас, что оригиналы наших статуэток не принадлежат к китайской культуре. Такие аналогии мы находим в наскальных изображениях Верхнего Енисея. В публикации Аспелина[1] на рис. 8 мы видим изображение охотящегося всадника, удивительно похожего на турфанские статуэтки. Первым делом обращает на себя внимание подчеркнуто большая лошадь с широким крупом, тонкими ногами и маленькой, изящной головой. Порода лошади походит не на сибирскую, а скорее всего на описанную выше. Седло того же типа. Сбруя имеет подхвостник, нагрудник и дополнительную шлею,

[1] Aspelin, указ. соч., стр. II, фиг. 8.

отмеченную и описанную нами. Отчетливо показаны стремена. Всадник дан схематически, но видно, что на нем сапоги до колен и широкая одежда, перехваченная поясом, к которому прицеплен колчан. На голове высокая шапка. Всадник вооружен луком. Острия стрел (одна на тетиве, другая в полете) могут быть только металлическими, так как каменным или костяным трудно придать столь правильную форму ромба при относительно большой величине. Лук, судя по форме, роговой, клееный и имеет характерные для рогового лука выгибы.

Это, как и ряд указанных сходств убеждает нас, что турфанское и енисейское изображение имели один и тот же оригинал, тем более, что принципиальной разницы между ними, повидимому, нет.

Там же, в Сулеке, были обнаружены фигуры другого типа: пешие, в облегающей тело одежде, без шапки, с распущенными волосами, ниспадающими на плечи; они стреляют из лука с колена (рис. 9). Это, несомненно, представители другого народа, что подтверждается одним из сулекских изображений, где оба типа изображены вместе. „Тяжело вооруженный всадник одет в пластинчатую броню от шеи до ляжки, с рукавами до середины предплечья, с круглым щитком на груди, с мечом и колчаном у пояса и с „массой“ оружия в правой руке. Этот воин направляет копье, украшенное небольшим флажком, на лучника, стреляющего с колена“.[1] Несмотря на то, что Аспелин отмечает древнюю манеру передачи гривы, он предполагает во всаднике китайца,[2] забывая, что китайцы до Саянского хребта вообще никогда не доходили, исключая манчжурское время (XVIII в.). Нам же чрезвычайно легко истолковать данное изображение, так как аналогия с турфанскими всадниками заставляет нас признать в кавалеристе орхонского тюрка, сражающегося с саянским горцем. Такая ситуация исторически вполне возможна, так как Саянский хребет был той стеной, которую не могли перепрыгнуть белые кони тюркских ханов, несмотря на попытки с VI по VIII вв.

Саянские лесовики отстаивали свою независимость от степи вплоть до 1208 г., и Сулекское наскальное изображение есть памятник этой борьбы. Что это действительно так, нас убеждает материал раскопок Саяно-Алтайской экспедиции в с. Копены в 1939 г.[3] Находки прекрасно датируются золотой и серебряной посудой, с вырезанными на ней орхонскими надписями.[4] Для нас чрезвычайный интерес представляют бронзовые рельефы всадников на охоте. Разница между облавной охотой и войной в те времена была минимальная, и поэтому по изображениям охотников мы, приняв известную поправку, вправе судить о воинах. „На изображениях всадника чеканом нанесены даже мелкие детали снаряжения

---

[1] Aspelin, указ. соч., стр. 12. Воспроизведена: Appelgren-Kivalo; Alt-Altaische Kunstdenkmäler. стр. 17, фиг. 9.

[2] Там же.

[3] Чаа-тас у с. Копены. — См.: Л. Евтюхова и О. Киселев, Тр. Гос. Истор. музея, вып. IX, М., 1940.

[4] Там же, стр. 43.

и костюма. Всадник без головного убора. Его длинные волосы развеваются по ветру. Их сдерживает затянутая сзади узлом повязка. Полудлинный кафтан перетянут поясом. Сапоги мягкие, без каблуков. С правого бока висит колчан, расширяющийся книзу. Лук сложный,

Рис. 9. Бой тюркского кавалериста с горцем-стрелком. Наскальное изображение (Публикация Аппельгрен-Кивало).

в виде буквы М. Конь степной, широкогрудый, с подстриженной гривой и завязанным в узел хвостом. На нем полная седельная сбруя; седло твердое с невысокой передней лукой; под седлом обшитый бахромой чепрак. На подхвостном и нагрудном ремнях навешены кисти; стремена широкие, дугообразные; уздечка плетеная, с поводом и чумбуром. Ясно видны не только круглые бляхи, но даже эсовидные псалии от удил. Сзади седла развеваются по обеим сторонам ремни (торока. — *Л. Г.*).

Впервые перед нами предстает целиком в костюме, с оружием и на полностью снаряженном коне наездник степей VII—VIII вв."[1]

Авторы статьи совершенно правы в датировке и интерпретации памятника, но как разительно сходство снаряжения турфанских и копенских всадников. Совпадает буквально все, за исключением:

а) порода копенской лошади другая, южно-сибирская;

б) всадник без шлема и панцыря;

в) отсутствует дополнительная шлея на шее коня.

Но это не должно вводить нас в заблуждение. Мы знаем, что „фули" составляли лишь отборное войско, ханскую гвардию, а большая часть 400-тысячной тюркской армии состояла из вспомогательных контингентов подчиненных племен. Эти воины назывались стрелки (archers) и, следо-

Рис. 10. Легковооруженный всадник стрелок. (Раскопки С. В. Киселева).

вательно, имели легкое вооружение. Отсюда вытекает и отсутствие дополнительной шлеи, так как всадник без панцыря не столь тяжел, чтобы нуждаться при спуске с горы в чем-либо, кроме подхвостника. Равно и лошадь употребляется местная: выносливая и неприхотливая, а не дорого стоящая бадахшанская.

Итак, в турфанском изображении мы видим древне-тюркского панцырного гвардейца, а в копенском — древне-тюркского стрелка, и наше представление о том, как выглядела армия орхонских ханов, можно считать полным.

Сведения о великой державе древних тюрок мы черпали до недавнего времени в китайских летописных сводах, составленных весьма добросовестно и обстоятельно. Но как бы ни были исчерпывающи свидетельства культурных соседей, какие бы подробности они ни сообщали нам, они не восполняют отсутствие непосредственного восприятия эпохи и народа. Мы не знаем, какой поправочный коэффициент мы должны принять на неизбежную тенденциозность иностранного источника. Дыхание, которое чувствуется в этих строках, не тюркское, а китайское.

---

[1] Л. Евтюхова и С. Киселев, там же, стр. 50; рис. 10.

Мы же хотим не только знать, но и слышать и видеть.

Впервые мы услышали тюрок, когда были прочтены орхонские надписи. Теперь мы увидели говорившего. На нас смотрит хищное и плутоватое лицо одного из тех отчаянных парней, среди которых Бильге-хан „силою завел порядок“, которые подводили Кюль-Тегину его белого коня Алп-Шалчи, с Мудрым Тонъюкуком перебирались „через снег глубиною в копье“ и, взвизгивая от восторга, рубили от плеча до пояса бегущих китайцев злосчастного Унг-Тутука.

Как ни полезны для нас датировки и интерпретации темных исторических фактов, но самым ценным из того, что дал нам этот памятник, я считаю непосредственное ощущение той грандиозной и мятежной эпохи.

Система родства о. Рага и вопрос о геронтократии в Меланезии[1]

Ю. М. Лихтенберг

Введение

В изучении истории развития социальной организации первобытного общества видную роль сыграла известная работа В. Риверса „The History of Melanesian Society". Трудные и запутанные вопросы развития первобытного общества, которые Риверс в ней рассматривал, признавались разрешенными для Меланезии. Метод, которым Риверс раскрыл и осветил сумерки доисторического периода меланезийского общества и показал развитие этого общества, воспринят его многочисленными последователями и применяется английскими, американскими и другими учеными в их исследовательских работах во всех частях Света. Нет ни одного сколько-нибудь значительного труда по изучению социального строя первобытного общества, где бы не встречались ссылки на эту работу.

В „The History of Melanesian Society" Риверс ставит и разрешает по отношению к Меланезии многие кардинальные вопросы этнографии. Так, например, Риверс нашел оригинальное для Меланезии объяснение происхождения дуальной организации. Против обычного широко распространенного мнения о том, что дуальная организация является результатом разделения общества, Риверс доказывает, что в Меланезии дуальная организация может быть результатом слияния двух народов — аборигенов и иммигрантов. Риверс дает также объяснение происхождению перекрестно-кузенного брака в Меланезии. Он считает, что перекрестно-кузенный брак является более поздней формой брака и произошел от брака с женой брата матери. Наконец, эти необычайные формы брака Риверс объясняет господством в отдаленном прошлом в Меланезии стариков, которые благодаря принадлежавшей им власти проводили в жизнь столь непривлекательные для молодых людей формы брака. Основанием для его выводов служили сложные и запутанные терминологии родства в Меланезии.

---

[1] Статья является одной из глав кандидатской диссертации, защищенной в Институте этнографии в 1946 г. в Москве.

По методу своей работы Риверс является последователем американского ученого Льюиса Генри Моргана. Л. Г. Морган не только открыл классификаторскую систему родства, но был первым, который установил, что существует связь между терминологией родства и социальными организациями первобытного общества. Изучая и сравнивая собранные им системы родства, Л. Г. Морган пришел к выводу, что различие в терминологии родства отдельных систем объясняется различием между формами семьи и брака, их порождающих.

Какое высокое научное значение придавал Ф. Энгельс открытию Л. Г. Моргана, видно из следующих его слов: „С такою же достоверностью, с какой Кювье по найденным около Парижа костям скелета животного мог заключить, что этот скелет принадлежал сумчатому животному и что там некогда жили вымершие сумчатые животные, с такой же достоверностью можем мы по исторически унаследованной системе родства заключить, что существовала соответствующая ей вымершая форма семьи“.[1]

Выход в свет „Древнего общества“ в 1877 г. и последующая за ним полемика о значении и происхождении терминов родства, возникшая между Л. Г. Морганом и Мак-Леннаном, заставили ученых всего мира так или иначе реагировать на открытие Моргана.

Одни из них (Колер, Риверс, Гиффорд) полностью или частично приняли учение Моргана, другие (Лоуи, Крэбер) частично или полностью отвергли его. Но так или иначе у этнографов появился особый интерес к изучению систем родства. Как сторонники, так и противники учения Моргана собирали новый материал для подтверждения своих взглядов. Но, несмотря на огромное количество тщательно собранного материала по системам родства различных народов, вопрос о происхождении терминологии родства и ее связи с первобытной общественной организацией до сих пор не разрешен. Дело в том, что весь этот большой материал по системам родства показал такую пеструю картину их распространения, что установить какой-то единый закон зависимости между общественной организацией и системами родства было невозможно. Весь этот накопленный материал является арсеналом, откуда одинаково вооружаются и для подтверждения и для отрицания зависимости между терминологией родства и общественной организацией первобытного общества.

Если Колер,[2] Риверс,[3] Гиффорд[4] и другие считают и доказывают в своих работах, что терминологии родства в точности отражают формы брака, которые их породили, то Кунов[5] на основе лингвистического анализа терминов родства приходит к выводу, что термины родства отражают не родственные отношения в первобытном обществе, а показывают

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1934, стр. 38—39.

[2] Kohler. Zur Urgeschichte der Ehe. Zeitsch. für vergl. Rechtsw., 1897, XII.

[3] W. Rivers. Kinship and Social organisation. London, 1914.

[4] E. W. Gifford. Miwok Moieties. Amer. Arch. and Ethn., vol. 12, № 4, 1916.

[5] H. Cunow. Die Verwandtschafts-Organisationen der Australneger. Stuttgart, 1894.

только возрастное положение лица. Крэбер[1] считает, что образование терминов родства подчинено общим лингвистическим и психологическим законам языка, и не видит никакого основания для того, чтобы выделить происхождение терминов родства из общего процесса образования языка. Сторонники того и другого течения подкрепляют свои доводы фактическим материалом, собранным в настоящее время у народов, которые по той или другой причине отстали в пути своего исторического развития и поэтому еще сохранили кое-какие черты или пережитки более древнего состояния общества.

В истории изучения социального строя первобытного общества большое значение принадлежит нашему русскому этнографу Л. Я. Штернбергу.

Гиляцкая система родства

Огромной заслугой Л. Я. Штернберга перед этнографией является то, что он открыл классификаторскую систему родства у гиляков и блестяще доказал, что эта система порождена особой формой брака, существование которого подтверждается современными брачными нормами и обычаями у гиляков.

Брак между сыном сестры и дочерью брата у гиляков считается ортодоксальным. Брак между дочерью сестры и сыном брата, а также между параллельными кузеном и кузиной запрещены. Таким образом, у гиляков существует форма брака, которую теперь называют односторонним перекрестно-кузенным браком. Л. Я. Штернберг[2] назвал группы, члены которых вступают между собою в брак, „трехродовой фратрией", так как при этой форме брака необходимо наличие не менее трех родов. Первый род — „мой" род, второй род — род, откуда „мой" род берет жен, и, наконец, третий род — род, куда „мой" род отдает своих женщин. По гиляцкой терминологии члены первого рода называют второй род — axmalk (родом „тестя"), а третий род — imɧi (родом „зятя"). Все три рода вместе называются pandf („люди общего происхождения").

Изучение гиляцкой системы родства приводит Л. Я. Штернберга к очень важному выводу, а, именно, что в основе всей системы лежит принцип, по которому „дочери каждого человека принадлежат сыновьям его сестры".[3]

Л. Я. Штернберг обратил внимание на то, что мужчина, гиляк, называет женой не только свою собственную жену и жен своих старших братьев, но сверх того зовет своими женами уже от рождения всех дочерей братьев своей матери и дочерей братьев всех женщин, которых он зовет матерями и, обратно, дочери братьев его матерей называли его своим мужем. „Из этого явствует, — заключает Л. Я. Штернберг, — что

---

[1] A. L. Kroeber. California Kinship Systems, Amer. Arch. a. Ethnol., vol. 12, № 9, 1917, стр. 390.

[2] Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов северо-восточной Азии. ИНС, Л., 1933, стр. 30.

[3] Там же.

род, откуда произошла моя мать, т. е. род ее отца и ее братьев, есть тот род, откуда я и мои сородичи (матери сородичей моего поколения — сестры моей матери) исключительно и обязательно должны брать себе жен, притом, как я уже говорил, в соответственных поколениях. Если мой отец и его братья взяли себе в жены группу сестер определенного рода, то я и мои братья должны жениться на дочерях братьев этой группы сестер из этого же рода".[1]

Какое значение Л. Я. Штернберг придает факту обязательной формы брака, видно из следующего его заключения: „Зерном всей сложной системы регламентации гиляцкого брака и рода и вместе с тем ключом к пониманию ее является единый факт, именно, установившийся в свое время принцип, что мужчины обязательно женятся на дочерях брата своей матери, иначе говоря, дочери в каждой семье принадлежат от рождения сыновьям сестры отца.[2]

Л. Я. Штернберг с исчерпывающей убедительностью доказал не только происхождение гиляцкой системы родства от обязательной формы брака с дочерью брата матери, но и показал, „как из простого единого правила, что мужчины обязательно женятся на дочерях брата матери, по естественной необходимости неизбежно порождаются (подчеркнуто мною, — *Ю. Л.*) такие сложные институты, как групповой брак, род, фратрия и, наконец, брачные запреты".[3]

Тем не менее, ценное открытие Л. Я. Штернберга и мысль его, что гиляцкая схема брака может пролить свет и на некоторые основные вопросы первобытного брака, не использованы ни зарубежной, ни нашей этнографией, хотя происхождение системы родства и связь ее с социальной организацией первобытного общества до сих пор еще не перестают быть одной из важнейших проблем в современной этнографии.

Иногда связь между формами брака и терминологией родства настолько ясна, что она признается всеми. Примером может служить тамильская[4] система родства, терминология которой полностью соответствует родственным отношениям, возникающим между лицами при двойном перекрестно-кузенном браке. В других случаях, когда происхождение системы родства пытаются объяснить формами брака, для той части терминологии, которая не укладывается в рамки обычных форм брака, придумывают особые, не существующие ныне и маловероятные в прошлом формы брака, как, например, брак с дочерью дочери, брак с собственной бабушкой (Колер, Риверс) и др., или случайные браки, как брак с женой брата матери, с дочерью брата жены и др. (Риверс, Гиффорд).

Гиляцкая система родства имеет одну характерную особенность, на которую также до сих пор не обращено должного внимания. Я подразумеваю здесь ту особенность, что у гиляков существует один общий

---

[1] Л. Я. Штернберг, Семья..., стр. 27.
[2] Там же, стр. 32.
[3] Там же, стр. 33.
[4] Л. Г. Морган. Древнее общество. ИНС, Л., 1934, стр. 257—261.

термин для всех мужчин рода и один общий термин для всех женщин рода. Так, например, в гиляцкой трехродовой фратрии первый род является „моим“ родом, второй род — axmalk — родом „тестя“, третий род — imɧi — родом „зятя“. Всех мужчин второго рода как моего поколения, так и лиц по восходящей и нисходящей линии, „я“ называю одним термином axmalk[1] — „тесть“. Для всех женщин, вышедших замуж в этот род, у „меня“ имеется один термин asik.[2] Всех мужчин третьего рода „я“ называю imɧi,[3] а всех женщин, родившихся в этом роде, „я“ называю ŋ̥ern.

Таким образом, одним термином axmalk — тесть — я называю отца своей жены и всех его мужских предков по восходящей линии и всех его мужских потомков по нисходящей линии; причем тестем я называю сына брата матери и его сына, а также отца брата матери и его деда и прадеда не потому, что они являются моими потенциальными тестями и я имею право на брак с дочерью или внучкой брата жены или с матерью, бабушкой или прабабушкой жены. Такая возможность по гиляцким брачным нормам совершенно исключена. Женщина, брак с которой считается правильным, законным и с которой дозволяется половое общение, — это anŋ̥ej — дочь брата матери и ее классификаторские сестры — женщины одного со мной поколения.

Термином asik я называю всех женщин, вышедших замуж в род „тестя“. Все эти женщины объединены в один род не только по браку, но, по гиляцким брачным нормам, и по происхождению являются членами одного рода. Женщины одного поколения — сестры между собой, женщины восходящей и нисходящей линии являются между собой тетками и племянницами.

Термином imɧi — „зять“, я, мужчина, называю всех мужчин третьего рода. Здесь опять imɧi является общим родовым термином, так как быть зятем, т. е. иметь право на брак с дочерью гиляка, может только тот, которого она называет pu, ivn,[4] а этим является лицо ее собственного поколения.

Термином ŋ̥ern мужчина называет дочь сестры и дочерей всех классификаторских сестер: сестер мужа дочери и ее дочери.[5]

Таким образом, из гиляцкой терминологии родства ясно видно, что отдельные термины здесь показывают не родственные отношения между лицами, а родственные отношения между родами — „тестя“, „зятя“ и „моего“ рода.

В отличие от классификаторских терминов родства, под которыми Морган понимает общие термины для лиц различной категории родства, но одного поколения, назовем „групповыми“ терминами общие термины для лиц различной категории родства и различных поколений.

[1] Л. Я. Штернберг, указ. соч., стр. 74.
[2] Л. Я. Штернберг, там же.
[3] Там же, стр. 76.
[4] Л. Я. Штернберг, указ. соч., стр. 75.
[5] Там же.

Если теперь, при рассмотрении систем родства у других народов, исходить из принципа, который лежит в основе гиляцкой системы родства, т. е., что всякая система родства отражает какую-то форму исключительного и обязательного брака и что в терминологии родства существуют групповые термины родства, которые показывают не родственные отношения между лицами, а брачные связи между группами, то многие, казавшиеся запутанными системы становятся простыми и понятными.

На основании изучения родственных отношений и систем родства австралийцев А. Радклифф-Броун приходит к такому же, как и Л. Я. Штернберг, выводу, что между определенной категорией родственников существуют твердые взаимные брачные обязательства. Об австралийцах кариера Радклифф-Броун [1] пишет, что мужчина определенного рода может брать жену только из другого одного рода, причем ортодоксальной женой его является не любая женщина этого рода, а дочь брата матери.

Перейдем теперь к системе родства о. Рага, которая совершенно незаслуженно заняла такое важное положение в истории изучения социального строя первобытного общества. Основываясь главным образом на системе родства о. Рага, Риверс построил свою теорию геронтократии в Меланезии.

Система родства о. Рага

В. Риверс является сторонником учения Моргана в том, что система родства отражает ту общественную организацию, которой она некогда была порождена. Он считает, что брак является не единственным, но одним из основных социальных институтов, которым обязана своим происхождением система родства; причем Риверс [2] полагает, что термины родства при возникновении в точности отражали те родственные отношения и значения, которые мы этим терминам придаем в настоящее время.

Вся его большая работа „The History of Melanesian Society" построена на этом принципе. Изучение меланезийских систем родства заставило Риверса придумывать сложные формы брака для объяснения происхождения их терминологии. Необычные формы брака, в свою очередь, потребовали особых социальных условий, их порождающих. Этим и обязана своим происхождением „знаменитая" теория Риверса о геронтократии в Меланезии.

Риверс [3] считает систему родства о. Рага самой сложной и самой необычайной из всех, приведенных им в своей работе систем.

Для объяснения того, что в системе о. Рага один термин объединяет нескольких лиц различных поколений и степени родства, Риверсу понадобилась целая комбинация необычайных форм брака, как, например, брак с женой брата матери, брак с внучкой, брак с женой сына сестры.

---

[1] Radcliffe-Brown. Three Tribes of Western Australia. JAI, vol. XLIII, 1913, стр. 158.

[2] W. Rivers. Kinship..., стр. 90—91.

[3] W. Rivers, указ. соч., стр. 189.

По данным Риверса, на о. Рага существует дуальная организация с матрилинейным счетом родства. Но дальше он пишет, что, по сообщению его информатора Джона Пантатуни, каждая половина дуальной организации делится еще на три группы. Группы эти имеют какое-то отношение к брачным нормам, так как внутри „половин" существуют брачные запреты. Так, например, по словам Джони Пантатуни, мужчина из группы А первой „половины" берет жену из группы D второй „половины", но женщина из группы А уже не выходит замуж в группу D, откуда берут жен мужчины группы А, а выходит в группу F.

В имеющейся у него с этого острова единственной родословной Риверс не нашел подтверждения этих деталей, и поэтому он оставил сообщение Джона Пантатуни невыясненным.

Между тем, для понимания системы родства о. Рага эта особенность имеет исключительно большое значение.

Дальше Риверс[1] считает одной из основных черт меланезийских и полинезийских систем родства то, что одним термином называют отца, брата отца и мужа сестры матери и что также существует общий термин для матери, сестры матери и жены брата отца. Соответственно с этим дети брата отца и сестры матери являются между собою, а также и „мне", братьями и сестрами. Этот закон распространяется не только на родных братьев отца и сестер матери, но и на классификаторских братьев и сестер. Риверс допускает, что у народов, с отцовским счетом родства, одинаковым термином называют отца и его брата, и их дети между собой будут братьями и сестрами. Так же как при материнском счете родства мать и все ее сестры могут называться одним термином, и их дети называются братьями и сестрами. Но не ясно, почему и при отцовском и при материнском счете родства одним термином называют отца, брата отца и мужа сестры матери, и в то же время имеется один термин для матери, сестры матери и жен брата отца, а дети, как брата отца, так и сестер матери, являются между собою братьями и сестрами.

При дуальном делении общества женщина одной „половины" неизбежно должна выйти замуж за мужчину другой „половины", поэтому дети двух братьев при матрилинейном счете родства неизбежно должны быть членами одной „половины", именно, „половины" их матери. Но это верно лишь при дуальной организации, и этим нельзя объяснить того обычая, когда социальных групп больше, чем две. Из этого Риверс заключает, что термины брата отца, мужа сестры матери и их супруг указывают на то, что в Меланезии дуальная организация некогда была универсальной.

Л. Я. Штернберг[2] совершенно правильно указал, что „гиляцкий брак в значительной мере... упрощает понимание сложной родственной номенклатуры, потому что при гиляцкой системе брака многие категории туранской системы родства, которые с первого взгляда кажутся совер-

---

[1] W. Rivers The History..., vol. II, стр. 16.
[2] Л. Я. Штернберг, указ. соч., стр. 19.

шенно самостоятельными, на самом деле являются тождественными, как, например, жены братьев, сестры жены и сестры жен братьев оказываются одними и теми же лицами...".

Действительно, по принципу обязательного брака с дочерью брата матери все сыновья сестры отца имеют право на дочерей брата матери, и все дочери брата матери от рождения являются женами своих перекрестных кузенов. Таким образом, все жены братьев отца фактически являются между собою сестрами, все мужья сестер матери являются братьями, а дети братьев отца являются и детьми сестер матери. Поэтому „я" называю одним термином брата отца и мужа сестры матери, сестру матери и жену брата отца, а так как дети всех братьев отца являются и детьми всех сестер моей матери, то они будут принадлежать к той же группе, что и „я", как бы ни считали родство — по матери или по отцу. А если это так, то неправ Риверс,[1] когда он пишет, что эта терминология и внушает мысль о происхождении всех меланезийских систем из дуальной организации общества, а дальше, исходя из этого, делает вывод, что „дуальная организация была некогда универсальной в Меланезии".

Эта терминология подтверждает только то, что в Меланезии универсальной была обязательная форма брака, но *существование дуальной организации методом Риверса не доказано*.

Рассмотрим теперь терминологию родства о. Рага, пользуясь схемой, составленной по данным Риверса о социальной организации о. Рага и на основе принципа гиляцкой трехродовой фратрии.

Схема социальной структуры о. Рага

Tavalui I			Tavalui II		
A	B	C	D	E	F
$A_1\ a_1$	$B_1\ b_1$	$C_1\ c_1$	$D_1\ d_1$	$E_1\ e_1$	$F_1\ f_1$
$F_1\ a_1$	$D_1\ b_1$	$E_1\ c_1$	$A_1\ d_1$	$B_1\ e_1$	$C_1\ f_1$
$A_2\ a_2$	$B_2\ b_2$	$C_2\ c_2$	$D_2\ d_2$	$E_2\ e_2$	$F_2\ f_2$
$F_2\ a_2$	$D_2\ b_2$	$E_2\ c_2$	$A_2\ d_2$	$B_2\ e_2$	$C_2\ f_2$
$A_3\ a_3$	$B_3\ b_3$	$C_3\ c_3$	$D_3\ d_3$	$E_3\ e_3$	$F_3\ f_3$
$F_3\ a_3$	$D_3\ b_3$	$E_3\ c_3$	$A_3\ d_3$	$B_3\ e_3$	$C_3\ f_3$
$A_4\ a_4$	$B_4\ b_4$	$C_4\ c_4$	$D_4\ d_4$	$E_4\ e_4$	$F_4\ f_4$
.	.	.	.	.	.
.	.	.	.	.	.
.	.	.	.	.	.

[1] W. Rivers, указ. соч., часть II, стр. 84.

На схеме представлены две „половины", или tavaIui, как они называются на о. Рага. Каждая „половина" состоит из трех групп. Предположим, что каждая группа состоит из брата и сестры: группа А из А, а; В из В, b; С из С, с; D из D, d; Е из Е, е и F из F, f. В квадратах заключены брачные пары, под ними на следующей строке — их дети. Счет родства матрилинейный, и, таким образом, по групповому характеру терминов все лица, рожденные в группе А, будут А, а, в группе В — В, b, и т. д. Поколение указывается цифрой у буквенного обозначения. Каждая группа соответствует роду в гиляцкой трехродовой фратрии. Пусть по нашей схеме „моей" группой будет группа А, тогда группой „зятя" „моей" группы будет группа F, а группой „тещи"[1] — группа D. Все вместе (А, D, F) образуют трехродовую фратрию.

Условимся, что „я" мужчина — A_2, а „я" женщина — a_2; (м. н.) означает — „мужчина называет", (ж. н.) — „женщина называет", (м. ж. н.) означает, что термином пользуются одинаково как мужчина, так и женщина.

Риверс[2] дает следующие термины и их значения для севера о. Рага.

Tama — (1) отец (м. ж. н.),
(2) брат отца (м. ж. н.),
(3) муж сестры матери (м. ж. н.),
(4) сын сестры отца (м. ж. н.),
(5) муж дочери (ж. н.),
(6) муж дочери сестры (ж. н.).

Как мы видели, tama в значении (2) и (3) означает одно лицо, которое, согласно принципу обязательного брака и классификаторской терминологии родства, называется так же, как и отец. Для A_2 и a_2 оно будет F; (4) сыном сестры отца A_2 и a_2 будет F_2; (5) по принципу обязательного брака мужем дочери a_2 будет сын сестры отца этой группы, т. е. F_3; (6) дочь сестры a_2 является классификаторской сестрой ее дочери и по обязательному браку муж ее будет классификаторским братом ее мужа и также F^3. Таким образом, для всех шести случаев tama совпал с F — групповым термином мужчин группы F, т. е. группы „зятя" группы А. В двух из этих случаев этим термином пользуется только женщина. Групповой характер термина виден из того, что только женщина употребляет термин „tama" для мужа своей дочери. В самом деле, по принципу обязательного брака муж дочери женщины происходит из той же группы, как и отец женщины, и поэтому они называются единым термином. „Муж дочери мужчины из другой группы поэтому не может называться tama — групповым термином для мужчины группы „зять". Отсюда можно сделать следующий вывод, что термин „tama" не показывает родственных отношений между отдельными лицами, а лишь определяет пол, групповое происхождение и положение по браку — как мужа женщины „моей" группы.

---

[1] При материнском счете родства на о. Рага группа будет не группой „тестя", а группой „тещи".

[2] W. Rivers. The History..., vol. I, стр. 192—195.

Ratahi — (1) мать (м. ж. н.),
(2) сестра матери (м. ж. н.),
(3) жена брата отца (м. ж. н.),
(4) сестра отца (м. ж. н.), хотя она имеет и другой термин — bilaue barai,
(5) дочь сестры отца (м. ж. н.),
(6) жена сына сестры отца (м. ж. н.).

Объединение в одном термине значений (1), (2) и (3) происходит по причине, которую мы нашли уже при рассмотрении термина „tama", во всех этих значениях для A_2 и a_2 эти лица будут a; (4) сестрой отца A_2 и a_2 будет f_1; (5) дочерью сестры отца — f_2; (6) женой сына сестры отца, по принципу обязательного брака, — a. Таким образом, в (1), (2), (3) и (6) значениях ratahi по схеме соответствуют a, в (4) и (5) — f. Термином „ratahi" называют мужчина и женщина женщин своей группы и женщин группы „зятя".

Возможно, что термин „ratahi" надо понимать как „мать" в классификаторском смысле, и тогда ratahi получает смысл матери „моей" группы и матери группы „зятя". На Банксовых островах термин „мать" — veve совпадает с названием „половины" дуальной организации. На о. Мота veve[1] называют мать, а также сестру отца. Но в отличие от матери, которую называют veve sogoi („sogoi" Риверс дает как название клана), сестру отца называют veve gae. Таким образом, veve sogoi надо понимать „мать моего рода", а veve gae — „мать другого рода". Возможно, что и ratahi надо понимать как женщину — родоначальницу.

Nitu — (1) сын и дочь (м. ж. н.),
(2) сын и дочь брата матери (м. ж. н.),
(3) мать жены (м. н.),
(4) сестра матери жены (м. н.),
(5) сын и дочь сына сестры (м. ж. н.).

(1) Сыном и дочерью A_2 будут D_3 и d_3, сыном и дочерью a_2 — A_3 и a_3; (2) сыном и дочерью брата матери A_2 и a_2 будут D_2 и d_2; матерью жены A_2 — d_1; (4) сестрой матери жены A_2 — d_1; (5) сыном и дочерью сына сестры A_3 и a по принципу обязательного брака будут D_t и d_t.

Мы видим, что у A_2 все те, кого он называет сыном и дочерью, являются лицами из группы „тещи" и должны, следовательно, называться одинаково с его собственным сыном и дочерью. У a_2 собственные сын и дочь являются членами ее группы, в то время как все другие лица, которых она называет как своих сына и дочь, являются членами группы „тещи". Таким образом, во всех пяти случаях мужчина называет термином „nitu" лиц, рожденных в группе „тещи". Женщина пользуется этим термином в трех случаях, причем в одном из них она называет этим термином лиц, рожденных в своей группе, в двух случаях лиц, рожденных в группе „тещи". Возможно, что женщина стала пользоваться термином

[1] W. Rivers, op. cit., vol. I, стр. 23.

„nitu" для своих детей позже, заимствовав этот термин от мужа, который этим термином называет своих детей.

Tuaga — (1) старший брат (м. н.),
(2) старшая сестра (ж. н.),
(3) мать матери (м. ж. н.).

A_2 младший называет tuaga A_2 — старшего; a_2 — младшая называет этим же термином a_2 — старшую; A_2 и a_2 употребляют этот термин для матери — a.

Tihi — (1) младший брат (м. н.),
(2) младшая сестра (ж. н.),
(3) сын и дочь дочери (ж. н.),
(4) сын и дочь дочери сестры (ж. н.).

A_2 старший называет tihi A_2 — младшего; a_2 — старшая называет этим термином a_2 — младшую; a_2 называет tihi A_4 и a_4.

Как tuaga, так и tihi, употребляемые для лиц своего поколения, показывают пол говорящего лица и того лица, к кому обращаются. Когда же этими терминами называют лиц на два поколения старше или младше говорящего лица, они показывают только групповую принадлежность и поколение.

Что tihi является термином, который употребляется только для лиц своей группы, видно из того, что женщина называет tihi детей своей дочери и детей дочери своей сестры, которые по матрилинейному счету родства являются членами группы матери. Мужчина этим термином детей дочерей не называет, так как они являются членами группы его жены; он называет их mabi, что, как мы дальше увидим, является групповым термином членов группы „тещи".

Tuaga и tihi содержат в себе еще категорию возраста; так, например, tuaga употребляется не только для обозначения старшего брата и старшей сестры, но и матери матери; tihi употребляется для обозначения младшего брата и младшей сестры и для детей дочери дочери. Таким образом, tuaga и tihi являются взаимными терминами, которыми лица, рожденные в одной группе, называют друг друга. Tuaga и tihi подчеркивают момент возраста — „старший", „младший". Во всех пяти случаях tuaga называют лиц, рожденных в своей группе, старше говорящего лица. Во всех четырех случаях tihi называют лиц, рожденных в своей группе, младше говорящего лица.

Tua. Риверс пишет, что tua заключает в себе значения tuaga и tihi. Таким образом, tua является термином, которым мужчина называет мужчин своей группы, не делая различия в возрасте, а женщина — женщин.

Hogosi — термин, употребляемый взаимно братом и сестрой. Риверс отличает еще два аномальных случая употребления термина hogosi. Первый, когда мужчина и дочь дочери сестры называют друг друга hogosi, и второй, когда женщина и отец мужа называют друг друга этим термином.

Hogosi, как взаимный термин брата и сестры, а также мужчины и дочери дочери его сестры, показывает, что этим термином мужчины

и женщины, рожденные в одной группе, взаимно называют друг друга. Hoʒosi, как взаимный термин между женой сына и отцом мужа, не соответствует структуре системы о. Рага. Термин для отца мужа будет рассмотрен ниже.

Lalagi — термин обращения мужчины (1) к жене брата, (2) к жене брата матери, (3) к сестре жены, (4) к жене сына сестры.

Риверс объясняет обьединение этих лиц в одном термине тем, что все эти женщины являются потенциальными женами мужчины. По схеме мы видим, что (1), (2), (3) и (4) для A_2 являются женщинами группы „тещи" мужчины, и, таким образом, lalagi для него служит термином обращения к женщинам группы „тещи".

Sibi — (1) муж сестры (м. ж. н.),
(2) брат мужа (ж. н.),
(3) сестра мужа (ж. н.),
(4) мать мужа (ж. н.),
(5) мать отца (м. ж. н.),
(6) отец матери (м. ж. н.),
(7) отец мужа (ж. н.) (по одному сообщению),
(8) отец отца (м. ж. н.) (только по нескольким сообщениям).

По схеме мы видим, что (1) мужем сестры A_2 и a_2 будет F_2; (2) братом мужа a_2 — F_1; (3) сестрой мужа a_2 — f_2; (4) матерью мужа a_2 — f_1; (5) матерью отца A_2 и a_2 — f; (6) отцом матери A_2 и a_2 — F; (7) отцом мужа a_2 — C_1; (8) отцом отца A_2 и a_2 — C. Таким образом, термином „sibi" мужчина и женщина называют мужчин и женщин различного поколения группы „зятя", за исключением двух сомнительных случаев. Первый, когда по одному единственному сообщению „sibi" называют отца мужа, и второй, когда этот термин, по нескольким только сообщениям, применяют для отца отца.

Для отца мужа, как мы видим, существует еще термин „hoʒosi". Но ни hoʒosi, ни sibi по структуре системы о. Рага не являются правильными терминами для отца мужа. Отцом мужа a_2 является C_1 из группы C.

Группа C не входит в состав трехгрупповой фратрии, и поэтому родственных терминов для лиц этой группы у группы A нет. Когда a_2 называет отца мужа термином „sibi", то она применяет к нему термин, которым она называет всех членов группы мужа. Применяя к нему термин „hoʒosi", a_2 называет отца мужа тем же термином, которым она называет мужчин своей группы. В первом случае a_2 для обозначения отца мужа заимствует термин из группы „зятя", во втором случае называет его термином своей группы. Очевидно, оттого, что нет группового термина для лиц группы отца мужа, происходило разногласие относительно этого термина у информаторов Риверса. Термин „sibi" для отца отца показался сомнительным и Риверсу.[1]

---

[1] W. Rivers, там же, стр. 195.

Из вышеизложенного мы видим, во-первых, что термином „sibi“ называют как мужчин, так и женщин группы „зятя“; во-вторых, что термин „sibi“ не показывает ни возраста, ни пола, ни поколения, ни родственных отношений между отдельными лицами, а только принадлежность к брачной группе трехродовой фратрии.

Mabi — (1) жена брата (м. ж. н.),
(2) сестра жены (м. н.),
(3) брат жены (м. н.),
(4) жена сына (ж. н.),
(5) сын и дочь сына (ж. н.),
(6) сын и дочь дочери (м. н.),
(7) сын и дочь сына (м. н.) (по нескольким данным),
(8) жена брата матери (м. ж. н.),
(9) жена сына (м. н.) (по одному лишь сообщению).

По схеме (1) женой брата A_2 и a_2 будет d_2; (2) сестрой жены A_2 — d_2; (3) братом жены A_2 — D_2; (4) женой сына a_2 — d_3; (5) сыном и дочерью сына a_2 — D_3 — d_3; (6) сыном и дочерью A_2 — D_3 и d_3; (7) сыном и дочерью сына A_2 — B_4 и b_4; (8) женой брата матери A_2 и a_2 — d_1; (9) женой сына A_2 будет b_3. Таким образом, за исключением двух сомнительных случаев (7) и (9), термином „mabi“ мужчина и женщина называют мужчин и женщин группы „тещи“.

Термин „mabi“, как и термин „sibi“, не показывает ни возраста, ни пола, ни поколения, ни родственных отношений между отдельными лицами, а только принадлежность к брачной группе трехродовой фратрии. Что касается mabi (м. н.), как термина для сына и дочери сына и для жены сына (м. н.), то мы имеем здесь аналогичное с термином „sibi“ положение. Дети дочери сына мужчины и жена сына мужчины являются членами группы, которая не входит в трехродовую фратрию, и поэтому для нее отсутствуют групповые термины. Мужчина называет членов группы „тещи“ своего сына тем же термином, каким он называет членов своей группы „тещи“. Возможно, этим объясняется, что термин „mabi“ в значении (7) и (9) не является общепринятым. В значении (7) термин „mabi“, как это отмечает Риверс, дает только один информатор, а в значении (9) всего несколько информаторов.

Кроме рассмотренных нами групповых терминов, в системе о. Рага есть еще взаимные и индивидуальные термины. Взаимных терминов два: „bwaliga“ и „habwe“. Bwaliga называют взаимно друг друга отец жены и муж дочери. Так, например, A_1 и A_2 называют друг друга bwaliga. В данном случае взаимный характер терминов понятен, так как оба они по происхождению из одной группы и по браку являются членами одной группы. Habwe — взаимный термин между сестрой мужа и женой брата — не является взаимным по нашей схеме, так как относится к лицам различных групп. Habwe a_2 называет f_2, и, обратно, f_2 называет a_2 этим же термином.

К группе индивидуальных терминов мною отнесены термины, которые показывают родство между отдельными лицами, а не групповую

принадлежность. Таких терминов семь: „tarabe“ — брат матери, „aloa“ — сын сестры (м. н.), „atalaveraku“ — отец отца; „huri“ — муж сестры отца; „ahoa“ — муж: „tasala“ — жена, „bulena“ — брат жены. К таким терминам следует отнести и sibi в значении отца отца и mabi как термин для жены сына (м. н.).

Три из этих терминов, а именно „tarabe“, „aloa“, „atalaveraku“, показывают кровное родство, остальные четыре — „huri“, „ahoer“, „tasala“. „bulena“ — родство по браку.

Hava — термин, которым называют лиц, принадлежащих к одной с говорящим лицом „половине“.

Нижеприведенная таблица показывает термины, объединенные по брачным группам. Термины, не соответствующие данной группе схемы, обведены кружком.

Не соответствуют первой группе схемы термин „nitu“ в значении „сын“ и „дочь“ женщины; второй группе — „ratahi“ в значении сестры

ТАБЛИЦА А

Термины системы родства о. Рага (по группам)

Группа	Термины		
	групповые	индивидуальные	взаимные
1. Для лиц, рожденных в „моей“ группе . . .	tuaga tihi tua hogosi ratahi nitu	tarabe aloa	bwaliga hogosi
2. Для лиц, рожденных в группе „зять“ . . .	tama sibi ratahi	ahoa	habwe
3. Для лиц, рожденных в группе „теща“ . . .	mabi nitu lalagi	tasala bulena	habwe
4. Для лиц, не являющихся членами трехгрупповой фратрии .		huri atalaveraku sibi mabi tarabe	hogosi
5. Для лиц одной „половины“.	hava		

отца и дочери сестры отца; в четвертой группе термины „sibi“ — для отца мужа, для отца отца, „tarabe“ — для отца отца, „mabi“ — для жены сына (м. н.) и для сына и дочери сына (м. н.).

Не соответствуют структуре системы родства также взаимные термины: „hogosi“ — для отца мужа и жены сына, „habwe“ — для сестры мужа и жены брата (ж. н.).

ТАБЛИЦА 1

Групповые термины „моей“ группы

	Мужчина называет	Женщина называет
Женщин, рожденных в „моей“ группе	hogosi	tua
Мужчин, рожденных в „моей“ группе	tua	hogosi
Старших мужчин, рожденных в „моей“ группе	tuaga	hogosi
Младших мужчин, рожденных в „моей“ группе	tihi	hogosi
Старших женщин, рожденных в „моей“ группе	hogosi	tuaga
Младших женщин, рожденных в „моей“ группе	hogosi	tihi
Матерей	ratahi	ratahi

Термины для лиц „моей“ группы

Всех терминов, которыми называют друг друга лица, рожденные в одной группе, девять. Из них шесть терминов групповых, два термина индивидуальных и один взаимный. Большая часть групповых терминов является терминами для брата и сестры.

	Называет					
	сестру	старшую сестру	младшую сестру	брата	старшего брата	младшего брата
Сестра	tua	tuaga	tihi	hogosi	hogosi	hogosi
Брат	hogosi	hogosi	hogosi	tua	tuaga	tihi

Термином „hogosi“ не только брат называет сестру, но он является и взаимным термином между мужчиной и дочерью дочери сестры.

За исключением матери матери и матери, мужчина называет всех женщин, рожденных в своей группе, hogosi (Риверс не приводит термина для дочери сестры), термином „tua“ — всех мужчин, рожденных в своей группе, за исключением брата матери и сына сестры, для которых

имеются отдельные термины. Женщина называет hogosi всех мужчин, рожденных в „моей“ группе, за исключением брата матери, для которого существует индивидуальный термин „tarabe“.

„Tuaga“ и „tihi“ служат показателем возрастного различия, потому что этими терминами не только мужчина отличает старшего брата от младшего, а женщина старшую сестру от младшей, но мужчина и женщина называют мать матери и ее сестру, т. е. все старшее женское поколение группы, а tihi женщина называет детей дочери и детей дочери сестры, т. е. все младшее поколение группы.

Ratahi, по всей вероятности, называют в группе замужних женщин и матерей.

„Nitu“ — дочь и сын — является термином детей и, возможно, заимствован женщиной у мужа, который этим термином называет своих детей и всех лиц, рожденных в группе „тещи“.

Из мужчин, рожденных в „моей“ группе, индивидуальным термином выделяют только брата матери и сына сестры.

„Bwaliga“ является взаимным термином между отцом жены и мужем дочери. По принципу обязательного брака эти лица должны быть членами одной группы и в родственных отношениях как брат матери и сын сестры.

ТАБЛИЦА 2

Групповые термины для группы „зять“

	Мужчина называет	Женщина называет
Мужчин и женщин, рожденных в группе „зять“	sibi	sibi
Мужчин, рожденных в группе „зять“	tama	tama
Возможно, всех замужних женщин группы „зять“(?)	ratahi	ratahi

Термины для лиц, рожденных в группе „зять“

Для всех лиц, рожденных в группе „зять“, имеется один общий термин „sibi“. Мужчина и женщина „моей“ группы называют этим термином мужчину и женщину группы „зять“. Для мужчин группы „зять“ существует еще отдельный термин „tama“.

Происхождение термина „ratahi“ для женщин этой группы непонятно.

Индивидуальным термином группы „зять“ является „ahoa“ — муж.

Взаимный термин „habwe“ для сестры мужа и жены брата не соответствует одностороннему перекрестно-кузенному браку, он был бы правильным при двойном перекрестно-кузенном браке.

ТАБЛИЦА 3

Групповые термины для группы „теща"

	Мужчина называет	Женщина называет
Мужчин и женщин, рожденных в группе „теща"	mabi	mabi
Замужних женщин, рожденных в группе „теща"	lalagi	
Детей, рожденных в группе „теща"[1]	nitu	

Термины для лиц, рожденных в группе „теща"

Общим термином для всех лиц, рожденных в группе „теща", является „mabi". Этим термином пользуются как мужчины, так и женщины „моей" группы. Мужчина — зять этой группы — называет термином „nitu" лиц, рожденных в группе „теща", а термин „lalagi" служит у него термином обращения ко всем взрослым женщинам группы „теща". Кроме того, мужчина выделяет из группы индивидуальными терминами „tasala" — жену и „bulena" — брата жены.

ТАБЛИЦА 4

Групповой термин для лиц моей „половины"

	Мужчина называет	Женщина называет
Всех мужчин и женщин моей „половины"	hava	

Термины для лиц, не рожденных в группах трехгрупповой фратрии

Существуют еще термины для лиц, не рожденных в трехгрупповой фратрии, а связанных с членами этих групп родством по браку. Такими лицами являются отец мужа, отец отца, жена сына мужчины, дети сына мужчины и муж сестры отца. Из них только муж сестры отца имеет индивидуальный термин „huri". Для остальных же лиц термины являются сомнительными. По сообщению Риверса, разные информаторы давали разные термины для этих лиц.

По нашей схеме отцом мужа a_2 является C_1, отцом отца A_2 и a_2 — C. Мужем сестры отца A_2 и a_2 — C; дети сына A_2 — B_4 и b_4, жена сына A_2 — b_3. Для отца мужа (по нашей схеме — C) информаторы дают два тер-

[1] Исключение составляет nitu в значении матери жены.

мина: „hogosi“ и „sibi“. (В этом значении термин „sibi“ отмечен лишь однажды). На самом деле, ни один из этих терминов не является правильным. „Hogosi“ — взаимный термин, которым мужчина и женщина одной группы называют друг друга. В данном случае C_1 и a_2 являются только членами одной „половины“, но не одной группы. Этот термин соответствовал бы при двойном перекрестно-кузенном браке. Второй термин для этого же лица — „sibi“, также неправильный, потому что sibi a_2, называют членов, рожденных в группе „зять“, С же является членом этой группы по браку. По этой же причине термин „sibi“ для С отца отца A_2 и a_2 также является неправильным.

Согласно сообщению одного информатора, отца отца называют еще термином „tarabe“, но Риверс считает, что информатор, возможно, допустил здесь ошибку, так как это сообщение не было подтверждено другими. По некоторым сообщениям, отца отца называют atalaveraku, — термин, который Риверс переводит как „мужчина моей verana“.

Сомнительным термином является еще „mabi“ в значении жены сына (м. н.) — по одному сообщению и детей сына (м. н.) — по нескольким сообщениям.

Для A_2 женой сына будет b_3 из группы В, а детьми сына — B_4 и b_4. Группа В не является членом трехгрупповой фратрии А, и поэтому других родственных терминов между группами А и В нет. Возможно, что поэтому отец мужа называет жену сына и детей сына mabi, так, как он называет своих родственников по браку.

Из вышеизложенного видно, что в системе о. Рага, за исключением индивидуальных терминов „tarabe“ (брат матери), „aloa“ (сын сестры), „ahoa“ (муж), „ tasala“ (жена), „bulena“ (брат жены), „huri“ (муж сестры отца), „atalaveraku“ (отец отца) и двух взаимных терминов „bwaliga“ и „habwe“, остальные термины являются групповыми и показывают не родственное отношение между отдельными группами, а принадлежность лица к одной из брачных групп трехгрупповой фратрии.

Во всех случаях, когда групповые термины „sibi“, „mabi“ и „hogosi“ употребляют для обозначения лиц, не рожденных в трехгрупповой фратрии, информаторы Риверса давали разноречивые сведения, из чего видно, что в этих их значениях sibi, mabi и hogosi были не общими для всех. В этих своих значениях они являются чуждыми также всей структуре системы родства о. Рага.

Табл. 5 представляет анализ терминов родства о. Рага по категориям Крэбера.[1]

Каждый из пяти терминов: „sibi“, „mabi“, „ nitu“, „hogosi“ и „hava“, охватывает несколько категорий родственных лиц, но не показывает ни характера родства, ни пола, ни поколения, ни возраста и, таким

---

[1] Восьмая категория Крэбера не приводится мною потому, что она не отражена ни одним термином родства.

ТАБЛИЦА 5

Анализ терминов о. Рага по категориям Крэбера[1]

№ № п/п.	Термины родства	1	2	3	4	5	6	7
		поколение	прямое или коллатеральное родство	возраст	пол	пол говорящего лица	пол промежуточного лица	родство по крови или по браку
1	Tama . .	—	—	—	×	—	—	—
2	Ratahi . .	—	—	—	×	—	—	—
3	Nitu . . .	—	—	—	—	—	—	—
4	Tuaga . .	—	—	×	—	—	—	[illegible]
5	Tihi . . .	—	—	×	—	—	—	×
6	Tua . . .	—	—	—	—	—	—	×
7	Hogosi . .	—	—	—	—	—	—	×(?)
8	Tarabe . .	×	×	—	×	—	×	[illegible]
9	Aloa . . .	×	×	—	×	×	×	×
10	Huri . . .	×	—	—	×	—	×	[illegible]
11	Sibi . . .	—	—	—	—	—	—	—
12	Mabi . . .	—	—	—	—	—	—	—
13	Bulena . .	×	—	—	×	×	×	[illegible]
14	Habwe . .	×	—	—	×	×	×	×
15	Bwaliga . .	—	—	—	×	—	—	×
16	Ahoa . . .	×	—	—	×	×	—	×
17	Tasala . .	×	—	—	×	×	[illegible]	[illegible]
18	Lalagi . .	—	—	—	×	×	[illegible]	[illegible]
19	Hava . . .	—	—	—	—	—	—	—
		7	2	2	11	6	5	12 (13?)

образом, не поддается анализу по категориям Крэбера. Из них термин „hogosi" является сомнительным. „Hogosi", как мы видели, является групповым термином, который отмечает принадлежность к „моей" группе и, таким образом, показывает кровное родство. Применение термина „hogosi" в значении взаимного термина для отца мужа и жены сына не соответствует структуре системы о. Рага. Термины „tama", „ratahi" и „nitu" не показывают различия между родственниками по крови и по браку. Так, например, термином „tama" мужчина и женщина называют отца, а женщина называет tama еще мужа дочери и мужа дочери сестры; ratahi мужчина и женщина называют мать, но и жену сына сестры

[1] A. L. Kroeber. Classificatory Systems of Relatioship. JAI, vol. XXXIX, 1909.

ТАБЛИЦА 6

Анализ терминов о. Рага по групповому принципу

№№ п/п.	Термины родства	1 групповой термин	2 „моя" группа	3 группа „зять"	4 группа „теща"	5 различных групп	6 индивидуальный	7 взаимный
1	Tama . . .	×	—	×	—	—	—	—
2	Ratahi . .	×	—	—	—	×	—	—
3	Nitu . . .	×	—	—	—	×	—	—
4	Tuaga . .	×	×	—	—	—	—	—
5	Tihi . . .	×	×	—	—	—	—	—
6	Tua . . .	×	×	—	—	—	—	—
7	Hogosi . .	×	×	—	—	×(?)	—	—
8	Tarabe . .	—	—	—	—	—	×	—
9	Aloa . . .	—	—	—	—	—	×	—
10	Huri . . .	—	—	—	—	—	×	—
11	Sibi . . .	×	—	×	—	×(?)	—	—
12	Mabi . . .	×	—	—	×	×(?)	—	—
13	Bulena . .	—	—	—	—	—	×	—
14	Habwe . .	—	—	—	—	—	—	×
15	Bwaliga . .	—	—	—	—	—	—	×
16	Ahoa . . .	—	—	—	—	—	×	—
17	Tasala . .	—	—	—	—	—	×	—
18	Lalagi . .	×	—	—	×	—	—	—
19	Hava . . .	×	—	—	—	—	—	—
		11	4	2	2	5	6	2

отца. Nitu — так мужчина и женщина называют своего сына и дочь (дитя), но мужчины называют и мать своей жены и ее сестру.

Своеобразными по характеру являются термины, которыми обозначают братьев и сестер. Их всего четыре: „tuaga", „tihi", „tua", „hogosi". Каждый из них, взятый в отдельности, как термин, не показывает пола. Так, например, „tua", „tihi", „tuaga" мужчина называет брата, т. е. мужчина применяет эти термины для обозначения мужчины же. Этими же терминами женщина называет сестру, т. е. женщина применяет эти термины для обозначения женщины. Hogosi мужчина называет сестру, т. е. женщину, а женщина называет брата, т. е. мужчину. Таким образом, tua отмечает лицо „моего" пола, tuaga — старшее лицо моего пола, tihi — младшее лицо моего пола, hogosi — лицо противоположного пола. Исключение составляют только tuaga, когда мужчина и женщина оди-

наково применяют этот термин для матери матери, и tihi, когда женщина называет этим термином сына и дочь своей дочери.

Таблица № 6 дает анализ терминов по групповому принципу.

На табл. 6 два групповых термина — „ratahi“ и „nitu“ — относятся каждый к членам двух групп. Несоответствия эти были нами уже рассмотрены раньше. Не соответствует структуре системы родства о. Рага также применение термина „hogosi“ для отца мужа, „sibi“ — для отца отца и „mabi“ — для детей сына. Все эти случаи были нами рассмотрены выше.

Анализ терминологии показывает, что система родства о. Рага, которую Риверс считал наиболее сложной и необыкновенной из систем, рассмотренных в его работе, оказывается наиболее простой и, за исключением некоторых терминов, является почти идеальным отражением трехгрупповой фратрии, порожденной обязательной формой брака с дочерью брата матери.

Непонимание Риверсом группового характера терминов заставило его придумывать сложные брачные комбинации для объяснения того, что один и тот же термин объединяет лиц различных поколений.

А для того, чтобы могли преобладать такие формы брака, при которых старики женились на молодых женщинах, а на долю молодых мужчин доставались только старые женщины, естественно, необходимо было какое-то принуждение, которое было явно в пользу стариков. Отсюда Риверс делает вывод, что власть должна была быть в руках стариков, и мы имеем в готовом виде теорию о геронтократии в Меланезии. Риверс пишет: „У нас нет фактов о господстве стариков в Меланезии, какие, повидимому, существуют в Австралии, но самым естественным объяснением брака с внучкой является предположение, что когда-то такое господство не только существовало, но достигло степени, далеко превосходящей все, что было засвидетельствовано в Австралии, власти такой большой, что старики были в состоянии монополизировать всех молодых женщин общества. Молодые женщины каждой «половины» становились женами стариков другой «половины». Моим главным предположением является то, что брак с дочерью дочери есть непосредственный результат монополизации стариками всех молодых женщин общества“.[1]

Таким образом, единственно для чего Риверсу нужен такой общественный строй в Меланезии, как геронтократия, это для того, чтобы осуществить придуманные им, невероятные в других условиях, формы брака. О существовании власти стариков в Меланезии нет никаких других следов, и не видно даже никакой в этом общественной необходимости.

Анализ терминологии показал, что сложная и запутанная система родства о. Рага является простой и понятной, если при изучении ее исходить из принципов гиляцкой трехродовой фратрии, которая, как показал Л. Я. Штернберг, является основой гиляцкой системы родства

---

[1] W. H. Rivers. The History..., vol. II, стр. 59.

и ничего общего с браком с дочерью дочери не имеет. Утверждение того, что в Меланезии некогда существовал, как преобладающая форма брака, брак с дочерью дочери, является недоказанным. Отсюда и вся теория геронтократии в Меланезии теряет почву под ногами.

Заключение

Правильное положение Моргана, что системы родства отражают те формы брака, которые их породили, Риверс довел до абсурда только потому, что он не понял группового характера некоторых терминов. Риверс искал объяснения современному значению этих терминов в формах брака первобытного общества. Это заставило его придумывать несуществующие теперь и невероятные в отдаленном прошлом формы брака. Работы Л. Я. Штернберга о социальном строе гиляков дали правильное направление для изучения систем родства и их связи с формами брака. Риверс считает, что перекрестно-кузенный брак в Меланезии более позднего происхождения, и, основываясь на терминологии родства о. Рага, утверждает, что эта форма брака произошла от брака с женой брата матери. Мы видели, что предположение Риверса о существовании на о. Рага брака с женой брата матери ни на чем не основано, и, таким образом, более позднее происхождение перекрестно-кузенного брака им не доказано. Напротив, изучение системы родства о. Рага показало, что перекрестно-кузенный брак является древней формой брака, так как вся система и терминология родства о. Рага порождены обязательной формой одностороннего перекрестно-кузенного брака.

Положение, которое Риверс занимал в области этнографии, его большой научный авторитет оказали плохую услугу науке.

Ошибочный метод Риверса заимствован его многочисленными последователями. Работа Риверса „The History of Melanesian Society“, признанная классической, является причиной дальнейшей путаницы и заблуждения в области этнографии.

Ссылаясь на работу Риверса, Б. Зелигман[1] находит брачную геронтократию и в Африке. Доказательством того, что браки заключались между лицами различных поколений, для Б. Зелигман служит то, что дедушка называет жену и внучку одним термином, а внук — бабушку и жену. Мы узнаем здесь знакомый нам по Меланезии метод Риверса. На основании открытой Л. Я. Штернбергом гиляцкой терминологии родства можно смело сказать, что и в данном случае совпадение этих терминов объясняется не аномальными формами брака, а лишь групповым характером терминов.

Из неправильного толкования терминов, общих для детей брата отца и сестры матери, Г. Гюрие[2] доказывает существование дуальной организации в Индии. Мы видели, что происхождение этих терминов объясняется обязательной формой брака, и поэтому общие термины для детей брата

[1] B. Z. Seligman. Marital Gerontocracy in Africa. JAI, vol. LIV, 1924, стр. 233.
[2] G. Ghurye. Dual Organization in India. JAI, vol. LIII, 1923, стр. 80—81.

отца и детей сестры матери доказывают существование в отдаленном прошлом в Индии обязательной формы брака, а существование дуальной организации требует другого доказательства.

Происхождение групповых терминов у мивок, одного из племен калифорнийских индейцев, Гиффорд,[1] если не исключительно, то в значительной степени приписывает случайным формам брака — браку с дочерью брата жены, с сестрой отца и др. Происхождение перекрестно-кузенного брака у мивок Гиффорд, так же как Риверс в Меланезии, считает более поздним явлением и происшедшим от брака с дочерью жены.

Анализ терминологии индейцев мивок показал, что система родства мивок, так же как и система родства о. Рага, порождена односторонним перекрестно-кузенным браком, а не браком с дочерью брата жены и другими аномальными браками, и что в терминологии мивок существуют групповые термины.

Все это не только лишний раз подтверждает, насколько прав был Л. Я. Штернберг, когда он писал: „Схема гиляцкого брака, думается мне, может пролить свет и на некоторые основные вопросы первоначального брака“,[2] но и возлагает на нас, добавим мы, на советских этнографов, обязательство пересмотреть, исходя из открытия Л. Я. Штернберга, не только работы самого Риверса, но и работы его последователей, в которых они пользуются ошибочным методом Риверса.

---

[1] E. W. Gifford. Miwik Moieties. Americ. Archeol. und Ethnol., vol. 12, N 4, 1916.

[2] Л. Я. Штернберг. Семья и род... стр. 33.

Таджики предгорий

В. В. Гинзбург

ВВЕДЕНИЕ

Со времени произведенного нами антропологического исследования таджиков Каратегина и Дарваза прошло уже более 15 лет.[1] За это время в 1935 г. Лев Васильевич Ошанин произвел антропологическое изучение припамирских таджиков, а в 1936 г. ягнобцев. Материалы Ошанина о народах западного Памира были опубликованы в 1937 г.;[2] материалы же о ягнобцах, к сожалению, не опубликованы до сих пор. Нам удалось разыскать и опубликовать в 1937 г. антропологические материалы по населению западного Памира, собранные Н. В. Богоявленским еще в 1898 и 1901 гг.[3] Кроме того, мы опубликовали некоторые антропологические данные о ягнобцах,[4] собранные этнографом А. Н. Кандауровым в 1934 г.

Приводим краткую сводку всех известных нам материалов обследования таджиков, охватывающую период в полстолетия (табл. 1).

В 1937 г. мы имели возможность произвести антропологические исследования таджиков центральных и северных районов Таджикской ССР. Таджики северных районов Таджикской ССР изучались во время комплексной экспедиции Академии Наук СССР в 1926—1927 гг. под общим руководством В. В. Бартольда. К сожалению, антропологические материалы

---

[1] В. В. Гинзбург. Горные таджики. Материалы по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза. Изд. Акад. Наук СССР. 1937.

[2] Л. В. Ошанин. Иранские племена западного Памира. Сравнительно-антропологическое исследование. Тр. Узбекск. инст. эксперим. медицины, т. I, Ташкент, 1937.

[3] В. В. Гинзбург. Антропологический состав населения Западного Памира, Антропологический журнал, № 1, 1937.

[4] В. В. Гинзбург. Ягнобцы в антропологическом отношении. Сборн. „Советская этнография", № 3, 1940.

ТАБЛИЦА 1

Сводка некоторых материалов из имеющихся работ по антропологии таджиков и припамирских иранцев

Район	Исследователь и дата	Количество обследованных	Длина тела (рост) (см)	Размеры головы				Размеры лица			Размеры носа			Горизонтальный профиль лица		Монгольская складка века (%)
				продольный (мм)	поперечный (мм)	высотный (мм)	головной указатель	ширина скуловая (мм)	высота (мм)	лицевой указатель	ширина (мм)	высота (мм)	носовой указатель	процент плосколицых	средний балл	
Равнина	Масловский, 1895—1899	381	168.4	187	156	157	83.4	144								
Фергана	Уйфальви, 1877	31	170.9	—	—	—	85.8	—								
Фергана	Благовещенский, 1912	15	169.5	—	—	—	84.3	—								
Фергана	Ярхо, 1930	200	169.4	185.3	155.3	132.3	84.0	143.3	130.5	91.1	35.96	I—52.7 II—58.9	I—68.0 II—61.4	— —	— —	5 11
Пскемская долина	Циммерман, 1926	100	166.8	183.3	152.7	127.1	83.6	140.8	117.4	83.5	35.7	47.3	76.3			
Ашт, Канибадам, Исфара	Гинзбург, 1937	76	167.3	185.1	154.7	131.0	84.0	142.4	125.7	88.4	35.0	55.8	66.5			
Ходжент	„ „	37	166.9	184.1	155.5	129.9	84.6	142.4	124.0	87.4	34.7	56.0	65.2			
Ура-Тюбе, Шахристан	„ „	35	166.1	183.5	156.2	129.0	85.7	141.2	125.1	90.6	34.4	54.9	65.0			
Ура-Тюбе	Петров, 1927	?	—	—	—	—	87.4	—	—	88.0	—	—	63.0			
Шахристан	„ „	?	—	—	—	—	86.2	—	—	87.7	—	—	63.8			
Зеравшан (Ягноб)	Уйфальви, 1877	58	166.8	—	—	—	86.5	—	—	—	—	—	—			
Ягноб	Кандауров, 1934. Опубликовал Гинзбург в 1938 г.	21	—	183.3	153.0	—	83.5	—	—	—	—	—	—			
Зеравшан (Матча)	Богоявленский, 1898 Опубликовал Гинзбург в 1937 г.	15	164.5	184.2	158.1	125.1	86.6	138.8	123.6	89.3	34.7	52.7	66.6			
Зеравшан (Матча)	Масловский, 1895—1899	34	169.8	187	160	159	85.6	—	—	—	—	—	—			
Зеравшан (Матча)	Арихбаев, 1931	?	166.9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
Зеравшан (Пенджикент)	Вишневский, 1926	279	165.9	—	—	—	85.8	—	—	88.1	—	—	65.6	—	—	4.3
Самарканд	Уйфальви, 1877	29	170.9	—	—	—	82.8	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Самарканд	Петров, 1927	?	—	—	—	—	87.1	—	—	86.2	—	—	65.3	—	—	—
Бухара	Ошанин, 1926	163	163.7	180.7	151.3	128.0	84.2	138.0	120.4	87.1	33.0	54.5	60.6	6	2.07	5.2
Гиссар	Уйфальви, 1877	10	168.7	—	—	—	82.9	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Центральные районы Таджикской ССР	Гинзбург, 1937	147	166.9	182.2	154.8	129.0	85.1	141.6	124.7	88.1	34.8	55.1	65.8	13	2.10	2.1
Восток центральных районов	„ „	33	167.2	182.1	155.3	129.1	85.4	142.5	124.6	87.4	35.1	54.3	67.6	6	2.15	0
Ях-Су	Богоявленский, 1898. Опубликовал Гинзбург в 1937 г.	37	168.1	181.5	152.4	130.9	84.0	136.1	123.9	91.7	34.6	54.0	64.7	—	—	—
Дашти-Джум (долина Оби-Ниоу)	Гинзбург, 1933	76	166.4	182.1	151.6	126.7	83.4	139.8	125.5	90.1	33.1	57.2	57.8	0	2.43	3.2
Муминабад	„ „	22	166.8	178.3	153.5	133.1	86.3	139.2	126.7	90.8	32.3	60.0	54.2	13	2.33	0
Шуроабад	„ „	45	166.5	180.1	149.9	132.8	83.4	138.6	126.1	90.7	35.1	57.2	61.8	22	1.89	4.4
Иольская долина	„ „	41	167.5	180.9	152.3	131.0	84.3	139.4	123.4	88.8	31.2	55.5	62.3	3	2.47	2.8
Курган-Тюбе	Арихбаев, 1931	?	166.8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Каратегин	Стейн, 1915. Опубликовал Джойс	26	164.0	180.8	148.5	—	83.4	134.3	115.8	86.7	26.7	47.2	56.9	—	—	—

Продолжение

Район	Исследователь и дата	Количество обследованных	Длина тела (рост) (см)	Размеры головы: продольный (мм)	Размеры головы: поперечный (мм)	Размеры головы: высотный (мм)	Размеры головы: головной указатель	Размеры лица: ширина скуловая (мм)	Размеры лица: высота (мм)	Размеры лица: лицевой указатель	Размеры носа: ширина (мм)	Размеры носа: высота (мм)	Размеры носа: носовой указатель	Горизонтальный профиль лица: процент плоско-лицых	Горизонтальный профиль лица: средний балл	Монгольская складка века (%)
Каратегин	Ошанин, 1925—1927	433	166.4	186	154	—	82.8	142	125	88	33	54	61	—	—	—
Каратегин	Богоявленский, 1893. Опубликовал Гинзбург	42	165.0	184.6	155.1	129.0	84.4	134.5	126.4	94.0	35.0	51.7	68.2	—	—	—
Каратегин (Сурх-Об) . .	Гинзбург, 1932	108	166.7	184.0	154.5	124.6	83.8	141.8	129.7	91.4	34.8	59.6	58.6	7	2.35	7.5
Каратегин (Комарау) . .	„ „	66	165.3	183.9	153.0	128.2	83.0	143.2	128.7	89.3	34.7	57.6	60.3	15	2.06	1.5
Дарваз	Стейн, 1915. Опубликовал Джойс	24	160.7	182.6	145.5	—	79.9	131.9	113.3	86.3	26.1	47.2	55.9	—	—	—
Дарваз (долина Хингоу)	Богоявленский, 1898. Опубликовал Гинзбург	46	165.0	184.0	151.0	133.9	82.7	135.9	121.3	88.2	35.0	52.8	66.7	—	—	—
„ (зап. часть Хингоу)	Гинзбург, 1932	43	165.1	183.8	152.4	125.0	82.7	140.7	128.6	91.5	34.3	60.3	57.3	3	2.50	2.7
„ (вост. часть Хингоу)	Гинзбург, 1932	44	163.2	183.8	151.7	125.1	82.1	140.2	125.1	89.4	33.3	58.4	59.4	5	2.40	0
„ (долина Пянджа)	Богоявленский, 1901. Опубликовал Гинзбург	87	164.5	185.0	149.0	137.1	80.6	137.9	120.7	87.7	35.9	50.3	71.6	—	—	—
„ „ „	Гинзбург, 1932	23	161.7	183.6	150.4	127.1	81.9	137.6	125.2	91.1	33.9	57.0	60.0	5	2.71	4.8
Ванч	Стейн, 1915. Опубликовал Джойс	23	163.7	181.4	149.3	—	82.4	133.7	115.9	86.7	25.0	44.7	60.9	—	—	—
Ванч	Коровников, 1928	80	164.0	181.0	150.7	—	83.2	136.6	115.4	84.6	35.9	48.6	74.0	—	—	—
Ванч	Богоявленский, 1901. Опубликовал Гинзбург	42	164.9	184.5	150.1	137.5	81.4	139.6	117.4	84.1	35.2	51.0	69.9	—	—	—
Ванч	Гинзбург, 1932	40	165.3	183.5	152.7	130.6	83.4	140.9	123.7	87.6	35.5	57.5	61.8	9	2.62	3.1
Язгулем	Стейн, 1915. Опубликовал Джойс	20	165.1	178.9	148.4	—	83.0	131.2	110.0	84.0	25.8	46.0	56.3	—	—	—
Бартанг	Ошанин, 1935	13	164.3	181	151	124	83.6	137.7	120.7	86.9	34.3	50.2	68.6	0	2.15	0
Рушан	Стейн, 1915. Опубликовал Джойс	58	165.3	180.6	150.0	—	83.3	127.1	114.2	90.3	27.9	46.8	60.0	—	—	—
Рушан	Богоявленский, 1901. Опубликовал Гинзбург	40	165.9	181.7	152.1	127.4	83.0	138.2	120.7	87.2	35.7	52.3	69.3			
Рушан	Ошанин, 1935	42	166.4	185	154	129	84.5	139.9	121.7	87.2	34.2	51.5	66.7	2	2.05	0
Шугнан	Стейн, 1915. Опубликовал Джойс	40	168.4	179.2	150.0	—	83.8	125.6	118.1	94.2	27.4	48.6	56.9	—	—	—
Шугнан, долина Пянджа	Ошанин, 1935	138	167.1	183	153	125	84.1	140.0	123.3	88.0	34.5	51.9	66.4	1	2.26	0
„ „ Гунта	Ошанин, 1935	64	167.7	183	155	127	84.5	141.4	122.7	86.8	34.0	52.0	65.4	0	2.05	0
„ „ „	Богоявленский, 1901. Опубликовал Гинз-										34.8	52.6	67.2	—	—	—
	бург	83	168.1	181.4	153.4	128.7	84.5	133.2	122.6	89.3	34.6	52.9	65.5	0	2.17	0
„ „ Шахдары	Ошанин, 1935	29	170.5	184	155	127	83.8	142.2	127.0	88.7						
„ „ „	Богоявленский, 1901.										35.6	54.6	65.8	—	—	—
	Опубликовал Гинзбург	35	170.0	180.5	154.7	131.0	85.8	140.7	126.2	91.0	35.6	53.1	68.3		—	—

Продолжение

Район	Исследователь и дата	Количество обследованных	Длина тела (рост) (см)	Размеры головы				Размеры лица			Размеры носа			Горизонтальный профиль лица		Монгольская складка века (%)
				продольный (мм)	поперечный (мм)	высотный (мм)	головной указатель	ширина скуловая (мм)	высота (мм)	лицевой указатель (мм)	ширина (мм)	высота (мм)	носовой указатель	процент плосколицых	средний балл	
Горан	Богоявленский, 1901. Опубликовал Гинзбург	21	166.7	178.2	153.8	131.1	86.0	139.6	122.6	88.4	35.6	53.1	68.3	—	—	—
Ишкашим	Стейн, 1915. Опубликовал Джойс	34	164.3	174.7	149.2	—	85.7	122.5	114.8	94.0	29.3	49.4	60.2	—	—	—
Ишкашим	Богоявленский, 1901. Опубликовал Гинзбург	31	165.6	176.6	153.7	129.4	87.1	137.0	121.7	91.3	35.2	53.4	66.5	—	—	—
Ишкашим	Ошанин, 1935	7	165.5	178	152	129	85.6	141.0	120.5	85.5	35.3	52.0	68.0	0	2.00	0
Вахан	Стейн, 1915. Опубликовал Джойс	54	165.7	176.7	153.5	—	86.9	122.8	117.2	95.7	28.4	49.8	57.4	—	—	—
Вахан	Богоявленский, 1901. Опубликовал Гинзбург	55	165.1	178.8	152.8	128.0	85.9	136.2	124.3	91.4	34.8	52.9	66.1	—	—	—
Вахан	Ошанин, 1935	52	164.1	180	153	127	85.5	138.8	121.8	87.7	34.3	52.1	66.2	2	2.00	0

Примечания. 1. У таджиков Ферганы высота лица и носа: I — от переносья, II — от нижнего края бровей. 2. Стейн измерял ширину лица скуловую и ширину носа между другими точками, чем общепринято.

этой экспедиции были опубликованы исследователями Б. Н. Вишневским и Г. И. Петровым лишь в виде очень кратких предварительных сообщений. Таджики же центральных районов по южным склонам и отрогам Гиссарского хребта почти совершенно не изучены. Лишь Уйфальви в 70-х годах прошлого столетия опубликовал краткие данные о 10 обследованных им в Гиссаре таджиках. В 1933 г. мы имели возможность изучить здесь в небольшом количестве группы крови. Эти материалы тоже были опубликованы.

Из доклада К. П. Архибаева 13 августа 1933 г. в заседании Ученого медицинского совета Народного комиссариата здравоохранения Таджикской ССР (на котором мы, будучи в это время в Сталинабаде, имели возможность присутствовать), известно, что в 1930 и 1931 гг. им были произведены антропологические исследования в Матче и Курган-Тюбе. Во время доклада приводился лишь рост обследованных, который мы даем в общей сравнительной таблице (№ 1).

Таким образом, антропологическое изучение таджиков северных и особенно центральных районов Таджикской ССР должно заполнить остававшийся до последнего времени разрыв между равнинными и горными таджиками.

Мы исследовали 328 человек: из них 180 — из центральных районов и 148 — из северных. Все исследованные — мужчины в возрасте 21—28 лет. Средний возраст обследованных около 25 лет.

Были изучены измерительные и описательные признаки, характеризующие расовый тип, а также ряд признаков, характеризующих физическое развитие.

К сожалению, часть материала погибла во время блокады Ленинграда. Мы имели возможность разработать измерительные признаки во всех районах, а описательные только в центральных.

Центральные районы Таджикской ССР расположены к югу от Гиссарского хребта и к западу от Каратегина и Дарваза.

Обследованные таджики происходят из районов Сталинабада, Варзоба, Шахринау, Янги-Базара, Файзабада, Оби-Гарма, Кангурта, Ховалинга, Бальджуана и Кзыл-Мазара. Эти районы расположены между 39 и 38-й параллелями и простираются от границ Таджикской республики на западе до хребта Петра Первого и юго-западных отрогов Дарвазского хребта на востоке (около 70° долготы). Территория, на которой обитают таджики обследованных районов, невелика (около 100 км с востока на запад и около 75 км с севера на юг). Здесь нет трудно проходимых гор, и можно предположить, что население всех этих районов не было изолировано друг от друга и составляет довольно компактную группу.

В целях более детального изучения близости таджиков этих районов к таджикам Каратегина и Дарваза, изученных нами ранее, мы сочли возможным разбить исследованных на две группы. Районы, примыкающие к Сталинабаду (Сталинабадский, Янги-Базарский, Кангуртский, Файзабадский, Варзобский, Шахринауский), мы условно назвали „западными“

районами, а расположенные к востоку от перечисленных (Оби-Гармский, Бальджуанский, Ховалингский и Кзыл-Мазарский) мы выделили под условным названием „восточных". Эти районы с запада непосредственно примыкают к Каратегину и юго-западному Дарвазу.

Таджиков центральных районов (как „западных", так и „восточных") мы и называем собственно таджиками предгорий, ибо они территориально оказываются наиболее близкими к горным таджикам, и в социальном развитии эти группы находились в большой близости, будучи расположены несколько в стороне от главной дороги Средневековья, соединявшей Восток и Запад.

Обследованная группа таджиков предгорий представляет большой интерес и в связи с имеющимися указаниями, например, Кислякова, что к югу от Гиссарского хребта некогда обитали тохары, — народ, гораздо менее изученный, чем их северные соседи — согдийцы.

Северные районы Таджикской ССР расположены на узком участке к западу от Ферганской долины и Киргизской ССР и отграничены с юга Туркестанским хребтом, а с севера — Кураминским. Обследованные районы в целом также невелики, простираясь между 39.7 и 40.7° широты и 68.5 — 70.6° долготы и охватывая территорию около 200 км в длину и 50 — 100 км в ширину. Поперек этой области проходит неширокая в этом месте долина Сыр-дарьи, соединяющая Ферганскую область с обширными равнинами Узбекской ССР.

Обследованные таджики из северной части Таджикской ССР происходят из районов Аштского, Канибадамского, Исфаринского, Ходжентского, Ура-Тюбинского и Шахристанского. Несмотря на небольшие размеры всей исследованной области, мы сочли возможным разбить ее на 3 части: I — Восточную, охватывающую районы Ашта, Канибадама и Исфары, ближе всего примыкающие к Ферганской долине; II — Центральную часть — окрестности Ходжента; III — западную, охватывающую районы Ура-Тюбе и Шахристана.

Из Шахристана на юг идет дорога через перевал Туркестанского хребта, перейдя который легко попасть в Пенджикент, расположенный на Зеравшане несколько к западу.

Такое дробное деление по территориям, несмотря на небольшой материал, все же оказывается полезным, так как дает возможность проследить общую тенденцию направления изменчивости отдельных признаков и типа в целом.

Представляемые материалы дополняют опубликованные данные о таджиках, благодаря чему к настоящему времени имеются антропологические материалы почти о всех таджиках Средней Азии — как из Таджикской, так и из Узбекской республик.

Таким образом, таджики оказываются одним из наиболее полно в антропологическом отношении изученных народов Союза ССР. Это дает возможность, вместе с палеоантропологическими материалами, которых, правда, пока немного, уже во всю ширь ставить вопросы этногенеза таджикского народа.

ТАБЛИЦА 2

Некоторые сравнительные материалы по антропологии Средней Азии

Народ	Происхождение	Автор и год обследования	Количество обследованных	Длина тела (рост) (см)	Размеры головы				Размеры лица			Размеры носа			Горизонтальный профиль лица		Монгольская складка века (%)
					длина (мм)	ширина (мм)	высота (мм)	головной указатель	ширина скуловая (мм)	высота (мм)	лицевой указатель	ширина (мм)	высота (мм)	носовой указатель	процент плосколицых	средний балл	
Киргизы	Фергана	Ярхо, 1928–1931	292	161.9	186.9	156.6	131.1	84.0	144.1	131.3	91.5	36.5	I—52.8 II—59.6	I—69.4 II—61.9	—	—	19
	Тянь-Шань	Ярхо, 1928–1931	784	163.7	188.6	160.5	129.3	85.1	149.9	133.9	86.5	37.6	I—52.1 II—62.4	I—72.9 II—60.9	—	—	24
	Иссык-Куль	Ошанин, 1924	100	162.0	187.0	159.0	—	84.8	148	113	79.7	33.4	52.5	73.3	—	—	86
	Алай	Ошанин, 1935	35	—	187	155	—	83.5	147	—	—	—	—	—	97	1.03	71
	Памир	Ошанин, 1935	37	165.9	187	156	—	83.1	146	—	—	—	—	—	97	1.03	62
	Памир	Стейн, 1915. Опубликовал Джойс	55	165.7	184.0	154.6	—	84.0	131.4	116.9	89.4	34.2	45.0	77.1	—	—	—
	Талас	Ошанин, 1929	100	163.8	187	159	—	85.1	149	—	—	—	—	—	85	1.1	85
Казахи	Талас	Ошанин, 1929	100	—	188	160	—	85.2	150	—	—	—	—	—	89	1.1	—
Узбеки	Хорезм	Ошанин, 1923	100	166.7	186.0	153	—	82.2	140	118	84.1	36	54	68.0	—	—	25
	Шахрисяб и Карши	Ошанин, 1927	390	164.6	180.7	152.3	126.5	84.7	140.6	122.4	87.2	34.6	54.5	63.3	Ш 37 К 16	Ш — К 1.8	Ш 10 К 22
	Кермине	Ошанин, 1926	100	—	181	152	—	84.3	140	—	—	—	—	—	28	1.5	20

Народ	Происхождение	Автор и год обследования	Количество обследованных	Длина тела (рост) (см)	Размеры головы: длина (мм)	Размеры головы: ширина (мм)	Размеры головы: высота (мм)	Размеры головы: головной указатель	Размеры лица: ширина скуловая (мм)	Размеры лица: высота (мм)	Размеры лица: лицевой указатель	Размеры носа: ширина (мм)	Размеры носа: высота (мм)	Размеры носа: носовой указатель	Горизонтальный профиль лица: процент плосколицых	Горизонтальный профиль лица: средний балл	Монгольская складка века (%)
Узбеки	Самарканд	Вишневский, 1926	447	167.0	—	—	—	85.4	—	—	87.5	—	—	67.9	—	—	24
	Ташкент	Шишов, 1904	119	167.6	181.7	153.9	123.3	83.3	144.2	139.6	87.3	35.2	53.4	63.0	—	—	—
	Ангрен	Ярхо, 1928—1931	83	164.6	182.3	156.8	130.7	86.1	141.2	126.4	89.7	35.4	I—50.4 II—59.9	I—70.9 II—63.2	—	—	7
	Фергана без родовых делений	Ярхо, 1928—1931	399	165.7	183.3	155.1	132.4	84.7	140.8	129.3	91.8	35.3	I—52.3 II—59.0	I—67.9 II—60.5	—	—	7
	Фергана — Кипчаки	Ярхо, 1928—1931	100	164.9	185.6	156.4	132.0	84.4	144.0	130.0	90.3	35.0	I—52.4 II—59.5	I—67.4 II—59.4	—	—	23
	Фергана — Мангыты	Ярхо, 1928—1931	80	165.9	189.9	153.0	132.6	80.7	143.9	132.9	92.5	36.5	I—53.1 II—60.9	I—69.4 II—60.5	—	—	35
	Локай	Ошанин, 1935	67	—	181	155	—	86.5	144	—	—	—	—	—	48	1.5	27
Каракалпаки	Кара-Калпаки Кара-Кали АССР	Ярхо, 1931	303	165.4	185.3	155.8	—	84.2	146.4	134.6	92.0	36.1	I—52.8 II—61.9	I—69.0 II—58.9	—	—	26
	Фергана	Ярхо, 1930	100	165.9	185.3	155.7	134.4	83.8	142.8	131.3	92.0	35.1	I—52.1 II—59.3	I—67.8 II—59.6	—		24
Туркмены	Теке	Яворский, 1895	51	170.0	193	146	129	75.6	129	122	—	36	54	65.0	—	—	—
	Теке	Ошанин, 1926	200	169.6	196	147	—	74.5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Чаудиры	Ярхо, 1931	200	166.5	193.1	149.0	129.1	77.2	141.8	132.9	93.8	35.8	I—52.4 II—59.6	I—69.0 II—60.5	24	—	25
	Иомуды	Ярхо, 1931	107	166.3	194.2	145.8	132.3	75.2	138.2	130.4	94.6	35.8	I—53.3 II—59.5	I—67.6 II—60.9	5	—	7
	Иомуды	Ошанин, 1926	150	168.5	194	149	—	76.0	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Эрсари	Ошанин, 1926	125	167	188.4	145.0	—	77	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Гоклены	Ошанин, 1926	155	168.5	193	147	—	75.9	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Евреи	Кермине	Ошанин, 1926	59	164.0	180.0	152.5	—	84.8	138.2	120.1	86.5	33.3	55.5	59.0	—		—
	Бухара	Ошанин, 1926	136	162.7	179.2	151.0	—	84.4	136.7	118.7	86.5	33.7	56.1	58.5	1	—	0
	Шахрисяб	Ошанин, 1927	103	164.3	180.1	153.2	128.0	85.1	138.7	122.7	88.7	32.1	57.5	56.5	9	—	1
	Самарканд	Вишневский, 1926	143	166.1	—	—	—	85.1	—	—	90.4	—	—	62.4	—	—	0
	Самарканд и Бухара	Вайсенберг, 1913	150	166.1	181.5	151.4	—	83.8	137.4	123.7	89.2	32.5	55.6	60.3	—	—	—
Арабы	Ях-Су	Богоявленский, 1898. Опубликовал Гинзбург	18	165.6	183.8	152.5	137.8	83.6	135.0	125.5	92.5	36.4	54.8	67.6	—	—	—
	Горные	Масловский, 1895—1899	29	166.4	189	158	155	83.4	141	—	—	—	—	—	—	—	—
	Самарканд	Масловский, 1895—1899	17	163.7	183	151	155	82.1	137	—	—	—	—		—	—	—
	Карши	Ошанин, 1927	100	165.7	183.7	155.4	—	84.8	142.1	124.7	87.7	35.0	53.7	66.6	—	—	—

Примечания. 1. В материалах Ярхо высота носа: I — от переносья, II — от нижнего края бровей. 2. В материалах Ошанина по узбекам Шахрисяба и Карши: Ш — Шахрисяб, К — Карши.

Конечно, антропологическое изучение таджиков нельзя вести изолированно, без учета соседних народов и в первую очередь узбеков, история которых тесно связана, особенно в равнинах, с историей таджиков. С историей таджиков, в разное время в бо́льшей или меньшей степени, связана история и всех других народов, обитающих бок о бок с ними.

Краткая сводка антропологических признаков по другим народам Средней Азии дается в табл. 2.

I. ТАДЖИКИ ЗАПАДНЫХ И ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ ТАДЖИКСКОЙ ССР

(Собственно таджики предгорий)

Пигментация

По цвету радужной оболочки глаз таджики центральных районов относятся к темнопигментированным. Чисто коричневые оттенки отмечены у них в 68%, а смешанные — в 32% всех исследованных. Светлые оттенки глаз вовсе не были отмечены.

Это соотношение очень близко к таджикам Каратегина, Дарваза, Пенджикента и Ферганы (по данным Ошанина, Гинзбурга, Ярхо и Вишневского). Средний балл 2.68 — лишь на одну десятую превышает таковой у таджиков Каратегина и Дарваза.

У таджиков равнины (Бухара, Пскемская долина) пигментация значительно темнее. То же у припамирских таджиков (по материалам Богоявленского и Ошанина). По материалам Джойса, количество лиц со смешанными оттенками глаз среди населения западного Памира оказывается значительно бо́льшим, чем по данным Богоявленского и Ошанина, что, по нашему мнению, является у него результатом иного критерия. При этом общее направление изменчивости цвета у всех трех исследователей совпадает.

В восточных районах цвет глаз немного темнее (табл. 3). Это соответствует тому, что было обнаружено нами в 1933 г. в близком к ним Муминабадском районе.

По цвету волос головы таджики центральных районов являются темнопигментированными. Черные и черно-коричневые оттенки (№ 27 и 4 по шкале Фишера) отмечены среди них в 84% (табл. 4). Темнокоричневый оттенок (№ 5) отмечен в 11%. Светлокоричневые оттенки (№ 6 и 7) отмечены всего в 4%.

Эти данные показывают, что цвет волос у этой группы таджиков несколько светлее, чем в Каратегине и юго-западном Дарвазе, где значительно преобладают абсолютно черные волосы (№ 27).

У западных памирцев, по Ошанину, пигментация волос еще темнее, так как у них еще больше преобладают черные волосы.

На востоке центральных районов черный цвет волос отмечен на 10% меньше, а черно-коричневый — соответственно чаще. По этому признаку эти районы как бы сближаются с центральным Дарвазом.

ТАБЛИЦА 3

Цвет радужной оболочки глаз

Цвет, по Бунаку		Запад №		Запад процент		Восток №		Восток процент		Все №		Все процент	
Темный	1	—		—		—		—		—		—	
(2)	2	24	98	16.6	67.6	5	23	15.1	69.7	29	121	16.3	67.98
	3	61		42.0		16		48.5		77		43.3	
	4	13		9.0		2		6.1		15		8.4	
Смешанный	5	28		19.3		5		15.1		33		18.5	
(1)	6	4	47	2.8	32.4	3	10	9.1	30.3	7	57	3.9	32.02
	7	—		—		—		—		—		—	
	8	15		10.3		2		6.1		17		9.5	
Светлый	9	—		—		—		—		—		—	
(0)	10	—		—		—		—		—		—	
	11	—		—		—		—		—			
	12	—		—		—		—		—			
Всего. . .		145		100.0		33		100.0		178		100.0	
Средний балл . . .		1.68				1.70				1.68			

Измерительные признаки головы

Окружность головы у таджиков предгорий, равная в среднем 546.56 мм (табл. 5), очень близка к этому размеру у таджиков юго-западного Дарваза.

Продольный диаметр головы, равный 182.22 мм (табл. 5), совершенно сходен с этим размером у горных таджиков в целом, и больше всего — из центрального Дарваза. В Каратегине этот размер немного больше, а в юго-западном Дарвазе несколько меньше, но колебания невелики. Близки по этому размеру бухарские и пскемские таджики, а также западные памирцы, хотя на юге Памира продольный диаметр головы несколько уменьшается. У таджиков же Ферганы этот размер несколько больше (185.33 мм), чем у таджиков предгорий. То же самое можно сказать о большинстве других этнических групп Средней Азии, за исключением евреев, у которых этот размер немного меньше.

ТАБЛИЦА 4

Цвет волос головы

№№ шкалы Фишера	Запад		Восток		Все	
	N	процент	N	процент	N	процент
27	44	35.5	7	26.0	51	33.77
4	61	49.2	16	59.3	77	51.0
5	14	11.3	3	11.1	17	11.25
6	5	4.0	—	—	5	3.31
7	—	—	1	3.6	1	0.66
	124	100.0	27	100.0	151	100.0

ТАБЛИЦА 5

Краткая сводная таблица размеров и указателей головы и лица таджиков предгорий Таджикской ССР

№№ п п.	Признак	Запад	Восток	Все
1	Окружность головы (мм)	546.3	548.3	546.56
2	Продольный диаметр головы (мм) .	182.24	182.09	182.22
3	Поперечный диаметр головы (мм) .	154.82	155.27	154.90
4	Высота головы (мм)	128.96	128.99	128.97
5	Ширина лба (наименьшая) (мм) . .	107.15	107.99	107.28
6	Ширина скуловая (мм)	141.64	142.54	141.82
7	Ширина нижнечелюстная (мм) . . .	109.54	110.44	109.70
8	Высота лица [1] (мм)	124.60	124.63	124.72
9	Высота лица [2] (мм)	122.62	122.65	122.63
10	Высота носа [1] (мм)	55.10	54.34	54.97
11	Высота носа [2] (мм)	53.04	52.46	52.93
12	Ширина носа (мм)	34.78	35.14	34.84
13	Головной указатель	85.10	85.38	85.14
14	Высотно-продольный указатель . . .	70.80	70.96	70.83
15	Лицевой указатель [3]	88.12	87.38	87.99
16	Носовой указатель [4]	65.84	67.62	66.17

[1] От нижнего края бровей.
[2] От назиона.
[3] К высоте 1 (от нижнего края бровей).
[4] К высоте 2 (от назиона)

Поперечный размер головы, равный 154.9 мм (табл. 5), сходен с этим размером у памирцев и несколько больше, чем у горных таджиков. Из последних ближе всего к таджикам предгорий стоят таджики Гармского (Каратегин) и Муминабадского (юго-западный Дарваз) районов.

Размер поперечного диаметра у таджиков Ферганы сходен с изучаемой группой, но у бухарских и пскемских таджиков он несколько меньше.

За исключением киргизов, туркмен и иранцев, этот размер очень близок почти у всех этнических групп Средней Азии.

Высота головы (128.97 мм) также близка к этому размеру у памирцев и горных таджиков, хотя в Каратегине и в центральном Дарвазе этот размер несколько меньше, а в юго-западном Дарвазе — больше, чем у изучаемой группы.

У бухарских и пскемских таджиков этот размер сходен, а у ферганских, как у большинства других этнических групп Средней Азии, больше, чем у таджиков предгорий (табл. 5).

Головной указатель (85) относит таджиков предгорий к типичным брахикефалам (табл. 5). По этому признаку таджики предгорий очень близко стоят к памирцам, к таджикам равнин и к горным таджикам. Из последних — ближе всего к населению юго-западного Дарваза, а несколько дальше — от центрального Дарваза.

По головному указателю таджики предгорий сходны с большинством других групп Средней Азии, которые, за исключением туркмен, тоже брахикефалы.

При распределении головного указателя таджиков предгорий по общему масштабу оказывается, что количество долихокефалов среди них ничтожно мало (всего 3%), как и среди горных таджиков и памир-

ТАБЛИЦА 6

Форма затылка

Балл	Описание	Запад	Восток	Все	
		N	N	N	Процент
1	Плоский	31	2	33	22.45
2	Круглый	85	26	111	75.51
3	Угловатый	2	1	3	2.04
N		118	29	147	100.0
Средний балл		1.75	1.97	1.80	

цев; мезокефалов среди таджиков предгорий также немного (17%); брахикефалов — 43%, что сходно с горными таджиками и памирцами, и гипербрахикефалов — 37%, что ставит их между горными таджиками и памирцами, у которых количество лиц с очень высоким головным указателем еще больше.

Высотно-продольный указатель (70.8) (табл. 5) говорит о высокой форме головы. По этому указателю таджики предгорий очень близки к таджикам равнины, памирцам и горным таджикам, особенно из юго-западного Дарваза. По этому признаку таджики предгорий близки и к большинству других групп Средней Азии.

Форма затылка в 75% округлая (табл. 6). По этому признаку исследуемая группа сходна с горными таджиками и памирцами. Угловатый затылок отмечен гораздо реже, а плоский несколько чаще, чем у сравниваемых групп. По количеству отмеченных плоских затылков таджики центральных районов ближе стоят к таджикам Бухары, чем к горным.

Измерительные признаки лица

Наименьший лобный диаметр (табл. 5), равный 107.28 мм, соответствует этой величине у горных таджиков и памирцев, а также таджиков Ферганы, и является средним по сравнению с другими группами Средней Азии, среди которых отмечены, как несколько бо́льшие, так и меньшие размеры.

Отношение этой величины к поперечному диаметру головы (69.5 мм) сходно с отмеченным у горных таджиков и припамирских таджиков.

Ширина лица (скуловых дуг) (табл. 5), равная 141.82 мм, близка к величине этого размера у горных таджиков, особенно из Каратегина. У дарвазцев, как и памирцев, этот размер немного меньше. У таджиков Ферганы ширина лица несколько больше.

Отношение лобного диаметра к скуловому (75.8 мм) также сходно с отмечаемым у горных таджиков и припамирских таджиков.

Ширина нижнечелюстная (109.70 мм) (табл. 5) несколько больше, чем у горных таджиков, из которых к изучаемой группе ближе других стоят каратегинцы. У западных памирцев этот размер также несколько меньше; у равнинных же таджиков ширина нижней челюсти несколько больше, как и у большинства других групп Средней Азии.

Несколько бо́льшая величина нижнечелюстного размера у таджиков предгорий является причиной того, что челюстно-скуловой указатель у них несколько выше, чем у горных таджиков и памирцев.

Высота лица морфологическая (Nasion — gnathion) — 122.63 мм (табл. 5) — меньше, чем у горных таджиков, и сходна с этим размером у памирцев или несколько больше. Высота лица, измеренная от нижнего края бровей (124.72 мм), говорит о том же самом. У таджиков Ферганы, как и у большинства других групп Средней Азии, высота лица еще бо́льшая, чем у горных таджиков.

Морфологический указатель лица (87.99), находящийся в пределах лептопрозопии (узкое лицо), очень близок к величине этого указателя у равнинных и горных таджиков, а также у памирцев.

ТАБЛИЦА 7

Описательные признаки лица

Балл	Горизонтальный профиль лица						Выступание скул					
	запад		восток		все		запад		восток		все	
	N	процент	N	процент	N	процент	N	процент	N	процент	N	процент
1	19	13.2	2	6.1	21	11.86	40	27.4	10	30.3	50	27.93
2	91	63.2	24	72.7	115	64.97	102	69.9	22	66.7	124	69.27
3	34	23.6	7	21.2	41	23.16	4	2.7	1	3.0	5	2.79
N	144		33		177		146		33		179	
Средний балл	2.10		2.15		2.11		1.75		1.73		1.75	

Горизонтальный профиль лица в двух третях случаев средневыступающий (65%) (табл. 7). Сильно выступающий профиль отмечен в 23%. Слабое выступание (плоское лицо) отмечено всего в 12%. По этому признаку таджики центральных районов стоят между таджиками Бухары, у которых сильно выступающие лица отмечаются несколько реже, с одной стороны, и горными таджиками, а также памирцами, — с другой. Дальше других стоят от таджиков центральных районов таджики центрального и восточного Дарваза. Восточные районы стоят по этому признаку несколько ближе к горным районам, чем западные.

Выступание скул чаще всего отмечается среднее (69%). Слабое выступание скул отмечено в 28% (табл. 7), сильное же выступание отмечено не чаще 3%. По этому признаку таджики центральных районов также стоят между таджиками Бухары и горных районов, хотя отношения здесь недостаточно ясны.

Описательные признаки лба

Наклон лба большею частью очень незначительный (табл. 8). Значительно наклоненный лоб отмечен всего в 3%. По этому признаку таджики центральных районов близко стоят к горным таджикам в целом. Таджики восточных районов очень близки по этому признаку к таджикам юго-западного Дарваза. У памирцев, по Ошанину, наклон лба несколько

ТАБЛИЦА 8

Описательные признаки лба

Балл	Наклон			Бугры			Надбровье		
	запад	восток	все	запад	восток	все	запад	восток	все
1	89 61.4	19 57.6	108 60.67	56 54.9	16 59.3	72 55.81	76 52.1	19 57.6	95 53.07
2	50 34.5	14 42.4	64 35.96	43 42.2	10 37.0	53 41.09	63 43.2	13 39.4	76 42.46
3	6 4.1	—	6 3.37	3 2.9	1 3.7	4 3.10	7 4.8	1 3.0	8 4.47
N	145	33	178	102	27	129	146	33	179
Средний балл . . .	1.43	1.42	1.43	1.47	1.55	1.47	1.53	1.46	1.52

сильнее, но возможно, что у него был несколько иной масштаб для этого описательного признака, так как, в целом, Ошанин относит памирцев к группам с очень слабо наклоненным лбом.

Развитие надбровья большею частью незначительное (53%) или среднее (42%). В целом развитие надбровья в центральных районах значительнее, чем у горных таджиков и памирцев. Об этом говорит вдвое чаще отмечаемое среднее развитие и чаще встретившееся сильное развитие надбровья (табл. 8).

Лобные бугры развиты большею частью слабо (56%) или средне (41%). Сильное развитие лобных бугров в центральных районах отмечается значительно реже, чем среди горных таджиков. По этому признаку таджики центральных районов стоят ближе к западным памирцам, чем к таджикам Каратегина и Дарваза.

Монгольская складка верхнего века абсолютно отсутствовала в 75.6%. Различия между районами невелики (77% в западных и 70% в восточных районах). Однако в 23% случаев отмечены следы монгольской складки (21% — в западных и 30% — в восточных районах). Настоящая же монгольская складка, притом лишь слабо выраженная, отмечена лишь в 2% случаев (табл. 9). Сравнительно частое наличие легких следов монгольской складки мы можем объяснить молодым составом обследованных, так как и у горных таджиков в возрасте старше 24 лет монгольская складка отмечена в среднем около 4%, а в возрасте 18—24 лет встречается в 22%.

В этом отношении таджики предгорий сближаются с горными таджиками более западных районов, особенно юго-западного Дарваза.

ТАБЛИЦА 9

Монгольская складка

Степень развития	Запад		Восток		Все	
	N	процент	N	процент	N	процент
0	107	77.0	23	69.7	130	77
Намечается	29	20.9	10	30.3	39	21
1	3	2.1	—	—	3	2
2	—	—	—	—	—	—
3	—	—	—	—	—	—
Всего . . .	139	100.0	33	100.0	172	100.0

Простая складка верхнего века полностью отсутствовала всего в 4.5% (табл. 10). В отношении этого признака обследуемая группа стоит ближе к таджикам Пенджикента и юго-западного Дарваза.

ТАБЛИЦА 10

Общая степень выраженности складки верхнего века

Степень выраженности складки	Запад		Восток		Все	
	N	процент	N	процент	N	процент
0	8	5.6	—	—	8	4.52
1	69	47.9	19	57.6	88	49.72
2	51	35.4	10	30.3	61	34.46
3	16	11.1	3	12.1	20	11.30
Всего . . .	144	100.0	33	100.0	177	100.0
Средний балл . .	1.52		1.55		1.53	

Для детальной характеристики мы дифференцировали складку: развитую на всем протяжении (МСЛ),[1] в средней и наружной части (СЛ) и только в наружной части (Л) (табл. 11).

[1] М — медиальная часть, С — средняя часть, Л — латеральная часть.

ТАБЛИЦА 11

Характеристика складки верхнего века

Балл	МСЛ[1]		СЛ		Л		Всего
	N	процент	N	процент	N	процент	
1	46	27	37	22	5	3	88
3	35	21	26	15	—	—	61
2	17	10	3	2	—	—	20
	98	58	66	39	5	3	169

Большая частота наличия складки верхнего века, в особенности проксимальных (внутренних) ее отделов, так же как частое наличие следов монгольской складки, говорит о каком-то влиянии монголоидных элементов в формировании расового типа таджиков предгорий.

Редкость дистального (наружного) отдела складки зависит от сравнительно молодого возраста обследованной группы.

Размеры носа (табл. 5)

Высота (длина) носа (Nasion — subnasale) (52.93 мм) сходна с этим размером у памирцев, меньше, чем у горных таджиков, но больше, чем у таджиков Ферганы.

Ширина носа (34.84 мм) сходна с этим размером у таджиков равнины, горных таджиков, памирцев.

Носовой указатель (66.17) у таджиков предгорий выше, чем у горных таджиков, и приближается к этому признаку у таджиков Ферганы и памирцев, а также у большинства других групп Средней Азии.

Хотя средняя величина указателя и находится в пределах лепторинии, но приближается к мезоринии. Гиперлепторинов среди таджиков предгорий около 2%, в то время как среди горных таджиков их 26%. Мезоринов же среди таджиков предгорий 30%, а среди горных таджиков 8%. Количество лепторинов среди тех и других почти одинаково.

В отношении распределения носового указателя таджики предгорий очень близки к памирцам.

Особенности строения носа

Высота корня носа у таджиков предгорий большею частью большая или средняя. Низкое переносье отмечено всего в 4%. В восточных

[1] М — медиальная часть, С — средняя часть, Л — латеральная часть.

районах лица с высоким корнем носа встречаются несколько реже, чем в западных (табл. 12).

ТАБЛИЦА 12

Строение корня носа

Балл	Высота			Ширина		
	запад	восток	все	запад	восток	все
1	5 3.5	3 9.1	8 4.49	40 27.6	4 12.1	44 24.72
2	66 45.5	18 54.5	84 47.19	94 64.8	21 63.6	115 64.61
3	74 51.0	12 36.4	86 48.31	11 7.6	8 24.2	19 10.68
Всего . . .	145	33	178	145	33	178
Средний балл . . .	2.47	2.27	2.44	1.80	2.12	1.86

По этому признаку таджики предгорий стоят ближе всего к горным таджикам и занимают промежуточное положение между памирцами, у которых низкое переносье вообще не встречается, и всеми остальными этническими группами Средней Азии. Восточные районы приближаются по этим признакам к центральному Дарвазу.

ТАБЛИЦА 13

Общий профиль спинки носа

Общий профиль спинки носа	Запад				Восток				Все			
	N		процент		N		процент		N		процент	
Вогнутый . . .	21		14.6		4		12.1		25		14.12	
Прямой . . .	65	} 88	45.1	} 61.1	18	} 25	54.6	} 75.8	83	} 113	46.89	} 63.8
Волнистый . .	23		16.0		7		21.2		30		16.95	
Выпуклый . .	35		24.3		4		12.1		39		22.03	
Всего	144				33				177			
Средний балл	2.1				2.0				2.12			

Ширина корня носа большею частью средняя (табл. 12). Узкое переносье встречается в четверти случаев; широкое переносье значительно реже.

По этому признаку таджики предгорий стоят близко и к горным и равнинным таджикам.

Общий профиль спинки носа почти в половине случаев прямой, затем по частоте идут выпуклые формы, волнистые и лишь в 14% вогнутые (табл. 13).

По этим данным исследуемая группа стоит близко к горным и пенджикентским таджикам, а также и памирцам. Таджики же равнины характеризуются гораздо бо́льшим процентом выпуклых форм носа. В западных районах выпуклая форма носа встречается чаще, чем в восточных.

Профиль костной части носа бо́льшею частью выпуклый (табл. 14), и по этому признаку изучаемая группа имеет наибольший балл как по сравнению с таджиками Ферганы и юго-западного Дарваза, так и почти со всеми другими группами Средней Азии, у которых этот признак был изучен.

ТАБЛИЦА 14

Профиль костной и хрящевой частей носа

Балл	Костная часть			Хрящевая часть		
	запад	восток	все	запад	восток	все
1	10 11.1	2 10.5	12 11.0	39 42.9	9 47.4	48 43.6
2	26 28.9	2 10.5	28 25.7	48 52.7	10 52.6	58 52.7
3	54 60.0	15 79.0	69 63.3	4 4.4	— —	4 3.6
Всего . .	90	19	109	91	19	110
Средний балл . .	2.49	2.68	2.52	1.62	1.52	1.60

Профиль хрящевой части носа большею частью прямой или вогнутый (табл. 14), причем количество вогнутых форм сравнительно очень велико, благодаря чему средний балл у исследуемой группы оказывается наименьшим по сравнению с другими группами.

В этой связи интересно отметить, что, если судить по средним баллам, профиль костной и хрящевой частей находится между собой в обратной корреляции.

Положение (направление) кончика носа[1] (табл. 15) бо́льшею частью среднее, что и выражается баллом 2.05. В этом отношении таджики предгорий стоят близко лишь к немногим из исследованных групп в Средней Азии (в частности, к таджикам Ферганы) и занимают промежуточное положение между ними и горными таджиками.

ТАБЛИЦА 15

Направление кончика и основания носа

Балл	Положение кончика носа			Положение основания носа		
	запад	восток	все	запад	восток	все
1	25 18.3	4 12.5	29 17.16	15 11.4	5 15.6	20 12.20
2	85 62.0	18 56.3	103 60.95	73 55.3	21 65.6	94 57.32
3	27 19.7	10 31.3	37 21.90	44 33.3	6 18.8	50 30.49
Всего . .	137	32	169	132	32	164
Средний балл . .	2.01	2.19	2.05	2.22	2.03	2.18

Положение основания носа (определявшееся по плоскости ноздрей) большею частью среднее или несколько опущенное (средний балл 2.18).

ТАБЛИЦА 16

Строение верхней губы

Балл	Высота			Профиль			Толщина		
	запад	восток	все	запад	восток	все	запад	восток	все
1	49 38.9	10 31.3	59 37.3	52 42.2	14 43.8	66 42.6	61 47.7	14 43.75	75 46.9
2	64 50.8	18 56.2	82 51.9	59 48.0	18 56.2	77 49.7	61 47.7	12 37.50	73 45.6
3	13 10.3	4 12.5	17 10.8	12 9.8	— —	12 7.7	6 4.6	6 18.75	12 7.5
Всего	126	32	158	123	32	155	128	32	160
Средний балл	1.71	1.81	1.73	1.67	1.56	1.65	1.57	1.75	1.61

[1] Ошанин этот признак называет „направлением основания носа".

По этому признаку таджики предгорий стоят между памирцами и горными таджиками, у которых опущенное основание отмечается еще чаще и почти между всеми другими группами Средней Азии, в том числе и таджиками Ферганы.

Высота верхней губы большею частью средняя или небольшая (табл. 16). Существенных различий в этом признаке у таджиков разных районов нет. Средний балл высоты верхней губы у таджиков предгорий очень небольшой, ниже большинства этнических групп, обследованных Ярхо. По этому признаку наша группа стоит близко к западным памирцам, обследованным Ошаниным.

Профиль верхней губы в большинстве ортохейличный (2) и прохейличный (1). По этому признаку обследования группа стоит близко к большинству других групп Средней Азии и по данным Ярхо. Припамирские таджики стоят по этому признаку от нашей группы дальше других, так как у них частота прохейлии значительно преобладает над ортохелией. В то же время у таджиков предгорий сравнительно большая частота опистохелии (8—10%), что отмечено Ярхо лишь у очень немногих групп (таджиков Ферганы, туркмен иомудов и узбеков Хивы).

Толщина верхней губы в громадном большинстве случаев небольшая или средняя (табл. 17).

ТАБЛИЦА 17

Толщина губ

Балл	Нижняя губа			Обе губы вместе		
	запад	восток	все	запад	восток	все
1	45 35.43	11 34.37	56 35.2	45 40.54	11 37.9	56 40.00
2	67 52.76	15 46.88	82 51.6	60 54.05	12 41.45	72 51.43
3	15 11.81	6 18.75	21 13.2	6 5.41	6 20.7	12 8.57
Всего . .	127	32	159	111	29	140
Средний балл . .	1.76	1.84	1.78	1.65	1.83	1.69

Толщина нижней губы большею частью средняя и в меньшем количестве малая (табл. 17).

Благодаря такому сочетанию, толщина губ, взятых вместе, бо́льшею частью средняя и в несколько меньшем количестве — малая (табл. 17).

По общей толщине губ таджики предгорий больше всего имеют сходства с западными памирцами и стоят несколько ближе к бухарским, чем к горным таджикам, у которых полные губы отмечены значительно чаще.

Таким образом, по высоте и толщине губ таджики предгорий стоят довольно близко к памирцам, но больше отличаются от последних профилем верхней губы.

Развитие бороды в такой молодой группе трудно хорошо учесть, тем более, что большинство в обследованной нами группе были бриты. Однако распространение растительности на лице (табл. 18), даже в этом возрасте, говорит о значительном развитии бороды у таджиков предгорий.

ТАБЛИЦА 18

Развитие бороды

Балл	Запад		Восток		Все	
	N	процент	N	процент	N	процент
0	9	13.0	1	7.2	10	12.1
1	10	14.5	6	21.4	13	15.7
2	17	24.6	3	21.4	20	24.1
3	24	34.8	5	35.7	29	34.9
4	4	5.8	2	14.3	6	7.2
5	5	7.3	—	—	5	6.0
Всего . . .	69	100.0	14	100.0	83	100.0
Средний балл . . .	2.28		2.28		2.28	

Подводя общие итоги описательных и измерительных признаков головы и лица, мы можем сделать следующую характеристику типа изучаемой группы.

Таджики предгорий характеризуются довольно темной пигментацией волос и радужной оболочки глаз. В этом отношении они стоят близко к равнинным и горным таджикам. Однако как на западе (таджики Бухары и Пенджикента), так и на востоке (припамирские таджики) пигментация радужины несколько темнее, за счет уменьшения лиц со смешанными оттенками ее.

Поперечный и продольный диаметры головы относятся к средним, а высотный диаметр — к бо́льшим. Таджики предгорий являются типичными брахикефалами с высоким черепом и круглым затылком.

Сочетание средней высоты и небольшой ширины лица относит таджиков предгорий к типичной узколицей группе (лептопрозопия), что также сближает их с равнинными и горными таджиками, а также с памирцами.

Горизонтальная профилировка лица и выступание скул у таджиков предгорий средние, и по этому признаку они занимают промежуточное положение между бухарскими таджиками, с одной стороны, и горными таджиками, а также памирцами, — с другой.

Лоб у таджиков предгорий можно охарактеризовать как прямой или очень слабо наклоненный с слабо или средне выраженными надбровными дугами и лобными буграми.

По описательным признакам лба таджики центральных районов стоят близко к горным таджикам и западным памирцам, хотя у последних надбровье выражено несколько слабее.

По строению верхнего века, на котором простая складка выражена не сильно, а даже слабо выраженная монгольская складка встречается не часто, таджики предгорий сближаются с горными таджиками.

Нос у таджиков предгорий средней высоты и небольшой ширины, следовательно, он имеет узкую форму, однако несколько более широкую, чем у горных таджиков, и приближается по этому признаку к носу памирцев и таджиков Ферганы. По описательным признакам носа (профиль спинки, строение корня, направление кончика носа) таджики предгорий близки к горным таджикам, занимая по некоторым деталям промежуточное положение между последними и равнинными группами.

Строение губ не дает определенной картины. По высоте и толщине губ таджики предгорий стоят близко к припамирским таджикам, но по профилю верхней губы они ближе к некоторым другим исследованным группам Средней Азии.

Развитие бороды у таджиков предгорий довольно значительное.

Все эти данные говорят, что таджики предгорий относятся к европеоидной расе, причем, дифференцируя ее среди других европеоидных рас, мы можем сказать, что она относится к широкому кругу темнопигментированных брахикефальных рас с прямым носом и несколько смягченными чертами лица, на котором иногда можно уловить очень слабо выраженный налет монголоидности. Это и есть раса среднеазиатского междуречья, которая в некоторых этнических группах Средней Азии, особенно в равнинной ее части, имеет больше монголоидной примеси, а у горных таджиков и, в особенности, у припамирских таджиков выражена наиболее четко, так как примесь монголоидных рас там еще меньше, а у некоторых групп (западный Памир) и совершенно отсутствует.

Этот наиболее четко выраженный европеоидный вариант является здесь автохтонным, и мы назвали его припамирской европеоидной расой, считая, что это основной исходный вариант, легший в основу современной расы среднеазиатского междуречья.

Таджики предгорий, хотя и очень близки по типу к горным таджикам, но по ряду черт занимают промежуточное положение между последними и таджиками равнин, а также большинством других этнических групп Средней Азии, относящихся к расе среднеазиатского междуречья. Однако абсолютной последовательности пока провести нельзя, так как по одним признакам таджики предгорий ближе к таджикам и другим народам из

западных районов междуречья (Бухара, Пенджикент, Пскент), а по другим — к восточным (Фергана).

Для более детальной дифференцировки исследуемой группы мы, как указано выше, выделили „восточные“ районы, которые непосредственно примыкают к Каратегину и Дарвазу, хотя количество обследованных нами лиц из этих районов очень мало (всего 33 человека).

Таджики предгорий „восточных“ районов отличаются от остальных („западных“) несколько бо́льшими общими размерами головы и более широким лицом. Различия эти невелики, но они идут по всем широтным размерам лица.

Плоские затылки в восточных районах отмечаются относительно гораздо реже.

Несколько реже отмечаются здесь и плоские (слабо выступающие) лица.

Строение лба характеризуется в восточных районах слабее развитым подбородком, но несколько более выражаемыми буграми.

Таджики восточных районов характеризуются несколько более широким носом, с менее высоким, но зато более широким переносьем, реже встречающейся выпуклой спинкой носа. Кончик носа у таджиков восточных районов опущен несколько чаще, а основание — реже.

Губы у таджиков восточных районов немного выше и толще.

По пигментации и развитию бороды таджики восточных и западных районов не отличаются.

Мы могли убедиться, что некоторые небольшие отличия таджиков восточных районов от остальных таджиков предгорий сближают их по ряду признаков с горными таджиками как Каратегина, так и Дарваза. Больше всего сближаются они с таджиками юго-западного Дарваза, особенно Муминабадского района, с которым эти районы находятся в ближайшем соседстве.

Когда мы свыше 10 лет тому назад анализировали наши материалы о горных таджиках, для нас таджики юго-западного Дарваза были не совсем ясны по своему положению, и мы писали (стр. 165), что они стоят несколько в стороне от горных таджиков. Теперь мы видим, что некоторые черты сближают их по типу с таджиками предгорий.

Однако полной закономерности в этом отношении уловить нельзя, что мы относим прежде всего за счет малочисленности материала из этих районов. Нужно учесть, что в предгорьях население не развивалось так изолировано, как в горах. Нам трудно пока исторически учесть конкретное развитие населения в каждом отдельном районе. Мы можем видеть, что следы монголоидных влияний в юго-западном Дарвазе, ощущаемые более значительно, чем в других районах, смыкаются с этими же следами, распространенными среди таджиков предгорий в районах, примыкающих к юго-западному Дарвазу. Следовательно, здесь была более интенсивная зона смешения с группами, имевшими больше монголоидных черт, чем на южных склонах Гиссарского хребта, в районах, расположенных ближе к Сталинабаду. Повидимому, бо́льшее смешение населения

в этих районах было обусловлено большей доступностью этих районов с запада и юго-запада, благодаря широким равнинам и, относительно спокойным в этих районах, большим рекам Вашху и Аму-дарье. Ведь именно к западу от этих районов и обитает большинство узбеков из живущих в Таджикской ССР. Здесь обитают остатки карлуков, а также узбеки рода локай, которые, по Ошанину, „являются осколком какого-то турецкого племени, которое вошло в состав узбеков уже на территории Средней Азии, а не в местах первоначального объединения узбеков в пределах Золотой Орды". По Ошанину, у локайцев монголоидная примесь выражена более четко, чем у других, ранее исследованных им групп узбеков. К сожалению, полные материалы о локайцах еще не опубликованы, но и тех данных о них, которые приводит Ошанин, достаточно, чтобы объяснить появление следов монголоидности у таджиков некоторых районов юго-западного Дарваза и усиление этих черт у таджиков восточных районов предгорий.

Размеры и указатели тела

Длина тела (рост) таджиков предгорий — 166.98 см (табл. 19—22). Отдельные районы по этому признаку различий не имеют. Рост таджиков предгорий оказывается немного выше, чем у горных таджиков, а из последних — больше всего сходства с населением юго-западного Дарваза.

ТАБЛИЦА 19

Краткая сводная таблица размеров тела таджиков предгорий Таджикской ССР

№№	Признак	Запад	Восток	Все
1	Длина тела (рост) (см)	166.92	167.22	166.98
2	Рост сидя (см)	89.0	88.74	88.96
3	Длина туловища (см)	53.21	53.12	53.19
4	Высота лобка (см)	83.44	84.26	83.62
5	Ширина плеч	38.57	38.42	38.54
6	Ширина таза	27.33	27.36	27.33
7	Окружность груди	87.84	88.10	87.89
8	Относительная длина туловища (см)	32.0	31.8	31.9
9	Отношение роста сидя к росту стоя (см)	53.3	53.0	53.2
10	Относительная окружность грудной клетки	52.6	52.6	52.6
11	Относительная ширина плеч	23.1	23.0	23.1
12	Относительная ширина таза	16.4	16.3	16.4

При сравнении с другими группами таджиков оказывается, что по сравнению с памирцами таджики предгорий стоят между несколько более высокими шугнанцами и остальными народами Западного Памира. При сравнении с таджиками равнин таджики предгорий оказываются по этому признаку сходны с пскемскими таджиками и стоят между более высокорослыми ферганцами и несколько менее высокорослыми пенджикенцами и бухарцами.

При сравнении с другими народами Средней Азии рост таджиков предгорий оказывается выше большинства из них и более всего близок к росту узбеков только из Хорезма, Самарканда и Ташкента. Остальные узбеки оказываются несколько ниже ростом.

Кроме того, таджики предгорий оказываются по росту сходными с туркменами (наиболее высокорослыми в Средней Азии) и с самаркандскими евреями.

Рост сидя (88.96 см) (табл. 19—22) у таджиков предгорий оказывается больше, чем у горных таджиков и памирцев не только абсолютно, но и относительно, и отношение этой величины к росту (53.2) оказывается довольно высоким, сходным с тем, что отмечается у узбеков Шахрисяба и Хорезма. Еще большее отношение отмечено в Средней Азии лишь у киргизов (54.66), которые являются типичными брахискелами.

Длина передней стенки туловища (Suprasternale — symphysion) — 53.19 см — относится к большим величинам (табл. 19—22), и отношение этой величины к росту (31.9 см) приближает таджиков предгорий, помимо узбеков Хорезма, к киргизам.

При сравнении с горными у таджиков предгорий больше всего сходства по этому признаку с таджиками Муминабадского района юго-западного Дарваза.

Периметр грудной клетки (87.89 см) (табл. 19—22) несколько больше, чем у таджиков других районов и памирцев. Из таджиков эта величина сходна лишь с каратегинцами. У узбеков, в особенности же у киргизов, этот размер еще больше.

Относительная окружность груди (52.6) близка к этой величине у таджиков Каратегина и центрального Дарваза и больше, чем в юго-западном Дарвазе и у памирцев.

По этому индексу таджики предгорий, как и горные, стоят между памирцами, с одной стороны, и узбеками и киргизами, — с другой. Среднеазиатские евреи сходны по этому признаку с таджиками.

Диаметр плеч (38.54 см) (табл. 19—22) у таджиков предгорий сходен с этим размером у пскемских таджиков и больше, чем у горных. То же относится и к относительной ширине плеч (23.1), по которой таджики предгорий сходны и с киргизами.

Тазогребенный диаметр (27.33 см) (табл. 19—22) сходен с этим размером у таджиков Каратегина, Бухары и узбеков Ташкента.

У таджиков Дарваза этот размер меньше, а у узбеков Хорезма и у киргизов больше.

Относительная ширина таза (16.4) сходна с этой величиной

ТАБЛИЦА 20

Таблица измерительных признаков таджиков предгорий Таджикской ССР

№№ п/п.	Признак	N	M	m	σ	v
1	Окружность головы (мм)	180	546.56	0.90	12.10	2.21
2	Продольный диаметр головы (мм)	180	182.22	0.46	6.24	3.43
3	Поперечный диаметр головы (мм)	180	154.90	0.44	5.91	3.82
4	Высота головы (мм)	180	128.97	0.54	7.26	5.64
5	Ширина лба (наименьшая) (мм)	180	107.28	0.34	4.62	4.31
6	Ширина скуловая (мм)	180	141.82	0.33	4.44	3.13
7	Ширина нижнечелюстная (мм)	180	109.70	0.45	6.00	5.47
8	Высота лица [1] (мм)	180	124.72	0.44	5.85	4.70
9	Высота лица [2] (мм)	180	122.63	0.44	5.88	4.80
10	Высота носа [1] (мм)	180	54.97	0.35	4.68	8.52
11	Высота носа [2] (мм)	180	52.93	0.31	4.22	7.98
12	Ширина носа (мм)	180	34.84	0.17	2.34	6.70
13	Головной указатель	180	85.14	0.35	4.68	5.49
14	Высотно-продольный указатель	180	70.83	0.32	4.24	5.99
15	Лицевой указатель [3]	180	87.99	0.34	4.56	5.20
16	Носовой указатель [4]	179	66.17	0.47	6.22	9.42
17	Длина тела (рост) (см)	180	166.98	0.36	4.86	2.92
18	Рост сидя (см)	180	88.96	0.22	2.90	3.27
19	Длина туловища (см)	172	53.19	0.21	2.71	5.10
20	Высота лобка	172	83.62	0.28	3.66	4.37
21	Ширина плеч	171	38.54	0.33	1.88	4.89
22	Ширина таза	171	27.33	0.10	1.36	4.97
23	Окружность груди	180	87.89	0.30	4.07	4.57

[1] От нижнего края бровей.
[2] От назиона.
[3] К высоте 1 (от нижнего края бровей).
[4] К высоте 2 (от назиона).

ТАБЛИЦА 21

Таблица измерительных признаков таджиков запада предгорий Таджикской ССР

№№ п/п.	Признак	N	min.	max.	M	m	σ	v
1	Окружность головы (мм) . . .	147	516	583	546.3	1.0	12.6	2.31
2	Продольный диаметр (мм) . .	147	167	201	182.24	0.53	6.39	3.51
3	Поперечный диаметр (мм) . .	147	135	167	154.82	0.47	5.73	3.70
4	Высота головы (мм)	147	103	146	128.96	0.59	7.17	5.56
5	Ширина лба (наименьшая) (мм)	147	97	120	107.15	0.39	4.71	4.40
6	Ширина скуловая (мм)	147	130	150	141.64	0.30	3.60	2.54
7	Ширина нижнечелюстная (мм)	147	85	123	109.54	0.49	5.97	5.45
8	Высота лица морфол.[1] (мм) . .	147	111	147	124.60	0.49	5.88	4.71
9	Высота лица морфол.[2] (мм) . .	147	111	145	122.62	0.49	5.88	4.80
10	Высота носа [1] (мм)	147	42	67	55.10	0.39	4.74	8.60
11	Высота носа [2] (мм)	147	42	63	53.04	0.35	4.28	8.07
12	Ширина носа (мм)	147	29	42	34.78	0.20	2.38	6.84
13	Головной указатель	147	72.97	97.68	85.10	0.38	4.58	5.38
14	Высотно-продольный указатель	147	56.28	82.86	70.80	0.34	4.12	5.82
15	Лицевой указатель [3]	147	76.19	105.00	88.12	0.38	4.60	5.22
16	Носовой указатель [4]	146[5]	50.82	80.00	65.84	0.52	6.30	9.57
17	Длина тела (рост) (см) . . .	147	154.0	178.7	166.92	0.39	4.70	2.82
18	Рост сидя (см)	147	80.6	95.0	89.0	0.23	2.80	3.15
19	Длина туловища (см)	139	47.4	59.9	53.21	0.21	2.53	4.75
20	Высота лобка	139	73.2	94.2	83.44	0.31	3.66	4.39
21	Ширина плеч	138	33.2	42.3	38.57	0.15	1.79	4.64
22	Ширина таза	138	24.1	33.3	27.33	0.12	1.41	5.16
23	Окружность груди	147	72.6	97.4	87.84	0.33	4.00	4.55

[1] От нижнего края бровей.

[2] От назиона.

[3] К высоте 1 (от нижнего края бровей).

[4] К высоте 2 (от назиона)

[5] 1 случай — 95.45 — не вошел в сводку.

Таблица измерительных признаков таджиков востока предгорий Таджикской ССР

№№ п/п.	Признак	N	min	max	M	m	σ	v
1	Окружность головы (мм)	33	528	569	548.3	1.7	9.65	1.77
2	Продольный диаметр (мм)	33	169	192	182.09	0.98	5.64	3.09
3	Поперечный диаметр (мм)	33	136	170	155.27	1.15	6.63	4.25
4	Высота головы (мм)	33	108	142	128.99	1.36	7.80	6.02
5	Ширина лба (наименьшая) (мм)	33	98	115	107.99	0.70	4.05	3.73
6	Ширина скуловая (мм)	33	130	154	142.54	0.82	4.71	3.30
7	Ширина нижнечелюстная (мм)	33	97	125	110.44	1.05	6.06	5.49
8	Высота лица морфол.[1] (мм)	33	110	138	124.63	1.00	5.76	4.60
9	Высота лица морфол.[2] (мм)	33	110	138	122.65	1.03	5.91	4.80
10	Высота носа[1] (мм)	33	45	63	54.34	0.75	4.34	7.99
11	Высота носа[2] (мм)	33	45	60	52.46	0.68	3.92	7.47
12	Ширина носа (мм)	33	30	40	35.14	0.37	2.12	6.03
13	Головной указатель	33	72.34	94.29	85.38	0.89	5.10	5.97
14	Высотно-продольный указатель	33	61.17	84.02	70.95	0.83	4.80	6.76
15	Лицевой указатель[3]	33	78.57	95.68	87.38	0.75	4.32	4.94
16	Носовой указатель[4]	33	56.67	82.61	67.62	0.98	5.70	8.42
17	Длина тела (рост) (см)	33	159.0	178.0	167.22	0.97	5.58	3.34
18	Рост сидя (см)	33	83.5	96.3	88.74	0.59	3.38	3.89
19	Длина туловища (см)	33	45.5	61.0	53.12	0.58	3.36	6.33
20	Высота лобка (см)	33	77.0	92.0	84.26	0.63	3.62	4.30
21	Ширина плеч (см)	33	33.8	42.0	38.42	0.33	1.88	4.89
22	Ширина таза (см)	33	24.8	29.5	27.36	0.20	1.15	4.20
23	Окружность груди	33	73.3	97.8	88.10	0.77	4.42	5.02

[1] От нижнего края бровей.

[2] От назиона.

[3] К высоте 1 (от нижнего края бровей).

[4] К высоте 2 (от назиона).

у таджиков других районов и у узбеков Ташкента, но меньше, чем у узбеков Хорезма и киргизов.

Обобщая данные о размерах тела, мы можем сказать, что таджики предгорий являются менее долихоморфными, чем памирцы и горные таджики, и стоят в этом отношении ближе к таджикам равнин и в особенности к узбекам и даже киргизам. Обследованная нами группа является по пропорциям мезоморфной и характеризуется хорошим развитием грудной клетки и плечевого пояса.

Давая положительную оценку физического развития изученной нами группы, при сравнительной характеристике ее мы должны учесть цветущий возраст и профессиональный отбор исследованных нами лиц.

Интересно отметить, что из горных таджиков к таджикам предгорий, по некоторым конституциональным особенностям строения тела, близко стоят не только таджики юго-западного Дарваза, но и таджики Каратегина и именно той его части, которая непосредственно смыкается с северными районами обитания таджиков предгорий. С этим надо сопоставить, что у каратегинцев отмечаются и некоторые близкие к таджикам предгорий черты в строении головы и лица. Все это говорит о том, что в строении тела каратегинцев имеются некоторые переходные черты между дарвазцами и памирцами, с одной стороны, и таджиками предгорий, а затем равнин, — с другой.

Однако морфологический переход от таджиков равнин к горным таджикам не является схематично простым и идет на севере в направлении Каратегина, а на юге — через юго-западные районы Дарваза. Вот почему, как это мы отмечали раньше, у таджиков Каратегина имеются некоторые общие морфологические черты с таджиками юго-западного Дарваза.

При этом нужно учесть и то, что на развитие физического типа таджиков предгорий, как и других районов, оказывали свое влияние и другие народы, среди которых представлены разные расовые типы как европеоидные, так и монголоидные.

II. ТАДЖИКИ СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ ТАДЖИКСКОЙ ССР

Размеры и указатели головы

Окружность головы у таджиков северных районов (550.5 мм) (табл. 23) оказывается наибольшей по сравнению с этим размером у таджиков предгорий и у горных. У последних, как и у памирцев, эта величина оказывается наименьшей.

Продольный диаметр головы у таджиков северных районов, равный в среднем 184.5 мм (табл. 23), относится к небольшим и близок к этому размеру у таджиков Каратегина, центрального и восточного Дарваза, а также у северо-западных памирцев.

По этому признаку таджики северных районов стоят между таджиками равнин, у которых этот размер несколько больше, и таджиками

ТАБЛИЦА 23

Краткая сводная таблица размеров и указателей головы и лица таджиков северных районов Таджикской ССР

№№ п/п.	Признак	Все	Запад	Ходжент	Восток
1	Окружность головы (мм)	550.54	550.29	549.85	551.0
2	Продольный диаметр (мм)	184.47	183.47	184.10	185.09
3	Поперечный диаметр (мм)	155.65	156.20	155.48	154.7
4	Высота головы (мм)	130.25	129.02	129.86	131.0
5	Ширина лба (наименьшая) (мм)	107.45	103.20	107.96	106.82
6	Ширина скуловая (мм)	142.11	141.19	142.39	142.36
7	Ширина нижнечелюстная (мм)	110.54	110.98	110.53	110.32
8	Высота лица[1] (мм)	125.14	125.11	124.00	125.71
9	Высота лица[2] (мм)	122.72	123.58	121.48	122.8
10	Высота носа[1] (мм)	55.59	54.88	55.98	55.78
11	Высота носа[2] (мм)	53.19	53.27	53.92	52.94
12	Ширина носа (мм)	34.77	34.36	34.75	34.96
13	Головной указатель	84.57	85.71	84.65	83.96
14	Высотно-продольный указатель	70.76	70.30	70.64	70.82
15	Лицевой указатель[3]	88.17	90.58	87.40	88.4
16	Носовой указатель[4]	65.78	65.04	65.18	66.46

предгорий, юго-западного Дарваза и населением юго-западного Памира, где этот размер меньше.

В отдельных частях северных районов этот размер имеет тенденцию к увеличению в направлении с запада на восток, где он становится сходным с тем, что отмечено для таджиков Ферганы.

Из других народов Северной Азии такой же или близкий размер продольного диаметра головы имеют многие обследованные группы узбеков, а также каракалпаки.

Поперечный диаметр головы, равный 155.65 мм (табл. 23), относится к средним размерам и, противоположно тому, что мы отметили относительно продольного диаметра, имеет тенденцию к уменьшению с запада на восток.

Этот размер сходен с отмечаемым у равнинных таджиков и таджиков предгорий и несколько крупнее, чем у горных таджиков и памирцев.

Из горных таджиков наиболее близкими по поперечному диаметру оказываются каратегинцы, особенно из долины Сурх-об.

---

[1] От нижнего края бровей.

[2] От назиона.

[3] К высоте 1 (от нижнего края бровей).

[4] К высоте 2 (от назиона).

У дарвазцев этот размер оказывается наименьшим. Из других народов Средней Азии по этому признаку также ближе других стоят узбеки и каракалпаки.

Головной указатель у таджиков северных районов равен в среднем 84.6 (табл. 23). Следовательно, они являются типичными брахикефалами.

Видна тенденция к понижению головного указателя в направлении с запада на восток, что является результатом как увеличения продольного, так и уменьшения поперечного размера головы.

Хотя общее уменьшение головного указателя очень невелико (85.7— на западе, 83.9 — на востоке), но типичные обратные отношения между продольным и поперечным диаметром говорят о посторонних влияниях на развитие этого признака.

При сравнении с таджиками других районов оказывается, что у равнинных таджиков на западе (Зеравшанская долина) головной указатель в общем тоже несколько выше, чем на востоке (Ферганская долина). Головной указатель в западных частях северных районов сходен с этим признаком у таджиков предгорий и юго-западного Дарваза, а также у памирцев. Северные таджики из восточных районов по головному указателю приближаются к горным таджикам (за исключением, как мы уже отметили, юго-западного Дарваза). Что касается других народов Средней Азии, то, за исключением долихокефальных туркмен, головной указатель во всех группах стоит в пределах брахикефалии и в целом очень сходен с этим признаком у таджиков равнин и предгорий, а также у памирцев. Однако в Ферганской долине у узбеков, каракалпаков и киргизов головной указатель в общем несколько меньше, чем у этих же народов в большинстве других областей Средней Азии. К ферганцам приближаются как таджики, так и узбеки центральных областей Узбекской ССР (Ташкент), примыкающих к северным районам Таджикской ССР.

Высота головы у таджиков северных районов (130.25 мм) относится к большим величинам и имеет тенденцию к увеличению с запада на восток (табл. 23). Это соответствует тому, что наблюдается и у таджиков равнин. В Фергане высота головы у таджиков больше, чем в Бухаре.

В целом, у таджиков северных районов высота головы больше, чем у таджиков предгорий, горных таджиков (за исключением юго-западной части Дарваза, где этот размер еще больше) и большинства групп припамирских таджиков.

Нужно отметить, что узбеки и киргизы Ферганы имеют высотный диаметр головы несколько больший, чем в других областях.

Высотно-продольный указатель таджиков северных районов (70.76) относится к высоким, и ставит исследованные группы в разряд гипсикефалов (табл. 23). С запада на восток этот указатель, хотя и чуть заметно, но определенно повышается. То же отмечается и у таджиков равнин. Величина этого указателя сходна с таковой

у таджиков предгорий. У горных же таджиков, за исключением юго-западного Дарваза, как у памирцев, этот указатель несколько ниже. В юго-западном же Дарвазе эта величина даже несколько больше, чем у северных таджиков.

У узбеков и киргизов высотно-продольный указатель в Фергане тоже несколько больше, чем в других районах.

Сопоставляя изложенные данные по размерам головы, можно видеть, что таджики северных районов относятся к типичным брахикефалам, с коротким продольным и средним поперечным диаметром черепной коробки, и к гипсикефалам, типичным высокоголовым группам. Общие размеры головы имеют тенденцию к увеличению на востоке, что стоит в соответствии с данными как по таджикам равнин, так и по другим народам Средней Азии. Мы видим, что в Ферганской долине у всех групп абсолютные размеры головы несколько больше; голова абсолютно и относительно выше.

В это же время в Ферганской долине головной указатель у всех обитающих там брахикефальных групп несколько ниже, чем в других областях Средней Азии.

Таджики северных районов в отношении размеров и указателей головы оказываются как бы промежуточной группой между равнинными таджиками, с одной стороны, и таджиками предгорий, а также горными таджиками и памирцами, — с другой.

Размеры и указатели лица

Ширина лба (107.45 мм) (табл. 23) у таджиков северных районов сходна с этим размером у таджиков Ферганы, предгорий и гор, а также у памирцев. С запада и востока этот размер имеет тенденцию к уменьшению, как и поперечный диаметр черепа, и поэтому лобно-теменной указатель остается почти без изменения во всех районах.

Среди вариаций ширины лба у других обследованных групп Средней Азии, у исследованной группы эта величина, как и лобно-теменной указатель (69.1) являются средними.

Ширина лица скуловая — 142.1 мм — у таджиков северных районов относится к выше-средним размерам (табл. 23). По этому признаку таджики северных районов сходны с таджиками предгорий. У таджиков равнин этот размер немного больше, как и у каратегинцев. У дарвазцев, как и у памирцев, ширина лица несколько меньше. В западных частях северных районов этот размер немного меньше, чем в восточных.

При сравнении с другими народами Средней Азии можно видеть, что у киргизов (за исключением памирских) ширина скул больше. У узбеков этот размер варьирует от несколько меньших до бо́льших величин. У каракалпаков Ферганы ширина скул такая же, а в Кара-Калпакской АССР — значительно больше.

Ширина нижнечелюстная (110.5 мм) (табл. 23) у таджиков северных районов сходна с этим размером у таджиков предгорий, и эти группы стоят между таджиками равнин, у которых этот размер больше, и горными таджиками, а также памирцами, у которых ширина нижней челюсти меньше.

У узбеков эта величина варьирует как в пределах этих размеров или чаще — бо́льших. Последнее отмечается у киргизов.

В направлении с востока на запад ширина нижней челюсти, сходна с шириной лба, имеет тенденцию к незначительному увеличению. Однако это увеличение не идет параллельно вариациям средней величины скуловой ширины, которая, наоборот, на западе — меньше. Поэтому лобно-скуловой и челюстно-скуловой указатели оказываются на востоке более низкими, т. е. там скулы выдаются несколько резче, чем на западе.

У таджиков же предгорий, как и у горных таджиков, все три ширины лица имеют одинаковую тенденцию увеличиваться или уменьшаться в одном направлении. Следовательно, там у таджиков восточных районов лицо шире в целом, но конфигурация его не меняется.

У таджиков же северных районов на востоке и западе лицо имеет разную конфигурацию. Здесь нарушается физиологическая корреляция вследствие посторонних расовых влияний.

Высота лица (от нижнего края бровей 125.1 мм, а от назиона 122.7 мм) относится к средним величинам (табл. 23), и по этому признаку таджики северных районов сходны с таджиками предгорий и близки к дарвазцам. В Каратегине, как и в Фергане, эта величина несколько больше. У киргизов, за исключением памирских, каракалпаков, и у большинства групп узбеков лицо несколько более высокое. У припамирских таджиков высота лица несколько меньше. То же у среднеазиатских евреев.

Отношение высоты лица к его ширине (морфологический указатель лица), равное в среднем 88.17, стоит в пределах лептопрозопии, но на нижней границе ее, приближаясь к мезопрозопии (табл. 23).

В западных районах этот указатель несколько выше. Там узколицесть выражена резче, и указатель сходен с тем, что имеется у горных таджиков и у таджиков равнин. У памирцев узколицесть выражена незначительно меньше (как и в восточных частях северных районов).

У других народов Средней Азии морфологический указатель лица варьирует в тех же пределах, что и у таджиков.

Размеры носа

Длина носа (высота носа), равная 55.6 мм от нижнего края бровей и 53.2 от назиона, относится к величинам, стоящим на границе средних и больших (табл. 23). Этот размер близок к отмечаемому у таджиков предгорий и несколько больше, чем у памирцев. У горных же таджиков длина носа гораздо значительнее, а у таджиков равнин тоже несколько больше, чем у таджиков северных районов предгорий.

Эту величину трудно сравнивать с данными других авторов, но в общем у большинства других изученных групп Средней Азии средняя

величина этого размера варьирует в тех же пределах или несколько крупнее.

Ширина крыльев носа (34.77 мм) относится к величинам, стоящим на границе средних и малых (табл. 23), и близка к тому, что наблюдается у таджиков других районов Средней Азии и у памирцев. Колебания по отдельным частям районов очень невелики.

Среди других групп Средней Азии, у киргизов (за исключением памирских) этот размер больше, у узбеков — сходен или незначительно больше, а у евреев Средней Азии — меньше.

Носовой указатель у таджиков северных районов (65.8) стоит в пределах лепторинии, но приближается к мезоринии (табл. 23). Колебания этого указателя по отдельным частям районов невелики, причем отмечается очень небольшая тенденция к увеличению указателя в направлении с запада на восток. Если с этим сопоставить уменьшение лицевого указателя в том же направлении, то можно сказать, что увеличение относительной ширины лица на востоке сопровождается и увеличением относительной ширины носа.

По носовому указателю таджики северных районов близки к таджикам равнин, предгорий и к западным памирцам. У горных же таджиков указатель носа несколько меньше вследствие бóльшей абсолютной длины носа при одинаковой ширине.

Таким образом, таджики северных районов по строению лица и носа очень сходны с таджиками предгорий и занимают промежуточное положение между равнинными таджиками с их абсолютно более крупными и относительно более широкими лицами и горными таджиками, у которых лицо имеет меньшие размеры и более узкую форму, как и нос.

Из горных таджиков каратегинцы ближе других к таджикам равнин и предгорий. Памирцы по размерам и по форме лица и носа стоят к таджикам предгорий ближе, чем к горным таджикам.

Размеры и указатели тела

Длина тела у таджиков северных районов (166.92 см) относится к средним (табл. 24) и сходна с длиной тела таджиков предгорий, а из горных таджиков — каратегинцев и юго-западных дарвазцев. Таджики восточных равнин (Фергана) оказываются немного высокорослее, а западных (Бухара) — менее рослыми.

Таджики восточного и центрального Дарваза оказываются несколько менее рослыми, как и на западном Памире, за исключением Шугнана, где население более высокорослое. Из других народов Средней Азии большинство обследованных групп узбеков и евреев, а также каракалпаки и киргизы оказываются несколько менее рослыми.

В направлении с запада на восток рост у таджиков северных районов Таджикской ССР имеет тенденцию к повышению, что отмечено и у равнинных таджиков.

ТАБЛИЦА 24

Краткая сводная таблица размеров тела таджиков северных районов Таджикской ССР

№№ п/п.	Признак	Все	Запад	Ходжент	Восток
1	Длина тела (рост) (см)	166.92	166.10	166.88	167.30
2	Рост сидя (см)	88.97	88.38	90.12	88.68
3	Длина туловища (см)	53.19	52.71	53.57	53.22
4	Высота лобка (см)	83.28	83.02	82.72	83.64
5	Ширина плеч (см)	38.76	37.46	38.68	39.03
6	Ширина таза (см)	27.39	27.09	27.46	27.52
7	Окружность груди	87.68	87.44	86.96	88.14
8	Относительная длина туловища	33.1	31.7	32.2	31.8
9	Отношение роста сидя к росту стоя (см)	53.2	53.1	54.0	53.0
10	Относительная окружность грудной клетки	52.6	52.5	52.1	52.7
11	Относительная ширина плеч	23.2	22.5	23.2	23.3
12	Относительная ширина таза	16.4	16.3	16.5	16.4

Рост сидя (88.97 см) относится к средним величинам (табл. 24). Этот размер сходен и у таджиков предгорий, но у горных таджиков он меньше, особенно в центральном Дарвазе.

Отношение роста сидя к росту стоя (53.2) стоит на высоких границах средних величин и сходно с этим индексом у таджиков предгорий. У описываемых здесь групп этот индекс немного выше, чем у равнинных, горных таджиков и памирцев. У некоторых групп узбеков этот индекс такой же высокий, как и у таджиков предгорий, а у киргизов еще выше.

Длина передней стенки туловища (53.2 см). Относится к величинам несколько выше средних (табл. 24) и значительно превосходит эту величину у горных таджиков. Колебания этого размера соответствуют колебаниям роста сидя.

Относительная длина туловища (31.9), благодаря абсолютной длине его, оказывается довольно высокой (табл. 24), бо́льшей, чем у других групп таджиков, и близка лишь к этому индексу у киргизов. Этот индекс показывает, что у таджиков северных районов телосложение приближается к брахиморфии. Колебания этого индекса по районам невелики и зависят главным образом от колебаний размера туловища.

Высота лобка (симфизион), равная 83.28 см (табл. 24), сходна с этим размером у таджиков предгорий. Нужно отметить, что в ходжентском районе, бо́льшая, чем в других районах, длина туловища

сочетается с меньшей, чем в других районах высотой симфизиона, т. е. с меньшей длиной нижних конечностей.

Периметр грудной клетки у таджиков северных районов, равный 87.7 см (табл. 24), относится к величинам бо́льшим, чем у большинства других исследованных групп таджиков (исключение составляют каратегинцы). У киргизов эта величина оказывается бо́льшей, а из узбеков лишь у хорезмийцев.

Относительная окружность грудной клетки (52.6), сходная с этим индексом у таджиков предгорий, близка к тому, что отмечается у горных таджиков (за исключением юго-западного Дарваза, где этот индекс меньше. У памирцев этот индекс немного меньше, а у узбеков в общем больше, и еще больше он у киргизов.

В Ходжентском районе периметр грудной клетки и абсолютно и относительно немного меньше, чем в других районах. Это сочетается там с более брахиморфным строением тела, что является нарушением физиологической корреляции, при которой более брахиморфное строение тела сопровождается более широкой грудью, как, например, в группах киргизов.

Чем обусловлена такая особенность в группе ходжентцев, нам пока сказать трудно, ибо исследованные нами группы одинаковы по социальному и профессиональному составу.

Ширина плеч (38.76 см) (табл. 24) больше, чем у горных таджиков, и сходна с этой величиной у таджиков Пскемской долины.

Относительная ширина плеч (23.2 см) больше, чем у горных таджиков, близка к этой величине у таджиков Пскемской долины и у киргизов. Следовательно, изученные нами таджики северных районов и предгорий являются конституционально хорошо сложенными, широкоплечими субъектами.

Это является результатом определенного профессионального отбора.

Ширина таза (27.4 см) (табл. 24) близка к этой величине у бухарских и каратегинских таджиков и ташкентских узбеков. У узбеков Хорезма и киргизов Иссык-Куля ширина таза несколько больше.

Относительная ширина таза (16.4 см) близка к этой величине и у других таджиков и узбеков Ташкента. У узбеков Хорезма и у киргизов относительная ширина таза несколько больше. Широтные размеры туловища у таджиков северных районов, как мы видим, немного увеличиваются по направлению с запада на восток. Это соответствует и увеличению роста тела. Поэтому относительные размеры (индексы) варьируют очень незначительно и не показывают такой определенной тенденции в направлении изменчивости.

* * *

После подробного рассмотрения представленных здесь материалов мы приходим к выводу, что таджики северных и центральных районов Таджикской ССР относятся к единому антропологическому типу

Измерительные признаки и указатели головы и лица таджиков северных районов Таджикской ССР

№№ п/п.	Признак	N	M	m	σ	v
1	Окружность головы (мм) . . .	148	550.54	1.15	13.95	2.53
2	Продольный диаметр (мм) . .	148	184.47	0.58	7.05	3.8
3	Поперечный диаметр (мм) . .	148	155.65	0.46	5.64	3.62
4	Высота головы (мм)	148	130.25	0.61	7.47	5.73
5	Ширина лба (наименьшая) (мм)	148	107.45	0.37	4.47	4.16
6	Ширина скуловая (мм)	148	142.11	0.37	4.47	3.14
7	Ширина нижнечелюстная (мм)	148	110.54	0.47	5.67	5.13
8	Высота лица морфол.[1] (мм) . .	148	125.14	0.57	6.93	5.53
9	Высота лица морфол.[2] (мм) . .	148	122.72	0.54	6.63	5.40
10	Высота носа [1] (мм)	148	55.59	0.25	4.88	8.77
11	Высота носа [2] (мм)	148	53.19	0.29	4.21	7.93
12	Ширина носа (мм)	148	34.77	0.21	2.54	7.31
13	Головной указатель	148	84.57	0.35	4.26	5.04
14	Высотно-продольный указатель	148	70.76	0.37	4.54	6.42
15	Лицевой указатель [3]	148	88.17	0.45	5.48	6.22
16	Носовой указатель [4]	148	65.78	0.56	6.86	10.43
17	Длина тела (рост) (см)	148	166.92	0.42	5.03	3.05
18	Рост сидя (см)	148	88.97	0.27	3.26	3.67
19	Длина туловища (см)	147	53.19	0.24	2.85	5.36
20	Высота лобка (см)	148	83.28	0.32	3.95	4.74
21	Ширина плеч (см)	148	38.76	0.15	1.85	4.78
22	Ширина таза (см)	148	27.39	0.12	1.41	5.15
23	Окружность груди	147	87.68	0.33	3.97	4.57

[1] От нижнего края бровей.

[2] От назиона.

[3] К высоте 1 (от края бровей).

[4] К высоте 2 (от назиона).

ТАБЛИЦА 26

Таджики западной части северных районов Таджикской ССР (Ура-Тюбе, Шахристан)

№№ п/п.	Признак	N	min.	max.	M	m	σ	v
1	Окружность головы (мм)	35	519	575	550.29	2.63	15.20	2.65
2	Продольный диаметр головы (мм)	35	167	196	183.47	1.30	7.71	4.20
3	Поперечный диаметр головы (мм)	35	149	165	156.20	0.77	4.56	2.92
4	Высота головы (мм)	35	111	148	129.02	1.38	8.19	6.35
5	Ширина лба (наименьшая) (мм)	35	100	119	108.20	0.85	5.04	4.66
6	Ширина скуловая (мм)	35	132	150	141.19	0.78	4.53	3.21
7	Ширина нижнечелюстная (мм)	35	98	123	110.98	0.97	5.76	5.19
8	Высота лица морфол.[1] (мм)	35	110	143	125.11	1.19	7.05	5.64
9	Высота лица морфол.[2] (мм)	35	110	138	123.58	1.07	6.33	5.12
10	Высота носа [1] (мм)	35	46	63	54.88	0.80	4.72	8.60
11	Высота носа [2] (мм)	35	44	63	53.27	0.78	4.61	8.66
12	Ширина носа (мм)	35	32	41	34.36	0.44	2.46	7.16
13	Головной указатель	35	76.41	92.22	85.71	0.64	3.83	4.47
14	Высотно-продольный указатель	35	58.03	78.72	70.30	0.82	4.88	6.98
15	Лицевой указатель [3]	35	78.57	102.14	90.53	0.92	5.42	5.98
16	Носовой указатель [4]	35	52.38	77.27	65.04	1.16	6.86	10.55
17	Длина тела (рост) (см)	35	157.2	175.6	166.10	0.85	5.04	3.03
18	Рост сидя (см)	35	82.1	94.1	88.38	0.52	3.06	3.46
19	Длина туловища (см)	35	46.4	59.3	52.71	0.50	2.97	5.63
20	Высота лобка (см)	35	74.4	87.8	83.02	0.56	3.34	4.02
21	Ширина плеч (см)	35	33.2	41.2	37.46	0.29	1.73	4.61
22	Ширина таза (см)	35	23.5	29.5	27.09	0.22	1.33	4.91
23	Окружность груди	35	73.2	94.5	85.44	0.62	3.66	4.19

[1] От нижнего края бровей.
[2] От назиона.
[3] К высоте 1 (от края бровей).
[4] К высоте 2 (от назиона).

Таджики центральной части северных районов Таджикской ССР (Ходжент)

№№ п/п.	Признак	N	min.	max.	M	m	σ	v
1	Окружность головы (мм)	37	528	580	549.85	1.99	12.10	2.20
2	Продольный диаметр головы (мм)	37	167	194	184.10	1.05	6.39	3.47
3	Поперечный диаметр (мм)	37	141	166	155.48	0.85	5.19	3.34
4	Высота головы (мм)	37	115	145	129.86	1.36	8.25	6.35
5	Ширина лба (наименьшая) (мм)	37	100	116	107.96	0.63	3.81	3.53
6	Ширина скуловая (мм)	37	132	152	142.39	0.74	4.50	3.16
7	Ширина нижнечелюстная (мм)	37	103	121	110.53	0.87	5.31	4.80
8	Высота лица морфол.[1] (мм)	37	113	138	124.00	1.01	6.15	4.96
9	Высота лица морфол.[2] (мм)	37	113	133	121.48	0.91	5.55	4.57
10	Высота носа [1] (мм)	37	46	69	55.98	0.32	5.00	8.93
11	Высота носа [2] (мм)	37	45	62	53.92	0.59	4.06	7.55
12	Ширина носа (мм)	37	30	39	34.75	0.37	2.24	6.45
13	Головной указатель	37	75.00	96.41	84.65	0.78	4.74	5.59
14	Высотно-продольный указатель	37	61.05	82.86	70.64	0.72	4.38	6.20
15	Лицевой указатель [3]	37	77.93	99.28	87.40	0.85	5.16	5.90
16	Носовой указатель [4]	37	50.82	79.50	65.18	1.11	6.76	10.38
17	Длина тела (рост) (см)	37	160.1	177.7	166.88	0.66	4.00	2.39
18	Рост сидя (см)	37	85.8	96.7	90.12	0.46	2.78	3.08
19	Длина туловища (см)	37	47.9	58.5	53.57	0.42	2.54	4.95
20	Высота лобка (см)	37	74.0	90.5	82.72	0.63	3.82	4.62
21	Ширина плеч (см)	37	33.1	43.6	38.68	0.31	1.86	4.81
22	Ширина таза (см)	37	24.5	30.5	27.46	0.21	1.26	4.62
23	Окружность груди	37	79.8	93.7	86.96	0.54	3.28	3.77

[1] От нижнего края бровей.

[2] От назиона.

[3] К высоте 1 (от края бровей).

[4] К высоте 2 (от назиона).

ТАБЛИЦА 28

Таджики восточной части северных районов Таджикской ССР (Ашт, Канибадам, Исфара)

№№ п/п.	Признак	N	min.	max.	M	m	σ	v
1	Окружность головы (мм)	76	514	591	551.0	1.61	14.10	2.55
2	Продольный диаметр (мм)	76	162	202	185.09	0.79	6.93	3.74
3	Поперечный диаметр (мм)	76	140	170	154.7	0.64	5.64	3.64
4	Высота головы (мм)	76	118	146	131.0	0.79	6.84	5.22
5	Ширина лба (наименьшая) (мм)	76	95	115	106.82	0.49	4.33	4.10
6	Ширина скуловая (мм)	76	133	151	142.36	0.16	4.41	3.10
7	Ширина нижнечелюстная (мм)	76	93	124	110.32	0.66	5.76	5.22
8	Высота лица морфол.[1] (мм)	76	107	145	125.71	0.82	7.14	5.68
9	Высота лица морфол.[2] (мм)	76	99	145	122.8	0.88	7.74	6.30
10	Высота носа[1] (мм)	76	44	69	55.78	0.54	4.78	8.56
11	Высота носа[2] (мм)	76	44	64	52.94	0.43	3.98	7.51
12	Ширина носа (мм)	76	28	41	34.96	0.30	2.68	7.66
13	Головной указатель	76	75.5	95.8	83.96	0.50	4.42	5.26
14	Высотно-продольный указатель	76	63.0	80.6	70.82	0.50	4.44	6.26
15	Лицевой указатель[3]	76	76.4	103.7	88.4	0.64	5.6	6.32
16	Носовой указатель[4]	76	49.1	85.42	66.46	0.77	6.74	10.14
17	Длина тела (рост) (см)	76	154.5	179.9	167.30	0.63	5.52	3.29
18	Рост сидя (см)	76	81.4	95.5	88.68	0.38	3.42	3.85
19	Длина туловища (см)	75	47.3	70.4	53.21	0.33	2.89	5.43
20	Высота лобка (см)	76	65.8	94.0	83.64	0.49	4.28	5.11
21	Ширина плеч (см)	76	33.5	43.6	39.03	0.20	1.82	4.63
22	Ширина таза (см)	76	25.0	32.0	27.52	0.16	1.43	5.39
23	Окружность груди	75	73.0	100.5	88.14	0.54	4.76	5.40

[1] От нижнего края бровей.
[2] От назиона.
[3] К высоте 1 (от края бровей).
[4] К высоте 2 (от назиона).

с очень незначительными вариациями средних величин по отдельным районам.

Этот антропологический тип, обладающий средним ростом, круглой (брахикефальной) формой головы, с темной пигментацией волос и глаз, характеризуется европеоидными чертами с очень незначительной примесью монголоидных признаков.

Порайонные вариации средних величин отдельных признаков показывают, что таджики предгорий, в целом, очень близки к таджикам равнин, с одной стороны, и к горным таджикам и памирцам, — с другой, занимая как бы промежуточное положение. Это говорит о том, что близость между отдельными локальными группами, обусловленная социальным развитием, протекала на протяжении многих сотен лет.

По данным изучения населения древней Согдианы, мы теперь знаем, что антропологический тип, представленный у таджиков, был хорошо выражен на территории Средней Азии к востоку от Аму-дарьи уже к началу нашей эры.

Об этом говорят палеонтологические материалы из области Среднеазиатского междуречья, Семиречья и восточного Туркестана (Синь-Цзяня). Об этом же говорит и недавно найденный череп, датируемый серединой 1-го тысячелетия н. э. из окрестностей Сталинабада.

Изучение современных таджиков из разных областей Средней Азии показывает, что на протяжении всей своей истории они представляли компактную группу. Но естественно, что отдельные локальные группы должны были находиться между собой в различной степени близости. Это является одной из причин бо́льших или меньших локальных различий антропологического типа таджиков.

Изучение локальных вариаций отдельных расовых признаков у таджиков показывает несколько направлений изменчивости их.

Кроме того, нужно иметь в виду, что история таджиков не развивалась изолированно от других народов. Естественно, что в горах, предгорьях и на равнинах контакт как между отдельными группами таджиков между собой, так и с другими народами был различен и неодинаков в разные времена.

Проследим направление изменчивости отдельных признаков, для чего сопоставим все имеющиеся сведения о таджиках. Нужно при этом учесть, что на протяжении нескольких десятилетий методика исследования некоторых отдельных признаков менялась, отчего не все цифры разных авторов можно теперь безоговорочно сопоставлять.

Кроме того, нужно учесть хотя и небольшую, но все же реальную изменчивость и самого типа населения за этот период.

Поэтому для широкого сопоставления мы прежде всего должны взять такие четкие признаки, методика определения которых в разное время и у разных авторов была одинаковой. В то же время эти признаки должны быть существенны для расовой диагностики и быть выразителями конкретных влияний других расовых типов, характерных для соседних с таджиками народов, поскольку мы их уже довольно хорошо знаем.

Задачу сравнительного изучения облегчает то обстоятельство, что некоторые исследователи изучали целый ряд районов, и можно сделать параллельные сопоставления по отдельным авторам. Этот метод мы уже применили в работе по антропологии западного Памира.

Из имеющихся в литературе данных мы знаем, что описанный выше, очень четко представленный у таджиков брахикефальный, темнопигментированный европеоидный тип подвергался с запада и юга контакту с народами, у которых представлены долихокефальные европеоидные расы, а с востока и с севера — монголоидные.

Поэтому среди хорошо сравнимых у разных авторов цифр мы прежде всего и взяли признаки, характеризующие форму головы (головной указатель), а затем признаки, характеризующие влияние монголоидных рас. Из измерительных величин наиболее сопоставимой почти у всех авторов (кроме Джойса) являются широтные размеры лица. Высота же лица, как и носа сопоставима только у отдельных авторов, так как методика определения точки корня носа (назион) в разных школах неодинакова.

Из описательных признаков мы сопоставляем отмеченный большинством исследователей процент наличия монгольской складки верхнего века и плоского лица.

Кроме того, мы сопоставляем и общую длину тела (рост), методика измерения которого варьирует очень мало.

Для удобства сопоставления отдельных районов, по которым вследствие изучения их разными лицами имеется несколько средних данных, мы вычислили общие средние по каждому району (табл. 29), хотя такое объединение средних цифр, полученных разными авторами и в разное время, допустимо лишь с определенными, сделанными раньше оговорками о сопоставлении их.

Средние цифры мы для наглядности нанесли на карты.

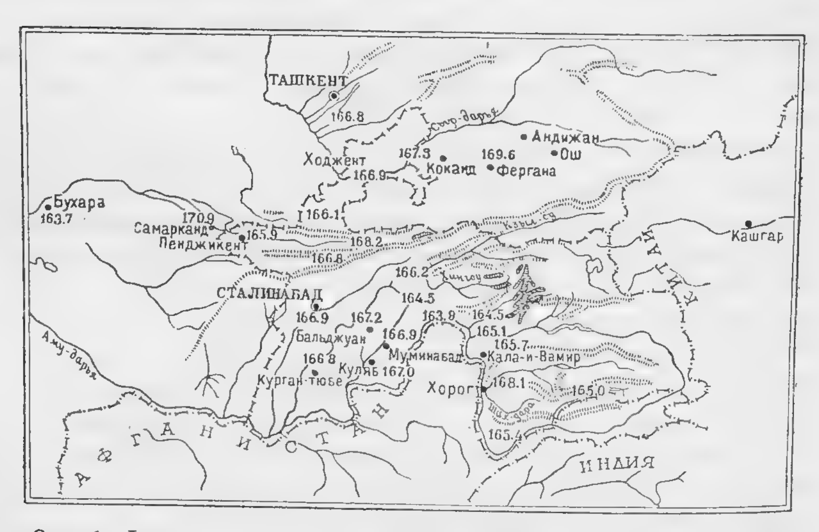

Рис. 1. Длина тела (рост) таджиков разных районов Средней Азии.

ТАБЛИЦА 29

Вспомогательная таблица некоторых сводных средних антропометрических величин

Район	Учтенные исследователи	Общее количество исследованных	Длина тела (см)	Головной указатель	Ширина лица (мм)
Фергана	Уйфальви, Благовещенский, Ярхо	246	169.6	84.3	—
Ура-Тюбе и Шахристан	Петров, Гинзбург	?	—	86 ?	—
Ягноб	Уйфальви, Кандауров	79	—	85.7	—
Зеравшан	Богоявленский, Масловский, Вишневский	328	—	85.8	—
Самарканд	Уйфальви, Петров	?	—	85.0 ?	—
Ях-су, Дашти-Джум и Муминабад	Богоявленский, Гинзбург	135	166.9	84.0	138.7
Шуроабад и Иол.	Гинзбург	86	167.0	83.8	139.0
Каратегин	Стейн, Ошанин, Богоявленский, Гинзбург	675	166.2	83.1	141.6
Дарваз, Хингоу	Богоявленский, Гинзбург	133	164.5	82.5	138.9
Дарваз, Пяндж	Богоявленский, Гинзбург	110	163.9	80.9	137.8
Ванч	Стейн, Коровников, Богоявленский, Гинзбург	185	164.5	82.7	138.5
Рушан и Бартанг	Ошанин, Стейн, Богоявленский	153	165.7	83.5	138.8
Шугнан	Ошанин, Богоявленский, Стейн	389	168.1	84.4	140.1
Горан и Ишкашим	Богоявленский, Стейн, Ошанин	93	165.4	86.2	138.4
Вахан	Богоявленский, Стейн, Ошанин.	161	165.0	86.1	137.5

Примечание. Ширина лица вычислялась без данных Стейна.

Изучение длины тела показывает, что средние размеры роста колеблются от 164 до 171 см (округленно), т. е. колеблются в пределах среднего и выше среднего, доходя до высокого.

Обращает на себя внимание некоторая пестрота в распределении величины этого признака по районам. Однако с уверенностью можно сказать, что наибольшим ростом среди таджиков обладают ферганские и зеравшанские таджики (Матча, Самарканд) и шугнанцы. Наиболее низким ростом обладают дарвазцы, а также группа таджиков Бухары, обследованная Ошаниным.

Меньший рост дарвазских таджиков подтверждается всеми исследователями в разных пунктах центрального и восточного Дарваза. Низкорослость же обследованных Ошаниным группы городских бухарских таджиков, пока в литературе больше не подтвержденная, может быть, является результатом социальных особенностей этой группы.

Сравнительно высокий рост матчинцев, может быть, объясняется относительно большой близостью к ферганским таджикам, так как через Матчу идут, всегда довольно оживленные, перевалы между Каратегином и Ферганской долиной. Впрочем данные о Матче мы еще не можем считать окончательными, так как основываемся пока лишь на старых материалах Богоявленского и Масловского, которые недостаточны количественно и несходны между собой по этому признаку.

Таджики Ферганы оказываются более высокорослыми, чем другие народы, населяющие эту долину.

Таджики северных и центральных районов Таджикистана имеют одинаковую среднюю длину тела, которая не изменяется до центрального Дарваза на юге и востоке. Этот размер оказывается одинаковым и в среднем течении Зеравшана (Пенджикент, а также Ягноб), т. е. показывает связь северных таджиков с южными через основной перевал, идущий из Ура-Тюбе на Сталинабад, через Шахриста́н, Захматабад, Ягноб и Варзоб.

Очень интересным представляется и более высокий рост шугнанцев (167—170 см) по сравнению с населением всех остальных долин западного Памира (164—167 см). На этом мы еще остановимся дальше при сопоставлении других признаков.

Величина головного указателя варьирует у таджиков в пределах брахикефалии (81—86). Наибольшая брахикефалия отмечается у населения верхнего и среднего течения Зеравшана и прилегающих к нему с севера Ура-Тюбе, а с юга — Ягноба. Другая область наиболее высокого головного указателя расположена в самой южной части западного Памира — Ишкашиме и Вахане. Наиболее низкая средняя величина головного указателя отмечена в центральном и восточном Дарвазе. Если проследить порайонную изменчивость этого признака по карте, то здесь можно отметить бо́льшую закономерность в постепенности изменения головного указателя. При этом можно наметить следующие направления изменчивости.

1. Наибольший головной указатель отмечается в верхнем и среднем течении Зеравшана (округленно — 86). Отсюда, по направлению к равнинам, указатель несколько уменьшается, и это уменьшение идет через Ходжент к северу до Пскемской долины, к востоку до Ферганской долины и к западу до Бухары (округленно — 84).

2. На юге от Зеравшана и Гиссарского хребта у таджиков предгорий головной указатель незначительно ниже (85), в Каратегине и юго-западном Дарвазе он еще ниже (83—84), в центральном и восточном Дарвазе он достигает наименьшей величины (81—82). Дальше, в западном Памире, головной указатель опять непрерывно повышается, дости-

гая, как мы уже отмечали, другого центра своего максимума в Ишкашиме и Вахане.

Нужно отметить, что абсолютные размеры головы в общем несколько уменьшаются от равнин к горам.

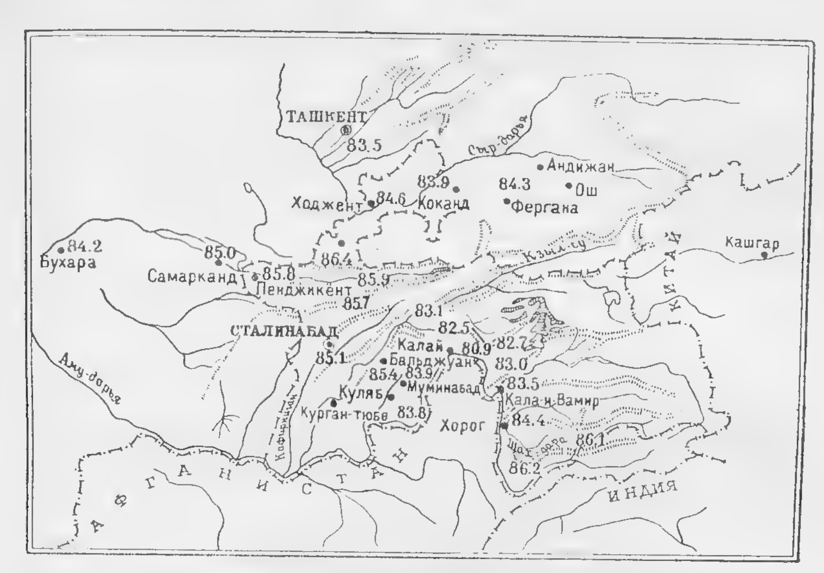

Рис. 2. Головной указатель таджиков разных районов Средней Азии.

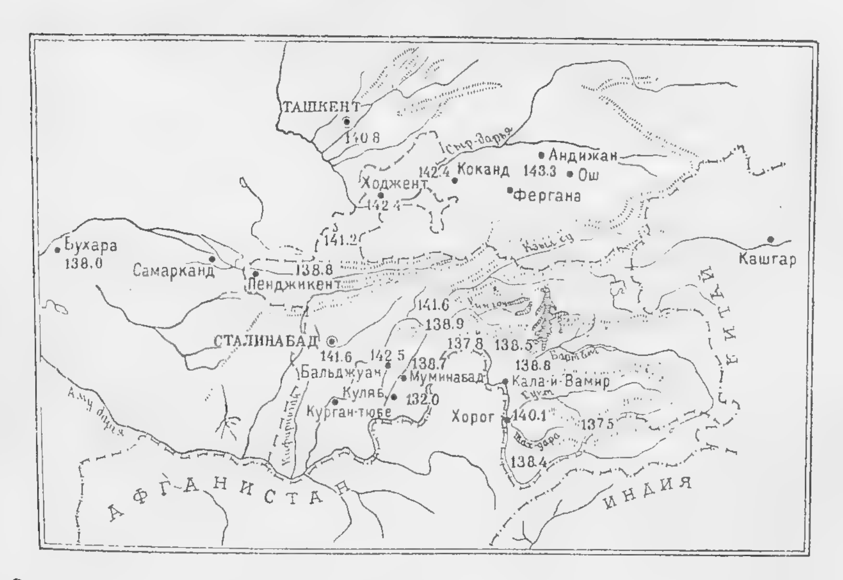

Рис. 3. Ширина лица (скуловая) у таджиков разных районов Средней Азии.

Ширина лица скуловая варьирует в пределах 138—143 мм и оказывается наибольшей в Фергане (143 мм) и примыкающих к ней с запада северных районах Таджикской ССР (141—142 мм). К югу от Зеравшанского и Гиссарского хребтов у таджиков предгорий и Кара-

тегина ширина скул округленно — 142 мм. У таджиков среднего и верхнего течения Пянджа, т. е. в юго-западном, центральном и восточном Дарвазе и в западном и юго-западном Памире, за исключением Шугнана, ширина скул оказывается наименьшей, и средняя величина ее варьирует в пределах 138—139 мм. Бросается в глаза, что по этому признаку население Шугнана выделяется бо́льшей величиной этого размера.

Обращает на себя внимание, что у таджиков долины Зеравшана, как и в Бухаре, ширина скул относится также к наименьшим.

У таджиков Пскемской долины ширина скул относится к средним.

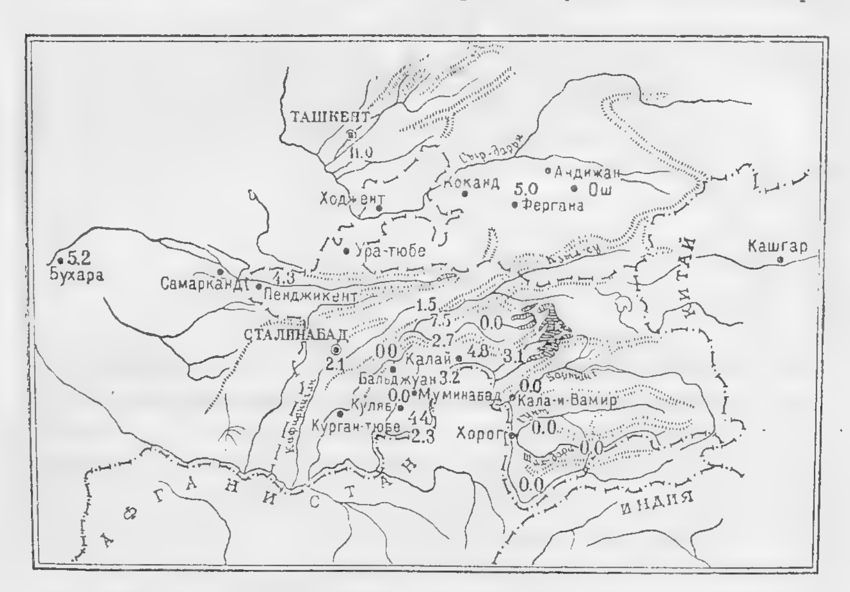

Рис. 4. Наличие монгольской складки века у таджиков разных районов Средней Азии (в %).

Монгольская складка верхнего века отмечена неодинаково часто в разных группах. Наиболее часто (в 11%) этот признак отмечен у таджиков Пскемской долины. В Ферганской долине и Бухаре монгольская складка обнаружена в 5% случаев. Среди таджиков предгорий и горных таджиков этот признак в общем отмечается несколько реже, но он распространен очень неравномерно даже по соседним долинам. Монгольская складка отмечается и во всех частях Дарваза по Пянджу и Ванчу (от 2 до 5% случаев).

Только в западном Памире монгольская складка совершенно не отмечена.

Нужно отметить, что монгольская складка, даже при ее наличии, обычно развита очень слабо.

Горизонтальный профиль лица и процент плосколицых изучались только Ошаниным и Гинзбургом, и материалы имеются только для таджиков предгорий, горных таджиков, памирцев и таджиков Бухары. Процент плосколицых по отдельным районам очень разнообразен, иногда

даже в близко расположенных местах. В общем можно отметить уменьшение количества плосколицых с запада на восток, от предгорий Каратегина и юго-западного Дарваза, через центральный Дарваз, к западному Памиру, где плосколицесть отмечена очень редко, лишь в единичных случаях и не во всех районах.

Отмечаемая у таджиков плосколицесть почти никогда не достигает очень резкой степени, как у типичных монголоидных рас, так как обычно не сочетается с сильно выдающимися скулами.

Рассмотрев распространение отдельных признаков, попробуем проследить, какие характерные комплексы они образуют по районам (табл. 30).

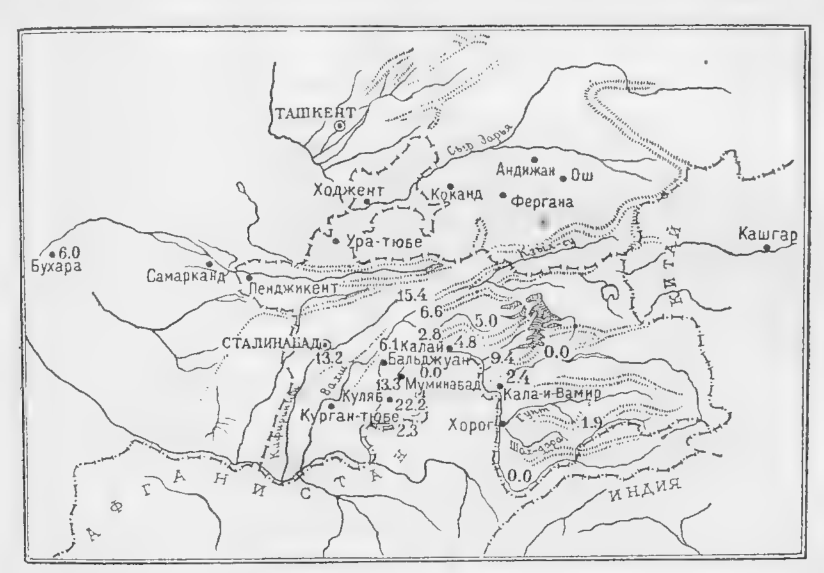

Рис. 5. Наличие плоского лица у таджиков разных районов Средней Азии (в %).

При этом мы должны все время помнить, что колебания средних величин отдельных признаков невелики, и все комплексы представляют лишь очень небольшие вариации в пределах очень определенно очерченной и ясно выраженной расы Среднеазиатского междуречья.

Эти комплексы явились в результате концентрации в популяции отдельных признаков, с одной стороны, вследствие относительной более или менее длительной изолированности отдельных групп, чему способствовала резко пересеченная гористая местность с трудно проходимыми перевалами, с другой стороны, вследствие более или менее длительного влияния вследствие смешения на тип таджиков типов соседних с ними народов.

Таджики Ферганской долины характеризуются высоким ростом, высоким головным указателем (в пределах брахикефалии) и наиболее широким лицом среди всех других таджиков. Монголоидные признаки верхнего века отмечены в 5%.

Таджики Пскемской долины обладают ростом выше среднего, среднебрахикефальным указателем, среднеширокими скулами

и среднебрахикефальным указателем, среднеширокими скулами и вдвое чаще встречающимися монголоидными признаками века (11%).

ТАБЛИЦА 20

Комплексы физических признаков таджиков в разных областях Средней Азии

Районы \ Признаки	Длина тела (рост) (см)	Головной указатель	Ширина лица (мм)	Наличие монгольской складки %	Наличие плосколицести
Ферганская долина	170	84	143	5	—
Пскемская долина	167	83	141	11	—
Бухара	164	84	138	5	6
Северные районы Таджикской ССР	166—167	84—86	141—142	—	—
Зеравшанская долина	166—171	85—86	139	4	—
Центральные районы Таджикской ССР	167	85	142	2	13
Юго-западный Дарваз	167	84	139	2—4	0—22
Каратегин	166	83	142	1—7	0—15
Центральный и восточный Дарваз	164	81—82	133—139	до 5	до 5
Рушан	166	83	139	0	2
Шугнан	168	84	140	0	0
Ишкашим и Вахан	165	86	138	0	2

Таджики Бухары характеризуются ростом несколько ниже среднего, высоким головным указателем, узким лицом и наличием небольшого количества монголоидных признаков (монгольская складка в 5% и плоское лицо в 6%).

Таджики северных районов Таджикской ССР (примыкающих с востока и юга к Ходженту) характеризуются ростом выше среднего, высоким головным указателем, доходящим до степени гипербрахикефалии и широким лицом. О наличии у них монголоидных признаков мы, за отсутствием этих данных, судить не можем.

Таджики Зеравшанской долины от верховьев реки до нижнего течения ее, включая и Самарканд, характеризуются ростом выше среднего, до высокого, значительной брахикефалией (г. у. 85—86), сравнительно узким лицом и слабой примесью монголоидности (монгольская складка в 4%).

Таджики центральных районов Таджикской ССР, примыкающих к Сталинабаду, которых мы собственно и именуем таджики

предгорий, характеризуются ростом выше среднего, высоким головным указателем (хорошо выраженной брахикефалией: г. у. — 85), широкими скулами, очень редко отмеченной монгольской складкой века (2%), но сравнительно частой (13%) плосколицестью.

Таджики юго-западного Дарваза обладают таким же выше среднего ростом, высоким головным указателем, но значительно более узким лицом. Монголоидные признаки века отмечены в 2—4%, частота же плосколицести в отдельных районах весьма варьирует от нуля до 22%.

Таджики Каратегина характеризуются несколько меньшим ростом, приближающимся уже к среднему (166 см), средней степенью брахикефалии (г. у. 83), широким лицом, относительно часто встречающимися монголоидными признаками века (1—7%). Количество плосколицых варьирует по районам от нуля до 15%.

Таджики центрального и восточного Дарваза обладают ростом несколько ниже среднего (164 см). Особенно низок рост в долине Пянджа (161—162 см). Это самая низкорослая группа таджиков, не считая исследованных Ошаниным городских бухарцев.

У таджиков центрального и восточного Дарваза и головной указатель наиболее низкий (81—82), особенно в долине Пянджа, где форма головы у них несколько более длинная, стоящая на грани с мезокефалией. Лицо у таджиков этих районов узкое (138—139 мм). Монголоидные признаки здесь отмечаются сравнительно редко (монгольская складка и плоское лицо до 5%).

Рушанцы характеризуются ростом чуть выше среднего (166 см), среднебрахикефальным головным указателем, узким лицом, полным отсутствием монгольской складки века и очень редко отмечаемой плосколицестью (2%).

Шугнанцы обладают несколько более высоким ростом, доходящим до 168 см, высоким головным указателем (84), среднешироким лицом и совершенным отсутствием монголоидных признаков.

Ишкашимцы и ваханцы характеризуются средним ростом, очень высоким головным указателем, стоящим на границе гипербрахикефалии, узким лицом и очень редко отмеченными монголоидными признаками. Монгольская складка не была отмечена вовсе, а плосколицесть в Вахане отмечена лишь в 2% случаев.

Обобщая эти данные, мы видим, что сочетание признаков не во всех районах одинаково.

Так, наиболее высокорослые группы в Ферганской и Зеравшанской долинах, а также в Шугнане, характеризуются неодинаковыми сочетаниями роста с головным указателем и шириной лица. Головной указатель у таджиков Зеравшанской долины выше, а ширина лица здесь гораздо меньшая.

Таджики северных районов Таджикской ССР очень близки по типу к таджикам центральных районов (предгорий). К последним близки по типу каратегинцы.

Резко выделяются своим своеобразием таджики центрального Дарваза,

обладающие небольшим ростом и наиболее низким среди других таджиков головным указателем.

Среди населения западного Памира шугнанцы выделяются более высоким ростом и более широким лицом; однако последнее не сочетается с наличием монголоидных признаков (складки века и плосколицести),

Если принимать увеличение ширины лица, как некоторую степень влияния классической монголоидной расы, то можно сказать, что такому влиянию подверглись больше всего таджики Ферганы и прилегающих к ней северных районов Таджикской ССР, а также таджики центральных районов Таджикской ССР и Каратегина. Наличие здесь большого процента описательных монголоидных признаков подтверждает это предположение. К перечисленным выше группам близко стоят и таджики Пскемской долины Узбекской ССР.

Однако интересно, что таджики Бухары и долины Зеравшана характеризуются более узкими лицами, хотя здесь и отмечается некоторая примесь монголоидных признаков. Некоторое наличие монголоидных признаков отмечено и в центральном Дарвазе.

Мы здесь не останавливаемся на распределении и комплексности целого ряда других признаков, не желая затруднять разбором ряда опубликованных материалов.

Изложенное дает нам право говорить, что монголоидное влияние ощущается в местах, где исторически таджики развивались в большем контакте с соседними народами, обладавшими монголоидными расовыми типами. Последние несомненно были неодинаковы, за что говорят разные сочетания признаков.

Повидимому, монголоидные типы, приходившие в соприкосновение и влиявшие на изменчивость расового типа таджиков, различались по головному указателю и. по ширине лица и даже по степени резкости монголоидных черт.

Конкретными носителями монголоидных расовых черт, больше всего соприкасавшимися с таджиками и их предками, были в I тысячелетии н. э. гунские и тюркские народы, а во II тысячелетии — киргизы и узбеки. На краниологической серии из старого кладбища в Бухаре, изученной нами, можно видеть, что монголоидные черты сочетаются там с несколько менее высоким головным указателем. Намек на такое сочетание мы видим у современных равнинных таджиков. Это же мы видим и у каратегинцев, которые соприкасаются на севере, через перевалы, с ферганцами, а на востоке с киргизами Алайской долины, через которую и лежал один из древних путей из Передней Азии в Китай.

Впрочем уменьшение головного указателя в Каратегине может быть связано его близостью с центральным Дарвазом, представляющим своеобразный островок несколько выделяющегося расового типа, который, однако, как мы уже отмечали, не выходит из пределов вариаций расы Среднеазиатского междуречья. Это действительно островок, ибо со стороны Афганистана, на левом берегу Пянджа, в Файзабаде, правда, по немногочисленным пока данным Джойса, отмечается высокий головной

указатель (85.37), сочетающийся с сравнительно широким лицом (141.9 мм) и выше среднего ростом (166.9 см). Однако в Кафиристане, примыкающем к афганскому Бадахшану с запада и юга, население относится уже к четко выраженному долихокефальному типу. Лишь к юго-востоку от афганского Бадахшана, уже в пределах Индии, а именно — в Читрале и в Мастудже, головной указатель находится на границе брахи- и мезокефалии, а дальше он становится также четко выраженным долихокефальным. Все это дает нам возможность предположить, что население

Рис. 6. Типы таджиков предгорий.

центрального Дарваза в прошлом было более тесно связано с длинноголовым населением Афганистана и, вероятно, Индии.

Возможно, это было в период существования греко-бактрийского царства на рубеже нашей эры.

Данные, которыми мы располагаем, а именно, большое сходство современных таджиков, населяющих области к северу и югу от Зеравшана, и упомянутый уже первый, изученный древний череп с территории северной части Бактрианы[1] заставляют нас предположить, что население северной части древней Бактрианы было совершенно идентичным с населением древней Согдианы. Население южной части Бактрианы было, повидимому, расово иным, а именно, относилось, как и теперь, к вос-

[1] В настоящее время мы уже располагаем большим количеством антропологических материалов с этой территории (раскопки М. М. Дьяконова в урочище Туп-хона), подтверждающим наше предположение.

точной ветви средиземноморской расы (европеоидной темнопигментированной, долихокефальной).

Население, обладавшее этим расовым типом, было распространено до верхнего Тохаристана. Следы этого населения мы и видим в физическом типе населения центрального и восточного Дарваза и даже Каратегина.

Это положение не исключает того, что более узкая форма головы дарвазцев гораздо более древнего происхождения, восходя к автохтонному населению Средней Азии времен верхнего и нижнего каменного века (Анау, Мочайская пещера).

Брахикефалия же современного населения афганского Бадахшана является более поздним признаком, который, повидимому, образовался здесь в результате большого контакта или даже частичных переселений населения правобережного Бадахшана, т. е. юго-западного Памира и, в меньшей степени, их западных соседей, населения северной части Бактрианы, в частности — юго-западного Дарваза.

Что касается юго-западного Дарваза, то наличие здесь монголоидных признаков является результатом его близости к восточной части центральных районов Таджикской ССР, в которых, как мы уже говорили, ссылаясь на Л. В. Ошанина, до сих пор сохраняются тюркские группы, например карлуки, являющиеся остатками первых тюркских завоевателей Средней Азии.

Здесь же проживают и наиболее монголизированные по типу узбеки — локайцы.

Население западного Памира (как и Ягноба) антропологически очень близко к таджикам. Основные различия зависят от почти полного отсутствия примеси монголоидности у припамирских таджиков. Это дает нам возможность говорить об очень древнем родстве таджиков предгорий с припамирскими таджиками, во всяком случае гораздо более древнем, чем появление первых расово-монголоидных групп на территории Средней Азии, что, судя по палеоантропологическим данным, было лишь на рубеже нашей эры.

Наконец, имеющиеся материалы дают возможность предположить, что население древней Согдианы и Бактрианы антропологически было единым. За это говорит сходство антропологического типа современных таджиков, обитающих к северу и к югу от Зеравшанского хребта, отделявшего эти страны древности, и сходство современных таджиков с древним населением на территории Согдианы и, повидимому, Бактрианы (по крайней мере северной ее части).

Антропологический состав населения средневековых городов Крыма

Г. Ф. Дебец

Введение

История Крыма тесно связана с историей северного Причерноморья; тем не менее, некоторая географическая обособленность этого полуострова приводила иногда к известному своеобразию в ходе истории и этногенеза населяющих его народов. В особенности это относится к горной части Крыма, физико-географические условия которой резко отличны от степного ландшафта остальной части Причерноморья и Приазовья.

Одной из интереснейших страниц истории Крыма, в которых выступает это своеобразие его исторических судеб, является эпоха с III по XIII в. н. э., когда горный Крым населял народ широко известный в археологической и исторической литературе под именем крымских готов. Согласно старой исторической традиции считалось, что крымские готы являются потомками переселенцев из Прибалтики. Принято было думать, что проникновение готов в Крым относится к половине III в. н. э.[1] В IV в. готы покорили Боспорское царство и овладели всем Крымом. Политическое господство готов продолжалось, однако, недолго. В царствование императора Валента (364—378 гг.) в Крым через Керченский пролив вступили гунны. В V в. новая волна гуннов влилась в Крым с севера через перешеек. Вторжения гуннов не захватывали, однако, горного Крыма и ограничивались его степной (преимущественно восточной) частью.

В то же время Крым не выходил окончательно из сферы владений Восточной Римской империи, власть которой особенно проявлялась на южном берегу полуострова, в первую очередь в городах, основанных греческими колонистами задолго до начала нашей эры.

Начиная с VI в. история Крыма характеризуется борьбой Византии и хазар. Последние взяли Боспор в 576 г., а около 705 г. хазарский

---

[1] А. А. Васильев. Готы в Крыму. Изв. Гос. Акад. истор. матер. культуры (ГАИМК), тт. I и V. — Из этой же работы заимствованы и остальные фактические данные по истории крымских „готов".

наместник (тудун) с гарнизоном находится даже в Херсонесе, который тогда назывался еще Херсоном. К концу VIII в. относится иммиграция из Византии в Крым, связанная с господством иконоборцев.

Среди советских историков и археологов концепция германского происхождения населения горного Крыма в эпоху средних веков встретила резкие возражения. Культура так называемых крымских готов рассматривается ими в тесной преемственной связи с автохтонным доготским населением полуострова.[1]

С. Ф. Стржелецкий приводит ряд убедительных доказательств в защиту положения о связи основной массы крымских „готов“ с тавроскифами и сарматами. Об этом прямо говорят, например, автор „Жития Иоанна готского“ и другие письменные источники. В материальной культуре преемственность от тавро-скифских и сарматских памятников к „готским“ прослеживается вполне отчетливо, ясно видны также следы греко-римских влияний. Никаких указаний на специфически скандинавские или прибалтийские элементы археологические данные не дают.

I. Материал

Задачей антропологического исследования является выяснение роли и удельного веса различных компонентов, которые входили или могли входить в состав населения средневекового Крыма в результате тех исторических событий, которые кратко очерчены выше. Основным вопросом, подлежащим разрешению на антропологическом материале, является выяснение того, насколько изменился расовый состав населения полуострова после предполагаемого вторжения готов. Не менее интересно выявить участие типов греческого происхождения, а также гунно-хазарских элементов.

Для разрешения поставленных выше вопросов мы имеем три серии черепов. Первая происходит из раскопок могил в Эски-Кермене, где имеется „готский“ город, отождествляемый некоторыми исследователями со столицей крымских готов Доросом или Теодоро. Черепа добыты при раскопках, проводившихся в течение ряда лет Государственной Академией истории материальной культуры.[2] Большая часть черепов относится к концу I и началу II тысячелетия н. э. Древнейшие могилы, характеризующиеся погребениями в катакомбах и относящиеся к VI—VIII вв., дали небольшое количество весьма фрагментарных черепов. Большая часть черепов обнаружена в усыпальницах, в которых хоронили рядовое население города. Хронологически усыпальницам более или менее одновременны погребения

---

[1] В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиональным развитием северного Причерноморья. Готский сборник. Изв. ГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932; С. Ф. Стржелецкий. Раскопки в Инкермане в 1940 г. Сов. археология, т. IX, Л., 1947.

[2] Н. И. Репников. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—1929 гг. Готск. сб., Л. 1932; Ф. И. Шмит. Эски-Керменская базилика. Готск. сб., Л., 1932.

при базилике. В социальном отношении эта последняя группа представляет, однако, некоторое своеобразие: при базилике хоронили, повидимому, представителей господствующих классов.

Краниологическая коллекция из Эски-Кермена хранится в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР и зарегистрирована за №№ 3725, 4032, 4163, 5194, 5274 и 5655.

Раскопки другого города крымских готов, расположенного близ Мангуп-Кале, также дали некоторое количество краниологического материала, хронологически датируемого, как и основная масса черепов Эски-Кермена, концом I и началом II тысячелетия н. э. Эти черепа хранятся в Музее антропологии Московского Государственного университета (МГУ) и зарегистрированы за №№ 8666-8737.

Несколько черепов из погребений в Кыз-Куле и Челтере хранятся в Музее антропологии и этнографии под №№ 5195 и 5273.

Херсонесский некрополь раскапывался в 1909—1918 гг. К сожалению, господствовавшая в то время у археологов кладоискательская традиция привела к тому, что антропологический материал взят не был и погиб для науки.

При раскопках Г. Д. Белова в 1930—1932 и 1935 гг. антропологический материал сохранялся. Он хранится в Музее антропологии и этнографии под №№ 5100 и 5382.[1]

II. Морфологическая характеристика лицевого скелета

Морфологические особенности строения лица имеют, как известно, большое значение для определения крупных единиц расовой систематики

ТАБЛИЦА 1

Скуловой диаметр

Памятники	♂		♀	
	N	M	N	M
Эски-Кермен — суммарно	97	136.8	99	127.8
в том числе: Усыпальница 105	10	134.5	9	127.3
Усыпальница 179	6	135.7	5	131.4
Усыпальница 31	20	136.9	25	126.5
Усыпальница 36	6	138.7	7	124.4
Базилика	10	142.1	10	132.8
Мангуп-Кале — суммарно	19	139.3	25	129.4
Херсонес — суммарно	68	136.0	66	128.3

[1] Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг.

так называемых больших рас или рас первого порядка. Поэтому наш обзор целесообразнее начать не с мозгового черепа, как это обычно делается, а с лицевого.

Скуловой диаметр является наиболее общепринятым размером для характеристики широтных размеров лица. На наших крымских сериях размер этот довольно велик (табл. 1), занимая крайнее место в пределах вариации у современных европейских групп. На небольшой серии из Мангуп-Кале средняя этого размера даже выходит за пределы вариации у современных европеоидов. Приводим некоторые сравнительные данные по мужским черепам, заимствуя их из сводки Моранта:[1]

Тирольцы	135.7	Эски-Кермен	136.8
Херсонес	136.0	Швейцарцы (Сьерр)	137.2
Сербо-хорваты	136.5	Магуп-Кале	139.3

У северных монголоидов размер этот обычно еще больше. Приводим данные по сводке Чебоксарова:[2]

Тувинцы	140.8	Монголы	143.4
Буряты (Тунка)	141.1	Якуты	144.0
Теленгеты	141.7		

Большая ширина лица могла бы служить доказательством наличия монголоидной примеси. Однако необходимо учесть и другие особенности морфологии лицевого скелета.

Высота лица измерялась только до альвеолярной точки (№ 48, по Мартину, G'H английских биометриков), так как измерение полной высоты на данном материале в большинстве случаев невозможно вследствие того, что большая часть черепов добыта в коллективных погребениях, и принадлежность нижних челюстей к тому или иному черепу, как правило, не может быть установлена.

Размеры высотного диаметра лица на средневековых крымских сериях средние (табл. 2) и не выходят за пределы вариации у современных европейских групп. Беря для сравнения те же серии, получаем:

Эски-Кермен	69.3	Херсонес	71.2
Швейцарцы (Сьерр)	69.7	Мангуп-Кале	72.2
Сербо-хорваты	70.2	Тирольцы	74.5

Последняя величина для европеоидов является исключительной. У северных монголоидов высота лица обычно больше, хотя пределы межгрупповой изменчивости слегка трансгрессируют у обеих больших рас:

Теленгеты	74.0	Буряты (Тунки)	77.3
Тувинцы	75.2	Якуты	79.7
Монголы	75.8		

[1] G. M. Morant. A preliminary classification of european races based on cranial measurements, Biometrika, vol. XX, B, p. 3—4, 1923.

[2] Н. Н. Чебоксаров. Основные направления расовой дифференциации в восточной Азии. Тр. Инст. этнографии, новая серия, т. II, 1947.

ТАБЛИЦА 2

Высота верхней части лица

Памятники	♂		♀	
	N	M	N	M
Эски-Кермен — суммарно	100	69.3	115	66.0
в том числе: Усыпальница 105	11	67.1	8	66.0
Усыпальница 179	6	69.3	9	65.2
Усыпальница 31	23	69.7	25	65.4
Усыпальница 36	7	69.3	8	63.9
Базилика	9	71.8	9	72.2
Мангуп-Кале — суммарно	23	72.2	27	67.1
Херсонес — суммарно	91	71.2	75	67.4

Черепа из погребений при базилике имеют более высокое лицо, чем остальные, особенно в женской группе, где, очевидно, вследствие недостатка материала, средняя величина данного размера даже больше, чем у мужчин.

Угол носовых костей измерен по отношению к линии профиля (№ 75-1, по Мартину). Этот размер дает наилучшее выражение степени выступания носа, что служит, как известно, хорошим расово-диагностическим признаком. Наши серии (табл. 3) в этом отношении характеризуются типично европейским размером данного угла, почти не уступая даже армянам:

ТАБЛИЦА 3

Угол носовых костей к линии профиля лица

Памятники	♂		♀	
	N	M	N	M
Эски-Кермен — суммарно	71	33.1	73	28.3
в том числе: Усыпальница 105	8	33.9	8	26.4
Усыпальница 179	2	29.5	3	26.3
Усыпальница 31	17	31.7	18	29.1
Усыпальница 36	4	33.5	5	28.6
Базилика	6	33.0	6	31.2
Мангуп-Кале — суммарно	18	32.6	13	31.7
Херсонес — суммарно	59	32.8	41	26.5

Армяне	34.0 [1]	Мангуп-Кале	32.6
Эски-Кермен	33.1	Херсонес	32.8

Горизонтальный угол лица. Этот размер в последние годы введен в краниологические программы Института антропологии МГУ. Вершина угла лежит в точке subspinale, а стороны проходят через точки пересечения скуло-челюстного шва с верхней границей прикрепления жевательной мышцы. Угол хорошо характеризует горизонтальную уплощенность лица (табл. 4). На некоторых из исследованных в последние годы сериях он равен:[2]

Европейцы разные	125.7	Тувинцы	138.1
Черкесы	124.9	Теленгеты	138.1
Монголы	137.7		

Несколько более плоское лицо мужских черепов из погребений при базилике вряд ли можно рассматривать как результат монголоидной примеси, так как эта особенность не повторяется на женской серии, и к тому же данный угол находится, вероятно, в некоторой функциональной связи с шириной лица, хотя этот вопрос требует специального исследования для уточнения степени этой связи.

ТАБЛИЦА 4

Горизонтальный угол лица

Памятники	♂		♀	
	N	M	N	M
Эски-Кермен — суммарно	83	128.4	94	129.0
в том числе: Усыпальница 105	9	127.0	8	125.3
Усыпальница 179	7	127.1	8	128.4
Усыпальница 31	20	128.3	19	129.8
Усыпальница 36	6	126.3	7	131.3
Базилика	8	131.9	9	126.3
Мангуп-Кале — суммарно	17	130.8	22	129.2
Херсонес — суммарно	79	128.6	64	131.3

Таким образом, данные о горизонтальной профилировке лица, так же как и степень выступания носа, приводят к выводу, что относительно большая ширина лица населения средневекового Крыма не может быть сведена к примеси монголоидного элемента.

---

[1] В. В. Бунак. Crania armenia. Тр. Инст. антропологии МГУ, 1927.

[2] Г. Ф. Дебец. О древней границе европеоидов и американоидов в южной Сибири. Сов. этнография, 1947, № 1, стр. 73; он же. Палеоантропология СССР. Тр. Инст. этнографии, т. IV, 1948, стр. 278; Н. Н. Чебоксаров, указ. соч.

Глубина собачьей ямки. Эта особенность определялась описательно по пятибалльной системе (0—4). Данные приведены в табл. 5. Случаев отсутствия ямки (балл 0) не встретилось вовсе. В среднем собачья ямка глубокая, что тоже является характерным признаком европеоидов. Только черепа из погребений при базилике имеют менее глубокую ямку, чем остальные.

ТАБЛИЦА 5

Развитие собачьей ямки

Памятники	♂						♀					
	Число наблюдений	1	2	3	4	Средний балл	Число наблюдений	1	2	3	4	Средний балл
		Слабое	Среднее	Сильное	Очень сильное			Слабое	Среднее	Сильное	Очень сильное	
Эски-Кермен — суммарно	112	5.4	33.4	52.7	3.5	2.54	122	14.7	36.1	40.2	9.0	2.44
Усыпальница 105	12	8.3	25.0	66.7	—	2.58	9	11.1	55.6	33.3	—	2.22
Усыпальница 179	8	—	12.5	87.5	—	2.88	10	10.0	10.0	80.0	—	2.70
Усыпальница 31	26	7.7	42.3	50.0	—	2.42	28	3.6	46.4	39.3	10.7	2.57
Усыпальница 36	8	—	25.0	75.0	—	2.75	7	28.6	42.9	28.6	—	2.00
Базилика	11	9.1	54.5	36.4	—	2.27	10	20.0	60.0	20.0	—	2.00
Мангуп-Кале — суммарно	23	8.7	47.8	39.1	4.3	2.39	30	6.7	36.7	53.3	3.3	2.53
Херсонес — суммарно	96	4.2	27.1	57.3	11.4	2.76	84	4.7	27.4	46.5	21.4	2.85

Носовой указатель. Средние размеры этого указателя на всех наших сериях не отличаются от большинства европейских групп.

Орбитный указатель. Ширина орбиты измерялась по монакскому соглашению (№ 51а, по Мартину). Полученные размеры также не отличаются от большинства средне-европейских групп.

В общем принадлежность всех наших серий к европеоидной большой расе не вызывает сомнений. Примесь монголоидных типов если и была, то в самых незначительных размерах, и может быть обнаружена только на основании рассмотрения отдельных черепов. Идя таким путем, удалось обнаружить среди черепов из Херсонеса три бесспорно монголоидных черепа. Два из них найдены в одной могиле (№ 7 по дневнику 1932 г.) и зарегистрированы за №№ 5100-51 и 5100-52. Третий в могиле № 1 по дневнику 1935 г. (№ 5382-1). В табл. 6 приводятся наиболее важные диагностические признаки этих черепов в сопоставлении со средними размерами по Херсонесу и по средневековым кочевникам Забайкалья. Монголоидная примесь с известной долей вероятия может быть отмечена и на других черепах из Херсонеса.

ТАБЛИЦА 6

Некоторые размеры монголоидных черепов из Херсонеса

Признаки	Мужские			Женские			
	Херсонес средняя	№ 5100-51	кочевники Забайкалья	Херсонес средняя	№ 5100-52	№ 5382-1	кочевники Забайкалья
Горизонтальный угол лица . .	128.6	147.5	142.4	131.3	141.5	146.5	143.8
Угол носовых костей . . .	32.8	25	20.7	26.5	21	18	17.8
Скуловой диаметр	136.0	141	143.8	128.3	127	134	137.4
Высота лица . .	71.2	73	77.1	67.4	65	—	76.3
Черепной указатель	81.0	84.6	82.5	81.5	87.6	89.4	84.5

В Эски-Кермене и в Мангуп-Кале черепов с монголоидными признаками не обнаружено.

III. Морфологические особенности мозгового черепа

На краниологическом материале морфологические особенности мозгового черепа являются основой для суждения о расах второго порядка. По отношению к данному материалу основной вопрос, касающийся предполагаемой примеси северно-европейского типа, может быть разрешен только на основе данных изучения мозговой коробки, в первую очередь черепного указателя.

ТАБЛИЦА 7

Продольный диаметр

Памятники	♂		♀	
	N	M	N	M
Эски-Кермен — суммарно	144	175.0	137	169.1
в том числе: Катакомбы	8	176.9	—	—
в том числе: Усыпальница 105 . . .	14	174.4	10	168.3
в том числе: Усыпальница 179 . . .	10	174.6	11	167.7
в том числе: Усыпальница 31 . . .	30	173.9	30	169.0
в том числе: Усыпальница 36 . . .	9	174.3	10	168.0
в том числе: Базилика	14	176.4	11	167.7
Мангуп-Кале — суммарно	27	178.7	30	171.1
Херсонес — суммарно	99	180.2	92	172.0

ТАБЛИЦА 8

Поперечный диаметр

Памятники	♂		♀	
	N	M	N	M
Эски-Кермен — суммарно	138	147.8	130	142.3
в том числе: Катакомбы	8	144.0	—	—
Усыпальница 105	12	145.7	9	142.4
Усыпальница 179	9	146.6	11	143.6
Усыпальница 31	27	147.4	30	141.3
Усыпальница 36	9	148.3	9	139.0
Базилика	14	155.6	11	146.4
Мангуп-Кале — суммарно	27	147.7	30	141.6
Херсонес — суммарно	94	145.2	83	140.0

Черепной указатель (табл. 7 и 8). Обе серии из „готских" городов более брахикранны, чем херсонесская. Данные о черепном указателе не вполне точны, так как он несомненно увеличен за счет затылочной деформации. Как показал Гинзбург,[1] затылочная деформация ведет к нарушению нормальной функциональной связи между горизонтальными диаметрами черепа. Из положительной она становится отрицательной. На Эски-Керменской серии корреляция между этими диаметрами равна +0.04, т. е. практически отсутствует. В Херсонесе, где черепной указатель на три единицы ниже, корреляция явно отрицательная —0.31. Относить это явление за счет латеральной посмертной деформации мы не имеем никаких оснований, так как черепа из херсонесских могил в общем хорошей сохранности. Ярхо[2] указал, что отрицательная корреляция может образоваться вследствие смешения двух типов, различающихся по головному указателю. Очевидно, что в данном случае мы и имеем дело со смешением, точнее говоря, — с примесью долихокранного элемента.

Многовековые связи Херсонеса с Грецией заставляют считать, что длинноголовый тип, о котором идет речь, не северный, а средиземноморский.[3] В Эски-Керменской серии есть несколько черепов, которые морфологически могли бы быть диагносцированы, как северно-европейские, но количество их не превышает того процента, который имеется в каждой нормальной серии брахикранных законов изменчивости.

[1] В. В. Гинзбург. Горные таджики. Л., 1937.

[2] А. И. Ярхо. О некоторых вопросах расового анализа. Антропол. журн., 1934, № 3.

[3] Средневековые греки характеризуются мезокефалией (черепной указатель 77.1) при небольших или средних размерах горизонтальных диаметров (продольный 181.7 мм, поперечный 139.7 мм). См.: J. L. Angel. A racial analysis of the ancient Greeks. Am. Journ. of phys. Anthr., N. S. vol. 2, № 4, 1944.

Таким образом, брахикефалию (несколько усиленную затылочной деформацией) следует считать характерной особенностью крымских „готов".

Высотный диаметр (табл. 9). Различные европейские серии довольно значительно различаются между собой по величине базило-брегматического высотного диаметра. По сводке Моранта брахикранная группа А, которую можно сопоставить с динарской или адриатической расой других классификаций, характеризуется обычно высотой черепа около 136 мм. Группа В (альпийская раса других авторов) имеет меньшие размеры высотного диаметра при больших величинах горизонтальных размеров. Суммарно Эски-Керменская серия ближе ко второй группе, т. е. к альпийскому расовому типу.

ТАБЛИЦА 9

Высотный диаметр

Памятники	♂		♀	
	N	M	N	M
Эски-Кермен — суммарно	119	132.6	112	126.4
в том числе: Усыпальница 10	14	131.9	8	125.1
в том числе: Усыпальница 179	9	134.0	7	125.3
в том числе: Усыпальница 31	22	131.7	26	126.2
в том числе: Усыпальница 36	8	133.0	9	125.3
в том числе: Базилика	13	133.2	8	129.4
Мангуп-Кале — суммарно	26	134.1	29	129.7
Херсонес — суммарно	84	133.4	79	128.1

Этот вывод, основанный на сопоставлении морфологических признаков, не говорит, однако, о непосредственном родстве основного типа населения средневекового Крыма с населением центральной Европы. Расовая классификация человека, особенно когда дело идет о расах второго порядка, еще далека от естественного, т. е. генеалогического принципа, последовательное применение которого требует не только морфологических сопоставлений, но в первую очередь внимательного изучения истории образования конкретных расовых типов, локализующихся в тех или иных популяциях.

Размеры и форма лба. В пределах брахикранных европейских рас особенности строения лба служат важным диагностическим признаком для разграничения арменоидной, или переднеазиатской, расы от альпийской. Крымские „готы" имеют прямой или средненаклонный лоб, что также сближает их скорее с альпийским типом. „Арменоидная" комбинация признаков изредка встречается на отдельных черепах, но у нас пока нет возможности судить о том, являются ли эти единичные

случаи результатом комбинации индивидуальных отклонений или примесью индивидуумов малоазиатского происхождения.

Надбровные дуги на всех наших сериях имеют среднее развитие. Диагностическое значение этого признака вследствие отсутствия сравнимых данных по большинству европейских групп пока не велико.

Ширина лба большая или средняя, как обычно, бывает у европеоидных брахикефалов.

IV. Сравнение с другими группами

Рассмотрение отдельных признаков, характеризующих морфологические особенности черепов, добытых в средневековых могильниках Крыма, приводит к выводу о наличии в их составе следующих элементов:

1) брахикранный европеоидный тип (рис. 1—6, 8, 11, 12, 17);

2) мезо-долихокранный европеоидный тип, который относится, по всей вероятности, к числу средиземноморских вариантов (рис. 13, 14, 19);

3) монголоидный элемент, более точная характеристика которого представляется затруднительной и который только с известной долей вероятия может быть охарактеризован, как южно-сибирский (по Ярхо), тюркский по номенклатуре Деникера (рис. 16, 20).

Брахикранный тип встречается во всех исследованных сериях: в Эски-Кермене, в Мангуп-Кале и в Херсонесе.

Средиземноморский тип представляет значительную примесь в составе черепов из Херсонеса. В Эски-Кермене и в Мангуп-Кале наличие его возможно, но не доказано.

Монголоидный (южно-сибирский) тип в виде очень незначительной, но несомненной примеси установлен в Херсонесе.

Черепа с комбинацией признаков северно-европейского (рис. 7, 10, 15) и переднеазиатского (рис. 9, 18) типов встречаются в разных сериях, но пока не могут считаться доказательством примеси этих типов.

Поскольку средиземноморский тип, явно локализующийся в Херсонесе, связывается, по крайней мере в основном, с греческой колонизацией, а монголоидные элементы, по всей вероятности, обязаны своим происхождением хазарскому гарнизону Херсонеса, то брахикранный тип следует считать основным типом населения Крыма в эпоху средних веков. Особенно характерен этот тип для „готов". Вопрос о его происхождении и является основным предметом нашего исследования.

В первую очередь следует, конечно, попытаться выяснить, насколько этот тип мог быть характерным для настоящих готов, т. е. для народа скандинавско-балтийского происхождения. Вопрос этот прямому разрешению не поддается, так как никаких археологических памятников, а тем более палеоантропологических материалов, которые можно было бы приписывать готам, переселившимся в Причерноморье из Прибалтики, не имеется.

Некоторые авторы считают готским могильник римского времени в Николаевске близ Ольвии. Не вдаваясь в рассмотрение этого вопроса,

отмечу, что черепа из этого могильника, описанные Шлицем, характеризуются долихо-мезокранией, малыми абсолютными размерами мозговой коробки, узким лицом, т. е. никак не могут быть отождествлены с основным типом черепов из могильников Эски-Кермена и Мангуп-Кале.[1]

Некоторые исследователи связывают с готами приднепровские поля погребальных урн. Бо́льшая часть похороненных в этих „полях“ погребена по способу трупосожжения. Вместе с тем добыто, однако, и некоторое количество черепов. Их изучение показало,[2] что они относятся к тому же типу, что и черепа из Николаевки, и, следовательно, также совершенно несходны с крымскими „готами“. В самой Скандинавии черепа раннего железного периода также долихокранны. Встает вопрос: не могут ли брахикранные европеоидные черепа из средневековых погребений Крыма рассматриваться как северные европейцы, форма головы которых изменилась под влиянием искусственного уплощения затылка?

Данные В. В. Гинзбурга[3] о горных таджиках указывают, что уплощение затылка, являющееся следствием широко распространенного в Передней Азии способа укладывания ребенка в колыбели, приводят прежде всего к укорочению продольного диаметра головы, в несколько меньшей мере к увеличению поперечного диаметра и почти не изменяют ширины лица.

	Отсутствие деформации или слабая деформация	Средняя и сильная деформация
Продольный диаметр .	183.7	180.0
Поперечный диаметр .	152.5	155.7
Скуловой диаметр . .	140.6	141.0

Помимо изменений формы головы, вследствие искусственной деформации, наблюдается также увеличение черепного указателя под действием более глубоких, но еще не выясненных причин.

Этот процесс брахикефализации хорошо выявлен в средней России[4] и в Швейцарии.[5]

В этих областях изменение формы черепа, так же как и при искусственном уплощении затылка, связано в первую очередь с уменьшением продольного диаметра и не сопровождается сколько-нибудь значительным увеличением ширины лица (таб. 10).

Основываясь на этих данных, следует отбросить предположение о том, что крымские готы являются прямыми потомками того варианта северно-европейского типа, который известен нам по палеоантропологическим материалам из средневековых германских могил северной и центральной Европы.

[1] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 166—167.

[2] Г. Ф. Дебец, указ. соч., стр. 164—165.

[3] В. В. Гинзбург. Горные таджики, стр. 93.

[4] Т. А. Трофимова. Черепа из Никольского кладбища. Уч. зап. МГУ, т. 63, М., 1941.

[5] E. Hug. Die Schädel der frühmittelalterlichen Gräber aus dem solothurnischen Aargebiet... Zschr. f. Morphol. Anthropol., Bd. 38, H. 3, 1940.

ТАБЛИЦА 10

Эпохальные различия скулового диаметра в связи с процессом брахикефализации средне- и восточноевропейских долихокефальных типов

Признаки	Время	Мужские		Женские	
		Швейцария и южная Германия	Средняя Россия	Швейцария и южная Германия	Средняя Россия
Продольный диаметр	Раннее средневековье	189.0	186.4	180.0	177.1
	XVI в.	178.4	177.5	171.1	170.2
Поперечный диаметр	Раннее средневековье	141.3	136.3	136.3	132.8
	XVI в.	149.3	141.7	143.3	136.4
Скуловой диаметр	Раннее средневековье	133.3	131.6	125.8	122.7
	XVI в.	133.2	134.0	125.0	124.7

Но является ли „классический“ северо-европейский тип единственным расовым типом древних германцев?

В современном населении Прибалтики имеются, как известно, брахикефальные и сравнительно широколицые формы.[1] Таковы, например, немцы о. Фемарн, головной указатель которых равен 83.6 мм, а скуловой диаметр 145 мм. В древней Ютландии известен, начиная с неолита, сравнительно брахикранный в широколицый „тип Борреби“.

Однако вряд ли правильно сближать с этим типом эски-керменских брахикефалов. Западно-балтийский тип (по терминологии Чебоксарова) отличается высокорослостью. Несомненно, что сравнительно большой размер скулового диаметра у фемарнских немцев в значительной мере объясняется функциональной корреляцией с длиной тела. Крымские готы были заметно более низкорослы. Хотя на имеющемся материале и нельзя установить принадлежность отдельных длинных костей к определенным скелетам, но суммарный подсчет дает среднюю величину длины тела около 165 см для мужчин.

Современные шведы с о. Готланд, которых можно с полным основанием рассматривать как потомков древних готов, имеют головной указатель 78.3.[2] Это, правда, одна из наиболее высоких в Швеции величин, но, особенно если учесть поправку при переводе головных размеров на черепные, она все-таки гораздо ниже той, которая найдена у крымских „готов“.

[1] Обширную сводку фактического материала дает Н. Н. Чебоксаров; см. его „Антропологический состав современных немцев“ (Уч. зап. МГУ, т. 63, М., 1941).

[2] H. Zundborg and F. Linders. The Racial characters of the Swedish Nation. Uppsala, 1926.

Наиболее ценным материалом для разрешения поставленной проблемы были бы черепа доготской эпохи из самого Крыма. К сожалению, такой материал имеется в весьма ограниченном количестве. В каменных ящиках близ Черкес-Кермена, относимых к таврам (I тысячелетие до н. э.), в 1930 и 1933 гг. добыто несколько весьма фрагментарных черепов. На двух мужских и трех женских черепах оказалось возможным приблизительно измерить горизонтальные диаметры. Черепной указатель равен: мужские черепа 79; 80; женские черепа 78; 87; 88. Еще на одном мужском черепе указатель явно брахикранный, но более или менее точное цифровое выражение его невозможно. Как ни фрагментарны эти данные, они все же дают больше оснований сближать преобладающий тип крымских „готов" с автохтонным населением Крыма — в гораздо большей степени, чем с какими бы то ни было действительными „готами" за пределами полуострова.

Широколицые брахикефальные европеоиды в настоящее время распространены на Северном Кавказе. У горцев Дагестана и других народов нередки средние величины скулового диаметра 145—147 мм, что соответствует 139—141 мм на черепе.

Головной указатель у некоторых северокавказских групп увеличился, правда, совсем недавно. Однако и в прошлом там были распространены брахикранные формы. Черепа из каменных ящиков в Херхе (Осетия),[1] относимые к тому же времени, что и наши крымские серии, морфологически к ним очень близки. К сожалению, материалы по палеоантропологии Кавказа еще весьма фрагментарны.

Имеющиеся данные по палеоантропологии южнорусских степей показывают, что широколицые брахикранные европеоиды характерны для сарматских погребений волжской дельты.[2] Отсутствие сколько-нибудь значительных палеоантропологических материалов о сарматах Северного Кавказа, в частности, Прикубанья, а также бассейна Дона, не дает возможности проверить наличие непрерывности во времени и в пространстве между сарматами нынешней Астраханской области и крымскими „готами". Некоторые отрывочные указания имеются для более поздних эпох. В. В. Гинзбург[3] считает, что в хазарских погребениях близ станицы Цымлянской брахикранные европеоиды являются основным типом местного населения. Гинзбург сближает этот тип с сарматами и с крымскими „готами". К сожалению, его публикация носит предварительный характер.

Черепа из Зливкинского могильника хазаро-аланского времени также в основном относятся к тому же типу.[4]

---

[1] Палеоантропология СССР, стр. 273—275.

[2] Палеоантропология СССР, стр. 168.

[3] В. В. Гинзбург. Антропологические материалы по этногенезу хазар. Сов. Этнография, 1946, № 2.

[4] Палеоантропология СССР, стр. 254—256. Вопреки моему утверждению об отсутствии монголоидной примеси в Зливкинском могильнике, последняя там все же имеется, хотя основным типом и остается упомянутый „сарматский".

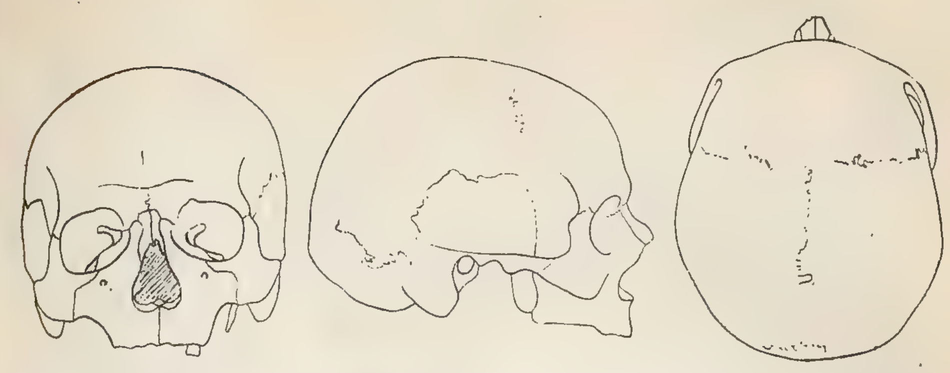

Рис. 1. Эски-Кермен. Усыпальница № 176. Раскопки 1936 г. Мужской череп брахикранного европеоидного типа, № 5655-32.

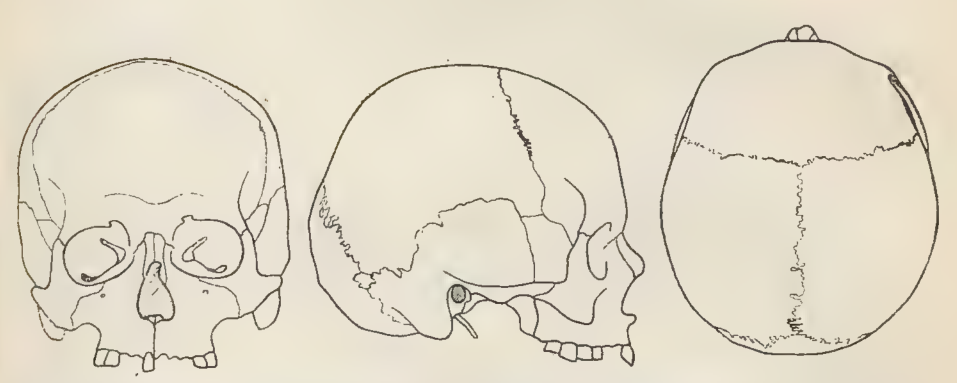

Рис. 2. Эски-Кермен. Усыпальница № 177. Раскопки 1936 г. Мужской череп брахикранного европеоидного типа, № 5655-69.

Рис. 3. Эски-Кермен. Усыпальница № 177. Раскопки 1936 г. Мужской череп брахикранного европеоидного типа, № 5655-72.

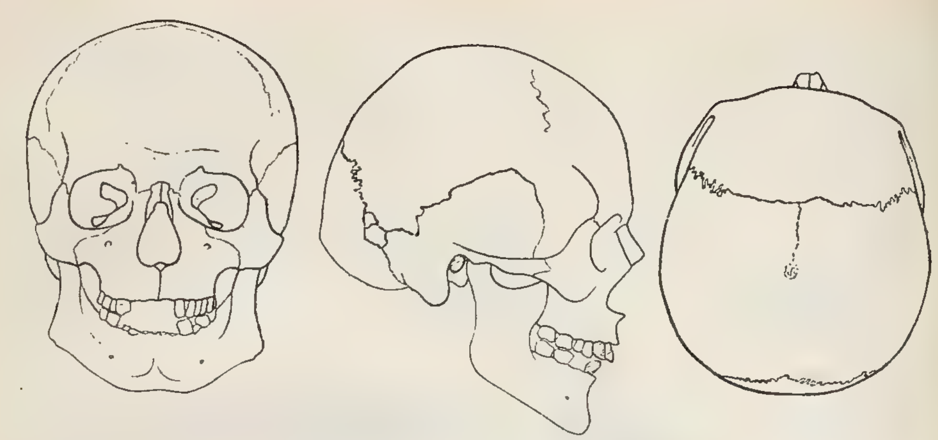

Рис. 4. Эски-Кермен. Нешифрованный материал 1928 г. Мужской череп брахикранного европеоидного типа, № 3725-17.

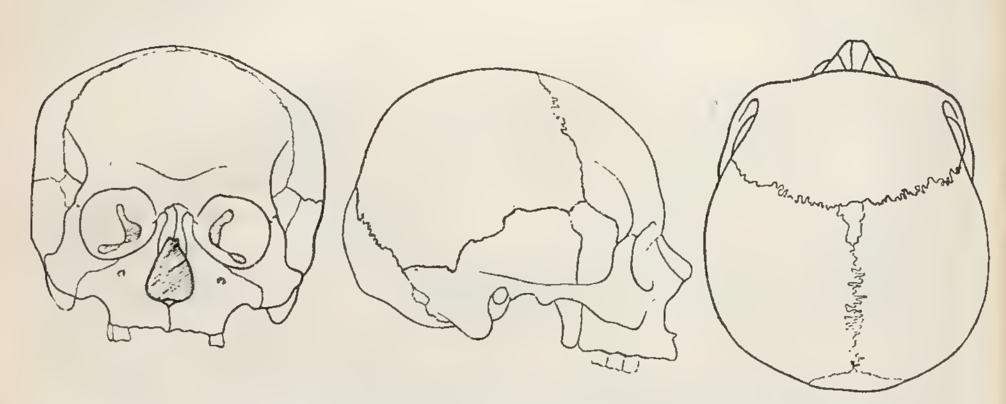

Рис. 5. Эски-Кермен. Погребение при базилике № 86. Раскопки 1930 г. Мужской череп брахикранного европеоидного типа, № 4163-10.

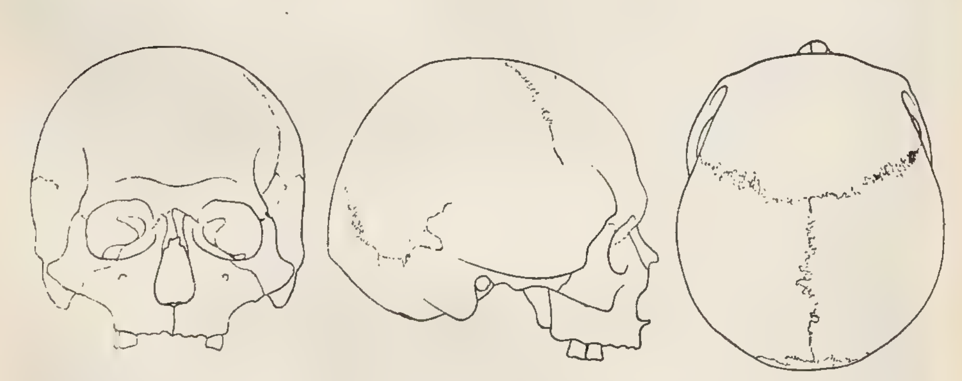

Рис. 6. Эски-Кермен. Погребение при базилике № 94. Раскопки 1930 г. Мужской череп брахикранного европеоидного типа, № 4163-160.

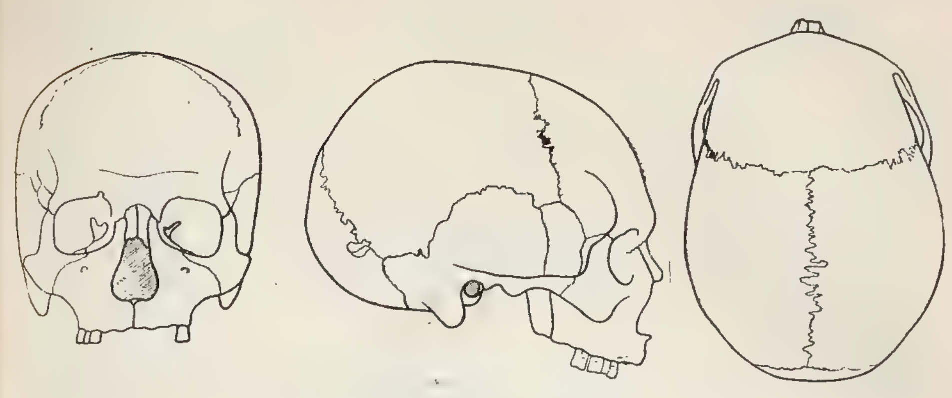

Рис. 7. Эски-Кермен. Усыпальница № 31. Раскопки 1928 г. Мужской череп северного типа, № 3725-46.

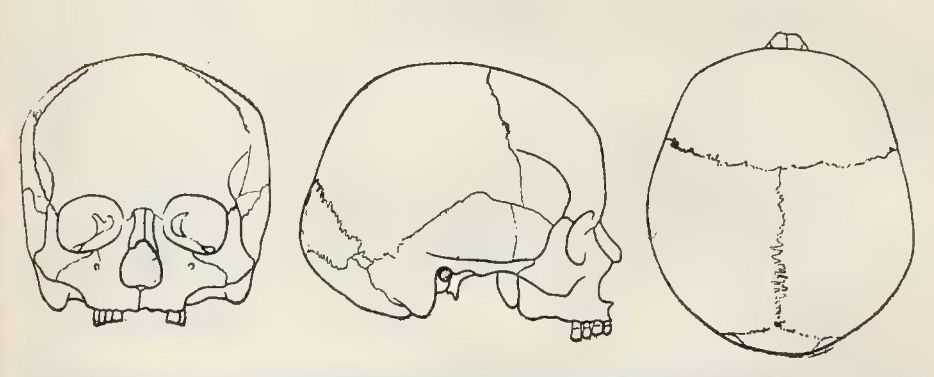

Рис. 8. Эски-Кермен. Усыпальница № 175. Раскопки 1936 г. Женский череп брахикранного европеоидного типа, № 5655-11.

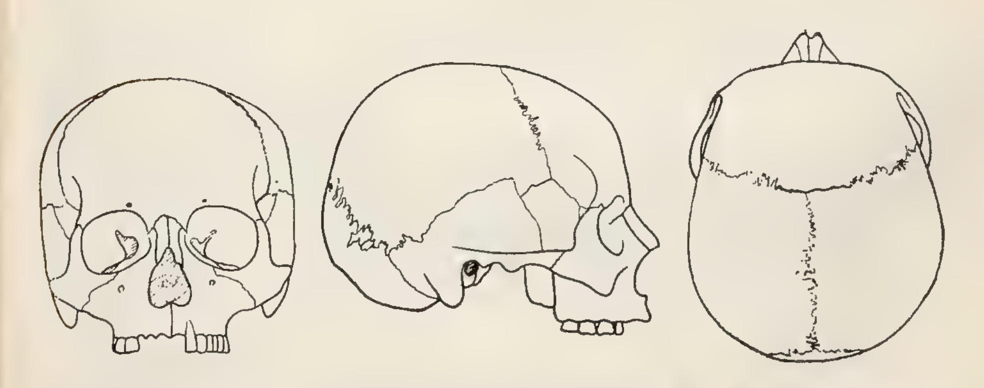

Рис. 9. Эски-Кермен. Усыпальница № 30. Раскопки 1928 г. Женский череп арменоидного типа, № 3725-328.

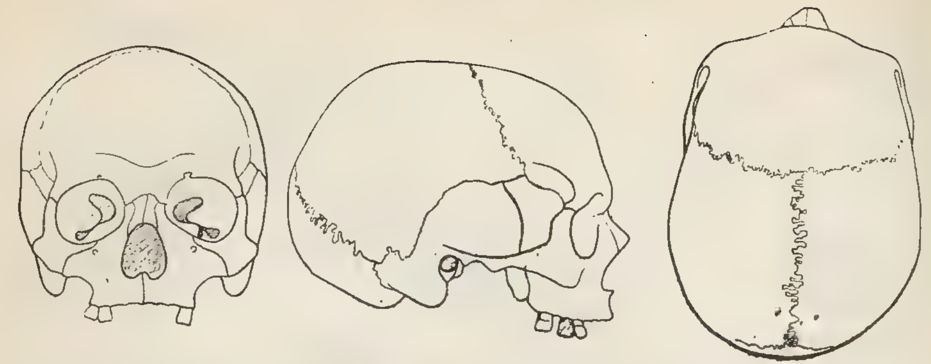

Рис. 10. Эски-Кермен. Усыпальница № 31. Раскопки 1928 г. Женский череп, возможно, северного типа, № 3725-86.

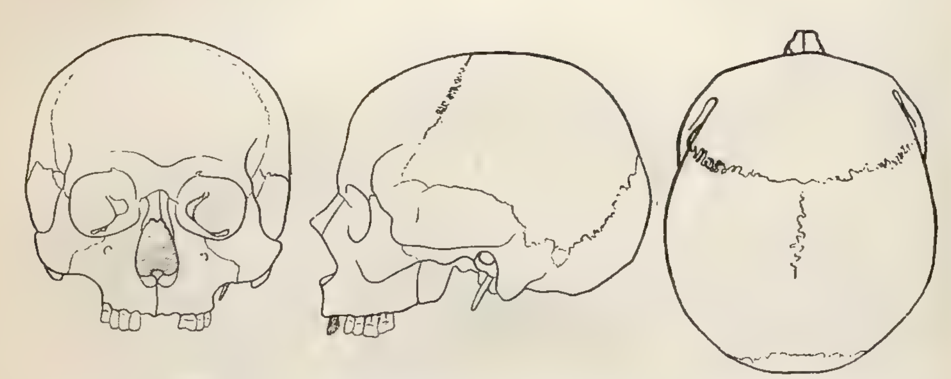

Рис. 11. Херсонес. Могила № 25. Раскопки 1935 г. Мужской череп брахикранного европеоидного типа, № 5382-393.

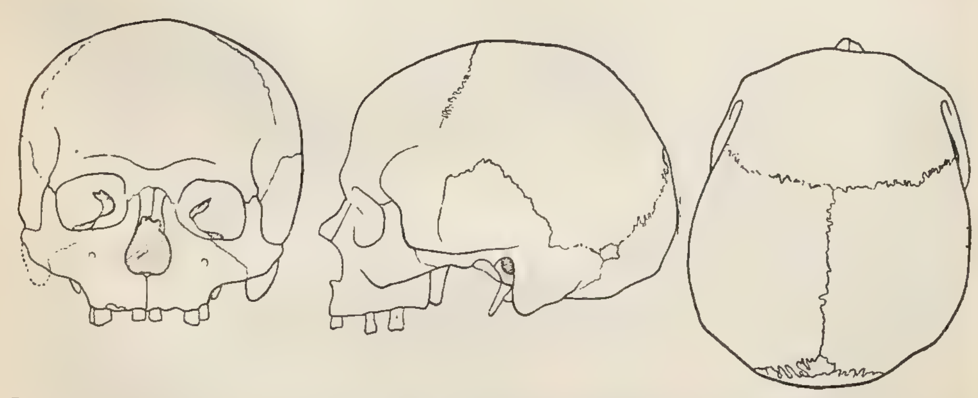

Рис. 12. Херсонес. Могила № 28. Раскопки 1935 г. Мужской череп брахикранного европеоидного типа, № 5382-465.

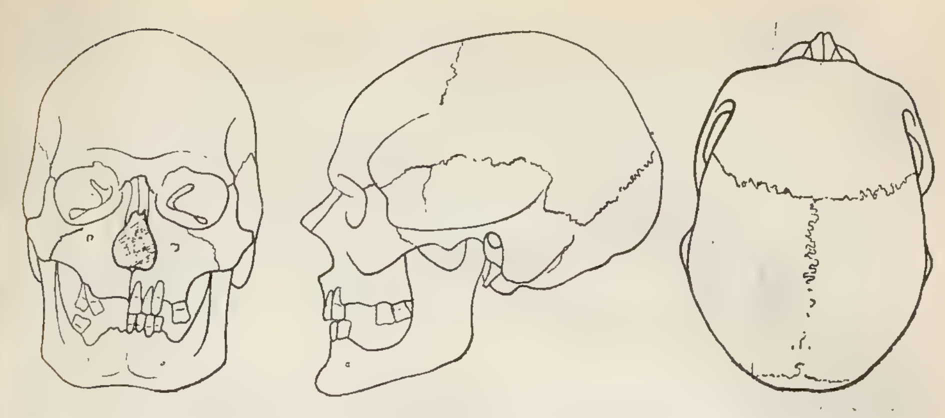

Рис. 13. Херсонес. Могила № 34. Раскопки 1935 г. Мужской череп средиземноморского типа, № 5382-625.

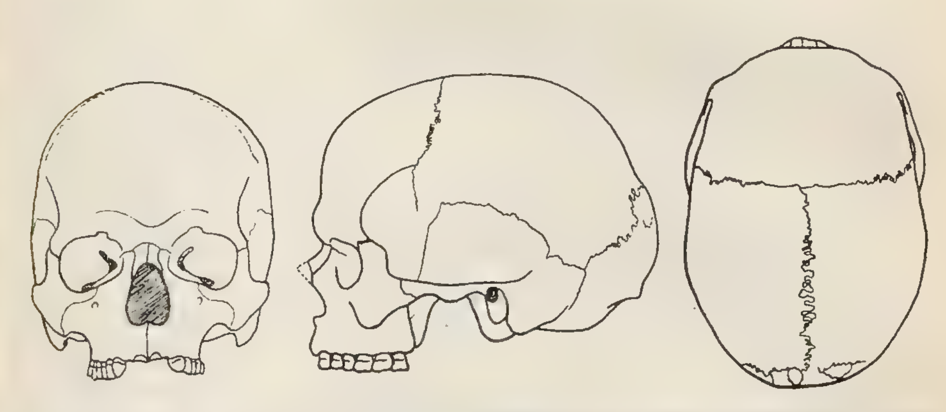

Рис. 14. Херсонес. Могила № 16. Раскопки 1932 г. Мужской череп средиземноморского типа, № 5100-89.

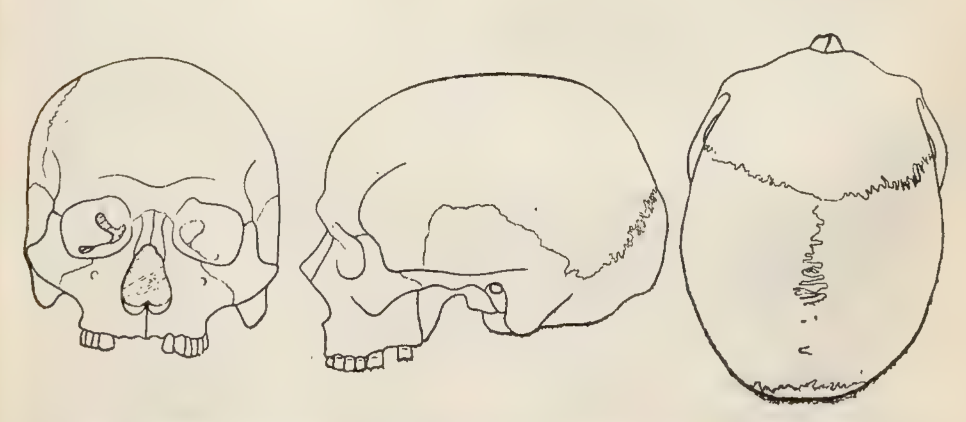

Рис. 15. Херсонес. Могила № 7. Раскопки 1932 г. Мужской череп северного типа, № 5100-47.

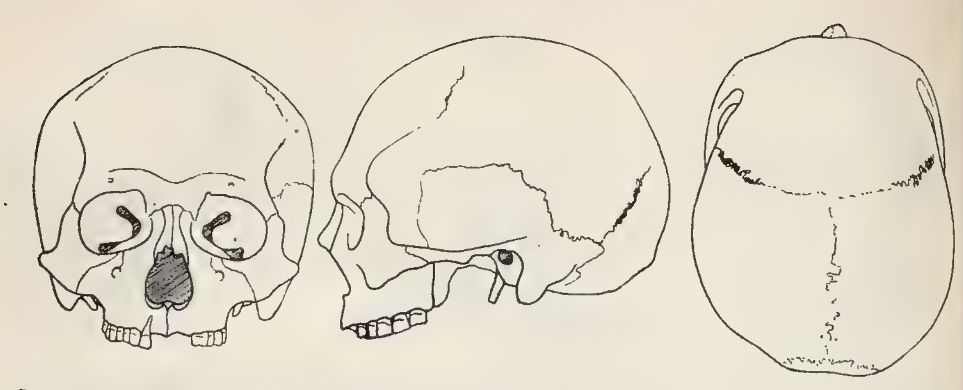

Рис. 16. Херсонес. Могила № 7. Раскопки 1932 г. Мужской череп монголоидного типа, № 5100—51.

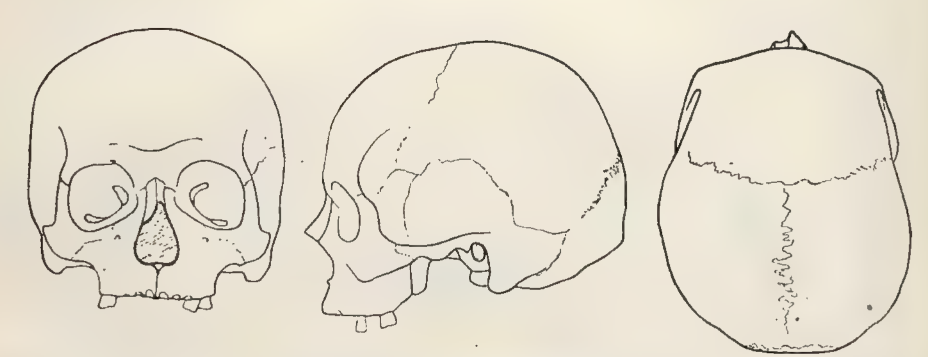

Рис. 17. Херсонес. Могила № 5. Раскопки 1932 г. Женский череп брахикранного европеоидного типа, № 5100-44.

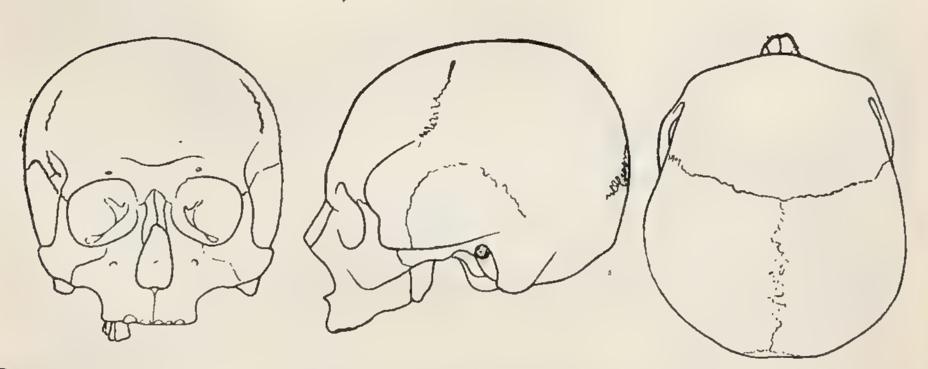

Рис. 18. Херсонес. Нешифрованные материалы 1935 г. Женский череп арменоидного типа, № 5382-765.

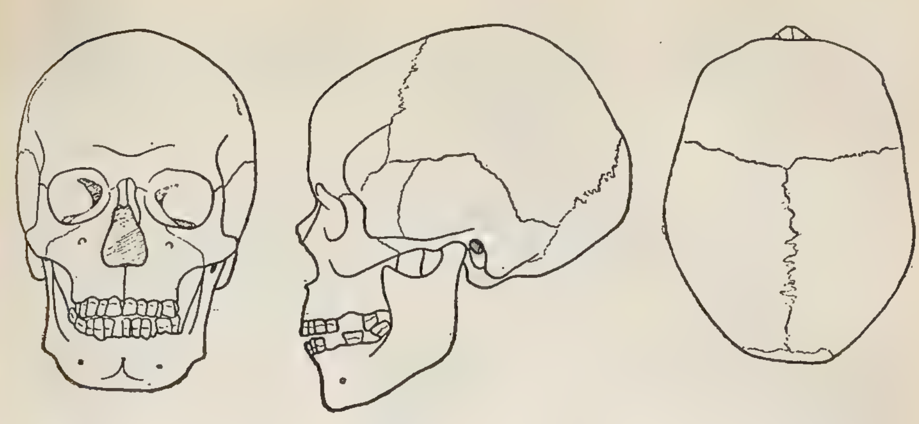

Рис. 19. Херсонес. Усыпальница № 4. Раскопки 1930 г. Женский череп средиземноморского типа, № 5100-5.

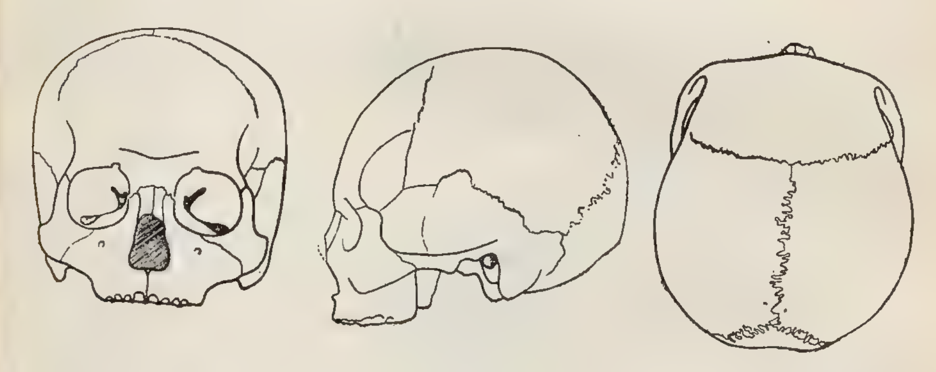

Рис. 20. Херсонес. Могила № 7. Раскопки 1932 г. Женский череп монголоидного типа № 5100-32.

Эски-Кермен. Индивидуальные измерения мужских черепов из могил разных типов

Инв. №		№ могилы	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр базион-брегма	20. Высотный диаметр порион-брегма	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	40. Длина основания лица	45. Скуловой диаметр	48. Высота лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	51a. Ширина орбиты	52. Высота орбиты	Горизонтальный угол лица	32. Угол наклона лба	72. Вертикальный угол лица	75(1) Угол носовых костей	Norma verticalis (Frassetto)	Надбровье (1—6 Мартин)	Fossa canina (0—4)	Нижний край грушевидного отверстия	Носовой шип (1—5 Брока)	Указатели: 8 : 1. Черепной	$17:\frac{1+8}{2}$. Высотный	9 : 8. Лобно-поперечный	48 : 17. Вертикальный черепно-лицевой	40 : 5. Выступания лица	48 : 45. Лицевой	54 : 55. Носовой	52 : 51a. Орбитный
3725- 5	Катакомбы	8	175	142	135	119	100	98	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ov.	3	—	—	—	81.1	85.2	69.0	—	—	—	—	—
- 6		—	170	148	134	117	100	98	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sr.	2	—	—	—	87.1	84.3	66.2	—	—	—	—	—
4032- 37		67	174	145	—	123	—	94	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	„	4	—	—	—	83.3	—	64.8	—	—	—	—	—
-173		79	181	151	136	121	102	103	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	„	3	—	—	—	83.4	82.9	68.2	—	—	—	—	—
5194-342		113	183	143	—	120	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ov.	4	—	—	—	78.1	—	—	—	—	—	—	—
-344		117	179	144	—	117	—	97	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ell.	2	—	—	—	80.4	—	67.4	—	—	—	—	—
5274- 1		—	177?	136	—	—	—	—	—	—	67?	49?	24	38	32	—	—	—	—	—	—	3	Ant.	—	76.8	—	—	—	—	—	49.0	84.2
- 3		—	176	143?	—	—	—	9?	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sn.	2	—	—	—	81.3	—	69.2	—	—	—	—	—
3725- 1	Грунтовые могилы	—	173	155	136	119	101	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	„	3	—	—	—	89.6	82.8	61.3	—	—	—	—	—
- 2		—	169	142	135	117	102	97	95	130	70	51	25	41	33	129	87	86	25	Sr.	3	3	Ant.	2	84.0	86.8	68.3	51.9	93.1	53.9	49.0	80.5
- 4		—	171	150	126	105	100	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ept.	3	—	—	—	87.7	78.5	63.3	—	—	—	—	—
- 10		—	175	148	135	118	100	104	99	141	74	54	25	41	33	124	86	37	31	Ell.	4	2	F. p.	4	84.6	83.5	70.3	54.8	99.0	52.5	46.3	80.5
- 11		—	168	150	127	117	102	98	100	132	67	51	23	40	31	121	83	38	28	Sn.	2	3	Ant.	2	89.3	79.8	65.3	52.8	98.0	50.8	45.1	77.5
- 17		—	171	150	132	119	93	101	95	138	67	43	25	39	29	123	87	37	39	Ept.	3	3	„	3	87.7	82.2	67.3	50.8	96.9	48.6	52.1	74.4
4032- 20		59	172	138	134	108	99	93	88	134	68	48	24	37	30	127	83	38	49	„	3	2	Inf.	—	80.2	86.5	67.4	50.8	88.9	50.8	50.0	81.1
- 22		64	—	142	—	113	—	95	—	132	62	46	27	38	31	128	87	31	—	—	3	1	Ant.	2	—	—	66.9	—	—	47.0	58.7	81.5
4163- 1	Погребения при базилике	85	183	149	135	104	110	96	101	137	73	54	27	40	30	128	78	88	33	Ept.	3	3	„	3	81.4	81.3	64.4	54.1	91.8	53.3	50.0	75.0
- 8		86	177	151	130	117	96	101	100	139	74	55	26	40	35	—	85	84	37	„	3	1	„	3	87.0	79.2	66.9	57.0	104.2	33.2	47.3	87.5
- 10		86	178	165	132	123	99	102	98	145	72	56	27	43	39	137	85	83	33	„	2	2	„	3	92.7	77.0	61.8	54.5	99.0	49.7	48.2	90.7
- 17		86	175	153	121	116	96	100	—	—	—	—	—	40	33	—	86	—	—	„	3	2	—	—	90.3	72.6	63.3	—	—	—	—	82.5
- 18		86	188	154	137	119	105	101	—	141	—	—	—	38	35	—	82	—	—	„	3	3	—	—	81.9	80.0	65.6	—	—	—	—	92.1
- 19		86	187	161	133	121	105	110	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sr.	4	—	—	—	86.1	76.4	68.3	—	—	—	—	—
-114		93	180	160	126	115	97	97	89	133	70	49	23	38	32	137	84	90	—	Ept.	4	3	F. p.	3	88.9	74.1	60.6	55.6	91.8	50.7	46.9	84.2
-115		93	170	158	135	119	95	105	89	147	71	55	26	38	31	131	89	89	—	Sn.	3	2	Ant.	—	92.9	82.3	66.5	52.6	93.7	48.3	47.3	81.6
-116		93	179	155	138?	123	99	102	92	144	70	51	25	38	32	134	90	92	30	„	4	2	F. p.	3	86.6	82.5	65.8	50.8	92.9	48.6	49.0	84.2
-117		93	170	157	142	120	100	104	100	147	69	52	27	38	29	128	92	32	—	„	4	2	Ant.	2	92.4	86.9	66.2	48.6	100.0	46.9	51.9	76.3
-119		93	166	147	126	116	93	104	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sr.	2	—	—	—	83.6	80.5	70.8	—	—	—	—	—
-121		93	167	153	—	124	102	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sn.	2	—	—	—	91.6	—	—	—	—	—	—	—
-160		94	175	151	138	118	101	92	94	137	70	52	23	38	31	131	85	87	32	„	3	2	Ant.	4	86.3	83.1	60.9	50.8	93.1	51.1	44.2	81.6
-185		97	174	160	139	120	103	100	—	146	77?	55	26	39	35	129	83	38?	33?	„	3	3	„	4	92.0	83.2	62.5	55.5	—	52.7	47.3	89.7
5655-312	Подвал		179	144	135	114	102	98	97	135	66	52	24	42	32	—	80	84	37	„	3	3	„	—	80.4	83.6	68.1	48.9	95.1	48.9	46.2	76.2
3725-327	Усыпальницы	30	167	143	132	—	97	94	94	137	68	50	25	39	30	130	—	—	38	„	3	2	„	4	85.6	85.2	65.7	51.5	96.9	49.6	50.0	76.9
-331		30	170	146	124	113	92	92	89	132	66?	52	24	35	31	132	88	90	32	Ept.	2	2	„	2	85.9	78.5	63.0	53.2	96.7	50.0	46.2	88.5
-334		30	—	—	—	—	—	98	—	—	82	58	29	44	36	121	—	—	40	—	3	2	„	4	—	—	—	—	—	—	50.0	81.8
-481		35	181	158	138	123	111	105	102	142?	72	54	23	40	35	122	87	94	—	Ept.	4	3	„	2	85.9	80.7	66.5	52.2	91.9	50.7	42.6	87.5

Эски-Кермен. Индивидуальные измерения мужских черепов из усыпальниц 31 и 36 (Инв. № 3725).

Инв. №	№ могилы	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр базион-брегма	20. Высотный диаметр порион-брегма	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	40. Длина основания лица	45. Скуловой диаметр	48. Высота лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	51a. Ширина орбиты	52. Высота орбиты	Горизонтальный угол лица	32. Угол наклона лба	72. Вертикальный угол лица	75(1). Угол носовых костей	Norma verticalis (Frassetto)	Надбровье (1—6 Мартин)	Fossa canina (0—4)	Нижний край грушевидного отверстия	Носовой шип (1—5 Брока)	Указатели							
																								8:1. Черепной	$17:\frac{1+8}{2}$. Высотный	9:8. Лобно-поперечный	48:17. Вертикальный черепно-лицевой	40:5. Выступание лица	48:45. Лицевой	54:55. Носовой	52:51a. Орбитный
43	31	173	140	—	—	100	95	93	—	68	49	21	38	33	118	—	—	—	Ov.	3	2	Ant.	4	80.9	—	67.9	—	93.0	—	42.9	86.8
46	31	191	140	131	112	107	93	104	129	70	54	27	37	30	123	80	87	26	Pt.	4	2	F. p.	4	73.3	79.1	66.4	53.5	97.2	54.3	50.0	81.1
47	31	171	155	138	123	99	97	97	140	74	55	24	41	35	128	81	89	33	Sr.	4	2	Ant.	4	90.6	84.6	62.6	53.6	98.0	52.9	43.6	85.4
52	31	166	150	125	111	100	95	100	139	67	50	24	41	33	125	77	86	36	Sn.	4	1	„	3	90.4	79.0	63.3	53.6	100.0	48.2	48.0	80.5
53	31	180	149	126	116	101	99	102	139	83	57	26	42	36	130	77	87	32	Sr.	3	1	F. p.	3	82.8	76.6	66.4	65.9	101.0	59.7	45.6	85.7
55	31	169	153	137	119	98	98	96	141	73	54	25	39	32	131	85	84	42	„	3	2	Ant.	3	90.5	85.1	64.1	53.2	98.0	51.8	46.3	82.0
57	31	178	151	144	122	104	110	99	144	80	56	26	44	35	124	85	87	35	Sn.	4	2	F. p.	2	84.8	87.5	73.0	55.6	95.2	55.6	46.4	79.5
59	31	171	151	134	119	97	100	91	138	68	52	25	39	31	129	88	91	31?	Sr.	3	2	Ant.	2	88.3	83.2	66.2	50.8	93.8	49.3	48.1	79.4
61	31	168	149	136	123	96	99	90	138	67	50	26	38	29	135	92	88	28	Sn.	2	2	F. p.	2	88.7	85.8	66.4	49.3	93.8	48.6	52.0	76.3
64	31	172	148	126	116	96	95	91	140?	59	45	25	37	31	—	90	90	—	„	3	3	Ant.	3	86.1	78.8	64.2	46.9	94.8	42.1	55.6	83.3
69	31	173	146	135	117	96	85	—	132	—	54	26	39	34	125	81	—	—	Sr.	3	3	F. p.	2	84.4	84.7	58.[illegible]	—	—	—	48.2	87.2
70	31	165	146	131	119	93	95	92	133	65	49	24	38	33	132	78	86	33	Sn.	2	3	Ant.	3	88.5	84.2	65.1	49.6	98.9	48.9	49.0	86.8
71	31	166	154	135	120	95	96	87	136	69	50	22	33	31	135	91	88	23	„	3	2	„	4	92.8	87.1	62.3	51.1	91.6	50.7	44.0	81.6
74	31	180	148	134	123	96	97	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ell.	3	—	—	—	82.2	81.7	65.5	-	—	—	—	—
80	31	171	145	—	116	—	99	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ept.	2	—	—	—	84.8	—	68.3	—	—	—	—	—
82	31	175	162	134	126	91	—	84	138	68	50	23	43	38	136	89	91	31	Sn.	3	3	Ant.	2	92.6	79.5	—	50.8	92.3	49.3	46.0	88.4
85	31	175	145	126	107	93	104	92	138	69	53	23	40	34	122	84	88	32	Sr.	3	3	„	2	82.9	78.7	71.7	54.8	93.9	50.0	43.4	85.0
87	31	176	136	—	110	—	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ov.	3	—	—	—	77.3	—	66.2	—	—	—	—	—
88	31	165	143	—	112	—	—	—	127	70	47	21	38	33	130	85	87	—	Sn.	3	2	F. p.	2	86.7	—	—	—	—	55.1	44.7	86.8
90	31	168	143	134	117	98	—	—	—	—	54	23	—	—	—	83	—	—	Ov.	2	—	Ant.	3	85.1	86.1	—	—	—	—	42.6	—
91	31	180	—	—	—	104	—	99	—	69	52	26	39	32	—	—	—	31	—	3	2	F. p.	2	—	—	—	—	95.2	—	50.0	82.0
92	31	181	—	—	—	—	96	—	—	68	51	26	40	32	131	—	—	—	—	4	3	Ant.	3	—	—	—	—	—	—	51.0	80.0
93	31	169	—	—	—	—	90	—	—	68	—	—	—	—	—	—	—	—	Ov.	2	3	F. p.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
96	31	165?	146	—	110	—	89	—	136	65	49	22	38	34	135	80	85	24	Sn.	3	3	Ant.	3	88.5	—	61.0	—	—	47.8	45.0	89.5
97	31	178	143	123	107	97	98	100	133	67	50	21	37	34	119	78	80	30?	Ell.	3	3	„	3	80.3	76.6	68.5	54.5	103.1	50.4	42.0	91.8
99	31	131	141	—	—	—	98	—	—	—	50	25	39	29	—	—	—	—	„	3	3	„	—	77.9	—	69.5	—	—	—	50.0	74.3
101	31	179	140?	138	110	110	93	—	125	—	51	26	38	32	—	82	—	—	Pt.	2	3	„	3	73.2	86.5	70.0	—	—	—	51.0	84.2
102	31	179	147	130	113	97	—	93	140	69	52	23	40	34	129	85	87	33	Ov.	3	3	„	3	82.1	79.7	—	53.1	95.9	49.3	44.2	85.0
106	31	176	154?	124	116	91	106	94	138	71	50	24	40	33	129	90	87	31	Sn.	4	2	„	3	87.5	75.2	68.8	57.3	103.2	51.4	48.0	82.5
103	31	175	155?	126	118	95	104	91	145	75	54	23	40	36	—	86	89	34	„	3	3	„	3	88.6	76.4	67.1	59.5	95.8	51.7	32.6	90.0
95	36	171	—	127	113	96	97	96	—	75	52	22	40	38	127	—	—	—	—	3	3	„	—	—	—	—	59.1	100.0	—	42.3	95.0
530	36	172	148	130	111	97	99	102	140	68	47	23	40	32	128	84	79	35	Ept.	4	3	„	5	86.1	81.2	66.9	52.4	105.2	48.6	48.9	80.0
532	36	176	146	132	115	103	107	103	140	67	46	25	40	30	125	86	83	—	Ov.	4	2	F. p.	3	83.0	82.0	73.3	50.8	100.0	47.9	54.4	75.0
536	36	170	145	130	112	100	98	96	134	68	49	24	37	31	129	84	89	27	Sr.	3	3	Ant.	—	85.3	82.5	67.6	52.4	96.0	50.8	49.0	83.8
538	36	172	153	135	121	104	96	105	142	67	51	28	39	32	125	84	80	—	Sn.	4	3	F. p.	3	89.0	83.0	62.8	49.7	101.0	47.2	54.9	82.0
539	36	183	143	131	117	97	96	92	138?	67	51	26	39	30	124	—	—	32	Pt.	4	3	Ant.	—	78.1	80.3	67.1	51.2	94.9	48.6	51.0	76.9
540	36	175	148	139	119	105	—	—	—	—	—	—	40	32	—	83	—	—	Sn.	5	2	F. p.	—	84.6	86.1	—	—	—	—	—	80.0
542	36	179	143	140	117	99	96	98	138	73	43	22	39	30	—	88	78	40	Ell.	3	3	Ant.	—	79.9	86.9	67.1	52.1	99.0	52.9	45.8	76.9
548	36	—	158	—	—	—	93	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sr.	4	—	—	—	—	—	58.9	—	—	—	—	—
549	36	171	151	—	121	—	97	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	„	3	—	—	—	88.3	—	64.2	—	—	—	—	—

Эски-Кермен. Индивидуальные измерения мужских черепов из усыпальниц 68, 71, 72, 105, 175, 176, 177

																								Указатели							
Инв. №	№ могилы	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр базион-брегма	20. Высотный диаметр порион-брегма	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	40. Длина основания лица	45. Скуловой диаметр	48. Высота лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	51а. Ширина орбиты	52. Высота орбиты	Горизонтальный угол лица	32. Угол наклона лба	72. Вертикальный угол лица	75(1). Угол носовых костей	Norma verticalis (Frassetto)	Надбровье (1—6 Мартин)	Fossa canina (0—4)	Нижний край грушевидного отверстия	Носовой шип (1—5 Брока)	8:1. Черепной	$17:\frac{1+8}{2}$. Высотный	9:8. Лобно-поперечный	48:17. Вертикальный черепно-лицевой	40:5. Выступание лица	48:45 Лицевой	54:55. Носовой	52:51а. Орбитный
4032-38	68	177	133	133	115	96	99	92	129	60	45	24	41	30	123	87	85	29	Ov.	4	3	Ant.	3	78.0	84.5	71.7	45.2	95.8	46.5	53.3	73.2
-39	68	186	145	136	113	106	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	"	5	—	—	—	78.0	82.2	65.5	—	—	—	—	—
-43	71	164	144	125	110	91	98	92	131	73	55	22	36	34	128	77	84	34	Ept.	2	2	F. p.	2	87.8	80.6	63.1	53.4	100.0	55.7	40.0	94.4
-45	71	178	150	141	120	100	101	95	140	71	52	27	39	31	133	85	86	36	Sn.	4	2	Ant.	3	84.3	86.0	67.3	50.4	95.0	50.7	51.9	79.4
-48	71	170	133	127	106	104	83	98	131	65	50	25	37	31	127	77	85	24	Ell.	3	4	"	3	78.2	83.8	66.2	51.2	94.2	49.5	50.0	83.8
-52	71	167	147	131	113	96	92	89	132	67	49	22	37	29	—	83	89	33	Sn.	3	2	"	4	88.0	83.5	62.6	51.2	92.7	50.8	44.9	78.4
-55	71	—	—	—	—	—	93	—	—	—	59	30	40	35	134	—	—	—	—	2	3	"	2	—	—	—	—	—	—	50.9	87.5
-78	72	174	143	—	116	—	96	—	135?	—	47	25	42	32	118	83	—	35?	Sn.	4	2	"	4	82.2	—	67.1	—	—	—	53.2	76.2
-80	72	—	—	—	—	—	96	—	—	72	54	25	42	33	—	—	—	29	—	3	3	"	—	—	—	—	—	—	—	46.3	78.6
5191-21	105	179	152	133	113	104	100	95	140	67	50	23	38	35	131	—	84	40	Sr.	4	3	"	5	84.9	80.4	65.8	50.4	91.4	47.9	46.0	92.1
-25	105	167	—	133	111	92	93	86	132	68	50	24	37	34	136	—	—	25	Sn.	3	3	"	3	—	—	—	51.2	93.5	51.5	48.0	91.9
-26	105	170	143	135	115	96	93	—	—	69	—	—	41	36	—	69	—	—	"	5	1	—	—	84.1	86.3	65.0	51.1	—	—	—	87.8
-27	105	167	146	126	—	98	101	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ept.	3	—	—	—	87.4	80.5	69.2	—	—	—	—	—
- 1	105	167	145	130	109	99	84	97	135	67	53	25	37	32	123	85	82	42	"	3	2	F. p.	—	86.8	83.3	57.9	51.6	98.0	49.6	47.2	86.5
- 3	105	174	136	136	115	101	95	95	139	65	49	25	41	34	116	84	86	30	Ell.	3	3	Ant.	5	78.2	87.7	69.9	47.8	94.1	46.8	51.0	82.9
- 5	105	180	140	130	116	103	95	96	131	66	53	25	38	32	127	35	90	35	"	3	2	"	2	77.8	81.2	67.9	50.8	93.2	50.4	47.2	84.2
- 6	105	171	142	120	110	89	91	88	124	61	44	25	38	31	130	84	85	30	Sn.	2	3	"	3	83.0	76.7	64.1	50.9	93.9	49.2	56.3	81.6
- 7	105	171	149	137	119	95	95	87	137	67	50	25	40	33	127	87	89	39	"	3	3	"	4	87.1	85.5	63.8	48.9	91.6	48.9	50.0	82.5
-10	105	177	155	130	—	103	97	104	140?	67	50	28	39	33	129	78	82	30	"	4	3	F. p.	3	88.1	78.0	62.2	51.5	101.0	47.9	56.0	84.6
-11	105	176	150	133	111	99	98	97	135	67	50	24	38	31	124	81	85	—	Ept.	4	3	Ant.	—	85.2	81.5	65.3	50.4	98.0	49.6	48.0	89.5
-20	105	175	—	141	—	101	97	—	—	—	50	23	40	30	—	—	—	—	—	4	2	"	4	—	—	—	—	—	—	46.0	75.0
-23	105	193?	148?	129	—	—	—	—	132?	74	50	24	40	33?	—	—	—	—	Ov.	3	3	"	3	76.7	75.6	—	57.4	—	56.1	48.0	82.5
-28	105	175	141	134	115	101	97	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Pt.	2	—	—	—	80.6	84.8	68.8	—	—	—	—	—
5655-10	175	184	149	134	115	100	93	97	137	68	55	24	39	33	129	—	85	—	Ept.	3	3	Ant.	2	81.0	80.5	62.4	50.8	97.0	49.6	43.6	84.6
-13	175	176	129	136	110	99	96	89	125	66	52	24	40	33	121	81	84	26	Ov.	3	3	"	3	73.3	89.2	74.4	48.5	89.9	52.8	46.2	82.5
-14	175	165	142	133	116	97	93	94	129	64	48	23	37	30	127	84	85	27	Sn.	3	3	"	3	86.1	86.6	65.5	48.2	96.9	49.6	47.9	81.1
-15	175	177?	148?	135	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ept.	—	—	—	—	83.6	83.0	—	—	—	—	—	—
-19	175	169	151	134	117	100	93	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sr.	3	—	—	—	89.4	83.7	61.6	—	—	—	—	—
-20	175	165	152	—	111	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ept.	4	—	—	—	92.1	—	—	—	—	—	—	—
-21	175	179	141	—	—	—	98	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	"	4	—	—	—	78.8	—	69.5	—	—	—	—	—
-32	176	179	147	—	112	—	101	—	138	75	54	26	39	32	127	81	88	36	Sr.	3	2	Ant.	3	82.1	—	68.7	—	—	54.4	48.2	82.0
-35	176	177	151	131	116	99	95	—	141	—	—	—	41	33	—	—	—	—	"	5	—	—	—	85.3	79.8	62.9	—	—	—	—	80.5
-67	177	173	144	133	110	98	86	92	137	71	54	23	40	33	121	84	87	31	"	3	4	Ant.	5	83.2	83.9	59.7	53.5	93.9	51.8	42.6	82.5
-68	177	177	151	133	115	102	98	—	140	—	51	29	40	33	—	83	—	—	Sn.	3	2	F. p.	—	85.3	81.1	64.9	—	—	—	56.9	82.5
-69	177	175	153	133	121	103	96	97	140	70	50	21	38	33	136	86	89	35	Sr.	3	4	Ant.	5	87.4	84.1	62.8	50.8	94.2	50.0	42.0	86.8
-70	177	182	153	120	111	95	97	98	137	71	52	26	39	35	130	87	88	28	Sn.	2	2	F. p.	—	84.1	71.7	63.4	59.1	103.2	51.8	50.0	89.7
-72	177	182	151	128	110	102	100	88	139	71	52	25	39	32	129	77	92	42?	"	2	3	"	3	83.0	76.9	66.2	55.5	86.3	51.1	48.1	82.0

Эски-Кермен. Индивидуальные измерения мужских черепов из усыпальниц 178—181 и нешифрованных из раскопок 1928—1929 гг.

Инв. №	№ могилы	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр базион-брегма	20. Высотный диаметр порион-брегма	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	40. Длина основания лица	45. Скуловой диаметр	48. Высота лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	51a. Ширина орбиты	52. Высота орбиты	Горизонтальный угол лица	32. Угол наклона лба	72. Вертикальный угол лица	75(1). Угол носовых костей	Norma verticalis (Frassetto)	Надбровье (1—6 Мартин)	Fossa canina (0—4)	Нижний край грушевидного отверстия	Носовой шип (1—5 Брока)	Указатели: 8:1. Черепной	17: $\frac{1+8}{2}$. Высотный	9:8. Лобно-поперечный	48:17. Вертикальный черепно-лицевой	40:5. Выступания лица	48:45. Лицевой	54:55. Носовой	52:51a. Орбитный
5655-119	178	178	142	136	119	100	95	95	130	66	46	23	36	27	124	90	89	30	Ov.	4	3	Ant.	2	79.8	88.7	66.9	43.5	95.0	50.8	50.0	75.0
-120	178	171	144	139	118	97	93	—	138	—	45	25	38	27	—	85	—	—	Ept.	5	2	F. p.	—	84.2	88.3	64.6	—	—	—	55.6	71.0
-145	179	176	141	—	119	—	95	—	—	64	51	26	38	31	125	—	—	28	Sn.	4	3	Ant.	2	80.1	—	67.4	—	—	—	51.0	81.0
-149	179	174	146	128	109	94	91	85	131	73	57	27	40	37	132	77	89	—	„	4	3	„	—	83.9	80.0	62.3	57.0	90.4	55.7	47.4	92.5
-152	179	175	152	135	—	103	93	104	132	72	52	23	37	30	120	—	—	31	„	3	3	„	5	86.9	82.5	61.2	53.4	101.0	54.6	44.2	81.1
-155	179	171	—	126	114	103	104	100	142	70	52	27	37	31	130	80	86	—	Sr.	3	3	F. p.	—	—	—	—	55.6	97.1	49.3	51.9	83.8
-159	179	174	140	138	116	96	87	—	131	—	49	24	38	31	126	80	—	—	„	4	2	Ant.	—	80.4	87.9	62.1	—	—	—	49.0	81.0
-160	179	175	152	137	121	98	106	92	142	68	50	24	39	37	126	87	86	—	„	5	3	„	4	86.9	83.8	69.7	49.7	93.9	47.9	48.0	94.8
-162	179	—	—	—	—	—	97	—	—	69	48	23	38	32	131	—	—	—	—	3	3	F. p.	—	—	—	—	—	—	—	47.9	84.2
-165	179	171	142	134	114	102	93	—	—	—	—	—	40	34	—	82	—	—	Sn.	3	—	—	—	83.0	85.6	65.4	—	—	—	—	85.0
-166	179	173	154	140	118	99	94	—	142?	—	—	—	35	30	—	85	—	—	Sr.	3	—	—	—	89.0	85.6	61.0	—	—	—	—	85.7
-167	179	180	148	135	117	105	97	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ept.	3	—	—	—	82.2	82.3	65.5	—	—	—	—	—
-169	179	177	144	133	115	104	99	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	„	4	—	—	—	81.4	82.9	68.8	—	—	—	—	—
-317	180	185	143	136	117	101	94	94	135	64	51	24	38	30	128	86	87	38	Ov.	3	3	Ant.	4	77.3	82.9	65.7	47.1	93.1	47.4	47.1	79.0
-318	180	171	—	134	—	101	93	100	—	68	47	23	38	31	—	—	—	—	Sn.	3	3	„	3	—	—	—	50.8	99.0	—	48.9	81.6
-319	180	176	153	126	115	99	99	103	138	73	50	23	39	31	138	84	84	—	Sr.	4	3	„	3	86.9	76.6	64.7	58.0	104.0	52.9	46.0	79.4
-320	180	169	139	127	113	92	91	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sn.	3	—	—	—	82.3	82.5	65.5	—	—	—	—	—
-323	131	171	155	130	119	100	102	99	143	67	50	27	40	32	137	86	88	—	Ept.	4	2	Ant.	4	90.6	79.7	65.3	51.5	99.0	46.9	54.0	80.0
-325	181	174	148	—	115	—	103	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sn.	3	—	—	—	85.1	—	69.6	—	—	—	—	—
-328	181	176	154	139	115	97	94	93	139	69	51	24	36	32	—	87	85	35	Ept.	4	3	Ant.	3	79.0	81.2	61.0	49.7	95.9	49.6	47.1	83.9
-329	181	—	158	138	119	101	97	95	145	75	53	24	38	33	136	83	89	29	—	5	3	F. p.	4	—	—	61.4	54.4	94.1	51.7	45.3	86.8
-330	181	177?	150	134	119	95	88	89	135	63	45	23	36	30	128	83	88	45	Sn.	4	3	Ant.	5	84.8	82.0	58.7	47.0	93.7	46.7	51.1	83.3
-332	181	180	151	133?	—	—	96	—	140	—	—	—	41	32	—	—	—	—	Ept.	3	2	—	—	83.9	80.3	63.6	—	—	—	—	78.1
-333	181	180	—	135		98	94	95	—	73	53	26	39	32	—	—	—	—	„	2	3	Ant.	2	—	—	—	54.1	96.4	—	49.1	82.0
3725-572	—	166	143	122	110	94	94	90	129	72	54	20	40	35	130	76	85	38	„	3	2	„	3	86.1	79.0	65.7	59.0	95.7	55.8	37.0	87.5
-574	—	180	137	129	113	96	93	—	123	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Pt.	3	—	—	—	76.1	81.4	67.9	—	—	—	—	—
-575	—	169	152	—	—	—	—	—	—	69	—	—	39	36	—	—	—	—	Sn.	3	—	—	—	89.9	—	—	—	—	—	—	92.3
-576	—	187	137	133	115	108	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ell.	3	—	—	—	73.3	82.0	—	—	—	—	—	—
-577	—	187?	154	135	122	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ept.	3	—	—	—	82.4	79.2	—	—	—	—	—	—
-578	—	180	141	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Pt.	3	—	—	—	78.4	—	—	—	—	—	—	—
-651	—	187	163	136	125	105	100	110	143	66	49	28	42	33	132	80	82	37	Sn.	5	2	Ant.	2	87.2	77.7	61.4	48.6	104.8	46.2	57.1	78.6
-652	—	176	156	131	119	95	100	90	140?	73?	55	24	39	33	131	80	86	32	„	4	2	Ant.	—	88.6	78.9	64.1	55.7	94.7	52.1	43.6	84.6
-653	—	190	143	129	113	104	92	99	134	69	50	24	39	31	136	80	87	—	Ov.	3	3	„	—	75.3	77.5	64.3	53.5	95.2	51.5	48.0	79.4
-654	—	167	159	140	121	96	101	92	142	73	53	28	38	33	125	90	86	38	Sn.	3	2	„	5	95.2	85.8	63.5	52.1	95.8	51.4	52.8	86.8
-662	—	179	151	—	—	—	101	99	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ept.	3	—	—	—	84.4	—	66.9	—	—	—	—	—
4032-180	—	179	143	134	119	103	104	98	138	73	52	25	41	35	139	90	86	—	„	3	2	Ant.	—	79.9	83.2	72.7	54.5	95.2	52.9	48.1	85.4
-183	—	179	140?	—	—	—	100	—	131?	68	50	24	38	34	128	—	—	31	Ov.	3	4	„	3	78.2	—	71.4	—	—	51.9	48.0	89.5
-184	—	174	148	—	—	99	—	—	145	67	49	25	39	31	129	—	85	—	Sn.	4	1	„	2	85.1	—	—	—	—	46.2	51.0	79.5
-180	—	176	147	134	110	96	96	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ept.	3	—	—	—	83.5	83.0	—	—	—	—	—	—

Разные города горного Крыма. Индивидуальные измерения мужских черепов

Инв. №	Город	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр базион-брегма	20. Высотный диаметр порион-брегма	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	40. Длина основания лица	45. Скуловой диаметр	48. Высота лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	51a. Ширина орбиты	52. Высота орбиты	Горизонтальный угол лица	32. Угол наклона лба	72. Вертикальный угол лица	75(1). Угол носовых костей	Norma verticalis (Frassetto)	Надбровье (1—6 Мартин)	Fossa canina (0—4)	Нижний край грушевидного отверстия	Носовой шип (1—5 Брока)	Указатели: 8 : 1. Черепной	17 : $\frac{1+8}{2}$. Высотный	9 : 8. Лобно-поперечный	43 : 17. Вертикальный черепно-лицевой	40 : 5. Выступания лица	48 : 45. Лицевой	54 : 55. Носовой	52 : 51a. Орбитный
5195- 1	Кыз-куле	202	144	152	126	114	96	106	144	78	55	26	43	37	127	71	87	40	Ell.	5	2	Ant.	3	72.2	87.8	66.7	51.4	92.9	54.2	47.2	86.0
- 4	"	182	146	149	125	101	102	100	142	72	47	25	41	29	127	85	84	—	Sr.	4	2	F. p.	—	80.1	90.8	69.8	48.4	96.2	50.7	53.2	70.6
- 6	"	168	152	130	113	97	103	100	143	71	53	26	38	32	132	90	84	—	"	4	4	"	2	90.4	81.3	67.8	54.6	103.0	49.7	49.0	84.1
- 8	"	176	140	124	102	94	86	—	137?	—	52	25	39	35	130	71	—	—	Ov.	6	3	Ant.	4	79.5	78.5	61.5	—	—	—	48.0	89.7
- 7	"	175	151	139	117	107	98	103	143?	67	48	24	38	30	134	86	87	—	Ept.	4	2	F. p.	—	86.2	85.3	65.0	48.2	96.2	46.9	50.0	78.9
-53	Шулдане	185	152	138	119	110	99	107	136	72	53	24	40	32	127	85	86	26	"	3	2	"	4	82.1	81.8	65.1	52.2	97.2	53.0	45.2	80.0
-54	"	176	150	129	120	93	99	—	135	—	50	26	40	34	129	88	—	—	"	4	4	Ant.	—	85.2	79.1	66.0	—	—	—	52.0	85.0
-55	"	177	145	—	114	—	98	—	135?	65	48	25	38	32	134	80	85	32	Ov.	3	2	"	2	81.8	—	67.6	—	—	48.1	52.0	34.1
5273- 1	Челтер	168	157	133	113	95	101	89	136?	71	52	24	39	34	—	81	86	27	Sn.	3	4	"	3	94.5	81.8	64.3	53.4	93.7	52.2	46.1	37.1
- 2	"	—	—	—	—	—	111	—	—	76	52	26	41	33	139	—	—	—	—	4	2	F. p.	2	—	—	—	—	—	—	50.0	80.5
- 3	"	171	147	131	—	93	99	95	—	73	52	26	37	29	127	—	—	33	Sr.	2	3	Ant.	3	85.9	82.4	67.4	55.7	102.1	—	50.0	78.4
-42	"	169	160	123	121	96	106	96	149	80	58	23	42	35	129	79	88	27	"	3	3	"	3	94.5	77.8	66.2	62.5	100.0	53.7	39.6	83.3
-43	"	177	—	—	—		100	—	—	70	51	26	37	34	—	—	—	—	—	4	3	"	—	—	—	—	—	—	—	51.0	91.8
8666	Мангуп-кале	183	163	140	122	110	103	95	148	77	57	29	42	35	133	79	94	44?	Sn.	5	3	"	3	89.1	80.9	63.2	55.0	86.4	52.0	50.9	85.7
8667	"	180	151	129	113	93	98	88	142	73	53	26	42	36	133.5	78	87	37	Sr.	3	2	F. p.	3	83.9	77.9	64.9	56.6	94.6	51.4	49.1	85.7
8668	"	177	150	133	111	101	104	92	—	68	52	26	40	33	—	80	87	40	Sn.	3	2	—	—	84.8	81.4	69.3	51.1	91.1	—	50.0	82.5
8669	"	181	139	—	111	—	97	—	—	—	46	24	39	32	—	—	—	—	Ov.	3	3	—	—	76.8	—	69.8	—	—	—	52.2	82.1
8672	"	180	152	141	120	106	105	98	146	74	52	26	41	33	132.5	85	89	27	Sr.	3	3	F. p.	—	84.4	84.9	69.1	52.5	92.45	50.7	50.0	80.5
8674	"	180	154	135	114	101	97	93	149	72	50	26	40	33	141.5	81	87	—	Sn.	4	1	Ant.	—	85.6	80.8	63.0	53.4	92.1	48.3	52.0	82.5
8676	"	180	140	132	115	102	101	93	138?	77	55	25	40	37	—	79	86	39	Ell.	2	3	F. p.	—	77.8	82.5	72.1	58.4	91.2	55.8	45.45	92.5
8677	"	179	150	138	116	107	97	101	141	72	53	30	41	34	128	80	87	—	Sr.	2	2	"	—	83.8	84.0	64.7	52.2	94.4	51.1	56.6	82.9
8679	"	179	155	137	123	100	97	97	—	77	54	23	40	33	—	85	85	—	Ept.	3	3	"	—	86.6	82.0	62.6	56.2	97.0	—	42.6	82.5
8685	"	172	149	130	115	100	108	98	142	68	53	23	40	33	131	84	90	34	Sn.	2	2	Ant.	4	86.6	81.0	72.5	52.4	98.0	47.9	43.4	82.5
8686	"	185	143	131	113	96	96	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ov.	2	—	—	—	77.3	79.8	67.1	—	—	—	—	—
8688	"	180	138	143	113	108	95	—	—	—	—	—	39	35	—	80	—	—	Ell.	5	—	—	—	76.7	90.0	68.8	—	—	—	—	89.7
8689	"	172	141	127	109	97	100	97	139	69	53	24	43	32	132	82	85	—	Sn.	3	2	Ant.	3	82.0	81.1	70.9	54.4	100.0	49.6	45.3	74.4
8690	"	175	146	132	120	96	98	91	133?	75	52	23	39	34	131	86	89	32	"	4	2	"	—	83.4	82.3	67.1	53.9	94.8	56.4	44.2	87.2
8691	"	187	144	135	112	110	95	101	144	76	55	24	37	34	132	79	90	26	Ov.	5	2	"	—	77.0	81.5	66.0	56.4	91.8	52.8	43.6	91.9
8706	"	178	144	134	108	103	99	97	139	75	50	24	43	33	124	81	86	38	"	3	3	F. p.	—	80.9	83.5	68.3	56.0	94.2	54.0	48.0	76.7
8703	"	179	150	131	114	105	100	95	137	70	52	26	40	36	129	77	91	35	Sn.	3	2	"	4	83.8	79.6	66.7	53.5	90.5	51.1	50.0	90.0
8710	"	178	149	137	122	97	101	90?	132	70	51	23	40	32	137	88	90	36	Sr.	3	3	Ant.	—	83.7	83.8	67.8	51.1	92.8	53.0	45.1	80.0
8711	"	168	151	135	113	99	99	92	—	68	49	23	39	34	130	84	87	31	"	3	1	"	4	89.9	84.6	65.6	50.4	92.9	—	46.9	87.2
8712	"	177	147	130	115	94	95	94	134	77	54	25	40	37	126	80	81	26	Sn.	3	3	F. p.	3	83.1	80.2	64.6	59.2	100.0	57.5	46.3	92.5
8714	"	178	153	139	121	100	93	97	145	73	51	27	41	32	—	83	88	27	"	3	4	—	—	86.0	84.0	64.1	52.5	97.0	50.3	52.9	78.1
8718	"	184	141	132	111	103	99	99	131	70	47	26	38	33	130	85	88	33	Ov.	4	3	F. p.	3	76.6	81.2	70.2	53.1	96.1	53.4	55.3	86.8
8726	"	178	155	136	119	91	97	84	134	72	49	24	41	33	—	86	90	22	Sn.	2	2	Ant.	—	87.1	81.7	62.6	53.0	92.3	53.7	49.0	80.5
8728	"	175	152	138	123	96	99	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	"	3	—	—	—	86.9	84.4	65.1	—	—	—	—	—
8732	"	184	140	137	114	—	—	—	—	65	—	27	—	—	—	—	—	—	Ell.	2	—	F. p.	—	76.1	84.5	—	47.5	—	—	—	—
8735	"	178	142	127	123	98	99	97	136	72	52	23	39	33	131	80	84	24	Ov.	3	2	Ant.	—	79.8	79.4	69.7	56.7	99.0	52.9	44.2	84.6
8737	"	178	150	128	113	100	100	100	136	71	56	26	38	34	123	81	86	35	Ept.	3	2	"	4	84.3	78.0	66.7	55.5	100.0	52.2	46.4	89.5

Эски-Кермен. Индивидуальные измерения женских черепов из могил разных типов

Инв. №		№ могилы	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр базион-брегма	20. Высотный диаметр порион-брегма	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	40. Длина основания лица	45. Скуловой диаметр	48. Высота лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	51а. Ширина орбиты	52. Высота орбиты	Горизонтальный угол лица	32. Угол наклона лба	72. Вертикальный угол лица	75(1). Угол носовых костей	Norma verticalis (Frassetto)	Надбровье (1—6 Мартин)	Fossa canina (0—4)	Нижний край грушевидного отверстия	Носовой шип (1—5 Брока)	Указатели: 8:1. Черепной	$17:\frac{1+8}{2}$. Высотный	9:8. Лобно-поперечный	48:17. Вертикальный черепно-лицевой	40:5. Выступания лица	48:45. Лицевой	54:55. Носовой	52:51а. Орбитный
5274- 2		Катакомба	174	133	—	—	—	93	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ell.	2	—	—	—	76.4	—	69.9	—	—	—	—	—
5194-333		Подб. м. № 108	176	142	132?	112	—	97	—	122	66	46	25	36	31	134	87	84	—	Pt.	2	3	Ant.	—	80.7	83.0	68.3	50.0	—	54.1	54.4	86.1
3725-432		Гробница 34	173	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
- 7	Грунтовые могилы	—	174	149	140	121	—	106	101?	130?	69?	52	25	42	32	136	—	—	—	Sr.	1	2	Ant.	—	85.6	86.7	71.1	49.3	—	53.1	48.1	76.2
- 8		—	170	143	126	109	83	90	82	128	60	46	26	37	31	130	87	89	31	Ell.	2	3	„	2	84.1	80.5	62.9	47.6	93.2	46.9	56.5	83.8
- 9		—	164	147	—	111	—	100	—	133	69	53	24	42	35	134	81	87	30	Sr.	3	4	„	4	89.6	—	68.0	—	—	51.9	45.3	83.3
- 14		—	167	153?	—	—	—	100	—	—	71	53	23	—	—	—	—	—	—	„	2	3	„	3	91.6	—	65.4	—	—	—	43.4	—
- 15		—	168	149	127	115	94	91	89	127	66	53	24	39	33	125	85	87	—	Sn.	3	3	„	3	88.7	80.0	61.1	52.0	94.7	52.0	45.3	84.6
4032- 16		49	167	141	119	106	93	92	87	122	65	47	23	39	34	—	—	—	—	„	2	3	„	—	84.4	77.2	65.3	54.7	93.6	53.3	48.9	87.2
4032- 21		63	173	130	127	108	99	92	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ov.	3	—	—	—	75.1	83.9	70.8	—	—	—	—	—
5194-337		106	167	129	124	106	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	„	2	—	—	—	77.3	83.7	—	—	—	—	—	—
4163- 4	Погребения при базилике	85	17?	156	—	—	—	96	—	137	78	59	25	38	34	123	—	—	—	Sn.	2	2	Ant.	3	90.2	—	61.5	—	—	56.9	42.4	89.5
- 3		85	169	153	134	119	94	100	92	135	74	52	22	36	34	130	89	87	—	„	3	2	„	—	90.5	83.2	65.4	53.3	97.9	54.8	42.3	94.4
- 13		86	175	142	—	110	—	98	—	135	70	51	27	41	34	120	79	88	—	„	2	2	„	2	81.1	—	69.0	—	—	51.9	52.9	82.9
- 12		86	171	155	132	111	99	103	96	143?	68	56	27	40	33	123	85	84	33?	Ept.	3	3	„	3	90.6	80.9	64.5	51.5	97.0	47.6	48.2	82.5
- 14		86	165	137	—	—	—	87	—	125	—	51	23	37	33	123	—	—	28	Sn.	2	1	„	4	83.0	—	63.5	—	—	—	45.1	89.2
- 11		86	182	148	125	119	99	104	101	136?	73	54	29	43	36	—	84	83	29?	Ept.	2	3	F. p.	3	81.3	75.7	70.3	58.5	102.0	53.7	53.7	83.7
- 9		86	160	150	130	119	94	87	92	132	75	55	24	39	36	127	84	88	—	„	2	2	Ant.	3	93.8	83.8	58.0	57.8	97.9	56.8	43.6	92.3
- 86		87	162	139	126	111	94	87	92	127	68	49	22	37	39	124	83	85	34	Sn.	2	1	„	2	85.8	83.7	62.6	54.0	97.9	53.5	44.9	89.2
- 85		87	164	144	131	116	97	97	94	130	77	55	22	39	36	126	85	87	26	Sr.	2	2	„	3	87.8	85.0	67.4	58.9	96.9	59.2	40.0	92.3
-120		93	167	149	132	117	94	97	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sn.	3	—	—	—	89.2	83.5	65.1	—	—	—	—	—
-161		94	157	137	125	110	92	86	85	128	67	49	20	37	32	136	82	86	37	Ept.	2	2	Ant.	5	87.3	85.0	62.8	53.6	92.4	52.3	40.8	86.5
5655-313		Подвал	177	148	—	109	—	108	—	140	66	48	26	39	31	137	87	88	25	Sr.	3	4	„	3	83.6	—	73.0	—	—	47.1	54.2	79.5
3725-482	Усыпальницы	35	176	143	134	112	95	99	—	—	—	52	23	39	33	—	84	—	—	Sn.	2	4	—	—	81.3	84.0	69.2	—	—	—	44.2	84.6
-483		35	182	136	129	108	101	90	95	121	63	45	26	36	30	126	86	88	31	Pt.	3	1	Ant.	5	74.7	81.1	66.2	48.9	94.1	52.1	57.8	83.3
-434		35	181	149	140	—	99	100	95	—	72	52	24	40	32	—	—	—	31	Sn.	2	2	„	—	82.3	84.8	67.1	51.5	96.0	—	46.2	80.0
-486		35	167	146	130	115	93	96	94	129	67	47	28	37	31	122	—	84	—	„	2	2	Inf.	2	87.4	83.1	65.8	51.5	101.0	51.9	59.6	83.8
-487		35	—	—	—	—	—	87	—	—	61	45	23	38	30	—	—	—	38	—	2	2	Ant.	3	—	—	—	—	—	—	51.1	79.0
-529		36	169	136	130	110	97	96	93	130	60	44	21	37	33	137	87	85	31	Ov.	3	2	„	2	80.5	85.3	70.6	46.2	95.9	46.2	47.7	89.2
-531		36	162	142	123	108	93	103	89	125	63	47	24	37	28	134	99	85?	—	Sn.	2	1	„	3	87.7	81.0	72.5	51.2	95.7	50.4	51.1	75.7
-534		36	—	—	—	—	—	93	—	—	62	47	22	—	—	—	—	—	24	„	1	—	„	2	—	—	—	—	—	—	46.8	—
-535		36	168	—	128	—	92	94	95	125?	66	46	25	38	31	133	—	—	—	Ept.	2	1	F. p.	—	—	—	—	51.6	103.3	52.8	54.4	81.6
-537		36	151	140	122	111	86	92	82	125	60	45	20	35	31	125	86	87	—	Sn.	2	3	Ant.	2	92.7	83.9	65.7	49.2	95.4	48.0	44.4	83.6
-541		36	168	124?	128	103	103	91	98	123	67	49	21	37	32	131	82	83	23	Ell.	2	2	F. p.	2	73.8	87.7	73.4	52.4	95.2	54.5	42.9	86.5
-543		36	166	137	125	111	89	86	86	117	64	47	22	37	34	125	84	84	33	Sn.	2	2	Ant.	3	82.5	82.5	62.8	51.2	96.6	54.7	46.8	91.9
-544		36	178	140	128	110	98	91	95	126	69	53	25	36	33	134	83	86	32	Ov.	3	3	„	2	78.7	80.5	65.0	53.9	96.9	54.8	47.2	91.7
-545		35	179	139	126	115	102	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Pt.	—	—	—	—	77.7	79.3	—	—	—	—	—	—
-547		36	168	144	118	105	89	82	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sr.	2	—	—	—	85.7	75.6	56.9	—	—	—	—	—
-550		36	178	149	—	—	—	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ept.	3	—	—	—	87.1	—	63.8	—	—	—	—	—
-573		37	182		135	—	109	94	102	—	70	54	22	38	34	120	—	—	36	Pt.	2	1	Ant.	4	—	—	—	51.9	93.6	—	40.7	89.5

Эски-Кермен. Индивидуальные измерения женских черепов из усыпальниц 30 и 31 (Инв. № 3725)

Инв. №	№ могилы	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр базион-брегма	20. Высотный диаметр порион-брегма	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	40. Длина основания лица	45. Скуловой диаметр	48. Высота лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	51a. Ширина орбиты	52. Высота орбиты	Горизонтальный угол лица	32. Угол наклона лба	72. Вертикальный угол лица	75(1). Угол носовых костей	Norma verticalis (Frassetto)	Надбровье (1—6 Мартин)	Fossa canina (0—4)	Нижний край грушевидного отверстия	Носовой шип (1—5 Брока)	Указатели: 8:1. Черепной	17: $\frac{1+8}{2}$. Высотный	9:8. Лобно-поперечный	48:17. Вертикальный черепно-лицевой	40:5. Выступания лица	48:45. Лицевой	54:55. Носовой	52:51a. Орбитный
328	30	169	143	128	106	102	95	93	133	67	51	24	39	34	127	81	82	27	Sn.	2	4	Ant.	2	84.6	82.0	66.4	52.4	96.1	50.4	47.1	87.2
329	30	172	142	131	116	95	96	87	132?	67	49	25	37	35	—	93	87	—	Pt.	3	3	„	4	82.6	83.5	67.6	51.2	91.6	50.8	51.0	94.6
330	30	160	145	120	114	90	95	92	130	62	47	24	37	30	130	92	87	34	Sr.	1	2	Inf.	2	90.6	73.6	65.5	51.7	102.2	47.7	51.1	81.1
332	30	—	141	—	113	—	97	—	129	64	49	23	39	34	—	92	91	—	Sn.	2	3	Ant.	—	—	—	68.8	—	—	49.6	46.9	87.2
333	30	158	—	—	—	—	91	—	—	65	50	—	—	—	134	—	—	—	—	2	2	„	—	—	—	—	—	—	—	—	—
42	31	173	136	132	115	100	100	88	129	61	49	26	38	30	134	82	91	26	Ell.	3	3	„	4	78.6	85.5	73.5	46.3	88.0	47.3	53.1	79.0
44	31	165	136	127	109	97	94	85	129	68	52	23	38	30	130	79	90	37?	Ov.	2	2	„	5	82.4	84.4	69.1	53.5	87.6	52.7	44.2	79.0
45	31	166	138	125	107	91	94	87	126	66	50	26	39	31	133	91	35	25	Sn.	1	1	„	—	83.1	82.2	68.1	52.9	95.6	52.4	52.0	79.5
49	31	169	139	138	115	102	89	100	128	70	51	24	39	28	122	86	88	—	Ept.	2	2	„	3	82.3	89.5	64.0	50.8	98.0	54.7	47.1	71.8
50	31	—	148	126	114	97	97	92	126	69	52	26	38	37	134	86	89	24	—	3	3	F. p.	3	—	—	65.5	54.8	94.9	54.8	50.0	97.4
51	31	173	140	120	103	90	95	88	127	64	49	24	38	34	129	81	83	16	Pt.	2	3	Ant.	2	80.9	76.6	67.9	53.4	97.8	50.4	49.0	89.5
54	31	159	146	129	113	92	93	89	128	64	47	25	38	34	123	84	85	31	Sn.	2	2	„	—	91.8	84.6	63.7	49.6	96.7	50.0	53.2	89.5
56	31	182	141	127	112	96	94	—	129	—	47	22	40	32	130	89	—	—	Pt.	3	4	„	—	77.5	78.6	66.7	—	—	—	46.8	80.0
60	31	179	137	—	102	—	94	—	—	71	51	27	40	30	—	80	80	28	„	3	3	„	3	76.5	—	68.6	—	—	—	52.9	75.0
65	31	167	133	127	109	100	102	86	128	63	48	24	40	32	138	84	90	36	„	3	3	„	—	79.6	84.6	76.7	49.6	86.0	49.2	50.0	80.0
67	31	—	—	—	113	—	98	—	129	62	42	26	37	29	130	90	82	—	—	3	4	„	3	—	—	—	—	—	48.1	61.9	78.4
68	31	169	140	125	109	94	104	87	127	65	47	25	40	34	126	84	86	33	Ept.	3	4	„	3	82.8	80.9	74.3	52.0	92.6	51.2	53.2	85.0
72	31	166	147	137	118	95	93	—	127	65?	—	—	33	29	—	90	—	—	Sn.	3	2	—	—	88.6	87.5	63.3	47.5	—	51.2	—	76.3
73	31	165	138	124	110	90	90	87	121	63	45	23	39	34	128	90	84	29	Ept.	1	2	Ant.	3	83.6	81.9	65.2	50.9	96.7	52.1	51.1	87.2
75	31	168	148	—	111	—	96	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sn.	2	—	—	—	88.1	—	64.9	—	—	—	—	—
77	31	167	135	124	108	92	97	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ov.	2	—	—	—	80.8	82.1	71.9	—	—	—	—	—
78	31	166	140?	128	112	95	94	86	133	71	53	22	38	33	130	83	87	25	Sr.	2	2	Ant.	4	84.3	83.7	67.1	55.5	90.5	53.4	41.5	86.8
81	31	163	140	117	105	88	97	83	126	65	49	23	39	33	127	78	88	28	Ov.	2	2	„	2	85.9	77.2	69.3	55.6	94.3	51.6	46.9	84.6
84	31	171	137	—	107	—	98	—	126	64	48	26	40	30	140	78	86	—	„	3	2	„	2	80.1	—	71.5	—	—	55.8	54.2	75.0
86	31	181	139	121	112	95	100	91	126	63	47	26	40	34	127	81	87	31	Pt.	3	2	„	3	76.8	75.6	71.9	52.1	95.8	50.0	55.3	85.0
89	31	169	—	128	—	100	96	93	—	63	49	25	37	32	124	—	—	26	Sn.	2	2	Inf.	2	—	—	—	49.2	98.0	—	51.0	86.5
94	31	163	141	120	110	95	89	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ept.	3	—	—	—	86.5	79.0	63.1	—	—	—	—	—
100	31	167	154	—	—	—	—	—	—	65	47	25	39	33	—	—	—	34	Sn.	2	2	Ant.	—	92.2	—	—	—	—	—	53.2	84.6
103	31	180	142	130	115	96	97	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Pt.	2	—	—	—	78.9	80.7	68.3	—	—	—	—	—
104	31	164	142	119	109	91	91	89	122	61	45	21	36	32	—	91	88	26	Ept.	1	3	Ant.	2	86.6	77.8	64.1	51.3	97.8	50.0	46.7	88.9
105	31	168	146	—	114	—	100	—	—	—	—	—	41	34	—	—	—	—	Sr.	2	—	—	—	86.9	—	68.5	—	—	—	—	82.9
107	31	177	146	123	114	94	—	91	127?	70	50	23	39	35	—	90	90	35	Ept.	3	2	Ant.	2	82.5	76.1	—	57.0	96.8	55.1	46.0	89.7
110	31	165	142	133	118	95	93	88	131	67	50	23	38	32	131	90	92	—	Sr.	2	3	F. p.	—	86.1	86.7	65.5	50.4	92.6	51.2	46.0	84.2
111	31	177	141	127	108	97	94	91	128	65	48	25	38	32	130	88	86	—	Pt.	2	3	Ant.	2	79.7	79.8	66.7	51.2	93.8	50.8	52.1	84.2
112	31	—	142	130	110	94	92	—	125	—	47	24	37	29	—	90	—	—	—	3	2	—	—	—	—	64.8	—	—	—	51.1	78.4
113	31	160	—	—	—	94	89	95	122?	60	43	23	37	31	—	—	—	33	Ept.	2	3	Inf.	—	—	—	—	—	101.0	49.2	53.5	83.8
114	31	170	140	127	107	95	87	89	122	71	50	22	33	33	—	81	87	—	—	—	3	Ant.	3	82.4	81.9	62.1	56.0	93.7	58.2	44.0	86.8
115	31	161?	144	116	107	85	—	—	121?	—	—	—	38	33	—	—	—	—	Sn.	—	3	„	—	89.4	76.1	—	—	—	—	—	86.8

Приложение 8

Эски-Кермен. Индивидуальные измерения женских черепов из усыпальниц 71, 72, 105 и 175—178

Инв. №	№ могилы	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр базион-брегма	20. Высотный диаметр порион-брегма	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	40. Длина основания лица	45. Скуловой диаметр	48. Высота лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	51a. Ширина орбиты	52. Высота орбиты	Горизонтальный угол лица	32. Угол наклона лба	72. Вертикальный угол лица	75(1). Угол носовых костей	Norma verticalis (Frassetto)	Надбровье (1—6 Мартин)	Fossa canina (0—4)	Нижний край грушевидного отверстия	Носовой шип (1—5 Брока)	Указатели: 8:1. Черепной	17: $\frac{1+8}{2}$. Высотный	9:8. Лобно-поперечный	48:17. Вертикальный черепно-лицевой	40:5. Выступания лица	48:45. Лицевой	54:55. Носовой	52:51a. Орбитный
4032- 42	71	165	140	129	—	88	95	87	126	66	49	25	38	34	131	87	83	24	Sn.	2	3	Ant.	3	84.9	84.6	67.9	51.2	99.0	52.4	51.0	89.5
- 44	71	170	129	129	106	95	96	88	120?	68	52	24	36	33	126	86	84	22	Ell.	2	3	„	3	75.9	86.3	74.4	52.7	92.6	56.7	46.2	91.7
- 46	71	159	—	111	—	83	85	85	118?	59	44	21	36	31	131	—	—	—	Sn.	2	1	Inf.	3	—	—	—	53.1	102.4	50.0	47.7	86.1
- 47	71	158	138	123	—	90	—	93	—	60	48	24	35	32	134	—	—	—	Ept.	1	2	—	—	87.3	83.1	—	48.8	103.3	—	50.0	91.4
- 49	71	173	145?	123	110	95	99	90	129	63	48	22	38	32	139	84	86	24	Sn.	2	4	Ant.	3	83.8	80.5	68.3	49.2	94.7	43.8	45.8	84.2
- 50	71	168	141	124	109	90	92	88	124	65	45	22	36	30	129	86	87	—	„	2	3	„	—	83.9	80.3	65.3	52.5	97.8	52.4	48.9	83.3
- 53	71	166	—	122	—	83	90	—	118?	68	50	20	37	31	—	—	—	35	Ept.	2	2	„	4	—	—	—	55.7	—	57.6	40.0	83.8
- 54	71	—	—	—	—	—	99	—	—	63	—	—	40	32	—	—	—	26	—	2	1	F. p.	3	—	—	—	—	—	—	—	80.0
- 76	72	173	133	117	105	91	101	92	130	61	46	27	39	30	126	84	83	26	Ept.	3	2	Ant.	2	79.8	75.3	73.2	52.1	101.0	46.9	58.7	76.9
- 77	72	164	147	125	113	96	96	97	142	67	48	25	41	35	—	80	83	19	Sr.	2	3	„	—	89.6	80.4	65.3	53.6	101.0	47.2	52.1	85.4
- 79	72	177	137	133	112	95	95	85	126	67	50	22	37	34	128	—	—	—	Ov.	2	1	F. p.	—	77.4	84.7	69.3	50.4	89.5	53.2	44.0	91.9
5194- 4	105	175	140	121	111	93	92	98	126	65	46	25	39	31	122	81	80	28	Pt.	2	3	Ant.	2	80.0	76.8	65.7	53.8	105.5	51.6	54.4	79.5
- 8	105	175	148	131	120	97	105	96	132	68	48	24	37	30	—	94	87	27	Sn.	2	3	„	2	84.6	81.1	71.0	52.0	99.0	51.5	50.0	81.1
- 9	105	160	146	122	110	87	95	86	128	64	48	26	40	33	117	81	86	28	„	2	2	„	3	91.3	79.7	65.1	52.5	98.9	50.0	54.2	82.5
- 12	105	164	135	121	105	89	94	—	117	—	51	23	38	34	125	86	—	—	Ept.	2	1	„	—	82.3	78.3	69.6	—	—	—	45.1	89.5
- 13	105	170	138	123	110	93	98	83	127	66	49	24	37	31	129	80	90	31	Ov.	3	2	F. p.	—	81.2	79.8	71.0	53.7	94.6	52.0	49.0	83.8
- 15	105	162	142	125	—	89	93	88	130	64	44	23	39	29	132	—	—	28	Sr.	2	3	Ant.	3	87.7	82.2	65.4	51.2	99.0	49.2	52.3	74.4
- 16	105	173	148	131	121	91	99	89	132	69	50	25	36	31	127	90	88	21	Ept.	2	2	„	3	85.6	81.6	66.9	52.7	97.8	52.3	50.0	86.1
- 17	105	170	145	127	111	97	95	97	129	68	47	27	36	30	125	87	84	22	Sn.	2	2	„	3	85.3	80.6	65.5	53.6	100.0	52.7	57.45	85.7
- 22	105	164	—	—	—	—	91	—	—	64	48	20	36	32	125	—	—	26	Ept.	2	3	„	3	—	—	—	—	—	—	41.7	88.9
- 29	105	170	140	—	112	—	92	—	125	—	—	—	39	35	—	78	—	—	Ov.	2	—	—	—	82.4	—	65.7	—	—	—	—	89.7
5655- 9	175	170	149	128	118	92	98	86	123	[illegible]	45	22	37	29	138	88	90	—	Sn.	2	4	Ant.	—	87.7	80.2	65.8	48.5	93.5	50.4	48.9	78.4
- 11	175	169	147	123	114	89	98	91	128?	59	46	24	37	31	121	81	84	27	Ept.	2	2	„	3	87.0	77.8	66.7	48.0	102.2	46.1	52.2	83.8
- 12	175	168	145	126	116	87	90	90	124	59	42	21	37	28	122	95	83	—	Ept.	1	3	„	2	86.3	80.5	62.1	46.9	103.4	47.6	50.0	75.7
- 15	175	181	—	134	113	—	—	—	—	65	47	24	39	31	—	—	—	25	—	3	3	„	—	—	—	—	48.5	—	—	51.1	79.5
- 30	176	175	147	—	112	—	96	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sr.	2	—	—	—	84.0	—	65.3	—	—	—	—	—
- 31	176	171	146	130	113	92	95	89	136	71	51	21	37	36	131	83	84	24	„	2	3	Ant.	—	85.4	82.0	65.1	54.6	95.7	52.2	41.2	97.3
- 33	176	175	146?	125	117	94	92	82	—	73	52	23	38	35	—	75	88	25	„	2	3	„	3	83.4	77.9	63.0	58.5	87.2	—	44.2	92.1
- 71	177	168	144	131	113	96	98	95	134?	68	49	24	38	35	125	86	80	30?	Sn.	2	2	„	4	85.7	84.0	68.1	51.9	99.0	50.8	49.0	92.1
-118	178	173	150	127	113	93	92	94	129	73	48	23	37	34	125	86	83	21	„	2	3	F. p.	—	86.7	78.6	61.3	57.5	101.0	56.6	47.9	91.9
-121	178	163	137	125	105	85	92	86	122	64	46	23	37	32	128	85	81	—	Sr.	2	4	Ant.	—	84.1	83.3	67.2	51.3	101.2	52.5	50.0	86.5
-122	178	166	140	131	113	94	92	90	131	63	47	24	36	31	120	81	86	36	Ept.	2	3	„	4	84.3	85.6	65.7	48.1	95.7	48.1	51.1	86.1
-123	178	172	141	127	112	100	97	97	128	65	45	25	38	30	129	86	85	30	Sn.	2	2	F. p.	2	82.0	81.1	68.8	51.2	97.0	50.8	55.6	79.0
-124	178	173	142	121	113	96	92	94	128	61	46	26	37	30	130	82	87	24	„	2	3	Ant.	4	82.1	76.8	64.8	50.5	97.9	47.7	56.5	81.1
-126	178	166	—	—	—	—	90	—	—	—	46	22	39	30	—	—	—	—	Ept.	3	1	„	2	—	—	—	—	—	—	47.8	76.9
-127	178	165	133	126	—	89	91	88	—	69	49	26	39	33	—	—	—	29	Sr.	2	3	„	—	80.6	84.5	68.4	54.8	98.9	—	53.1	81.6
-128	178	176	137	123	107	88	92	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ell.	1	—	—	—	77.8	78.6	67.2	—	—	—	—	—
-129	178	172	137	122	106	95	91	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Pt.	3	—	—	—	79.7	79.0	66.4	—	—	—	—	—

Приложение 9

Эски-Кермен. Индивидуальные измерения женских черепов из усыпальниц 178—181 и нешифрованных из раскопок 1928—1929 гг.

Инв. №	№ могилы	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр базион-брегма	20. Высотный диаметр порион-брегма	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	40. Длина основания лица	45. Скуловой диаметр	48. Высота лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	51a. Ширина орбиты	52. Высота орбиты	Горизонтальный угол лица	32. Угол наклона лба	72. Вертикальный угол лица	75 (1). Угол носовых костей	Norma verticalis (Frassetto)	Надбровье (1—6 Мартин)	Fossa canina (0—4)	Нижний край грушевидного отверстия	Носовой шип (1—5 Брока)	Указатели: 8:1. Черепной	17 : (1 + 8)/2. Высотный	9:8. Лобно-поперечный	48:17. Вертикальный черепно-лицевой	40:5. Выступания лица	48:45. Лицевой	54:55. Носовой	52:51a. Орбитный
5655-146	179	171	138?	129	109	92	95	89	130	59	45	24	35	30	127	85	82	—	Sn.	2	3	Ant.	2	80.7	83.5	68.8	45.8	96.7	45.4	53.3	83.3
-147	179	172	137	—	105	—	97	—	135	67	50	26	37	33	132	88	83	—	„	1	3	„	—	79.7	—	70.8	—	—	49.6	52.0	89.2
-148	179	164	142	—	110	—	94	—	—	67	50	23	38	35	—	76	—	—	„	3	3	—	—	86.6	—	66.2	—	—	—	46.0	92.1
-151	179	161	—	126	109	92	97	89	130	64	49	21	39	31	129	83	84	—	Ept.	2	3	Ant.	3	—	—	—	50.9	96.7	49.2	42.9	79.5
-153	179	171	144	127	110	96	95	94?	129	64	43	22	40	31	129	84	84	—	Sn.	2	3	„	2	84.2	80.6	66.0	50.5	97.9	49.6	51.2	77.5
-154	179	165	145	128	111	93	92	91	133	68	50	23	37	32	125	82	86	29	Sr.	2	3	„	5	87.9	82.5	63.4	53.2	97.9	51.1	46.0	86.5
-156	179	172	155	—	—	—	94	—	—	67	48	23	37	30	—	—	—	—	—	3	3	F. p.	—	90.1	—	60.7	—	—	—	47.9	81.1
-157	179	163	146	—	—	—	96	—		66	52	23	37	33	136	—	—	21	Sn.	2	2	Ant.	2	89.6	—	65.8		—	—	44.2	89.2
-158	179	—	139	—			93		—	65	47	26	37	33	116	—	—	29	—	2	1	„	2			66.9		—	—	55.3	89.2
-160	179	170	153	115	99	89	103	—	—		48	25	38	33	133	85		—	Sn.	3	3	„	—	90.0	71.2	65.4				52.1	87.5
-164	179	168	144	128	113	92	—	93	—	59	—	—	—	—	—	90	—	—	Ept.	2	—	—	—	85.7	82.0	—	46.1	101.0	—	—	—
-168	179	168	137	124	111	93	93		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	„	2	—	—	—	81.6	81.4	67.9	—	—	—	—	—
-315	180	161	142	123	116	91	102	91	126?	61	47	24	36	30	—	87	87	—	Sr.	1	2	Ant.	—	88.2	81.2	71.8	49.7	100.0	48.4	51.1	83.3
-316	180	170	145	134	115	97	93	90	—	64	50	25	36	29	129	87	87	—	—	—	—	—	—	85.3	85.0	64.1	47.8	92.8	—	50.0	80.6
-324	181	165	139?	125	—	91	95	91	118?	56	42	23	35	29	130	—	—	18	Sn.	2	4	Inf.	2	84.2	82.2	68.4	44.8	100.0	47.5	54.8	82.9
-331	181	172	145	123	110	94	91	91	129	74	53	22	33	33	130	81	85	—	Ept.	3	1	Ant.	4	84.3	77.6	62.8	60.2	96.8	57.4	41.5	86.8
-334	181	169	—		—	—	—			65	48	24	38	34	—		—	—	—	2	2	„	—	—	—	—	—	—	—	50.0	89.5
-335	181	159	138	122	107	91	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	86.8	82.2	—	—	—	—	—	—
-336	181	171	151	—	114	—	101	—			—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	88.3	—	66.9	—	—	—	—	—
3725-656	—	177	151	134	120	99	99	102	132	73	54	24	40	33	121	90	83	—	Sn.	3	2	Ant.	2	85.3	81.7	65.6	60.8	103.0	55.3	44.4	82.5
-657	—	—	—			89	—	79	—	69	50	23	38	36	135	—	—	42	—	2	3	„	2	—	—	—	—	—	—	46.0	94.7
-658	—	167	146	128	113	95	92	—	133	—	48	22	40	31	133	78	—	—	Sn.	2	3	Inf.	3	87.4	81.8	63.0	—	—	—	45.8	77.5
-659	—	173	147	128	113	93	92	94	125	63	45	21	36	30	126	89	82	35	Ept.	3	2	Ant.	3	85.0	80.0	62.6	49.2	101.0	50.4	46.7	83.3
-660	—	169	138	123	109	97	96	88	130	67	52	22	38	35	130	86	89	—	„	2	1	F. p.	3	81.7	83.4	69.6	52.4	90.7	51.5	42.3	92.1
-663	—	169	136	119	111	93	96	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ov.	—	—	—	—	80.5	78.0	70.6	—	—	—	—	—
-664	—	172	148	123	109	91	92	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ept.	3	—	—	—	86.1	76.8	62.2	—	—	—	—	—
-666	—	161	147	125	113	97	97	—	—	—	—	—	38	32	—	78	—	—	—	—	—	—	—	91.3	81.1	66.0	—	—	—	—	84.2
4032-179	—	—	138	123	105	93	89	90	129	65	52	24	36	31	124	89	82	30	Ell.	2	3	Ant.	2	—	—	64.4	52.9	96.8	50.4	46.2	86.1
-181	—	173	141	—	—	—	99	—	129	65	52	24	36	31	135	82	85	—	„	1	1	„	3	81.5	—	70.2	—	—	50.4	46.2	86.1
-182		165	145	121	109	90	94	91	128	76	53	25	38	35	137	81	85	30	Ept.	2	2	„	3	87.9	78.0	64.8	62.9	101.0	59.4	47.2	92.1
-186		186	131	—	—	99	94	95	124	59	46	25	36	31	135	—	84	10	—	2	1	Inf.	—	70.	—	71.8	—	96.0	47.6	54.4	86.1
-187		—	146	—	—	—	91	—	—	65	47	26	37	31	141	—	—	33	—	2	1	Ant.	2	—	—	62.3	—	—	—	55.3	83.8

Разные города горного Крыма. Индивидуальные измерения женских черепов

Инв. №	Город	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр базион-брегма	20. Высотный диаметр порион-брегма	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	40. Длина основания лица	45. Скуловой диаметр	48. Высота лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	51a. Ширина орбиты	52. Высота орбиты	Горизонтальный угол лица	32. Угол наклона лба	72. Вертикальный угол лица	75 (1). Угол носовых костей	Norma verticalis (Frasseto)	Надбровье (1—6 Мартина)	Fossa canina (0—4)	Нижний край грушевидного отверстия	Носовой шип (1—5 Брока)	Указатели: 8 : 1. Черепной	$17 : \frac{1+8}{2}$. Высотный	9 : 8. Лобно-поперечный	48 : 17. Вертикальный черепно-лицевой	40 : 5. Выступания лица	48 : 45. Лицевой	54 : 55. Носовой	52 : 51a. Орбитный
5195-2	Кыз-Куле	176	141	130	114	101	101	100	137?	68	52	26	40	34	127	83	84	30	Ell.	2	3	Ant.	2	80.0	82.0	71.6	52.4	99.0	49.6	50.	85.0
-3	„	174	139	127	111	100	95	91	129	65	51	26	39	33	134	77	88	23	Ov.	3	2	„	2	79.8	81.1	68.5	51.2	91.0	50.4	51.0	84.5
-5	„	168	147	123	106	90	103	88	133	65	48	24	35	29	135	95	90	27	Sn.	3	4	„	2	87.5	78.1	70.0	52.9	97.7	48.9	50.0	80.5
5273-4	Челтер	167	150	134	119	—	101	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	„	2	—	—	—	89.8	84.1	66.5	—	—	—	—	—
-5	„	157	131	122	106	89	—	—	123?	—	—	—	—	—	—	—	—	—	„	2	—	—	—	83.5	84.7	—	—	—	—	—	—
8670	Мангуп-кале	170	141	124	112	98	89	94	130	62	46	24	40	32	133	81	90	—	Ov.	3	3	F. p.	—	82.9	79.7	63.1	50.0	95.9	47.7	52.2	80.0
8671	„	179	140	123	109	91	90	—	128?	68	—	—	—	—	—	—	—	—	„	2	2	—	—	78.2	77.8	64.3	53.1	—	53.1	—	—
8673	„	169	139	136	113	99	97	94	129	70	53	24	38	31	124	84	85	32	Ept.	1	2	Ant.	3	82.3	88.3	69.8	51.5	95.0	54.3	45.3	81.6
8675	„	174	150	132	121	95	95	99	134	70	49	22	39	31	126	88	81	28	„	3	2	„	2	86.2	81.5	63.3	53.0	104.2	52.2	44.9	79.5
8678	„	169	141	124	110	93	92	83	128	70	50	21	39	35	131	85	90	—	Ov.	1	2	„	—	83.4	87.7	65.3	56.5	89.3	54.7	42.0	89.7
8680	„	167	145	127	114	90	88	86?	128	70	49	25	40	33	130	84	87?	—	Sn.	1	1	„	—	86.8	81.4	60.7	55.2	95.6	54.7	51.0	82.5
8681	„	169	146	136	118	95	96	—	—	—		—	39	33	—	—	—	—	„	2	2	—	—	86.4	86.4	65.8	—	—	—	—	84.6
8682	„	176	135	127	110	99	99	101	—	69	50	26	38	31	—	82	82	—	Ell.	2	3	F. p.	—	76.7	81.6	73.3	54.4	102.0	—	52.0	81.6
8683	„	174	143	—	—	—	97	—	—	69	50	24	37	33	—	—	—	39	„	2	3	Ant.	—	82.2	—	67.8	—	—	—	48.0	89.2
8684	„	170	151	126	107	94	101	90	134	62	46	26	40	33	132.5	90	90	23?	Sr.	2	3	„	3	88.8	78.5	66.9	49.2	95.7	46.6	56.5	82.5
8692	„	177	142	131	114	93	93	94	125	65	48	23	38	32	132.5	82	85	—	Pt.	2	3	„	—	80.2	82.1	65.5	49.6	95.9	52.0	47.9	84.2
8707	„	164	134	131	106	101	87	90	123	70	49	24	39	32	126	78	87	40	„	2	4	„	5	81.7	87.8	64.9	53.5	89.1	56.9	49.0	82.1
8709	„	164	139	133	114	99	93	101	134	66	49	24	42	33	—	88	79	—	Sr.	2	2	„	—	84.8	87.8	70.5	49.7	102.0	49.3	49.0	78.6
8713	„	183	133	126	105	91	90	—	125	—	51	24	37	35	135.5	84	90	34	Ell.	3	1	„	—	72.7	79.6	67.7	—	—	—	47.1	94.6
8715	„	170	148	129	123	95	96	90	131	71	51	23	39	35	129.5	86	86	—	Sr.	1	3	„	3	87.1	81.1	64.9	55.0	94.7	54.2	45.1	89.7
8716	„	168	139	122	110	93	92	90	124	66	51	24	37	30	121.5	82	85	32	Sn.	3	3	„	4	82.7	79.5	66.2	54.1	97.0	53.2	47.1	81.1
8717	„	179	137	123	122	95	95	—	129	—	47	20	36	31	—	86	—		Pt.	1	2	„	—	76.5	81.0	69.3	—	—	—	42.6	86.1
8719	„	185	142	135	113	93	94	92	126	68	48	26	38	30	126.5	90	89	—	Ov.	1	2	F. p.	2	76.8	82.6	66.2	50.4	93.9	54.0	54.2	79.0
8720	„	166	142	129	116	92	101	90	135	61	47	24	40	31	133.5	94	85	33	Sr.	2	3	Ant.	—	85.5	83.7	71.1	47.3	97.8	45.2	51.0	77.5
8721	„	165	136	128	103	96	96	—	—	70?	51	24	40	33	—	80	—	—	Ept.	3	3	—	—	82.4	85.0	70.6	54.7	—	—	47.1	82.5
8722	„	173	143	133	117	102	97	97	130	74	56	26	40	34	132	88	90	—	„	2	2	—	—	82.7	84.1	67.8	55.6	95.1	56.9	51.0	85.0
8723	„	171	141	131	112	93	98	91	130	67	49	23	39	33	127.5	81	86	35	Ov.	3	3	Ant.	3	82.4	84.0	69.5	51.2	92.9	51.5	46.9	84.6
8725	„	167	152	139	120	98	98	89	136	69	49	23	39	37	124	85	86	—	Sn.	1	3	„	3	91.0	87.1	64.5	49.7	90.8	50.7	46.9	94.9
8727	„	164	141	129	118	95	95	83	126	75	51	22	37	35	124.5	91	90	—	„	2	2	„	—	86.0	84.5	67.4	53.2	92.6	59.5	43.1	94.6
8729	„	176	135	129	107	94	88	90	—	58	43	26	38	30	—	—	—	—	Pt.	2	2	„	1	76.7	83.0	65.2	45.0	95.7	—	54.2	79.0
8730	„	168	140	125	109	94	88	89	125	66	48	24	38	32	130.5	81	89	34	Sr.	2	3	„	4	83.3	81.2	62.9	52.9	94.7	52.8	50.0	81.6
8731	„	170	147	133	110	101	93	97	139	66	49	24	40	35	—	86	83	35?	„	2	3	„	—	86.5	84.0	63.3	48.6	96.0	47.5	49.0	87.5
8733	„	169	146	136	114	103	93	93	136	68	50	25	40	33	120	82	89	32	„	2	3	„	3	86.4	86.4	63.7	50.0	90.3	50.0	50.0	82.5
8734	„	165	141	123	106	90	90	89	126	67	48	23	39	31	135	80	84	—	Ov.	2	3	„	2	85.4	80.4	63.8	54.5	98.9	53.2	47.9	79.5
8736	„	171	138	130	108	96	101	95	123	58	41	24	37	30	137	91	82	15	„	2	3	Inf.	2	80.7	84.1	73.2	44.7	99.0	45.3	58.5	81.1

Херсонес. Индивидуальные измерения мужских черепов из раскопок 1930—1932 гг. (Коллекция № 5100)

Инв. №	№ могилы	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр базион-брегма	18. Высотный диаметр порион-брегма	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	40. Длина основания лица	45. Скуловой диаметр	48. Высота лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	51a. Ширина орбиты	52. Высота орбиты	Горизонтальный угол лица	32. Угол наклона лба	72. Вертикальный угол лица	75(1). Угол носовых костей	Norma verticalis (Frassetto)	Надбровье (1—6 Мартин)	Fossa canina (0—4)	Нижний край грушевидного отверстия	Носовой шип (1—5 Брока)	Указатели: 8:1. Черепной	17: $\frac{1+8}{2}$. Высотный	9:8. Лобно-поперечный	48:17. Вертикальный черепно-лицевой	40:5. Выступания лица	48:45. Лицевой	54:55. Носовой	52:51a. Орбитный
65	11	179	139	127	108	98	95	92	129	58	44	25	36	28	133.5	86	87	23	Ov.	4	3	F. p.	1	77.6	79.8	68.3	45.7	93.9	44.9	56.8	77.8
48	7	186	139	142	117	101	89	96	136	66	51	25	39	31	123	83	80	31	„	4	3	Ant.	3	74.7	87.5	64.0	46.5	95.0	48.5	49.0	79.5
55	7	186	150?	136	110	110	96	100	140	68	50	27	40	33	133.5	83	89	—	Sn.	3	3	„	—	80.6	80.9	64.0	50.0	90.9	48.5	54.0	82.5
43	4	166	146	136	112	93	98	88	141	72	54	25	38	34	134	—	80	28	Sr.	3	3	F. p.	2	88.0	87.2	67.1	53.0	94.6	51.0	46.3	89.5
51	7	182	154	128	116	108	99	101	141	73	54	27	41	34	147.5	74!	92	25	Ept.	4	2	„	2	84.6	76.2	64.3	57.0	93.5	51.7	50.0	82.9
42	4	185	158	141	119	105	101	94	144	83	55	24	40	35	128	77	89	27?	Sn.	3	2	„	—	85.4	82.2	64.0	58.8	89.5	57.6	43.6	87.5
67	12	176	153	139	122	105	104	105	143	71	53	26	39	33	130.5	87	86	—	„	3	1	Ant.	3	86.9	84.5	68.0	51.2	100.0	49.6	49.0	84.5
47	7	192	143	133	116	104	102	95	140	72	56	28	41	33	127	85	88	35	Ell.	3	2	F. p.	2	74.5	79.4	71.3	54.2	91.3	51.4	50.0	80.5
66	12	179	158	140	121	103	92	—	142	—	51	26	40	34	—	—	—	—	Ept.	3	3	Ant.	3	88.3	83.1	58.2	—	—	—	51.0	85.0
39	3	181	151	—	121	—	103	—	142?	74	56	29	40	34	122	77	83	31	Sr.	3	3	F. p.	3	83.5	—	68.2	—	—	52.1	51.8	85.0
6	4 (из усыпальниц)	191	131	137	114	—	101	—	137	74	51	27	—	—	132	78	85	—	Ell.	3	4	Ant.	—	68.5	85.1	77.1	54.0	—	54.0	53.0	—
8	4 (из усыпальниц)	180	141	137	114	102	98	97	130	70	49	26	39	31	126.5	87	81	32	Ov.	3	3	„	3	78.3	85.3	69.5	51.1	95.1	53.8	53.0	79.5
9	4 (из усыпальниц)	176	150	—	119	—	91	—	133	69	46	26	38	34	139.5	83	—		Sn.	3	4	„	—	85.2	—	60.6	—	—	51.9	56.5	89.5
1	1 (из усыпальниц)	180	150	125	—	95	99	91	134	68	53	27	40	36	132.5	—	—	36	Sr.	2	2	„	4	83.3	75.7	66.0	54.5	95.8	50.7	50.9	90.0
7	4 (из усыпальниц)	177	142	—	116	—	97	—	127	67	53	26	36	32	128.5	87	85	—	Ov.	2	3	F. p.	2	80.2	—	68.3	—	—	52.7	49.0	88.9
59	7	179	143?	138	118	101	102	98	128	70	50	26	40	36	132	85	83	—	Pt.	2	3	Ant.	3	79.9	85.7	71.3	50.8	97.0	54.7	52.0	90.0
53	7	182	140	131	116	100	98	98?	130	66?	50	24	38	30	129	85	85	33	Ov.	3	3	„	3	77.0	81.4	70.0	50.4	98.0	50.8	48.0	79.0
69	12	189	138	136	115	105	105	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ell.	3	—	—	—	73.0	83.2	76.1	—	—	—	—	—
113	31	174	151	125	115	98	95	—	—	71	52	25	40	33	—	—	—	—	Ept.	3	2	Ant.	—	86.8	76.9	62.9	56.8	—	—	48.1	82.5
94	18	187?	149?	137	119	105	108	99	—	81	59	26	44	37	124	89	83	34	„	3	3	„	4	79.7	81.5	72.5	59.2	94.3	—	44.0	84.1
70	14	188	138	140	115	101	102	100	139	73	49	25	38	34	125.5	78	81	—	Ell.	4	3	F. p.	—	73.4	82.2	73.9	52.2	99.0	52.5	51.0	89.5
89	16	186	131	134	116	99	97	98	131	66	46	24	38	29	121.5	89	82	35	„	4	3	Ant.	2	70.5	84.5	74.0	49.3	99.0	50.3	52.1	76.3
103	27	181	155	139	123	96	102	91	135	73	55	27	39	35	128	83	86	—	Sn.	2	2	„	4	85.6	82.7	72.2	52.5	94.8	54.0	49.1	89.7
105	27	178	150	135	118	110	105	99	139	70	54	26	39	33	132.5	83	89	28	„	2	3	F. p.	2	84.2	82.3	70.0	51.9	90.0	50.3	48.1	84.6
108	30	189	132	141	115	110	92	101	—	72	51	26	38	30	—	83	85	27	Pt.	4	3	Ant.	5	69.9	87.8	69.7	51.1	91.8	—	51.0	78.9
75	14	177	150	132	118	99	98	98	135	76	52	25	39	35	129.5	83	87	31	Ept.	3	3	„	3	84.7	80.7	65.3	57.6	99.0	56.2	43.0	89.7
73	14	164	144	135	116	93	99	89	139	66	48	25	39	33	135	83	82	—	Sn.	3	3	„	—	87.8	87.6	68.7	48.9	95.7	47.5	52.0	84.6
72	27	174	147	132	120	94	102	91	125	68	53	25	39	31	132	81	83	25	„	3	3	„	3	84.5	82.2	69.4	51.5	96.8	54.4	47.2	79.5
78	14	178	144	131	117	—	98	—	142	—	—	—	—	—	124	—	—	—	Sr.	4	3	F. p.	—	80.9	81.4	68.0	—	—	—	—	—
101	25	181	153?	117	111	97	100	95	129	74	55	23	38	33	128	81	87	32	Ept.	2	3	Ant.	4	84.5	70.0	65.4	63.3	97.9	57.3	41.8	86.9
104	27	186	141	134	113	105	105	97	136	69	53	25	39	33	123	85	85	33	„	2	2	„	3	75.8	82.0	74.5	51.5	92.3	50.7	47.2	84.6
74	14	169	135	131	112	97	88	94	127	67	46	23	37	30	130	80	85	44	Sn.	3	4	F. p.	2	79.9	86.1	65.2	51.2	97.0	52.7	50.0	81.0
82	15	179	138	136	113	103	96	96	136?	62	50	25	39	31	—	82	81	—	Ov.	4	3		—	77.1	85.8	69.5	45.6	93.2	45.6	50.0	79.5
79	14	170	141	129	111	91	95	90	136	70	48	24	37	32	131	82	85	—	Sr.	3	2	F. p.	3	83.0	80.4	67.3	54.3	98.9	51.5	50.0	86.5
81	14	179	141	132	114	101	98	—	136	67	—	—	39	33	—	—	—	—	Pt.	3	3	Ant.	—	78.8	82.5	69.5	50.8	—	49.3	—	84.6
71	14	179	143	129	114	106	99	103	133	67	50	27	37	30	136.5	83	87	—	„	3	3	„	2	79.9	80.1	69.2	52.0	97.1	50.4	54.0	81.0

Херсонес. Индивидуальные измерения мужских черепов из раскопок 1935 г. (Коллекция № 5332)

Инв. №	№ могилы	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр базион-брегма	20. Высотный диаметр порион-брегма	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	40. Длина основания лица	45. Скуловой диаметр	48. Высота лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	51a. Ширина орбиты	52. Высота орбиты	Горизонтальный угол лица	32. Угол наклона лба	72. Вертикальный угол лица	75(1). Угол носовых костей	Norma verticalis (Frassetto)	Надбровье (1—6 Мартин)	Fossa canina (0—4)	Нижний край грушевидного отверстия	Носовой шип (1—5 Брока)	Указатели: 8:1. Черепной	17 : $\frac{1+8}{2}$. Высотный	9:8. Лобно-поперечный	48:17. Вертикальный черепно-лицевой	40:5. Выступания лица	48:45. Лицевой	54:55. Носовой	59:51a. Орбитный
625	34	185	127	134	103	104	96	98	132	72	53	22	39	32	126	78	83	33	Ell.	4	3	Ant.	4	68.6	85.8	75.5	53.8	94.3	54.5	41.5	82.0
753	?	176	152	127	115	97	101	105	139	74	53	26	41	33	133.5	79	78	26	Ept.	4	3	F. p.	2	86.3	77.4	66.5	58.3	108.1	53.2	49.0	80.5
595	33	174	148	—	115	—	100	—	—	70	51	25	—	—	—	78	84	—	Sn.	3	2	„	3	85.0	—	67.5	—	—	—	49.0	—
472	28	166	147	124	104	97	96	97	136	67	51	23	39	35	109.5	—	—	—	Sn.	3	4	Ant.	—	88.5	79.2	65.3	54.0	100.0	49.2	45.1	89.7
473	28	186	—	134	—	103	104	97	—	72	55	24	43	35	130.5	—	—	30	Ov.	5	4	F. p.	2	—	—	—	53.8	94.2	—	43.6	81.3
604	33	179	144	136	114	101	94	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	„	3	—	—	—	80.5	84.2	65.2	—	—	—	—	—
594	33	175	148	—	109	—	104	—	136	69	—	—	—	—	—	—	—	—	Ept.	3	3	Ant.	—	84.5	—	70.3	—	—	50.7	—	—
605	33	181	147	—	118	—	103	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sn.	5	—	—	—	81.2	—	70.1	—	—	—	—	—
529	31	177	148	—	111	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ept.	4	—	—	—	83.5	—	—	—	—	—	—	—
600	33	177	146	122	105	100	102	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sr.	3	—	—	—	82.5	75.5	69.8		—	—	—	-
601	33	181	144	134	110	100	98	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		Ov.	4	—	—	—	79.5	82.5	6.80	—	—	—	—	-
602	33	180	152	134	116	102	109	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sn.	3	—	—	—	84.4	80.7	71.7	—	—	—	—	—
526	31	185	145	—	113	—	91	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Pt.	3	—	—	—	78.4	—	62.7	—	—	—	—	—
793	Нешифрованные материалы	190	—	—	119	—	97	—	134	63	44	24	41	29	127	85	78	36	Ell.	4	4	F. p.	2	—	—	—	—	—	47.0	54.5	70.7
791		—	—	—	—	—	96	—	—	70	48	24	41	29	118	—	—	39	—	4	2	Ant.	4	—	—	—	—	—	—	50.0	70.7
773		185	138	134	112	105	91	99	131	73	49	24	38	32	128	84	86	35	Ov.	3	3	„	3	74.5	83.0	65.9	54.5	94.3	55.7	49.0	84.2
760		183	147	120	106	91	97	91	138?	75	52	26	41	33	119.5	85	85	33	Pt,	4	3	„	4	80.3	72.7	66.0	62.5	100.0	54.3	50.0	80.5
783		173	147	130	110	89	100	87	130	66	49	25	39	31	122	81	82	39	Sn.	3	3	„	3	85.0	81.2	68.0	50.8	97.7	50.8	51.0	79.5
756		184	153	135	122	107	105	—	145	80?	59	26	44	36	126	75	88?	27?	„	4	2	„	—	83.1	80.1	68.6	59.3	—	55.2	44.0	81.8
761		188	141	132	116	103	100	97	137?	73	53	24	41	32	128	78	86	43	Pt.	4	3	F. p.	5	75.0	80.2	70.9	55.4	94.2	53.3	45.3	78.0
759		190	151	135	117	103	102	101	134	74	53	27	40	32	126.5	80	85	36	Sn.	2	2	Ant.	4	79.5	79.1	67.5	54.8	98.1	55.2	51.0	80.0
780		178	153	135	119	100	95	98	134	65	52	24	38	32	127	82	—	—	„	4	3	„	4	86.0	81.5	62.0	48.2	98.0	48.5	46.1	84.2
757		179	145	123	112	101	104	97	137	76	59	28	41	36	—	71	87	33	Sr.	5	3	„	—	81.0	79.0	71.7	59.4	92.0	55.5	47.5	87.8
779		180	145	137	120	106	100	—	139	—	49	26	40	33	124	81	89	—	Pt.	4	3	„	5	80.5	84.3	69.0	—	—	—	53.0	82.5
799		176	152	134	121	96	98	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sr.	3	—	—	—	86.4	81.7	64.5	—	—	—	—	—
807		176	150	135	116	103	103	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ept.	2	—	—	—	85.2	82.8	68.6	—	—	—	—	—
787		180	144	—	—	—	99	—	—	69	54	25	40	34	128	—	—	36	Ell.	2	3	Ant.	3	80.0	—	68.7	—	—	—	46.3	85.0
797		—	—	127	109	98	96	97	137	76	53	22	39	30	125.5	83	85	40	—	3	3	„	5	—	—	—	59.9	99.0	55.5	41.5	76.9
805		185	141	140	124	106	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ell.	3	—	—	—	76.2	85.8	—	—	—	—	—	—
749		176	—	—	—	—	95	—	—	67	47	25	40	33	132	—	—	35	„	3	3	Ant.	2	—	—	—	—	—	—	53.2	82.5
754		171	153	139	116	104	104	100	138	72	53	28	41	35	125.5	84	84	34	Ept.	2	3	„	4	89.5	85.7	68.0	51.8	96.0	52.2	52.8	85.4
755		175?	155?	134	119	99	106	97	140	75	55	26	42	36	137	85	85	34	Sn.	2	3	F. p.	3	88.5	81.2	68.4	56.0	98.0	53.5	47.3	85.7
750		177	—	137	—	96	95	95	139	70	53	26	43	33	131.5	—	—	33	„	3	3	Ant.	2	—	—	—	51.1	99.0	50.3	49.1	76.8
777		185	148	136	118	102	101	100	138	74	56	26	41	31	126	88	85	—	„	3	3	F. p.	—	80.0	81.7	68.2	54.5	98.0	53.6	46.5	75.5
772		187	140	132	114	105	90	98	131	70	51	22	39	35	133	—	85	40	Ell.	2	3	Ant.	3	74.9	80.7	64.3	53.1	93.3	53.5	43.1	89.7
782		178	148	—	120	—	102	—	—	67	50	25	40	34	—	80	—	—	Sn.	2	3	F. p.	—	83.1	—	68.9	—	—	—	50.0	85.0
810		—	—	—	—	—	98	-	—	77	53	24	41	38	123.5	—	—	29	—	3	3	Ant.	—	—	—	—	—	—	—	45.3	92.7
789		171	155	—	119	—	102	—	—	77	57	26	41	36	125	—	90	32	Sn.	3	2	„	3	90.6	—	65.8	—	—	—	45.6	87.8
811		—	—	—	—	90	94	78	—	74	55	20	38	35	123.5	—	—	42	—	3	4	„	3	—	—	—	—	86.6	—	36.4	92.1

Херсонес. Индивидуальные измерения мужских черепов из раскопок 1935 г. (Коллекция № 5382)

Инв. №	№ могилы	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр базион-брегма	20. Высотный диаметр порион-брегма	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	40. Длина основания лица	45. Скуловой диаметр	48. Высота лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	51a. Ширина орбиты	52. Высота орбиты	Горизонтальный угол лица	32. Угол наклона лба	72. Вертикальный угол лица	75(1). Угол носовых костей	Norma verticalis (Frasseto)	Надбровье (1—6 Мартин)	Fossa canina (0—4)	Нижний край грушевидного отверстия	Носовой шип (1—5 Брока)	Указатели							
																								8:1. Черепной	17: $\frac{1+8}{2}$ • Высотный	9:8. Лобно-поперечный	48:17. Вертикальный черепно-лицевой	40:5. Выступания лица	48:45. Лицевой	54:55. Носовой	59:51a. Орбитный
801	нешифрованные материалы	186	134	139	117	102	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ell.	3	—	—	—	72.0	86.8	70.9	—	—	—	—	—
798		—	—	—	—	104	97	97	130	73	58	30	39	34	132.5	—	83	20	—	3	3	Ant.	3	—	—	—	—	93.2	56.1	51.7	87.1
792		184	142	133	116	100	103	95	137	71	52	28	42	38	128	81	83	24	Ell.	3	2	„	1	77.1	81.5	72.5	53.4	95.0	51.8	53.8	90.5
800		192	144	130	116	100	102	—	—	—	—	—	39	35	—	—	—	—	„	3	—	—	—	75.0	77.3	70.8	—	—	—	—	89.7
808		—	—	—	—	—	97	—	—	66	47	24	38	35	139	—	—	26	—	4	4	Ant.	4	—	—	—	—	—	—	51.0	92.1
806		179	146	128	109	99	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sn.	2	—	„	—	81.5	78.8	—	—	—	—	—	—
151	10	184	136	135	111	101	89	—	—	—	—	—	37	28	—	89	—	—	Ov.	4	2	—	4	73.9	84.4	65.4	—	—	—	—	75.6
234	19	190	143	137	118	105	108	96	138	67	50	24	41	31	135	93	89	—	Ell.	3	2	Ant.	3	75.2	82.3	75.5	48.9	91.4	48.5	48.0	75.5
465	28	186	155	137	119	102	106	99	144	70	50	26	42	32	130	88	86	31	Sn.	4	1	„	4	83.3	80.3	68.4	51.1	97.1	48.6	52.0	76.1
469	28	180	152	131	116	100	105	96	137	73	49	22	41	35	128	85	85	32	Sr.	2	2	„	2	84.5	78.9	69.1	55.7	96.0	53.3	44.9	85.3
273	19	182	144	143	124	107	99	100	139	76	56	25	38	35	122	80	86	—	Ov.	4	3	F. p.	4	79.1	87.7	68.7	53.2	93.5	54.7	44.6	92.1
286	22	179	148	126	111	96	102	85	—	67	55	24	39	37	—	77	92	—	Sr.	2	2	Ant.	2	82.6	77.1	68.9	53.2	88.5	—	43.6	94.9
2	5	170	145	125	110	97	94	94	131	68	48	23	37	30	138	83	86	24	Sn.	3	2	„	3	85.3	79.4	64.8	54.5	96.9	51.9	47.9	81.0
224	15	—	—	—	111	—	96	—	—	67	48	25	39	27	131	82	79	27	Ell.	4	4	F. p.	4	—	—	—	—	—	—	52.0	69.2
149	10	187	137	142	105	105	93	93	131	73	53	25	36	33	135	84	88	31	Pt.	3	2	Ant.	3	73.2	87.6	67.8	51.5	88.5	55.7	47.1	91.6
7	6	171	142	—	102	—	92	—	—	68	48	23	37	30	143	85	86	16	Ept.	4	2	F. p.	4	83.0	—	64.8	—	—	—	47.9	81.1
287	22	181	154	—	116	—	99	—	150?	79	60	27	39	35	135	75	85	32	Sn.	4	1	Ant.	2	85.0	—	64.3	—	—	52.6	45.0	89.8
470	28	168	149	128	111	97	99	83	135	69	53	22	38	36	125	81	89	38	„	3	3	„	5	88.7	80.8	66.5	53.9	85.5	51.1	41.5	94.7
421	26	179	152	130	118	100	103	94	—	73	51	26	39	34	—	77	85	34	„	4	2	„	—	84.9	78.5	67.8	56.2	94.0	—	51.0	87.1
420	26	174	145	—	112	—	98	—	—	79	55	25	38	32	—	72!	90	38	„	4	3	„	—	83.4	—	67.5	—	—	—	45.5	84.2
419	26	185	—	—	—	107	—	105	—	76	55	26	42	32	126	—	—	35	—	3	3	„	3	—	—	—	—	93.1	—	47.3	76.2
154	10	—	—	—	—	—	—	—	—	69	52	24	36	30	—	—	—	32	—	3	3	„	3	—	—	—	—	—	—	46.1	83.3
152	10	—	—	137	121	106	99	103	139	77	55	23	38	35	125.5	81	87	25	—	3	2	F. p.	—	—	—	—	56.2	97.2	55.4	41.8	92.1
153	10	—	—	—	—	—	96	—	—	71	52	21	38	35	119	—	—	43	—	3	2	Ant.	4	—	—	—	—	—	—	40.4	92.1
8	6	177	148	135	115	102	103	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sn.	4	—	—	—	83.6	83.0	69.6	—	—		—	—
223	15	181	146	135	108	108	96	101	—	71	51	28	39	33	127.5	—	82	—	Pt.	4	3	F. p.	3	80.6	82.5	65.7	52.6	93.5	—	54.9	84.6
225	15	188	137	134	119	95	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	„	3	—	—	—	72.9	82.5	69.3	—	—	—	—	—
393	25	174	147	126	110	100	96	98	137	74	54	24	39	34	127	84	86	38	Sr.	3	3	Ant.	3	84.5	78.5	65.3	58.7	98.0	54.0	44.5	87.2
279	19	—	—	—	—	—	—	—	—	75	55	23	38	36	—	—	—	30	—	3	3	„	4	—	—	—	—	—	—	41.8	94.7
466	28	166	143	134	116	—	—	92	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sn.	—	4	—	—	86.1	86.7	—	—	—	—	—	—
289	24	174	146	137	117	104	101	95	134	75	55	26	41	37	122.5	84	85	28	„	2	3	Ant.	3	83.9	85.5	69.2	54.8	91.3	56.0	47.3	90.2
276	19	190	140	139	114	107	97	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Pt.	3	—	—	—	73.7	84.2	69.2	—	—	—	—	—
293	24	—	—	—	—	—	—	—	—	75	56	27	40	36	120	—	—	41	—	—	4	Ant.	5	—	—	—	—	—	—	48.2	90.0
285	20	180	145	—	119	—	101	—	—	62	47	27	36	30	—	90	82	—	Sn.	3	3	F. p.	—	80.5	—	69.6	—	—	—	57.5	83.3
291	24	—	—	128	115	96	96	96	137	77	56	23	39	35	135.5	78	84	—	—	3	2	Ant.	5	—	—	—	60.2	100.0	56.2	41.4	89.8
9	6	—	—	—	—	—	—	—	—	72	53	23	38	35	120	—	—	30	—	4	2	„	3	—	—	—	—	—	—	43.4	92.0
758	?	190	143	139	114	104	94	97	139	75	55	24	39	35	127.5	82	86	34	Pt.	2	1	„	3	75.3	83.5	65.7	54.0	93.2	54.0	43.6	89.8
747	?	182	143	135	113	104	101	102	132?	71	48	21	39	34	123	85	82	43	Ov.	3	3	„	5	78.5	83.1	70.6	52.6	98.0	53.8	43.7	87.2

Херсонес. Индивидуальные измерения женских черепов из раскопок 1930—1932 гг. (Коллекция № 5100)

Инв. №	№ могилы	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр базион-брегма	20. Высотный диаметр порион-брегма	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	40. Длина основания лица	45. Скуловой диаметр	48. Высота лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	51a. Ширина орбиты	52. Высота орбиты	Горизонтальный угол лица	32. Угол наклона лба	72. Вертикальный угол лица	75(1). Угол носовых костей	Norma verticalis (Frassetto)	Надбровье (1—6 Мартин)	Fossa canina (0—4)	Нижний край грушевидного отверстия	Носовой шип (1—5 Брока)	Указатели: 8 : 1. Черепной	18 : $\frac{1+8}{2}$ · Высотный	9 : 8. Лобно-поперечный	48 : 17. Вертикальный черепно-лицевой	40 : 5. Выступления лица	48 : 45. Лицевой	51 : 55. Носовой	52 : 51a. Орбитный
111	31	165	145	124	113	93	97	94	132	71	52	24	37	34	139.5	82	83	—	Sn.	2	3	Ant.	2	87.9	80.0	66.9	57.3	101.0	53.7	46.1	91.9
83	15	173	144	—	117	—	95	—	—	67	50	24	38	32	—	85	90	29	„	1	3	„	3	83.2	—	66.0	—	—	—	48.0	84.2
100	25	176	146	133	118	100	100	98	131	66	50	23	38	32	134	87	84	27	Ept.	2	2	„	4	83.0	82.6	68.5	49.6	98.0	50.3	46.0	84.2
95	20	166	145	127	113	93	100	95	131	67	49	23	40	31	137	91	85	23	Sr.	2	1	„	3	87.4	81.6	69.0	52.8	102.1	51.1	46.9	77.5
76	14	177	135	130	109	95	94	88	125	66	50	21	35	32	127.5	89	84	—	Pt.	2	2	„	—	76.3	83.3	69.6	50.8	92.6	52.8	42.0	91.4
109	30	165	143	122	108	90	93	90	121	62	45	23	36	29	141	86	85	32	Sn.	2	3	„	3	86.2	79.0	65.0	50.9	100.0	51.2	51.1	80.5
92	18	170	150	123	113	97	100	94	130	65	49	23	40	33	129.5	84	85	—	Ept.	1	3	F. p.	—	88.2	76.8	66.7	52.9	96.9	50.0	46.9	82.5
77	14	170	142	130	111	96	87	92	124	67	47	23	38	32	137	80	86	—	„	2	3	Ant.	—	83.5	83.3	61.2	51.5	95.8	54.0	48.9	84.2
72	14	165	147	128	107	95	97	89	—	67	49	24	39	35	130.5	84	82	—	Sn.	1	4	„	2	89.1	82.0	66.0	52.4	93.7	—	49.0	89.7
112	31	166	147	119	108	89	93	—	128	66	49	23	36	30	—	84	—	—	„	2	3	F. p.	—	88.6	76.0	63.2	55.5	—	51.5	46.9	83.3
96	20	170	141	129	109	101	93	99	129	69	52	26	40	34	128.5	83	83	—	„	2	2	„	—	82.9	83.0	66.0	53.5	98.0	53.5	50.0	85.0
85	15	177	135	125	105	91	88	—	117	—	43	23	33	28	123.5	92	—	—	Ov.	3	3	Ant.	—	76.3	80.0	65.1	—	—	—	53.5	73.7
117	34	176	131	131	111	100	93	—	126	—	48	24	39	31	—	83	—	—	Ell.	2	2	„	2	74.5	85.4	71.0	—	—	—	50.0	87.1
84	15	160	138	128	112	89	88	—	—	63	—	—	35	32	—	85	—	—	Sn.	2	1	—	—	86.2	85.8	63.8	49.2	—	—	—	91.4
115	31	162	145	128	108	92	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	„	1	—	—	—	89.5	83.4	65.5	—	—	—	—	—
114	31	164	152	128	115	89	102	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	„	3	—	—	—	92.6	81.0	67.1	—	—	—	—	—
5	4 (ус.)	177	136	129	114	94	97	97	120	71	51	25	38	32	126	91	81	29	Ell.	2	2	Ant.	3	76.9	82.5	71.3	55.0	103.1	59.1	49.0	84.1
45	6	163	132	—	103	—	87	—	—	62	—	—	—	—	—	—	—	—	Ept.	2	3	„	3	81.0	—	65.9	—	—	—	—	—
52	7	162	142	126	112	93	92	88	127	65	48	23	38	34	141.5	79	87	21	Sn.	2	2	„	2	87.6	82.9	64.8	51.6	94.6	51.2	47.9	89.4
37	1	170	138	127	115	99	101	102	129	63	46	26	42	30	135	85	80	—	„	2	4	„	2	81.2	81.9	73.2	49.6	103.0	48.8	56.5	71.4
56	7	166	144	128	109	99	93	—	132	—	50	25	38	35	136	75	—	—	„	2	2	„	—	86.8	82.5	64.6	—	—	—	50.0	92.0
44	5	169	139	124	107	92	96	89	124	68	48	23	39	35	134	81	84	29	„	2	2	„	—	82.2	80.5	69.0	54.9	96.7	54.8	47.9	89.7
68	12	176	129	135	113	—	—	96	131?	69	—	25	37	31	131.5	—	—	—	Ell.	2	2	„	2	73.3	88.5	—	51.1	—	52.6	—	83.8
49	7	177	132	130	105	97	89	96	131	79	57	24	40	35	133.5	72!	77	24	Ov.	2	4	F. p.	—	74.5	84.1	67.4	60.8	98.9	60.3	42.1	87.5
41	4	168	146	131	113	95	95	95	125	75	50	23	38	33	136.5	85	88	33	Sn.	2	2	Ant.	2	86.9	83.5	65.0	57.3	100.0	60.0	46.0	86.8
40	3	170	137	125	104	96	101	—	130	—	—	24	35	32	—	85	—	—	Ell.	1	3	—	—	80.6	81.5	73.7	—	—	—	—	91.4
61	7	178	139	128	109	100	91	97	129	68	49	25	39	32	—	80	84	—	Pt.	2	3	Ant.	2	78.1	80.7	65.5	53.1	97.0	52.7	51.0	82.0
58	7	181	134	130	111	95	96	92	121	66	51	25	39	31	123	82	80	—	Cv.	2	2	„	—	74.0	82.5	71.5	50.8	96.9	54.5	49.0	79.5
63	7	163	141	118	107	94	96	94	130	62	49	26	37	32	140	80	85	—	Sn.	2	3	F. p.	—	86.5	77.6	68.1	52.6	100.0	47.7	53.0	86.5
11	4 (ус.)	170	148	132	113	99	96	95	130	72	49	23	40	32	124	80	84	—	„	2	3	Ant.	2	87.0	83.0	64.8	54.5	95.9	55.5	46.9	80.0
10	4 (ус.)	161	145?	130	111	93	96	96	125	63	46	25	38	32	—	84	81	12	Ept.	2	3	F. p.	1	90.0	85.0	66.2	48.5	103.1	50.4	54.3	84.2
64	10	170	142	126	111	101	100	100	132	76	54	29	42	37	130	80	82	37	„	2	1	Ant.	—	83.5	80.7	70.5	60.3	99.0	57.5	53.7	88.1
57	7	175	149	134	116	94	90	—	134	—	55	23	37	33	—	87	—	—	Sn.	2	2	„	—	85.2	82.7	60.4	—	—	—	41.8	89.2
15	4 (ус.)	177	136	—	116	—	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Pt.	2	—	—	—	86.8	—	69.8	—	—	—	—	—
13	4 (ус.)	171	113	135	111	93	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ept.	2	—	—	—	83.6	88.8	69.9	—	—	—	—	—
14	4 (ус.)	171	123	134	111	96	97	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		Ov.	3	—	—	—	74.9	89.6	75.8	—	—	—	—	—
50	7	183	131	133	119	105	98	96	131	66	47	26	39	32	125	84	88	36	Ell.	3	3	Ant.	3	73.2	87.1	73.1	47.9	91.4	50.4	55.3	82.0
88	16	178	153	130	123	100	97	100	133	68	49	25	39	34	141	83	86	—	Sn.	3	3	„	2	85.9	78.5	63.4	52.4	100.0	51.4	51.0	87.1

Херсонесс. Индивидуальные измерения женских черепов из раскопок 1935 г. (Коллекция № 5382)

Инв. №	№ могилы	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр базион-брегма	20. Высотный диаметр порион-брегма	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	40. Длина основания лица	45. Скуловой диаметр	48. Высота лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	51a. Ширина орбиты	52. Высота орбиты	Горизонтальный угол лица	32. Угол наклона лба	72. Вертикальный угол лица	75(1). Угол носовых костей	Norma verticalis (Frassetto)	Надбровье (1—6 Мартин)	Fossa canina (0—4)	Нижний край грушевидного отверстия	Носовой шип (1—5 Брока)	Указатели: 8 : 1. Черепной	$17 : \frac{1+8}{2}$. Высотный	9 : 8. Лобно-поперечный	48 : 17. Вертикальный черепно-лицевой	40 : 5. Выступания лица	48 : 45. Лицевой	54 : 55. Носовой	52 : 51a. Орбитный
3	5	175	134	135	112	96	94	—	125	—	47	25	39	30	133.5	84	84	29	Ov.	3	2	Ant.	3	76.6	87.4	70.1	—	—	—	53.2	76.9
417	26	162	141	117	107	91	92	88	124?	61	48	27	37	32	135	85	84	27	Sn.	2	3	„	2	87.1	77.2	65.2	52.2	96.7	49.2	56.2	86.5
275	19	184	136	131	—	103	93	101	—	73	50	25	—	—	—	—	—	—	Ov.	3	4	„	—	73.9	81.8	68.3	55.7	98.0	—	50.0	—
468	28	174	144	132	115	96	95	88	126	70	50	23	33	31	128	86	87	—	Sn.	2	2	„	3	82.8	83.0	66.0	53.0	91.6	55.5	46.0	81.5
274	19	173	—	127	112	92	95	94	—	64	47	24	—	—	—	92	—	—	Ept.	1	2	„	—	—	—	—	50.5	102.1	—	51.0	—
418	26	177	128	121	106	95	93	95	129	74	53	27	40	36	120	75	81	30	Ell.	2	3	„	5	72.3	79.4	72.6	61.2	100.0	57.3	50.9	90.0
271	19	171	140	131	115	98	98	96	—	63	46	25	39	32	126	90	84	34	Sr.	2	3	„	3	81.9	84.2	70.0	48.1	98.0	—	54.3	82.0
150	10	173	130	123	106	95	97	—	122	—	47	26	37	34	133.5	78	—	—	Ell.	2	4	„	3	75.2	81.1	74.6	—	97.9	—	55.3	91.8
254	16	165	144	126	112	96	95	94	125	67	52	23	39	34	126	-	84		Sn.	2	3	—	-	87.3	81.5	66.0	53.2	97.9	53.5	44.2	87.1
5	6	175	135	132	113	97	87	89	—	68	48	21	36	30	—	81	85	22	Ov.	3	2	F. p.	3	77.2	85.1	64.5	51.5	91.7	—	43.7	83.3
59	7	163	145	119	107	93	91	95	123	70	51	22	37	34	136	78	83	24	Ept.	2	4	Ant.	3	89.0	77.2	62.8	58.9	102.1	56.9	43.1	91.8
424	26	175	137	—	—	—	88	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Pt.	2	—	—	—	78.3	—	64.2	—	—	—	—	—
425	26	—	—	—	—	—	98	—	126	71	48	28	37	34	133.5	—	—	14	—	2	2	Inf.	2	—	—	—	—	—	56.3	53.3	91.8
280	19	—	—	—	—	—	—	—	—	71	49	19	35	33	124	—	—	33	—	2	2	Ant.	3	—	—	—	—	—	—	38.8	94.3
394	25	181	139	135	116	96	98	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Pt.	2	—	—	—	76.8	84.3	70.5	—	—	—	—	—
294	24	—	—	—	—	—	97	—	—	66	48	24	38	34	132	—	—	27	—	3	4	Ant.	3	—	—	—	—	—	—	50.0	89.5
278	19	—	—	—	—	—	96	—	—	69	51	24	36	35	122.5	—	—	33	—	1	3	„	4	—	—	—	—	—	—	47.0	97.2
776	Нешифрованные материалы	175	140	137	116	99	91	89	130	67	49	20	37	32	122.5	88	89	26	Sn.	3	3	„	3	80.0	87.0	65.0	49.0	89.9	51.5	40.8	86.5
770		170	148	130	113	91	95	90	—	67	48	26	40	35	131.5	85	82	33	„	2	3	„	4	87.1	81.7	64.2	51.5	98.8	—	54.1	87.5
790		—	150	136	117	101	100	97	130	73	55	26	40	37	126.5	82	84	32	Ept.	2	4	„	4	—	—	66.7	53.7	96.0	56.1	47.3	92.5
766		173	137	—	113	—	95	—	132	66	48	24	37	33	—	83	83	—	Sn.	3	4	„	—	79.2	—	69.4	—	—	50.0	50.0	89.2
774		177	135	128	110	94	92	92	126	64	47	24	38	31	135	84	85	25	Ell.	3	4	„	3	76.3	82.0	68.2	50.0	97.8	50.8	51.0	81.5
771		171	139	138	112	96	94	86	134	64	51	27	39	35	126	86	84	32	Sr.	3	4	„	3	81.3	85.1	67.6	46.5	89.5	47.8	53.0	89.7
768		185	133	132	114	98	97	93	127	63	45	25	38	31	137	89	85	—	Ell.	3	3	„	—	71.9	83.0	73.0	47.3	94.9	49.6	55.5	81.5
752		164	147	118	113	92	102	94	133	65?	50	26	41	35	137	81	—	—	Sr.	2	3	F. p.	—	89.6	75.1	69.4	55.1	102.1	48.8	52.0	85.3
765		167	142	130	114	92	93	88	130	76	55	19	39	37	127	74	86	30	Sn.	2	4	Ant.	3	85.0	84.2	69.0	58.5	95.6	58.5	34.6	94.8
785		164	141	118	109	89	95	93	121	61	46	23	—	—	—	82	84	—	„	3	3	„	—	86.0	77.4	67.3	51.7	104.4	50.4	50.0	—
748		177	145	134	118	100	95	96	134	65	50	26	40	32	141	85	86	—	„	3	2	F. p.	3	81.9	83.2	65.5	48.5	96.0	48.5	52.0	80.0
786		172	143	—	—	—	98	—	—	60	45	24	—	—	—	—	—	—	Sr.	1	4	Ant.	3	83.1	—	68.5	—	—	—	53.3	—
803		174	144	125	112	101	104	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ept.	1	—	—	—	82.8	78.5	72.2	—	—	—	—	—
804		173	137	125	110	87	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	„	2	—	—	—	79.2	81.6	—	—	—	—	—	—
802		167	139	125	116	88	94	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sn.	2	—	—	—	83.2	81.7	67.6	—	—	—	—	—

Херсонес. Индивидуальные измерения женских черепов из раскопок 1935 г. (Коллекция № 5382)

Инв. №	№ могилы	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр базион-брегма	20. Высотный диаметр порион-брегма	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	40. Длина основания лица	45. Скуловой диаметр	43. Высота лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	51a. Ширина орбиты	52. Высота орбиты	Горизонтальный угол лица	32. Угол наклона лба	72. Вертикальный угол лица	75(1). Угол носовых костей	Norma verticalis (Fressetto)	Надбровье (1—6 Мартин)	Fossa canina (0—4)	Нижний край грушевидного отверстия	Носовой шип (1—5 Брока)	Указатели: 8:1. Черепной	17 : $\frac{1+8}{2}$. Высотный	9:8. Лобно-поперечный	48:17. Вертикальный черепно-лицевой	40:5. Выступания лица	48:45. Лицевой	54:55. Носовой	52:51a. Орбитный
784	Нешифрованные материалы	167	136	—	108	—	97	—	130	68	47	23	40	32	122.5	81	79	—	Sr.	2	4	Ant.	4	81.5	—	71.3	—	—	52.3	48.9	80.0
781		167	129	131	—	99	85	96	—	75	53	24	38	31	—	—	—	—	Ov.	2	2	„	3	77.2	83.5	65.9	57.3	97.0	—	45.2	81.5
809		—	—	—	—	—	99	—		59	47	27	37	32	129	—	—	20	—	2	3	„	2	—	—	—	—	—	—	57.5	86.5
795		168	—	122	111	89	96	86	128	69	52	23	38	37	139	77	82	22	Sr.	3	3	„	—	—	—	—	56.5	96.6	53.9	44.2	97.3
796		181	—	—	106	—	—	—	128	63	48	25	37	29	127	—	79	25	Pt.	3	4	„	2	—	—	—	—	—	49.2	52.0	78.4
589	33	180	133	129	106	100	103	97	—	64	49	27	41	32	126.5	81	79	12	Ell.	1	3	F. p.	—	73.0	82.5	77.5	49.6	97.0	—	55.1	78.0
628	34	174	144	128	110	101	98	94	132	75	54	24	37	34	122	82	87	18	Ept.	2	3	Ant.	3	82.8	80.5	68.0	58.6	93.0	56.8	44.5	91.8
522	31	179	131	127	104	95	86	88	121	62	46	22	38	33	122	81	83	—	Pt.	2	3	„	—	73.2	81.9	65.6	48.8	92.7	51.2	47.8	86.9
592	33	175	145	131	117	100	—	93	131	74	52	26	38	35	128	84	89	—	Sr.	2	3	„	4	82.8	81.8	—	56.5	93.0	56.5	50.0	92.1
590	33	173	147	125	114	96	97	97	138	62	45	24	41	33	137.5	87	83	14	Sn.	3	2	„	3	85.0	78.1	66.0	49.7	101.0	44.9	53.3	80.5
523	31	182	131	128	110	100	95	94	123	75	51	22	38	36	130.5	80	84	41!	Pt.	2	3	„	—	72.0	81.8	72.5	58.6	94.0	61.0	43.1	94.7
626	34	183	133	130	108	97	92	88	131	66	50	24	39	34	127	87	86	32	Ov.	3	3	„	4	72.6	82.3	69.2	50.8	90.7	50.3	48.0	87.1
598	33	171	142	127	109	—	96	—	133	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sn.	3	—	—	—	83.0	81.1	67.5	—	—	—	—	—
524	31	175	144	135	115	97	103	—	135	—	—	—	39	35	—	83	—	—	Sn.	3	—	—	—	82.3	84.6	71.5	—	—	—	—	89.7
528	31	169	147	—	115	—	98	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sr.	3	—	—	—	87.0	—	66.6	—	—	—	—	—
627	34	167	134	127	103	90	96	85	127	67	49	22	37	33	136	83	82	—	Sr.	2	3	Ant.	—	80.2	84.5	71.6	52.8	94.5	52.8	44.9	89.2
630	34	172	135	122	103	97	92	—	128?	66	52	24	36	34	139.5	83	—	—	Ov.	3	3	„	—	78.5	79.5	68.1	54.1	—	51.5	46.1	94.5
629	34	169	133	—	109	—	91	—	—	61	50	24	39	32	—	—	—	—	Ov.	2	4	F. p.	2	78.7	—	68.5	—	—	—	48.0	82.0
596	Нешифрованные материалы	—	—	—	—	—	100	96	129	68	—	—	38	33	124	—	—	—	—	2	1	Ant.	—	—	—	—	—	96.0	52.7	—	86.8
599		132	145	127	109	97	99	—	—	—	—	—	37	30	—	84	—	—	Ept.	2	4	—	—	79.7	77.7	68.3	—	—	—	—	81.1
527		187	142	—	—	—	99	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ell.	2	—	—	—	76.0	—	69.7	—	—	—	—	—
593		158	136	—	—	—	95	—	—	63	44	25	35	30	132.5	—	—	30	—	1	3	Ant.	2	86.1	—	69.3	—	—	—	56.8	85.7
475		—	—	—	—	—	87	—	132	68	50	24	35	33	132	—	—	21	—	2	2	F. p.	2	—	—	—	—	—	51.5	48.0	94.3
474		180	133	126	109	95	93	—	124	—	—	—	42	32	—	—	—	—	Pt.	2	—	—	—	73.9	80.5	69.9	—	—	—	—	76.2
603		175	138	123	108	89	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Ov.	2	—	—	—	78.9	78.6	68.8	—	—	—	—	—
569		170	—	—	—	—	97	—	—	67	49	23	39	33	—	—	—	—	—	1	3	Ant.	2	—	—	—	—	—	—	46.9	84.5
607		—	—	—	—	—	97	—	—	65	49	20	40	34	—	—	—	—	—	2	4	„	4	—	—	—	—	—	—	[illegible]	85.0
775		182	131	125	108	95	91	100	121	71	53	27	36	31	123	85	89	24	Ell.	3	3	F. p.	2	72.0	79.9	69.5	56.8	105.2	58.6	51.0	86.1
58	7	166	150	128	110	93	91	90	136	74	51	25	36	34	137.5	79	83	26	Ept.	2	3	Ant.	3	90.4	81.0	60.6	57.8	96.8	54.4	49.0	94.5
1	1	170	152	127	114	94	98	—	134	—	49	25	36	33	146.5	81	86	18	Sr.	3	2	F. p.	—	89.5	78.8	64.5	—	—	—	51.0	91.7

V. Заключение

Имеющиеся данные по краниологии крымских готов не дают, таким образом, указаний на миграцию с севера. Основная масса населения была местного происхождения. Это не значит, конечно, что антропологические данные полностью отвергают возможность какой бы то ни было примеси типа скандинавского происхождения. Но такая примесь, если она и была, сводилась к количественно весьма незначительному проценту, не оказавшему заметного влияния на антропологический состав населения.

Основной тип населения средневековых „готских" городов горного Крыма обнаруживает наиболее близкое сходство с типом сармат волжской дельты и, повидимому, крымских тавров. Этот тип является также основным типом населения Цымлянского городища, которое, по мнению М. И. Артамонова, отождествляется с хазарской столицей — Саркелом. Он прослеживается также в Зливкинском могильнике хазаро-аланского времени на Украине. В настоящее время этот тип в наиболее чистом виде выявляется у горцев Северного Кавказа.

Автохтонный „таврский" тип составлял, повидимому, также весьма значительную прослойку и в населении Херсонеса. Но там, в противоположность горному Крыму, примесь чужеземного элемента весьма ощутительна.

Палеоантропологическое исследование „готской" проблемы далеко нельзя считать законченным. Несмотря на значительное число имевшихся в моем распоряжении черепов, дают себя чувствовать весьма существенные пробелы в материале. Не говоря о крайне малом числе черепов ранних эпох, весьма досадно отсутствие материалов по сельскому населению той же эпохи. Будущие археологические раскопки должны восполнить эти пробелы.

Черепа папуасов из коллекции Н. Н. Миклухо-Маклая[1]

П. Ф. Тараторкина

Папуасы и их черепа впервые в литературе описаны французскими путешественниками Куа и Гаймаром (Quoy et Gaimard) в 1823 г. После 20-дневного пребывания на о. Равак и Вежиу (Rawack et Vaigiou) они дали описание внешнего облика папуасов и трех черепов. В 1859 г. К. Бэр описал три папуасских черепа, подаренные Пейчем в Академию Наук.[2] Катрфаж и Ами (Quatrefage et Hamy) в большом труде 1878—1879 гг. дают полную сводку материала, известного в то время о папуасах. По свидетельству авторов, население Новой Гвинеи впервые стало известно португальским путешественникам в начале XVI в., и Гривальджи (Grivaljo, 1537) отнес их к неграм. Название „папуасы" дано малайцами, обозначает „курчавый" и приняло этнографическое значение с опубликования работы голландского путешественника де-Валентин (de Valentyn, 1724), который назвал „Papoewas" черных, обитающих на о. Серам.

Адмирал Литке первый встретил папуасов в Микронезии во время своего путешествия в 1826—1829 гг. Катрфаж и Ами отмечают, что французы и русские сделали наиболее важные для науки открытия в путешествиях. Любопытно также отметить, что эти авторы считаются с данными Миклухо-Маклая еще в начале его путешествия больше, чем с мнением авторитетного тогда Вирхова, выражает крайнее удивление, найдя у одного из них черепной указатель 72.28, у другого 78.8. Вирхов менее всего был расположен приписать это различие индивидуальным чертам, в противоположность Миклухо-Маклаю, находившему и утверждавшему разнообразие индивидуальных отличий.

Катрфаж и Ами отмечают в итоге, что 296 черепов папуасов обоих полов дают средний черепной указатель 71.03. Прибавление индексов 106 индивидуумов, представляющих более или менее помеси, дает средний указатель 71.22. Папуасы отличаются от других „тихоокеанских

---

[1] Доложено на сессии, посвященной 100-летнему юбилею со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая в Институте этнографии Академии Наук СССР.

[2] K. E. Baer. Ueber Papuas und Alfuren. St.-Petersburg, 1859.

негров“ долихоцефалией; таков их вывод. Миклухо-Маклай установил наличие у папуасов брахицефалии, и средний головной указатель равным 77.

Рогинский в юбилейной статье,[1] посвященной Миклухо-Маклаю, отмечая наиболее важные результаты, полученные последним в антропологии Океании, говорит, что работы Миклухо-Маклая составили эпоху в изучении народов Океании и что в ряде положений он опередил науку своего времени.

На Новую Гвинею Миклухо-Маклай отправился как зоолог, наметив наряду с зоологическими исследованиями и изучение населения. Значение его зоологических коллекций и исследований, включая и организованную им в 1881 г. зоологическую станцию в Сиднее, теряется в сравнении с тем, что он дал в части этнографии и антропологии папуасов (это своеобразно отразилось в письме Л. Толстого к Миклухо-Маклаю). Миклухо-Маклай никогда не упускал случая произвести антропологическое исследование туземцев. Он изучил свыше 730 человек. Это ему удалось благодаря такту, находчивости и приобретенному авторитету.

Коллекции черепов, собранных путешественниками, обычно немногочисленны. Наиболее богатая коллекция Дрезденского музея состоит из 135 папуасских черепов, собранных Мейером в 1873 г. на Новой Гвинее и о. Мизор. Однако Миклухо-Маклай сомневается в достоверности папуасского происхождения этих черепов, собранных в таком количестве в короткое время, имея в виду по личному опыту трудности добывания подлинных папуасских черепов. Он пишет: „Малое количество несомненно папуасских черепов, находящихся в европейских музеях, побудило меня старательно собирать их здесь. Но получить череп, особенно с нижней челюстью, нелегко вследствие следующих обстоятельств. После пребывания трупа около года в земле его выкапывают родственники, по крайней мере голову; нижнюю челюсть тщательно отделяют от черепа, очищают и сохраняют; череп же бросают в каком-нибудь углу деревни в кусты. Эти черепа могут сохраняться лишь немногие годы, поэтому в каждой деревне можно найти черепа лишь недавно умерших“ (Путешествия, 1923, стр 339).

Отдавая дань состоянию науки своего времени, придававшей большое значение головному указателю, Миклухо-Маклай писал: „Не полагаю основательным придавать большое значение размерам черепа, но считаю, несмотря на то, индексы ширины и высоты черепа в ряду антропологических измерений, при настоящем весьма ограниченном методе антропологических измерений, цифрами очень важными“ (Путешествия, 1923, стр. 40). Миклухо-Маклай опровергает установившееся в литературе положение, что папуасы исключительно долихоцефалы. Из сотен его наблюдений следует, что головной указатель у папуасов сильно варьирует — от 62.0 до 86.45 и даже до 87.8, при среднем показателе 77.

Учитывая большую вариабильность головного указателя вообще, Миклухо-Маклай относит к папуасам и негритосов. „Несмотря на то, что папуасы долихоцефалы, а негритосы брахицефалы, все же они принадле-

---

[1] Я. Я. Рогинский. Н. Н. Миклухо-Маклай. Сов. этнография № 2, 1946.

жат к племени папуасов", — утверждает Миклухо-Маклай. „Не только их лица, но их обращение между собою, с женщинами, с детьми, даже выражение их лица, манера говорить и сидеть, их пляски и песни напомнили мне живо папуасов Новой Гвинеи... Собрание рудиментов языка, а также сохранившихся обычаев подтверждает убеждение, что хотя негритосы о. Люсона и брахицефалы, но они положительно принадлежат к племени папуасов" (из письма К. Бэру от 2 апреля 1873 г.). Таким образом, Миклухо-Маклай разбивает установленную до него грань между папуасами и негритосами Филиппинских о-вов, установленную лишь на основании формы головы, и ставит в основу принадлежности к племени целый комплекс признаков, не только антропологических. Жителей берега Папуа-Ковиай (юго-западная часть Новой Гвинеи) Миклухо-Маклай не отделяет в антропологическом отношении от папуасов восточного берега Новой Гвинеи.

На о-вах Агомес Миклухо-Маклай сделал наблюдения и измерения меланезийцев и дал следующие замечания. „Значительный и тщательно собранный материал, полученный после 119 измерений позволяет вывести несколько замечаний. Именно потому, что материал этот был заботливо собран и собран на месте, я позволю себе сообщить результат, из него вытекающий, нисколько не заботясь — совпадает ли он или совершенно противоречит положениям других антропологов, имевших возможность в Европе исследовать несколько черепов слишком нередко сомнительного происхождения" (Острова Агомес, Известия РГО, т. XV, стр. 13). Несовпадение с положениями других антропологов опять же касается индекса ширины (головного указателя).

Головной указатель меланезийцев колеблется в значительных пределах 69.6—84.5. Миклухо-Маклай пишет: „Вследствие недостаточности наблюдений в антропологической литературе папуанизм и долихоцефализм стали почти синонимами. При этом случае снова повторяю уже высказанное мною мнение, что форма головы не может составлять доказательства племенного различия, так как разновидности папуасского или меланезийского племени показывают более или менее наклонность к брахицефалии, которая считалась отличительной чертой папуасов Филиппинских островов" (Острова Агомес, стр. 15).

Общая характеристика черепов папуасов Новой Гвинеи, данная Миклухо-Маклаем, такова: „Череп папуасов берега Маклая долихоцефален (индекс 77), высокий (индекс 72). При рассматривании сбоку (в профиль) верхний контур его представляется весьма выпуклым. При взгляде спереди или сзади череп кажется крышеобразным. Лоб с боков сильно сдавлен и скуловые кости сильно выдаются в стороны. Надбровные дуги часто бывают сильно развиты. Затылок широкий и плоский. Искусственной деформации головы, как мне положительно известно, у папуасов берега Маклая не практикуется" (Путешествия, 1923, стр. 336—338). И далее: „Верхняя челюсть значительно развита и довольно прогнатна. Верхний ряд зубов выдается над нижним. Нижняя челюсть спереди узка с выступающими боковыми углами" (там же). Сказанное вполне относится и к черепам коллекции.

Лицо папуасов Миклухо-Маклай описывает так: „Немного покатый невысокий и узкий лоб, приплюснутый широкий нос, часто с большими ноздрями, широкий, выдающийся вперед рот с выпяченной верхней губой, уходящий назад подбородок и, наконец, выдающиеся скулы, представляющие резкий контраст с узким лбом, — вот приблизительно господствующий тип здешних папуасов. Но не все лица можно подвести под эту схему. Попадаются и прямые и не особенно плоские носы, даже большие загнутые губы, так же не у всех толстые и выпяченные, встречаются и узкие, причем иногда и подбородок не отступает заметно назад" (Путешествия, 1923, стр. 214). На берегу Папуа-Ковиай существует примесь других рас, вследствие наезда сюда торговцев. Результаты смешения проявляются только у отдельных, и то немногочисленных, особей в семьях начальников. Папуасский тип у этих особей, однако, преобладает. Миклухо-Маклай установил единство папуасского населения Новой Гвинеи и других островов.

Миклухо-Маклай ограничился небольшим количеством антропологических измерений и писал: „Только более полное краниологическое исследование может дать достаточную основу для классификации племен". (Острова Агомес, стр. 15). Поэтому детальное изучение папуасских черепов, собранных Миклухо-Маклаем, явится дополнением к сделанной им описательной характеристике головы и лицам живых папуасов.

Коллекция из 33 черепов, собранных Миклухо-Маклаем в различные годы его пребывания на Новой Гвинее и других островах, хранится в Музее антропологии и этнографии Института этнографии Академии Наук СССР. В целом эта серия еще не была описана; лишь несколько черепов из этого собрания описаны Фридолиным. Среди 33 черепов данной серии только 6 черепов с нижней челюстью; 2 черепа без лицевой части. Этнически 27 черепов принадлежат папуасам (из них 21 из Новой Гвинеи, два с о. Лидия, один с о. Серам и три с Молукских о-вов), один череп маори (Новая Зеландия), один мориори (о. Чатам), три меланезийских черепа и один с о. Люсон без обозначения народности. По полу — 25 мужских и 8 женских черепов; по возрасту — 27 возмужалого, 3 зрелого возраста, 2 юношеских, и 1 старческий череп. В настоящей работе рассматриваются 24 папуасских черепа возмужалого и зрелого возраста (16 мужских и 8 женских).

Из измерений, индексов и описательных признаков в прилагаемых таблицах отметим некоторые, придерживаясь рубрик для характеристики больших рас, принятых в учебнике антропологии.[1]

1. Горизонтальная профилировка лица у папуасов средняя, надбровье выступающее.

2. Собачья ямка преобладает средне-глубокая.

3. Прогнатизм значительный. У мужчин лицевой угол 70—85° средний угол 76.8°), у женщин 70—82° (средний угол 76.8°). Альвеолярный угол у мужчин 59—82° (средний угол 67.6°); у женщин 64—77° (средний угол 67.0°). Не прогнатных черепов нет.

[1] В. Бунак, М. Ф. Нестурх, Я. Я. Рогинский. Антропология. Краткий курс. 1941.

4. Нёбная дуга широкая. У мужчин индекс ширины нёба 90—113 (средний индекс 99.0); у женщин 86.4—100.0 (средний индекс 93.2).

5. Выступание носа слабое и среднее. Угол спинки носа к линии профиля лица у мужчин 4—29° (средний угол 20.1°), у женщин 5—24° (средний угол 17°).

6. Нижний край грушевидного отверстия. Fossa praenasalis отмечена 8 раз (34.8%); sulcus praenasalis — 4 раза (17.4%); infantilis — 3 раза (13.0%) и antropina — 8 раз (34.8%).

7. Носовой указатель у мужчин 42.6—56.5 (средний указатель 50.1); у женщин 49.0—59.0 (средний указатель 52.8).

8. Орбитный указатель у мужчин 76.2—92.1 (средний 80.9); у женщин 78.6—92.7 (средний 83.4).

9. Лобно-теменной указатель у мужчин 66.0—75.4 (средний 69.8); у женщин 64.9—75.0 (средний 70.3).

10. Верхняя высота лица небольшая. У мужчин 59—74 (средняя 65.7); у женщин 54—67 (средняя 62.9).

11. Скуловая ширина небольшая. У мужчин 124—139 (средняя 131.2); у женщин 118—125 (средняя 121.5).

12. Отношение верхней высоты лица к высоте черепной коробки у мужчин 45.0—55.6 (среднее 50.2); у женщин 43.6—54.0 (среднее 49.6).

13. Отношение ширины скул к ширине черепа у мужчин 91.8—103.9 (среднее 98.9), у женщин 77.8—100.0 (среднее 91.9).

Таким образом, у папуасов встречаются признаки, считающиеся характерными для негроидов, например прогнатизм, небольшая верхняя высота лица, отношение ее к высоте черепа и др. Встречаются у них также признаки, считающиеся характерными для монголоидов, например широкая нёбная дуга. Из более детальных признаков отметим следующие: лицо узкое и низкое, более или менее покатый, невысокий узкий лоб. В коллекции встречаются и убегающий (рис. 3, 5), и прямой (рис. 12, 13), и несколько выпуклый лоб (рис. 10). Спинка носа на черепах в 9.4% выпуклая (рис. 9), в 66.6% вогнутая (рис. 5) и в 24% прямая (рис. 14). Переносье низкое, широкое, уплощенное со слабо выраженным надпереносьем (глабеллой) (рис. 6, 11, 12, 16), и высокое, глубокое при сильно выраженном надпереносье (рис. 7, 8, 14). При описании лица папуасов Миклухо-Маклай обращает внимание на часто встречающиеся у них крупные большие зубы.

Размеры и форма головы папуасов колеблются в больших пределах. Головной указатель по различным авторам значительно варьирует.

По данным Миклухо-Маклая, головной указатель папуасов 62.0—86.45; средний 77. В исследуемой коллекции 66.8—87.0; средний 75.4. Катрфаж и Ами (1878—1879) дают цифры 63.93—77.71; средний 71.03. По данным Доней (Doney, 1897), 65.0—77.0; средний 72.4. По данным Чалмерса (Chalmers, 1898), головной указатель папуасов Папуасского залива 69—92; средние индексы в различных деревнях 70—76.3—77.7—83. По данным Фридолина (1900), 66.8—81.2; средний 74.5; у Деникера (1902) приведены средние 72.0 и 74.2.

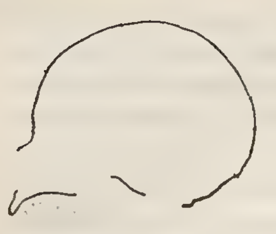

Рис. 1. Череп № 2, ж. Новая Гвинея.

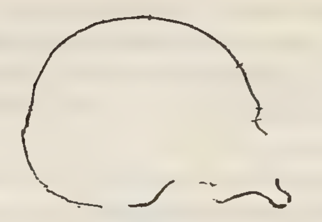

Рис. 2. Череп № 4, м. Новая Гвинея.

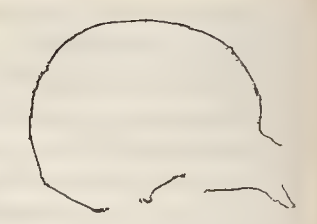

Рис. 3. Череп № 5, ж. Новая Гвинея.

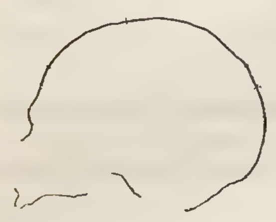

Рис. 4. Череп № 12, м. Новая Гвинея.

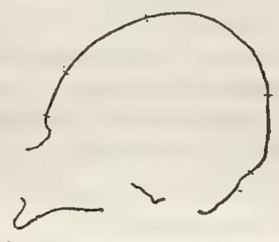

Рис. 5. Череп № 15, м. Новая Гвинея, о. Мабиак. Самый короткий (87.8) и самый высокий (81.1) череп в коллекции. Плоский затылок, покатый лоб.

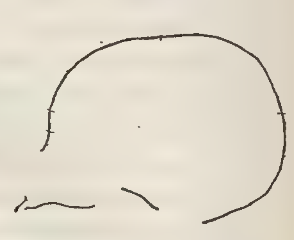

Рис. 6. Череп № 20, м. Молукские о-ва.

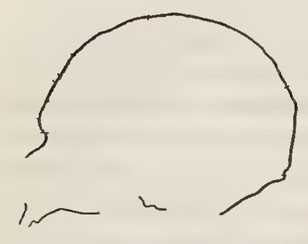

Рис. 7. Череп № 22, м. Молукские о-ва. Хальмагера.

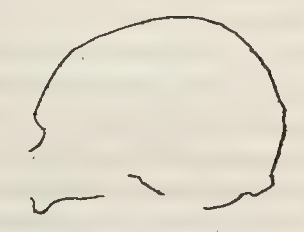

Рис. 8. Череп № 27, м. Голландская Новая Гвинея, берег Папуа-Ковиай. Айдума. Сильно выраженное надпереносье, глубокое переносье, вогнутая спинка носа. Сильно выражен torus. Шероховатый рельеф затылочной кости.

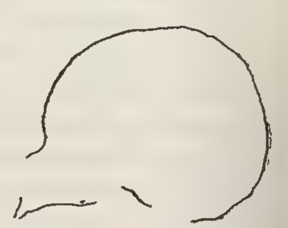

Рис. 9. Череп № 29, ж. Новая Гвинея, Ханубада. Выпуклая спинка носа.

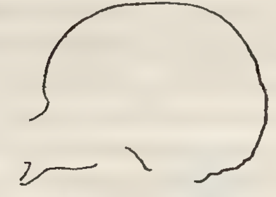

Рис. 10. Череп № 33, ж. Новая Гвинея, берег Маклая, дер. Энглам-Мана. Низко расположенный ламбдовидный шов.

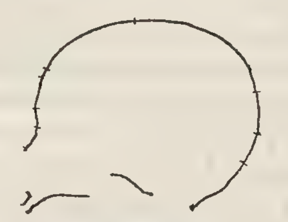

Рис. 11. Череп № 34, ж. Новая Гвинея. Низкое уплощенное переносье.

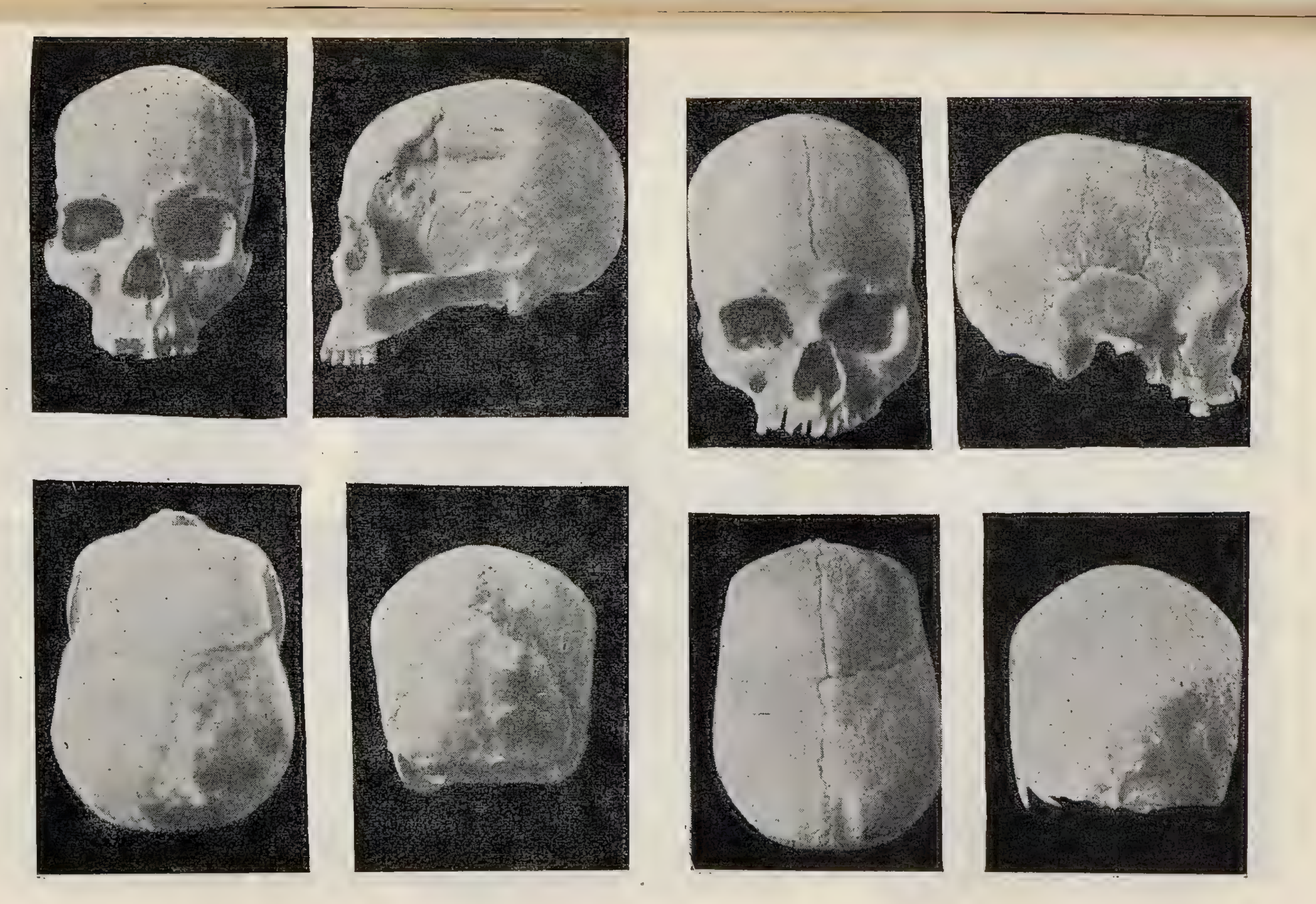

Рис. 12. Череп № 11, ж., Новая Гвинея.

Рис. 13. Череп № 16, ж., о. Серам.

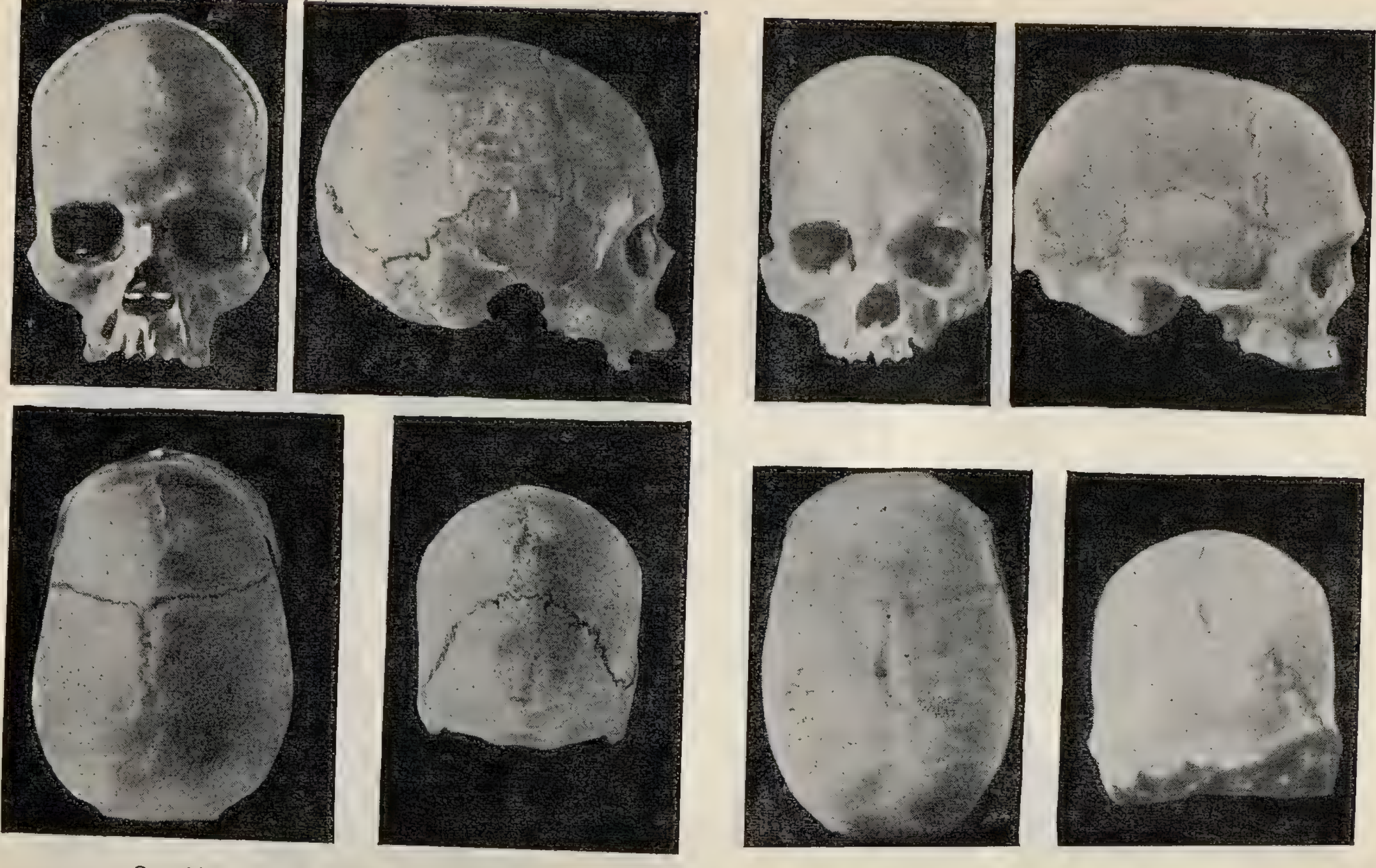

Рис. 14. Череп № 24, м., Молукские о-ва.

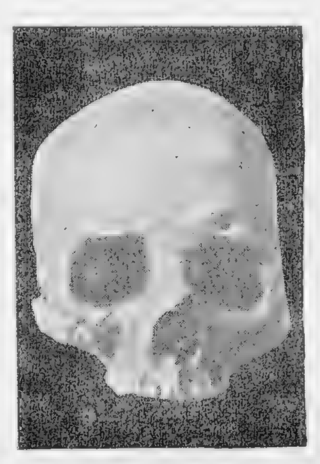
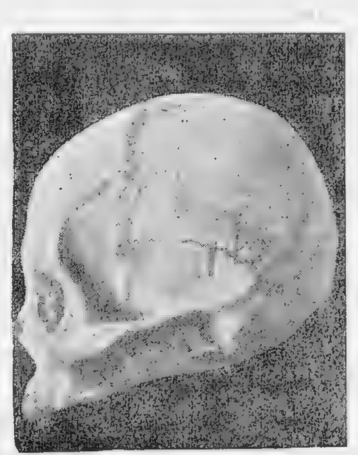
Рис. 15. Череп № 25, м., о. Лидия.
Самый длинный (66.8) череп коллекции.

Женские черепа данной коллекции более брахицефальны (76.4), чем мужские (74.7), что отмечает и Миклухо-Маклай у папуасского населения. Итак, различные источники дают средние указатели папуасского черепа от 70 до 83.

В упомянутом уже учебнике антропологии даны средние индексы широты черепа для папуасов 68—70 и для меланезийцев 72—73 (стр. 288), что не соответствует только что приведенным данным из различных источников.

Исследования после Миклухо-Маклая существенных изменений в антропологию папуасов не внесли и только подтверждают значение материалов Миклухо-Маклая как первоисточника в изучении народов Океании.

Ценность и значимость антропологических материалов Миклухо-Маклая остаются непревзойденными, учитывая тщательность и точность его наблюдений и то, что черепа его коллекции несомненно папуасские.

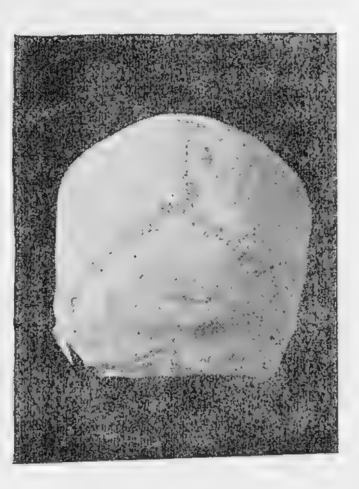

Рис. 16. Череп № 28, м., Новая Гвинея, берег Маклая, дер. Бонгу.
Поперечный шов в затылочной кости.

Основным выводом из материала является положение, что тип папуасов обладает значительной вариабильностью за счет индивидуальной изменчивости и что он не является типично долихоцефальным.

Для более подробной характеристики черепов папуасов приводим таблицы измерительных и описательных признаков 24 черепов и некоторые сделанные нами контуры, а также фотографии 5 черепов, заимствованные у Фридолина.[1]

---

[1] Fridolin. Südseeschädel. Arch. f. Anthropologie, XXVI, 1900.

ТАБЛИЦА 1

Абсолютные размеры черепа

№№ по Мартину		Мужские черепа																	Женские черепа								
		Новая Гвинея							Молукские острова		о. Лидия	Молукские острова	о. Лидия	Голландская Новая Гвинея		Новая Гвинея, берега Маклая			Новая Гвинея					о. Серам	Новая Гвинея		
		Ad № 3	Ad № 4	Ad № 8	Ad № 9	Mat № 12	Ad № 14	Ad № 15	Ad № 20	Ad № 22	Ad № 23	Ad № 24	Ad № 25	Ad № 26	Mat № 27	Ad № 28	Ad № 33	M	Ad № 2	Ad № 5	Mat № 6	Ad № 10	Ad № 11	Ad № 16	Ad № 29	Ad № 34	M
1	Наибольшая длина черепа	179	178	178	174	173	175	164	180	190	180	186	193	174	184	162	164	177.1	167	165	174	165	161	178	169	168	168.4
2	Длина черепа g — i	177	169	170	170	165	164	163	165	187	171	178	191	161	180	160	155	170.4	156	164	168	157	160	170	165	167	163.4
5	Длина основания черепа n — ba	100	100	96	94	95	91	98	100	107	97	102	108	90	101	94	90	97.6	95	100	94	93	93	105	95	98	96.6
8	Наибольшая ширина черепа	129	134	131	134	131	130	144	131	141	130	130	129	—	126	127	135	132.1	126	131	128	132	124	132	124	134	128.9
9	Наименьшая ширина лба	90	91	93	93	90	90	95	94	94	94	92	91	90	95	91	90	92.0	92	85	88	87	90	99	91	92	90.5
10	Наибольшая ширина лба	107	116	107	115	111	110	117	111	116	107	108	111	—	112	107	113	111.2	106	103	104	120	—	115	117	108	110.4
13	Сосцевидная ширина	100	99	95	97	100	100	119	99	109	103	103	105	90	115	97	94	101.6	95	95	—	92	88	104	95	93	94.6
17	Высота черепа ba — b	129	135	126	125	127	126	133	129	143	132	138	134	120	128	125	124	129.6	127	123	124	124	124	135	130	128	126.9
23	Горизонтальная окружность черепа	495	500	500	495	494	490	485	500	520	510	508	525	—	500	468	480	498.0	470	475	490	478	462	500	475	480	478.8
24	Поперечная дуга po — b — po	295	295	290	295	275	285	310	285	312	295	290	303	—	292	282	290	292.9	286	290	290	280	275	—	285	290	285.1
25	Саггитальная дуга n — o	358	350	363	355	350	350	345	362	366	370	393	382	356	370	337	335	358.3	332	320	353	343	335	355	355	343	342.0
11	Биаврикулярная ширина	102	118	115	120	125	118	127	120	130	117	108	120	105	120	115	115	117.2	108	117	111	111	101	120	113	115	112.0

ТАБЛИЦА 2

Черепные углы и индексы

№№ по Мартину		Мужские черепа																	Женские черепа								
		Новая Гвинея							Молукские острова		о. Лидия	Молукские острова	о. Лидия	Голландская Новая Гвинея		Новая Гвинея, берег Маклая			Новая Гвинея					о. Серам	Новая Гвинея		
		Ad № 3	Ad № 4	Ad № 8	Ad № 9	Mat № 12	Ad № 14	Ad № 15	Ad № 20	Ad № 22	Ad № 23	Ad № 24	Ad № 25	Ad № 26	Mat № 27	Ad № 28	Ad № 33	M	Ad № 2	Ad № 5	Mat № 6	Ad № 10	Ad № 11	Ad № 16	Ad № 29	Ad № 34	M
31	Угол профиля лба n — m — OAE	82°	77°	79°	76°	76°	92°	77°	85°	75°	86°	80°	80°	83°	78°	75°	83°	80.3°	77°	78°	85°	78°	80°	85°	76°	77°	79.5°
32_1	Угол наклона лба n — b — OAE	51°	43°	49°	47°	48°	71°	52°	52°	51°	55°	48°	47°	47°	47°	46°	53°	50.4°	54°	47°	52°	50°	50°	48°	46°	49°	49.5°
33_4	Угол изгиба затылка l — i — o	110°	127°	111°	120°	127°	130°	112°	133°	123°	130°	126°	111°	124°	115°	126°	125°	122.5°	132°	130°	120°	130°	121°	—	121°	142°	128.0°
38	Вместимость черепа (1.8.17) : 2	1489	1610	1469	1457	1439	1433	1570	1461	1915	1544	1677	1668	—	1483	1485	1372	1538	1336	1339	1380	1361	1288	1585	1351	1440	1385
8 : 1	Поперечно-продольный указатель	72.1	75.3	73.6	77.0	75.7	74.3	87.8	72.8	74.2	72.2	69.9	66.8	—	68.5	78.4	82.3	74.7	74.5	80.0	73.6	80.0	77.0	74.2	74.4	79.8	76.7
17 : 1	Высотно-продольный указатель	72.6	75.3	70.8	71.8	73.4	72.0	81.1	71.7	75.3	73.1	74.2	69.4	69.0	69.6	77.2	75.6	73.2	76.1	74.6	71.5	75.8	77.0	75.8	76.3	76.2	75.4
17 : 8	Высотно-поперечный указатель	100.0	100.0	96.2	93.3	97.0	97.0	92.4	98.5	101.4	101.2	106.2	103.9	—	101.6	98.4	91.9	98.6	100.8	93.2	96.9	94.7	100.0	102.3	104.0	95.5	98.4
9 : 8	Лобно-теменной указатель	60.8	68.0	71.0	69.1	68.7	69.2	66.0	71.8	66.7	72.3	70.8	70.5	—	75.4	71.7	66.7	69.8	73.1	64.9	68.8	65.9	72.6	75.0	73.4	68.7	70.3

ТАБЛИЦА 3

Абсолютные размеры лица

№№ по Мартину		Мужские черепа																	Женские черепа								
		Новая Гвинея							Молукские острова		о. Лидия	Молукские острова	о. Лидия	Голландская Новая Гвинея		Новая Гвинея, берег Маклая			Новая Гвинея				о. Серам	Новая гвинея			
		Ad № 3	Ad № 4	Ad № 8	Ad № 9	Mat № 12	Ad № 14	Ad № 15	Ad № 20	Ad № 22	Ad № 23	Ad № 24	Ad № 25	Ad № 26	Mat № 27	Ad № 28	Ad № 33	M	Ad № 2	Ad № 5	Mat № 6	Ad № 10	Ad № 11	Ad № 16	Ad № 29	Ad № 34	M
40	Длина лица ba — prostion	104	105	105	102	93	—	111	105	111	105	105	100	95	97	95	95	101.8	101	108	102	93	93	103	100	95	100.0
43	Верхняя ширина лица	106	106	105	105	98	103	110	102	103	106	105	109	97	108	100	98	104.1	99	100	101	93	—	107	101	101	100.2
44	Биорбитальная ширина	99	100	97	98	96	103	101	95	97	98	95	100	88	120	92	87	97.9	94	92	94	92	95	97	93	93	93.8
44a	Назомалярная ширина	100	100	95	93	98	95	100	92	98	100	94	101	88	100	93	90	96.3	94	93	95	92	—	97	94	95	94.3
45	Скуловой диаметр	132	132	128	131	136	—	133	—	139	123	—	134	—	130	127	124	131.2	—	124	118	122	120	—	125	120	121.5
46	Средняя ширина лица	100	102	100	96	93	—	95	99	107	95	96	101	90	100	94	86	96.9	90	92	87	88	93	100	96	89	91.2
48	Высота верхней части лица n — prost	67	65	67	65	61	—	74	65	70	59	65	69	59	68	67	64	65.7	63	66	66	54	67	64	63	60	62.9
50	Передняя межорбитальная ширина	22	23	21	25	24	26	23	20	21	24	21	26	18	20	21	19	22.1	20	21	20	22	20	22	19	21	20.6
51	Ширина орбиты	42	40	42	42	42	—	41	41	42	41	40	42	37	41	41	38	40.8	40	41	41	38	40	39	42	40	40.1
52	Высота орбиты	34	31	32	33	32	—	32	32	35	34	31	34	34	34	32	35	33.0	32	34	37	32	33	—	33	34	33.5
54	Ширина носа (грушевидное отверстие)	25	26	27	24	27	—	24	25	23	25	25	26	26	26	23	24	25.1	29	24	24	23	25	26	23	24	24.8
55	Высота носа	53	49	48	50	49	—	52	51	54	46	47	54	45	51	49	50	49.8	48	49	47	39	46	50	47	43	46.8
56	Длина носовой кости	22	18	19	—	17	—	23	17	23	—	18	24	—	20	24	22	20.5	19	26	21	15	—	—	24	21	21.0
57	Наименьшая ширина носовой кости	11	12	13	10	12	—	10	10	9	—	10	12	—	7	11	7	10.3	9	7	8	12	10	11	7	7	8.9
57_1	Наибольшая ширина носовой кости	18	17	17	16	16	—	18	15	17	—	22	19	18	16	18	15	17.3	18	17	16	16	—	—	16	15	16.3
61	Высота спинки носа	8	9	5	6	5	—	8	5	7	—	6	9	—	7	7	5	6.7	6	6	5	4	5	7	6	6	5.8
62	Длина нёба	50	51	49	50	41	—	55	48	46	47	50	47	41	41	43	45	47.1	44	50	48	46	47	41	49	42	45.8
63	Ширина нёба	52	48	45	45	46	—	50	47	47	50	48	50	45	—	43	44	47.1	38	45	—	46	46	50	46	46	45.3
64	Высота нёба	17	17	13	11		—	12	8	12	10	11	8	10	—	11	11	11.3	11	15	—	4	14	10	5	10	9.9

ТАБЛИЦА 4

Лицевые углы и индексы

№№ по Мартину		Мужские черепа																	Женские черепа								
		Новая Гвинея						Молукские острова			о. Лидия	Молукские о-ва	о. Лидия	Голландская Новая Гвинея		Новая Гвинея, берег Маклая			Новая Гвинея					о. Серам	Новая Гвинея		
		Ad № 3	Ad № 4	Ad № 8	Ad № 9	Mat № 12	Ad № 14	Ad № 15	Ad № 20	Ad № 22	Ad № 23	Ad № 24	Ad № 25	Ad № 26	Mat № 27	Ad № 28	Ad № 33	M	Ad № 2	Ad № 5	Ad № 6	Ad № 10	Ad № 11	Ad № 16	Ad № 29	Ad № 34	M
72	Лицевой угол n — p — OAE	81°	70°	76°	73°	79°	—	72°	78°	79°	77°	75°	85°	74°	85°	81°	75°	77.3°	77°	75°	77°	77°	76°	82°	70°	80°	76.8°
73	Угол средней части лица n—nasospinale—OAE	80°	73°	85°	77°	80°	—	75°	82°	81°	76°	76°	89°	80°	81°	85°	77°	79.8°	77°	78°	80°	83°	80°	67°	70°	85°	80.0°
74	Альвеолярный угол nasospinale — p — OAE	80°	60°	57°	63°	73°	—	62°	66°	72°	82°	70°	71°	59°	—	65°	66°	67.6°	77°	64°	70°	62°	67°	64°	64°	68°	67.0°
75	Угол спинки носа n — rh — OAE	58°	43°	70°	55°	57°	—	43°	74°	57°	—	47°	71°	—	59°	63°	49°	57.4°	53°	57°	60°	58°	63°	77°	47°	64°	59.9°
75_1	Угол спинки носа к лицевому профилю (72 — 75)	22°	29°	6°	17°	21°	—	29°	4°	21°	—	23°	14°	—	26°	18°	27°	20.1°	24°	18°	17°	19°	13°	5°	22°	18°	17.0°
48/45	Верхний лицевой указатель	50.8	49.2	52.3	49.6	44.9	—	55.6	—	50.4	46.1	—	51.5	—	46.2	52.8	51.6	50.1°	—	53.2	56.0	44.3	55.8	—	50.4	50.0	51.6°
52/51	Орбитный указатель	81.0	77.5	76.2	78.6	76.2	—	80.5	78.1	83.3	82.9	77.5	77.3	91.9	83.0	78.1	92.1	80.9	80.0	83.0	92.7	84.2	82.5	79.5	78.6	87.2	83.4
54/55	Носовой указатель	47.2	53.0	56.3	48.0	55.1	—	45.3	49.0	42.6	52.2	53.2	48.2	56.5	51.0	46.9	48.0	50.1	54.2	49.0	51.0	59.0	56.8	52.0	49.0	51.0	52.8
63/62	Указатель ширины нёба	104.0	94.1	91.8	90.0	104.5	—	91.0	97.9	100.0	113.6	104.2	106.4	91.1	—	100.0	97.8	99.0	86.4	90.0	—	100.0	97.8	—	93.9	91.3	93.2
40/5	Отношение длины лица к длине основания	104.0	105.0	109.4	108.5	98.0	—	113.3	100.0	103.7	92.4	102.0	92.5	94.7	95.0	100.0	105.6	101.6	106.3	108.0	108.3	100.0	105.4	93.1	95.0	97.0	102.3
45/8	Отношение скулового диаметра к ширине черепа	102.3	98.5	97.7	97.7	103.0	—	92.4	—	98.6	98.5	—	103.9	—	103.0	100.0	91.8	98.9	77.8	94.6	92.2	92.4	96.3	—	100.0	89.6	91.9
9/45	Отношение ширины лба к скуловому диаметру	68.2	68.2	72.7	71.0	66.7	—	71.4	—	67.6	73.4	—	68.0	—	73.0	71.7	72.6	70.4	94.0	68.6	74.6	71.3	75.0	—	72.4	76.7	76.1
48/17	Отношение высоты лица к высоте черепа ba—b	51.9	48.1	53.2	52.0	48.0	—	55.6	50.4	49.0	45.0	47.0	51.5	49.2	46.9	53.6	51.6	50.2	49.6	53.6	53.2	43.6	54.0	47.4	48.8	49.6	49.6

ТАБЛИЦА 5

Описательные признаки

	Мужские черепа																Женские черепа							
	Новая Гвинея							Молукские острова		о. Лидия	Молукские о-ва	о. Лидия	Голландская Новая Гвинея		Новая Гвинея, берег Маклая		Новая Гвинея					о. Серам	Новая Гвинея	
	Ad № 3	Ad № 4	Ad № 8	Ad № 9	Mat № 12	Ad № 14	Ad № 15	Ad № 20	Ad № 22	Ad № 23	Ad № 24	Ad № 25	Ad № 26	Ad № 27	Ad № 28	Ad № 33	Ad № 2	Ad № 5	Mat № 6	Ad № 10	Ad № 11	Ad № 16	Ad № 29	Ad № 34
Вертикальная норма	Sph	Ov	Sph	Ov	Bris	Bris	Sph	Ov	Rh	Ov	Ov	Ov	Pent	Ov	Pent	Rh	Rh	Rh	Bris	Sph	Sph	Ov	Ov	Rh
Затылочная норма	Крыш.	Крыш.	Крыш.	Крыш.	Крыш.	Крыш.	Крыш.	Бомб.	Крыш.	Крыш.	Крыш.	Крыш.	Бомб.	Крыш.	Крыш.	Крыш.	Крыш.	Крыш.	Крыш.	Бомб.	Крыш.	Крыш.	Крыш.	Бомб.
Теменные бугры 1—3	3	3	3	2	1	2	3	2	2	1	1	1	2	1	2	2	2	3	2	2	3	2	2	2
Развитие надпереносья 1—6	3	4	3	2	4	3	4	1	5	5	4	4	1	6	1	2	2	2	2	2	1	2	2	1
Развитие собачьей ямки 0—3	1	1	3	2	2	—	2	1	2	0	2	3	2	1	3	1	3	1	3	3	2	—	2	2
Профиль носовых костей	Вогн.	Вогн. слегка	Вогн.	Вып.	Вогн.	—	Вогн.	Прям.	Вогн. слегка	—	Прям.	Прям.	—	Прям.	Вогн. слегка	Вогн. слегка	Вогн.	Вогн.	Вогн.	Вогн.	Вогн. слегка	Прям.	Вып.	Вогн. слегка
Форма нижнего края грушевидного отверстия	Fossa praen.	Fossa praen.	Sulc. praen.	Sulc. praen.	Fossa praen.	—	Inf.	Antr.	Fossa praen.	Antr.	Fossa praen.	Antr.	Antr.	Inf.	Inf.	Antr.	Fossa praen.	Fossa praen.	Sulc. praen.	Antr.	Sulc. praen.	Fossa praen.	Antr.	Antr.
Развитие носового шипа 1—5	3	2	1	—	3	—	4	1	3	—	2	2	—	2	—	3	2	2	1	2	—	2	3	1
Protuberantia occipitalis 0—5	4	1	1	2	1	0	1	0	3	1	1	2	2	4	2	2	1	1	1	0	2	0	1	0
Лобные бугры 1—3	2	2	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	2	1	1	2	1	1

Краниологическое собрание Музея антропологии и этнографии

В. В. Гинзбург

Краниологические коллекции систематически стали поступать в музей с середины прошлого века, когда в нем работал занимавшийся антропологией академик Карл Бэр.

Вначале в музей поступило много черепов различных современных народов Дальнего Востока и Сибири, а также зарубежных стран, главным образом Океании, Африки и обеих Америк, доставленные крупными русскими учеными-путешественниками Шренком, Миклухо-Маклаем, Юнкером, Вознесенским и другими.

Материалы из раскопок курганов и древних погребений попадали в тот период в музей совсем в малом количестве. Причиной этого было, вероятно, то, что благодаря деятельности Богданова и организованной в 70-х годах прошлого столетия антропологической выставке в Москве центром антропологической мысли и собраний материалов стал Московский университет. Эти материалы начинают поступать в музей в большом количестве лишь к концу прошлого и в начале текущего века в связи с большей организованностью и планомерностью в проведении раскопок.

Подлинно массовое поступление антропологических материалов началось лишь в послереволюционные годы, когда исследовательская археологическая работа приняла невиданный прежде размах и стала планомерно проводиться из основного организующего ее центра — Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра.

Современные археологи в тесном контакте с антропологами четко усвоили значение антропологических материалов для решения вопросов этногенеза населения и бережно относятся к костным материалам, сохраняя не только черепа, но, по возможности, и все остальные костные останки человека.

Коллекции последнего времени характеризуются своей массовостью и полнотой.

Большое количество (около тысячи) черепов было передано в музей в 1938 г. из Ленинградского университета, где они хранились несколько лет без достаточного присмотра.

Среди этих коллекций особое место занимает серия черепов из новгородских курганов, состоящая свыше чем из семи сотен их.

Благодаря главным образом заботам и труду погибшего в блокаду Ленинграда Евгения Владимировича Жирова все остеологические коллекции музея приведены в образцовый порядок и четко каталогизированы.

При этом из основных фондов было исключено много (несколько сот) плохо датированных черепов, которые составляют вспомогательный фонд антропологического отдела.

Около тысячи черепов поступило уже после Великой Отечественной войны Советского Союза.

В основном фонде антропологического отдела в настоящее время хранится свыше четырех с половиной тысяч хорошо датированных, каталогизированных черепов, не считая многих сотен скелетов в разной степени сохранности.

Из хранящихся в музее черепов лишь около четырех сот принадлежат населению зарубежных стран. Остальные черепа принадлежат народам нашего Союза как современным, так и древним. Последних большинство, примерно две трети общего количества черепов.

Общая сводка количества краниологических материалов дается в табл. 1.

Нужно только учесть, что не всегда можно резко разграничить материал в смысле отнесения его к современному или древнему. Это относится прежде всего к материалу, датированному ближайшими к нам двумятремя веками.

ТАБЛИЦА 1

Общая сводка краниологических материалов, хранящихся в Музее антропологии и этнографии

Черепа современного населения СССР

Европейская часть СССР	212	черепов
Кавказ	613	"
Крым	57	"
Западная Сибирь	61	"
Восточная Сибирь	638	"
Средняя Азия	118	"
Всего	1699	черепов

Черепа древнего населения СССР
Европейская часть СССР:

Север	1020	черепов
Средняя полоса	108	"
Юг	316	"
Всего по Европейской части СССР	1444	черепа

Сибирь западная	147	черепов
Средняя Азия	163	„
Кавказ	73	„
Крым	637	„
Всего по СССР	2464	черепа

Черепа из зарубежных стран

Европа	14	черепов
Азия	178	„
Африка	37	„
Северная Америка (север)	28	„
Южная Америка	58	„
Индонезия и Океания	119	„
Всего зарубежных	434	черепа
Всего черепов	4597	черепов

Привожу сводки материалов (табл. 2—12) как современных, так и древних, по отдельным областям, с указанием номеров всех коллекций и собирателей наиболее ценных из них.

Из современного населения в нашем музее краниологически лучше всего представлено население Восточной Сибири и Средней Азии.

Большая половина черепов из Восточной Сибири поступила в музей еще в прошлом веке, когда путешественники и исследователи считали нужным собирать и передавать в музей, в числе прочих редкостей, также и черепа. В музее имеются черепа, собранные Мюллером, Шренком, Кастреном. Радловым и другими. Черепа присылались также капитанами и врачами судов дальнего плавания и некоторыми административными лицами, например наместником Командорских о-вов Гребницким.

В более позднее и наше время материалы из Восточной Сибири поступили от Гондати, Ухтомского, Букинича и Липского.

В последние годы много черепов доставили Дебец и Руденко.

Как показывает табл. 2, большинство серий содержит количество черепов, достаточное для хорошего антропологического изучения народов дальнего Севера и Востока. Особенно хорошо представлены черепа эскимосов и чукчей.

Современное население Западной Сибири краниологически представлено в музее гораздо слабее (табл. 3), за исключением хантов, черепа которых, собранные главным образом Адриановым, хранятся в количестве, превышающем четыре десятка.

Черепа современного населения Средней Азии, собранные главным образом Букиничем, лучше всего представляют узбеков (свыше 80 черепов) и значительно слабее казахов (22 черепа). Остальные народы Средней Азии представлены слабо (табл. 4).

Современное население Европейской части СССР краниологически представлено очень слабо, так как сравнительно большое количество черепов (свыше 200) относится к разным народам и распыляются по большой территории (таб. 5). Большое количество черепов русских и украин-

ТАБЛИЦА 2

Краниологические коллекции современного населения Восточной Сибири

Народность	№№ коллекций	Общее количество черепов
Эвенки	730, 1077, 1200, 1883, 1996, 2400, 4235, 4619, 5139, 5146, 5192, 5240, 5242, 5275, 5537	35
Негидальцы	5306, 4771 (Дебец)	35
Ульчи	4772 (Дебец)	33
Нганасаны	1200, 4614	4
Якуты	1077, 1102, 3490, 3670, 5107, 5146, 5282, 5595,	44
Долгано-якуты	5516	2
Алеуты	322, 2057, 5215 (Гребницкий)	14
Нивхи	3926, 4472, 4615, 5010, 5033, 5106	31
Айны	4616, 5103, 5106, 5140, 5287	46
Нанайцы	5525, 5558, 5584 (Липский)	27
Чукчи	198, 425, 753, 1990, 4610, 5245, 4770 (Гондати, Дебец)	83
Эскимосы	425, 4753, 4769 (Гондати, Дебец, Руденко)	255
Буряты	1987, 2110, 2251, 3578, 4066, 4238, 5289, 5561 5779 (Петри)	69

ТАБЛИЦА 3

Краниологические коллекции современного населения Западной Сибири

Народность	№№ коллекций	Общее количество черепов
Ханты	237, 2102, 4249, 4612, 5190, 5191, 5493, 5552 (Андрианов)	42
Селькупы	1309	2
Манси	5009, 5288, 5435	5
Нганасаны	5714	1
Татары тобольские	4611	1
Карагасы	1513, 5539	4
Лебединцы, шорцы, хакасы	3657, 3663, 5722	6

цев поступило в начале второго десятилетия нашего века. Однако эти материалы ценны тем, что точно известны пол, возраст и происхождение черепа.

ТАБЛИЦА 4

Краниологические коллекции современного населения Средней Азии

Народность	№№ коллекций	Общее количество черепов
Узбеки (Ташкент)	5428, 5485, 5555, 5556, 5557 (Букинич)	63
Узбеки (Самарканд и др.) . .	1353, 4045, 5277, 5280 (Дудин)	20
Таджики	3600, 3724, 5088	5
Казахи	3381, 3383, 5439, 5231 Гутковский, Букинич)	22
Туркмены	119, 4543	3

ТАБЛИЦА 5

Краниологические коллекции современного населения Европейской части СССР

Народность	№№ коллекций	Общее количество черепов
Ненцы	1694, 4245, 5006	8
Суоми и Саамы	167, 1831, 2223, 5005, 5028	22
Латыши и эсты	1831, 1994, 2223, 2282, 4646, 4647, 5005, 5151, 5440	39
Зыряне	1185, 1986	35
Русские, украинцы, поляки . .	1830, 1989, 2222, 2282,2303, 3386, 3988, 5036	11
Чуваши, мордва, мари	3599, 3671, 3988, 5286	5
Татары казанские	2604, 5029, 5037	6

Современное население Крыма представлено главным образом двумя хорошими сериями черепов: татар (23 черепа) и караимов (32 черепа), собранных Мережковским (табл. 6).

Современное население Кавказа представлено слабее всего. Лучше других представлены черепа осетин (табл. 6).

Древнее население нашей страны краниологически лучше всего представлено с территории северных областей Европейской части СССР (главным образом Новгородской обл.), откуда хранится свыше девятисот черепов. Не менее хорошо представлен древний Крым, откуда имеется свыше шестисот черепов.

Из южной полосы Европейской части СССР хранится также много материалов (свыше трехсот черепов).

ТАБЛИЦА 6

Краниологические коллекции современного населения Крыма и Кавказа

Народность	№№ коллекций	Общее количество черепов
Татары	167, 5133 (Мережковский)	24
Караимы	167, 2331 (Мережковский)	33
Авары Дагестана	5021, 5027	14
Кубачинцы Дагестана	5026	1
Азербайджанцы	115, 3779, 4620	4
Удины и горские евреи	4590	2
Гурийцы	926	1
Армяне	5134	2

Менее многочисленны, но очень ценны, древние черепа с территории Средней Азии и Западной Сибири.

Слабее всего краниологически представлено у нас древнее население Кавказа, главным образом северного. Из северных областей Европейской части СССР наиболее ценными и интересными являются материалы из неолитического могильника на южном Оленьем острове Онежского озера, раскопанного Равдоникасом в 1938 г. Из этого обширного собрания Е. В. Жиров прекрасно реставрировал 28 черепов и некоторое количество длинных костей. Война, а затем преждевременная смерть Жирова помешали закончить эту работу.

Коллекция черепов из курганов Ленинградской обл., главным, образом новгородских, собранных Ивановским в 1872—1885 гг., насчитывает свыше восьмисот черепов. К этому нужно добавить свыше сорока черепов из курганов XI—XIII и до XV в., раскопанных Равдоникасом в районах Тихвина, Гатчино и Карельской ССР. Интересны и материалы из Старой Ладоги, где в течение нескольких предвоенных лет вел раскопки Равдоникас. Среди многочисленных костных материалов в музей доставлено около пятидесяти черепов XI в. и свыше семидесяти — XVII—XVIII вв.

Ценная коллекция доставлена в музей в начале текущего столетия Тарасовым из могильника IX в. близ с. Полом, Глазовского у. б. Вятской губ., содержащая 27 черепов.

19 черепов из „Мерянских курганов" в Юрьевском, Ростовском, Суздальском и Переяславском уездах переданы были в музей Уваровым в середине прошлого века. Хранится в музее и 15 черепов с Нижнего Поволжья поздне-эллинистического и римского времени из раскопок Рау.

Юг Европейской части СССР дал также много ценнейших антропологических материалов, хранящихся в музее.

К числу наиболее интересных относятся две серии (всего 19) черепов из Салтовского могильника, собранные Макаренко и Бабенко в начале текущего столетия.

Весьма интересна также собранная М. И. Артамоновым коллекция костяков из погребений вблизи станицы Цимлянская на нижнем Дону, содержащая свыше полутораста черепов населения хазарского города Саркел.

Остальные материалы с средней и южной полосы Европейской части СССР представляют главным образом черепа из курганных и других погребений разного времени, охватывающих период от неолита (Волосовская стоянка) до XV, даже XVII в. Среди них имеются черепа из погребений Ананьинской, Фатьяновской Абашевской, Срубно-Хвалинской и других культур; имеются черепа славян (кривичей, северян, радимичей и других).

Все эти материалы представлены в табл. 7.

Древнее население Крыма прекрасно представлено, с одной стороны, уникальными древнейшими представителями человечества, а с другой стороны, более поздними, но исключительными по количеству объектов сериями (табл. 8). Материалы из Крыма охватывают период от нижнего палеолита до Средневековья.

В музее хранятся погребения неандертальца из Киик-Коба (раскопки Бонч-Осмоловского), прекрасно сохранившиеся кроманьонцы из Мурзак-Коба (раскопки Бибикова и Жирова), погребение из Фатьма-Коба.

Очень ценные материалы, охватывающие период от V в. до н. э. до Средневековья, собраны при раскопках Херсонеса-Таврического главным образом Беловым в 30-х годах текущего столетия. Общее количество черепов отсюда достигает трехсот. Не менее интересны материалы V—VIII вв. из пещерного города Эски-Кермен, раскопанные Репниковым, Шмидтом, Равдоникасом. Общее количество черепов этих серий достигает двухсот восьмидесяти.

Древнее население Кавказа представлено краниологически довольно слабо, хотя материалы и охватывают период от бронзы до позднего Средневековья. Здесь можно особо отметить 11 черепов из катакомбного могильника IX—X вв. близ Дуба-Юрт, раскопанного Кругловым в 30-х годах текущего столетия, а также черепа сарматских погребений близ Моздока, раскопанные большею частью Пиотровским в эти же годы (табл. 9).

Из Закавказья можно отметить черепа из грузинских могил VII в. близ Мцхета.

Древнее население Сибири представлено свыше ста черепами из разновременных погребений Западной Сибири, большая часть которых раскопана Сосновским в 20-х годах. Имеются также серии, собранные Кастреном, Радловым и другими в середине и во второй половине прошлого века.

ТАБЛИЦА 7

Краниологические коллекции древнего населения Европейской части СССР

Происхождение и датировка	№№ коллекций	Общее количество черепов
Древний могильник на Большом Оленьем острове в Кольском заливе	5715 (Шмидт)	2
Неолитический могильник на Южном Оленьем острове Онежского озера	5773 (Равдоникас)	28
Курганы и могильник XI—XIII вв. в Карельской ССР	4521 (Равдоникас)	2
Курганы XI—XIII вв. вблизи Тихвина	3726, 4649 (Равдоникас)	28
Ижорский могильник XIII—XV вв. в Гатчино	5095 (Равдоникас)	14
Курганы С.-Петербурской губ.	5548 (Ивановский)	741
Курганы славянские X—XIII вв. (разных районов Ленинградской обл.)	1848, 2034, 2278, 2281, 5098, 5433, 6547	37
Курганы в Устюженском у.	2602 (Спицин)	4
Русские погребения в Тихвинском у. XV—XVI вв.	3710 (Равдоникас)	7
Старая Ладога, кладбище XI в.	5680, 5719, 5757 (Равдоникас)	47
Старая Ладога, погребения XVII—XVIII в.	5681, 5720, 5758 (Равдоникас)	74
Культурный слой с кремнем близ Новгорода	3040	1
Латышский курган VI—VII вв., Поневежский у.	5563	1
Древнее погребение Ковенской губ.	789	1
Лёссовое обнажение на берегу о. Стырь в Луцке	2688	2
Курган VII—X вв. Виленской губ.	1148	1
Могильник IX в., с. Полом Глазовского у. Вятской губ.	1163, 4651, 5105 (Тарасов)	27
Вотяки, погребения XVII в. в Глазовском у.	1127	3
Курганы X—XI вв. Тверской губ. Весьегонского у.	4626, 5439, 5538	30
Курганы Московской губ.	1007, 3597, 5540	4
„Мерянские курганы" в Юрьевском, Ростовском, Суздальском и Переяславском уездах	5515 (Уваров)	19
„Ананьинский" могильник близ Елабуги	5725	2 (обломки)
„Фатьяновский" могильник Ярославского у.	1285 (Абрамов)	1
Неолитическая стоянка близ дер. Волосово Муромского у.	5726 (Поляков)	1
Курганы смоленских кривичей XI—XII вв.	1161, 1162	7
Могилы XIV в. Сызранского у. Симбирской губ.	816	3
Погребения Абашевской и степной культуры IV—VI вв.	4537 (Ефименко)	11
Чувашские погребения XVII—XVIII вв.	4537 (Ефименко)	
Древние погребения „Чортово городище" Ветлужинского у	5074	2

Происхождение и датировка	№№ коллекций	Общее количество черепов
Погребения Срубно-Хвалынской культуры на р. Усе (Самарская лука)	5790 (Гроздилов)	2
Курганные погребения поздне-эллинистического и римского времени в Нижнем Поволжье (Сарматские погребения)	5734 (Рау)	15
Могильник Ломоватской культуры Кунгурского р-на (Урал)	1063	1
Развалины Сарая на р. Ахтубе	4624	1
Погребения башкир XVII—XVIII вв.	3638 (Шмидт)	5
Курганы радимичей XI в. Новозыбковского у. Черниговской губ.	1008	1
Поздне-русские курганы Черниговской губ.	1114	2
Курганы северян XI—XII вв. Обоянского у. Курской губ.	2108, 2588 (Рыков, Львович)	14
Салтовский могильник Изюмского у. Харьковской губ.	950, 1126 (Макаренко, Бабенко)	19
Скорченное погребение и катакомбная культура окрестн. Луганска	5283, 5284, 5594 (Локтюшев)	7
Курган „Луговая Могила" из Александрополя Екатеринославской губ.	5241	5
Разновременные курганы Херсонской губ.	4641, 5001	41
Могильник XV в. близ м. Тягинки Херсонского у.	4065 (Гошкевич)	15
Разновременные курганы и погребения в Мелитопольском у.	952, 2663, 4623, 4652, 5024	10
Украинские погребения XVII—XVIII вв., гор. Киев	5142	4
Курганы из разных мест территории Украины	4621, 4622 (Забелин)	9
Скорченные погребения в окрестн. Ельца	5209, 5768 (Замятнин)	3
Левобережное цимлянское городище IX—X вв. „Саркел"	5701 (Артамонов)	167
Правобережное цимлянское городище VIII—IX вв.	5744 (Ляпушкин)	3
Погребения начала н. э. и курганы на Маныче	5652, 5673 (Артамонов, Подгаецкий)	14
Елизаветинские могильники близ Краснодара (IV—II в. до н. э.)	5433 (Городцов)	1
Ногайский могильник XV—XVII вв. Бессарабской губ.	984 (Якимович)	5

ТАБЛИЦА 8

Краниологические коллекции древнего населения Крыма

Происхождение и датировка	№№ коллекций	Общее количество черепов
Ольвия (некрополь и др.)	1866, 5211, 5212, 5213, 5650 (Фармаковский)	5
Керчь. Погребения от VI в. до н. э. до III в. н. э.	891, 936, 1229, 4625, 5015	7
Дер. Черкес-Кермен. Каменные ящики	4544, 5193, 5307 (Репников и Семенов-Зусер)	8
Эски-Кермен, погребение V—XIII столетий	3725, 4032, 4163, 5194, 5195, 5274, 5655 (Репников, Шмидт, Равдоникас)	285
Дер. Черкес-Кермен (пещерное поселение Челтер IX—X вв.)	5273 (Равдоникас)	6
Херсонес-Таврический. Погребения от V в. до н. э. до Средневековья	2066, 5100, 5291, 5382, 5429, 5562, 5656 (Гидалевич, Репников)	286
Чатыр-Даг. Пещера Биибаш-Коба	4613, 5013, 5560	6
Геленджик „Мощевая балка“	5257	11
Геленджик „Борисовский могильник“	2603	2
Алушта	5564	14
Гурзуф, Суук-Су	1006	1
Дер. Черманлык Карасубазарского р-на	3799	2
Сюндурно-Коба	5197, 5483	1
Тарденуазское погребение Мурзак-Коба	5482	2
Тарденуазское погребение Фатьма-Коба	5659	1
Шайтан-Коба	5184	2
Киик-Коба (неандерталец)	5496, 5497 (Бонч-Осмоловский)	—
Погребения VI в. до н. э. в Мирмикее	5671 (Гайдукевич)	1
Средневековые погребения в Мирмикее	5670 (Гайдукевич)	1

В музее хранятся черепа Андроновской, Карасукской, Тагарской культур, материалы из энеолитического могильника в Бурановской степи, а также сарматского времени (табл. 10).

Кроме того, нужно отметить 40 черепов из разновременных погребений от неолита до Средневековья на территории Бурято-Монгольской АССР, раскопанные Сосновским.

Антропологические материалы из раскопок в Средней Азии, хотя и сравнительно немногочисленны, но очень ценны. Наиболее интересны

ТАБЛИЦА 9

Краниологические коллекции древнего населения Кавказа

Происхождение и датировка	№№ коллекций	Общее количество черепов
Погребения XIV в. близ станицы Ханская и Тиберда	2626, 5258	4
Погребения бронзового времени в Бажаганских песках	5809	1
Могилы близ Владикавказа	179, 186 (Бобринский и Долбежов)	10
Погребения в районе Кисловодска	5196, 5264	4
1. Сарматские погребения близ Моздока	5003, 5648, 5654 (Пиотровский, Смелов, Миллер)	14
2. Курган XII—XIII вв.	5646 (Миллер)	3
3. Курган XIII—XIV вв.	5653 (Пиотровский)	4
4. Четвертичные галечники	4253	1
Нальчик. Курган XIV—XV в	5649	1
Погребения от IX в. до н. э. – XVIII в н. э., в том числе катакомбный могильник IX—X вв. из Дуба-Юрт	5604, 5609, 5645, 5651, 5742, 5771 (Круглов, Артамонов)	15
Погребения эпохи бронзы и катакомбные могильники IV—V вв. близ с. Джемикент	5740, 5741 (Круглов)	4
Средневековые погребения близ Кутаиси	5290 (Шмидт)	3
Могилы VII в. близ Мцхети	995 (Такашвили)	8
Погребение под Ленинаканом	3778 (Хиттаров)	1

из них: 24 черепа из Кенкольского могильника, раскопанные в 1938 и 1939 гг. Бернштамом; черепа из несторианских погребений близ Фрунзе и Токмака, собранные Пантусовым в 1885—1886 гг.; черепа зороастрийских погребений из Фринкента, Джамбула и Чуйской долины,

ТАБЛИЦА 10

Краниологические коллекции древнего населения Западной Сибири и Бурят-Монгольской АССР

Происхождение и датировка	№№ коллекций	Общее количество черепов
Разновременные курганные погребения из Западной Сибири	1729, 1759, 2259, 2401, 4621, 4622, 4628, 5565, 5589, 5596, 5721	67
Энеолитический могильник в Бурановской пещере Челябинской обл.	5723	
Погребения сарматского времени	5623	
Близ Орска; погребения в Барабинской степи	5624	
Погребения Андроновской	3390, 3864	
Карасукской	4056, 4062	
Тагарской культуры	196, 3868 (Радлов, Кастрен, Кыштымов, Передольский, Подгаецкий, Бибиков, Сосновский)	107
Разновременные погребения от неолита до Средневековья из Бурят-Монгольской АССР	5094 (Сосновский)	40

в количестве свыше тридцати, собранные Пацевичем в 1939 г., Григорьевым в 1936 г. и Бернштамом в 1940 г. (табл. 11). Нужно отметить материалы Бернштама из Южной Киргизии и Памира, охватывающие больший период от середины I тысячелетия до н. э. и до конца I тысячелетия н. э. Очень ценны материалы с территории древней Бактрианы, доставленные Дьяконовым.

Зарубежные черепа представлены в музее слабо, хотя, как видно из табл. 12, некоторые серии превосходны. Большую часть из этих коллекций и притом наиболее ценных собрали знаменитые исследователи-путешественники Миклухо-Маклай, Юнкер, Шренк, Миддендорф, Вознесенский и Пэйч. Из Океании и Индонезии в музее хранится свыше ста черепов, собранные Миклухо-Маклаем и Пэйчем. Свыше тридцати черепов негров из Африки собраны главным образом Юнкером. Черепа народов Аляски собраны Миддендорфом, Вознесенским, Мартенсом.

Интересна серия в 20 черепов индейцев «до Колумбова» времени из разрушенного города Пукара в Аргентине, а также 11 перуанских черепов. В музее хранятся и два черепа гуанчей с о. Тенерифа.

ТАБЛИЦА 11

Краниологические коллекции древнего населения Средней Азии

Происхождение и датировка	№№ коллекций	Общее количество черепов
Киргизская ССР		
Могильники Тянь-шаня и Алая (саки, усуни, гунны и тюрки)	4707, 4900, 4902, 4903 (Бернштам)	26
Кенкольский могильник, начало н. э.	5672, 5729 (Бернштам)	24
Несторианские кладбища близ Пишпека и Токмака XIII—XIV вв.	176, 188, 5559 (Пантусов)	22
Зороастрийские погребения IX—X вв. близ Джамбула	5787 (Пацевич)	7
Зороастрийские погребения V—VII вв. в Чуйской долине	5788 (Бернштам)	13
Караханидское кладбище в Чуйской долине	5743 (Бернштам)	12
Погребения „Гумбез Манас" близ с. Талас XIV в.	5786 (Бернштам)	1
Курганные погребения	4622 (Тизенгаузен)	4
Узбекская ССР		
Зороастрийские погребения XIII в. в Фринкенте	5712 (Григорьев)	17
Курганные погребения первых веков н. э. близ Янги-Юль	5770 (Григорьев)	2
Казахская ССР		
Старое погребение близ Байкунурских скальных рудников	3382 (Букинич)	1
Погребения VII в. до н. э.—VII в. н. э.	5808 (Бернштам)	1
Туркменская ССР		
Курган Тумыш-тепе близ Мерва	2644 (Букинич)	1
Таджикская ССР		
Скифские погребения в Южном Памире	4902 (Бернштам)	14
Погребения начала н. э. в урочище Туп-хона (Южные отроги Гиссарского хребта)	4912, 4913 (Дьконов)	14

Из народов Центральной Азии в музее очень хорошо представлены черепа монголов (свыше 100 черепов), собранные Ухтомским, Носовым и Букиничем. Имеется и 12 черепов тувинцев (табл. 12).

Изучение материалов антропологического отдела музея в дореволюционное время носило совершенно не систематический и случайный характер. Краниологические серии изучались Бэром, Шренком, Таренецким, Фридолиным, Мережковским и некоторыми другими. Академик Бэр, не только собирал черепа, но и публиковал их получение и наличие в музее. Бэр написали ряд специальных работ по антропологии.

ТАБЛИЦА 12

Краниологические коллекции современного и древнего населения зарубежных стран

Народность или происхождение	№№ коллекций	Общее количество черепов
Европа		
Венгрия	4540 (Ленгоссек)	6
Швейцария	5012 (Бэр)	5
Шведы	5138 (Ретциус)	2
Австрия	5038	1
Азия		
Японцы	163, 5104	4
Китайцы	4617, 5150, 5243, 5292	13
Монголы	127, 4618, 5150, 5292, 5381, 5711 (Ухтомский, Носов, Букинич)	122
Тувинцы	5713	12
Тюрки Восточного Туркестана	3119 (Малов)	4
Пальмира (Дамаск)	5099 (Юзефович, 1873)	8
Персы	5135 (Ханыков)	5
Афганцы	3664 (Букинич)	10
Африка		
Негры	1940, 2248, 5101, 5136, 5598 (Юнкер)	34
Гуанчи	5669	2
Египтяне	5597	1
Северная Америка		
Алеуты, Тлингиты	4627, 4645, 5011, 5022, 5023, 5025, 5239 (Вознесенский, Миддендорф, Мартенс)	28
Южная Америка		
Перуанцы	2013, 5007, 5147 (Шренк)	11
Индейцы „до Колумбова" времени	5148	20
Индейцы современные	2570, 5149, 5279	27
Индонезия и Океания		
Разные племена	212 (Миклухо-Маклай); 4252, 5132, 549[illegible] (Пейч)	119

Знаменитый исследователь народов Восточной Сибири Шренк уделил в своих работах много внимания и антропологическому изучению их, использовав для этого и краниологические материалы.

Профессор Военно-медицинской академии Таренецкий изучал черепа населения Сахалина.

Ряд краниологических серий, главным образом зарубежных (Африка, Америка, Индонезия и др.), изучил Фридолин.

Мережковский изучил черепа населения Крыма.

Если за весь период существования отдела антропологии до Великой Октябрьской социалистической революции по краниологическим коллекциям музея было опубликовано около 30 работ, то за последующие годы было сделано до 40 работ, из которых свыше двадцати уже опубликовано.

Нужно, однако, отметить, что некоторые публикации по наиболее интересным материалам, как тарденуазцы, оленеостровцы и др., носят краткий, предварительный характер и не вскрывают всех проблем, вытекающих из изучения их.

В тесном сотрудничестве с отделом антропологии и под контролем последнего работал и М. М. Герасимов, который здесь разрабатывал свой метод реконструкции мягких частей лица по черепу и сделал для отдела несколько скульптур древних людей с территории СССР (мужчина и женщина тарденуазского времени из Мурзак-Кобы, мужчина неолитического времени из Сибири, оленеостровец неолитического времени и др.).

В заключение добавим, что в отделе хранится свыше пятидесяти черепов приматов (3385, 3573, 4237, 5285), которые изучались в 1938 г. Я. Я. Рогинским.

Из изложенного можно видеть, что краниологический фонд музея весьма ценен и содержит целый ряд уникальных материалов.

Изученность этих материалов, не говоря уже о публикации их, весьма недостаточна.

Материал еще требует и дает возможность изучения не только отдельных серий, но и целых комплексов как по территории, так и по эпохам.

Материалы отдела дают возможность систематического краниологического изучения Средней Азии, Монголии, севера и востока Сибири, севера и юга Европейской части СССР.

Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения[1]

К. В. Вяткина

Публикуемые нами шалаболинские наскальные изображения являются частью большой коллекции изображений долины р. Енисея, собранных в 1904—1910 гг. В. А. Адриановым по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии.

Значительная часть фигурных эстампажей хранится в настоящее время в Археологическом отделе Института этнографии Академии Наук СССР и подготовляется автором настоящей статьи к отдельному изданию.

Отрывочная публикация наскальных изображений бывшего Минусинского округа, в том числе и шалаболинских изображений имеется у И. Т. Савенкова в его работе „О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее“, однако неполнота и схематичность рисунков, опубликованных Савенковым, равно как и своеобразная их интерпретация, заставляют приступить к более полному изданию изображений долины Енисея и сделать попытку иной их расшифровки.

Для нашей работы мы произвели точную копировку эстампажей, использовали дневник А. В. Адрианова[2] и его отчеты в Известиях Комитета.

К сожалению, следует отметить, что не для всех материалов имеются данные в дневнике, в частности — для публикуемых настоящих материалов имеются лишь краткие отчеты в Известиях Комитета, по которым мы и воспроизводим все данные, относящиеся к шалаболинским изображениям.

Кстати следует заметить, что старыми авторами часто употреблялся термин „писаницы“ применительно к наскальным изображениям, где встречались относящиеся к различным эпохам изображения фигур животных, человека, рунические, уйгурские, китайские и монгольские письмена. Нам

[1] Доклад, сделанный 11 июня 1947 г. на заседании сектора бронзы Института истории материальной культуры Академии Наук СССР им. Н. Я. Марра (ИИМК).

[2] Дневник хранится в Архиве ИИМК.

представляется правильным к фигурным изображениям применять термин не „писаницы", а „изображения" или „петроглифы".

В отчетах Адрианова дважды упоминается шалаболинская „писаница". В 1907 г.[1] он отмечает ее характер и местонахождение, подчеркивая в то же время трудность ее осмотра, который возможен лишь осенью, когда уровень воды в Тубе понижается и когда вдоль утесов становится возможным пройти.

В 1910 г. Адрианов дает более подробный отчет, который приводим полностью:

„В начале августа я передвинулся в Минусинский уезд на р. Тубу к так называемой Шалаболинской писанице, уже известной в литературе. Писаница эта находится на отвесно спускающемся утесе правого берега р. Тубы, против села Тесинского между логами деревни Ильинки и р. Шуши. Протяжение утеса с этой писаницей почти 2 версты (2080 шагов). Это одна из огромнейших по протяжению писаниц, какие я только знаю. В настоящее время на протяжении писаницы встречаются длинные перерывы, которые объясняются производящейся здесь в последние годы массовой ломкой камня.

Часть писаниц, таким образом, уничтожена, а часть скрыта под осыпями из мусора и под землей.

Эта писаница, совершенно неправильно названная Шалаболинской (по с. Шалаболинскому, стоящему на р. Шуше верстах в 7, совсем в стороне), и которую правильнее назвать Тесинской, любопытна тем, что над нею работали в разные эпохи разные народности. Здесь я нашел одну монгольскую строчку в 46 см длиной, как бисером написанную черной краской. Нашел несколько (4) строк китайских иероглифов черной краской, три строки вырезанной рунической надписи из 36 знаков, 7 фигурных писаниц красною краской и, наконец, фигуры писаницы, сделанные путем оббивки и вырезки по камню. В этих последних я насчитал 616 фигур, из которых более 400 зарисованы мною, куда вошли все недоступные для эстампирования (так как находятся на отвесно стоящих стенах утеса на высоте 3—5 сажен). С доступных же писаниц сделано 81 эстампаж и 23 фотографии.[2]

Подавляющее большинство фигур — лоси, большею частью превосходно, мастерски сделанные. Есть тут и олени, коровы, немало лодок (всегда с большим числом людей), иногда оснащенных, есть медведи, козы, бараны, рыбы, птицы и т. п., и только человеку и коню во всех этих начертаниях отведено сравнительно скромное место, да и изображались они не искусно.

Что касается лосей, оленей, то они изображены в различных позах, группами, иногда удивительно художественно. Очевидно, древний художник знал до тонкости нравы столь близких ему животных. Некоторые

[1] А. Адрианов. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. Изв. Русск. ком. для изуч. Ср. и Вост. Азии, 1908, № 8, стр. 42.

[2] Зарисовки и фотографии Адрианова не найдены. — К. В.

группы животных так хорошо и отчетливо сделаны, что ими и теперь постоянно любуются из года в год проплывающие на плотах крестьяне и поражаются массой вложенного в это дело труда.

Руническая надпись находится среди огромных осыпей свеженаложенного камня. Нам удалось вынуть камень с двухстрочной надписью и отправить в Минусинск".[1]

С имеющихся в нашем распоряжении эстампажей с шифром Адрианова LVI нами сделана точная копировка.

Детальное изучение наскальных изображений долины Енисея показывает, что они высекались ударной техникой, главным образом по красному и серому песчанику; удар производился, вероятно, по обуху заостренного орудия, вследствие чего получались неправильные кружки или точки, и из них составлялись площади изображений. По отдельным выбоинам, встречающимся часто возле изображений, можно судить о диаметре острия орудия. Следует указать, что древний художник, начиная изображение, сначала делал набросок контура фигуры или части ее путем отдельных редких выбоин или в виде процарапанной линии, как можно видеть на рисунке (эстампаж LVI-42), где контуры человеческих фигур процарапаны в виде перекрещенных линий и по ним начата выбивка. Интересно, что большое количество изображений остаются незаконченными, о чем мы еще будем говорить ниже. Глубина рельефа колеблется от 1 мм до $^1/_2$ см. При нанесении изображений учитывались только два измерения — длина и высота. Перспектива не передавалась. Наиболее важные по значению изображения делались нередко большими по величине.

По сюжетам в шалаболинских изображениях, как уже отмечалось Адриановым, значительное место занимают олени, лоси и изображения человеческих фигур. Особенно интересны сцены облавных охот (эстампажи №№ 22, 40). В этих случаях фигуры человека обычно располагаются на некотором расстоянии друг от друга, образуя круг, в середине которого размещаются животные. Среди человеческих фигур выделяются всадники на лошадях, у некоторых из них в руках имеются настороженные луки или боевые молотки. Наряду со всадниками изображаются пешие фигуры с луками и без лука. У отдельных фигур ясно различаются мечи с боку. Люди изображаются в фас, нередко с фаллосом. Интересны головные уборы; среди них можно отметить три варианта — шапки с султаном, шапки с рогообразными отростками (эстампажи №№ 51, 52), шапки с опущенными ушами (эстампаж № 40). Одна из фигур эстампажа № 40 показана идущей на лыжах, это дает нам возможность говорить об изображении зимних моментов охоты.

Кроме указанных выше изображений, встречаются в небольшом количестве фигуры быка, медведя, лодок с условно изображенными в них, в виде вертикальных линий, фигурами людей, не малое количество встречается незаконченных изображений фигур животных, в последних случаях

[1] Отчет по исследованию писаниц Минусинского края А. В. Адрианова. Изв. Русск. ком. для изуч. Ср. и Вост. Азии, 1910, № 10, стр. 47.

чаще всего наносятся голова и часть туловища или даже одна голова.

Все изображения отличаются значительной близостью к натуре; в них с особой отчетливостью передаются черты, характерные для тех или иных животных. Общность технических приемов изображений, характер и размеры наносимых на отдельные скалы фигур заставляют предполагать о выполнении этих изображений немногими людьми, скорее всего одним или несколькими специальными лицами, тесно связанными друг с другом. Возможно, здесь имеют место родовые локализации.

Вопрос о датировке наскальных изображений долины Енисея не ставился в печати в достаточной мере. Если не считать описания „боярской писаницы“ М. П. Грязновым и отдельных высказываний С. В. Киселева, других материалов мы не имеем.

Значительную часть шалаболинских наскальных изображений мы считаем возможным отнести к памятникам VII—IX вв. н. э.

Не исключена возможность наслоения их на более ранние изображения, особенно в тех местах, где имеется большое количество налегающих друг на друга фигур, однако, на данном этапе работы мы не имеем критерия для их выделения. Последнее, вероятно, возможно будет после тщательного анализа всей группы памятников долины Енисея.

Основанием для вышеупомянутой датировки служит нам один из эстампажей серии шалаболинских изображений, где весьма отчетливо выступает орхоно-енисейская надпись, по которой высечены две фигуры человека (см. фото); одна из них закончена, вторая выполнена лишь частично.

Надпись состоит из двух строк:

[illegible]

[illegible]

По нашей просьбе надпись была расшифрована чл.-корр. АН СССР С. Е. Маловым.

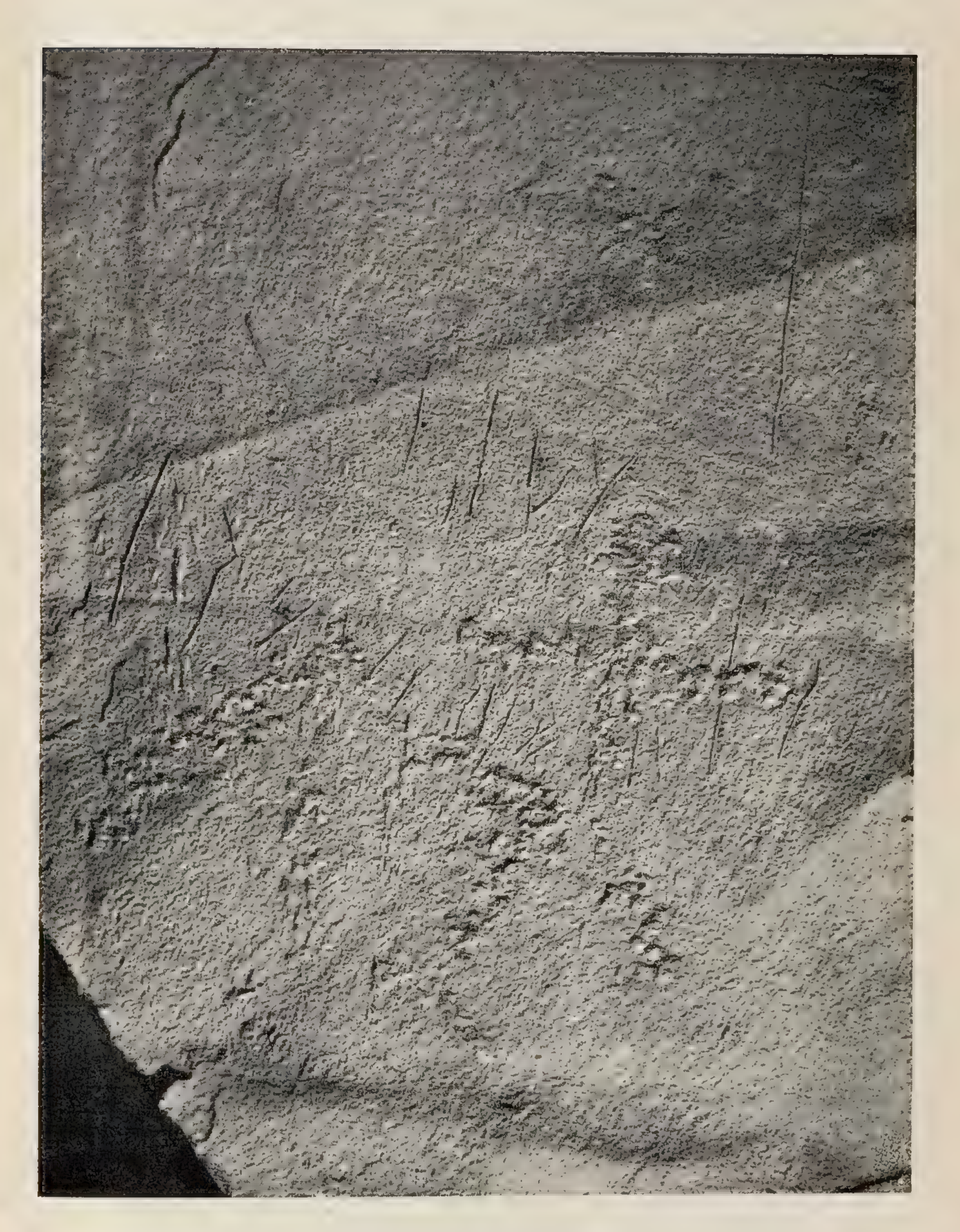
Перевод сделанный С. Е. Маловым гласит:

1. Да живу я сто!
2. О мое небо! (оно) — крыша для нас.[1]

В эпоху VII—IX вв., как свидетельствуют китайские и орхонские письменные источники и археологические материалы, долина Енисея была заселена киргизами (кыргызами).[2] В ранних китайских летописях, начиная с 201 года до н. э., страна, расположенная в бассейне верховьев Енисея, была известна под именем Гэ-Гунь или Гянь-Гунь, а в дальнейшем Хягас. Все эти названия историками сближаются с названиями кыргыз. Китай-

[1] В свое время эта надпись была прочитана В. В. Радловым, перевод которого был неполон и выглядел так: „мой бог, будь милостив к нам“. См.: W. Radloff. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Zitierung, СПб., 1895, стр. 343.

[2] См. работы: В. В. Бартольд. Киргизы, Фрунзе, 1927; статьи С. Киселева и Л. Евтюховой, опубликованные в Вестнике древней истории, № 1, 1937; № 1, 1939; № 4. 1939.

Орхоно-енисейская надпись

ские летописи ведут происхождение киргизов от дин-лин, смешавшихся с гянь-гунь и тюрками Алтая. Детальное изучение исторических и лингвистических материалов привело акад. В. В. Бартольда к выводу, что значительная часть киргизов являлась тюркизированными енисейскими остяками. Китайские источники, подтвержденные археологическими материалами и древне-тюркскими руническими текстами, указывают, что киргизы VII—IX вв. занимались скотоводством, охотой, земледелием, имели ремесла, в первую очередь железообрабатывающее[1] и кузнечное. Их железное оружие отличалось высоким качеством и было широко распространено в Северной Азии. Вместе с этим они имели и свою письменность.[2]

Исходя из совокупности всех источников, мы вправе отнести шалаболинские наскальные изображения к киргизам VII—IX вв.

Встает вопрос: что же представляли собой наскальные изображения?

В литературе о наскальных рисунках советскими учеными (Равдоникас и др.) неоднократно высказывалась мысль о магическом происхождении их и об отражении в содержании их различных стадий первобытного мышления, независимо от абсолютной хронологизации изображений. Наш материал не является исключением в этом отношении. Связывая в основном интерпретируемый нами материал с магией, главным образом с охотничьей магией, мы склоняемся к тому, что по своему содержанию наскальные изображения носят многогранный характер и ведут своими корнями к весьма древним стадиям первобытного мышления. В них ярко выступает отношение человека к природе, опосредствованное миром анимистических идей. Анализ анимизма по этнографическим материалам позволяет нам понять и наскальный рисунок. Одним из существенных моментов для наших целей является представление у многих народов о множественности душ у человека и животных. Так, например, у эвенков существует представление о нескольких душах человека — беэн (душа-тело), ханян (душа-тень), маин (душа-судьба), причем душа ханян может отделяться от тела и жить вне его самостоятельно.[3]

Буряты допускают существование в человеке двух душ. Во время сна одна душа остается в теле спящего человека, другая, называемая худыгын, бродит в разных местах. Если к утру помешает что-либо попасть ей обратно в тело, человек пробуждается без души и тотчас же начинает болеть.[4]

Мы не будем приводить других многочисленных аналогичных примеров; подчеркнем лишь то обстоятельство, что и животные наделялись несколькими душами.

---

1 По данным китайской литературы, указанное железо было метеоритного происхождения.

2 Сборник статей по археологии СССР. Тр. Гос. Истор. музея, вып. XI, М., 1940; А. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. М. — Л., 1946.

3 См.: А. Ф. Анисимов. Эвенкийские представления о душе и проблема генезиса анимизма. Тезисы доклада на научной сессии Гос. Музея этнографии 14 января 1947 г.

4 Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, 1883, стр. 85.

Исходя из представления о множественности душ и бессмертия одной из них, мы можем понять и самый акт магического действия над рисунком или другим изображением, который, как нам представляется, сводится к улавливанию души намеченного объекта и тем самым облегчению убийства самого зверя. В тех случаях, когда это было вселением души тотемного животного или предка рода, тогда изображение становилось божеством, способствующим благополучию охотника или рода.

В подтверждение нашей мысли приведем этнографические параллели.

У удэ для обеспечения удачной охоты приглашался прежде шаман. Он вырезал из куска бересты небольшую фигурку изюбря и прежде всего „вселял" в нее „душу" того самого оленя, которого потом охотник с помощью шамана должен был встретить и убить в тайге. Наделив изображение „душой" живого оленя, шаман сам же стрелял в него из небольшого лучка и, таким образом, „убивал" изюбря. В то место фигурки, куда при этом попадала стрела шамана, должна была на охоте попасть и стрела охотника.[1]

С. В. Иванов со слов вилюйского якута записал в 1927 г. следующие данные: в целях успешной охоты на оленей, а также на волков, лисиц и других пушных зверей, охотник по указанию шамана изготовлял из бересты или дерева небольшие фигурки указанных животных, размером 7—8 см. Эти фигурки назывались echekeen emegete. Вместе с фигурками делался небольшой лучок со стрелами. Действие обычно происходило осенью перед началом зимней охоты. Изготовленные вечером фигурки животных ставились в центре юрты у очага. Далее шаман совершал камлание, во время которого он сообщал охотникам, сколько и какого зверя убьет каждый из них в наступающем сезоне. В заключение он по очереди брал фигурки животных в руки, и охотники на расстоянии 5—6 см стреляли в них из маленького лучка. Этим актом магически закреплялась удача на промысле.[2]

Г. Н. Прокофьев в своей работе „Церемония оживления бубна у остяко-самоедов" указывает, что некоторые шаманы при поимке „души" убитого оленя, шкура которого перед этим была употреблена на обтяжку бубна, делали из веточек березы изображение оленя, причем шаман стрелял в него из маленького лучка; этим актом душа оленя „улавливалась" и подчинялась шаману.[3]

Рамки настоящей статьи не позволяют останавливаться на других примерах подобного рода.

Нам достаточно подчеркнуть то обстоятельство, что в изображение животного путем хитрости, обещания, имитирующего действия вселяется, якобы, душа конкретного животного, над которым затем производятся

[1] С. В. Иванов. Сибирские параллели к магическим изображениям из эпохи палеолита. Сов. этнография, 1934, № 3—4, стр. 98.

[2] С. В. Иванов. Указ. соч., стр. 97—98.

[3] Г. Н. Прокофьев. Церемония оживления бубна у остяко-самоедов. Изв. Ленингр. Гос. унив., т. II, Л., 1930, стр. 368. Цит. по С. Иванову „Сибирские параллели...".

различные действия, имеющие задачей заставить реальное животное дать себя убить, поймать и т. д.

Отсутствие соответствующего вместилища для „бессмертной" души погибшего зверя ведет к исчезновению его. На этом основано сохранение полных скелетов животных, размещение их в условиях среды, в которой они живут (выбрасывание костей рыбы в воду, костей диких зверей в тайгу и т. д.). По представлению многих народов, если сохранить кости зверя целыми, то душа может к ним вернуться. У тунгусов обглоданные кости головы и ног копытного зверя обязательно нужно сложить на лабаз и не давать собакам: „без этих костей как будет новый зверь?", — говорят тунгусы.[1] Ободранную тушу лисицы они вешают на дерево или защемляют в него, кости ноги и головы дикого оленя на землю не бросают, а кладут на лабаз. Кости медведя все без исключения вешают на дерево.[2]

Юкагиры собирают все кости убитого медведя и сохраняют их в висячей могиле. У алтайцев голову убитого медведя вешают на кол и перед ней ставят статуэтку медведя, чтоб Хан-Алтай мог оживить его и тем самым избежать уменьшения количества животных тайги. Шкуру жертвенного коня они вешают на шесте, а кости складывают на специальный помост.

Подобного рода материалы приводятся в большом количестве Д. К. Зелениным в его работе „Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии".[3]

Обращаясь к нашим наскальным изображениям, нам хочется подчеркнуть одну деталь, очень часто повторяющуюся на многих изображениях не только на шалаболинских, но и всех других, обработанных нами, а именно — способ выбивки головы и шеи животного по всей площади, в то время как туловище животного высекалось по контуру; интересно также и то, что нередко изображалась одна голова с шеей.

Такое отличие в нанесении частей тела и подчеркивание в изображении головы животных наводят нас на мысль о важном значении головы, как вместилища души.

По воззрениям тунгусов в шее оленя заключена душа, которая называется „шинконын"; особая душа, помещающаяся в той шишке на которой растет длинная шерсть, называется „кӯто". Эта душа кӯто приносит человеку счастье.[4]

Кнуд Расмуссен, описывая эскимосов северного побережья Америки, сделал интересные наблюдения, подтверждающие нашу мысль. Приводим его слова. „... Вечером 5 мая собаки наши почуяли какую-то вонь, и Белый потребовал чтоб мы немедленно остановились. Затем он побежал

---

[1] Г. Василевич. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов. Сов. этнография, 1930, № 3, стр. 64.

[2] Э. К. Пекарский и В. П. Цветкова. Очерки быта приаянских тунгусов, стр. 113.

[3] Сборн. Музея антропологии и этнографии (МАЭ), 1929, вып. VIII.

[4] Из материалов И. Суслова, опубликованных в работе Л. Я. Штернберга „Орнамент из оленьего волоса и игол дикобраза". (Сов. этнография, 1931, № 3—4).

вперед и открыл невдалеке длинный ряд тюленьих черепов, уложенных на льду, мордами в определенном направлении. Нам отдано было распоряжение объехать их далеко кругом, и, когда мы уже достаточно отъехали, Белый рассказал нам о вере эскимосов в то, что голова — обиталище души, а душа бессмертна и возрождается снова и снова; таким образом человек может убивать одного и того же тюленя много раз. Поэтому, перенося стоянку на новое место, перемещают и черепа убитых тюленей, — они всегда должны быть повернуты мордами в сторону места новой охоты. Тогда тюлени будут следовать за охотниками".[1]

Изучая наскальные изображения, мы обратили внимание на то, что не все животные, являющиеся объектом охоты или несомненно обитающие в этих местах, высекались на скалах. Мысль, высказанная Равдоникасом[2] и Линевским[3] о тотемистическом характере наскальных рисунков на наших материалах находит свое подтверждение.

Обращаясь к шалаболинским изображениям, мы видим, что здесь основными изображениями являлись олени и лоси, и незначительное место отводилось другим животным (быку, медведю, козлу).

Особое место следует отвести изображению человеческих фигур на лошадях, в лодках и пеших фигур.

В существующей этнографической литературе о киргизах мы нередко можем найти упоминание о родах, носящих название оленя, лося, быка. Так, Н. Харузин приводит сообщение Радлова о существовании у каракиргиз родов оленя, желтого лося и большого лося.[4]

Среди киргиз Каракольского, Пишпекского округов и Кенкол-Карагырской волости, по указанию А. С. Садыкова,[5] встречалась ветвь (отделение) кылджыр, имя которой почти не употреблялось, а заменялось названием „сары багыш" — желтый олень. Эта ветвь (отделение) делилась на два главных рода — орозбакты и даулес. Орозбакты точно так же приобрел иное название „бугу", т. е. марал, которое и утвердилось за ним навсегда.

Бык-тотем встречается в легенде об огуз-кагане. Последний, якобы, был рожден некоей Ай-Каган от быка.[6] Следует отметить, что бык в качестве тотемного животного встречается как среди тюркских, так и монгольских племен. В доказательство того, что наскальные изображения носят тотемистический характер, мы можем привести изображение барса, не встречающегося на шалаболинских изображениях, но отмеченного нами на других скалах.

[1] Кнуд Расмуссен. Великий санный путь. Изд. Главсевморпути, 1935, стр. 144—145.

[2] В. И. Равдоникас. Следы тотемистических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. Сов. археология, 1937, III.

[3] А. М. Линевский. Петроглифы Карелии, ч. I, Петрозаводск, 1939.

[4] Н. Харузин. Этнография, вып. I.

[5] А. С. Садыков. Родовое деление киргиз. Сборник, посвященный В. В. Бартольду, Ташкент, 1927, стр. 279.

[6] А. Бернштам. Историческая правда в легенде об огуз-кагане. Сов. этнография, 1935, № 6.

А. Бернштам в своей работе о социально-экономическом строе орхоно-енисейских тюрок указывает, что тотемами ряда кыргызских родов в VI—VIII вв. н. э. были барсы.[1] Так, в надписи Чакул барс отмечается в собственном имени-титуле: „посланник Чур сильный барс“. В этой же надписи второй раз упоминается барс в именном контексте: „Туз бай сильный, именитый барс“.[2]

Тотем барс встречается и в надписи Алтун-Коль: „от находящегося на земле барсовского рода моего (от) доблестных (собратьев) моих я не насладился“. Здесь бесспорно фигурирует барс в качестве тотема рода.[3]

По представлению многих народов убийство тотемного животного было равносильно убийству брата или сестры.[4] Поэтому охота на тотемных животных требовала, вероятно, соблюдения сугубо осторожных приемов, связанных с сохранением „души“ животного. Изображения этих животных высекали в малодоступных пещерах, отдаленных скалах и т. п. Служитель культа шаман силою своих магических приемов мог „вселять“ в высеченное изображение душу тотемного животного — покровителя рода, в силу чего само изображение заменяло собой божество. Мы уже обращали вначале внимание на то, что на отдельных скалах рисунок делался одним лицом, за это говорят общность технических приемов, характер и размеры рисунка. Делая изображение тотема, шаман, с одной стороны, должен был преследовать цель убийства тотемного животного, с другой, — он создавал божество, способное ниспослать благо охотнику, роду и т. д.

Отсюда становится понятным почитание у многих народов скал с изображениями животных. Так, например, Г. М. Василевич указывает, что подобные места по Олекме особо почитаются тунгусами; они считают эти скалы местообиталищем „bira itein“ (реки дух).[5]

Буряты считают, что изображения на скалах представляют „сайтинских богов“ — особых добрых существ небесного происхождения.[6]

А. П. Окладников отмечает, что эвенки почитали священные родовые места скалы — бугады. Каждая такая скала была живым существом, зверем, чаще всего лосем. В причудливых очертаниях таких скал, они находили черты реального зверя. Зверь — бугады считался предком, тотемом рода и его покровителем. Особый интерес по связи с древним жертвенным местом представляют изображения на скале Суруктаах — Хая по Мархе.[7]

Особую группу изображений составляют изображения человеческих фигур, облавных охот и лодок с людьми. Мы не можем дать окончательный ответ на значение этих изображений.

1 А. Бернштам. Социально-экономический строй..., стр. 164.

2 Там же, стр. 163.

3 Там же, стр. 163.

4 Fraser. Totemism and exogamy, т. I. London. 1910.

5 Г. М. Василевич. Указ. соч.

6 П. Хороших. Исследования каменного и железного века Иркутского края. Изв. Биол.-геогр. научно-иссл. инст. при Иркутск. унив., т. I, вып. 1, 1924.

7 А. П. Окладников. Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1943, стр. 34, 40.

По общепринятому в литературе толкованию следовало бы сказать, что магическое значение этих изображений сводится к желанию, в силу принципа „подобное вызывает подобное“, обеспечить удачную охоту путем изображения конных облавных охот или заездов и охоты в лодках, когда, скажем, в определенные времена года олени, двигаясь большими стадами, пересекают речные пространства. Такие охоты, известные под именем „поколюга“, достаточно полно описаны в этнографической литературе. Кстати заметим, что изображению лодок на скалах всегда сопутствуют изображения оленей.

Однако такое объяснение не может нас полностью удовлетворить в силу того, что многие народы испытывают панический страх перед изображением образов своего или своих родственников. В нашей практике не раз приходилось сталкиваться с подобными моментами у монгольских племен. Попытки фотографирования или зарисовки человеческих фигур вызывали крайнее возбуждение и страх за свою жизнь.

Можно предположить, что здесь наносились изображения предков — вождей и шаманов, души которых после их смерти вселялись в нанесенные на скалах фигуры, причем сохранялся реальный облик их охот за тотемными животными. Сходные отзвуки мотивов наскальных рисунков встречаются в изображениях на шаманских бубнах.

Не менее интересным нам представляется и еще одно толкование, а именно — в наскальных рисунках могли изображаться люди враждебных племен или родов, души которых, подобно душам животных, улавливались в соответствующие изображения, и тем самым облегчалась победа над врагом. Этнографические параллели укрепляют нас в нашем толковании. Так, например, у бурят существовал магический способ устранения врага родовитыми кузнецами. Последние делали изображение своего врага в виде фигурки из хрупкой стали, которая затем разбивалась на наковальне ударами молота. Во время этого обряда произносились соответствующие слова с упоминаниями имени жертвы.

Гиляки, отправляясь на войну, изготовляли из травы фигуру человека, которую кололи копьем.[1]

Индейцы Северной Америки думают, что достаточно нарисовать чье-либо изображение на песке, на золе, на глине или изготовить какой-либо предмет, изображающий тело врага, затем просверлить его палкой или ранить его каким-либо путем, чтоб враг получил такую же рану, как и его изображение.[2]

Мы не будем останавливаться на других аналогичных материалах, которые можно подобрать в большом количестве у разных народов.

В свете нашего толкования большой интерес представляют тюркские каменные бабы-балбалы.

А. Бернштам в своей работе о социально-экономическом строе орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. указывает, что изображения балбалов при-

[1] Е. А. Крейнович. Собаководство гиляков и его отражение в религиозной идеологии. Этнография, 1930, № 4.

[2] Джемс Фрезер. Золотая ветвь, вып. I, стр. 39.

надлежат ханам покоренных и включенных в состав тюркского государства народов. В ряде текстов орхоно-енисейских тюрок определенно указывается, что балбал — это изображения ханов покоренных народов, так например: „(В честь моего дяди Кагана) я поставил во главе (вереницы могильных камней) балбалы киргизского Кагана". У могилы Бильге-хана стоял камень с надписью: „Это каменный балбал шада толесов"[1] и т. д.

Далее А. Бернштам правильно подчеркивает, что анимизм здесь выражен в стремлении не только увеличить „славу" покойного душами побежденных, уставляя могилу покойного изображениями ханов подчиненных им народов, но попытка отправить покойного в иной мир с подчиненными ему ханами, дабы они могли служить ему, верней, — его душе в загробном мире.[2]

В отдельных наскальных изображениях (например эстампажи LVI = 22, LVI = 47, LVIII = 22 и др.) обращает на себя внимание то, что некоторые фигуры человека даны в перевернутом виде, как бы убитыми. Все вышеуказанное заставляет нас думать, что наше предположение об изображении вражеских групп в наскальных фигурах не лишено интереса и основания.

Изображение облавных охот встречается во многих местонахождениях наскальных рисунков долины Енисея. В истории тюркских и монгольских племен они играли большую роль. Как указывают исторические источники, облавные охоты представляют собой одновременно и военные маневры. Очень часто участники облав переходили от охоты к военным набегам на соседние племена, у которых захватывали имущество, скот и людей — рабов. Надо полагать, что грандиозные облавы — маневры Чингис-хана являются поздним выражением древних облавных охот племен, вошедших в состав его империи. Сведения о том, что енисейским кыргызам приходилось вести войны с соседями, достаточно подтверждаются историческими источниками. Известен целый ряд походов орхонских тюрок на Енисей. В качестве прямых врагов тюрок-огузов кыргызы неоднократно упоминаются в больших древнетюркских текстах. Так, в одном из текстов памятника Кюль-тегина говорится:

„Когда Кюль-тегину было двадцать шесть лет, мы воевали с кыргызами. Проложив дорогу через снег, глубиной в копье, и поднявшись в Когменскую чернь, мы разбили и обратили в бегство кыргызский народ".[3]

Нередко завоеватели вынуждены были и отступать.

Наши наскальные изображения облавных охот отражают также и некоторые моменты социального расслоения. Так, мы можем видеть здесь всадников на лошадях, на головных уборах которых развеваются султаны, сбоку висят мечи; иногда шапки их снабжены рогообразными украше-

---

[1] А. Бернштам. Указ. соч., стр. 73.
[2] А. Бернштам. Там же.
[3] А. Бернштам. Указ. соч., стр. 165.

ниями, наподобие нынешних тунгусских шаманских головных уборов. Это вероятно высший слой общества.

Вторую группу составляют пешие люди, снабженные луком или мечом, и, наконец, просто пешие люди. Интересно, что в воспоминаниях бурят об облавных охотах — зегете аба и аба хайдак, все эти моменты нашли свое отражение. В них указывается, что артель охотников-облавщиков распадалась на несколько родовых групп; во главе стоял „галши", который одновременно был руководителем общественной жизни и охоты и служителем культа — шаманом. Второй слой составляли те, кто имел коней, третий слой пешие (рабы). Начальники шаманы часто превращали охоту в военный набег на соседние племена и обращали их в рабов, захваченное имущество делили между собой.[1]

Подводя итоги, мы считаем, что:

1) значительная часть шалаболинских наскальных изображений датируется VII—IX вв. н. э. и относится к периоду существования в долине р. Енисея киргиз;

2) наскальные рисунки составляют один из моментов магии и расшифровываются в свете анимистических представлений о множественности душ и бессмертии одной из них;

3) круг изображений видов животных ограничен и тесно связан с изображениями тотемных животных; при нанесении на скалы последних преследуется цель не только убийства животного, но и вселение души тотема в изображение, которое становится божеством, способным ниспослать различные блага как охотнику, так и роду;

4) принимая во внимание, что древний человек избегал воспроизведения своего образа или образа близких ему людей в рисунке или скульптуре, мы склоняемся к толкованию шалаболинских человеческих фигур, в частности — облавных охот, как изображения врагов, магические действия над которыми способствовали успеху борьбы.

„Души" запечатленных в образах людей — врагов (может быть, вражеских вождей, шаманов и тотемов) шаман подчинял и заставлял их служить себе.

---

[1] См. работы: М. Хангалов. Юридические обычаи у бурят. Этногр. обозр., 1894, № 2; Д. А. Клеменц и М. Н. Хангалов. Общественные охоты у северных бурят. Мат. по этногр. России, т. I, 1910.

ОПИСАНИЕ ШАЛАБОЛИНСКИХ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Шифр Адрианова LVI

LVI-1

Изображение лодки, в ней семь условных человеческих фигур в виде коротких вертикальных линий. Длина 15.5 см, высота 3 см.

LVI-1

1 — изображение рогатого животного. Изображение выбито по всей площади. Длина 16 см, высота 8 см.

2 — изображение задней части животного.

3 — изображение животного, выбитое по всей площади. Длина 11.3 см.

4 — изображение животного, обращенного головой к изображению № 5. Фигура выбита по всей площади. Длина 11 см, высота 7 см.

5 — изображение животного, обращенного головой к фигуре № 4. Изображение выбито по всей площади. Длина 16.5 см, высота 8 см.

6 — изображение лося, следующего за фиг. *5*. Изображение выбито по всей площади. Длина 24 см, высота 15 см.

7 — изображение животного, следующего за фиг. № 6. Изображение выбито по всей площади. Длина 15 см, высота 7 см.

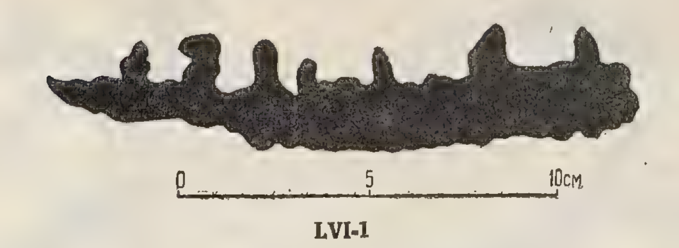
8 — незаконченное изображение животного.

9 — незаконченное изображение животного.

10 — незаконченное изображение животного.

LVI-1a

Изображение лося больших размеров. Длина его достигает 78 см, высота 55 см. Изображение выбито по контуру. От задней части туловища внутрь отходит изогнутая линия, повидимому, не связанная с данным изображением, но относящаяся к какому-то другому наброску. К такого же рода отрывочным изображениям относится и изогнутая линия, идущая впереди лося.

LVI-1

LVI-1

LVI-1а

LVI-1а

1 — изображение неопределенного животного, выбитое по контуру, туловище короткое с длинным хвостом, голова снабжена двумя отростками — рогами. Впереди головы находится незаконченное изображение какой-то фигуры.

2 — изображение головы и шеи животного, голова снабжена двумя рогами и выбита по всей площади, шея — по контуру.

LVI-1а

1 — изображение неопределенного животного, выбитое по контуру.

2 — незаконченное изображение фигуры животного.

LVI-2

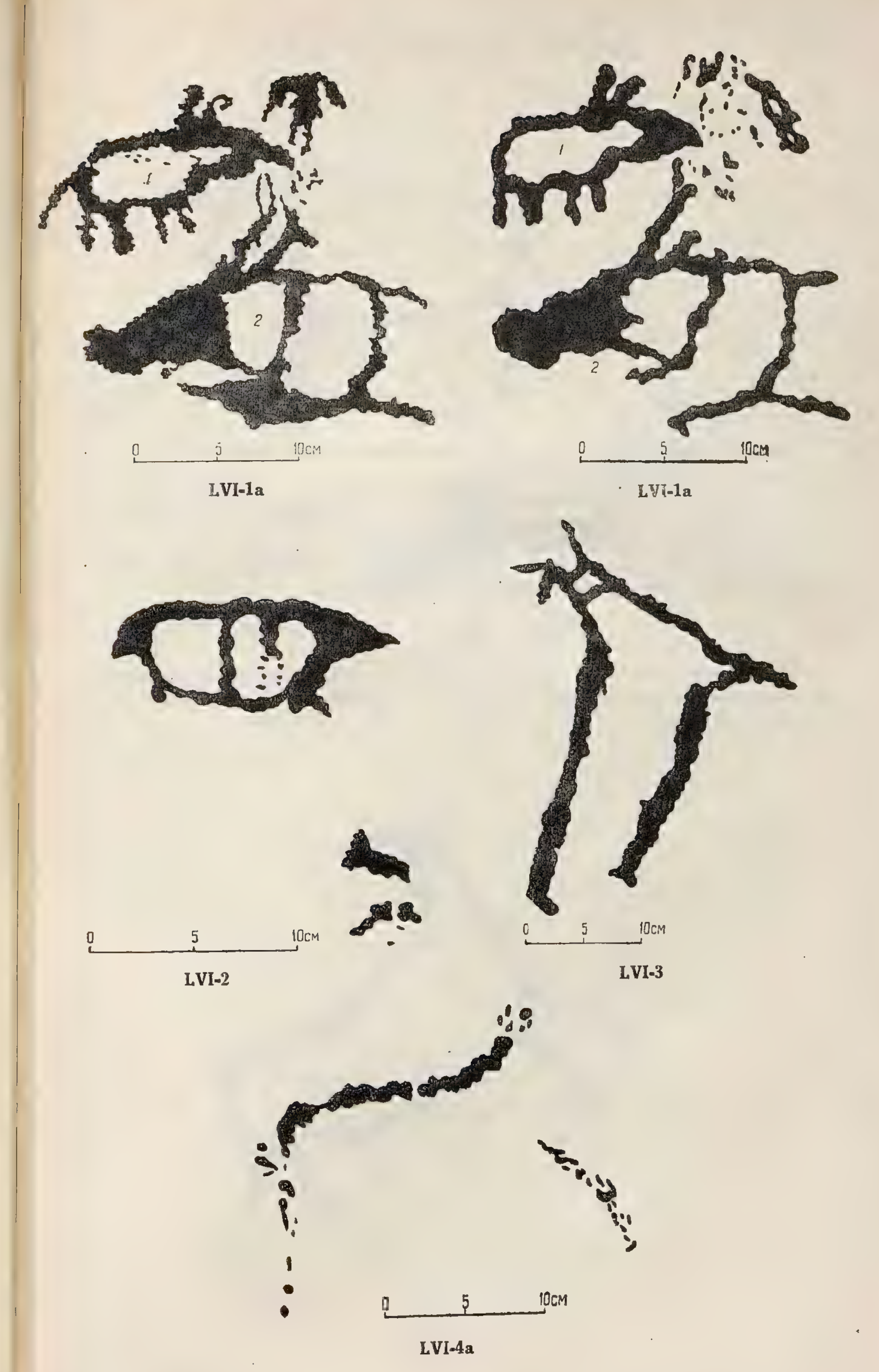
Изображение туловища животного.

LVI-3

Незаконченное изображение животного (оленя?).

LVI-4а

Набросок фигуры животного.

LVI-1а

LVI-1а

LVI-2

LVI-3

LVI-4а

LVI-4в

1 — изображение быка, обращенного головой влево. Изображение выбито по контуру; наибольшая длина 43.5 см.

2 — изображение головы и части туловища лося. Голова обращена вправо и выбита по всей площади, начало туловища выбито по контуру. В конце линия туловища намечена отдельными выбоинами. Наибольшая длина 23.5 см.

3 — изображение головы лося и части туловища. Голова обращена вправо. Изображение выбито по всей площади. Наибольшая длина 22.6 см.

LVI-6

Изображение самки оленя с повернутой назад головой. Голова выбита по всей площади, остальная часть — по контуру. Задние ноги изображены до половины. Длина 24 см, высота 27 см.

LVI-4в

LVI-5

LVI-7в

1 — изображение двух животных, обращенных головой вправо и стоящих одно над другим. Одно из них имеет длинный рог — изображение быка; второе неясно, возможно изображение лося. Фигура быка выбита по незаконченному изображению какого-то животного, по которому высечена также фигура человека. Туловище животных выбито по контуру, голова — по всей площади. Наибольшая длина быка от конца морды до хвоста 29 см.

2 — изображение фигуры человека, выбитое по незаконченной фигуре животного, ноги которого сливаются с набросками какой-то фигуры, начатой выбивкой линии и кружков неправильной формы. Изображение человека выбито по всей площади. Высота от головы до ног 19 см.

3 — изображение рогатого животного, обращенного головой вправо. Изображение выбито по контуру. Длина 18 см.

LVI-8

1 — изображение фигуры человека с поднятыми вверх и упирающимися в голову руками. В нижней части туловища обозначены с боков конец и рукоять меча. Длина 7.5 см, высота 14.6 см.

2 — изображение животного (лося?) без головы. Спину и туловище животного пересекает вертикальная линия.

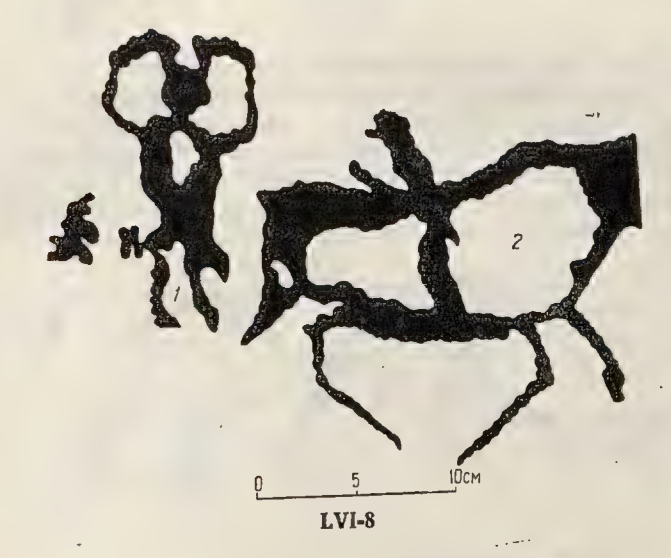
LVI-9

1 — изображение животного (самки оленя?). Изображение выбито по контуру, ноги не закончены. По середине туловища семью поперечными полосами обозначены ребра. Длина 30 см, высота 15 см.

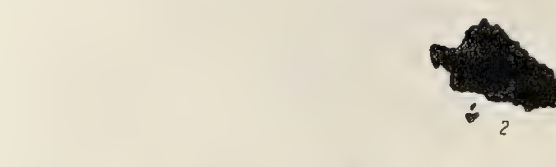
2 — неопределенное изображение в виде пятна, выбитого по всей площади.

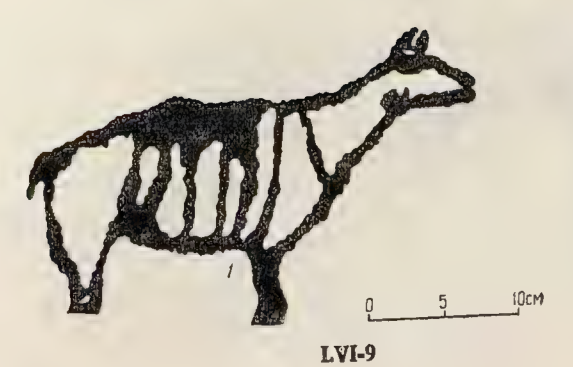

LVI-7в

LVI-8

LVI-9

LVI-10

Незаконченное изображение туловища животного.

LVI-11

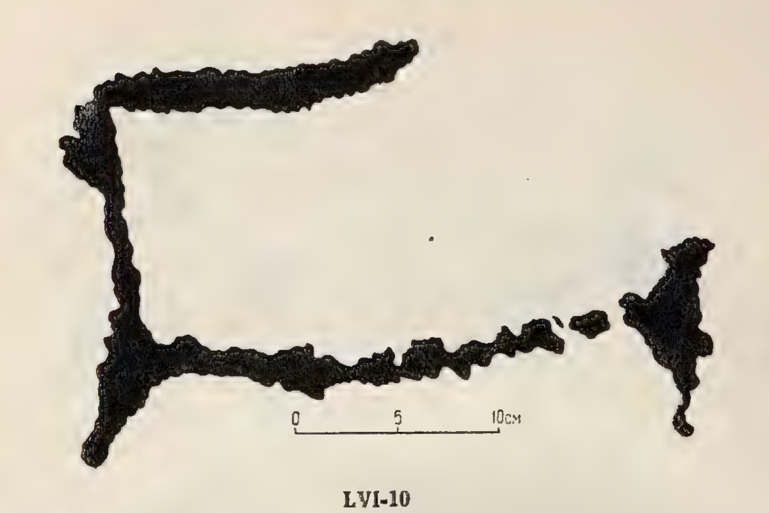
1 — изображение двух животных, следующих одно за другим; голова второго сливается с задней частью первого. Над изображением первого животного начата выбивка головы какого-то животного. Первая фигура представляет, вероятно, изображение лошади. Туловище животных выбито по контуру, голова и задняя часть первого животного по всей площади. Длина первой фигуры от головы до хвоста 38 см, второй — 21 см.

2 — изображение животного, задняя часть которого сливается с линией, идущей вверх. Середина туловища выбита по контуру, голова, грудь и задняя часть по всей площади. Длина 17 см.

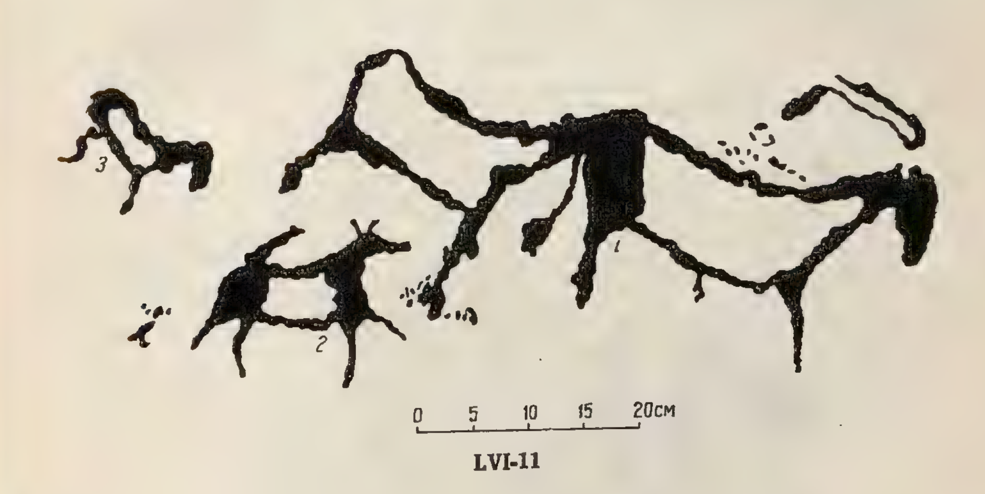
3 — изображение животного. Туловище выбито по контуру, голова и шея по всей площади. Длина 12.5 см.

LVI-12

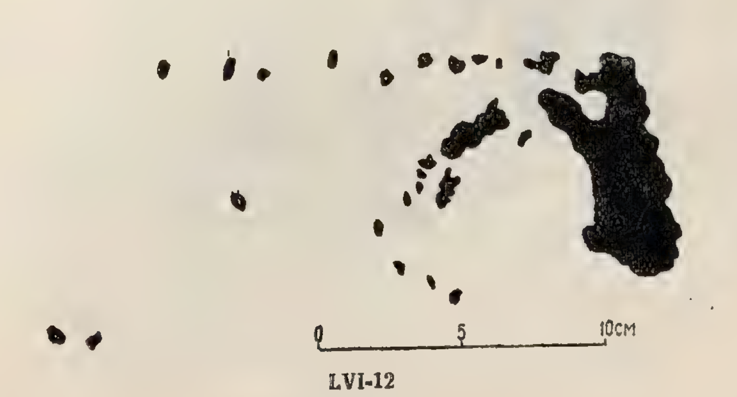
Набросок фигуры животного.

LVI-10

LVI-11

LVI-12

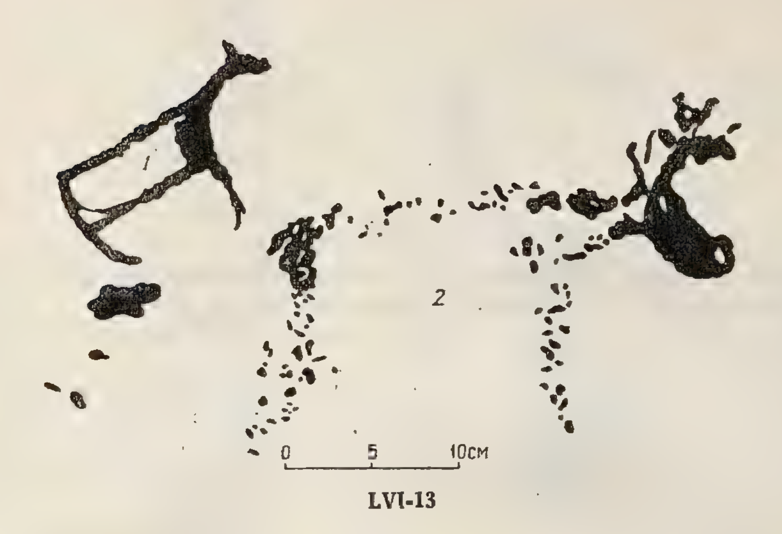
LVI-13

1 — изображение животного (оленя). Голова и грудь выбиты по всей площади, остальная часть — по контуру.

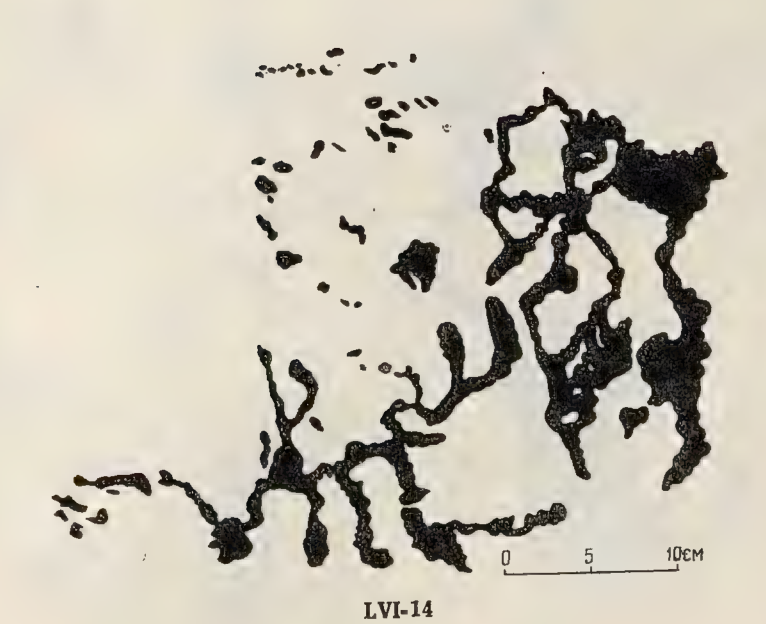
2 — набросок изображения рогатого животного.

LVI-14

Неопределенное изображение.

LVI-13

LVI-14

LVI-15

1 — изображение лодки, в которой 15 условных человеческих фигур в виде коротких вертикальных линий. Длина 32.6 см, наибольшая высота 7.8 см.

2 — изображение лося, голова выбита по всей площади, туловище — по контуру. Длина 30.2 см, наибольшая высота 24.5 см.

3 — изображение лодки, в ней 8 условных человеческих фигур в виде коротких вертикальных или слегка наклонных линий. Вторая фигура изображена с поднятыми вверх руками. К голове первой крайней фигуры примыкает горизонтальная полоска с загнутым концом; вероятно, часть какой-либо новой фигуры. Длина лодки 41.5 см, наибольшая высота 10 см.

4 — изображение головы лося, выбитое по всей площади. Рядом находятся отдельные выбоины.

5 — неопределенное изображение; возможно, незаконченное изображение головы лося.

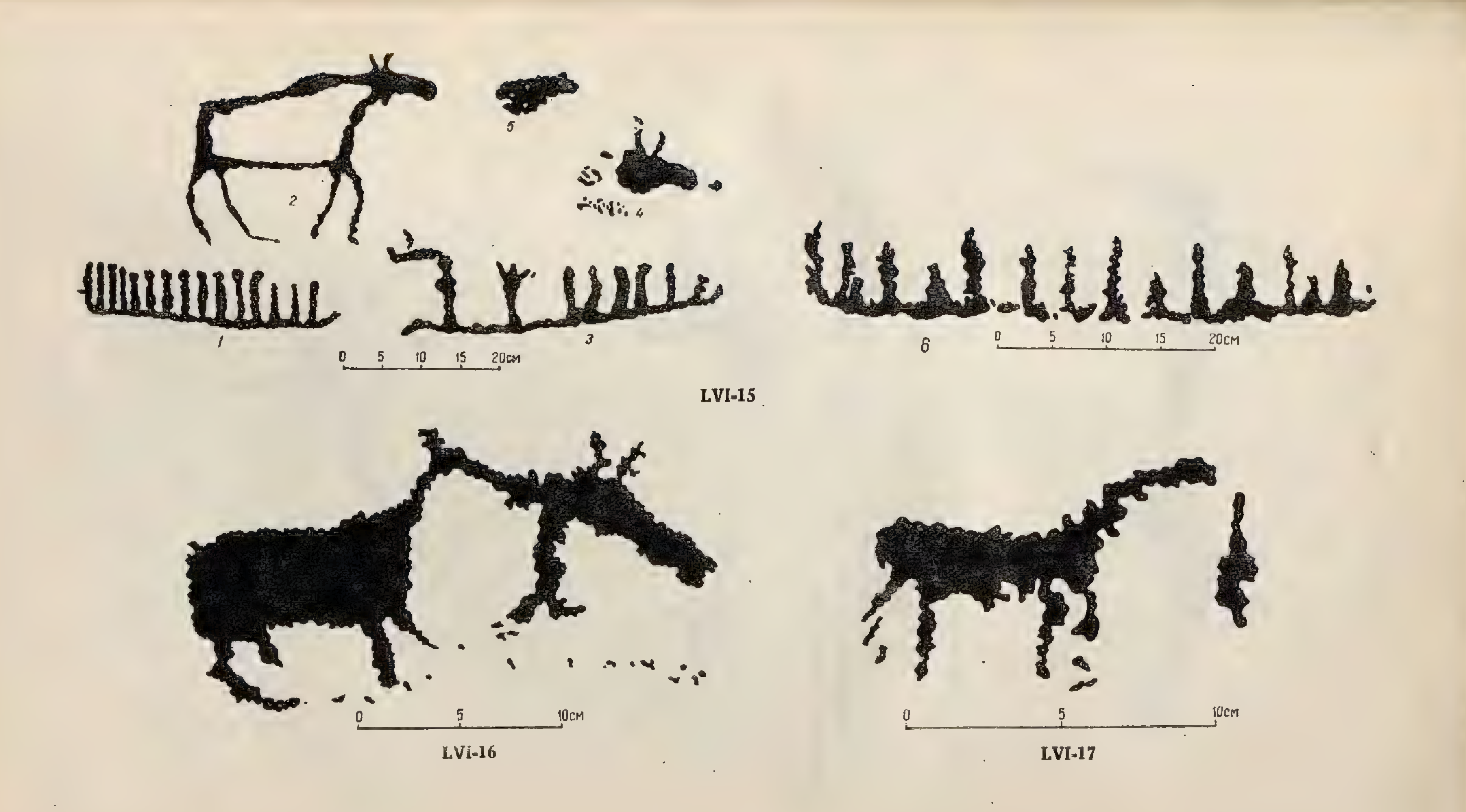
6 — изображение лодки с 15 условными обозначениями человеческих фигур в виде коротких вертикальных линий неравной высоты. Возможно, что наиболее низкие линии представляют сидящих людей, остальные стоящих. Линия лодки посредине не докончена в нескольких местах. Длина 51 см, наибольшая высота 8 см.

LVI-16

Изображение двух слившихся фигур животных. Передняя фигура представляет собой голову оленя (самки), задняя — туловище животного, возможно, оленя, голова которого сливается с линией спины первого изображения.

LVI-17

Незаконченное изображение животного, выбитое по всей площади.

LVI-15

LVI-16

LVI-17

LVI-18

Незаконченное изображение самки оленя.

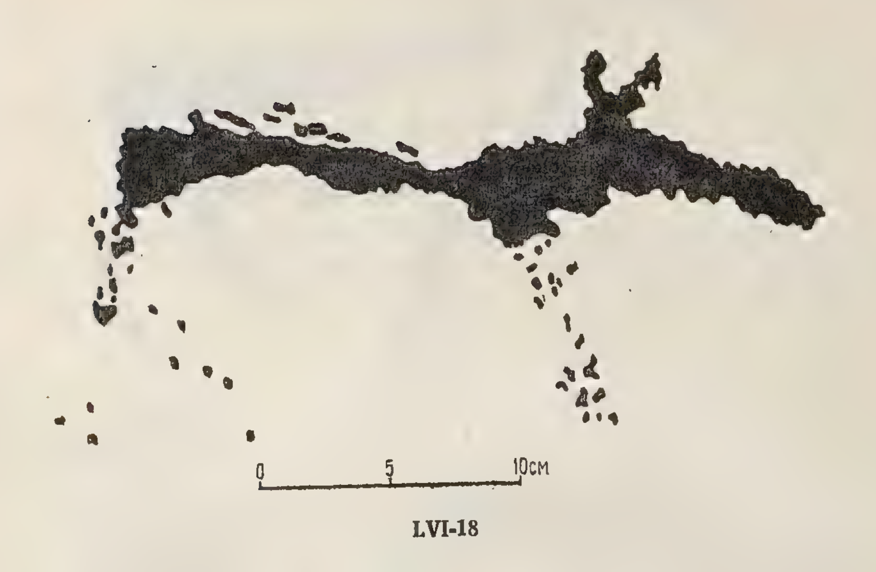
LVI-19

1 — изображение лошади, выбитое по контуру. Длина 16 см, высота 10 см.

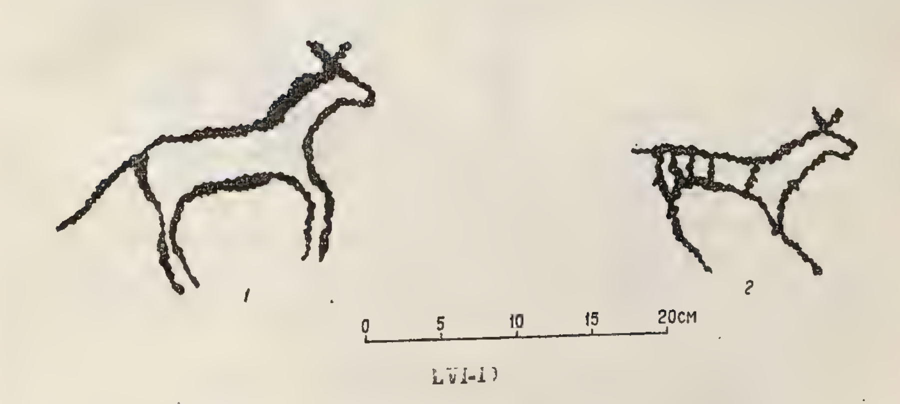
2 — изображение лошади, выбитое по контуру. По туловищу проходят четыре поперечных полосы. Длина 13.5 см, высота 8.5 см.

LVI-20

Изображение головы и передней части туловища животного.

LVI-18

LVI-19

LVI-20

LVI-21

Изображение лося (самки), обращенное головой вправо. Изображение выбито по контуру. В середине туловища изображены ребра. Наибольшая длина 35.5 см, наибольшая высота 18 см.

LVI-22

Группа изображений № 22 композиционно связана между собой. Здесь представлены частью в вертикальной, частью в горизонтальной плоскости фигуры людей, расположенные друг от друга на определенном расстоянии. Так обычно располагались по кругу охотники в облавных охотах. Исторически известно, что облавщики подразделялись на конных и пеших. Среди данных изображений выделяется фигура всадника на лошади с боевым молотком в руке. Боевые молотки имеются и у других фигур. У двух ясно видны мечи сбоку. Одна из фигур находится в перевернутом положении, представляя собой, вероятно, убитого человека.

Описание отдельных фигур

1 — изображение всадника на лошади. Фигура человека выбита по всей площади, фигура лошади по контуру. На шее лошади имеются отдельные выбоины. Левой рукой всадник держится за повод, в правой руке его находится боевой молоток. Длина лошади от конца морды до начала хвоста 15 см.

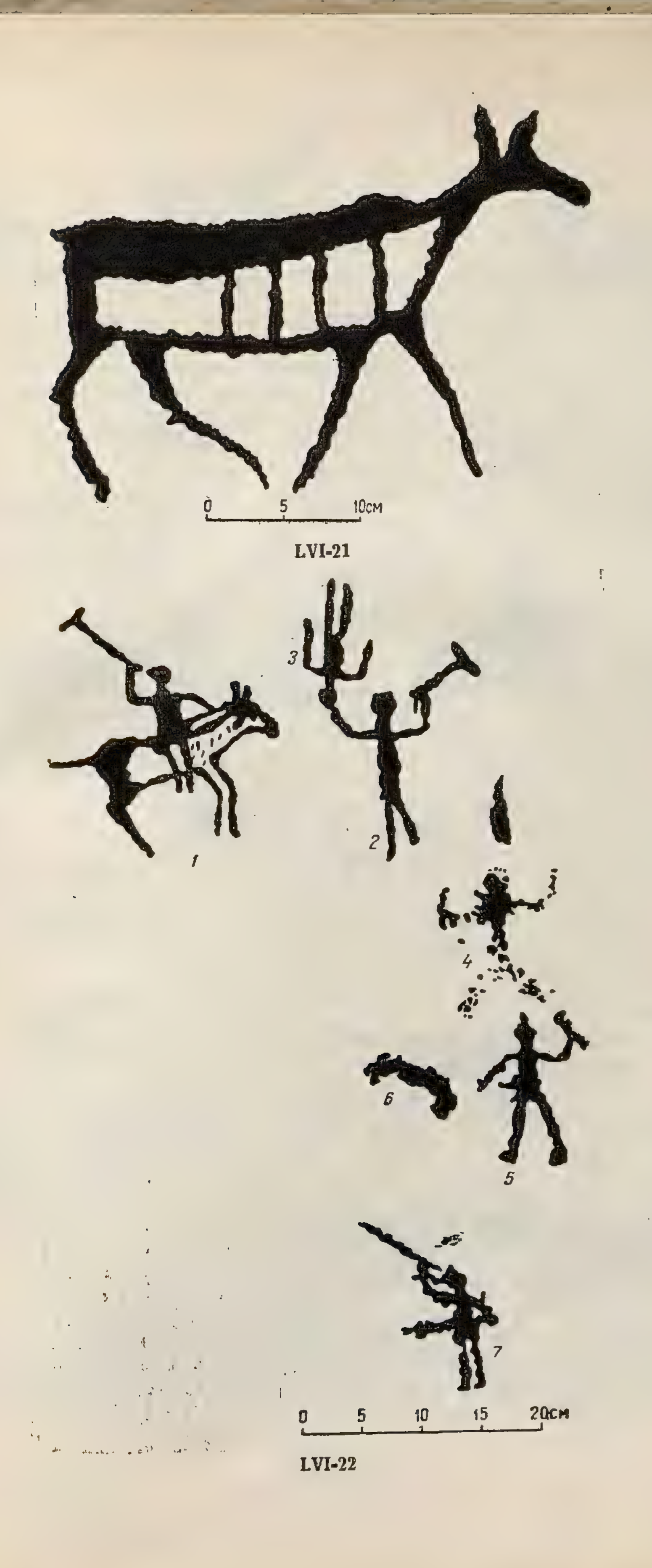
2—3 — изображение двух человеческих фигур. Одна из них (3) находится в перевернутом состоянии и соприкасается с правой рукой второй фигуры, а может быть даже удерживается последней. В левой руке второй фигуры находится боевой молоток. Обе фигуры выбиты по всей площади. Высота фигуры второй 14 см; высота фигуры третьей 10.5 см.

4 — незаконченное изображение фигуры человека, ноги, руки и часть головы которого намечены отдельными выбоинами.

5 — изображение фигуры человека; в левой руке его находится боевой молоток, а с правого бока видна рукоять меча. От головы отходит вертикальная линия, вероятно, изображающая султан на шапке. Высота 13 см.

6 — неопределенное изображение.

7 — изображение фигуры человека. Левой рукой он придерживает рукоять меча, конец которого выдается далеко вперед, правая рука поднята вверх и в ней находится какой-то предмет, изображенный в виде прямой линии. Высота 10.5 см.

LVI-21

LVI-22

LVI-23

1 — изображение животного (оленя?), высеченное по всей площади. Длина 28.5 см, высота 21.5 см.

2 — незаконченное изображение животного. Перед ним и позади его находится большое количество мелких выбоин.

3 — изображение головы быка, выбитое по всей площади. Рога изогнуты и выступают вперед. Один рог нанесен отдельными выбоинами и линиями, которые в дальнейшем должны были слиться в одну линию. Между вторым и третьим изображениями находится большое количество отдельных выбоин.

LVI-24

1 — изображение лося (самки), выбитое по всей площади. Длина 21 см, высота 25 см.

2 — незаконченное изображение животного.

3 — изображение головы и шеи лося.

4 — изображение самки лося, выбитое по всей площади. Задняя поверхность спины сливается с ногами фиг. № 5. Длина 31 см, высота 25.5 см.

5 — изображение животного (лося?). Передние ноги отсутствуют, линия брюшной части не закончена. Задние ноги сливаются с фиг. № 4. Изображение выбито по контуру.

6 — изображение лося, выбитое по всей площади. Задние ноги высечены по контурному изображению головы и шеи какого-то животного, последняя заканчивается отдельными выбоинами. Длина лося 21.5 см, высота 15 см.

7 — изображение головы, шеи и верхней части туловища животного (оленя?). Голова выбита по всей площади, туловище — по контуру. От головы отходит изогнутая линия, возможно, изображение рога. Снизу и сзади изображения находится большое количество выбоин набросок какой-то фигуры.

8 — изображение трех широких линий, из которых одна имеет сходство с головой лося, вторая и третья могут являться частью изображения, связанного с наброском фигуры, начатой отдельными выбоинами (см. фиг. 7).

9 — изображение туловища и передних ног животного (оленя), выбитое по контуру.

10 — неопределенное изображение.

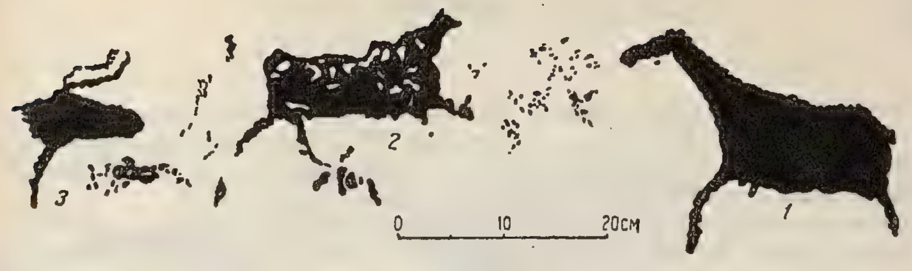
11 — изображение животного, выбитое по всей площади.

12 — незаконченное изображение фигуры человека. Ноги сливаются с изображением 13.

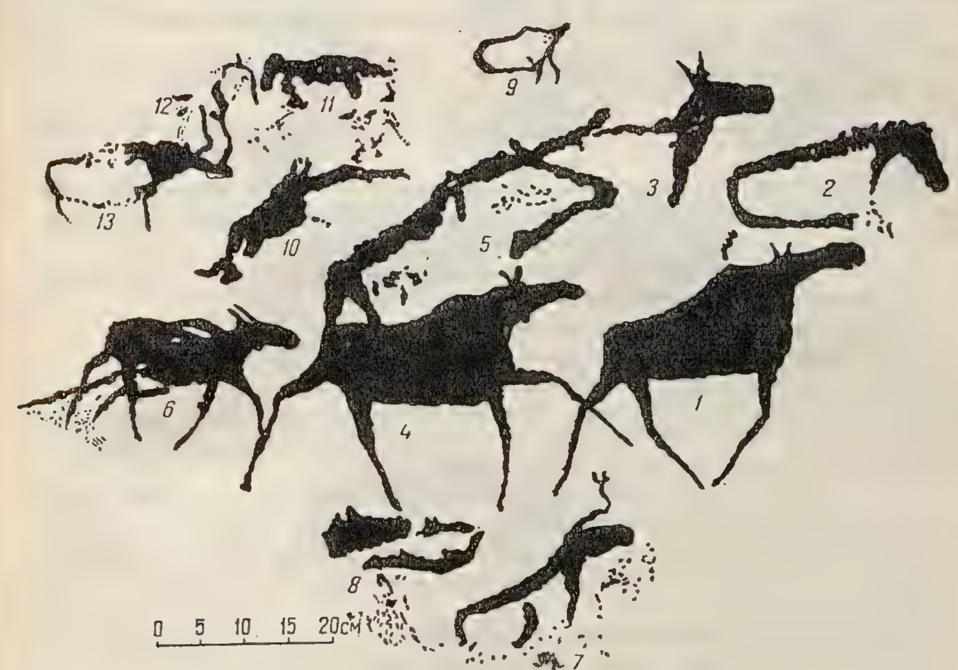
13 — изображение лося. Голова выбита по всей площади, туловище по контуру. Морда сливается с ногами фигуры человека № 12.

LVI-25, 26

1 — изображение большой фигуры лося, голова которого непропорционально велика, пасть открыта, передние ноги не закончены. Изображение выбито по большому количеству других фигур, налегающих одна на другую, которые размещаются внутри туловища лося. Среди них заметно выделяется выбитая по всей площади фигура идущего человека, рука которого вытянута и держит какой-то предмет, возможно, лук со стрелой, направленной на ниже его стоящую фигуру оленя (?). Последняя выбита по контуру и впереди сливается с какой-то неопределенной фигурой. Внутри туловища оленя находятся четыре поперечные полосы, изображающие ребра животного. Ниже фигуры оленя различима еще одна фигура животного (оленя или лося), туловище которого сливается с брюшной линией большой фигуры лося. Задняя нога большой фигуры сливается с головой фигуры № 2. Внизу находится широкая полоса, впереди большое количество выбоин и отдельных линий. Длина фигуры лося от конца морды до начала хвоста 78 см.

LVI-23

LVI-24

LVI-25-26

2 — изображение головы и верхней линии туловища животного (оленя?). Голова выбита по всей площади и сливается с ногой фиг. № 1. Линия туловища сливается с фиг. № 3. Вниз от места слияния идут две перекрещенные линии. Задний конец линии туловища сливается с изображением головы какого-то животного.

3 — изображение лося, выбитое по всей площади. Ноги лося упираются в фиг. № 2. От головы отходит изогнутая линия — изображение какой-то незаконченной фигуры, сливающейся с фигурой лося.

4 — изображение лося. Передние ноги не доделаны. Голова выбита по всей площади, туловище — по контуру.

5 — изображение животного. Голова выбита по всей площади. Туловище — по контуру. Изображение сливается с фиг. № 4 и 6.

6 — изображение лося, выбитое по всей площади. Изображение сливается с фиг. № 5 и 7. Длина 35 см.

7 — изображение фигуры человека. От головы отходит вверх прямая короткая линия — украшение головного убора. Одна рука приподнята вверх и сливается с изображением лося (фиг. 6), вторая рука не обозначена. Высота 13 см.

8 — незаконченное изображение лодки с тремя условными человеческими фигурами в виде вертикальных невысоких линий.

9 — изображение верхней части фигуры человека.

10 — изображение головы животного.

11 — незаконченное изображение животного.

12 — изображение фигуры человека. Руки раскинуты в сторону. Левая рука слегка приподнята вверх. От головы отходят вверх две короткие линии — рогообразные украшения головного убора. Высота 14 см.

13 — изображение фигуры человека. Руки подняты вверх, с правого бока выступает конец меча. Нога сливается с фиг. № 14. Высота 15 см.

14 — изображение головы и туловища животного (лося?). Ноги отсутствуют. С линией спины сливается набросок какой-то фигуры, намеченной отдельными линиями и выбоинами.

15 — изображение фигуры человека. Руки раскинуты в стороны. Высота 15 см.

16 — изображение лося. Голова выбита по всей площади, туловище — по контуру. Передняя нога сливается с изогнутой линией. Длина 23 см, высота 11 см.

LVI-27, 28

1 — изображение лодки с семью условными человеческими фигурами в виде вертикальных параллельных или слегка наклонных линий. Длина 22 см, высота 5 см.

2 — изображение головы и верхней части туловища животного (оленя). Длина 33 см.

3 — изображение головы и части туловища неопределенного животного. Длина 20 см.

4 — изображение оленя с ветвистыми рогами. Голова выбита по всей площади, туловище — по контуру. Длина 31 см, высота по линии передних ног и конца рогов 24 см.

5 — изображение лося, выбитое по всей площади. Задняя часть не закончена. Передняя нога упирается в голову быка, задняя в неопределенную кривую линию, — набросок какой-то фигуры. Длина 31 см, высота 19 см.

6 — изображение головы и шеи быка. Голова выбита по всей площади, шея — по контуру. Изображение сливается с ногой фиг. 5.

7 — изображение головы и верхней части туловища лося. Голова выбита по всей площади. Длина 38 см.

8 — изображение оленя с ветвистыми рогами. Голова выбита по всей площади, туловище — по контуру. Задняя часть животного выбита по какому-то изображению. В верхней части изображение сливается с фигурой человека (№ 10), а рога сливаются с фиг. № 12. Длина 23 см, высота 17 см.

9 — изображение фигуры человека. От головы последней отходит вверх короткая линия — украшение головного убора, сливающееся с ногой лося (фиг. 11).

LVI-27, 28

LVI-29

10 — изображение фигуры человека, правая рука поднята вверх, в левой находится какой-то неопределенный предмет, сливающийся с ногой (фиг. 11). От головы отходят два рогообразных отростка — украшения головного убора. Ноги упираются в изображение оленя (фиг. 8).

11 — изображение лося, выбитое по всей площади. Длина 30 см, высота 17 см.

12 — изображение медведя. Голова выбита по всей площади, туловище — по контуру, внутри туловища находится много мелких выбоин. Задняя часть сливается с рогами оленя (фиг. № 8). Длина 14.5 см, высота 11 см.

13 — изображение фигуры человека, руки отсутствуют. От головы отходят две небольших линии — рогообразные украшения головного убора. Одна из линий сливается с изображением оленя (фиг. № 14), левая нога закрыта изображением № 11.

14 — изображение оленя, выбитое по всей площади. Задняя часть не закончена. Одна из передних ног согнута в колене, вторая нога сливается с фиг. № 13.

15 — изображение быка, выбитое по всей площади. Два рога изогнуты и выдаются вперед. Конец морды не закончен (разрушен?). Задняя часть выбита по незаконченному изображению оленя. Голова последнего выбита по всей площади, туловище — по контуру, пасть оленя приоткрыта. Длина изображения быка 20 см, высота 12.5 см.

16 — незаконченное изображение неопределенного животного.

17 — изображение головы и части туловища оленя. Голова снабжена ветвистыми рогами.

18 — незаконченное изображение оленя. Голова выбита по всей площади, туловище — по контуру.

LVI-29

Изображение трех человеческих фигур, следующих одна за другой, ноги их широко расставлены, руки раскинуты в сторону. У последней фигуры они не докончены, а намечены лишь отдельными выбоинами.

Первая фигура имеет высокий головной убор, от которого в сторону отходит горизонтальная линия, изображающая, очевидно, султан. Вторая фигура имеет остроконечную шапку, вероятно, с наушниками, о чем свидетельствует отходящая в сторону короткая линия. Высота первой фигуры 11 см, второй 10 см, третьей 8 см.

LVI-30

1 — изображение неопределенной фигуры в форме треугольника. Высота 16 см, ширина 17 см.

2 — изображение фигуры человека в фас с широко расставленными ногами и с фаллосом. Руки раскинуты. Изображение выбито по всей площади. Наибольшая длина 9 см.

3 — изображение неопределенного животного, обращенного головой вправо. Изображение выбито по всей площади. Наибольшая длина 19 см.

LVI-31

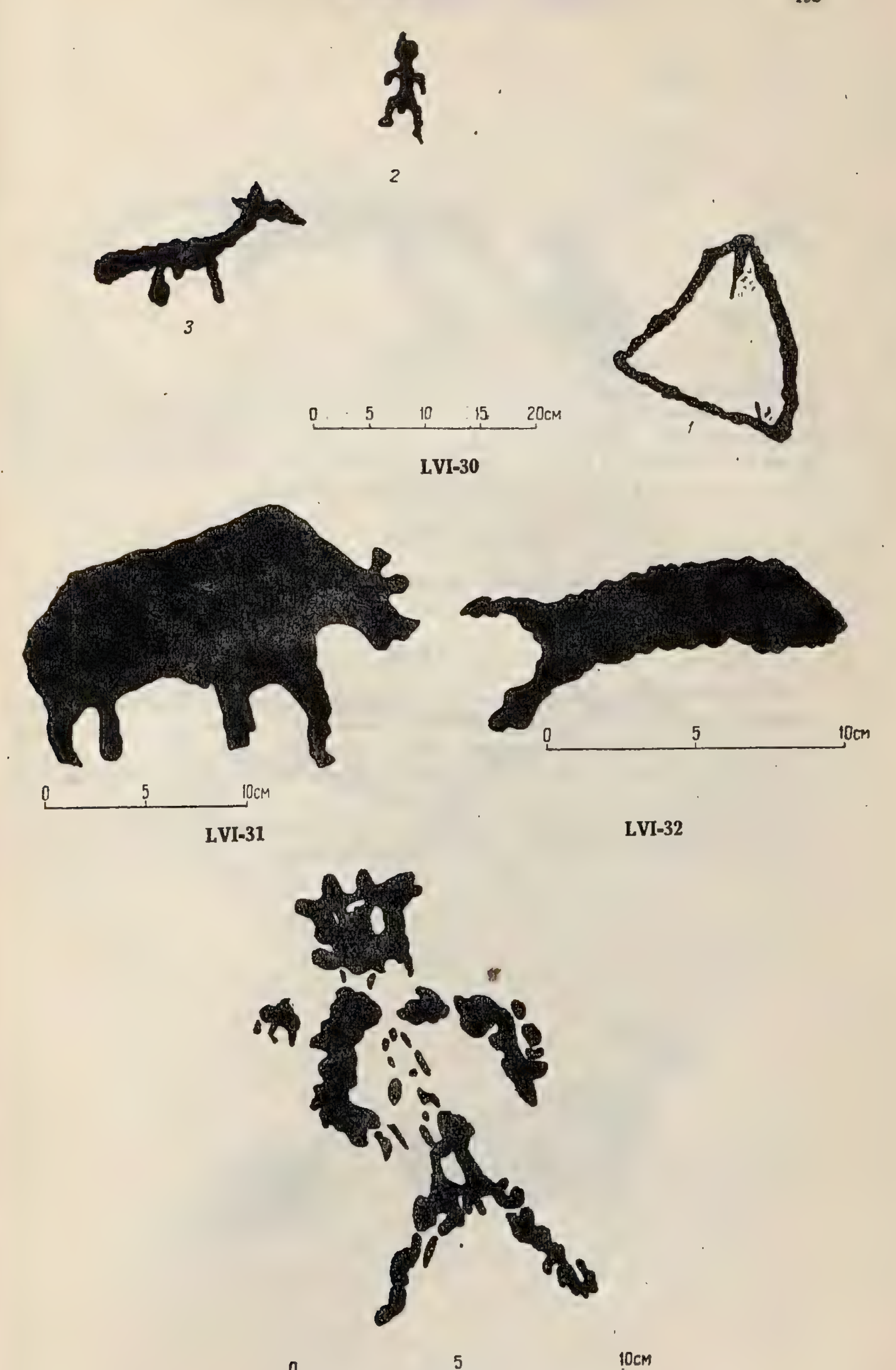
Изображение медведя, выбитое по всей площади. Длина 19.5 см, высота 13 см.

LVI-32

Неопределенное изображение (часть животного?).

LVI-33

Изображение фигуры человека. Туловище не закончено и намечено отдельными выбоинами. Высота 13 см.

LVI-30

LVI-31

LVI-32

LVI-33

LVI-34

Изображение двух фигур животных, обращенных головой друг к другу. Правая фигура изображена стоящей в вертикальном направлении с приподнятой ногой. Обе фигуры выбиты по всей площади. Длина вертикальной фигуры 5 см, высота 12.5 см. Длина второй фигуры от конца хвоста и до конца морды 23 см. Наибольшая высота 7 см. Около вертикальной фигуры находятся отдельные выбоины.

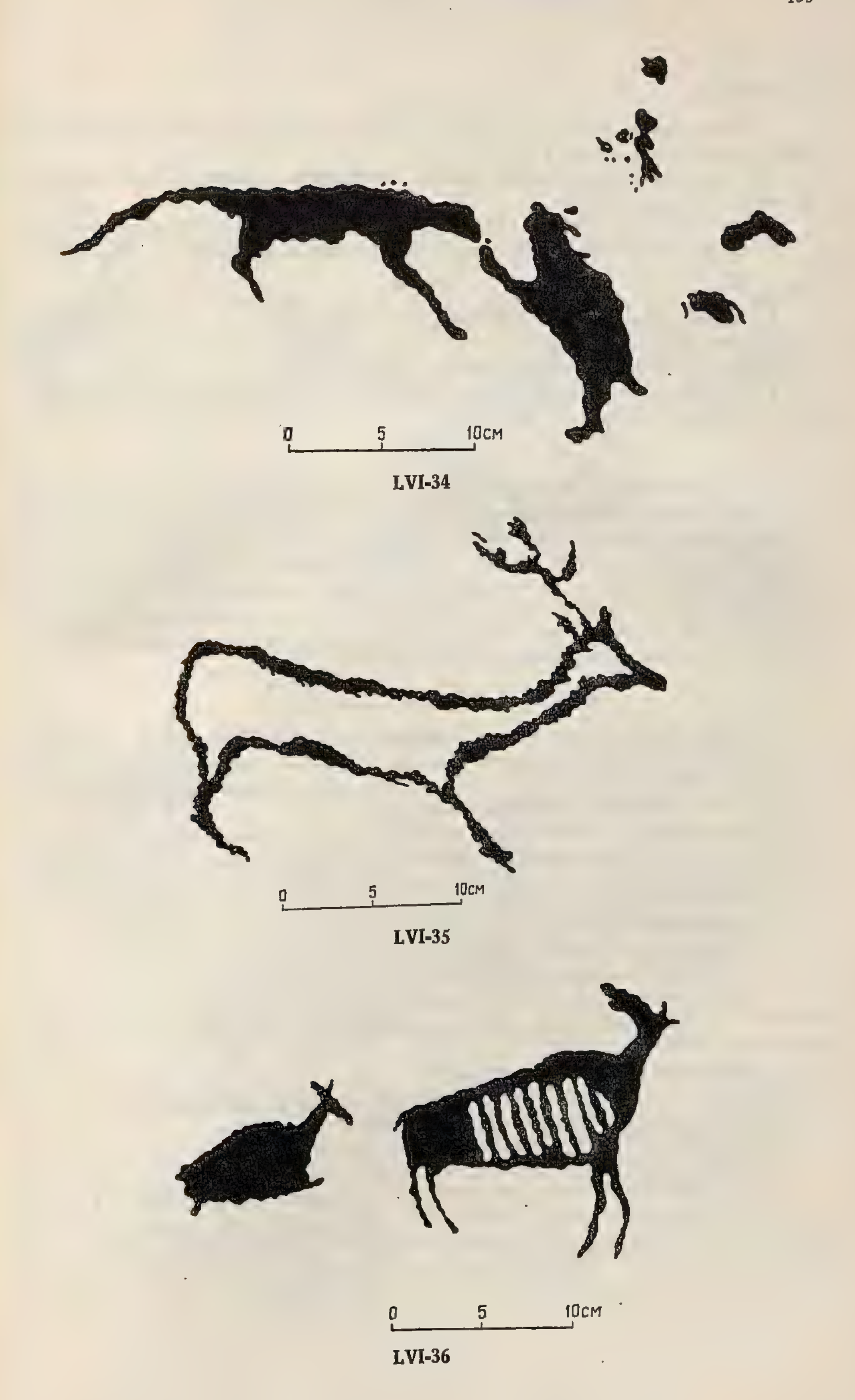
LVI-35

Изображение оленя с ветвистыми рогами, выбитое по контуру. Длина 27 см, высота туловища 11.5 см.

LVI-36

Изображение двух фигур, одна из них — самка оленя, вторая, вероятно, — детеныш лежащий сзади нее. Голова самки обращена назад, рот открыт, туловище пересечено восемью поперечными полосами. Фигура детеныша выбита по всей площади. Длина фигуры самки 13.5 см, высота туловища 11 см. Длина фигуры детеныша 8 см, высота 4.5 см.

Оба изображения производят впечатление тонкой художественной работы, их автор стремился преодолеть традиции плоскостного изображения.

LVI-34

LVI-35

LVI-36

LVI-38

1 — изображение оленя с ветвистыми рогами. Изображение выбито по всей площади. Длина 13 см, высота 9 см.

2 — изображение всадника на лошади. Изображение выбито по всей площади. Длина 11 см, высота 9.3 см.

3 — изображение животного, выбитое по всей площади. Длина 10.2 см, высота 6.3 см.

4 — изображение верблюда, выбитое по всей площади. Длина 11.5 см, высота 11 см.

LVI-39

1 — изогнутая линия — набросок какого-то изображения.

2 — изображение полуовала.

3 — изогнутая линия — начало какой-то фигуры.

4 — неопределенное изображение, возможно, части туловища животного с поперечными линиями — ребрами.

LVI-40 а, в

Группа изображений № 40 композиционно связана между собой и представляет сцену коллективной облавной охоты. Здесь изображены шесть всадников, один из них с настороженным луком, и одна фигура человека, идущего на лыжах, в руках которого также находится настороженный лук. Все изображения людей расположены друг от друга на определенном расстоянии, замыкая собой неправильный круг, в центре которого находятся три изображения оленя и наброски отдельных фигур. Особо стоят изображения 18, 19, 20, которые, вероятно, следует отнести к современному периоду. Вызывают сомнение также изображения 5 и 8.

Описание отдельных фигур

1 — изображение фигуры человека, идущего на лыжах. В левой руке находится лук, конец стрелы раздвоен и выдается далеко вперед. От верхнего конца лука отходит вверх зигзагообразная линия — часть какой-то незаконченной фигуры. Правая рука поднята вверх и сливается с изображением оленя.

От правого плеча и правого бока отходят в сторону прямые линии, относящиеся, вероятно, к другому незаконченному изображению. Голова снабжена тремя короткими линиями, две из них находятся справа, одна слева; все они представляют части головного убора (шапка с ушами и султаном). Высота 17 см.

2 — изображение оленя, задняя нога сливается с фиг. № 1.

3 — неопределенное изображение в форме прямоугольника.

4 — изображение всадника. Руки расставлены в сторону. Длина лошади 9 см.

5 — изображение круга с девятью отходящими от него линиями — солярный знак. Возможно позднее изображение. Наибольший диаметр 9 см. Вниз от круга отходят отдельные выбоины и линии.

6 — изображение зигзагообразной линии.

7 — изображение всадника, руки раскинуты в сторону. Длина лошади 9.5 см.

8 — изображение шестиконечной звезды. Позднее изображение.

9 — изображение оленя. Длина 8 см, высота 7 см.

10 — изображение оленя. Длина 10 см, высота 7 см.

11 — изображение всадника, руки раскинуты в стороны. Длина лошади 16.5 см.

12 — изображение всадника, правая рука откинута в сторону, в левой находится повод. От головы отходят три коротких линии, две справа, одна слева — части головного убора (возможно, изображение шапки с опущенными ушами и султаном). Длина лошади 16 см.

LVI-38

LVI-39

LVI-40

13 — набросок фигуры человека в виде отдельных линий и выбоин. Рядом зигзагообразная линия.

14 — изображение всадника, правая рука вытянута, в левой находится повод. Длина лошади 13 см.

15 — изображение лошади, и над ней находятся отдельные линии; вероятно, набросок всадника.

16 — изображение части животного.

17 — изображение всадника, в руках которого находится настороженный лук. Конец стрелы раздвоен и выдается далеко вперед. (Возможно, изображен момент спуска стрелы). Длина лошади 19 см.

18 — изображение фигуры, напоминающей ножницы. Вероятно, позднее изображение.

19 — изображение неопределенной фигуры, состоящей из круга, шейки и двух отходящих от нее параллельных линий. Вероятно, позднее изображение.

20 — изображение неопределенной фигуры в виде круга и отходящей от него изогнутой линии, раздвоенной на конце. Вероятно, позднее изображение.

LVI-41

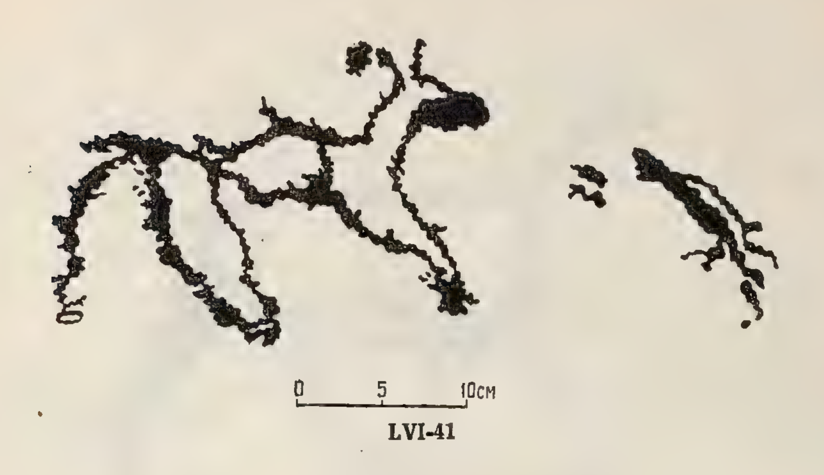
Изображение оленя, выбитое по контуру. Впереди животного находится неопределенное изображение, возможно, часть какой-то фигуры.

LVI-42

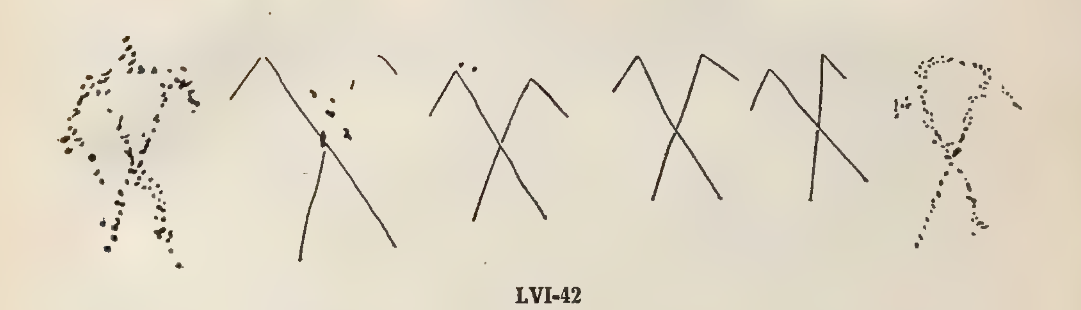
Набросок шести человеческих фигур. Четыре средние фигуры намечены перекрещенными тонкими линиями, которые процарапывались концом острого орудия, две крайние фигуры представляют следующий этап работы древнего художника, когда по линейному контуру производилась выбивка фигур человека. Все данные изображения четко показывают способы нанесения наскальных изображений и служат ключом к пониманию целого ряда незаконченных, сделанных отдельными выбоинами, изображений.

LVI-43

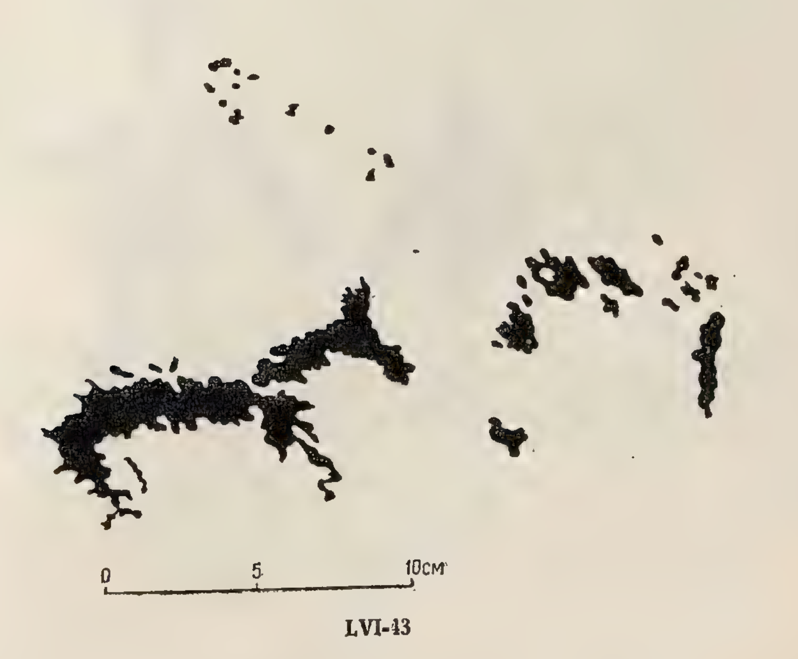
Изображение фигуры животного (самки оленя?). Впереди находятся отдельные выбоины — набросок какой-то фигуры.

LVI-41

LVI-42

LVI-43

LVI-44

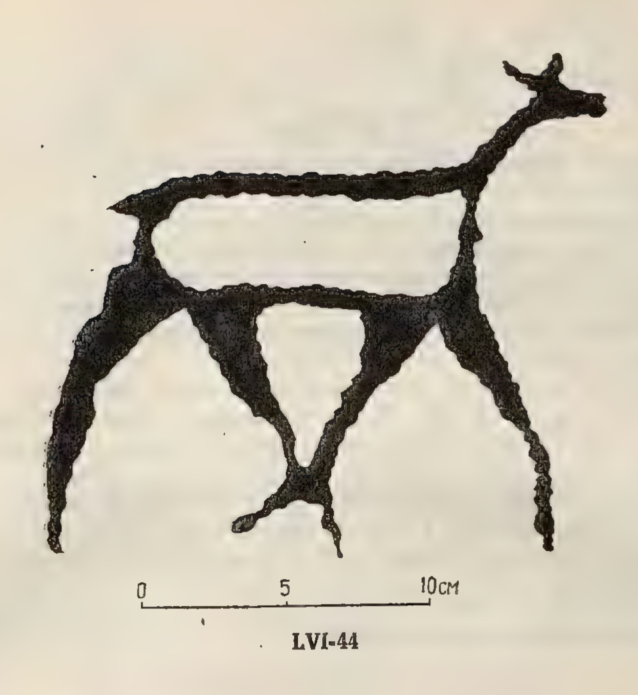
Изображение самки оленя, выбитое по контуру. Одна передняя и одна задняя ноги сближены, вторые две широко расставлены, чем достигается впечатление идущего животного. Длина 13 см, высота туловища 13.5 см.

LVI-45

1 — изображение фигуры человека в фас с раскинутыми в сторону руками. Правая нога не закончена. От головы отходит слегка изогнутая линия — султан. Длина 13 см, высота 20 см.

2 — незаконченное изображение фигуры человека, от которой идут вправо отдельные выбоины.

3 — изображение фигуры оленя с ветвистыми рогами. Передние ноги не обозначены. Техника изображения отличается от всех остальных фигур. Изображение сделано одной линией. Длина 8.5 см.

LVI-44

LVI-45

LVI-47

1 — изображение животного. Голова и ноги выбиты по всей площади, туловище — по контуру. Длина 14 см, высота 7.5 см.

2 — набросок животного в виде двух широких и нескольких мелких выбоин.

3 — изображение оленя, выбитое по всей площади. Длина 21 см, высота 9 см. Сверху над фигурой оленя выбиты отдельные линии — набросок животного.

4 — изображение животного (оленя?). От головы животного отходит вверх изогнутая линия, изображающая, вероятно, рог. Сверху над туловищем находится широкая полоса. Длина животного 13 см.

5 — изображение животного (оленя?). Вся фигура выбита по контуру, за исключением средней части туловища, выбитой по всей площади. Длина 12 см, высота 7 см. Над изображением и спереди его находятся отдельные выбоины, вероятно, набросок какой-то фигуры.

6 — изображение фигуры человека в лежачем положении. От головы отходят две изогнутых линии. Руки раскинуты в сторону. Длина 10 см.

7 — изображение животного, выбитое по всей площади. Длина 10.5 см, высота 9.5 см. Вниз и вперед от фигуры идут отдельные выбоины.

8 — изображение круга. Наибольший диаметр 8.5 см. Рядом с кругом находятся отдельные выбоины, набросок какой-то фигуры.

LVI-48

1 — изображение всадника на лошади. От головы фигуры человека отходят две роговидных линии, левая рука упирается в бок. Изображение выбито по всей площади. Длина 13.5 см, высота 9.5 см.

2 — изображение двух слившихся фигур, одна из них представляет фигуру лошади, вторая — всадника на лошади. Обе фигуры выбиты по всей площади. Вокруг изображений 1 и 2 находится большое количество отдельных выбоин.

3 — изображение лошади, выбитое по всей площади. Голова сливается с изображением 4. Длина 18.5 см.

4 — изображение всадника на лошади, выбитое по всей площади. От шеи лошади отходит вертикальная линия. Выше изображения выбито еще несколько отдельных линий; все они представляют набросок какой-то новой фигуры.

5 — изображение лошади, выбитое по всей площади. Сзади находится широкая полоса и несколько мелких выбоин. Длина 14 см.

LVI-49

1 — неопределенное изображение, возможно, фигуры человека.

2 — изображение двух фигур в виде треугольника (возможно, изображение скифских чаш). Спереди правого треугольника идут в большом количестве отдельные выбоины; набросок какой-то фигуры.

3 — изображение неопределенной фигуры.

4 — набросок какой-то фигуры.

LVI-47

LVI-48

LVI-49

LVI-50

1 — изображение фигуры человека. В левой руке находится круглый предмет, возможно, лук. Правая рука придерживает рукоять меча, находящегося с правого бока. От головы отходят две линии: одна—короткая, слегка наклонная, другая — длинная изогнутая. Обе линии представляют украшения головного убора. Высота 9 см, длина 8 см.

2 — неопределенное изображение в виде крестообразной фигуры, возможно, незаконченное изображение летящей птицы.

3 — изображение головы и верхней части туловища какого-то животного. В промежутке между изображениями 1, 2, 3, 5 находится большое количество отдельных выбоин.

4 — изображение бегущей лошади, выбитое по всей площади. Морда лошади выбита по вертикальной линии, относящейся, повидимому, к наброску другого изображения. Наибольшая длина 9.5 см, высота 10 см.

5 — изображение какого-то животного (лошади?).

6 — неопределенное изображение в виде двух линий: одна изогнута, вторая перекрещена вертикальной линией.

LVI-51, 52

1 — изображение фигуры человека, высеченное по изображению животного (оленя?). Фигура человека и голова животного высечены по всей площади, туловище животного — по контуру. Глубина рельефа человека значительно больше глубины рельефа животного. Левая рука фигуры человека намечена отдельными выбоинами, правая сильно укорочена. От головы отходят в стороны две короткие линии, обозначающие рогообразные украшения головного убора. Шею животного пересекает вертикальная изогнутая линия, представляющая собой, возможно, незаконченное изображение лука. В задней части фигура животного сливается с фиг. № 2. Высота фигуры человека 22 см, длина фигуры животного 26 см.

2 — незаконченное изображение животного, сливающееся с фиг. №№ 1 и 3.

3 — изображение оленя, выбитое по всей площади. В середину туловища оленя упирается нога фиг. № 4. Длина 13 см, высота 9 см.

4 — изображение оленя. Длина 13 см, высота 9 см.

5 — набросок отдельными выбоинами фигуры животного.

6 — изображение животного (оленя?). Длина 9 см, высота 5 см.

7 — изображение оленя, выбитое по контуру. Впереди, внизу и сзади большое количество отдельных выбоин. Длина 16 см, высота 12 см.

8 — изображение животного.

9 — изображение головы и части туловища человека.

10 — изображение оленя с ветвистыми рогами. От задней части вверх идет изогнутая линия, относящаяся к части какого-то другого изображения.

11 — группа отдельных линий и выбоин; набросок какого-то изображения.

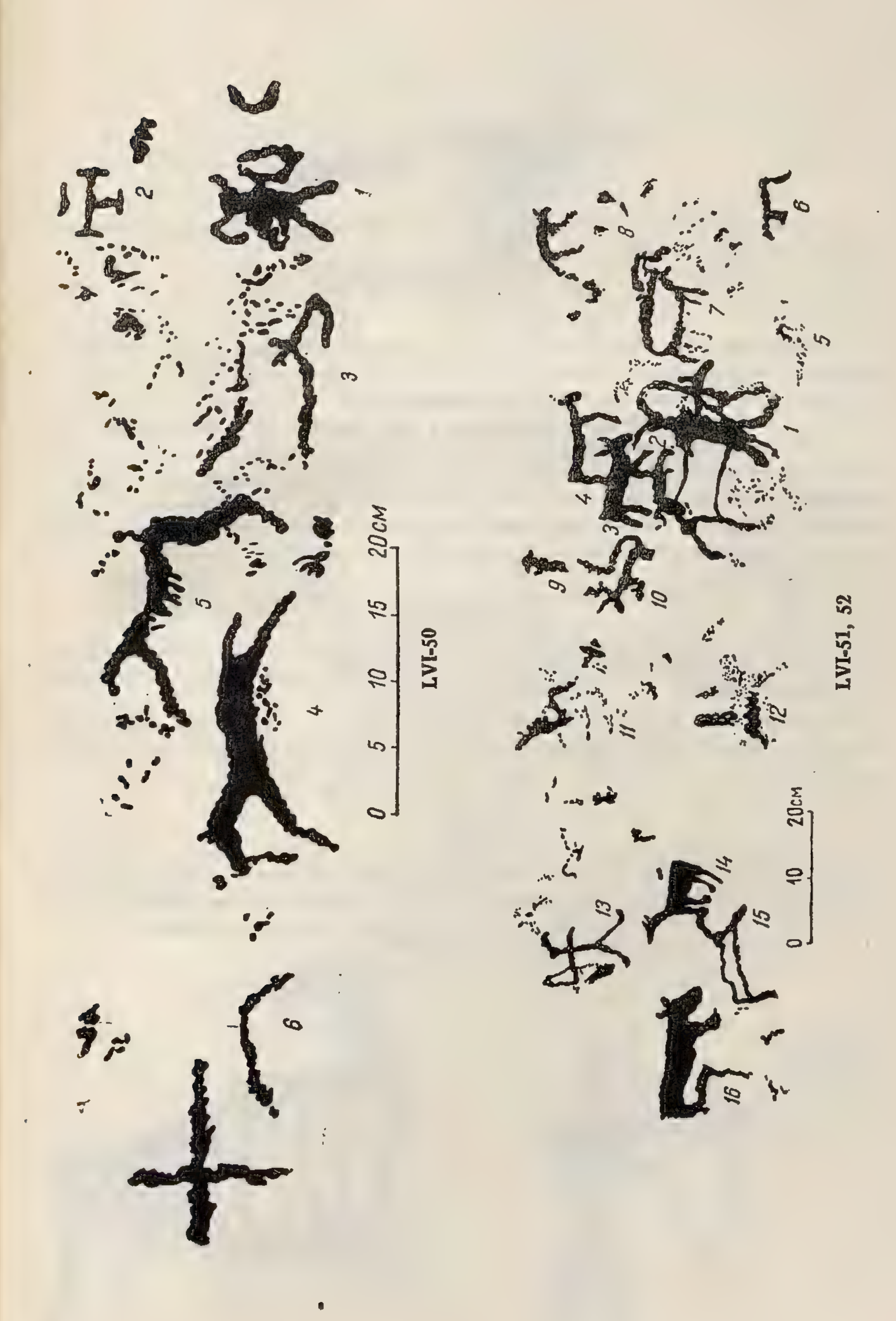
12 — незаконченное изображение фигуры животного.

13 — изображение фигуры человека, ноги широко расставлены, левая рука вытянута в сторону, в правой руке находится незаконченное изображение лука. От головы отходит в сторону короткая линия — изображение султана на головном уборе. Высота 13 см.

14 — изображение оленя, выбитое по всей площади. Передняя нога сливается с фиг. № 15. Длина 13 см, высота 10 см.

15 — изображение фигуры животного, выбитое по контуру. Голова сливается с фиг. № 14.

16 — изображение оленя, выбитое по всей площади. Задняя нога сливается с изогнутой линией.

0 5 10 15 20см
LVI-50
0 10 20см
LVI-51, 52

LVI-53

Изображение оленя. Голова и шея выбиты по всей площади, туловище по контуру. Длина 23 см, высота туловища 15 см.

LVI-54

1 — изображение животного, вероятно лося, обращенное головой вправо. Туловище выбито по контуру, голова — по всей площади. От нижней части головы отходит изогнутая линия. Наибольшая длина 27.5 см, высота 21 см.

2 — изображение неопределенной фигуры в виде треугольника, выбитое по контуру. Вниз от треугольника отходит разветвляющаяся линия. Рядом находятся две линии, одна из которых неправильной формы и изображена пунктиром, другая имеет сплошную выбивку и изогнута наподобие изображения нижней части туловища и ноги животного. Возможно, что обе эти линии представляют собой набросок изображения животного. Высота треугольника 32 см, наибольшая ширина 12 см.

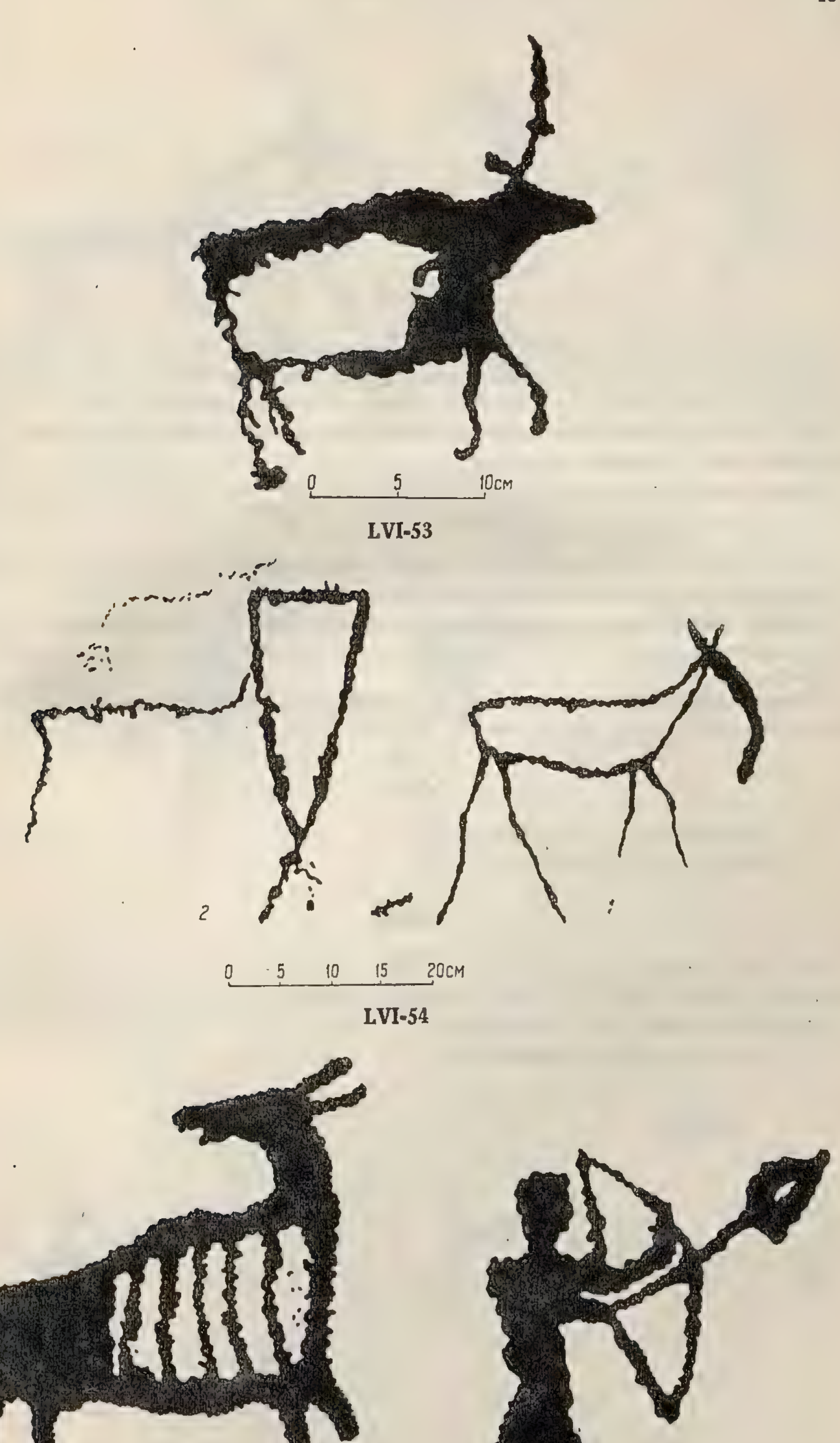
LVI-55

Изображение самки оленя. Голова обращена назад, рот открыт, две передние и одна задняя ноги не докончены. По середине туловища проходят пять поперечных полос. Длина 22.5 см.

Все изображение производит впечатление высокохудожественной работы, мастерски выполненной одаренным художником, стремившимся преодолеть традиции плоскостного изображения.

LVI-56

Изображение фигуры человека, держащей в руках натянутый лук, наконечник стрелы непропорционально велик и выдается далеко за пределы тетивы. Фигура человека выбита по всей площади, лук — по контуру. Лицо человека изображено в фас, ноги слегка выступают из-под одежды. Высота 11.5 см.

LVI-53

LVI-54

LVI-55

LVI-56

LVI-57

Изображение трех человеческих фигур, расположенных на некотором расстоянии одна от другой. Первая фигура держит правой рукой лошадь за поводок. Ноги ее широко расставлены, руки раскинуты в сторону, с боку отчетливо изображен меч. От головы отходит изогнутая линия, изображающая султан на головном уборе. Около левой ноги находится много отдельных выбоин.

Вторая фигура имеет на головном уборе два длинных рогообразных отростка; вероятно, здесь имеет место изображение убора, аналогичного тунгусским шаманским шапкам. Руки раскинуты в сторону.

Между второй и третьей фигурой имеется много выбоин, расположенных в вертикальной плоскости; набросок фигуры человека.

Третья фигура имеет на головном уборе, как и вторая, рогообразные отростки, более короткие, чем у второй фигуры, руки и ноги этой фигуры также широко расставлены.

Высота первой фигуры (вместе с султаном) 23 см, второй 19 см, третьей 12 см. Длина туловища лошади 15 см, высота 10.5 см.

LVI-60

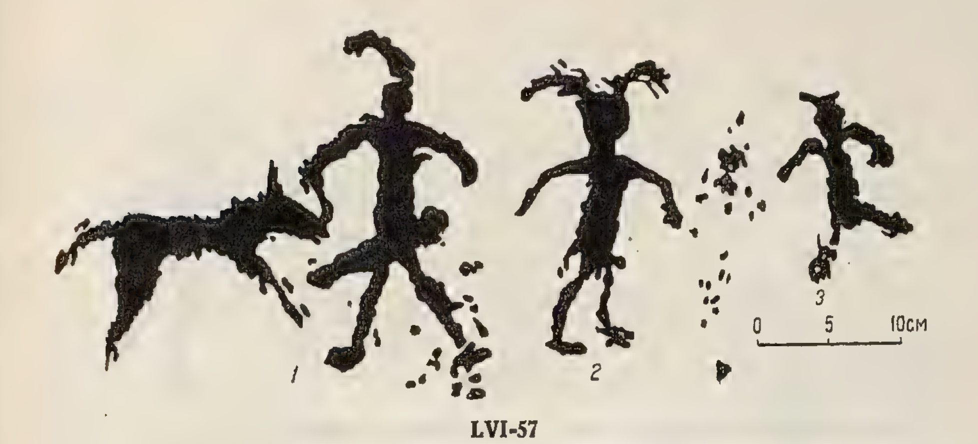
1 — изображение туловища животного.

2 — неопределенное изображение.

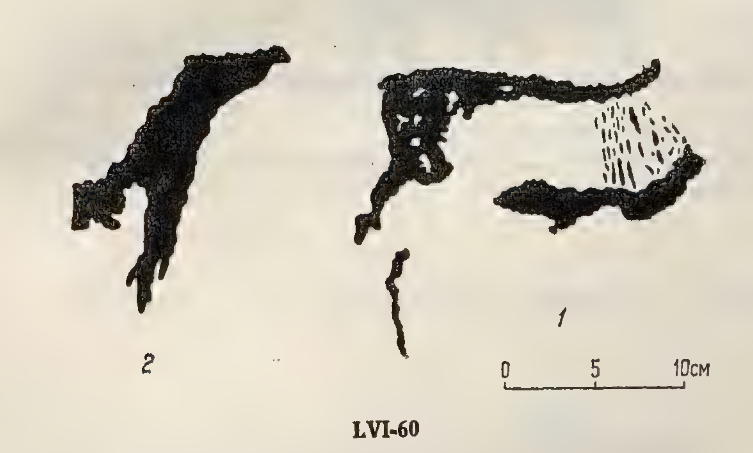
LVI-63

1 — изображение фигуры человека. Руки подняты вверх, ноги расставлены. От головы отходит короткая линия, вероятно, изображающая султан, украшающий головной убор. Длина 9 см, высота 13 см.

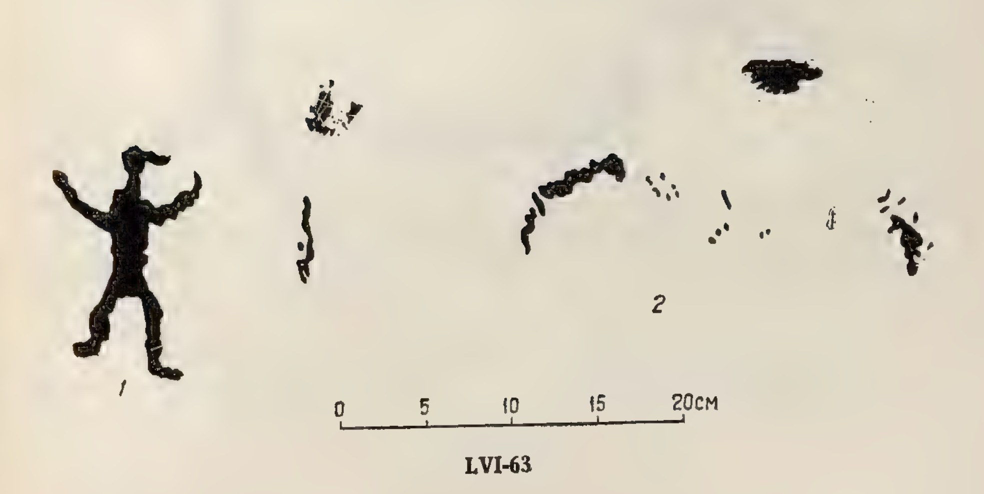
2 — набросок какого-то изображения.

LVI-57

LVI-60

LVI-63

LVI-64

1 — изображение фигуры человека, голова выбита по контуру, туловище — по всей площади, руки раскинуты в сторону, ноги широко расставлены. Длина по линии рук 9.5 см, высота 18.5 см.

2 — изображение извилистой линии — часть какой-то фигуры.

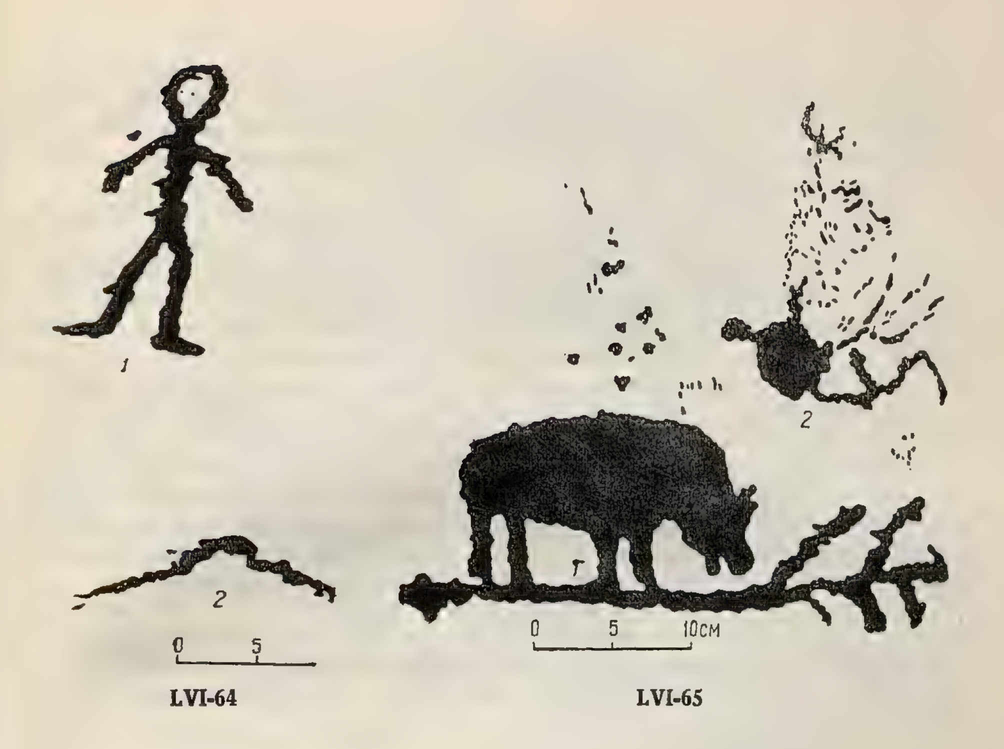
LVI-65

1 — изображение медведя, стоящего на горизонтально лежащем дереве. Пасть животного раскрыта. Изображение выбито по всей площади. Длина дерева 35.5 см, длина медведя 18.5 см, высота 12.2 см.

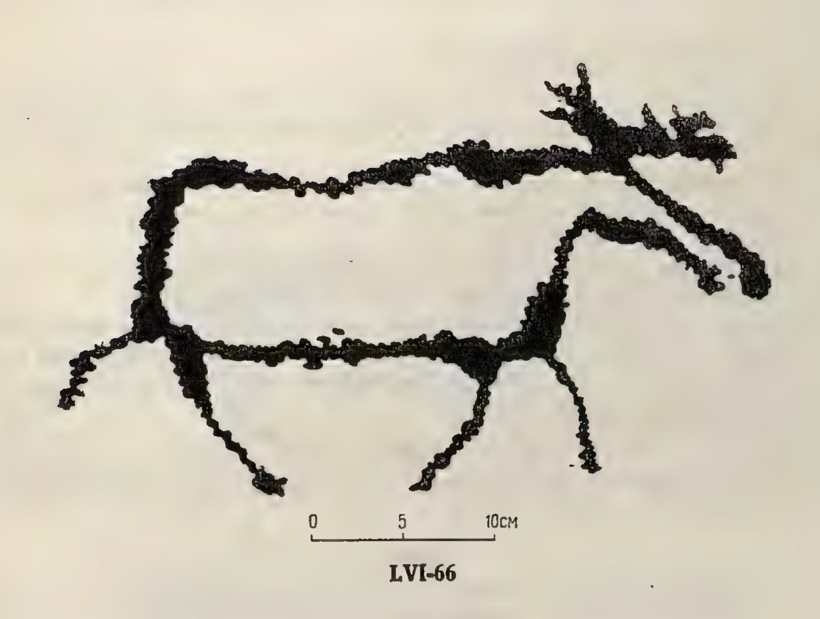
2 — набросок какой-то фигуры. Изображение начато пунктиром, чередующимся со сплошными линиями и пятнами.

LVI-66

Изображение лося, выбитое по контуру. Длина 35 см, высота 23 см.

LVI-64 LVI-65

LVI-66

LVI-67

Группа изображений № 67 представляет собой очень сложную картину. Судя по тому, что большое количество изображений высекалось одно по другому, следует признать, что они наносились в разное время. Среди высеченных фигур ясно различимы изображения лодок, человеческих фигур, оленей, лосей, быка, козла и ряд незаконченных фигур животных.

При рассмотрении отдельных фигур обращает на себя внимание в нижней правой половине большое по размерам (*1*) изображение туловища животного — лося, или оленя, — в передней части которого находится 10 параллельных линий — ребер, последние рассекаются неопределенной фигурой. Изображение туловища сливается с большим количеством изображений животных, среди них внизу различимы фигура лося и туловище какого-то животного, вверху — голова оленя с высокими рогами. Слева от головы отчетливо изображена фигура лося, выбитая по контуру, и над ней находится изображение неопределенного животного. В крайней левой половине группы первой находятся еще две фигуры непонятных животных, расположенных в вертикальной плоскости

Выше первого комплекса следует второй (*2*), среди которого различается фигура человека, а также туловище и шея животного, выбитое по контуру; внутри туловища изображена лодка с шестью условными человеческими фигурами в виде вертикально стоящих параллельных или слегка наклонных линий. Выше туловища животного различимы голова лося и туловище еще какого-то животного, выбитое по контуру.

3 — представляет собой изображение оленя, с которым в верхней половине сливается изображение головы и части туловища лося, внизу неопределенное изображение. Голова оленя и лося выбиты по всей площади, туловище — по контуру. Внутри туловища оленя высечено 10 параллельных полос — ребер. Длина оленя 29.5 см, высота 21 см.

4 — изображение головы и туловища лося, сливающееся в передней части с двумя неопределенными изображениями. Длина лося 33 см.

5 — изображение козла. Голова выбита по всей площади, туловище — по контуру. Длина 13 см.

6 — неопределенное изображение.

7 — неопределенное изображение.

8 — фигура лодки с условным изображением в ней пяти человеческих фигур в виде вертикальных линий. К лодке рукой прикасается человеческая фигура, выбитая по всей площади.

9 — изображение лодки с шестью условными фигурами человека в виде вертикальных параллельных или наклонных линий. Длина 18.5 см, высота 5 см.

10 — неопределенное изображение.

11 — изображение лодки с десятью условными изображениями человеческих фигур в виде вертикальных параллельных линий. Длина 22 см, высота 6.5 см.

12 — изображение головы и передней ноги лося. Голова выбита по всей площади.

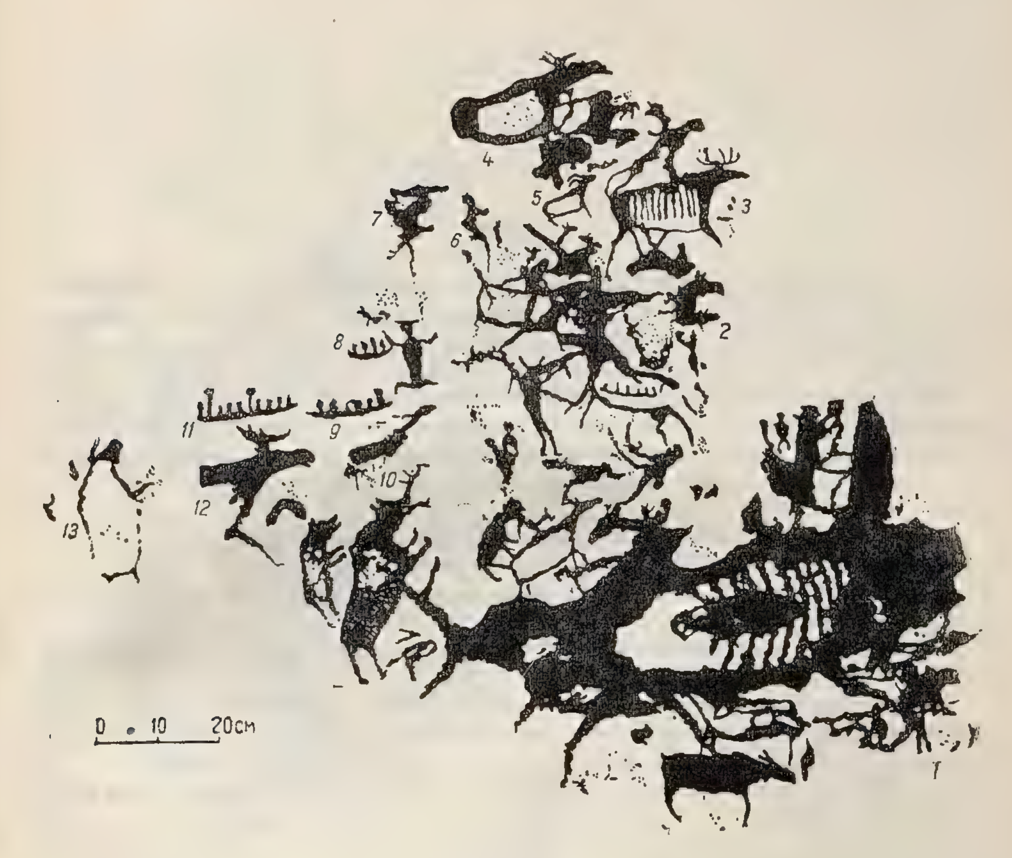
13 — изображение быка, расположенное в вертикальной плоскости. Голова выбита по всей площади, туловище — по контуру. Изображение задней ноги и хвоста не закончены. Высота 28 см.

LVI-68

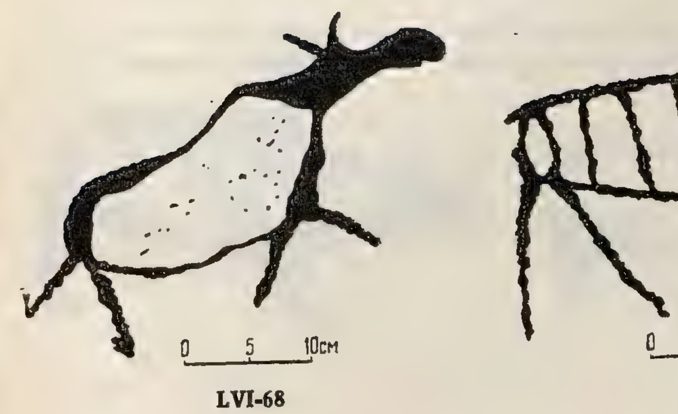
Изображение самки лося. Голова выбита по всей площади, туловище — по контуру. Длина туловища 22.5 см, высота 17.5 см.

LVI-69

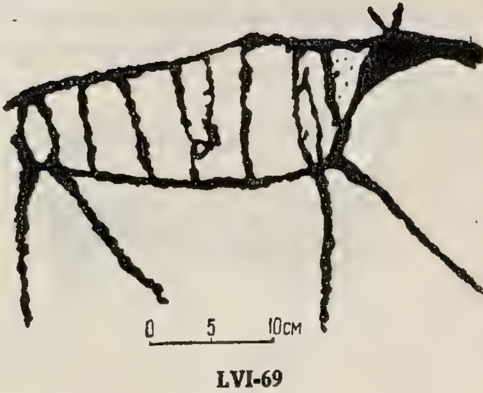
Изображение самки оленя, голова выбита по всей площади, туловище — по контуру, последнее пересечено девятью поперечными полосами. Все изображение производит впечатление изящной, спокойно движущейся фигуры. Длина 31 см, высота 15 см.

LVI-67

LVI-68

LVI-69

LVI-70

1 — изображение группы слившихся фигур животных. Среди них центральное место занимает большое изображение лося, пересеченное по туловищу 11 поперечными полосками. Задняя половина оленя выбита по двум фигурам кабана и сливается с фигурой оленя, расположенной в вертикальной плоскости. По спине последней в свою очередь выбита небольшая фигура животного (самки оленя?). Передняя нога большой фигуры лося сливается с незаконченным изображением какого-то животного. Все изображения выбиты по контуру. Длина большой фигуры лося 60 м, высота по линии ног 50 м.

2 — изображение животного (оленя?), выбитое по контуру. Задние ноги не закончены. Длина 19 см.

3 — изображение лося, выбитое по контуру, голова не закончена.

4 — незаконченное изображение животного, выбитое по контуру.

5 — изображение животного (самки лося), расположенное в вертикальной плоскости, передние ноги не закончены. Изображение выбито по контуру. Высота 16 см.

6 — изображение козла. Задняя нога сливается с изображением 7. Длина от головы до хвоста 23 см, высота 15.5 см.

7 — изображение козла. От головы отходит длинная изогнутая линия; вероятно, изображение рога. Задняя нога сливается с изображением неопределенного животного. Длина от головы до конца хвоста 30 см.

8 — изображение кабана, выбитое по контуру. Задние ноги не закончены. Длина 16 см.

LVI-71

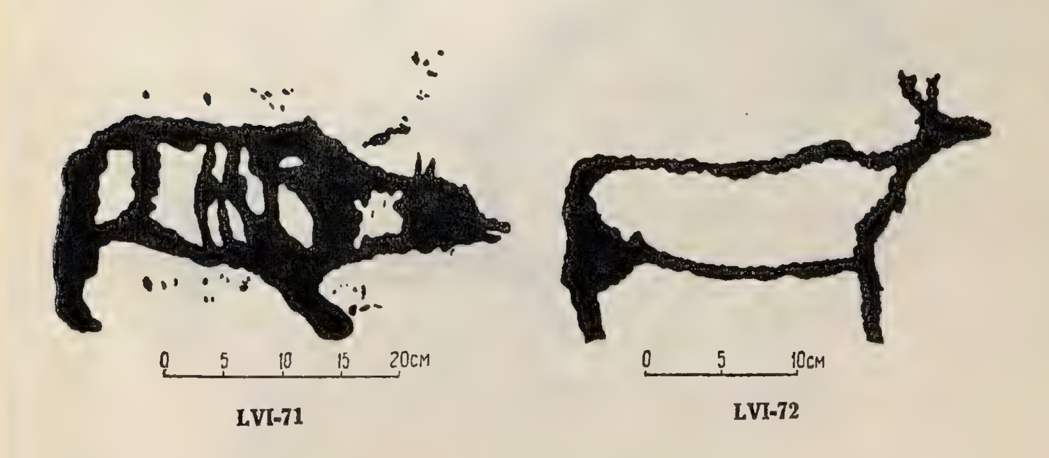
Изображение медведя с открытой пастью. Голова выбита по всей площади, туловище — по контуру. По середине туловища проходят пять вертикальных полос, изображающих ребра. Длина 38 см. наибольшая высота 8.5 см.

LVI-72

Изображение оленя, ноги не закончены. Голова и часть задней ноги выбиты по всей площади, туловище — по контуру. Длина туловища от конца морды 28 см, высота 13 см.

LVI-70

LVI-71

LVI-72

LVI-73

1 — изображение лося, обращенного головой вправо, выбито по незаконченному изображению другого животного, задние ноги которого сливаются с ногами лося. Одна из передних ног лося сливается с изображением головы другой фигуры лося. Изображение выбито по всей площади. Наибольшая длина его от конца головы до задней части 31.5 см.

2 — изображение головы и части туловища лося. Туловище высечено по контуру, голова — по всей площади. Наибольшая длина 38.5 см.

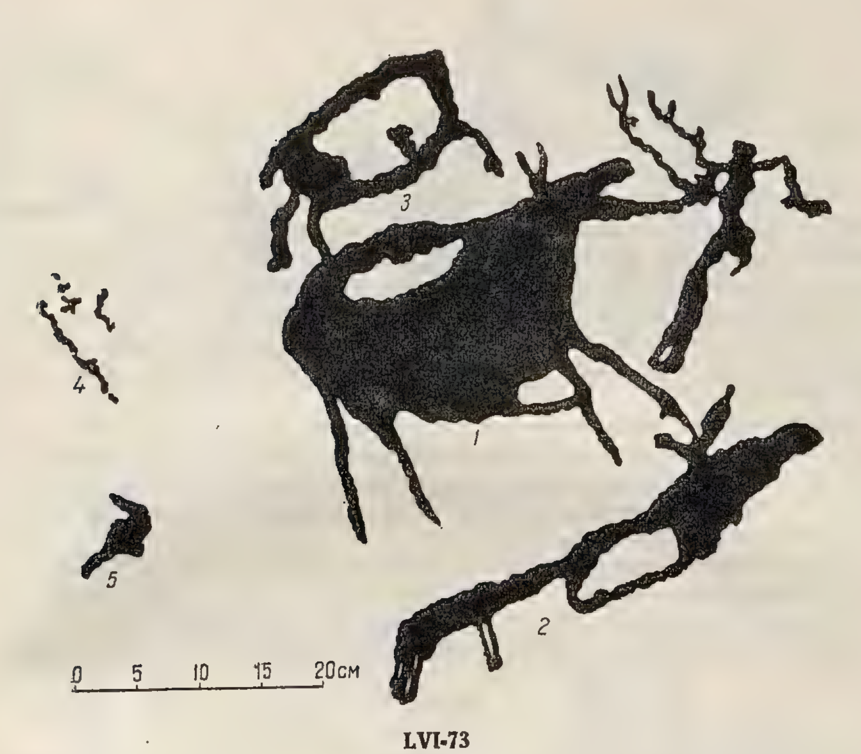
3 — изображение туловища неопределенного животного. Задняя нога его сливается с изображением описанной выше фигуры лося. Изображение выбито по контуру. Длина 19 см.

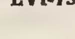
4 — изображение неопределенной фигуры.

5 — изображение неопределенной фигуры.

LVI-74

Изображение двух фигур животных. Одна из них представляет собой самку оленя, голова которой высечена по туловищу незаконченной фигуры животного. Нижняя часть незаконченной фигуры намечена лишь отдельными выбоинами. Фигура оленя имеет меньшую глубину рельефа, чем незаконченная фигура, что указывает на разновременность их исполнения. Голова и шея оленя высечены по всей площади, туловище — по контуру. Длина туловища фигуры оленя 21 см.

LVI-73

LVI-74

LVI-74

1 — изображение оленя с ветвистыми рогами. Голова выбита по всей площади, туловище — по контуру, задняя линия туловища немного не закончена. По середине туловища проходят семь поперечных полос — ребер. Задние ноги животного сливаются с наброском другой фигуры, отдельные штрихи которой выступают также спереди и снизу оленя. Длина фигуры оленя 41 см, высота туловища 36 см.

2 — изображение оленя, выбитое по контуру и расположенное ниже фиг. № 1. Средняя часть туловища пересекается четырьмя поперечными полосами. Длина 56 см, высота туловища 34.5 см.

3 — незаконченное изображение оленя, у которого ясно высечены по контуру голова и туловище. Изображение расположено под фиг. № 2. Передняя часть головы животного сливается с неопределенным изображением, вероятно, частью незаконченной какой-то фигуры. Отдельные выбоины — набросок одной или нескольких фигур — проходят выше и ниже фигуры оленя.

4 — изображение головы и шеи оленя, выбитое по всей площади. Спина животного намечена прямой линией.

5 — часть неопределенной фигуры в виде двух изогнутых линий.

6 — неопределенное изображение — часть какой-то фигуры.

LVI-75

1 — изображение фигуры оленя. Голова выбита по всей площади, туловище — по контуру. Длина 19 см, высота 15 см.

2 — изображение головы и шеи оленя; ветвистые рога оленя сливаются с изображением незаконченной фигуры животного, у которого хорошо обозначены задние ноги, хвост и линия нижней части туловища.

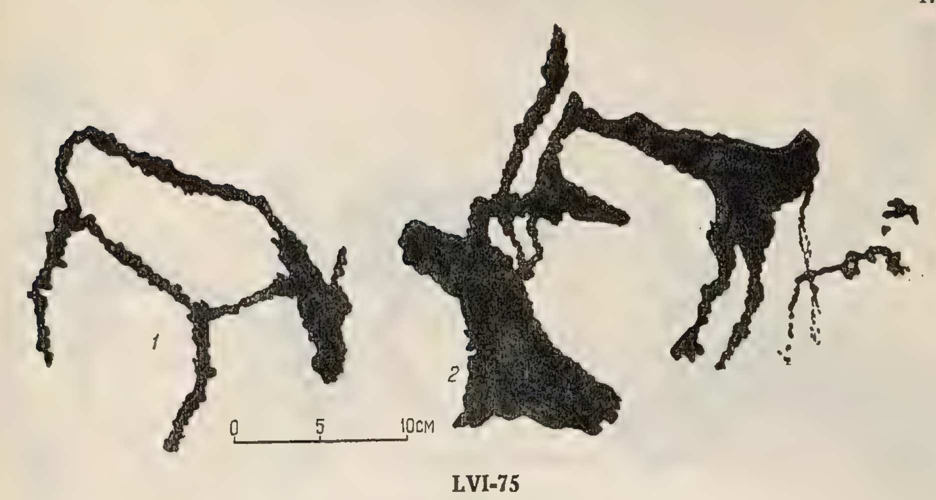
LVI-76

1 — изображение животного (лошади), выбитое по контуру.

2 — изображение фигуры человека, руки не закончены. Голова выбита по всей площади, туловище — по контуру. Над фигурой человека находится неопределенное овальное изображение.

3 — изображение медведя. Голова выбита по всей площади, туловище — по контуру. Вдоль туловища проходит горизонтальная полоса, по середине его находится также одна поперечная полоса. Пасть животного открыта и направлена на фиг. № 4. Выше изображения медведя находится большое количество отдельных выбоин и линий. Длина 35 см, высота по линии передней ноги 18 см.

4 — изображение небольшой фигуры медведя, расположенной в вертикальной плоскости, открытая пасть направлена в сторону большой фигуры медведя (фиг. № 3). Изображение выбито по всей площади. Длина 8 см, высота 11.5 см.

LVI-75

LVI-74

LVI-76

LVI-77

Незаконченное изображение туловища животного.

LVI-78

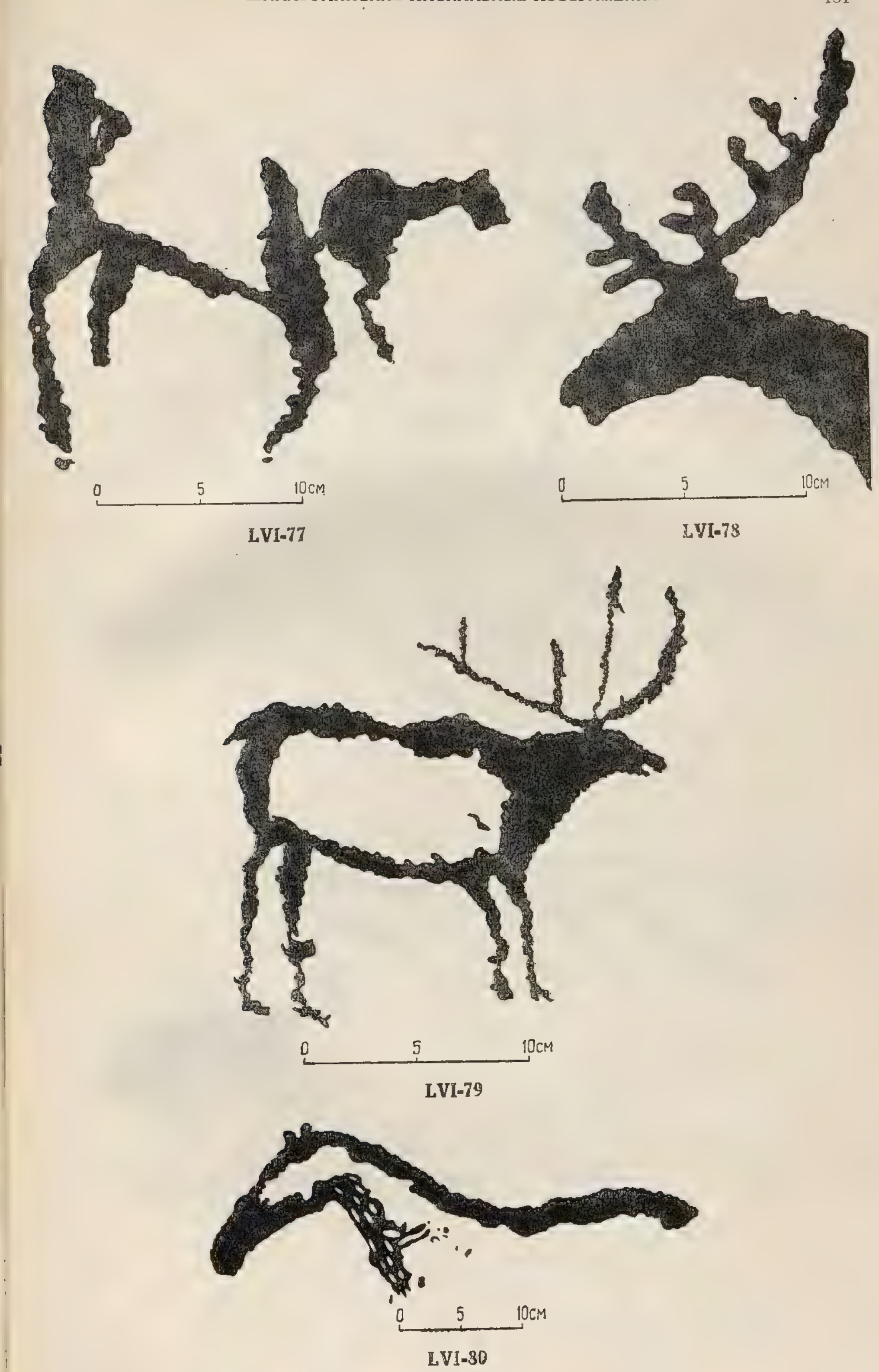
Изображение головы оленя с ветвистыми рогами. Изображение выбито по всей площади.

LVI-79

Изображение оленя с ветвистыми рогами. Голова и шея выбиты по всей площади, туловище — по контуру. Длина 19 см, высота туловища 13 см.

LVI-80

Изображение головы и верхней части туловища животного (лошади?).

LVI-77

LVI-78

LVI-79

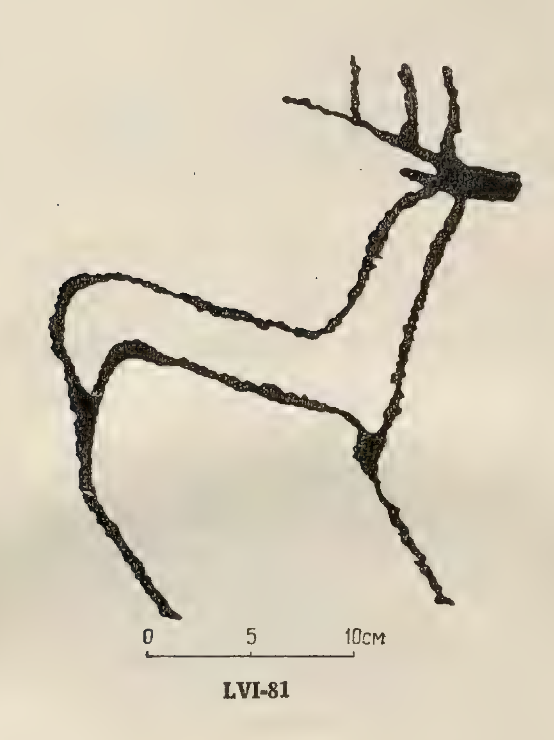
LVI-80

LVI-81

Изображение оленя с ветвистыми рогами. Голова выбита по всей площади, туловище — по контуру. Длина 17.5 см, высота туловища 17 см.

LVI

Изображение трех фигур животных, две из них следуют друг за другом, третья расположена под второй фигурой. Две первые фигуры выбиты по контуру, третья — по всей площади. Пасть животных раскрыта, туловище изогнуто, ноги направлены вперед.

LVI-81

LVI.

Примечание: При описании эстампажей мы сохраняем шифры и номера А. В. Адрианова. Шифры собирателя встречаются в его печатных отчетах и дневниках, поэтому мы не считаем возможным их менять. Исключение нами сделано лишь при описании многофигурных эстампажей, где мы внутри эстампажа ввели дополнительную нумерацию к каждой фигуре. В некоторых случаях за одним номером встречается несколько эстампажей, которые мы так и оставляем. Среди шалаболинских эстампажей, хранящихся в Институте этнографии Академии Наук СССР (ИЭ), не обнаружены №№ 5, 37 46, 58, 59, 61, 62.

Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани

С. Н. Замятнин

Совершенно недостаточными являются наши знания о памятниках палеолитической эпохи к северу от Главного Кавказского хребта.

Несмотря на то, что еще в конце прошлого века у станицы Ильской, между Краснодаром и Новороссийском, была сделана одна из первых находок мустьерского времени в нашей стране, вызвавшая впоследствии раскопки и получившая широкую известность, никаких новых данных о памятниках этого времени на Северном Кавказе до настоящего времени в печати не отмечено.

Работами Черноморской палеолитической экспедиции Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР в 1934—1938 гг., работавшей под моим руководством, были обнаружены многочисленные нижне-палеолитические местонахождения, как мустьерского, так и более раннего возраста, на Черноморском побережье Кавказа, от Туапсе до окраин Колхидской низменности. Находки эти были сделаны в результате систематических поисковых работ, поставленных экспедицией в области, где до этого следы культуры человека четвертичного периода совершенно не были известны.

Большинство из этих находок связано с ущельями рек южного склона Кавказского хребта, своими верховьями сближающихся с верховьями левых притоков Кубани, что вновь заставляет подумать о необходимости поисков синхроничных местонахождений и на Северном Кавказе.

При постановке специальных поисковых работ памятники нижне-палеолитического времени, по моему глубокому убеждению, будут открыты на Кубани в неменьшем числе, чем это было сделано на Черноморском побережье.

Ниже публикуются некоторые сведения о находках этого рода, накопившиеся у меня за последние годы и могущие, в известной мере, подтвердить высказанное положение. Несмотря на отрывочность и неполноту этих данных, публикация их представляется мне целесообразной и своевременной, и я рассчитываю, что они помогут привлечь внимание к вопросам

древнейшей истории Кубани и явятся одним из отправных пунктов при постановке дальнейших исследований.

I. Аул Хаджох

Одной из наиболее любопытных находок, безусловно заслуживающей обследования на месте, является чрезвычайно архаичное каменное орудие, происходящее из случайной находки в ауле Хаджох и хранящееся в Майкопском музее краеведения. Ознакомиться с этой находкой я имел возможность при посещении Майкопского музея в июле 1937 г.[1]

Аул Хаджох (б. станица Каменномостская) расположен на правом берегу р. Белой, примерно в 40 км к югу от Майкопа. Посещение Хаджоха не составляет затруднения, так как до него ходят от Белореченской поезда местного сообщения, однако тогда я совершенно не располагал временем.

Точных сведений об условиях интересующей нас находки в музее не имеется. По данным, занесенным в инвентаре музея, и устному сообщению заведывавшего тогда Майкопским музеем, ныне покойного, П. К. Перепелицына, находка была сделана в 1925 г. случайно в насыпи кургана, находящегося на усадьбе Ивана Павловича Коваленко и раскапывавшегося для хозяйственных надобностей. По сведениям же, полученным А. А. Иессеном в том же Майкопском музее, но несколькими годами ранее, находка была сделана в русле ручья. По существу оба указания мало что говорят, свидетельствуя лишь о положении находки во вторичном залегании, но они могут оказаться не лишними при выяснении вопроса на месте.

Перехожу теперь к рассмотрению самой находки. Это крупное округлых очертаний орудие, чечевицевидное в сечении, приближающееся по форме к мустьерским дисковидным нуклеусам, но гораздо более тщательно обработанное, несущее вторичную оббивку по всей окружности (рис. 1). Диаметр его около 10 см, толщина 3 см. Материал — кремень, исходный, натуральный цвет которого указать затруднительно, так как вся поверхность орудия покрыта сплошной глубокой патиной табачно-коричневого цвета (местами — с более темными пятнами). Помимо патинизации, поверхность орудия несет и другие признаки последующего изменения поверхности, а именно — окатывания. Вся поверхность орудия заполирована, ребра, разделяющие отдельные фасетки, сильно притуплены и заглажены. Интенсивность этих изменений говорит за водный их характер.

На одной из сторон орудия сохранился значительный участок поверхности, не подвергавшейся обработке, благодаря чему хорошо видно, что исходным материалом для изготовления его послужил довольно крупный валун или галька. На этой стороне орудия очень немного более или менее крупных сколов, и большую часть оббивки, расположенной по краям, нужно отнести к вторичной, нанесенной при формировании лезвия. На другой стороне

[1] Первыми сведениями о Хаджохском кремне, а также и о находках на речке Фортепьянке близ Майкопа, хранящихся там же, о которых речь будет ниже, я обязан любезности А. А. Иессена.

орудия сохранилось несколько крупных фасеток, являющихся результатом предварительного отделения от него нескольких широких отщепов, которые несомненно могли быть сами использованы.

Таким образом, валун, прежде чем из него было изготовлено орудие, использован как нуклеус, имевший уже характерные дисковидные очертания, а путем вторичной оббивки ему была лишь придана более правильная форма, более прямой рабочий край. Уже по завершении этой вторичной обработки рабочий край был на одном участке обломан сильным поперечным ударом, возможно намеренным, для получения „пятки“ орудия. Подтверждением последнего соображения может служить то обстоятельство, что наиболее тщательной и тонкой вторичной оббивке подвергнут именно тот край орудия, который противоположен притупленному изломом.

Рассмотренные признаки позволяют определить находку в Хаджохе как характерный для ашельской и мустьерской эпох дисковидный вариант ручного рубила. При этом следует отметить, что в Ильской станице, помимо многочисленных дисковидных нуклеусов, были найдены также и несколько дисковидных, тщательной двусторонней обработки, орудий, приготовленных из первых. Но ильские диски — и меньше по размерам и тоньше по обработке, чем хаджохское дисковидное рубило. Последнее заставляет принять, как более вероятную, датировку хаджохской находки ашельским временем.

II. Речка Фортепьянка близ Майкопа

Другим, не менее интересным пунктом находок нижне-палеолитического времени, ставшим известным благодаря собирательской деятельности Майкопского музея, является небольшая речка Фортепьянка, левый приток р. Белой, в которую она впадает километрах в двух к западу от Майкопа.

Сборы на Фортепьянке, в количестве 12 кремней, хранящихся в Майкопском музее, произведены экскурсией школьников под руководством П. К. Перепелицына. Ознакомиться с ними, как и с Хаджохской находкой, я имел возможность в июле 1937 г.

Тогда же мне удалось, совместно с П. К. Перепелицыным, совершить экскурсию по Фортепьянке, во время которой я мог собрать небольшую коллекцию оббитых кремней, ныне хранящуюся в Ленинграде в археологическом отделе Музея антропологии и этнографии АН СССР.[1]

Фортепьянка — молодая речка с неразработанной долиной. Протяжение ее не превышает десяти километров. За исключением небольшой, ближайшей к устью части, где она выходит в долину р. Белой (в которую впадает на 4 км ниже устья Курджипса), Фортепьянка прорезает древнюю высокую террасу левого берега Белой.[2] Склоны долины здесь круты, местами обрывисты и почти сплошь покрыты лесом с густым подлеском, затрудняющим

---

[1] МАЭ, коллекция 5543, в составе 44 номеров.

[2] Основание террасы, насколько помню, сложено глинами майкопского возраста хорошо сохранившимися раковинами Trohus.

передвижение и осмотр. Пробираться приходилось частью по руслу, кое-где загроможденному скоплениями валежника. Здесь же по руслу, на отдельных песчаных отмелях со скоплением галечника, и произведены основные сборы оббитых кремней, явно во вторичном залегании, попавших сюда из отложений древней террасы, рассеченой долиной Фортепьянки. Выяснить залегание их in situ благодаря густым зарослям и обилию старого опавшего листа на земле, при крайне ограниченном времени, которым я располагал для экскурсии, не удалось. Но самая связь находок оббитых кремней с той частью долины (в 2—4 км от устья), где Фортепьянка прорезает высокую древнюю террасу Белой, должна быть отмечена. Заслуживает внимания и сильная окатанность собранных кремней, которую нельзя полностью, или хотя бы в основном, отнести за счет деятельности вод самой Фортепьянки, принимая во внимание и незначительные ее размеры и малое количество, местами почти полное отсутствие, галечника в ее русле.

Все это позволяет, с большою долей вероятности, восстанавливать условия первоначального залегания оббитых человеком кремней, как сходные с условиями находок на высоких террасах окрестностей Сухуми. Близ Сухуми древняя, 80—100 м, терраса (Яштухская), с которой связано коренное залегание находок нижнего палеолита, также рассекается долинами молодых речек (Сухумка, Гарикваpи, Гнилушка), причем в галечнике этих речек случалось находить единичные сильно окатанные оббитые кремни, происходящие из первоначального залегания на поверхности террас, где они находятся в менее окатанном или совсем неокатанном состоянии.

Большая часть оббитых кремней, собранная на Фортепьянке, представляет собой массивные отщепы подтреугольных очертаний, в большинстве случаев без вторичной обработки. Наряду с этим, имеется серия (около десятка) превосходных дисковидных нуклеусов и пара грубых рубящих орудий.

Материалом для изготовления подавляющего большинства находок служил непросвечивающий кремень (роговик?) табачно-желтого цвета, видимо, подбиравшийся первобытным человеком в виде гальки крупных размеров, так как на значительной части не только нуклеусов, но и отщепов, сохранились участки окатанной гладкой поверхности гальки. Лишь единично представлены в сборах отщепы, сходные по технике с остальными, но изготовленные из темного, слегка просвечивающего кремня, с светлыми пятнами, без патины и с заполированной до блеска окатыванием поверхностью.

Все собранные на Фортепьянке кремни, несмотря на весьма различную степень сохранности, в смысле окатанности (от образцов со слегка заглаженными гранями до, немногочисленных правда, окатанных почти до неузнаваемости, с трудом определимых), все же производят впечатление весьма однородной по технике и одновременной группы.

Единственный, имеющийся в коллекции экземпляр пластинки удлиненных очертаний (рис. 2, *№ 3*) происходит несомненно с дисковидного нук-

леуса. Длина его 9 см, ширина 3 см, толщина 0.9—1 см. Широкая ударная площадка, изогнутых очертаний, состоит из двух крупных фасеток, лежащих в разных плоскостях, т. е. имеет характерную картину края дисковидного нуклеуса; при этом следует отметить крупные размеры

Рис. 1. Аул Хаджох. Дисковидное рубило.

этих фасеток, указывающие, что они не являются результатом подправки края ядрища перед нанесением удара, а просто следами двух предшествующих сколов. Ударный бугорок смещен вправо, и длинная ось пластинки не совпадает с направлением удара, которым отщеп отделен от нуклеуса. По одному краю пластинки, на всем его протяжении идет

довольно мелкая, но грубая ретушь, придающая ему дугообразно-изогнутые очертания, что сообщает орудию характер скребла.

Пластинки удлиненных очертаний, несущие на себе, однако, все признаки архаичной техники, не представляют чего-либо исключительного в сериях нижне-палеолитических кремней как на Кавказе, так и в западноевропейских местонахождениях.[1]

Основная же масса отщепов, как уже отмечено, имеет подтреугольные очертания; они широки (отношение длины к ширине 3:2 и 4:3), массивны, имеют ударную площадку или уже описанного для первого отщепа характера, или гладкую, причем в обоих случаях она расположена под тупым углом к нижней плоскости, иногда весьма значительным. Ударный бугорок крупный, занимающий иногда до половины нижней плоскости и несущий на себе один или несколько крупных изъянцев. В ряде случаев имеется на площадке характерный сосцевидный выступ в точке нанесения удара, которым отщеп был отделен от материнского кремня, и не менее характерные радиально расходящиеся от точки удара трещины и складки на нижней плоскости. На нескольких экземплярах наблюдается своеобразная форма ударного бугорка с переломом, резко отграничивающим его от остальной поверхности отщепа. Описывая эту форму ударного бугорка, А. Брейль сравнивает ее с раковиной гребеночника (bulbe en pétoncle) и отмечает типичность ее для клектонской техники (рис. 2, *№ 1,4*).

Вторичная обработка встречается относительно редко, причем ретушь не формирует рабочего края орудия, а лишь несколько сглаживает очертания массивного отщепа (рис. 2, *№ 2*), образуя скребущий или режущий рабочий край. Применяется, как прием вторичной обработки, для получения острого режущего края на массивном отщепе, и грубое стесывание, по приему мало чем отличное от скалывания отщепа с нуклеуса (рис. 2; *№ 5*).

Одним словом, отщепы с Фортепьянки, образуя однородную группу, несут все те признаки, которые отмечались мною как характерные для более ранней группы яштухских оббитых кремней,[2] и могут быть датированы как последние.

Нуклеусы в сборах на Фортепьянке представлены главным образом довольно правильными дисковидными экземплярами, диаметром 7—8 см, из которых я воспроизвожу здесь два (рис. 2, *№ 7* и рис. 3, *№ 3*), один из них — с негативом от сколотой с него узкой удлиненной пластинки. В меньшем числе они представлены не столь правильными, несколько вытянутой формы образцами (рис. 2, *№ 6*), очертания которых, видимо, определялись галькой, служившей исходным материалом для их изготовления. На приведенном рисунке нижняя сторона почти целиком сохранила выглаженную поверхность валуна.

---

[1] См. например, для Яштухского местонахождения, близ Сухуми, в моей работе „Палеолит Абхазии“, рис. 2, *№ 5* и рис. 8, *№ 4*; для наиболее ранних серий из Клектона: H. Breuil. Le Clactonien (Préhistoire, t. I), рис. 2, *№ 20* и рис. 5, *№ 40 и 41.*

[2] Указ. работа, стр. 20—21 и 23.

Интересно отметить наличие в составе находок на Фортепьянке двух грубых рубящих орудий (chopping-tool английских исследователей). Одно

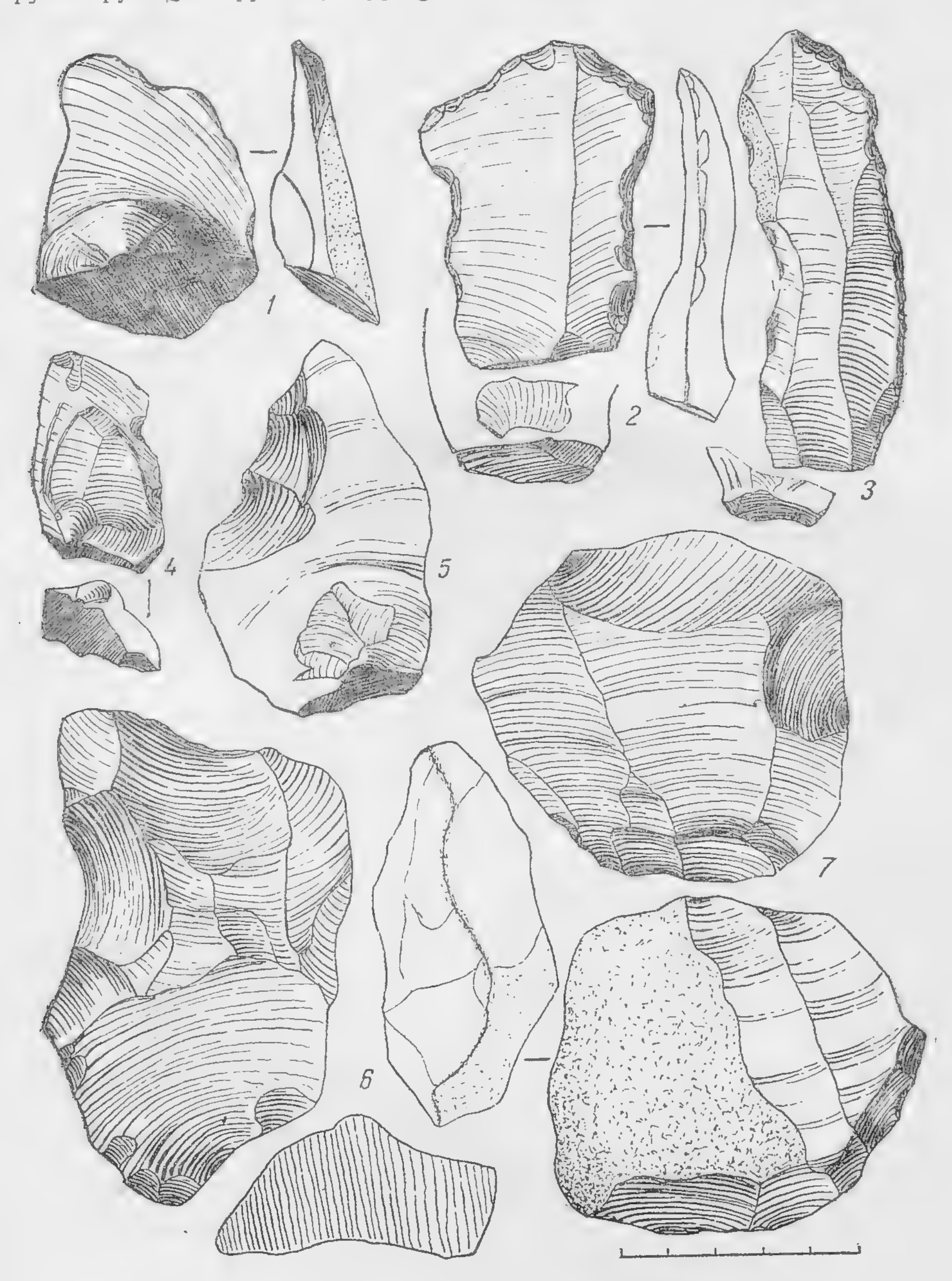

Рис 2. Речка Фортепьянка близ Майкопа.
Отщепы (*1—5*) и нуклеусы (*6, 7*).

из них (№ 5543-42), приготовленное из массивной гальки, округлых очертаний, диаметром 10—12 см, и сохранившее значительные участки

первоначальной окатанной поверхности, имеет очертания, сходные со скреблом. Рабочий край его, имеющий дугообразную форму, образован рядом последовательных сколов, наносившихся только в одном направлении. Помимо этих крупных сколов, по всему рабочему краю идет ряд мелких фасеток, представляющих, однако, уже не ретушь, а скорее следы длительного употребления как ударного орудия. Противоположная рабочему краю, тыльная часть орудия (рис. 3, *№ 2*) оставлена необбитой и образует массивную „пятку“

Совершенно сходные орудия из окрестностей Сухуми изданы мною в цитированной выше работе на рис. 10. Наряду с формой ручного рубила, эта форма была, видимо, достаточно устойчивой и широко распространенной.

Другое грубое рубящее орудие (рис. 3, *№ 1*), так же как и первое, приготовлено из массивной гальки табачно-желтого кремня и обработано крупными сколами. Но, в данном случае, обработаны обе поверхности, сколы наносились попеременно, то в одном, то в другом направлении; благодаря чему рабочий край образует ломаную, зигзагообразную линию. Противоположный край орудия оставлен необработанным и образует массивную пятку, зажимавшуюся при работе в руке. По очертаниям орудие приближается к грубому ручному рубилу. Можно не сомневаться, что повторные систематические сборы на Фортепьянке принесут нам и более совершенные, близкие к классическим западноевропейским образцам, экземпляры ручных рубил.

В сборах на Фортепьянке мы имеем, как я уже отмечал, набор оббитых кремней, с полным основанием могущий быть сопоставленным с наиболее ранней группой находок на Яштухе и других ранних местонахождений Абхазии.

Ценным является однородный, без примеси поздних форм, характер находок.

Домустьерский (по меньшей мере ашельский) возраст находок на Фортепьянке является несомненным. Детализировать датировку представляется пока преждевременным как по незначительным еще размерам произведенных здесь сборов, так и по отсутствию стратиграфических данных.

Не охарактеризованы наши находки и палеонтологически, но надо заметить, что с этой стороны продолжение исследований по нижнему палеолиту на Кубани и, в частности — в окрестностях Майкопа, дает богатые перспективы для разрешения последней задачи.

В то время как в Абхазии из за интенсивности почвенных процессов костные остатки ископаемых млекопитающих чрезвычайно плохо сохраняются и в настоящее время почти совершенно неизвестны, на Кубани палеонтологические находки четвертичного периода известны уже в большом числе и дают возможность выделять последовательные фаунистические комплексы. И если трудно рассчитывать, что в течение ближайших лет в Абхазии может быть накоплен достаточный палеонтологический материал, который мог бы быть связан с наиболее ранними палеолитическими

находками, возможности этого порядка для Кубани очевидны, и можно надеяться, что именно систематические исследования на северных склонах

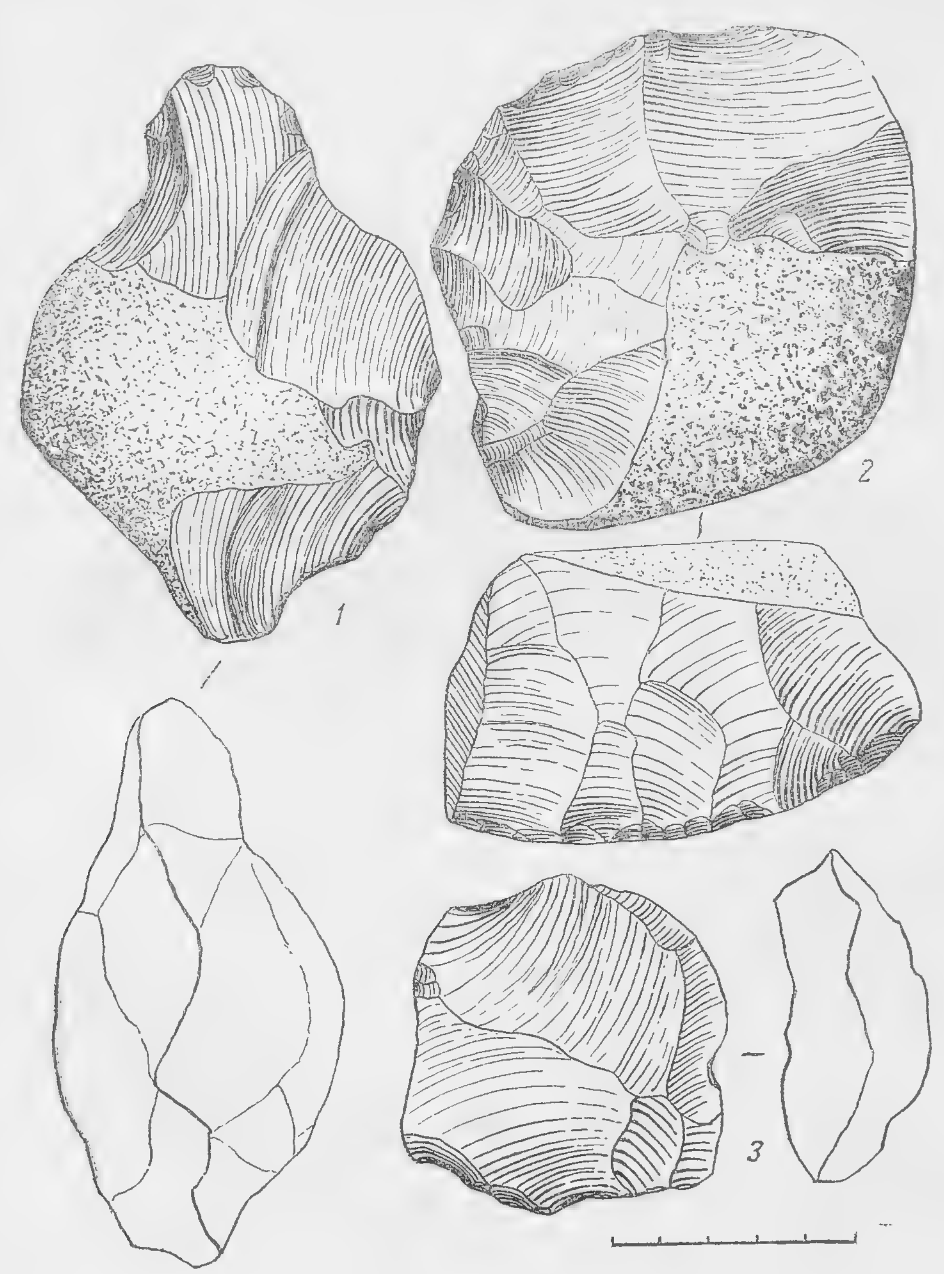

Рис. 3. Речка Фортепьянка близ Майкопа.
Грубые рубящие орудия (1, 2,) и дисковидный нуклеус (3).

Кавказского хребта доставят в недалеком будущем данные, которые позволят расчленить явно неодновременную, наиболее архаичную группу абхазских нижне-палеолитических кремней.

Возвращаясь к находкам по Фортепьянке, я хочу в заключение указать на необходимость при повторении сборов здесь поставить их более широко и, в частности, уделить внимание осмотрам по р. Ханке (приток Белой), речкам Дед и Лучка (притоки Курджипса), прорезающим ту же древнюю террасу недалеко от места описанных выше находок.

III. Станица Бакинская

Две следующих находки, которые здесь приводятся, относятся к собирательной деятельности уже не Майкопского, а Краснодарского музея и происходят из сборов Н. В. Анфимова, который ознакомил меня с ними во время своих приездов в Ленинград, в 1936 и 1938 гг.

Рис. 4 Станица Бакинская. Отщеп из роговика.

Первая из этих находок (единичный отщеп архаичного облика) была сделана Н. В. Анфимовым на р. Псекупсе, близ станицы Бакинской в 1934 г. Привожу с его слов сведения о месте и условиях находки.

Место находки расположено у переправы (брода) на дороге, идущей из Бакинской на хутор Прицепиловку. Переправа эта находится в расстоянии около 6 км (вниз по течению р. Псекупса) от станицы Бакинской и около 2 км от хутора Прицепиловки.

Обработанный первобытным человеком кремень был поднят в галечнике 1-й надпойменной террасы р. Псекупса, имеющей здесь высоту около 9 м и, по определению А. Л. Рейнгарда, имеющей вюрмский возраст.

Кремень безусловно был здесь во вторичном местонахождении, на что указывают как условия его залегания, так и фактура (следы сильной окатанности!).

По общему облику отщеп с Псекупса напоминает находки на Фортепьянке. Исходным материалом для его изготовления также служила галька табачно-желтого, непросвечивающего кремня (роговика?), небольшой участок заглаженной поверхности которой частично сохранился. Форма отщепа вытянуто-трехугольная. Верхний конец слегка обломан. Длина 7.5 см, ширина (в основании) 3.5 см, толщина 1.3 см (рис. 4), ударная площадка гладкая, без следов подправки, с характерным выступом в точке нанесения удара; ударный бугорок крупный, занимающий треть нижней плоскости отщепа. Вдоль правого края отщепа, почти на всем его протяжении, идет довольно небрежная ретушь, возможно, — следы употребления, фасетки которой почти совсем заглажены окатыванием.

Точная датировка этой единичной и случайной находки затруднительна. Нижне-палеолитический возраст ее является, на мой взгляд, несомненным, но я не решился бы настаивать на одновременности ее с находками на Фортепьянке.

Изделия подобного облика вполне закономерно встречаются и в инвентаре мустьерских стоянок, хотя бы в той же Ильской, и эта дата представляется мне не менее вероятной.

В этой связи считаю небезинтересным напомнить об известной находке из окрестностей Бакинской станицы, и повидимому где-то неподалеку от занимающего нас кремня (в 7 верстах ниже Бакинской), в обвале высокого берега Псекупса, черепа и некоторых других костей сибирского носорога (Rhinoceros tichorhinus),[1] которая в случае, если бы удалось доказать ее одновременность с находкой кремня, свидетельствовала бы в пользу последней датировки.

По последнему сообщению Н. В. Анфимова,[2] ему при посещении места первой находки в этом году удалось вновь подобрать „расколотую гальку со следами ударного бугорка и небольшими сколами по продольному краю, по форме несколько приближающуюся к мустьерскому скреблу". Здесь же им подобраны два фрагмента костей ископаемого быка (ближе не определимых).

Эти повторяющиеся находки позволяют рассчитывать при систематических поисках на обнаружение коренного местонахождения, возможно, стоянки, залегающей in situ.[3]

IV. Станица Смоленская

Четвертый пункт, на который мне хотелось бы обратить внимание исследователей, занимающихся ранними памятниками палеолита,—это находка в станице Смоленской на р. Афипсе. К сожалению, у меня не сохранились точные сведения об условиях находки. Сборы, произведенные здесь в 1937 г. Н. В. Анфимовым, сделаны, насколько помню, в выкиде земли при каких-то работах, связанных с эксплоатацией находящихся здесь небольших нефтяных промыслов, т. е. совершенно сходны с обстоятельствами находок, приведших к открытию ильской палеолитической стоянки, находящейся примерно в 20 км к западу отсюда. Повидимому, близкими будут и условия залегания остатков, что можно допускать

---

1 Тр. СКАНИИ, № 26, Краснодар, 1927, стр. 104.

2 В письме от 2 III 1947 г.

3 В. И. Громов (Тр. ГИН, вып. 64, М., 1948, стр. 52—57) сообщает сведения о целом ряде находок ранне-четвертичной фауны в окрестностях станицы Бакинской и хутора Прицепиловки. В числе их он указывает несколько видов оленей, быков, стенонову лошадь, южного слона и этрусского носорога (последний, видимо, указан на основании более точного определения упомянутой выше находки, хранящейся в Краснодаре). Эти интересные находки, места которых б. ч. точно известны, делают еще более перспективной постановку здесь специальных археологических поисков.

уже на основе чрезвычайной близости геологического строения местности в районе обеих находок.[1]

Не помню, были ли совместно с обработанными камнями найдены какие-либо костные остатки, но уже один тот факт, что на ограниченном участке был найден ряд каменных орудий, говорит с большой вероятностью о наличии здесь стоянки в ненарушенном залегании, культурный слой которой был затронут земляными работами.

Я имел возможность держать в руках шесть орудий из этой находки, привозившихся Н. В. Анфимовым в Ленинград в 1938 г. Привожу здесь рисунки их, выполненные тогда покойным Н. Н. Чернягиным (рис. 5).

И по материалу и по форме находки в Смоленской неотличимы от инвентаря Ильской стоянки. Как в этой последней, большая часть орудий, собранных в Смоленской (пять из шести), изготовлена из черного лидита, также собиравшегося первобытным человеком в виде некрупных галек, определявших и небольшой размер и, отчасти, форму орудий. Лишь один экземпляр (рис. 5, *№ 4*) изготовлен из плотного мелкозернистого кварцита серо-зеленого цвета с темными прожилками, придающими породе яшмовидный облик. Этот материал также имеется в Ильской стоянке. Следов окатывания на поверхности орудий не заметно, что еще раз указывает на залегание их in situ. Формы орудий из Смоленской являются повторением форм Ильской, Чокурчи и верхнего горизонта Киик-Кобы. Имеется здесь столь характерное для названных местонахождений миниатюрное орудьице (3.5 × 2 см) миндалевидной формы, обработанное крупными сколами, слегка асимметричное, односторонне выпуклое в сечении и повторяющее форму ручного рубила (рис. 5, *№ 1*)[1].

Интересный образец двусторонне обработанных по всей поверхности орудий, свойственных восточноевропейскому мустье, представлен на рис. 5, *№ 4*. При первом взгляде его хочется определить как трехугольный наконечник, но, присмотревшись внимательнее, легко убедиться, что рабочим краем его является та из двух более длинных сторон, которая имеет выгнутый дугообразный край, сходный по очертаниям с обычным мустьерским скребком, и оно является также орудием, предназначенным для скобления или резания. Рабочий выпуклый край оформлен более тщательно, имея и вторичную оббивку, тогда как противоположный край и основание обработаны грубыми, небрежными ударами, образующими ломаную линию.

Из четырех остальных орудий, воспроизведенных на том же рисунке, два (№№ 2 и 3) представляют небольшие скребла, причем, удлиненные очертания и массивность второго из них целиком зависят от формы гальки, из которой оно было изготовлено. Затем имеется один, довольно небрежной работы остроконечник (№ 5) и, видимо, заготовка для двусторонне обработанного орудия (№ 6), представляющая собой скол с гальки, на одной стороне целиком сохраняющей заглаженную ее поверхность,

[1] С. Чарноцкий. Геологические исследования Кубанского нефтеносного района, Листы Смоленский и Ильский, Тр. Геол. ком., Н. С., вып. 91, СПб., 1914.

а на другой — обработанной довольно крупными сколами, стремящимися выравнять, сделать плоской поверхность раскола и уменьшить массивность отщепа. Окончательная отделка орудия должна была завершиться нанесением ретуши, формующей рабочий край по стороне, сохранившей заглаженную поверхность гальки.

Одновременность Смоленского местонахождения с Ильской стоянкой достаточно определенно устанавливается на небольшом, но выразительном материале, который уже имеется отсюда.

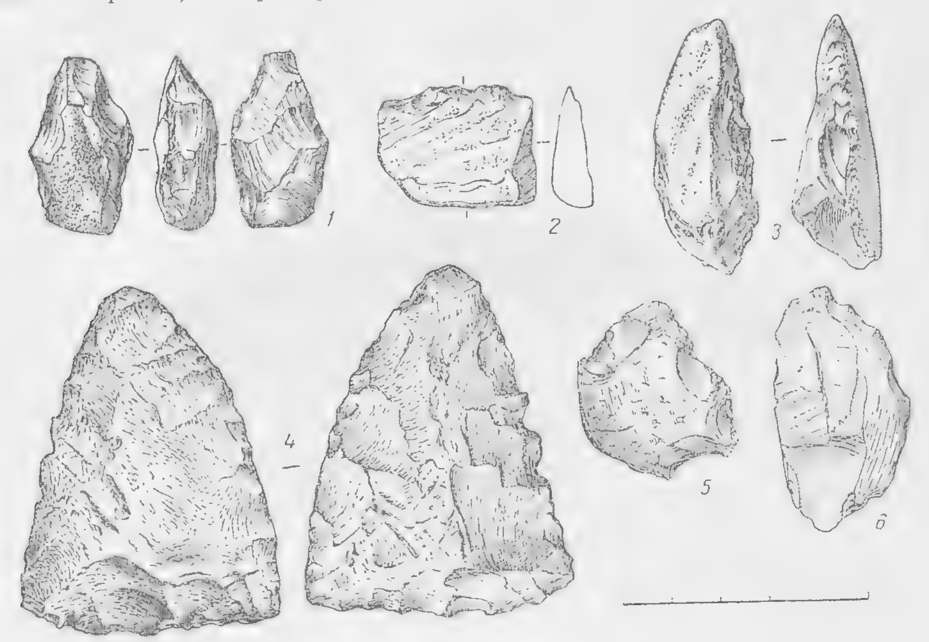

Рис. 5. Станица Смоленская. Орудия из черного лидита и кремня.

Раскопки в Смоленской являются одной из первых очередных задач при постановке систематических работ по изучению палеолита на Кубани.

* * *

Приведенные, хотя и немногочисленные пока, факты убедительно свидетельствуют о возможности плодотворно развернуть систематические исследования по нижнему палеолиту на Кубани.

В некоторых отношениях (например, возможности палеонтологической характеристики наиболее ранней группы памятников) эти исследования могут дать материалы, пока что полностью у нас отсутствующие. Наличными пока данными засвидетельствованы на Кубани открытые стоянки и местонахождения аллювиального типа (и те и другие — относящиеся к ранним эпохам палеолита), но наличие многочисленных пещер, еще совершенно не затронутых исследованием, в предгорной известняковой

[1] Об этой форме см.: Revue anthropologique, t. XXXIX, Paris, 1929, стр. 286—288.

полосе позволяет с полной уверенностью ожидать в недалеком будущем открытия и пещерных палеолитических стоянок в кубанских предгорьях, что несомненно доставит нам как памятники верхне-палеолитического времени, пока что на Северном Кавказе ни разу не отмеченные, так и многослойные памятники, стратиграфически документирующие последовательность развития палеолитической культуры (памятники столь немногочисленные еще у нас, но необходимость поисков и исследования которых настоятельно ощущается).

Все вышеуказанное достаточно убедительно, как мне думается, говорит о необходимости развертывания систематических работ по исследованию палеолита на Кубани, которые несомненно смогут сделать ее одной из важнейших территорий для познания наиболее отдаленного прошлого нашей страны.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
23	14 сн.	поневая	поневная
72	6 сн.	bebaı	bebıa
73	17 сн.	множество	могущество
110	6 св.	племен	племени
111	8 сн.	Умай, и усыпляй	Умай, усыпляй
143	15 св.	*tenctirum*	*tinctorum*
149	5 сн.	зуровой	суровой
187	14 сн.	Тюк д'Одбур	Тюк д'Одубер
200	15 сн.	также	та же
202	19 св.	крашениями	украшениями
203	15 сн.	произведены	воспроизведены
209	6 сн.	Park	Part
239	4 сн.	в 90-х годах IX в.	в 20-х годах IX в.
240	21 св.	с 430-х годов VI в.	с 30-х годов VI в.
244	4 сн.	Хухунера	Хухунора
265	23 сн.	a_2 — F	a_2 — F_2
266	17 св.	a_2 — D_3 — d_3	a_2 — D_4 и d_4
398	6 и 5 сн.	носовой кости	носовых костей

полосе позволяет с полной уверенностью ожидать в недалеком будущем открытия и пещерных палеолитических стоянок в кубанских предгорьях, что несомненно доставит нам как памятники верхне-палеолитического времени, пока что на Северном Кавказе ни разу не отмеченные, так и многослойные памятники, стратиграфически документирующие последовательность развития палеолитической культуры (памятники столь немногочисленные еще у нас, но необходимость поисков и исследования которых [illegible])

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Корректор *Г. А. Закс*

*

РИСО АН СССР № 3156. Подписано к печати 19 VII 1949 г. Печ. л. $31^1/_4$ + 2 вкл
Уч.-изд. л. $38^1/_8$. М-21976. Тираж 1500.
Зак. № 1408

1-я типография Издательства Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9 линия д. 12.

32 РУБ.